

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра истории, археологии и этнологии Абхазии

ИСТОРИЯ АБХАЗИИ

Курс лекций

Сухум
2021

УДК
ББК

Утверждено Учебно-методическим советом АГУ

Редакционная коллегия:

Авидзба А. Ф., д-р ист. н., проф. (ответственный за выпуск);
Ачугба Т. А., д-р ист. н., проф.; Бгажба О. Х., д-р ист. н., проф.;
Габелия А. Н., канд. ист. н., доц. (ответственный за выпуск);
Лакоба С. З., канд. ист. н., проф.; Нишанян Е. Р., Салакая С. Ш.,
канд. ист. н. (ответственный за выпуск); Цужба А. Х.

Главный редактор: Хашба А. М., канд. ист. н., доц.

История Абхазии (Курс лекций)/ Гл. ред. А. М. Хашба. – Сухум: Абхазский государственный университет, 2021. – 472 с.

Предлагаемое учебное издание составлено ведущими сотрудниками исторического факультета Абхазского государственного университета и включает лекции с древнейших времен до начала XXI в. Курс лекций по истории Абхазии можно назвать первым трудом подобного рода. Каждая лекция содержит список рекомендованной литературы, позволяющий студентам самостоятельно закрепить и углубить свои знания.

Рекомендуется студентам АГУ и всем интересующимся историей Абхазии.

Лекция № 1 (вводная)

Е. Р. Нишанян, А. Х. Цужба

План

1. История как наука.
2. Этапы развития отечественной исторической мысли.

1. История как наука

Слово «история» многозначно. В переводе с древнегреческого языка оно означает развертывание, расспрашивание, узнавание. В древности историей называли все виды познания окружающего мира. В современном языке в это понятие вкладывается различный смысл. Чаще всего под историей понимают рассказ, повествование, событие или происшествие. Но для нас особенно важны два значения слова «история»: 1) прошлое и все, что происходило в нём; 2) наука, изучающая прошлое.

Предметом исторической науки является изучение закономерностей развития человеческого общества. **Под объектом** изучения истории как науки принято понимать независимую от нашего сознания объективную реальность прошлого. Прошлое человечества – очень сложный объект для научного исследования. В истории велика роль **субъективного фактора**, необходимость тесно переплетена со случайностью.

Ученый-историк не соприкасается непосредственно с прошлым. Ему доступны лишь сохранившиеся фрагменты исторических явлений, сведения о них. Образ прошлого, воссоздаваемый историком, не является точной копией исторической реальности. Он всегда субъективен, частичен в своей полноте и относителен в своей истинности. Неудивительно, что выводы исторической науки почти всегда могут быть оспорены.

В исторической науке действует ряд основополагающих принципов.

- **Принцип историзма.** В его основе лежит неразрывная связь между прошлым, настоящим и будущим.

- **Принцип научности.** Историю часто сравнивают с искусством. Действительно, в историческом познании художественно-образное мышление играет значительную роль. Неудивительно, что древние греки считали историю музой. Они изображали музу истории Клио молодой красивой женщиной со свитком пергамента в руках. Однако подлинная образованность и интеллигентность нуждаются не в наборе увлекательных сюжетов и исторических анекдотов, а в системе научных доказательств.

- **Принцип детерминизма** (причинности, обусловленности исторических событий и процессов). Причинно-следственные связи являются своеобразным цементным раствором, скрепляющим конструкции исторических теорий. Учё-

ных в большей степени волнуют вопросы: «Как?», «Почему?» «По какой причине?», чем «Кто?» и «Когда?».

• **Исторический факт.** Исторический факт всегда существует в двух измерениях: как фрагмент исторической реальности и как знание о ней (факт науки). Исторический факт одновременно объективен и субъективен. Он не просто регистрирует событие прошлого, но обязательно содержит его интерпретацию. Многие факты, лежащие в основе исторических теорий, могут стать предметом дискуссий, что свидетельствует о сложности, противоречивости и бесконечности процесса познания прошлого.

• **Исторический закон.** Исторические законы действуют как тенденции. Для того чтобы эти тенденции реализовались, необходимо определенное сочетание конкретно-исторических условий. Поэтому историки не могут подобно астрологам предсказывать будущее. Научное изучение истории помогает избежать повторения прошлых ошибок. Но оно не дает готовых решений современных и будущих социальных и политических проблем.

• **Историческое время.** История не существует вне времени. Историческое время социально. Историческое время имеет свойство ускоряться и замедляться. В периоды войн, революций, реформ события развиваются стремительно. В периоды социально-политической стабилизации ход времени как бы замедляется. Словом «безвременье» мы называем периоды «застоя», которые характеризуются отсутствием ярких личностей и крупных исторических событий. Историческое время может двигаться не только вперед, но и «повернуть вспять». В истории эта черта исторического времени находит выражение в чередовании реформ и контрреформ. Историческое время всегда окрашено субъективным восприятием людей. Мы говорим: «Хорошие времена», «трудные годы».

• **Исторический источник.** Под историческим источником понимается памятник прошлого, содержащий информацию о нем. Чтобы воссоздать объективную историческую картину прошлого, ученые используют разнообразные типы источников: письменные, вещественные, изобразительные, звуковые. В настоящее время в научный оборот введен огромный объем письменных источников. Они и составляют основу большинства исторических трудов. Поиск и введение в научный оборот новых, не известных ранее источников – одна из основных задач ученых-историков. Однако еще более важным для настоящего исследователя является владение искусством источниковедческого анализа.

Прежде всего, исследователь должен осуществить внешнюю критику исторического источника, которая заключается в расшифровке и освоении текста, установлении его происхождения, авторства, времени, места, цели составления и проверке подлинности. Затем историк приступает к установлению полноты, достоверности и точности информации, содержащейся в источнике.

Этот этап работы называют внутренней критикой источника, или герменевтикой. Особенности исторических источников различных видов и приёмы работы с ними исследует специальная историческая дисциплина – источниковедение.

Таковы основные принципы и категории исторической науки. Однако изучение истории необходимо не только для формирования научного мировоззрения современного человека. Знание прошлого способствует воспитанию нравственности и патриотизма, то есть тех качеств, без которых невозможно становление гражданина. Только познавая историю своей семьи, родного города или села, своей страны и человечества, можно стать полноценной личностью.

Родина начинается с любви к ней. А любовь к Родине начинается с интереса к ее истории. Приобщаясь к святыням своих предков, человек обретает Родину.

2. Этапы развития отечественной исторической мысли

История Абхазии как учебный предмет неразрывно связана с историей как наукой, так как учебный предмет есть изложение основ науки. История Абхазии – составная часть научного абхазоведения, изучающая процесс становления абхазского этноса, формирование народа, пути и особенности его социально-экономического развития, внутри- и внешнеполитического положения страны в различные исторические периоды, развитие культуры – ее самобытный характер и степень воздействия на нее инородного влияния, взаимосвязь истории Абхазии с историческим прошлым народов Кавказа и всеобщей историей.

В изучении истории Абхазии можно выделить три периода:

- 1) досоветский;
- 2) советский – 1921–1991 гг.;
- 3) постсоветский – 1991 г. – конец XX века.

В дореволюционной Абхазии, являвшейся составной частью необъятной Российской империи, история родного края не была объектом и заботой государственной политики. Она развивалась благодаря деятельности небольшой группы энтузиастов, объединенных в кружки, отделы, комитеты, общества по интересам. Уже с начала XIX века к Абхазии проявляют интерес представители русской интеллигенции. Конец XIX века – важный период в российской науке, связанный с дальнейшим, более широким включением Абхазии в сферу общероссийских научных интересов. Неоценимый вклад в изучение края внес Петр Карлович Услар – военный инженер, лингвист и этнограф. П. К. Услар – один из крупнейших кавказоведов XX века, автор грамматических описаний абхазского, чеченского, аварского, лакского, даргинского, лезгинского и табарского языков. Сподвижником Услара в Кавказской историографии является Иван Алексеевич Бартоломей – генерал-лейтенант, известный нумизмат,

археолог, писатель. Своими трудами Бартоломей приобрёл европейскую известность. В 1860 г. ученый руководит работой комиссии, которая занималась составлением букварей, словарей, переводами священно-церковных книг на языки народов Кавказа.

Большой вклад в изучение Абхазии внес Адольф Петрович Берже – историк, археолог, кавказовед, член многих представительных научных обществ России и Европы. Именно он положил начало углубленному изучению вопроса махаджирства в работе «Выселение горцев с Кавказа», опубликованной в 1882 г. в «Русской старине». Неоценимый вклад в развитие кавказоведения внесли его исследования на посту председателя Кавказской археографической комиссии, где он активно способствовал обнародованию многочисленных материалов о Кавказе, опубликованных в 12 томах «Актов».

Нельзя не отметить также русского офицера, дипломата, писателя, разведчика, участника Кавказской войны Федора Федоровича Торнау.

Произведения Ф. Ф. Торнау явились несомненным вкладом в кавказоведение и стали настольными книгами как для профессиональных исследователей, так и для всех интересующихся историей и этнографией родного края.

В 1833 г. Абхазию посетил швейцарский ученый-археолог и натуралист Фредерик Дюбуа де Монперэ. Результатом многостороннего изучения Кавказа, населяющих его народов, их жизни и культурного наследия явился много томный труд «Путешествие вокруг Кавказа», изданный в Париже в 1839–1843 годах. Это первая научная работа, в которой описаны средневековые памятники архитектуры: Пицундский, Гагринский, Лыхненский храмы. Труд Дюбуа представляет собой большую ценность для специалистов, занимающихся изучением средневековой истории Северо-Западного Кавказа.

В 1838 г. прибыл в Абхазию для обследования архитектурных памятников Александр Давидович Нордман, ботаник и палеонтолог, и напечатал затем в Петербурге статью «Путешествие по Закавказскому краю». В ней он дает перечень 43 архитектурных памятников Абхазии с их кратким описанием, куда вошли Пицундский, Лыхненский, Илорский храмы и исторические объекты, заинтересовавшие Нордмана.

В 1847 г. Абхазию посетил академик М. И. Броссе. Результатом его исследования явился трёхтомный труд в форме отчетов.

В конце XIX – начале XX в. в связи с развитием краеведения в черте г. Сухума и других местах начали проводиться археологические раскопки, появилась публикация на эту тему (В. И. Сизов, П. С. Уварова, В. И. Чернявский и др.).

Поворотным событием в развитии кавказоведения и, в частности, в изучении археологии Абхазии явился Пятый археологический съезд, состоявшийся в Тифлисе в 1881 г.

Одним из известных любителей истории был Александр Николаевич Дьячков-Тарасов – известный археолог, этнограф, историк-кавказовед конца XIX – первых десятилетий XX в. Родился он в семье члена сухумской сословно-поземельной комиссии полковника Н. А. Дьячкова-Тарасова, служившего в Абхазии с 1867 по 1880 г.

В досоветский период, если не считать своеобразного обобщения и систематизации различных сведений по истории Абхазии, сделанных К. Мачавариани в «Путеводителе...» в 1913 г., описанию подлежали лишь отдельные факты по истории страны.

Победа советской власти в Абхазии в 1921 г. стимулировала абхазоведческие изыскания. Установление советской власти было воспринято в Абхазии как освобождение от чужеродного режима «демократической» Республики Грузия (1918–1921). Всю работу тогда координировало Абхазское научное общество (АБНО), образованное в 1922 г. В 1925 г. по инициативе Н. Марра была создана местная Академия. Вкладом в местную историографию является «История Абхазии» Д. И. Гулиа (1925), которая, несмотря на ошибочность тезиса об африканском происхождении абхазов, до сих пор представляет интерес по насыщенности материалов.

В 1931 г. статус Абхазии был понижен – из союзной республики она превратилась в автономную в составе Грузинской ССР. Но пока Нестор Лакоба пользовался расположением Сталина, закручивание гаек здесь происходило медленнее, чем в других республиках (например, темпы всеобщей коллективизации). Историческая наука Абхазии не ощутила на себе всей «прелести» двойного пресса тоталитарной системы, деформированной в местных условиях грузинским национализмом.

В 1931 г. на базе АБНО и Академии был создан Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований АНА), в котором открыли отдел истории, функционирующий по сей день. Отделом в разное время руководили: А. Фадеев, А. Мелихов, З. Анчабадзе, Ш. Инал-ипа, А. Куправа, Б. Сагария, С. Лакоба, О. Бгажба

В 30-е годы А. Фадеев (в будущем – зав. сектором феодализма Института истории АН СССР) впервые поставил и правильно решил ряд важных вопросов древней и средневековой истории Абхазии. В 40-е годы С. Джанашия также посвятил ряд ценных трудов тем же проблемам. Он был основоположником советской грузинской исторической школы, для которой характерно, с одной стороны, отличное знание первоисточников, с другой – порой небеспристрастное комментирование их. Тогда же И. Антелава в «Очерках истории Абхазии XVII–XVIII вв.» (1949 г.) исследовал довольно сложные взаимоотношения Абхазии с султанской Турцией, а также специфику местного «горского» феодализма, который наметился еще с начала эпохи Абхазского царства. Была налажена работа историков и в Сухгоспединституте им. Горького (ныне – АГУ), Госмузее, Го-

сархиве. Новый этап в абхазской исторической науке начинается после 1953 г. С этого времени делаются первые шаги по преодолению наиболее одиозных последствий культа личности. Несмотря на официальное осуждение культа личности и грубых нарушений национальной политики, всё ещё продолжали выходить монографии, учебники, статьи, в которых серьёзно искажалась история Абхазии. Наиболее характерным примером явился выход в свет в 1954 г. книги П. Ингороква «Георгий Мерчуле» – грузинский писатель XI века», в которой автор продолжал развивать свою теорию о том, что современные абхазы или, как называет их Ингороква, – апсуйцы, заселили Абхазию лишь 200–300 лет назад, а абхазы, упомянутые в более ранний период, это грузинские (мегрело-чанские) племена. И хотя эта теория была подвергнута обоснованной критике многими как абхазскими, так и грузинскими исследователями (З. В. Анчабадзе, Х. С. Бгажба, К. В. Ломтатидзе и др.), многие грузинские авторы неоднократно к ней возвращались с конца 80-х годов XX века с подачи так называемых неформалов. Эта теория вновь получает популярность, а в современной Грузии она едва ли не стала господствующей.

Наиболее весомый вклад в изучение истории Абхазии XIX – начала XX века внёс выдающийся абхазский историк Г. А. Дзидзария. Он являлся крупнейшим специалистом новой и новейшей истории Абхазии, при этом в сферу его научных интересов входили практически все стороны истории Абхазии данной эпохи. Ему были одинаково интересны вопросы присоединения Абхазии к России и установления советской власти, социально-экономическая история дореформенной Абхазии и вопросы формирования абхазской интеллигенции, проблемы махаджирства и исследования революционного движения и многие другие проблемы истории Абхазии XIX – начала XX века.

В 1955 году выходит его первая большая монография «Восстание 1866 г. в Абхазии». В этом фундаментальном исследовании автор использует документы, многие из которых были впервые введены им в научный оборот. Исследования Г. А. Дзидзария в области народного хозяйства и социальных отношений в XIX в. были обобщены учёным в докторской диссертации «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.)», которая была успешно защищена в Тбилиси в 1958 г. (Г. А. Дзидзария стал первым абхазом – доктором исторических наук). Эта работа Г. А. Дзидзария является одной из вершин абхазской исторической науки, своеобразным эталоном.

В 1960 г. вышел первый том «Очерков истории Абхазской АССР». Эта книга, написанная коллективом авторов, в который входили ведущие историки Абхазии, явилась первым обобщающим научным трудом, охватывающим историю Абхазии с древнейших времён до начала XX века. Работа имела важнейшее значение для своего времени и сохраняет большую ценность до сих пор (к сожалению, ныне является библиографической редкостью). Сам выход

книги был сопряжён с большими трудностями – против издания подобной работы выступали многие, главным образом в Грузии. Подобные околонучные инсинуации происходили тогда и с работами Р. Хонелия, Ю. Воронова, С. Шамба. Создаётся впечатление, что известное постановление за подписью М. Суслова относительно Абхазии действует и сегодня. Во всяком случае, книга Ю. Воронова «Колхида на рубеже Средневековья» увидела свет не в Москве, а в Сухуме через четверть века после того, как была принята издательством «Восточная литература».

В 1964 году вышел второй том «Очерков...». Его издание сопровождалось не меньшими трудностями, чем первый том. Книга посвящена в основном истории Абхазии советского периода.

Раннему этапу средневековья Абхазии в 60-е годы посвящены работы М. Гунба, Г. Амичба. Причем последний затем перевел все материалы грузинских письменных источников об Абхазии и абхазах.

В 70-е годы продолжалось глубокое и всестороннее изучение истории Абхазии XIX – начала XX века. В эти годы было издано несколько работ, внёсших огромный вклад в изучение истории Абхазии и по праву считающихся одними из наиболее выдающихся исследований в исторической науке Абхазии. Однако необходимо отметить, что, несмотря на это, практически историей Абхазии этого периода по-прежнему в основном занимался Г. А. Дзидзария.

В 1975 году вышла в свет главная книга Г. А. Дзидзария – «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», ставшая классическим трудом не только абхазоведения, но и всего кавказоведения. Это исследование отличается необычайной глубиной и размахом, охватывая почти все стороны истории Абхазии XIX века, начиная от ее присоединения к России и до конца столетия.

В 1976 г. в Москве в издательстве «Наука» вышла книга Г. А. Дзидзария «Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы». Автор полагает, что Лев Толстой читал записки Торнау и использовал их наряду с другими источниками для сюжета «Кавказского пленника».

В 1979 г. вышло в свет очередное капитальное исследование Г. А. Дзидзария «Формирование абхазской дореволюционной интеллигенции».

В середине 70-х годов вышла работа одного из крупнейших абхазских историков З. В. Анчабадзе «Очерк этнической истории абхазского народа» (1). В работе автор исследует процесс становления абхазского народа с древнейших времён до современного этапа. Исследователь считает абхазов коренным населением Западного Кавказа, в вопросах этногенеза он придерживается местно-миграционной теории, считая, что абхазский народ начал формироваться в результате слияния местного кавказского субстрата с пришедшими из Малой Азии племенами кашков, абешла и другими.

И хотя целый ряд положений автора вызывает споры и сомнения, в частности, вопросы формирования абхазской нации в эпоху становления капи-

тализма, некоторая двусмысленность в этнических границах и этнической ситуации в Абхазии, в целом работа получила высокую оценку и явилась ценным вкладом в изучение этногенеза и вообще этнической истории абхазов.

Интересно, что в том же году вышла в свет ещё одна работа по этнической истории абхазов, вызвавшая целую волну разноречивых откликов и многочисленные обсуждения. Это книга крупнейшего абхазского этнографа и историка Ш. Д. Инал-ипа «Вопросы этнокультурной истории абхазов» (1). Книга вызвала резкую отрицательную реакцию со стороны Тбилиси. Автор подвергся критике за национализм и лженаучные постулаты лишь потому, что посмел написать, исходя из сохранившихся данных, что древнейшим населением не только Абхазии, но и всего Западного Кавказа являлись предки абхазо-адыгов. При этом автор констатирует, что картвельские, а именно мегрело-чанские племена появились на Западном Кавказе гораздо позже.

Уже в послевоенные годы вышел в свет солидный труд Ш. Д. Инал-ипа «Садзы», являющийся крупнейшим исследованием этой обособленной и практически полностью исчезнувшей в результате махаджирства этнографической группы абхазов. В этой работе собран большой материал по истории садзов на основе ранее публиковавшихся работ и выявленных автором источников в различных архивах. К сожалению, Ш. Д. Инал-ипа не успел полностью завершить свой труд «Убыхи», над которым он много трудился в последние годы.

Определённый интерес представляют работы известного историка, археолога, краеведа В. П. Пачулия. В своих многочисленных книгах, статьях, буклетах, фотоальбомах, посвящённых самым разным периодам истории Абхазии, он сделал немало для пропаганды научных знаний, донесения до массового читателя различных аспектов истории, археологии, краеведения Абхазии.

В 1983 году вышла книга «История Абхазской АССР (1917–1937)» (3). Она была написана коллективом историков во главе с Г. А. Дзидзария (в авторский коллектив также входили А. Э. Куправа, А. А. Абшилава, Б. Е. Сагария, Г. П. Лежава). Книга задумывалась как первый том истории Абхазской АССР, однако продолжения не последовало.

Выход этой книги имел довольно большое значение для исторической науки и образования Абхазии, поскольку в неё вошли материалы, выявленные после выхода второго тома «Очерков...» (1964), и некоторое время она являлась как бы основным учебным пособием для изучения истории Абхазии этого сложного периода.

В 1986 году вышло в свет первое учебное пособие по истории Абхазии, написанное ведущими абхазскими историками З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария и А. Э. Куправа. Книга была подготовлена за несколько лет до этого, однако из-за многочисленных препон (даже название «История Абхазии» вызвало не-

довольство многих чиновников и учёных в Грузии) смогла выйти лишь в 1986 году, когда один из авторов (З. В. Анчабадзе) уже скончался. Книга имела очень большое научное, учебно-методическое, образовательное и даже общественное значение, так как являлась первым учебным пособием по истории Абхазии.

В середине 80-х годов XX века в СССР начался период «перестройки». В то время абхазским историкам пришлось противостоять жесткому идеологическому прессингу со стороны средств массовой информации Грузии, в котором особую активность проявляли грузинские историки. Так, М. Лордкипанидзе писала о «двуаборигенности» в работе «Абхазия и абхазы», на что позднее получила достойную отповедь в экспресс-очерке Ю. Воронова «Абхазы – кто они?».

Среди работ особое место занимает книга С. З. Лакоба «Очерки политической истории Абхазии». Несмотря на относительно небольшой объём, она произвела настоящий переворот в изучении истории Абхазии XIX–XX веков. В ней получили освещение многие закрытые ранее темы, а ряд известных событий и фактов – новую, часто диаметрально противоположную трактовку.

Значительный вклад в разрешение проблем, ранее закрытых для изучения, сыграли и другие абхазские историки. Среди них можно отметить целый цикл работ известного абхазского учёного, доктора исторических наук, академика Б. Е. Сагария. В них, в частности, говорится о переселении в Абхазию грузинского населения в годы меньшевистской оккупации, о границах Абхазии в этот период, а также об изменении статуса Абхазии под давлением Тбилиси в 20–30-е годы XX в., о массовых репрессиях и т. д. Эти и последующие работы известного учёного внесли немалый вклад в ликвидацию «белых пятен» в истории Абхазии.

В начале 90-х годов были написаны несколько работ выдающимся абхазским историком и этнографом Ш. Д. Инал-Ипа, внесшим большой вклад в абхазскую науку. Его исследование «Зарубежные абхазы» имеет огромное значение для изучения вопросов, связанных с исследованием абхазской диаспоры с начала XIX до конца XX века (2).

Перед самой войной вышли первые экземпляры книги Ш. Д. Инал-Ипа «Ступени к исторической действительности», в которой автор приводит сведения источников XV – начала XX в. об этнической ситуации в Абхазии (2). К концу советского периода был защищен ряд кандидатских диссертаций, выходящих из рамок контекста истории Грузии (И. Агрба, Г. Гумба, В. Бутба). Кандидатская диссертация В. Бутба недавно посмертно была издана.

В 1991 году вышло в свет второе по счёту учебное пособие «История Абхазии» (1), подготовленное группой ведущих научных сотрудников АбНИИ под редакцией С. З. Лакоба. Выход этой книги стал знаковым событием в научной и общественной жизни Абхазии того времени. Написанная в острый политический момент, «История Абхазии» стала книгой огромного не только научно-

го, но и общественно-политического значения. Свободная от идеологических рамок, работа впервые была написана без оглядки на Москву и Тбилиси. В ней была показана древняя история абхазского народа, разрушались многие догмы, утверждавшиеся десятилетиями в науке с подачи Тбилиси.

Уже во введении «Происхождение абхазского народа», написанном крупными специалистами В. Г. Ардзинба и В. А. Чирикба, была открыта новая страница в разрешении вопроса этногенеза абхазов. Здесь не только постулируются абхазо-адыгское единство и общность кавказской семьи языков, но и впервые за многие годы констатируется, что господствовавшее в советской науке положение об единой иберийско-кавказской семье языков, а следовательно, и общем происхождении картвельских народов, не имеет серьёзного научного обоснования.

В 1992 г. вышла в свет книга, получившая широкую известность не только в научных кругах, но и среди широкого круга читателей. Это сборник документов «Абхазия: документы свидетельствуют» (составители Б. Е. Сагария, Т. А. Ачугба, В. М. Пачулия) (1). Книга вызвала широкий общественный резонанс, потому что, опираясь на архивные материалы, показала страшные для Абхазии последствия сталинско-бериевского режима: репрессии против абхазского народа и переселение грузинского народа.

Поступательное развитие абхазской исторической науки было прервано грузино-абхазской войной 1992–1993 годов. Среди неисчислимых бедствий, которые принесла война народу Абхазии, не последнее место занимает ущерб, нанесённый абхазской науке, в том числе и исторической. Конечно, это прежде всего гибель людей, среди которых были такие учёные-историки, как Виталий Бутба, Мушни Хварцкия, Владимир Анцупов, Лаша Когония, молодой историк, убух по происхождению, Сергей Хамит и многие другие.

Колоссальный ущерб исторической науке Абхазии нанесло сожжение Центрального Госархива Абхазии и АбНИИ. В огне пожара погибли уникальные документы и материалы, большую часть которых невозможно восстановить.

В послевоенное время абхазская наука, в том числе и историческая, начала возрождаться. Уничтожение архива и книгохранилищ грузинскими оккупантами привело к резкому сужению исследовательской базы внутри Абхазии. Тем не менее, появились новые исследования, которые были свободны от идеологического и политического давления, в первую очередь со стороны Тбилиси.

Были изданы книги Г. Амичба, Е. Аджинджал, Д. Дбар, Д. Чачхалия, посвященные истории, культуре, христианской идеологии в раннесредневековой Абхазии.

Изучением российской периодической печати об Абхазии и абхазах в конце XIX – начале XX в. и темой кавказской диаспоры успешно занимается Р. Гожба.

Следует отметить книгу А. Куправа о народных сходах Абхазии как отдельном, но судьбоносном общественно-социальном институте. Ему также принадлежат такие исследования, как «Абхазская антропонимия», биографо-библиографические работы о целом ряде ведущих абхазских историков и т.д.

Фальсификации истории Абхазии посвящен сборник статей М. Хварцкия.

Вышло несколько книг Ю. Воронова: «Белая книга» – о военных преступлениях Госсовета Грузии на территории Абхазии, энциклопедическая «Древняя Апсилия» и др.

Появились работы и по историографии истории XIX–XX вв. Абхазии (И. Дамения, М. Куправа, С. Салакая).

Ряд публикаций был посвящен взаимоотношениям Абхазского царства с Аланией, Хазарским каганатом и т. д. (И. Агрба, О. Бгажба и др.).

Среди работ можно отметить ряд исследований С. З. Лакоба – «Асланбей» и «Ответ историкам из Тбилиси».

Большой вклад в изучение истории Абхазии XIX века, особенно по вопросам этнической истории, внёс Т. А. Ачугба. Среди них можно выделить такие исследования, как «Этническая «революция» в Абхазии», «К обоснованию государственной независимости Абхазии», «О проблемах национального самосознания населения юго-восточной Абхазии», «О национальном составе Абхазии. Вторая половина XIX – начало XX века» и другие.

Как уже отмечалось выше, в 1995 г. было издано большое историко-этнографическое исследование выдающегося абхазского этнографа Ш. Д. Инал-Ипа «Садзы». К сожалению, уже после смерти учёного вышло в свет его очень интересное исследование «Антропонимия абхазов».

Недавно вышел в свет третий том собрания сочинений крупнейшего специалиста по истории Абхазии XIX – начала XX века Г. А. Дзидзария, в который вошли его не изданные ранее работы.

Серьёзный интерес представляют исследования И. Р. Марыхуба, содержащие богатый фактический материал, в том числе и из личного архива автора. Хотя основной интерес исследователя сосредоточивается на советском периоде, однако в его работах содержится ряд документов и по интересующему нас периоду.

Также большой интерес представляет исследование этнодемографических процессов в Абхазии в XIX в. в работе Л. И. Цвижба.

В. Л. Бигвава подготовил учебное пособие по истории Абхазии на абхазском языке. М. Б. Квициния составила «Ключ» истории Абхазии» (1991).

Прорывом на международную арену явилась книга «The Abkhazians» («Абхазы»), изданная под редакцией Джорджа Хьюитта.

В Москве издано обширное историко-этнографическое исследование «Абхазы». Историческая справка в этой коллективной монографии написана академиком О. Х. Бгажба. В 2007 году издана также монография О. Х. Бгажба и

С. З. Лакоба «История Абхазии». В ней авторы дают целый ряд новых, иногда вызывающих споры, трактовок исторических событий. К числу работ, которые вышли в свет в начале XXI века, можно отнести труды А. Ф. Авидзба «Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.)» (2013), А. Агумава «Старый Сухум: архитектура Сухума на рубеже XIX – XX вв.» (2016), А. Н. Габелия «Абхазия в преантичную и античную эпоху» (2014), Н. В. Касландзия «Генезис и становление Абхазского царства» (2017), В. М. Пачулия «Абхазия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (2015), С. Ш. Салакая «История и историография Абхазии» (2018) и т. д.

В АГУ функционирует кафедра истории, археологии и этнологии Абхазии (ею руководили З. Анчабадзе, А. Куправа, Г. Амичба, ныне – А. Хашба). На всех факультетах читается курс лекций по истории Абхазии на русском и абхазском языках.

Литература

1. Алексеев В. В. Теория и методология истории. М., 1984. Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. Сухуми, 1960.
2. Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1986.
3. Бгажба О. Х. Изучение истории Абхазии в XX в. (В сб. «Кавказ: история, культура, традиции, языки»). Сухум, 2004.
4. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. Сухум, 2007.
5. Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979.
6. Салакая С. Ш. Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX в. Сухум, 2009.

ПЕРВОБЫТНООБЩИНСКИЙ СТРОЙ

План

1. Понятие о первобытнообщинном строе.
2. Дородовая община: памятники ашельских и мустьерской эпох.
3. Родовая община: памятники верхнего палеолита, мезолита и неолита на территории Абхазии.
4. Разложение родовой общины: эпоха энеолита и бронзы.

1. Понятие о первобытнообщинном строе. Первобытнообщинный строй – первая в истории человечества общественно-экономическая формация. Охватываемое время от появления первых людей до возникновения классового общества и по археологической периодизации совпадает в основном с каменным веком. Характерной особенностью для первобытнообщинного строя было то, что все члены общества находились в одинаковом положении, единым для всех был способ получения доли общественного продукта, поэтому его называют ещё и «первобытным коммунизмом». В ту эпоху ещё не было частной собственности, классов и государства. Это был самый ранний период становления человека и общества. Многие учёные этот период называют «первобытным человеческим стадом». Люди питались лишь тем, что давала сама природа. Поэтому основным занятием людей было собирательство, охота (коллективная) и рыболовство.

По мнению некоторых учёных, эпоха «первобытного человеческого стада» совпадает с ранним палеолитом, который длился в Абхазии приблизительно более полутора миллиона лет. Весь этот период был бесписьменным, поэтому он восстанавливается, главным образом, на материалах палеоантропологии, археологии и этнографии. В целом учёные признают коллективистский характер первобытнообщинного строя, но по целому ряду более конкретных вопросов расходятся. Например, согласно одной из них, «первобытное человеческое стадо», в котором господствовал промискуитет (неупорядоченность половых отношений. – Ю.А.), позднее превратилось в материнский род, который и был первой формой бытия сформировавшегося общества. В силу экзогамии (запрет брака внутри рода. – Ю. А.) род не мог существовать вне связи с другими. Возникновение рода – это одновременно и появление системы и порядков в браке, т. е. вместе с родом возникает и брак, который в своей исходной форме был групповым и дислокальным

(раздельное поселение супругов. – Ю. А.). Другие учёные полагают, что брак был матрилокальным, т.е. материнский род и община с самого начала совпадали полностью. Долгое время род оставался материнским до накопления богатства и перехода их в частное владение отдельных семей. Эти факторы способствовали возникновению отцовского рода. Род никогда не имел экономических функций, его роль сводилась преимущественно к регулированию брака. Основной экономической единицей становится община, состоявшая из представителей многих родов.

Слабость людей в борьбе с природой особенно сказывалась на ранних стадиях. Расселение людей – архантропов – было невелико, ограничивалось районами с тёплым климатом. Таким регионом считается и Черноморское побережье Кавказа, в том числе и современная территория Абхазии. Ведущим занятием людей оставались собирательство и охота, в том числе коллективная, на крупных животных. Оружием служили деревянные копья и дубины, камни. Большую роль играло собирательство. Люди тогда уже пользовались огнём, но ещё не умели его добывать.

Ранний палеолит характеризовался эпохой «первобытного человеческого стада» – временем становления социальных отношений вообще и первобытного коллектива, когда уровень производительных сил был таким, при котором продуктов добывалось не больше, чем было необходимо для обеспечения физического существования людей, т. е. он был жизнеобеспечивающим, но не более того, фактически не было избыточного продукта, поскольку хозяйство было присваивающим.

Радикальные изменения претерпела техника обработки камня с переходом к позднему палеолиту. В эту эпоху возник весьма богатый и разнообразный набор специализированных орудий – резцы, тёсла, ножи, пилки и т. д., развивалась техника обработки кости и рога, появились составные орудия – копья, дротики, гарпуны с кремневыми и костяными наконечниками. Всё это способствовало росту производительности хозяйства, которое оставалось присваивающим.

С появлением минимального избыточного продукта возникла возможность обмена между членами разных коллективов, которая в этнографической литературе именуется дарообменом. Суть дарообмена заключалась в создании связей между индивидами и коллективами. С началом появления обмена продукт постепенно превращается в товар. В этот период никаких органов власти внутри коллективов не существовало. Единственным регулятором поведения людей являлась воля коллектива.

Характерным для этого периода истории было равноправие мужчин и женщин. Для всех коллективов одного племени была характерна общность языка и культуры. Несомненно существование в позднем палеолите религии в форме магии, тотемизма и анимизма.

Производство медленно, но развивалось, совершенствовалась техника обработки камня, кости, рога. Уже в мезолите начали распространяться лук и стрелы. К этому времени относится одомашнивание первых диких животных. В свою очередь, развитие обмена способствовало утверждению трудового способа распределения. Соответственно сокращалась доля общественного продукта, подлежащая уравнительному распределению.

Парцелляризация труда имела своим неизбежным следствием утверждение индивидуальной собственности наряду с общинной. Избыточный продукт начал в своей массе сосредотачиваться в руках немногих лиц, что создавало условия для появления зародышевых форм эксплуатации. Усложнилась структура общин, они состояли из обособленных подразделений. Укрепились связи между ними, наблюдалось их объединение, которое часто оформлялось как союзы родов. Эти объединения именуется уже племенными. Численность их могла достигать несколько тысяч человек. Племя имело уже определённую внутреннюю организацию. Появились должности вождей и старейшин. Они становились наследственными. Переход ко второй фазе первобытнообщинного строя произошёл ещё в эпоху господства присваивающего хозяйства. Достичь её могли лишь те охотники, рыболовы и собиратели, у которых были наиболее благоприятные природные условия, остальные же оставались на прежней стадии развития. Археологические и этнографические данные свидетельствуют о том, что переход к земледелию и скотоводству в ряде мест произошёл ещё в мезолите, в IX–VII тысячелетиях до н. э. К V тысячелетию до н. э. новая форма хозяйства утвердилась уже во многих районах земного шара – в Юго-Западной Азии (Анатолия, Иран, Сирия), Африке (долина Нила), Центральной Европе.

Переход к земледелию и скотоводству был крупнейшим переломом в развитии производительных сил человечества. Эта была целая революция. Если человек раньше лишь присваивал при помощи созданных им орудий пищу, которую находил в готовом виде в природе, то теперь поставил под свой контроль некоторые природные процессы. Человек начал производить пищу, что создало условия и для сравнительно быстрого роста населения. Все это обеспечивало регулярное производство избыточного продукта, сделало возможным, а в дальнейшем и неизбежным переход от доклассового общества к классовому. Само становление классового общества было длительным, сложным и противоречивым процессом: община постепенно превращается в систему всё более обособляющихся друг от друга домохозяйств; парная семья трансформируется в моногамную (единобрачие. – Ю. А.); начинается выделение ремесла, что способствует ещё большему развитию товарообмена, усугубляется неравенство. Получают развитие рабство, различные формы кабальной зависимости; свободное население всё в большей степени расслаивается на богатое и знатное меньшинство, иногда именуемое родовой аристократией;

постепенно формируется частная собственность; зарождаются и обостряются социальные антагонизмы; начинается становление государства; всё более возрастающую роль приобретают войны с целью грабежа. Одной из форм, в которой это происходит, является военная демократия. Всё это способствовало формированию сравнительно крупных этнических общностей – на базе объединения племён возникают народности. Первой формой идеологии становится религия.

Процесс становления первых классовых обществ завершился в долинах крупных рек: шумерская – в междуречье Тигра и Евфрата, египетская – в долинах Нила. Появление классовых обществ по всему земному шару было связано со временем распространения металлов.

Таким образом, первобытнообщинный строй был самым длительным по времени (более миллиона лет) этапом истории человечества. За последнее время в результате исследований найденных останков человека на территории Африки установлено, что появление человека можно отнести к 2,5 млн лет назад. Из всех периодизаций первобытнообщинного строя наиболее важна археологическая, основанная на различных материалах и технике изготовления орудий труда. Известное уже деление древнейшей истории на три века – каменный, бронзовый и железный – получило научную разработку в XIX – начале XX в., когда были в основном типологизированы эпохи и стадии этих веков. Каменный век начинается с древнекаменного – палеолита, в котором большинство учёных выделяет эпохи раннего – нижнего, среднего и позднего – верхнего палеолита. Заключительная эпоха каменного века – новокаменный век – неолит. Для большей части ойкумены нижний палеолит закончился приблизительно 100 тыс. лет назад, средний палеолит – 45–40 тыс., верхний палеолит – 12–10 тыс., мезолит – не ранее 8 тыс. и неолит – не ранее 5 тыс. лет назад. Бронзовый век длился до начала I тысячелетия до н. э., когда начался век железа. Последний продолжается и в наши дни.

В эпоху первобытнообщинного строя произошло становление человека современного типа – Homo Sapiens. За это время человечество прошло три основных этапа: древнейшие люди – архантропы; первобытные люди – палеоантропы; современный человек. Так выглядят основные этапы развития человека, т. е. антропогенез. О человеке можно говорить с того времени, как он изготовил первые орудия труда и тем самым стал активно воздействовать на природу. В этом коренное отличие человека от животных. Трудовая деятельность человека была сознательной, связанной с абстрактным мышлением, она была обусловлена уже не биологическими, а социальными законами – законами общества. Таким самым ранним обществом было первобытное стадо. Уже синантропы были среднего роста и имели устойчивую походку, изготавливали орудия труда, умели пользоваться огнём, жили в больших пещерах.

Каждая большая раса – европеоидная, негроидная и монголоидная – имеет характеризующие её признаки: строение лица, цвет кожи, волос, пигментация глаз и т. д. Они являются признаками приспособительного характера, выработанными исторически, в результате приспособления к конкретной среде обитания и изоляции, имевшей место в прошлом.

2. Дородовая община: памятники ашельских и мустьерской эпох. Благоприятные природно-климатические условия в Закавказье, в том числе на современной территории Абхазии, способствовали развитию человеческого общества с древнейших времён. На территории Абхазии обнаружены следы обитания человека древнекаменного века – палеолита. Так, большая группа ашельских стоянок человека была найдена в Абхазии в 1930-х гг.: Колхида (близ Гагры), Анухва, Эшера, Сухум, Яштхуа, Бырцха, Апианча, Гвада, Отап, Гал. Расположение этих стоянок позволяет утверждать, что обитавшие здесь люди селились преимущественно по берегам (азыцшахца). Эти стоянки в большинстве своём находились недалеко от моря, но тяготели к устьям рек, впадающих в море. Следует отметить, что ашельские стоянки в Абхазии были расположены на самой высокой и древней террасе, возвышающейся над уровнем моря на 80–110 м. В ту эпоху уровень Чёрного моря был примерно на 60 м выше современного.

Наиболее характерным и изученным ашельским памятником Абхазии является Яштхуская стоянка, расположенная в 3 км к северу от Сухума. Площадь её составляет около 70 га, вся она – грандиозная мастерская по изготовлению орудий труда. Здесь найдено большое количество обработанных кремней (ашьянца), состоящих из значительного числа грубых массивных кремневых отщепов и рубил.

В то время весь Кавказ покрылся ледниками, языки которых достигали среднегорных долин, например, в Цебельде ледник лежал на высоте всего 300 метров над уровнем моря. В послеледниковую эпоху потеплений предгорья и ущелья Абхазии вновь были заселены людьми, создавшими здесь особый вариант мустьерской (от названия деревни Ля-Мустье во Франции, где были впервые обнаружены соответствующего типа орудия труда) или среднепалеолитической культуры.

Следы обитания человека этой эпохи в Абхазии обнаружены в селениях Келасур, Багажиаштта, Хуап (Мачагуа), г. Очамчыра. Местонахождения с мустьерскими материалами являются многочисленными. Например, в Абхазии уже найдено более 100 пунктов, где был засвидетельствован палеолит, в основном орудия мустьерского периода, причём они залегали выше ашельских пластов.

Основным занятием мустьерцев на территории Абхазии были собирательство и охота. Собирательством в основном занимались женщины, охотой – мужчины. В это время люди научились делать составное охотничье оружие – рогатины, копья, дротики.

В мустьерский период, продолжавшийся несколько десятков тысяч лет и закончившийся около 40 тыс. лет назад, всё большую роль в жизни людей начинают играть пещеры (ахапы) – естественные укрытия в известняковых скалах, существующие во множестве в предгорной зоне Абхазии.

В эту эпоху начинают появляться женские статуэтки, являющиеся свидетельством существования культа женского божества, в основе которого, вероятно, была заложена идея о женщине-прародительнице, связанная, в свою очередь, с представлениями о материнском начале всего женского рода.

В мустьерский период произошли крупнейшие общественные изменения. В этот период происходит переход от первобытной дородовой общины к родовой. Формирование его завершается в эпоху верхнего палеолита. Род (по-абхазски – ахылтшътра) – форма существования доклассового происхождения, характеризующаяся общностью хозяйственной жизни. Род тогда был материнским, в соответствии с ролью и положением, которые занимала мать, женщина вообще. В общине постепенно возникает и усиливается разделение труда между женщинами и мужчинами. Вместо первобытного собирательства на первое место выдвигается охота – ашъарыцара, в том числе коллективная, на крупных животных.

3. Родовая община: памятники верхнего палеолита, мезолита и неолита на территории Абхазии. Следующий археологический период – верхний палеолит – охватывает время приблизительно от 40 до 14–12 тыс. лет назад. В Абхазии известно более 40 стоянок, относящихся к этому периоду. Это Лечкоп и Михайловская пещера близ Сухума и др. В период мезолита техника приготовления каменных орудий в Абхазии достигла новых успехов. Большой интерес в этом отношении представляют находки из Хупынипшахва из Цебельды, на берегу р. Кодор. Найденные здесь мелкие пластинки приспособлялись к костяным и деревянным орудиям и употреблялись в качестве вкладышей-лезвий. Многие из них служили наконечниками стрел. Появление лука и стрелы значительно улучшило результат охоты, благодаря чему дичь стала постоянной пищей, а охота – одним из важных средств добывания пищи.

Важные находки позднего неолита в Абхазии обнаружены в селе Кистрик близ Гудауты. По количеству и богатству разнообразных форм орудий Кистрик является одним из наиболее выразительных неолитических памятников всего Кавказа. Здесь найдены каменные топоры, зернотёрки, мотыги различных типов, тёсла, долота, остроконечники, грузила, ножевидные пластины, скребки, резцы, проколки, свёрла и т.д. На селище найдены также орудия из кости, например, костяное шило. Здесь прослеживаются следы пиления камня и зачатки сверления. Создательницей и носительницей этой археологической культуры являлась развитая матриархально-родовая община. Население занималось рыбной ловлей, обработкой земли, охотой, шили одежду, изготавливали керамическую посуду.

О существовании матриархата и матриликального поселения у абхазов свидетельствуют не только этнографические материалы, религиозные верования и фольклор, но также специальные помещения (амщара) для брачной пары, строившиеся первоначально на территории родственной группы жены, исключительная роль и почёт дяде по матери и др.

В эпоху неолита, т. е. в VI–V тысячелетиях до н. э. люди изобрели глиняную посуду, стали переходить от присваивающего хозяйства к производящему, появляются первые домашние животные и распространяется земледелие. Изобретательницей земледелия явилась женщина. Оно возникло из собирательства. Это обстоятельство привело к значительному повышению социальной роли женщины в обществе. Неслучайно поэтому, что одной из самых характерных черт древнеабхазской религии было олицетворение многих явлений природы в образе божеств женского пола, большинство из них генетически восходят к матриархату. Даже название земли «анышь» в основе имеет понятие «ан». Отсюда богиня земли и плодородия мыслилась в образе женщины. В период созревания урожая абхазы до сих пор проводят моления «нанщъа» в честь великой матери плодородия – Земли. Материнский счёт родства нашёл отражение в этнографических пережитках у абхазов, например, в образовании таких фамильных имён, как Нанба, Айба, Ануа, Инапха и др. Фамилия Инапха, где окончание «пща» означает – дочь, а Ануа – «ан» – мать, «уа» – люди, по некоторым абхазским преданиям, считается самой древней в Абхазии.

Матриархальное общество представляло собой классическую форму родового строя. Первобытнообщинные отношения – это общая собственность, коллективный труд и коллективное распределение, полностью сохранили свою социальную значимость. На следующем этапе материнский род постепенно начинает уступать место более высокой ступени первобытных общинных отношений – патриархальному роду. Причина перехода от матриархата к патриархату достаточно хорошо известна. В руках у мужчины оказываются не только охота и животноводство, но и плужное земледелие – ацагэара.

4. Разложение родовой общины: эпоха энеолита и бронзы. Период перехода от матриархата к патриархату совпадает с энеолитом, т.е. переход от каменного века к бронзо-каменному. Этот переходный период был сравнительно непродолжительным – конец IV – середина III тысячелетия до н. э. Эта эпоха начинается с момента изготовления медных изделий путём холоднойковки и заканчивается изобретением горячего литья, а затем бронзы. Металлические изделия имели преимущества, например, медный топор, по меньшей мере, был вдвое производительнее, чем каменный. Его можно было, наточив, вторично использовать, каменный был лишен этого.

На территории Абхазии изучено более десяти энеолитических памятников, наиболее известными среди них являются по реке Псоу и в селе Мачара. Эта

эпоха характерна появлением металлических орудий (медь) и расцветом земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Основой воспроизводящего хозяйства были земледелие и скотоводство. По-видимому, можно говорить пока лишь о мотыжном земледелии на лесных полосах и прибрежных песках. Важное место в селище занимало и рыболовство, объектом ловли были камбала и дельфины. Население также занималось ткачеством, о чём свидетельствуют найденные здесь пряслицы. Религиозные верования эпохи развитого матриархата полностью сохраняли свою силу. С развитием скотоводства мог возникнуть культ домашних животных. Аналогичное положение обнаруживается и в других пунктах Черноморского побережья Абхазии.

Со второй половины III тысячелетия до н. э. в Закавказье начинают использовать орудия из бронзы (ацъаз), представляющей собой сплав меди с оловом. Они были значительно твёрже и острее медных. Кроме того, бронза плавится при температуре более 700 градусов, а медь – более 1 083 градуса. Это, в свою очередь, облегчает литьё бронзовых изделий. Однако бронзовые орудия не смогли полностью вытеснить каменные. Тем не менее, ведущими орудиями отныне становятся всё же бронзовые, поэтому в истории человечества наступает новая археологическая эра – бронзовый век.

На территории Закавказья, в частности в Абхазии, имелись благоприятные условия для возникновения и развития металлургической техники. Этому способствовало, с одной стороны, наличие залежей цветных металлов на Кавказе, а с другой – оживленные связи со странами Ближнего Востока, на что указывают формы и стилистические особенности некоторых наиболее ранних медных и бронзовых изделий. Таким образом, Абхазия – один из древнейших очагов бронзовой металлургии Кавказа. Так, Башкапсарские медные рудники в верховьях р. Бзыбь функционировали с конца III – до конца II тысячелетия до н. э. Археологами здесь выявлено 13 объектов, среди которых вертикальные шахты и горизонтальные многоярусные штольни с боковыми камерами.

В связи с выявлением древних рудников в горах Абхазии представляет интерес металлургическая терминология на абхазском языке. Так, ахата – «кожаный мешок», с помощью которого древнейшие металлурги вытаскивали руду из шахты: «х,а» – камень, «ха» – место кладения, ацалашькъара – рудник, ахдць – рудоплавильная печь, ахъархъы – плавильная доска, акъара – ковать и т. д. Всё это даёт основание полагать, что в древности на территории Абхазии металлургическим производством занимались люди, понимавшие значение этих и других терминов.

Абхазский язык – один из древнейших живых языков, может служить исключительно ценным источником для освещения некоторых сторон жизни первобытного человечества.

Памятники раннего бронзового века на территории Абхазии были обнаружены в дольменах в с. Эшера около Сухума. Дольмены, подобные эшерским,

находятся и в других местах Абхазии в сёлах: Азанта, Отхара, Хуап, Ачандара, Куланьрхуа, Псху и др. Дольмены имеются также и на Северо-Западном Кавказе. Фактически на Кавказе дольмены расположены в местах расселения абхазо-адыгских народов.

Раскопки дольменов показывают, что они служили для так называемого «вторичного погребения». По своим размерам абхазские дольмены являются самыми крупными на Кавказе. Ранние дольмены в Абхазии датируются 2400–2200 гг. до н. э. Дольмены Абхазии и Северо-Западного Кавказа связаны не только с точки зрения архитектурных форм, но и обнаруженным в них материалом. Так, вислообушные топоры и пластинчатые ножи являются общими для всей западнокавказской группы дольменов. Вислообушные топоры абхазских и северокавказских дольменов встречаются на широкой территории и являются дальнейшим развитием проушного топора. Такие боевые топоры являлись распространённым оружием в Передней Азии ещё с III тысячелетия до н. э.

Время строительства дольменов в Абхазии относится к периоду развития патриархальной родовой общины, однако внутри этой общины уже намечалось формирование родовой и племенной знати.

Дальнейший этап развития древнего общества в Абхазии с точки зрения археологии характеризуется колхидской культурой, возникшей и развившейся в основном на местной рудной базе в период перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку. Они охватывают в целом период – приблизительно XI–VIII вв. до н. э. Из обнаруженных кладов этого периода в Абхазии к наиболее крупным относятся: Гагрский, Пицундский, Лыхненский, Сухумский. Во всех этих кладах представлены бронзовые топоры, преимущественно хозяйственного значения. Могильники обнаружены в селениях Эшера, Приморское, Куланьрхуа, Мгудзырхуа, Бамбора и др. В VIII в. появляются первые железные изделия – пинцет из Куланурхва, топор из Гудауты и т. д. В Куланурхвском могильнике наряду с местными колхидскими погребениями впервые в Абхазии обнаружены и погребения с инвентарём скифского типа. Это указывает на существование тесных взаимоотношений между древним населением современной Абхазии и степной полосы Восточной Европы. Об этом свидетельствуют найденные здесь принадлежности конской сбруи.

Одинаковые формы бронзовых изделий, характеризующих колхидскую культуру, встречаются как в Абхазии, так и центральной части Северного Кавказа, в памятниках кобанской культуры. Это указывает на развитие культуры Северного Кавказа на рубеже II–I тыс. до н.э. в тесной связи с племенами Абхазии и всего юго-восточного побережья Чёрного моря. Поэтому последнее время некоторые исследователи эти культуры объединяют.

В эпоху колхидской культуры основой хозяйства Западного Закавказья являлось скотоводство. В поселениях встречаются земледельческие орудия, в частности, мотыги, которые изготавливались по преимуществу из камня,

позднее – из бронзы и железа. О значении скотоводства говорят бронзовые фигуры овец, баранов, быков, собак, найденные в могильниках Абхазии.

Естественной основой скотоводческого хозяйства того времени в Абхазии являлись летние горные пастбища и подножные корма.

В эту эпоху металлообработка в Абхазии стояла на высоком уровне. Наряду с бронзой местные металлурги начали осваивать обработку железа, однако бронзовые изделия ещё преобладали. Металлургия в своём социальном проявлении способствовала дальнейшему разложению родового общества. В период наивысшего расцвета колхидской культуры (VIII–VII вв. до н. э.) благодаря росту производительных сил быстро возрастает богатство, но принадлежит оно уже не всему народу, а отдельным большим патриархальным семейным общинам внутри рода. Во время раскопок могильников этой эпохи наряду с богатыми погребениями встречаются и более бедные. Таким образом, накопление богатства происходит теперь уже внутри отдельных семей (вождей, жрецов, мастеров, скотоводов и др.), которые постепенно обособляются не только имущественно, но и социально.

В этот период на побережье важное хозяйственное значение приобретает добыча соли, т.е. выпаривание соли из морской воды. В ряде пунктов Черноморского побережья непосредственно у берегов вала встречаются культурные слои колхидского времени, содержащие обломки четырёхугольных сосудов с тканевыми (текстильными) отпечатками на поверхности. В это время население занималось и ткачеством, о чём говорят отпечатки в керамике. Основной материал, который использовался в текстильном производстве, – шерсть и льняной холст.

В рассматриваемый период более систематический характер получил обмен, особенно между населением горных районов, с одной стороны, равнинных и приморских районов – с другой. Можно предположить, что Абхазия являлась одним из очагов, откуда металлические изделия вывозились в другие районы Закавказья. Как уже отмечалось, население Абхазии имело связи со скифами Кубани и Приднестровья. Обитатели Абхазии той эпохи поддерживали торговые связи и с более отдалёнными странами, особенно со странами Передней Азии. Обнаруженные янтарные и сердоликовые бусы из с. Куланырхуа, оригинального бронзового щита – нагрудника из пос. Красный маяк и пр., являются красноречивым тому свидетельством.

Следует отметить, что обмен и торговля не всегда носили мирный характер. Нередко имело место насильственное изъятие ценностей, т. н. «хъзырцара», т. е. «поход ради славы», грабежа.

Прогресс хозяйственной техники – плужное земледелие, успехи металлургии и пр. привели к тому, что совместный труд всех членов родового коллектива перестаёт быть необходимостью, и постепенно создаются условия для перехода к индивидуальному хозяйству. Тем самым, возникают условия

для утверждения частной собственности на орудия и средства труда. Решающее значение в этом процессе имело превращение в объект частного владения земли, основного средства производства. С течением времени отдельные патриархальные семьи, сохраняя пока ещё немало из родового единства, всё более и более объединяются не по родственному признаку, а по принципу территориального соседства. Поэтому соседская община носит двойственный характер; она как бы покоится на двух формах собственности: старой – общинной и новой – частной. В этом и выражается её переходный характер от доклассового к классовому.

Основной социальной единицей общества становится патриархальная семейная община, в которой частная собственность всё более и более растёт и укрепляется. Родственные семейные общины сохраняют между собой связи, образуя патронимии – абицара. Эти патронимии объединяются в более крупные единицы, среди которых важнейшей является патриархальный род, объединение же родов составляет племя.

Ближайшие родственные семьи объединялись в патронимию, а затем объединение патронимии составляло «братство» (аиашъара). Совокупность последних впоследствии составлял патронимический род, именованный «ажэлала» или «ажэлантэқэа». Эта единица характеризовалась единством происхождения, экзогамностью, известной общностью территории, некоторых хозяйственных интересов и религиозной жизни. Все члены ажэла считались братьями. Совокупность же родственных и соседних патриархальных родов – ажэла составляло племя, «народ» – ажэлар. Общество уже носит ярко выраженные патриархальные черты: поселение супругов уже патрилокальное, род отцовский – дети принимают имя своих отцов и т. д.

По мере осложнения социальной структуры патриархального общества в нём постепенно складываются самостоятельные социальные группы, которые являются зародышами будущих общественных классов. Общество начинает распадаться на свободных и несвободных. С течением времени рабовладельческий уклад растёт и развивается, занимая всё большее и большее место в общественном производстве. Рабов, преимущественно из пленных, вначале немного, их труд и условия жизни носят пока патриархальный характер, являясь как бы дополнением к труду семьи. Происходит дальнейшее расслоение и среди свободного населения. Из него выделяется родоплеменная верхушка в лице племенных старейшин, военных вождей и жрецов, которые подчиняют себе родовых общинников.

Обнаруженные во время археологических раскопок в Абхазии богато орнаментированные бронзовые топоры, как полагают учёные, представляли собой «регалии, символизирующие власть старейшин (племенного вождя)». Весь облик позднебронзового и раннежелезного инвентаря, обнаруженного на территории Абхазии, свидетельствует о далеко зашедшем процессе разложения

патриархального рода. Основой политической надстройки разлагающихся патриархально-общинных отношений являлась так называемая «военная демократия», она была наиболее развитой «организацией управления». Важнейшие дела племени разрешались на общем «народном собрании» – ажэлар реизара, на котором принимали участие все взрослые мужчины. На время военных походов община или племя выбирали военных вождей – ар рцыза. Всё это свидетельство того, что население Абхазии стояло на той ступени общественного развития, которая выявилась кануном образования классового общества. Что же касается горных районов, то здесь родовые отношения ещё в значительной степени сохраняли свою силу.

В эпоху разложения первобытнообщинного строя на новую ступень поднимаются также духовная культура и идеология общества. Так, в этот период возникают героические сказания и легенды, в которых получает яркое отражение борьба народных масс за дальнейшее покорение сил природы, против внешних врагов, зарождающегося социального неравенства и т. д. В этом плане представляет интерес легенда о великом герое Абраскиле, который борется за родную Абхазию, является носителем добра и справедливости, непримиримым богоборцем.

Выдающееся место в абхазском фольклоре занимают предания о нартах – богатырях-героях. Исторический анализ нартских сказаний приводит к заключению, что в них наиболее полно и ярко отражена эпоха разложения патриархально-общинных отношений и расцвета «военной демократии». В Абхазии этот период датируется приблизительно VIII–VII вв. до н.э. Образ Сатаней-Гуаши, одной из главных героинь эпоса, наделённый яркими матриархальными чертами, отражает лишь пережиточные явления, бытовавшие в позднепатриархальном обществе. Главный герой эпоса – Сасрыква, совершает ряд подвигов, наделён чертами так называемого «культурного героя». Согласно эпосу он дал людям огонь, полезные растения, приручил животных и т. д. Абхазские героические сказания, как и легенда об Абраскиле, бытуют в народе в прозаической форме, но встречаются и в виде эпических песен.

Религиозные верования местного населения в рассматриваемый период отражаются в бронзовых предметах ритуального назначения и графических изображениях культового характера. По-прежнему широкое распространение имели тотемические воззрения, о чём свидетельствует большое количество бронзовых фигурок овцы и козы в виде подвесок. Почитались божества собак – Алышькынтыр, мелкого рогатого скота – Жъабаран и др.

Литература

1. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М., 2001.
2. Анчабадзе З. В. История и культура древнейшей Абхазии. М., 1964.

3. Бигуаа В. Л. Ацсны атоурых. Акэа, 1992.
4. Воронов Ю. Н. Первобытнообщинный строй и раннеклассовые образования на территории Абхазии. В кн. «История Абхазии». Сухум., 1991. С.13–30.
5. Габелиа А.Н. Археология. Арцага цхыраагза ауниверситет атоурыхтә факультет астудентцәа рзы. Акэа, 1999.
6. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропо-социогенеза. М.: Наука, 1983.
7. Инал-ипа Ш. Д. Эпоха первобытнообщинного строя. В кн. «Абхазы». Сухуми, 1965.
8. Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. Сухуми, 1971.
9. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. Изд. 2-е, исправл. и доп. М., 1965.
10. Трапш М. М. Первобытнообщинный строй и рабовладельческие отношения на территории Абхазии. Труды. Т. 1. Сухуми, 1970. С. 55–66.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АБХАЗСКОГО НАРОДА И РАННИЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АБХАЗОВ

План

1. Гипотезы этногенеза абхазского народа.
2. У истоков этногенеза абхазов.
3. Историческая лингвистика в понимании этногенеза абхазов.
4. Кашки и абешла – древние предки абхазов.
5. Экономическая ниша и этногенез абхазов.
6. Гениохи (древние абхазы) – одни из создателей «колхидско-кобанской культурно-исторической общности».
7. Полемика вокруг гипотезы о принадлежности гениохов.
8. Древнеабхазские раннегосударственные образования.
9. Аписилы и абасги – ближайшие предки абхазов.
10. Мисимиане – одно из племен апсиров.
11. Образование единой абхазской феодальной народности.

Проблема этногенеза (происхождения народов) является одной из сложных и щепетильных проблем в исторической науке. Вместе с тем она, к сожалению, не лишена и политической окраски. Поэтому значение её объективного освещения в нынешних условиях более чем актуально. И только беспристрастный комплексный подход может стать хорошим подспорьем в ее разрешении.

Наиболее распространенными теориями этногенеза, как известно, являются автохтонная и миграционная теории с теми или иными вариациями.

1. Гипотезы этногенеза абхазского народа. Происхождение абхазов и их место среди других народов мира давно привлекает внимание многих исследователей. В существующих взглядах на этногенез абхазов можно выделить четыре подхода: автохтонный, миграционный, миграционно-автохтонный и двуавтохтонный (двуаборигенный).

Об автохтонности абхазского народа писали в свое время А. В. Фадеев, Л. И. Лавров и др. При этом последний выдвинул «киммерийскую» гипотезу происхождения абхазо-адыгских племен, которую позднее поддержали Н. Л. Членова и С. Х. Хотко. Вместе с тем, выступая против преувеличения миграционного фактора, автохтонисты сами порой допускали его недооценку в этногенетических процессах. Между тем миграция далеко не всегда является базовой причиной деформации и разрушения культуры. Миграции происходят постоянно. Но они бывают иногда судьбоносными, как, например, два великих переселения народов.

У автохтонистов 70–80-х годов XX в. наиболее привлекательной выглядит гипотеза Ш. Д. Инал-ипа. Ее отличает комплексный подход, и она концептуально смотрится объективной (если не считать отдельных ее звеньев), хотя и была подвергнута незаслуженной критике со стороны его абхазских и грузинских коллег.

Одной из распространенных в прошлом миграционных гипотез (в науке она не популярна) являлась так называемая эфиопско-египетская гипотеза Д. И. Гулиа, по которой древние колхи и вместе с ними предки абхазов якобы переселились на Кавказ из северо-восточной Африки. Иная миграционная гипотеза выводит абхазов из Северного Кавказа: одни это увязывают с античной эпохой, другие – с поздним Средневековьем. Обе они, в особенности последняя, были подвергнуты справедливой критике со стороны известных абхазских и грузинских историков и языковедов. В нынешних сложных политических условиях некоторые представители грузинской национальной исторической школы, для которой характерно, с одной стороны, отличное знание первоисточников, с другой – порой небеспристрастное комментирование их, реанимировали античную «теорию» П. Ингороква. Благодаря своей «недвусмысленности и легкодоступности» ныне она широко распространена среди населения Грузии, грузинской интеллигенции и особенно не специалистов. Проблема решалась просто – абхазы спустились с гор Северного Кавказа в XVIII в.

Третья миграционная гипотеза происхождения абхазов выводит их предков из Малой Азии и непосредственно примыкающих к ней районов юго-западного Кавказа. Но предположение о древних традиционных связях абхазо-адыгов с Малой Азией не лишено научной обоснованности. Об этом, возможно, могут также свидетельствовать знаменитые «Майкопская», «Сухумская», «Эшерская» эпиграфические надписи. Знаки этих текстов, как считал Турчанинов, обнаруживают определенное сходство как с письменами, найденными в г. Библе (XIII в. до н. э.), в Финикии, так и со знаками хеттской иероглифической письменности (II–I тыс. до н. э.).

Существует и гипотеза, согласно которой абхазо-адыгские племена в далеком прошлом пришли из Малой Азии в Западное Закавказье, оттуда переселились на Северный Кавказ и лишь в первых веках нашей эры вернулись в Западное Закавказье и заняли территорию современной Абхазии. Данная миграционная гипотеза в нынешних условиях выглядит противоречиво, ибо ни в письменных, ни в вещественных источниках подобные переселения и тем более вторичное заселение древними абхазами своей территории не зафиксированы.

Согласно автохтонно-миграционной гипотезе З. В. Анчабадзе, которая базируется на археологических выводах Л. Н. Соловьева, ядро абхазского этноса сформировалось на территории Абхазии примерно в III тыс. до н. э. при

взаимодействии местного кавказского субстрата (население, жившее здесь с эпохи камня) и пришлого малоазийского суперстрата (малоазийские кашки и апешла), давшего свой язык, но воспринявшего местную материальную культуру субстрата, т. е. кавказского населения. Между тем с точки зрения исторической лингвистики получается, что субстрат и суперстрат до их этнокультурного взаимодействия говорили на одном и том же праабхазо-адыго-хаттском языке, в результате чего дальнейшее взаимодействие (победа языка суперстрата) алогично, ибо оно являлось, на мой взгляд, внутренней этноареальной миграцией, да и археологическая культура была однородной – протоколхидской, хотя сама постановка проблемы в данном ракурсе наталкивает на определенные интересные мысли, например, на связь абазинских тапантцев с мисимианами. К автохтонномиграционной гипотезе можно отнести и амбивалентные взгляды К. С. Шакрыл.

В последнее время среди автохтонистов существуют два различных подхода. Согласно одному из них абхазы якобы генетически принадлежат к «палеокавказской» лингво-этнокультурной общности, подразделяющейся на западную, или абхазо-адыгскую, восточную – нахско-дагестанскую и южную – картвельскую ее составляющие. Существует мнение, что данный подход не нашел подтверждения в современной науке. Согласно другому подходу, более продуктивному, наоборот, отрицается генетическое родство между картвельскими языками, с одной стороны, и языками абхазо-адыгской и нахско-дагестанской групп, с другой – объединяющие две последние в единую северокавказскую семью языков. Вместе с тем название «северокавказские языки» считается чисто условным, и более правильным было бы название «кавказские» или «исконно кавказские языки». При этом следует отметить, что в северокавказских языках, в отличие от картвельских, нельзя найти каких-либо следов иного, не северокавказского субстрата. Все иноязычные включения в них преимущественно имеют адстратный, отчасти поздний субстратный характер.

В нынешних условиях определенная часть грузинских историков, полемизируя со сторонниками П. Ингороквы, придерживается гипотезы двуаборигенности на территории Абхазии, которая по существу является повторением основных положений, сформулированных в свое время Н. Бердзенишвили, но его эпигоны больше стараются писать о превалировании картвельских этнических элементов на территории Абхазии с древнейших времен и искать новые данные, чтобы показать массовость миграций абхазов с Северного Кавказа. Мнение Г. Цулая тоже не лишено влияния искусственно сконструированной гипотезы двуаборигенности.

В работе лингвиста Б. Джонуа постулируется наличие раннего индоарийского субстрата в Абхазии, но этот тезис недостаточно обосновывается историко-археологическими материалами на фоне существующей острой дискуссии

сии между археологами и лингвистами вокруг прародины индоевропейцев в циркумпонтийской провинции.

Такова пестрая и довольно противоречивая этногенетическая картина абхазского народа. Вместе с тем, если отбросить политическую шелуху и заранее запланированную заданность перед написанием, которые, к сожалению, присутствуют в некоторых работах, и применить комплексный метод исследования, то можно на современном уровне в определенной степени разобраться в данной сложной проблеме. А это поможет лучше навести мосты между народами Кавказа, который многолик в своем единстве и един в своей многоликости.

Известно, что при решении этногенетических проблем необходимо учитывать три главных аспекта: языковой (прежде всего история формирования, развития и распространения языка или языков, определенных групп населения), культурный (вопросы культурной преемственности, взаимодействия, интеграции и дифференциации внутри этих групп с учетом как общих, так особенно и «этнизующих» признаков, и соматический (антропологическая характеристика носителей данных групп, вопросы их близости, различий, взаимодействия и последовательности развития).

Постараюсь с учетом этих аспектов поэтапно рассмотреть проблему происхождения абхазского народа с древности до раннего Средневековья (VIII в.), т. е. времени образования единой абхазской феодальной народности. Вместе с тем следует учесть, что эти три главных аспекта данной проблемы исследованы пока не на одинаковом научном уровне и поэтому создают определенные объективные трудности. Нельзя забывать и о роли эколого-географической среды в этногенетических процессах, происходивших на территории Абхазии с глубокой древности.

2. У истоков этногенеза абхазов. Приморская полоса Западного Закавказья, куда входила и территория Абхазии, была экологически наиболее благоприятной для расселения древнейшего человека. Ярким подтверждением этому может послужить эталонная раннеашельская стоянка Яштхуа близ г. Сухум, которая продолжала функционировать в течение всей ашельско-мустьерской эпохи ее появления (около 1,5 миллиона лет). Собственно говоря, именно отсюда первые люди проникают в Прикубанье. Поэтому в Северо-Западном и Западном Закавказье мустьерского времени прослеживается генетическое родство с предшествующей эпохой. Важно отметить, что именно здесь представлены памятники переходного типа к позднему палеолиту. Возможно, данная область была одним из основных центров становления современного человека. Этой части Закавказья могли благоприятствовать относительно умеренные климатические условия в период общего похолодания. Не исключено, что на основе мустьерских культур Западного Закавказья складывается единая позднепалеолитическая культура, которая хорошо прослеживается на

территории Абхазии. Так, например, в пещере Апианча и в Холодном гроте (Цебельдинская долина) наблюдаются слои финального палеолита и мезолита. Именно в позднепалеолитической культуре Западного Закавказья прослеживается значительное единство, а единый характер этой археологической культуры при соответствующих условиях может являться и отражением в какой-то степени определенной этнокультурной и языковой общности (прародины и праязыка).

Вместе с тем неолит Западного Закавказья складывался на базе местной мезолитической культуры. Так, например, в тех же абхазских пещерах Апианча и Холодном гроте залегали ранние слои неолита. В этом аспекте показательны и ранне-неолитическое поселение Лемса. Эталонным является и долговременное (до самого конца каменного века) поселение Кистрик близ Гудаут. Аналогичный материал обнаружен и на Нижнешиловском поселении близ Адлера.

В начале последующей эпохи, на заре металла, в прибрежной части Абхазии появились поселения с не характерными для других регионов Кавказа тупкообразными мотыгами сочи-адлерского и дисковидными сухумского типов, продолжавшие функционировать чуть ли не до раннего железного века. Начавшийся еще в эпоху неолита распад единства становится более ощутимым (в том числе общего праязыка на его составляющие праязыки).

Культура раннего металла Западного Закавказья развивалась на основе предшествующей культуры каменного века. Это – протоколхидские очамчирская и мегалитическая (дольмены, кромлехи) культуры Абхазии.

Возможно, сама идея дольменотворчества и проникла «эстафетно» морским путем из средиземноморского бассейна, существует и иное мнение, но главное, что сопутствующий археологический материал – местный, протоколхидский. Материалы из Западного Закавказья имеют много общего с инвентарем, характерным для майкопской культуры, что является симптоматичным. Вряд ли можно связывать появление мегалитической культуры с какими-то этническими передвижениями с юга.

Словом, археологическая культура Западного Закавказья в эпоху камня и раннего металла свидетельствует об определенной преемственности и отсутствии сколько-нибудь заметных инвазий с юга или севера, что допускает вероятность совпадения на ранней стадии первобытности археологической культуры с языковой общностью. Между тем отдельно взятый археологический материал, не подкрепленный письменными источниками и другими реалиями, в силу своей специфики может быть одинаково использован как автохтонниками, так и сторонниками миграции (тезис о смене и сохранении археологических культур в раннем железном веке).

Отсутствие палеоантропологических данных из Западного Закавказья, естественно, не подкрепляет археологические материалы, которые используются исследователями для решения тех или иных этногенетических проблем.

Известны лишь черепа верхнепалеолитического времени из Навалишенской пещеры (близ Сочи) евроафриканского типа и из Холодного грота (Абхазия) с еще негроидными признаками (XIV тыс. до н. э.). Аналогичная закономерность отмечена и в ряде других районов Европы, прилегающих к Средиземному морю. Наряду с субъективной и явно политизированной гипотезой Г. Джанберидзе о вторичности языка в происхождении абхазского народа в свете антропологических данных, существует объективное мнение беспристрастных специалистов, что адыгские народы, включая абхазов, за исключением восточных черкесов и кабардинцев, а также аджарцы относятся к одному антропологическому понтийскому типу, местные истоки которого уславливаются с достаточной определенностью. А в период миграций может довольно быстро меняться и антропологический облик носителей культур.

Этнология со своим ретроспективным методом тоже не в состоянии односторонне разрешить этногенетические проблемы. Вместе с тем обряд «вторичных», или «воздушных» захоронений, бытовавший на территории Абхазии с III тыс. до н.э. (дольмены, кромлехи, пещеры), в конце II – начале I тыс. до н. э. (оссуарии), в период греческой колонизации времен Геродота (V в. до н. э.) и зафиксированный этнографами в XIX в., вполне может свидетельствовать, по крайней мере, о духовной преемственности абхазского народа со своими древними предками в течение пяти тысяч лет. Между тем трудно объяснить, например, наличие трех видов погребальных обрядов на одном семейном кладбище Красномаяцкого могильника в I тыс. до н. э., а в Цебельде двух видов – в первой половине I тыс. н. э.

3. Историческая лингвистика в понимании этногенеза абхазов. Хорошим подспорьем для комплексного решения этногенетических проблем является историческая лингвистика, изучающая язык, который представляет своеобразную неписаную летопись, хранящую многовековую память народа, информацию о его хозяйственной деятельности и укладе жизни его далеких предков, об их контактах с другими народами и многое другое.

В современной науке широкое признание получила гипотеза о наличии праабхазо-адыгского субстрата с глубокой древности по всему Западному Закавказью и его языковом родстве с хаттским, носители которого обитали в древней Анатолии, в то время как картвельские племена появились в этом регионе гораздо позже.

Народ, говоривший на праязыке абхазо-адыгов, занимался земледелием, разводил скот, изготавливал различные ремесленные изделия, обрабатывал металл. Это подтверждают археологические материалы из Абхазии. Существует мнение, что хатты являлись изобретателями металлургии железа и от них название железа попало во многие языки мира (в частности, и русский). Этимологическое тождество хаттского и праабхазо-адыгского названия железа, согласующееся с результатами разысканий, посвященных обоснованию

генетического родства хаттского и абхазо-адыгских языков, может свидетельствовать и об очень древних истоках железоделательного производства у западнокавказских народов.

В пользу того, что носители праязыка жили примерно в тех же условиях, в которых обитают нынешние абхазо-адыги, и сформировались в пределах западнокавказской территории, говорят такие слова, как: «море», «берег», «рыба», «гора» (лесистая), «лес» (лиственный), «лес» (хвойный), «пихта», «бук», «кизил», «каштан» и т.д. Показательно, что абхазы не мыслят окружающий мир без двух географических факторов – моря и гор. О том же говорят и топонимические названия. Например, названия, включающие в себя элемент «пс», а также «куа».

4. Кашки и абешла – древние предки абхазов. Древнейший след апсидов в письменных источниках специалисты усматривают в документах ассирийского царя Тиглатпаласара I (XII в. до н. э.). В них «апешлайцы» упоминаются трижды. В этих источниках большинство специалистов видят в качестве вариантного названия апешлайцам каско-кашков, во II–I тыс. до н.э. населявших северо-восточный район Малой Азии. И если это наименование сопоставить с апсилами (апшилами) античного и средневекового времени, то название касков симптоматично проявляет близость к названию современных адыгов (византийское «касахи», древнерусское «касоги», древнегрузинское «кашаги», арабское «кашаки»), а если исходить из разделяемой многими исследователями точки зрения, что в древности все Восточное Причерноморье было заселено праабхазо-адыгскими племенами, то в предшествующий описываемым ассирийскими источниками событиям период в Западное Закавказье из Восточного Закавказья (остальные пути алогичны) вторглись какие-то пракартвельские племена, которые рассекли массив апешлайцев на две части – одна осталась на склонах Западного Кавказа (предки апсидов-кашгогов), вторая была вытеснена из равнинной части будущей Колхиды на юг, в северо-восточные районы Малой Азии. На тот же период времени (около XIX в. до н. э.) падает начало распада пракартвельской общности на основе отселения в достаточно изолированную экологическую нишу носителей прасванского языка.

Каски в языковом отношении обычно связываются с хаттами, занимавшими в конце III – начале II тыс. до н.э. обширные территории Малой Азии, часть которых была освоена хеттами (неситами). Симпатично, что именно тогда происходит широкое распространение в южной зоне циркумпонтийской провинции (Анатолия) втульчатых топоров среднебронзового века, а это, скорее всего, может говорить о второй волне индоевропейцев. Поэтому языковая общность, выделившая хаттско-каскасский и праабхазо-адыгский элемент, должна была существовать не позднее III тыс. до н. э. Данную точку зрения ныне не разделяет Г. Гиоргадзе. Он не считает кашкайцев и апешлайцев вари-

антными этнонимами, в то же время причисляя их к колхским (мегрело-чанским) племенам, а хаттов – к переселившимся в Малую Азию носителям майкопской культуры. Все делается в порядке предположительных рассуждений, ибо архелогия не располагает сколько-нибудь надежными данными для подобных умозаключений. Поэтому трудно определить, на каком языке говорили носители майкопской и куро-аракской синхронных культур. В данном случае мы сталкиваемся с «археологическими» гипотезами историка и лингвиста, правда, бывает и наоборот («историко-лингвистические» гипотезы археолога). Г. Гиоргадзе тщетно пытается разрушить основу популярной среди современных исследователей общеевропейской школы автохтонной гипотезы происхождения абхазского народа.

Близкая к предшествующему периоду картина на Западном Закавказье сохранилась и в первой половине II тыс. до н.э. В это время носители дольменной культуры соприкасались с представителями протоколхидской (очамчирской культуры) по линии Эшера – Цебельда. К сожалению, промежуток между этим временем и периодом расцвета, который пережила «колхидско-кобанская культурно-историческая общность» в VIII–VII вв. до н.э., представляет собой хиатус, т. е. является фактически «*dark age*» («темный век») как в местной истории, так и в истории населения верхнего Евфрата.

В происхождении народов следует учитывать и роль природных условий (особенностей), т. е. эколого-географическую среду. Для истории абхазо-адыгов очень важны были консервирующие и дифференцирующие процессы, которые происходили в западнокавказских ущельях и горных проходах.

5. Экономическая ниша и этногенез абхазов. Языковые распады обычно происходят во время перемещения части носителей праязыка в иную географически изолированную среду (горы, реки и т. д.), так называемую экологическую нишу.

Существует мнение, что прародиной абхазо-адыгов была Колхидская экологическая ниша и прилегающие к ней северо-восточные области Малой Азии, где до II – начала I тыс. до н. э. еще проживали родственные абхазо-адыгам кашки-апешла (говорили, возможно, на хаттском языке). Тогда же, по всей видимости, и произошло перемещение по побережью через восточно-причерноморский коридор (меото-колхидская дорога) и перевалы прямых предков адыгов на северные склоны Западного Кавказа. Предки зихов-убыхов при этом заняли нишу между Гагрским хребтом и Туапсе, связанную с соседними территориями труднодоступными тропами. Праабхазские же племена как первичная часть общности продолжала обитать в Колхиде, где их и застали античные источники в лице гениохов, кораксов, апсилов, абасгов, санигов и позднее мисимиан. Специалисты считают, что культурное продвижение из Колхиды по Черноморскому побережью в Восточное Закавказье и на северные склоны Центрального Кавказа достигает пика в IX–VIII вв. до н. э. Это время

совпадает с периодом расцвета «колхидско-кобанской культурно-исторической общности». Что же касается древнекартвельских племен: карду-карты, кулха-колхи, луша-лазы, сперы-иберы, мосхи-месхи и т. д., то они проживали вне пределов современной Колхиды, т. е. в северо-восточных областях Малой Азии. И лишь потом эти племена продвинулись через ущелье р. Чорохи по побережью или логичнее, по ущелью р. Куры в Колхидскую экологическую нишу. На историческую правдоподобность такого варианта может указывать первичность прасеверокавказского «хуррито-урартского» элемента в Закавказье до начала I тыс. до н. э., родственного восточнокавказским языкам (нахско-дагестанским).

Говоря о происхождении абхазского народа, важно помнить, что с момента заселения Западного Закавказья человеком здесь традиционно в силу соответствующих эколого-географических условий преобладало южное влияние со стороны Малой Азии. Отсюда с глубокой древности и продвигались в западнокавказские долины носители абхазо-адыгского праязыка.

Считаясь с эколого-географическим фактором и многим другим, не следует забывать, что ни один народ не может развиваться самостоятельно без взаимодействия с другими соседними и отдаленными народами. Отсюда возможны «языковые союзы», ареальные языковые контакты между языками, не имеющими генетического родства. Все это нашло отражение в заимствованной лексике, которая интрузировалась в абхазский язык. Заселенная абхазами территория всегда служила своеобразным мостом между Северным Кавказом и побережьем Черного моря. Второе направление связей определяло море, вдоль берегов которого плыли корабли в сторону Малой Азии и Крыма (в с. Тамыш была найдена глиняная модель лодки в слое VIII в. до н. э.). В этой связи можно вспомнить такие приморские цивилизации, как, например, Греция, Рим, Византия, с которыми древние предки абхазов также были в теснейшем контакте. Немаловажную роль играло и то основание треугольного пространства, занятого абхазами, которое было открыто воздействиям с юго-востока, откуда вела подгорная «Абхазская дорога» грузинских летописей. Этой дорогой пользовались как торговцы, так и завоеватели (например, персы, арабы и др.).

6. Гениохи (древние абхазы) – одни из создателей «колхидско-кобанской культурно-исторической общности». Одно из последних упоминаний в источниках о касках относится к концу VIII в. до н.э., когда они подверглись опустошительному набегу ассирийского царя Саргона II (722–705 гг. до н. э.). Тогда же в Западном Закавказье, в том числе на территории будущего расселения древнеабхазских апсиллов и абасгов, отмечается «демографический взрыв», характеризующийся резким увеличением числа населенных пунктов с развитыми керамическим производством, металлургией, ткачеством, соляным промыслом и т. д. Прирост, скорее всего, происходил за счет внутренних

ресурсов в условиях влияния и все возрастающих контактов с ближневосточной цивилизацией (Урарту) и малоазийских образований (Лидия, греческие колонии Южного Причерноморья и т. д.). Западнокавказский регион охватывает однообразная археологическая культура (колхидско-кобанская культурно-историческая общность), отдельные очаги которой возникли на Северном Кавказе (Кобан) и Восточном Закавказье (Тли). Ориентировка этой культуры, скорее всего, – урарто-малоазийская. Большинство грузинских археологов и историков называют эту культуру не колхидской, а колхской, тем самым придавая ей налет национального колорита («couleur locale»). Между тем существует небезосновательное мнение, что основными создателями колхидско-кобанской культурно-исторической общности являются древние предки абхазо-адыгских племен, известные в греческих письменных источниках под названием гениохи, в то время как для эгро-лазского населения Западное Закавказье могло стать пристанищем где-то на рубеже нашей эры, что четко зафиксировано письменными источниками. Гениохи на базе высокоразвитой местной позднебронзовой металлургии освоили производство железа тогда же, когда и древние греки, египтяне и персы. Гениохи также были одними из создателей цикла о нартском кузнеце, в то время как греки их незаслуженно называли «дикими».

Через территорию Абхазии по меото-колхидской дороге в VII–VI вв. до н. э. в Переднюю Азию проходили скифы, часть из которых осела и смешалась с местным древнеабхазским населением колхидцев, т. е. гениохов. Важно отметить, что при производстве скифских акинаков, откованных в Абхазии местными мастерами, применялась дифференцированная термообработка (мягкая, твердая, с отпуском), в то время как данный технологический прием стойко отсутствует в собственно скифских памятниках.

Гениохи и древние греки. Греческая колонизация Черноморского побережья Кавказа вывела местное население в фокус интересов античной цивилизации, стимулировав создание древнейших письменных источников о регионе, сделав его местом действия одного из самых популярных мифов об аргонавтах. Вместе с тем необходимо всегда помнить, что миф одного народа, в данном случае эллинов, не может рассматриваться в качестве источника по реальной истории другого народа, как поступает большинство грузинских историков и археологов. Между тем в кавказском изводе мифа (VIII в. до н. э.) следует обратить внимание на имя одного из персонажей Апсирта, сына колхидского царя Айэта. Это древнеабхазский антропоним, сопоставимый с самоназванием абхазов апс-уа, апс-ил. Древние толкователи от Апсирта производили и важную гавань Апсар, расположенную близ современного г. Батуми. Возможно, антропоним Апсирт этимологически восходит к более древнему этнониму абхазо-адыгов, апешла-кашков, которые ранее упоминались в ассирийских источниках. Топоним «Апсар» – не единственный в юго-восточном

Причерноморье, в котором присутствует абхазо-адыгская основа «пс» в письменных источниках, начиная со времени хеттского царя Мурсилиса II (II тыс. до н. э.), когда он штурмом взял пункт Арипса. Важным в апсильской проблематике является вопрос и о древнем наименовании Фасиса (совр. р. Риони). Н. Марром была сформулирована гипотеза, связывавшая гидроним «Фасис» с абхазо-адыгской языковой средой и рассматривавшая его как свидетельство того, что в древности эта река протекала не среди имерского (иверского), а «пас»-ского, т. е. абхазского племени. Возможно, поэтому Ксенофонт (V в. до н. э.) в своем «Анабасисе» называет народ вокруг Фасиса «фасианами», в то время как колхов (в узком смысле слова) помещает в районе р. Галис (совр. Кызыл-Ирмак) в Малой Азии. Все это он сам лично засвидетельствовал. Наименование Фасис в таком случае может быть вполне сопоставимо с этнонимами «абасг», «апсил», которые легли в основу ныне бытующего самоназвания абхазов «апсуа», связанного с апешлайцами. «Фасис», город эллинский, был основан ойкистом Фемистагором из Милета где-то в первой половине VI в. до н. э. на земле, принадлежавшей тогда гениохам. Древнейший ареал гениохов, если снять мифологический флер, выявляется с помощью данных Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) и Помпония Мелы (I в. н. э.), заимствованных из более ранних ионийских источников, повествующих о том, что античные города Диоскуриада и Фасис находились на земле гениохов. Также гениохов следует подразумевать и в безымянных племенах, помещенных Геродотом (V в. до н. э.) между Фасисом и Кавказским хребтом, а колхов (в узком смысле слова) соответственно располагая южнее Фасиса. Более поздняя традиция локализует гениохов северо-западнее Диоскуриады и Питиунта – Псевдо-Скилак (IV в. до н. э.), Страбон (64–63 до н. э. – 20 гг. н. э.). «Царство гениохов» существовало в юго-восточном Причерноморье, а гениохи-пираты достигали западного побережья Черного моря. По Страбону, у гениохов было четыре «царя», т. е. четыре территориальных племенных объединения. Имя гениохов являлось собирательным.

В эпоху эллинизма (особенно в IV–II вв. до н. э.) произошло как бы взаимное интегрирование, и население Диоскуриады стало смешанным (греко-местным). Среди импортной продукции того времени можно выделить «местную» продукцию греков-колонистов (например, отсутствие закалки на железных ножах из Гюэноса и топорах-секирках из Эшерского городища). Вместе с тем и чисто местная продукция (например, керамика) порой приобретала античные (импортные) формы. Таким образом, происходило стирание грани между традицией и новацией.

В это время окрестные общины гениохов были связаны в единую экономическую систему. На данную проблему проливает определенный свет эшерская надпись IV–III вв. до н. э. на безупречном греческом языке. Возможно, в это время и существовало некое «гениохийское царство». Важно также отме-

тить, что греческая письменность использовалась в Абхазии до конца X в. н. э. Вместе с тем, если церковная служба в раннесредневековой Абхазии проводилась, возможно, на греческом языке, то проповеди, скорее всего, читались на родном, абхазском.

Говоря об этнической ситуации в регионе, при интерпретации источников никогда не следует забывать, что в понятие колхов (в широком смысле слова) входили все племена Колхиды, в том числе гениохи, колхи (в узком смысле слова) и даже сами греки-колонисты. Колхида в таком случае мыслилась как географическое понятие, а не как эфемерное Колхидское царство, созданное на бумаге в период пика сталинско-бериевского тоталитаризма.

7. Полемика вокруг гипотезы о принадлежности гениохов. Существует и сванская гипотеза о принадлежности гениохов со ссылкой на Страбона и Птоломея. Но Страбон помещает в окрестностях Диоскуриады не «сванов», а «соанов». Соответствующий отрывок противоречив, а территориально-смысловая связь этнонимов «соаны», «саниги» достаточно очевидна: «санеги», к которым бежал соратник Митридата VI Клеохар из Синопы весной 70 г. до н. э., – «соаны» Страбона в одном случае, упоминаемые им в окрестностях Диоскуриды как «первые по силе и могуществу», в другом случае – как «мелкие народы Кавказа» – «саники» Плиния (до 79 г. н. э.), помещенные к западу от Себастополиса и апсилон – «саниги» Флавия Арриана, проживавшие в 137 г. между Себастополисом и р. Ахеунт (близ совр. Сочи) – «саниги» Прокопия Кесарийского, проживавшие в VI в. западнее джиков в районе современного Сочи, – «саниги» грузинского автора «Восхваление венценосцев» вместе с адыгами поддерживали Вардана Дадияни – «садзы» XVIII–XIX вв. – абхазское племя, проживавшее в районе современного Адлера. Существующее единственное в своем роде упоминание «свано-колхов» (Птоломей), не подтвержденное какими-либо другими источниками, скорее всего, должно быть отнесено к несовершенству методики и источников, использованных географом. Вместе с тем это не соответствует самому Птоломею, который помещает «свано-колхов» не на территории Колхиды (между Диоскуриадой и Фасисом), а в Азиатской Сарматии рядом с гениохами. Да и вообще, «География» Птоломея не может быть безоговорочно использована для реконструкции подлинной исторической ситуации на территории нынешней Абхазии, ибо в ней отсутствуют упоминания о Себастополисе, Питиунте, Апсаре, апсилах и абасагах.

«Мегрело-чанская» гипотеза гениохов исходит из сходства этнонимов «саниги», «саны» («чаны») и присутствия, согласно Плинию, в юго-восточном Причерноморье племенного объединения «сано-гениохов». Из-за одного сходства нельзя считать несомненной принадлежность санигов-гениохов к западнокартвельским племенам. Вместе с тем параллельное присутствие в источниках (Плиний Секунд, Флавий Арриан, Прокопий Кесарийский и др.)

мегрело-чанов (лазы, тзаны и др.) и санигов (в связи с апсилами и абасгами) исключает и эту гипотезу.

Кораксы – соседи гениохов. Помимо гениохов и соанов в тесную связь с Диоскуриадой источники ставят и племя «кораксов» (от греч. «вороны»). Этот этноним известен по крайней мере шести авторам. Это древнеабхазское племя локализуется в ущелье Кодора, а также гораздо шире, захватывая и верховья Гумисты с ее притоками. Кораксы в источниках фигурируют рядом с гениохами. Разные мнения существуют среди абхазских археологов и по отношению к «колам»: одни их связывают с древнеабхазскими племенами, оставившими в верховьях р. Аалдзга Джантухский могильник, другие вообще не связывают их с территорией современной юго-восточной Абхазии со ссылкой на Плиния Секунда.

8. Древнеабхазские раннегосударственные образования. В первых веках нашей эры гениохийский союз, думается, распался на более мелкие древнеабхазские племена: санигов, апсиров, абасгов. Апсилы дали абхазам самоназвание апсуа. Их впервые упоминали Плиний Секунд (до 79 г. н. э.) – без абасгов и Флавий Арриан (в 137 г.) – с выделившимися уже из среды санигов абасгами. Каждое из этих племен было объединено в этнополитические ранние государственные образования соответственно – Санигия, Апсилия и Абасгия, и имело собственных «царей» (скорее всего, вождей), назначаемых римскими императорами. Границы этих этнополитических образований менялись по мере продвижения соседних лазов (древнекартвельских племен) на северо-запад. Так в первых веках нашей эры, судя по письменным источникам, кремационным погребениям и археологическому материалу, граница между апсилами и лазами проходила примерно в районе р. Риони, а уже в VI в. – во времена Прокопия по р. Ингур. Византия ввела в Колхиде систему вассалитета, управляя через Лазику древнеабхазскими этнополитическими образованиями, создавая у лазов иллюзию приоритета. И когда апсилы отпали от лазов, то именно тысячный отряд византийцев во главе с Иоанном, сыном зодчего Фомы-армянина, уговорил мирными речами апсиров, чтобы те снова «стали подданными лазов». Видимо, в угоду лазам Агафий Миринейский писал, что, «гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают и, быть может, не совсем без основания...». Это, возможно, единственный письменный источник, где проводится связь древнекартвельских племен с колхами (естественно, в узком смысле этого названия). Показательно, что после убийства лазского царя Губаза (VI в.), который во время ирано-византийских войн почти не находился в своей главной крепости Археополисе (Нокалакеви) и, возможно, скрывался в горах, политическая ориентация Лазики определялась на народном сходе между Айэтом и Фартазом, знатными и уважаемыми людьми среди лазов, причем один из них был сторонником персов, другой – византийцев. Наличие царства в этом случае выглядит проблематич-

но – Лазика была такой же в социально-политическом отношении, как Апислия и Абасгия.

В 70-х г. н. э., согласно Плинию Секунду, лазы находились вблизи устья р. Апсар (в районе Батуми). Он же говорит о реке Роан (Риони) и прилегающей к ней области Кегритика во внутренней Колхиде. Кегритика, скорее всего, тесно связана с эграми и названием «Эгриси» и «Эгрисцкали». Флавий Арриан (137 г.) подчеркивал, «что древнее наименование Апсар – Аписирт потом было искажено... подобно тому, как искажены и другие названия». Географ Клавдий Птолемей – современник императора Марка Аврелия, сообщал: «Приморскую часть Колхиды населяют лазы, вышележащие местности – манралы и народы, живущие в стране Экретике». «Страна Экретика» – это, несомненно, плиниевская Кегритика, населенная эграми, в названии которых, как и манралов, угадывается современное название мегрелов (мингрелов), занимающих и теперь близкое к указанному Птоломеем положение. После II в. из письменных источников исчезают все перечисленные названия, за исключением Лазики, включавшей как область приморских лазов, так и манралов, и эгров. Тогда они постепенно начинают отеснять апсилы от Риона к Ингуру.

9. Апислы и абасги – ближайшие предки абхазов. Думаю, что нет никакой надобности доказывать, являются ли апислы и абасги древнеабхазскими племенами, ибо это не вызывает у подавляющего большинства исследователей никаких сомнений. Лишь сошлюсь на мнение одного из ярких представителей советской грузинской национальной школы Н. Ломоури, который недавно писал следующее: «Еще Ив. Джавахишвили и С. Джанашия не сомневались, что апислы и абасги – предки средневековых и современных абхазов, ныне же это не может вызывать сомнений. Это единственная научная точка зрения». Но сомнения, как показала жизнь, все-таки существуют у лингвиста Т. Гамкрелидзе по отношению к «абхазскости» абасгов, на что он и получил достойный ответ со стороны другого лингвиста В. Бганба, который сумел выделить абхазо-адыгский формант, тем самым связать этнонимы абаск, гениох, коракс, саниг, апсил с абхазо-адыгским этническим массивом.

Что же касается апсилы, то на примере общины крепости Цабал (Цибил) впервые в Абхазии археологически устанавливается генетическая преемственность ее носителей на более чем 1500-летнем континуитете культуры (VIII до н. э. – VII в. н. э.), из которого вторая половина – письменная история апсилы, а первая – сведения о гениохийском племени кораксов, за чьим названием скрывались прямые потомки апсилы. Преемственность культуры последних с предшествующей общеколхидской культурой должна объясняться закономерностями культурной эволюции западнокавказской экологической ниши, где этническая дифференциация, как оказывается, не может основываться только на элементах материальной культуры, требуя более разностороннего объяснения. Нельзя отрицать и периодические иноэтни-

ческие инфильтрации в результате вражеских нашествий и международных контактов, как это, например, прослежено в отношении включения в V–VI вв. н. э. в общину Цибилиума аланского элемента. Или же в канабах приморских римско-византийских крепостей (Питиунт, Севастополис, Зиганис) население могло быть смешанным, в то время как в сами кастелумы местные жители не допускались. Интересно также отметить, что в это время в местном кузнечном ремесле «пакетирование», сварка и появившаяся техника наварки стального лезвия на железную основу не стали традиционными для Западного Закавказья, оставаясь на уровне новаций. Между тем в материалах местных апсильских захоронений засвидетельствован большой процент (более 50 %) самых ранних (III–IV вв.) для территории бывшего СССР мечей (в том числе гладиусы), изготовленных техникой «сварочного дамаска» (дамасская сталь). Традиционно высок и процент термообработанных изделий. Что касается характерной особенности развития местной керамики, то и она не знает резких смен керамических типов и дает пример последовательного местного развития, принимающего извне лишь отдельные детали и технические приемы. Даже воздействие античной колонизации кардинально не нарушило этой внутренней закономерности развития.

Касательно абхазской принадлежности санигов уже имелось суждение выше. Следует только добавить, что слабой стороной мнения о картвелоязычности санигов является отсутствие у его сторонников единого подхода в вопросе племенной принадлежности санигов. Они были сваны или мегрело-чаны? Без окончательного выяснения этого вопроса нельзя говорить о принадлежности санигов к картвелоязычному миру. Поэтому в последнее время сформировалась надуманная и недостаточно аргументированная амбивалентная гипотеза М. Инадзе и Н. Ломоури о картвелоязычности санигов.

10. Мисимиане – одно из племен апсиллов. Мисимиане появились на исторической арене лишь в середине 50-х г. VI в., т. е. они еще не были дифференцированы Прокопием Кесарийским от соседних апсиллов. На данную связь со всей очевидностью указывают следующие данные Агафия Миринейского, последователя Прокопия: он уже четко дифференцирует мисимиан между апсилами, лазами и аланами, с одной стороны, между сванами, лазами, иверами и «варварами по ту сторону Кавказского хребта», с другой стороны; при совместном упоминании лазов, апсиллов и мисимиан он подчеркивает разницу в языке между первыми и третьими, ничего не говоря о вторых; он приводит важные сведения о том, что на переговорах с мисимианами византийцы прибегали к посредничеству только апсиллов; и, наконец, он прямо подчеркивает, что апсилы и мисимиане были близки «по образу жизни». Да и имена двух представителей мисимианской знати (Хада и Туана) имеют четко выраженный «абхазский» облик и сохранились в местной антропонимии до сих пор, в то время как основа «мызым» («мысым»), связываемая с

мисимианами, и сегодня присутствует в абхазской топонимике. Вместе с тем мисимийская крепость Пскал («Тцахар» Агафия) входит в число памятников цебельдинской культуры апсилов, что также может свидетельствовать лишь о тесной этнокультурной связи мисимиан с апсилами, разрыв между которыми был обусловлен главным образом, вероятно, географическими условиями р. Кодор.

Данные Менандра подтверждают и дополняют сведения Агафия о мисимианах. Говорится у него и о «дороге миндиммианов» (одно из ответвлений, наряду с Даринским путем и дорогой через Абасгию, Великого шелкового пути). Данная дорога проходила по ущелью Ингура (через перевал Накра). Географические условия указывают на правильность только такой интерпретации источников, поскольку ставка аланского правителя Сорозия находилась где-то в районе Пятигорска, и что на юг отсюда в обход Эльбруса вело два параллельных пути, из которых мисимианский выходил через Бухлоон к Фасису, а западный Даринский через Цебельду к Себастополису. Указания Менандра о том, что Свания в VI в. располагалась восточнее нынешнего своего местонахождения, т. е. в верховьях р. Риони, соответствует определенному сообщению Прокопия, что путь в Сванию вел через Кутаис и Уфимерей (Ухимерион), а сама она помещается в местах от Мохерисиса до Иберии, т. е. не имеет никакого отношения к Мисиминии, а значит, и к территории нынешней Абхазии. Объективнее всего мисимиане помещались в предгорной части («ахуца») между реками Кодор и Ингур, т. е. соответственно между пограничными крепостями с апсилами Тцахар (Пскал у р. Кодор) и лазами Бухлоон (Пахулан у р. Ингур).

Таким образом, если логично считать мисимиан одним из отделившихся от апсилов племен, то этнополитическая граница между древнеабхазскими племенами (апсилы и мисимиане) с древнекартвельскими лазами в VI в. проходила по р. Ингур; и более поздние византийские источники (Максим Исповедник, Феофан Хронограф), и армянская география «Ашхарацуйц» очерчивают восточную границу между Лазикой и «страной Апсилией и Мисиминией» в VII в. по р. Ингур, верховья которого до крепости Бухлоон (совр. Пахулан) в тот период были еще включены в политические границы Алании со времен восстания мисимиан 555–556 гг. Важно также подчеркнуть, что впервые в армянской географии фиксируются оба названия Абхазии и абхазов, бытующих до сегодняшнего дня (Апшилк – Писинун – Апсны и Аваза – Апхаз – Абхазия. Локализация крепости Трахеи (как пограничного между Апсилией и Абасгией пункта) в Новом Афоне имеет такое же важное значение для истории Абхазии, как локализация Бухлоона у р. Ингур, который в свою очередь являлся пограничной крепостью между мисимианами и лазами. Перемещение Трахеи на место нынешних Гагр, как намеренно делают некоторые историки, автоматически перебрасывает апсилов в Бзыбскую Абхазию, абасгов – на побережье Краснодарского края, мисимиан – в бассейн р. Бзыбь.

Подобные упражнения с древними топонимами и этнонимами, далеко ведущие к негативным последствиям, делаются, к сожалению, и ныне в кабинетных условиях некоторыми исследователями либо по конъюнктурным соображениям, либо по недомыслию. Например, по мнению Д. Мухелишвили, предки абхазо-адыгских племен (джики-зиги) появились с Северного Кавказа в начале I в. до н.э. на фоне разбоя и «геноцида». Многие грузинские историки и некоторые их абхазские коллеги, со ссылкой на «Житие и деятельность Вахтанга Горгасала», поселяет апсилов в V–VI вв. на территории между реками Келасур и Гумиста. Но Вахтанг Горгасал никогда не был в Абхазии, ибо «клизура» грузинских летописей находилась в центральной Колхиде и не имела никакого отношения к приморской части Келасурской стены, так как она еще не была построена в то время. В результате от апсилов отсекается известная «городу и миру» целая археологическая цебельдинская культура с ее роскошным оружейным комплексом, включающим дамасские мечи, метательные топоры и многое другое

11. Образование единой абхазской феодальной народности. Принятие христианства в качестве официальной религии древнеабхазскими племенами в 30–50 гг. VI в. при византийском императоре Юстиниане (527–565 гг.), естественно, способствовало началу их консолидации в единую феодальную народность. Катализатором ее образования, скорее всего, явилось арабское нашествие в 738 г., которое было остановлено у стен Анакопии абхазскими и картлийскими боевыми дружинами (кстати, первое свидетельство появления картлийцев на территории Абхазии). И никто не знает, как бы сложилась будущая карта Восточной Европы, не будь этой победы над арабами. Не пострадавшие от арабов абасги (у них к этому времени было княжество) смогли консолидировать другие древнеабхазские племена в самостоятельную единую абхазскую феодальную народность, которая отнюдь не развивалась в «ассоциированном с грузинской народностью состоянии», как считает Э. Хоштария-Броссе. Во всяком случае, в грузинском письменном источнике (786 г.) «Мученичество Або Тбилели» Абхазия уже фигурирует как христоролюбивая страна с ее народом, правителем, епископом и священниками.

Не будь консолидации древнеабхазских племен в единую абхазскую феодальную народность (общей для абхазов и абазин), вряд ли было возможным образование независимого раннефеодального Абхазского царства, которое, являясь щитом от арабских нашествий, объективно привело к объединению всего Западного Закавказья.

Литература

1. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
2. Анчабадзе З. В. Очерки этнической истории абхазского народа. Сухум, 1976.

3. Ардзинба В. Г., Чирикба В. А. Происхождение абхазского народа // История Абхазии. Сухум, 1991.
4. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. Сухум, 2015.
5. Бгажба Х. С. Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии // ТАИЯЛИ. №XXVII. Сухуми, 1956.
6. Бганба В. М. К вопросу о происхождении и этноязыковой принадлежности некоторых этнонимов древнего Восточного Причерноморья // Абхазоведение. Т. 1. Сухум, 2000.
7. Бердзенешвили Н. А. По поводу книги П. Ингоркова «Георгий Мирчуле» // Мнатоби. №12. Тбилиси, 1950.
8. Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия. Сухум, 1998.
9. Воронов Ю. Н. Тайна цебельдинской долины. М., 1975.
10. Джапаридзе О. М. На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси, 1989.
11. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
12. Ломтатидзе К. В. О некоторых вопросах этнической принадлежности и размещения абхазов (по поводу работы П. Ингоркова «Георгий Мерчуле») // Мнатоби. №12. Тбилиси, 1956.

АБХАЗИЯ И ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

План

1. Греческая колонизация и Абхазия. Историография.
2. Проблема колонизации в Абхазии.
3. Города античной Абхазии.

1. Греческая колонизация и Абхазия. Историография. При изучении проблемы греческой колонизации Восточного Причерноморья, в частности Абхазии, следует иметь в виду, что круг этих вопросов является частью проблемы греческой колонизации всего Причерноморья. Поэтому необходимо начать с общих положений, связанных с колонизацией в целом.

Начало историографии греческой колонизации восходит, по мнению некоторых исследователей, к XVIII в. В XIX в. греческую колонизацию связывали с неумностью греков и характером их религиозных воззрений. К ним прибавились кровная месть, политическая борьба, недостаток земли, перенаселенность. Также греки придавали большое значение торговле, и торговые взаимоотношения с туземцами породили колонизацию – сначала основывались сезонные рынки, а затем на приобретенных землях различных племен – постоянные рынки сбыта, на базе которых возникли отдельные греческие общины-колонии.

С 80-х годов XIX в. вопрос греческой колонизации получил качественно новое направление, на основе чего возникли две теории, во главе которых стояли крупные немецкие исследователи – Э. Мейер и Ю. Белох. Основной вывод Э. Мейера состоял в том, что главной причиной греческой колонизации являлась торговля, и колонизация была связана с ростом и усилением торговой экономики. С этой целью греческие купцы направлялись в бассейны Средиземноморья и Черного моря, где основывали свои полисы.

Этой концепции противостояла «аграрная» теория. С точки зрения автора этого положения Ю. Белоха, роль торговли в начале Великой греческой колонизации была ничтожна, т. к. серийное производство товарных изделий (в первую очередь, керамики) к тому времени было еще слабо развито. Поэтому, по словам Ю. Белоха, колонизация у греков была вызвана поисками плодородной земли за пределами родины, т. е. если Э. Мейер считал, что с начала колонизации греки были исключительно торговцами, то по Ю. Белоху, наоборот, греки сначала были землевладельцами. Необходимо отметить, что оба эти течения с их последователями основывались исклю-

чительно на письменных источниках, в обход археологических и нумизматических данных.

Крупнейшим вкладом в изучение древнегреческой колонизации середины XX столетия являются исследования Жоржа Вале. В свете изучения археологических материалов южной Италии и Сицилии он приходит к выводу, что еще до начала греческой колонизации существовали торговые отношения между греческими купцами, с одной стороны, и местными жителями, с другой. Лишь затем начинается переселение греков на новые земли. Оно носило аграрный характер. В свою очередь, эта аграрная колонизация придавала качественно новый характер торговым отношениям: во вновь возникших городах открывались большие рынки сбыта греческих товаров, которые производились на месте по образцам изделий метрополии. Иными словами, получалось так, что из аграрной колонизации вытекала торговля. Другие исследователи в своих трудах, посвященных древнегреческой колонизации, отмечают, что она вызвана поисками металла. Вопросы, связанные с древнегреческой колонизацией, давно изучаются и в русской исторической науке. Еще во второй половине XIX в. историк древнего периода Ф. Ф. Соколов посвятил исследование Сицилии и Аттике эпохи Великой греческой колонизации. В середине 80-х годов XIX в. выходит труд В. В. Латышева, в котором выдвинуто положение о том, что основной причиной начала греческой колонизации в Северном Причерноморье явилась торговля.

В 30-е годы XX в. С. А. Жебелев высказал мнение, что основной причиной колонизации были экономические связи, вызванные нехваткой земли, поисками новых рынков сбыта товаров, а также социальной борьбой. Далее он писал, что государственным мероприятиям по образованиям колоний предшествовали торговые мероприятия.

На примере городища Танаиса Т. Н. Книпович предположила, что в эпоху раннегреческой колонизации в отдельные поселения юга бывшего СССР импорт поступал через или посредством о. Березани, а сами греки осуществляли разведки для выбора будущих своих поселений. На значительно более новую ступень развития и изучения проблемы древнегреческой колонизации юга нашей страны в свое время поднял видный советский ученый А. И. Иессен. В своей монографии он приходит к выводу, что греческую колонизацию Северного Причерноморья не следует рассматривать односторонне с точки зрения собственной истории и культуры Греции. Он считает неверным положение Б. В. Формаковского о том, что ионийцы были первыми распространителями культур на Северном Причерноморье, заложившими здесь основы цивилизации. С его точки зрения, колонизация явилась выражением двустороннего исторического процесса. Она была обусловлена всем предшествующим развитием как самих греков, в первую очередь ионийцев, так и местного населения... Возникновение греческих колоний на северном побережье Черного

моря было подготовлено развивающимися издавна, в течение полутора тысячелетий меновыми сношениями... с южными странами, в том числе со странами Эгейского бассейна. В то же время, сам А. А. Иессен впадал в крайность, поскольку в своей работе он не рассматривает вопросы, связанные с внутренним социально-экономическим развитием самой Греции.

Д. П. Каллистов в своем монографическом исследовании о Северном Причерноморье в античную эпоху, солидаризируясь с Т. Н. Книпович, приходит к выводу о том, что греки стали появляться в глубине страны тогда, когда они в своем развитии достигли известной зрелости, а их маршруты стали определяться интересами растущей торговли. По его мнению, особенность колонизации Северного Причерноморья состоит в том, что она проявила себя в предколониационный период и что торговая деятельность составляла главную основу экономической жизни городов-колоний.

В. Ф. Гайдукович в своих работах дал разностороннюю характеристику древнегреческой колонизации Северного Причерноморья. Он считает, что эта колонизация не была случайным явлением, хотя по сравнению с другими колонизационными линиями к югу и западу северопричерноморская колонизация была осуществлена значительно позже. Это явление он объяснял отдаленностью от греческих центров и суровостью климатических условий Северного Понта. Но эти внешние факторы, в конце концов, перестали служить помехой и уже в V в. до н. э. основные греческие колонии Северного Причерноморья были размещены.

Жизнь греческих колоний всегда протекала в непрерывном взаимодействии с миром причерноморских варваров. Греческие колонии могли существовать там, где открывались возможности использования природных ресурсов путем развития сельского хозяйства, организации различных промыслов и ремесел, но при условии, что в числе этих местных ресурсов «было самое главное – коренное население, которое в конечном итоге можно было заставить работать на пользу колонистов». Часто греческие колонии основывались на месте ранее существовавших торговых пунктов. Последние как бы «перерастали» в греческие города-колонии, не встречая активного сопротивления со стороны местного населения, и руководящая верхушка которого, соблазненная выгодами торговли, не считала нужным противодействовать оседанию греческих колонистов. По мнению того же исследователя, греческая колонизация Северного Причерноморья является одним из этапов широкого колонизационного движения, охватившего древнегреческий мир на протяжении VIII–VI вв. до н. э., вызванного процессом ломки патриархально-родовых отношений, на смену которым шел рабовладельческий строй, ставший основой существования городов-государств. Этот процесс усиленно проходил в тех греческих центрах, которые были втянуты в интенсивную морскую торговлю.

Значительный вклад в разработку проблем древнегреческой колонизации вообще и Северного Причерноморья, в частности, сделан исследованиями В. Д. Блаватского. Он считал, что взаимодействие эгейских центров с Северным Причерноморьем сильно изменилось после больших сдвигов, происшедших в экономике и социальном строе древней Греции в VIII–VI вв. до н. э. К этому времени там возникли полисы – небольшие государства-города. Развитие ремесла приводило к тому, что уже в VII в. до н. э. эти центры стали ощущать потребность в рынках сбыта и получении сырья, а также нужду в покупных рабах из соседних стран. Это способствовало значительному росту заморской торговли, в результате чего появились постоянные торговые фактории-эмпории. Они возникли на окраинах территорий, принадлежавших местным племенам. Продолжительное пребывание в эмпориях давало греческим купцам возможность изучать условия прилегающих территорий для выбора будущей территории полиса. Одной из особенностей греческой колонизации являлся избыток свободного малоимущего населения, вынужденного покинуть свои города. Такие безземельные люди уходили порой со своими семьями во вновь основанные полисы. Переселенцы приносили с собой известный им социально-экономический строй, обычаи, нравы, культуру, религию и т.д., хотя с течением времени в результате внутреннего и внешнего процесса развития многое видоизменялось. Торговля северопричерноморских городов с соседними племенами велась, но она не устраняла военных столкновений, поскольку в VI до н. э. там существовали оборонительные сооружения. С критикой теории «двустороннего процесса» колонизации, выдвинутой в свое время А. А. Иессеном, а также торговой теории выступил В. В. Лапин. На материалах археологических раскопок о. Березани он утверждает, что в социальном отношении греческие переселенцы являлись неимущими и нуждались исключительно в земле, поэтому колонизация носила исключительно земледельческий характер. Что касается критики теории «двустороннего процесса», выдвинутой в свое время А. А. Иессеном, то В. В. Лапин обосновывал ее тем, что в эпоху основания ранних колоний на Северном Причерноморье местное население отсутствовало, т. е. он фактически утверждал, что эллины пришли в «пустое место», и поэтому полностью отрицал факт торговли в колонизационной деятельности.

Я. В. Доманский посвятил целый ряд статей древнегреческой колонизации Северного Причерноморья и на основании литературных традиций и археологических находок причины начала колонизации подразделяет на три группы: 1) к первой он относит трудности экономического характера внутри метрополий (поиски плодородных земель и их разделение между переселенцами); 2) влияние внешних факторов, международной ситуации на полисы (нашествие врагов); 3) внутриволисная борьба (т. е. колонизация, вызванная социальными причинами). Я. В. Доманский считает также, что к причинам, вызвавшим колонизацию, могли относиться культурные, религиозные, сти-

хийные, климатические и другие факторы. Что касается основного мотива колонизации, то он заключает, что с полным правом можно признать ведущую роль аграрных интересов в основе этого движения.

И. Т. Кругликова посвятила ряд работ вопросам древнегреческой колонизации Северного Причерноморья, в особенности роли и значению в этом деле сельскохозяйственных районов полиса. На основании этого она приходит к выводу, что в античном обществе сельское хозяйство было основой экономики и что с ранних времен главную роль в жизни городов Северного Понта всегда играли земледельцы.

В коллективной работе В. Д. Блаватского, Г. А. Кошаленко, И. Т. Кругликовой дается четкая характеристика эпохи Великой греческой колонизации VIII–VI вв. до н. э., благодаря которой были расширены границы античного мира; на время были сняты внутренние противоречия греческого полиса и возникли новые греческие населенные пункты, оказавшиеся рядом с миром варварских народов. Этот мир «периферийных» греческих поселений, сохраняя связи с метрополией, влиял на собственно Грецию.

Главное направление греческой эмиграции в архаическую эпоху было связано с основанием новых городов в бассейнах Средиземного и Черного морей. Греческие поселения в основном рассматривались как полисы, поэтому их развитие было продиктовано особенностями полисной экономики, т. е. стремлением создать обеспечивающийся экономический организм, что означало освоение и эксплуатацию сельскохозяйственной хоры. Именно сельское хозяйство стало ведущей отраслью экономики большинства вновь основанных городов. В то же время развивалась экономическая связь как с метрополией, так и с местным населением. Полис имел определенный уровень развития своего ремесла. Большинство из городов нуждалось в импорте металлов. В этом нуждалась и сама Греция. Исходя из этого, делается вывод о том, что Греция удовлетворяла свои жизненно необходимые потребности за счет периферии, тогда как последняя получала взамен лишь товары «культурной потребности». Поэтому собственно Греция больше нуждалась в периферии, чем периферия в метрополии. Далее, говоря о значении греческой колонизации, авторы указывают, что она оказала сильное воздействие на развитие самой древнегреческой культуры, регулярная планировка сначала родилась в мире апойкии в VIII–VII вв. до н. э. и лишь позже перешла в саму Грецию.

Заслуживает интереса дискуссионная статья И. Б. Брашинского и А. Н. Щеглова, посвященная некоторым проблемам греческой колонизации, где в сжатой форме рассматриваются основные теоретические вопросы колонизации древней Греции. Делается попытка дать свои определения терминологии, связанные с такими понятиями и терминами постановки вопроса, как «колонизация», «колония», «греческая фактория», «доколонизационные связи», «система полисхора», «контактные зоны» и т. д. и т. п. В итоге авторы

приходят к заключению, что греческую колонизацию следует понимать как сложный процесс, который не может быть объяснен ни аграрной, ни торговой теориями. Хотя эти два фактора были ведущими, они считают, что их не следует противопоставлять. Каждая колония сочетала в себе разные признаки, при ведущей функции одного из них. При современном состоянии источников не всегда возможно определить, какова была эта ведущая функция.

Монография В. П. Яйленко «Греческая колонизация VIII–III вв. до н. э.» как бы подытоживает достижения, имеющиеся в вопросах изучения древнегреческой колонизации в зарубежной и советской науке. Автор этой большой и содержательной книги приходит к выводу, что колонизация явилась следствием глубинных процессов греческого общества. Колонизация была постоянным фактором греческого народа. Эпоху великой греческой колонизации автор относит к началу VIII и концу VI вв. до н. э. и делит на два периода, грань между которыми приходится на вторую половину VII – середину VI в. до н. э. Колонизацию классической поры В. П. Яйленко связывает с периодом начала V в. до н. э. до последней трети IV в. до н. э.; элинскую колонизацию определяет временем от последней трети IV в. до середины II в. до н. э. Колонизация была демографической проблемой. Она была вызвана несоответствием между имеющимися в наличии производительными ресурсами страны и численностью населения. Одним из результатов этого процесса было частичное обезземливание аристократии и простого крестьянства, вызванное разрушением родовой собственности. Они и составили главный контингент колонистов. Во второй фазе эпохи архаической колонизации (вторая половина VII – конец VI в. до н. э.) имеет место производство массовой, серийной продукции, что повлекло за собой широкое развитие торговли и монетного обращения.

2. Проблема греческой колонизации Абхазии. Вопросы греческой колонизации Абхазии были предметом обсуждения как в отечественной, так и зарубежной литературе. Одним из первых обратил внимание на этот вопрос Фредерик Дюбуа де Монпере. В своей известной работе «Путешествие вокруг Кавказа» он пишет о Диоскурии, Гюэносе и других городах Кавказского Причерноморья, отнеся их к типичным греческим колониям Милета. Среди городов Диоскурию он считал в своем роде метрополией местных центров-городов.

Вопроса греческой колонизации Абхазского Причерноморья, так или иначе, касались В. Чернявский, В. Сизов, К. Мачавариани, В. Миллер; а в первые годы советской власти – Д. Гулиа, К. Кудрявцев, А. Башкиров, М. Иващенко, А. Фадеев и др.

Заметный вклад в изучение вопросов греческой колонизации Абхазии внес один из старейших археологов Абхазии Л. Н. Соловьев. На основании своих личных раскопок, производимых им в Сухуме и его окрестностях, а также в Гюэносе-Очамчире, Л. Н. Соловьев изучил целый ряд памятников, связанных

с возникновением городской жизни, ремесла и торговли. По его мнению, на территории Сухума был Диоскурийский торг солью, рядом с которым возникали поселения. Диоскурия в эпоху греческой колонизации наиболее выделялась среди других пунктов торговли на Кавказском побережье. Основные предпосылки для городской жизни Л. Н. Соловьев усматривает в местной среде и возникновение городов здесь связывает больше с местными условиями (наличие предантичных крупнонаселенных пунктов), чем с греческой колонизацией.

Вопросам греческой колонизации значительное место уделено в монографии З. В. Анчабадзе. Он считает, что колонизация Абхазии, как и всего Восточного Причерноморья, явилась одним из этапов широкого колонизационного движения VIII–VI вв. до н. э. Как и многие другие авторы, З. В. Анчабадзе полагал, что колонизация была вызвана внутривосточной борьбой (экономический и социальный кризисы). В состав колонистов входили разорившиеся земледельцы, ремесленники и другие слои населения, вынужденные покинуть свои края в поисках новых земель. Колонии возникли в населенных пунктах, где имелись соответствующие природные ресурсы для развития хозяйства, ремесла, торговли и, что главное, люди, которых можно было заставить работать. По его мнению, Диоскурия возникла на базе местного ремесленно-земледельческого поселения. Также автор считает, что еще до основания колоний между местным населением и греческим миром существовали тесные экономические взаимоотношения. Одной из самых ранних таких связей З. В. Анчабадзе считал миф об аргонавтах. На его взгляд, время возникновения греческих колоний в Колхиде совпало с существованием здесь (не позднее VI в.) Колхидского царства. В силу этого колонисты должны были считаться с интересами местных сил. При утверждении колонистов не обходилось и без сопротивления со стороны местного населения.

Время основания греческих поселений в Колхиде автор относил к периоду не позднее VI в. до н. э. Колонизацию Колхидского побережья он выводил из южно-понтийских городов.

Большой вклад в изучение процесса древнегреческой колонизации Абхазского Причерноморья внес М. М. Трапш. Этому вопросу он посвятил монографию, изданную посмертно. Ученый считал, что возникновение греческих эмпориев и городов в Абхазии являлось итогом исторического развития античных государств VIII–VI вв. до н. э. во всем древнегреческом мире. Он, как и предыдущие авторы, считал, что греки основывали свои колонии там, где имелись соответствующие природные условия для развития хозяйства, ремесла. Греки образовывали свои центры на базе местных поселений. Вопрос основания колоний нельзя было решить без учета интересов местных племенных союзов, а затем и государственной власти. В возникновении греческих колоний была заинтересована местная социально-политическая верхушка, находившая в этом процессе дополнительный источник для самообогащения.

По его мнению, решающая роль в основании городов принадлежала местному населению, уже подготовленному к городской жизни, что привело к преобладанию в городах местного элемента, в чем М. М. Трапш видел своеобразие развития городов Восточного Причерноморья. Исходя из сказанного, автор считает, что основание колоний проходило вначале относительно мирно, иначе сосуществование было бы невозможно; насильственный характер этот процесс стал носить впоследствии. Солидаризуясь с другими исследователями, М. М. Трапш утверждает, что колонизация, наряду с торговлей, преследовала своей целью захват территории и покорение аборигенов, превращение их в рабов. Время основания Диоскурии М. М. Трапш относил к последней четверти VI в. до н. э.

Таким образом, по мнению М. М. Трапш, Диоскурийский соляной торг и выработка льняных тканей на территории Сухумской бухты функционировали еще в доколониционное время, т. е. к моменту начала греческой колонизации местное население обладало обществом с высокоразвитой экономикой и культурой.

Г. А. Меликашвили считает, что колонизация сыграла большую роль в жизни местного населения. Основание колоний не было случайным... и местные условия часто определяли пути развития колонизации. Причерноморье всегда привлекало внимание греков, и колонии основывали там, где были большие перспективы... Население греческих городов Восточного Причерноморья было смешанным. С течением времени, видимо, удельный вес местного населения увеличивался.

М. П. Инадзе, с учетом анализа достижений науки того времени по раннегреческой колонизации, делает вывод о том, что процесс колонизации Причерноморья происходит путем слияния интересов землевладельцев торгово-экономического освоения, и ремесленников и торговцев из Милета и других греческих городов.

Она считала, что в торгово-экономическом освоении Колхидского побережья наблюдается активное участие Милета, Родоса, Хиоса. В сведениях греко-римских писателей нашли отражение лишь некоторые моменты из истории колонизации Колхидского побережья. В действительности же этот процесс был значительно сложнее и многообразнее. Автор приходит к выводу, что Северная Колхида, наряду с центральными ее районами, вошла в среду экономических связей с Милетом и другими районами, и что колонизация Колхиды была единым процессом, со всеми отдельными частями Причерноморья, охватившим конец VII–VI вв. до н. э. и обусловленным возникшими в Милете факториями (ограничение земельного пространства города, обострение социальной борьбы и т. д.).

Проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья, в том числе и Абхазии, посвящены многие работы проф. О. Д. Лордкипанидзе. На осно-

вании многолетних научных исследований он в своих многочисленных трудах приходит к выводу, что греки не принесли в Колхиду сложных эллинских форм политической и социальной организации. Здесь не возникли полисы со сложной и строгой организацией земельного пространства в городе и далеко за его пределами. Природные условия прибрежной Колхиды не могли привлекать греков для основания земледельческих поселений. Греческие поселения представляют собой торговые колонии или эмпории, основанные в богатой природными ресурсами стране, с целью получения металла. Греков в Колхиду привлекало богатство железорудных месторождений, корабельный и строевой лес. Основание торговых колоний было обусловлено высоким уровнем развития местного населения, наличием товарного производства. Остатки греческих торговых поселений VI в. до н. э. в Колхиде еще не открыты. Поэтому неизвестно, имели ли эти греческие поселения к тому времени организованную форму.

По данным другого исследователя – Г. А. Лордкипанидзе, в конце VI–V вв. до н. э. в Колхиде возникло классовое общество. Тогда же возникли крупные города, в которых была сосредоточена знать, ремесленники, купцы и другой аппарат. Он считал, что каждая скептухия имела свои политико-экономические и религиозные центры, т. е. в VI в. колхские города еще не существовали. Нет оснований утверждать, что греческие поселенцы принесли эллинские формы политической и социальной организации. Эллинская эпоха в Колхиде внедряла строительную технику, архитектуру, греческую форму керамики, погребальные обряды, греческий язык и письменность. Эллинская культура не могла быть насаждена механически, насильственно. Несмотря на это, греческое влияние было поверхностным и не затронуло глубины социально-экономического строя.

А. Ю. Кахидзе, касаясь интересующего нас вопроса, пишет, что в конце VII в. или первой половине VI в. до н. э. Восточное Причерноморье уже было втянуто в сферу международных отношений. В позднеархаический период основную роль здесь играют ионийские города. Автор считает, что на первых порах обмен между греками и аборигенами носил натуральный характер. Но вскоре у колхов, вставших на путь создания собственной государственности, возникли условия для развития более высоких денежных отношений. Во второй половине VI в. до н. э. греческая колония Фазис чеканит крупный номинал колхидок для урегулирования торгово-экономических отношений с местным населением.

А. И. Болтунова посвятила целый ряд своих работ образованию городов и городской жизни на восточном Причерноморье. Возникновение здесь первых городов связано с греческой колонизацией еще в VII в. до н. э. Греки обосновались в поселениях местных племен, создавали мелкие фактории, частично вытесняли и поработщали местное население, захватывали близлежащие

участки земли, превращая их в эмпории или эллинские города-поселения. Не исключено, что Диоскурия и Фасис были основаны ранее VI в. до н. э. и явились колониями самого Милета, а не другого греческого центра, и лишь позже, в конце VI в., им овладели милетяне. Что касается других приморских факторий в районе Эшера и других поселений, то автор относит их к более позднему времени. Но в последующей работе, с учетом новых археологических открытий в Эшере, она пересматривает свою датировку в сторону уравнивания. Она пишет, что греческие поселенцы с момента своего пребывания в Колхиде в каком-то объеме занимались сельским хозяйством, рыболовством и другими промыслами для удовлетворения собственного жизнеобеспечения, а главное – торговлей. Говоря о взаимоотношениях Диоскуриады и Колхидского царства, автор отмечает, что если даже царство и существовало, то Диоскурия в него не входила, поскольку р. Фасис отделяла колхов от их соседей до Кавказских гор, а это означает, что основанный милетянами город Диоскуриада не мог испытывать помех со стороны Колхидского государства. А. И. Болтунова считает, что говорить о густоте местного населения того времени нет оснований. Греки воздействовали на экономику и культуру аборигенов посредством своих городов в Колхиде, в городское население включаются эллинизированные представители местных племен. Говоря в целом о Колхиде, А. И. Болтунова заключает, что здесь существовали милетские апойки – Фасис и Диоскуриада. Она считает, что упомянутые в письменных источниках города еще не найдены.

Взгляды А. И. Болтуновой во многом совпадают с мнением Ю. Н. Воронова, который считает, что в преантичную эпоху окрестности Диоскуриады переживают относительный упадок, и что только в конце VI–V вв. до н. э. начался экономический подъем, т. е. условия для наличия собственных городов и государств к моменту возникновения греческих колоний совершенно отсутствуют. А VI–V вв. до н. э. для населения Северной Колхиды он считает периодом, когда аборигенное население жило в условиях общинного строя.

Археологические открытия последних десятилетий в Эшере, Очамчире, Ткуарчале, Шубаре, а также учет достижений археологии в Абхазии дают нам право по-новому подойти к освещению проблемы греческой колонизации Восточного Причерноморья, в том числе и Абхазии. Как нам кажется, истоки данного явления можно и нужно проследить по двум направлениям. К первому мы относим миф об аргонавтах. Как уже установлено, походы аргонавтов относятся к концу XIII в. до н.э. Второй миф – это сказание о прикованном Прометее в горах Кавказа.

У специалистов по древней мифологии существует мнение, что истоки мифа о Прометее восходят к некоторым аналогичным преданиям народов Кавказа, в том числе и к абхазскому Абракилу. Действительно, об этом писали еще древние авторы и, более того, указывали гору на Кавказском Причер-

номорье – Стабилос, к которой был прикован Прометей (возможно, Эльбрус или Ерцаху).

По мнению отдельных исследователей-археологов, результат ранних взаимоотношений следует искать еще в памятниках II–I тыс. до н. э. При этом имеется в виду т. н. наличие дуговидных бронзовых фибул в культурных слоях памятников Абхазии, известные в специальной литературе как фибулы субмикенского типа, хотя, как уже было сказано, не всеми учеными разделяется данное мнение. В. Д. Блаватский, имея в виду поход аргонавтов, писал, что «мифы не могли появиться хотя бы без поверхностного знакомства с Понтом, а время возникновения мифов, несомненно, предшествует эпохе установления постоянных торговых связей эллинов с Причерноморьем».

Как установлено большинством исследователей, начало целенаправленной, организованной связи греков с Колхидой относится к эпохе ионийской колонизации.

Выше, при рассмотрении историографии древнегреческой колонизации, мы видели, насколько разнообразны были цели и задачи греческих мореплавателей. Для одних – поиски металлов, для других – основание торговых факторий, для третьих – нахождение плодородных земель с целью их обработки; вывоз стройматериалов и т. д. Как уже указывалось, одни и те же апойкии выполняли одновременно различные функции. Исходя из этого, нельзя не согласиться с мнением тех, кто утверждает, что греческая колонизация была длительным и сложным процессом, вызванным множеством причин, возникших в самих древнегреческих городах-полисах, связанных с кризисом экономического и социально-политического характера.

Из всех известных в истории греческих колонизационных периодов Восточное Причерноморье коснулась колонизация VIII–VI вв. до н. э. На основании датированных привозных изделий установлено, что самые ранние греческие поселения возникли, возможно, в Эшере и Гюэносе, которые можно отнести к первой половине VI в. до н. э. А за пределами Абхазии, в сторону юго-востока, к числу таких памятников относятся: Батумская крепость, Цихидзири, Пичвнари, окрестности Поти, а к северо-западу – район Б. Сочи.

Рассмотрим в отдельности условия местонахождения раннеантичных поселений Абхазии с их окружением, к которым в первую очередь можно отнести представление о местном населении, природных ресурсах, путях сообщения и т. д.

3. Города античной Абхазии

Эшерское городище. Оно расположено в пос. Нижняя Эшера, в 10 км к западу от г. Сухум, на юго-восточном отроге Верещагинского холма. Памятник зафиксирован М. М. Иващенко, сообщившим краткие сведения о его площади, характере подъемного материала. Более полные сведения об Эшерском городище приведены Б. А. Куфтиным, опиравшимся также на подъемный ма-

териал. На основании анализа этих данных Б. А. Куфтин отнес городище к IV–III вв. до н. э. Систематическое исследование памятника было начато в 1967 году.

По своей топографии памятник состоит из двух частей: верхней и нижней, разделенных крутым склоном. Раскопкам были подвергнуты обе части городища. Надо отметить, что не везде в одинаковой степени представлены культурные слои: так, в верхней части зафиксировано последовательное залегание трех культурных слоев, которым соответствуют периоды ранней античности и эллинизма.

Максимальная глубина залегания от нулевой поверхности самого культурного раннего слоя – 2–3 м, наибольшая его мощность не превышает 40–50 см, толщина эллинистического слоя иногда достигает 70–75 см. Всего раскопано на верхней площади городища 2000 м.

Иначе обстоит дело на нижней площади памятника, где раскопано около 500 кв м. В отличие от верхней площади здесь представлен лишь эллинистический слой, то есть отсутствует слой VI–V вв. до н. э.

На городище выявлены остатки разновременных сооружений жилого и оборонительного значения, относящихся к античной эпохе. О строительных остатках по имеющимся материалам судить трудно.

В эллинистическую эпоху на городище возникает целая система помещений общественного и индивидуального значения, фортификационного сооружения.

Особо монументальны сооружения общественного назначения. К числу их относятся остатки здания типа «казармы», выявленные на верхней площадке городища. Исследования показали, что еще до начала его строительства местность была выровнена, затем устлана булыжными камнями и лишь потом на ней воздвигали сооружения.

К числу построек общественного значения относятся остатки фундамента здания на нижней площадке городища. Фундамент состоял из тесаных песчаниковых блоков темно-коричневого цвета вперемешку с известняковыми плитами и булыжными камнями. Именно на западной окраине помещения в позднеэллинистическом слое были обнаружены бронзовые плитки с древнегреческими письменами (удалось собрать 19 фрагментов). Все они пострадали от огня. Надпись прорезана оригинальной техникой: сначала на концах букв делались углубления сверлом, которые потом соединялись при помощи резца с применением циркуля. По мнению проф. Ю. Г. Виноградова, подобная техника хорошо известна в IV в. до н. э. По всей видимости, это важный документ типа декрета или исторической хроники, в котором речь шла о неких военных событиях.

На городище были раскопаны и другого типа помещения, построенные позже, но одновременно с башнями и куртинами времен Понтийского царя

Митридата VI Евпатора (I в. до н. э.). Судя по их планировке и вещевым находкам, есть основания полагать, что они служили караульными помещениями. Значительный интерес представляют оборонительные сооружения Эшерского городища, куда входят башни, куртины и ров. На городище выявлено четыре однотипные башни, построенные по одной общей планировке. По технике строительства, сопровождаемому инвентарю они синхронны.

Археологическое исследование городища дало, помимо монументальных сооружений, многочисленный материал, имеющий исключительное значение для характеристики одного из значительных античных населенных пунктов Восточного Причерноморья.

Керамический материал Эшерского городища по форме, качеству глины и фактуре может быть подразделен на три группы: привозной, местный греческий и местный аборигенный.

Среди привозных предметов заслуживают внимания амфоры, чаши, кувшины и другие изделия синопского происхождения, обломки косских, гераклейских и северопричерноморских амфор, черно-лаковой, буро-лаковой и красно-лаковой посуды. Большой интерес представляет набор черно-лаковых изделий: канфары – чаши на ножке для вина, килики и скифосы, кубки, блюда, кувшинчики и т.д. Среди буро-лаковых и краснолаковых сосудов немало чаш, кубков.

Простая античная керамика представлена многочисленными фрагментами кастрюль, горшков, мисок, крышек, кувшинов. Все эти изделия могут быть разделены на две группы – привозные и местного производства.

Выразительна продукция местных керамических мастерских греков: плоская и желобчатая черепица, амфоры, кувшины, чаши, кастрюли, сковороды, кружки, пирамидальные грузила ткацких станков. Различные значки и штампы указывают на существование в окрестностях поселения нескольких производственных центров.

Многочисленная строительная керамика, подчеркивающая определение Эшерского городища как поселения городского типа, может быть подразделена на три группы. К древнейшей относятся фрагменты синопской черепицы, характеризующейся светлой с фиолетовыми, желтыми, розовыми и иными оттенками глиной с обильной крупнозернистой примесью пироксена. Вторую группу составляет основная масса изделий, представленных плоской черепицей и калиптерами красного, коричневого и серого обжига.

Среди прочих находок на городище следует отметить керамические пирамидальные и каменные грузила-отвесы, керамические и каменные пряслица и т.д.

Некрополь (могильник) Эшерского городища прослежен к северу от него, здесь, однако, пока не обнаружено собственно греческих захоронений. Внимание исследователей привлек погребальный комплекс, принадлежавший эл-

линизированному представителю аборигенного населения с богатым инвентарем. Начало экономического подъема на Эшерском городище может быть определено временем не раньше первой половины, а возможно, и середины V в. до н. э. Находки, относящиеся к данному слою (V – первая половина IV в. до н. э.), указывают на тесные связи с античными центрами античного мира (Афины, Хиос, Гераклея, Синопа).

В конце IV–I вв. до н. э. Эшерское городище переживает расцвет – материалы показывают существование здесь различных отраслей хозяйства.

Небольшой обзор материалов Эшерского городища достаточно определенно рисует экономическую и культурную специфику этого довольно значительного, тесно связанного с Диоскуриадой античного сельскохозяйственного поселения (ее хоры), проливая некоторый свет на сложный вопрос о путях и формах греческой колонизации Восточного Причерноморья.

Гюэнос. Первое упоминание о Гюэносе мы встречаем в труде, приписываемом автору IV в. до н. э. Скилаку, жителю города Корианда. Встречается он и в «Естественной истории» Плиния Старшего. Наряду с письменными источниками и данными топонимики известен Гюэнос по археологическим материалам. Впервые его материалы были открыты в 1935–1936 гг. недалеко от г. Очамчира. В 1977 г. в результате небольших работ был выявлен материал, охватывающий периоды от поздней античности до V в. до н. э.

Археологический материал из раскопок Гюэноса впервые был изложен в работе М. М. Иващенко «Античное поселение вблизи Очамчиры», хранящейся на правах рукописи в библиотеке Института истории, археологии и этнографии Грузии.

Одна из работ Л. Н. Соловьева посвящена характеристике античных слоев Гюэноса. По его мнению, городище было типичной торговой факторией для сезонной торговли. Время его образования он суммарно относит к V–III вв. до н. э.

Раскопкам в Гюэносе посвящена одна из работ Б. А. Куфтина. Историко-культурной характеристики Гюэноса касался и Г. А. Меликишвили, который относил его к разряду греческих колоний. Другой грузинский исследователь М. П. Инадзе в специальной статье, посвященной вопросу характера развития городов Северной Колхиды, писала, что Гюэнос «...уже во второй половине VI века до н. э. должен был быть основан Милетом, но из-за заболачивания почвы древнейшее греческое поселение прекратило свое существование». И лишь позже, в V–IV вв. до н. э., снова возникает поселение, основанное афинянами.

Время основания Гюэноса О. Д. Лордкипанидзе относит к V в. до н. э., он пишет, что нет основания считать это поселение греческим, тем более полисом – оно было греческой факторией сезонного характера и было связано с торговой деятельностью Афин.

Д. Д. Качарава рассматривает Гюэнос как греческую (афинскую) факторию, основанную при местном поселении. Примерно ту же точку зрения о Гюэносе высказал Г. Т. Квирквелия. По его мнению, греки появились здесь в середине V в. до н. э. и устанавливали контакты с местным населением, целью которых была торговля.

Раскопки С. М. Шамба показали, что Гюэнос представлял собой крупное поселение городского типа, возникшее не позднее первой половины VI в. до н. э.

Диоскурия. История исследования. Одним из важнейших пунктов при рассмотрении процесса греческой колонизации в Восточном Причерноморье является Диоскуриада, локализуемая большинством исследователей в районе современного Сухума в Абхазии.

Этот древний, овеянный легендами, город в Северо-Восточном Причерноморье давно привлекал и вызывал интерес не только у современников, но и в последующие времена. Научно-познавательный интерес к Диоскурии восходит еще к 1672 г., о нем писали Шарден, Иерусалимский патриарх Досифей. В 1712 г. развалины Диоскуриады посетил французский путешественник де ла Моттре, которому местные жители показывали несколько колонн, изуродованную голову статуи и конскую, то ли «медаль», то ли монету с надписью: «Диоскуриада». В 1817 г. француз Роттье начинает поиски Диоскуриады на территории Сухума. Его примеру следует Поль Гибаль из той же Франции, он пишет несколько заметок об Абхазии, в том числе и о Диоскуриаде. Другой французский путешественник Жак Франсуа Гамба, посетивший Абхазию в 1822 г., утверждал, что Диоскурия есть Сухум. В 1833 г. по Абхазии путешествовал известный французский археолог, теолог и искусствовед Фредерик Дюбуа де Монпере, который высказал мнение, что Диоскуриада располагалась в свое время не на берегах Сухумской бухты, а в 30 км восточнее Сухума, на Кодорском мысу, в местечке Скурча. Этот исследователь помещал Диоскуриаду в Скурче, руководствуясь не только наличием залива на этом месте, но и самим созвучием Скурчи с Диоскуриадой.

Особенно много для изучения древностей Сухума–Диоскуриады сделал известный сухумский краевед В. И. Чернявский. Он в результате многолетних археологических поисков и наблюдений пришел к выводу, что Диоскуриада находилась на месте современного Сухума, и ее значительная часть погребена на дне Сухумской бухты. Он даже составил схематический план затонувшей Диоскуриады–Себастополиса.

Немало высказываний по поводу Диоскурии есть у грузинского историка Д. Бакрадзе. Он, опираясь на данные античных авторов, писал, что возникновение Диоскуриады следует связать с деятельностью Милета, и рассматривал причерноморские города как торговые центры, посредством которых осуществлялись торговые сношения между греками и местным населением.

В 1886 г. в Сухуме первые археологические раскопки на профессиональном уровне произвел В. И. Сизов. Небольшие, но очень результативные его раскопки на берегах Сухумской бухты и совершенно безрезультативная разведка на Скурче подтвердили правильность выводов В. И. Чернявского о местоположении древнего города и о том, что основателями Диоскуриады могло быть только греческое население.

Изучением памятников Абхазии, в том числе Сухума, занимался А. А. Миллер. Он считал, что Диоскурия – это Сухум. Немало ярких страниц о городе оставил нам знаток древностей Абхазии К. Д. Мачавариани. Диоскуриаду он считал греческой колонией, основанной милетцами, но в то же время был убежден, что до ее основания на этом месте проживали аборигены.

В 20-х годах XX в. большую работу по изучению древностей города проделало Абхазское научное общество. Именно по поручению этого учреждения в 1925 г. А. С. Башкиров провел археологические работы на территории Сухумской крепости, в ходе которых удалось выявить значительное число античных материалов.

Интересный труд проблеме локализации Диоскуриады посвятил М. М. Иващенко, где, анализируя имеющиеся археологические и письменные источники о древнем Сухуме, приходит к выводу, что Диоскуриаду нужно искать в пределах современного Сухума. Основной его вывод свелся к мысли, что древний город тянулся «неширокой полосой по берегу моря на протяжении типичным греческим городом, не отличающимся от других городов Северного Причерноморья». Взгляды Ю. Н. Воронова во многом совпадают с мнением А. И. Болтуновой, посвятившей целый ряд своих работ образованию городов на Восточном Причерноморье. Он считал, что сохранившуюся часть Диоскуриады следует искать на Сухумской набережной (до 150–200 м от берега моря).

Письменные источники о Диоскурии, вопрос о времени его основания. Самые ранние письменные сведения об этом городе сообщает греческий писатель IV в. до н. э. Псевдо-Скилак. Он пишет следующее: «Колхи, после них есть племя – колхи, город Диоскурис...». Как полагают исследователи, упоминание о Диоскуриаде было заимствовано из сочинения Скилака Кариандского, Псевдо-Скилак также пользовался трудами Гекатея Милетского. Перечисляя города в Колхиде, Псевдо-Скилак указывает, что Фасис и Гюэнос были эллинскими, а относительно Диоскуриады обозначение «эллинский» не употребляет. Это дало повод некоторым исследователям считать, что Диоскуриада не была основана греками, а являлась местным колхидским городом. Из последующих авторов античного времени наиболее полно о Диоскуриаде говорит Страбон, живущий на рубеже нашей эры, который пользовался ранними произведениями географической и исторической литературы (Артемидор, Аратософен). В отличие от своих предшественников, интересующий нас город он называет не Диоскурией, как писали прежние авторы, а Диоскуриадой.

О Диоскуриаде пишет римский географ Помпоний Мела. По мнению исследователей, он, как и многие его современники, пользовался источниками, восходящими непосредственно к ионийским писателям. По его сведению, Диоскуриада находится на земле гениохов и город основан Кастором и Поллуксом.

Из римских писателей, чьи произведения с упоминанием города Диоскурии дошли до нас, был Плиний Старший. Он дает подробное описание городов, имевших место после завоевания римлянами, и указывает на город Диоскуриаду.

Упоминает Диоскуриаду и Аппиан: «Митридат зимовал в Диоскурии. Колхи считают этот город доказательством того, что диоскуры вместе с аргонавтами прибыли сюда».

Важные сведения о Диоскуриаде мы читаем у Флавия Арриана. Около 137 г. правитель римской провинции Капподокии Арриан по поручению императора Адриана совершил объезд всего побережья Колхиды и оставил нам подробный маршрут плавания (перипл) с указанием расстояний между остановками судов. В отличие от своих предшественников он сообщает, что Диоскуриада или Себастопилис основана милетянами. Исключительная ценность сообщения Флавия Арриана заключается в том, что он лично побывал в этих местах, что подтвердилось находкой каменной плиты в Сухуме. Этот интересный эпиграфический памятник, найденный в 1896 г. при строительстве набережной Сухума, представляет собой фрагмент известняковой плиты с латинской надписью. Текст этого памятника связан с командировкой Флавия Арриана. Надпись в переводе с латинского означала: «Адриан через Флавия Арриана порт сей соорудил...» Так как Себастополис был конечным пунктом путешествия Арриана, эта надпись дает возможность решить и вопрос о местонахождении Диоскуриады. Говоря о Себастополисе, Арриан называет его то Себастополисом, то Диоскуриадой, оговариваясь иногда, что теперь его называют Себастополисом.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно считать, что большинство исследователей приходят к следующему выводу: Диоскуриада была основана не позже 40–30-х годов VI в. до н. э. Ни один источник не дает сведений, опираясь на которые, можно было бы установить точную дату основания этого города, но с уверенностью можно говорить, что это произошло до 530 г. до н. э. – в связи с захватом персами около 20-х годов VI в. до н. э. проливов у Геллеспонта, Милет. Как и другие малоазийские города-государства, он был вынужден прекратить свою колонизационную деятельность в Причерноморье.

Несомненным является то, что греки никогда не основывали свои колонии в безлюдных местах, так как они занимались торговлей и ремеслом, играли посредническую роль между аборигенами и метрополией. Соответственно,

греки предварительно объезжали, собирали сведения, выясняли географическую, экономическую и политическую обстановку в избранном пункте.

Римский автор I в. н. э. Помпоний Мела оставил указание, что Диоскуриада находилась в земле гиниохов. В таком же этническом окружении, согласно сообщениям Аристотеля, возник и другой крупный древнегреческий город Колхиды – Фасис. Страбон (I в. до н. э. – I в. н. э.) также считает, что страна, где была основана Диоскуриада, называлась Гениохийей, что очень важно, всюду гениохи связывались в первую очередь с Диоскуриадой и с ее полубожественными покровителями – Кастором и Поллуксом.

Археологическое изучение Диоскурии. В результате систематических археологических исследований на территории Сухума были обнаружены различные категории памятников раннего этапа истории Диоскуриады: античные культурные слои на территории Сухумской крепости, поселение и могильник на горе Гуад-иху, в восточной части Сухума (Маяк), античный слой в замке Баграта и т. п.

Наиболее замечательной находкой раннеантичного времени, связанной с древней Диоскуриадой, является мраморная надгробная стела – выдающийся памятник древнегреческого искусства, найденная у самого берега моря, по левую сторону устья р. Басла.

Рассматриваемая мраморная плита имеет прямоугольную форму, размерами: длина – 157 см, ширина – 92 см, толщина – 11–12 см. Серовато-пятнистого цвета мрамор, из которого сделан памятник, в Абхазии не встречается и, несомненно, он привезен извне. На лицевой стороне мраморной плиты изображены три изящно изваянные человеческие фигуры. Это, по всей видимости, сцена прощания с умершей. Сидящая в кресле нарядно одетая женщина обнимает правой рукой прислонившегося к ее коленям обнаженного мальчика, на которого она смотрит с глубокой печалью, как бы прощаясь с ним навсегда. На заднем плане – изваяние молодой девушки-служанки в подпоясанном аттическом пеплосе-рубаше без рукавов. Она держит в левой руке шкатулку с каким-то, по-видимому, украшением и вещами – погребальный подарок. С кресла свисает звериная шкура-подстилка.

Этот памятник с изображенными фигурами, живописной трактовкой форм и изяществом драпировки одежд, изумительной обработкой мрамора является замечательным произведением античного искусства. Он не имеет аналогии среди известных мраморных барельефов из античных городов и относится к раннему времени греческого искусства.

О. Д. Лордкипанидзе, подробно изучавший этот памятник, датирует его 430–420 гг. до н. э.

Диоскуриада в эллинистический период расширяется, как показывают археологические материалы. Рост города становится интенсивным, осваивается обширная территория, прилегающая к Диоскуриаде, о чем свидетельству-

ют остатки раннеантичных поселений к северо-западу (Гумистинский мыс, Эшерское городище, раннеантичное поселение на участке Одынец, в пос. Лечкоп и др.) и к юго-востоку (Келасур, Алексеевское ущелье, холм Баграта и др.).

Вторая половина I–III вв. до н. э. – время расцвета Диоскуриады. Судя по археологическим материалам, городские кварталы тогда расширились вглубь берега, как, вероятно, за счет сплошной застройки, так и, вероятно, за счет возведения отдельных усадеб.

Как показывают археологические материалы, интенсивный рост Диоскуриады произошел уже в первой половине V в. до н. э. В это время осваивается обширная территория, прилегающая к Диоскуриаде, о чем свидетельствуют остатки раннеантичных поселений к северо-западу и юго-востоку от Сухума. Вскоре эти поселки превращаются в экономически взаимосвязанные пригороды Диоскуриады, а сама Диоскуриада становится одним из крупнейших на Кавказе политических и экономических центров.

Временем экономического расцвета Диоскуриады являются V–IV вв. до н. э. В этот период на территории хоры Диоскуриады интенсивно развивается сельское хозяйство: земледелие, виноградарство, скотоводство.

Начиная с V в. до н. э. площади пригородных поселений увеличиваются, а следовательно, увеличивается и число аборигенов, втянутых в систему экономических отношений города.

Значительное место в хозяйственной жизни населения Диоскуриады и всей Абхазии продолжало занимать скотоводство.

Помимо земледелия и скотоводства, население Диоскуриады занималось и охотой. Так, в районе Сухумской крепости при раскопках в культурном слое V–I вв. до н.э. найдены кости животных (оленья, косули, кабана) в небольшом количестве, что свидетельствует о подсобном значении охоты в хозяйстве населения Диоскуриады.

В хозяйственной жизни Диоскуриады немаловажное значение имело и рыболовство, о чем свидетельствуют, в частности, специально изготовленные по античным образцам спицы для вязки сетей и бронзовые рыболовные крючки, обнаруженные как в греческих, так и в местных поселениях.

В экономике Диоскуриады немалую роль играло металлообрабатывающее ремесло. К числу изделий греческих и местных кузнецов следует отнести в первую очередь сельскохозяйственные инструменты (лемехи, мотыги, виноградные ножи), оружие, строительные материалы. На металлообрабатывающее производство и связанное с ним ювелирное дело указывают многочисленные предметы украшения тела и одежды – браслеты, перстни, булавки, шейные гривны, фигурки животных, фибулы, серьги, нашивные бляхи и др.

Высокого уровня развития для того времени достигло и ткацкое ремесло, о чем говорят многочисленные пирамидальные грузила, сравнительно высокий

уровень развития греческого станка, пряслица, куски шерстяных изделий и др., найденные при раскопках могильников и поселений в районе Сухума и других пунктах на побережье Абхазии.

Несомненно, что греческие города Восточного Причерноморья были значительными центрами керамического производства, и Диоскуриада не исключение. Многочисленные археологические материалы из раскопок Диоскуриады и ее хоры позволяют детально рассмотреть уровень керамического производства.

В эллинистическую эпоху Диоскуриада становится крупным торгово-посредническим центром, она была известна своими торговыми рынками. Согласно сообщению Тиммосфена Родосского, жившего в III в. до н. э., здесь для торговых сделок собирались представители 300 племен. Страбон, опираясь на источники III–I вв. до н. э., писал: «Эта же Диоскуриада является... общим торговым центром для живущих выше и соседских народностей. Во всяком случае, в этот город собираются (представители) 70 народностей... сходятся в Диоскуриаду... главным образом, за солью».

Очень разнообразны в эллинистический период внешние связи Диоскуриады. В V в. до н. э. завязываются торговые сношения с Ионией и Афинами. На это указывают многочисленные находки разнообразных черно-лаковых изделий.

С IV в. до н. э. устанавливаются прочные связи Диоскуриады с городами Малой Азии: Синопой, Гераклеей и др. С конца V – начала IV в. до н. э. Синопа играет роль главного посредника в торговле между Колхидой и Средиземноморьем, которую она сохраняет до конца эллинистической эпохи. Из Синопы в Диоскуриаду поступают амфоры с оливковым маслом, строительные материалы, столовая посуда, монеты и т. д. Неслучайно поэтому местное керамическое производство складывалось под непосредственным влиянием соответствующей продукции Синопы (амфоры, черепица, лутерии и т. д.). В IV в. устанавливаются торговые связи и с другим важным центром торговли в Причерноморье – Гераклеей Понтийской. Отсюда также ввозятся вина и оливковое масло. На территории хоры Диоскуриады найдены характерные образцы продукции Родоса, Коса, Пергама и других городов.

Таким образом, история Абхазии в античную эпоху характеризовалась тесным взаимодействием греческих и местных начал в экономике, политике, культуре и идеологии, происходивших в условиях общеисторической обстановки. Все это позволяет рассматривать данный регион в качестве органической, хотя и периферической части эллинистического мира. Хотя сложение эллинизма шло в разных местах античного мира отличными друг от друга путями, обусловленными конкретно-исторической обстановкой, но в итоге приводило к одним и тем же результатам. Северо-восточное Причерноморье, как представляется на основе вышеизложенного, в этом отношении не составило исключения.

Литература

1. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
2. Аполоний Родосский. Аргонавтика. Тбилиси, 1964.
3. Арриан Флавий. Путешествие по берегам Черного моря. Тбилиси, 1961.
4. Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // Известия АБНО, 4. Сухуми, 1926.
5. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
6. Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. М., 1980.
7. Габелия А. Н. Поселения колхидской культуры в Абхазии. М., 1984.
8. Гулиа Д. И. Сухум не Диоскурия // Труды АНИИК. Вып. 2. Сухуми, 1934; 1975.
9. История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 1991; Гудаута. 1993.
10. Соловьев Л. Н. Диоскурия – Себастополис – Цхум // Труды АТМ, I. Сухуми, 1947.
11. Трапш М. М. Древний Сухуми. Труды. 2. Сухуми, 1969.
12. Шервашидзе Л. А. Повесть о городе, взятом волнами. Сухум, 1967.
13. Шамба Г. К. Гюзнос-1. Тбилиси, 1980.

Лекция № 5

О. Х. Бгажба, Ю. Н. Воронов

ДРЕВНЕАБХАЗСКИЕ ПЛЕМЕНА В РИМСКО- ВИЗАНТИЙСКУЮ ЭПОХУ (АБХАЗИЯ В I–V вв.)

План

1. Древние предки абхазов и их соседей в «Естественной истории» Плиния Секунда.
2. Сведения Флавия Арриана о Колхиде.
3. Сведения в «Перипле» Протоарриана о Колхиде.
4. Корнелий Тацит о восстании Аникета.
5. Сведения Псевдоарриана о древних абхазах и их соседях.
6. Сведения Клавдия Птолемея о Колхиде.
7. «Понтийский» внешний и «Кавказский» внутренней лимес.
8. Мечи из «дамасской» стали в Абхазии.

В данный период на территории Абхазии зарождались древнеабхазские раннегосударственные образования – Апсилия, Абасгия, Санигия в преддверии консолидации племен в единую абхазскую феодальную народность, без которой не сложилось бы позднее независимое Абхазское царство. Поэтому интерес к данной проблематике у зарубежных и отечественных историков и археологов существовал последнее столетие всегда. Данная лекция охватывает не только территорию нынешней Абхазии, но и регионы центральной Колхиды. Нижняя дата исследования – это I в., начало римского владычества в регионе, верхняя – VI в., период официального принятия христианства и начала консолидации древнеабхазских племен в единую абхазскую феодальную народность.

Познакомимся с римско-византийскими письменными источниками, которые по сравнению с греческими более точные (описательные отчеты, документы) и в основном лишены влияния аргонавтики, т. е. мифологии.

1. Древние предки абхазов и их соседей в «Естественной истории» Плиния Секунда. Первые сведения об апсилах можно найти в труде римского ученого-энциклопедиста Плиния Секунда «Естественная история», завершеном в 77 г. н. э., а в 79 г. н. э. он погиб при извержении Везувия. Апсилы помещены им в следующий контекст: «... затем Роан (совр. р. Риони), область Кегритика; реки Сигания, Терс, Астелеф Хрисоррой, племя апсилов, крепость Себастополис от Фасиса в 100 милях, племя саников, город Кигн, река и город Пеней». По его свидетельству, лазы (древнекартвельские племена, возможно,

потомки колхов) жили ещё до границы р. Апсар (совр. р. Чорохи), т. е. не на территории совр. Западной Грузии, что очень важно знать.

Следует учитывать мнение специалистов, особенно Ю. Н. Воронова, давшего комментарий к труду о том, что работа Плиния представляет собой, несомненно, свод разновременных сведений, в которых могут быть выделены, по крайней мере, четыре пласта источников: мифологический, раннеантичный, эллинический и «римский», т.е. современный или непосредственно предшествующий тому периоду, когда им писалась «Естественная история». Для выделения последнего пласта важное значение приобретают сведения римского полководца и администратора Флавия Арриана в 137 г. н. э., совершившего вояж на корабле вдоль восточного побережья Черного моря и оставившего соответствующее описание увиденного и услышанного.

2. Сведения Флавия Арриана о Колхиде. «... Отправившись от Фасиса (кстати, граница апсилон на востоке доходила во II в. уже до Фасиса, поэтому от него начинался данный вояж Флавия Арриана. – **Авт.**), мы миновали судходную реку Хариент, (проплыв) еще дальше девяносто стадиев, выехали мы в реку Хоб, где и стали на якорю... После Хоба мы миновали судходную реку Сингам; она отстоит от Хоба не более чем на двести десять стадиев. За Сингамом следует река Тарсур, между ними 120 стадиев. Река Гипп отстоит от Тарсура на сто пятьдесят стадиев, от Гиппа – река Астелеф на тридцать стадиев.

Миновав Астелеф, мы раньше полудня прибыли в Себастополь, двинувшись от Хоба, в ста двадцати стадиях от Астелефа. Поэтому мы в тот день успели выдать жалование солдатам, осмотреть коней, оружие, прыгание всадников на коней, больных, хлебные запасы, обойти стены и ров. От Хоба до Себастополя шестьсот тридцать стадиев... Себастополь прежде назывался Диоскуриадой, колония Милета. (На всей этой территории с названными после Фасиса реками жили апсилы. – **Авт.**)

Мы проехали мимо следующих народов: с трапецунтцами, как говорит Ксенофонт, граничат колхи... рядом с ними живут макроны и гениохи; у которых царь Анхиал. С макронами и гениохами граничат зидриты, они подвластны Фарасману. Рядом с зидритами – лазы, царь у лазов Маллас, за Хобом получивший свою власть от тебя (Адриана. – **Авт.**). За лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца (Траяна. – **Авт.**). С апсилами граничат абасги; у абасгов царь Рисмаг; этот тоже получил свою власть от тебя. Рядом с абасгами – саниги, в земле которых лежит Севастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя.

От Апсара мы плыли на восток по правой стороне Эвксина. Апсар же мне показался крайним пределом долины Понта, так как отсюда мы держим путь, уже на север вплоть до реки Хоба и за Хобом до Сингама. От Сингама мы повернули на правую сторону Понта до реки Гиппа. На пути от Гиппа до Астелефа и Диоскуриады нам были видны Кавказские горы... Нам показали одну

вершину Кавказа – имя вершины Стробил (возможно, Ерцаху. – Авт.). Крепость Диоскуриада представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт...

Итак, если двинуться из Диоскуриады, первая стоянка будет в Питиунте (на расстоянии) трехсот пятидесяти стадиев, отсюда сто пятьдесят стадиев до Нитики, где в древности жило скифское племя, о котором упоминает историк Геродот (ошибочно. – Авт.)... От Нитики до реки Абаска девяносто стадиев, (река) Боргис отстоит от Абаска на сто двадцать стадиев, а от Боргиса – на шестьдесят стадиев (река) Несис, где выдается Гераклов мыс. От Несиса до реки Масаитики девяносто стадиев; отсюда шестьдесят стадиев до Ахеунта, река отделяет зилхов от санигов. Царем у зилхов Стахемфак, также получивший власть от тебя».

Сведения Флавия Арриана о Колхиде легли в основу ряда научных разработок, позволивших исследователям на основе критического анализа данных самого источника прийти к единству взглядов по локализации соответствующих топонимов: крепость Апсар следует отождествлять с нынешним Гонио, реку Акамписис – с рекой Чорох, реку Батус (греч. «Глубокая») – с Королис-цкали у Батуми, реку Акинас – с рекой Кинтриши, реку Исис – с рекой Натанеби, реку Могр – с рекой Супса, реку Фасис – с рекой Риони, крепость Фасис – с руинами на левом берегу Риона – примерно в 10 км от его устья, реку Хариент (греч. «Приятная») – с рекой Хопи, реку Хоб – с рекой Ингур, реку Тарсур – с рекой Моква, реку Гипп (греч. «Конь») – с рекой Кодор, реку Астелеф – с рекой Дранда, город Диаскуриада и крепость Себастополис – с Сухумом, гавань Питиунт – с Пицундой, пункт Нитика – с Гагрой, реку Абаск (р. Бзыбь), реку Боргис – с рекой Мзымтой, реку Несис и мыс Геракла – с рекой Хоста и мысом Видным, реку Масетика – с рекой Мацеста или Сочи и, наконец, реку Ахуент – с рекой Сочи или Аше.

«Перипл» Арриана, по справедливой оценке специалистов, представляет собой весьма оригинальный письменный источник, хорошо иллюстрирующий ситуацию в Колхиде в эпоху расцвета римской империи. В то же время те части его труда, которые касаются остальных причерноморских областей, где Арриан лично не бывал, справедливо «заподозрены критикой в их подлинности и признаны позднейшими вставками и дополнениями». Это подтверждается и теми противоречиями (разрыв между территорией абасгов и рекой Абаск, появление вне территории лазов пункта Старая Лазика, сомнительность принадлежности царя зилхов Стахемфалака эпохе Арриана и т.д.), которые под воздействием этого труда перекочевали в средневековые и современные исторические разработки.

Если топонимы Арриана в основном соответствуют реальной ситуации (неясны, пожалуй, причины переноса названий Хоб и Гипп, которые позднее оказались смещены к центральным районам Колхиды), то гораздо сложнее

вопрос о локализации приводимых в «перипле» этнонимов: они даны списком и только в отношении санигов как будто, ясно сказано, что в их «земле лежит Севастополь». Это дает основание исследователям полагать, что, если лазы «в начале I тыс. в основном занимали территории южнее реки Фасис», то и «в следующее время они распространяются и севернее реки Фасис», и во II в. территория Лазского княжества ошибочно распространялась до реки Хоба, т. е. современного Ингура. В отношении апсиллов и абасгов там же ошибочно предполагается, что занимаемая ими территория «во II в. распространялась от реки Ингура примерно до Сухума (т. е. Севастополя Арриана), который находился на территории санигов – северных соседей абасгов» и что «из анализа сведений Арриана явствует, что апсиллы и абасги происходят из центральных районов Колхиды и связаны по своему происхождению с проживающими здесь грузинскими племенами».

Конечно, данный вывод несколько не вытекает из «анализа» сведений Арриана. Вполне могут быть поставлены под сомнение и некоторые другие утверждения, поскольку они сделаны без учета по крайней мере двух очень важных указаний Арриана: 1) царь апсиллов Юлиан был, в отличие от остальных упоминаемых царей, утвержден в своей власти императором Траяном, а его имя указывает на более ранние тесные связи с Римом, которые в этой зоне могли осуществляться только через Севастополис; 2) Арриан упоминает к западу от Питиунта реку Абаск, которую, на мой взгляд, никак нельзя отрывать от абасгов, что заставляет предполагать их присутствие в том же регионе, где их позднее помещает Прокопий Кесарийский. Поэтому локализация Диоскуриады – Сабастополиса на территории санигов должна быть объяснена какой-то традицией, некогда объединявшей все население региона под названием «саниги» и восходящей, скорее всего, к источникам Страбона, которые помещали в этой местности соанов-санигов. Правильнее всего было бы согласиться с тем, что вопрос о локализации племен в Колхиде, исходя из данных одного только Флавия Арриана, однозначно решен быть не может.

3. Сведения в «Перипле» Протоарриана о Колхиде. Поэтому сопоставление данных Плиния Секунда и Флавия Арриана дает основание выделить у первого ясный след рукописи неизвестного автора, предшественника Арриана и современника первых крепостных узлов «Понтийского Лимеса». Соответствующий текст может быть реконструирован следующим образом: «В 140 милях от Трапезунта река Абсар с одноименной крепостью при устье. В этой местности за горами лежит Иберия, по берегу живут лазы, текут реки Акампеон, Батис, Исис, Могр и славнейшая из колхидских рек Фасис: от Абсара он стоит на 70 миль. Затем другая река Хариент... с Кавказа текут реки Хоб. Далее Роан, область Кегритика; реки Сигания, Терс, Астелеф... племя апсиллов, крепость Севастополис в 100 милях от Фасиса, племя санигов... город Гераклея. От Севастополиса он отстоит на 70 миль. Внутри этого

пространства богатейший город Питиунт разграблен гениолами»... «Перипл Протоарриана», если так можно назвать этот источник, выявляет, с одной стороны, почти полное тождество с трудом Арриана, который поэтому, вполне вероятно, им пользовался по пути своего следования и сведениями предшественника. Этот древнейший из известных римских «периплов» четко фиксирует ситуацию в Колхиде – лазы помещены им в окрестностях Апсара, где сосредотачивалась тогда информация о прилегающих районах юго-восточного Причерноморья, апсилы и саниги – у Себастополиса, выполнявшего ту же роль в северо-восточном Причерноморье. Здесь, как позже и Арриана, автора интересовало население в непосредственной близости от только что основанных крепостей и соответствующие указания источников, поэтому нельзя использовать для выяснения того, до каких пределов простирались периферийные зоны расселения соответствующих племен. Крепость в устье Фасиса в «Перипле Протоарриана» не упоминалась, что позволяет отделить от этого источника сведения об Иберии, которые, видимо, были заимствованы Плинием из официальных римских документов, бытовавших в I в. н. э.

Вопрос о дате «Перипла Протоарриана» может быть решен следующим образом. Римский географ Помпоний Мела, писавший свой труд примерно в 44 г. н. э., еще ничего не знает о римском присутствии в Восточном Причерноморье, используя полумифологические сведения, последние из которых восходят к эпохе Страбона. Не было этих крепостей и в эпоху Нерона (54–68 гг. н. э.) – по свидетельству Иосифа Флавия, силы римлян в Причерноморье ограничивались «тремя тысячами гоплитов» и сорока военными кораблями. Их не было здесь и в 69 г. н. э. в устье Хоба у «царя седохезов», где искал убежище преследуемыми римлянами восставший Аникет. Наш источник должен быть датирован эпохой Веспасиана (69–79 гг. н. э.), когда в 70–72 годах н. э. в провинции Каппадокия, куда входило и Восточное Причерноморье, были размещены римские легионеры и началось строительство «Понтийского лимеса». Можно было бы предположить, что автор «Перипла Протоарриана» находился в свите «испытанного воина Вирдия Гелина», руководившего римским войском, преследовавшим Аникета, однако против такой мысли говорит то, что в источнике Апсар и Себастополис фигурируют как явно законченные стройкой крепости, а упоминания о седохезах нет. Поэтому дата документа, в котором впервые упоминаются апсилы, а, следовательно, и соответствующая объезду побережье, должна определяться примерно 75–77 годами н. э. И то, что Себастополис фигурирует в этом источнике между апсилами и санигами, позволяет первых локализовать юго-восточнее крепости, помещая между ними и лазами вблизи устья Хоба – Ингура ранее не известных седохезов.

4. Корнелий Тацит о восстании Аникета. По сообщению Корнелия Тацита (55–117 гг. н. э.), Аникет склонил царя седохезов предоставить ему приют в устье реки Хоба, к союзу с помощью денег и даров. «И действительно, – как

сказано в источнике, – сначала царь защищал просителя угрозами и оружием, но когда ему выставили (на выбор) награду за выдачу или войну, он со свойственным варварам вероломством условился погубить Аникета и выдал перебежчиков». Этническая принадлежность седохезов не известна, предположительно их сопоставляют то с санигами или свано-колхами, то с лазами, то, основываясь на своеобразном «некартвельском» облике этого этнонима, с одним из гениохийских (протоабхазских) племен, что более правдоподобно. Есть и исследователи, полагающие, что седохезов и Хоб Тацита нужно искать на берегу южной части побережья, среди чанских племен. Как бы то ни было, однако в достаточно подробном в этом труде описании событий 69 г. н. э. еще отсутствуют упоминания о лазах и об апсилах, о римских крепостях и, следовательно, соответствующая информация в тот период еще не получила распространение. Абасги же в 70-х годах I в. н. э. скрывались под именем санигов.

5. Сведения Псевдоарриана о древних абхазах и их соседях. Помимо Плиния, Флавия Арриана и Протоарриана, апсиллов упоминают римский грамматик второй половины II в. н. э. Эллиий Геродиан и автор V в. н. э. Стефан Византийский, который называет их ошибочно «скифским племенем», жившим по соседству с лазами, и безымянный автор V в., вошедший в литературу под вымышленным именем – Псевдо-Арриан. В последнем источнике воспроизведен основной текст «Перипла», дополненный более условными и, как правило, более старшими по возрасту сведениями. Псевдо-Арриан внес в компилируемый текст некоторые уточнения в соответствии с каким-то современным ему источником и перевел стадии в мили. Река Могр названа Нигром, расстояние от Фасиса до Харианта определено в 90 стадиев (12 миль), до реки Хоба – 90 стадиев (12 миль), до Сигана, названного и Зиганисом, – 120 стадиев (28 миль), до реки Тарсуры, переименованной в Лагумпсу, – 150 стадиев (20 миль), до реки Астелеф, переименованной в Эврип, – 30 стадиев (4 мили), до Диоскуриады, «ныне называемой Севастополем», – в 135 стадиев (18 миль), до Питиунта – в 350 стадиев (46,3 миль), до Стеннитики, прежде называемой Триглитом, – 150 стадиев (20 миль), до Абаска – 90 стадиев (12 миль), до Брухонта, переименованного в Мазиг, – 120 стадиев (16 миль), до Масетики – 90 стадиев (12 миль), до Ахеунта, переименованного в Басий, – 60 стадиев (8 миль). «Санихи» Псевдо-Аррианом помещены между реками Абаск и Ахеунт.

Опираясь на некоторые вставки в труде Псевдо-Арриана, в том числе на его указания, что от Диоскуриады и Севастополя до реки Апсар прежде жил народ, называвшийся колхами, переименованный в лазов, исследователи делают ошибочный вывод о том, что «уже в V веке лазы заняли территорию севернее реки Риони до Севастополиса, подчинили своему влиянию проживавшие здесь племена», а «со II в. – в связи с продвижением лазов к северу

и занятием ими территории княжества апсиллов и абасгов до реки Абаска». В действительности соответствующие вставки в труде Псевдо-Арриана являются заимствованными, как полагают комментаторы этого источника, у автора I в. н. э. Мениппа, что исключает всякую возможность использования соответствующих сведений для реальной реконструкции ситуации III – IV вв. н. э. в Восточном Причерноморье.

Таким образом, гипотеза о распространении колхов-лазов в V в. до Себастиополиса, которую извлекают из сочинения Псевдо-Арриана, «явно противоречит сведениям Арриана, согласно которым на этой самой территории находилось четыре разных этнополитических образования – «царства» лазов, апсиллов, абасгов, санигов». В данном «Перипле» содержатся и другие противоречия, без объяснения и учета которых источник нельзя считать достаточно достоверным. Не установлена даже дата написания второй части «Перипла» (описание пути от Диоскуриады до Боспора Киммерийского) – ее отнесение к концу II в. н. э., основании того, что автор не упоминает в Пителинте крепость и в описании Апсара не использует слово «крепость», называя его «местечком», а во-вторых, подобное упоминание может быть отнесено и к периодам разрушения Пителинта в III, IV вв. и последующих веках.

При определении достоверности приписываемого Миниппу отрывка у Псевдо-Арриана следует обратить внимание и на то, что саниги в этом источнике помещены между реками Абаск и Ахеунт, что противоречит соответствующим указаниям Арриана, но вместе с тем увязывает, если придерживаться порядка расстояния племен в обоих источниках, Абаск с абасгами, что открывает возможность не только для перемещения последних на северо-запад, но и для возвращения соответствующей реки на то место, которое определяется логикой, основанной на анализе последующих источников. В этом случае логичнее всего сопоставить Абаск с позднейшей Бзыбью, а не с Псоу, как это делают обычно комментаторы. Упомянув фигурирующую и у Арриана, если следовать логике комментаторов, в районе современных Туапсе – Небуга Старую Лазуку, ни одним другим источником здесь не зафиксированную, Псевдо-Арриан дает важные указания о том, что в момент написания соответствующего открытия в Старой Лазике уже упоминается пункт Никопсия. В вопросе локализации Никопсии Ю. Н. Вороновым и О. Х. Бгажба внесена достаточная ясность – она располагается на месте нынешнего Цандрипша. Обращает на себя внимание и ничем не заполненная лакуна между Себастиополем и Пителинтом, сведения о которой, по крайней мере Арриану, было бы добыть намного легче, чем в более северо-западных районах Причерноморья. Поэтому логичнее предположить, что часть топонимов из второй части «Перипла» может характеризовать и эту лакуну. Еще одно противоречие: Флавий Арриан, а вслед за ним и Псевдо-Арриан, рассматривает Диоскуриаду – Себастиополис как конечный пункт римского владыче-

ства на правой стороне от входа в Понт, а с другой стороны они утверждают, что царь зилков (зихов), проживавших за Ахеунтом, получил свою власть от того же Адриана, осуществлявшего, следовательно, «римское владычество» и далее на северо-запад.

6. Сведения Клавдия Птолемея о Колхиде. В обосновании гипотезы о распространении политического и физического проникновения лазов уже во II в. н. э. до современной реки Кодор и даже до самого Севастополиса (ныне Сухум) ошибочно используются сведения Клавдия Птолемея, современника римского императора Марка Аврелия (161–180). Ссылаясь на указания Птолемея, что «Диоскуриада, или Севастополис, находится в Колхиде, т. е. на территории расселения лазов», высказывается предположение, что «в течение примерно трех десятилетий после Арриана на побережье Черного моря произошли значительные перемены и что к этому времени уже образовалось Эгрисское царство, охватывающее не только территории Лазского царства Арриана, но и царство апсиллов, абасгов и частично санигов, а также среднее и нижнее течение до Ингура». По мнению того же автора, во II–IV вв. н. э. «апсиллы, абасги и саниги значительно передвинулись по направлению к северо-западу. От Чорохи до Кодора жили якобы мегрелы, включавшие в свой состав и часть апсиллов, а за Кодором жила другая часть апсиллов, а затем абасги до реки Бзыпь». Между тем, эти утверждения и им подобные никакими доказательствами не подтверждены и вот почему.

«География» Птолемея, как и большинство подобных сочинений античной эпохи, представляет собой свод разновременных сведений, скомпонованных в кабинетной обстановке. Считается, что при описании Восточного Причерноморья Птоломей «опирается в основном на «Перипл» Арриана. Между тем, в соответствующем отрывке «Географии» говорится о том, что Колхида ограждается с севера Сарматией, с запада – частью Эвксинского Понта (между рекой Корак) и заливом, куда (впадает) Фасис, и что приморскую часть Колхиды населяют лазы, вышележащие (местности) – манралы и народы, живущие в стране Экретике. Здесь же дается описание топонимов побережья (Диоскуриада, устье реки Кианея, Сиганей, Неаполь, город Эя, устье реки Хариуста, устья реки Фасиса (город Фасис) и внутренней Колхиды (Мехлесе, Мадия, Сарака, Сурий и Задрида). Сравнение этих сведений с данными Флавия Арриана и Плиния Секунда решает вопрос об опоре, безусловно, в пользу последнего и более ранних источников, поскольку Плиния и Птолемея объединяют такие важные отсутствующие у Арриана топонимы, как Кианей, Мадия, Матий, Эя, Сурий, Экретика (Кегритика). Общими для всех источников являются: Диоскуриада, Гипп, Сиганей, Хариуста (Хариент) и Фасис, специфическими же только для Птолемея являются пункты: Неаполь, Мехлесс, Сарака, Задрида, народ манралов. Вместе с тем у Птолемея вообще отсутствуют упоминания о Севастополисе, Апсаре, апсилах и абасгах, на месте которых в границах не

Колхиды, а Азиатской Сарматии «помещены свано-колхи, река Корак, «сильная крепость» и т. д., т. е. реалии, не находящие никаких соответствий у Ариана и частично у Плиния. В свано-колхах видят влияние Страбона. Корак же и «сильная крепость» сопоставляются либо с Кодором и мысом Искурия, либо с Бзыбью и Питиунтом, которого Птоломей также не знает. Следовательно, отсутствие прямых фактов не позволяет однозначно решить проблему локализации и интеграции последней группы этнонимов. Для нас же из всего сказанного следует главный вывод о том, что «География» Птолемея не может быть использована для реконструкции подлинной исторической ситуации на территории нынешней Апсолии и вокруг нее применительно к середине II–IV вв. н. э., как это делают некоторые абхазоведы в своих последних работах.

Поэтому всякие рассуждения о политической гегемонии лазов в Северо-Западной Колхиде, их продвижении на территорию Апсолии и вытеснении населения последней в рассматриваемый и последующий (до начала VI в. н. э.) периоды не имеет никаких реальных подтверждений в письменных источниках.

Наиболее богатое из ранних захоронений апсолов погребение в с. Таглан (Галский район) принадлежало, возможно, кому-нибудь из «царского рода Юлианов». Там было найдено много золотых изделий: голова оленя с ветвистыми рогами, бусы, бляшки, серебряные сосуды – чаши, кубок, железные конские удила и другие предметы I–II вв. В это время в Абхазии ходила римская монета кессарийской чеканки. В III–V вв. сюда поступило большое количество позднеантичных изделий. Но древние абхазы создали свою самобытную культуру (цебельдинскую), материалы которой могут украсить любой музей мира.

7. «Понтийский» внешний и «Кавказский» внутренней лимес. Во II в. римские гарнизоны разместились в Питиунте (совр. Пицунда). Характер преимущественно военных центров (крепостей) отличался от ранних греческих городов. Римляне укрепились в Абхазии на рубеже нашей эры, после победы в войне с Понтийским царем Митридатом VI Эвпатором, которого поддерживали древние абхазы. Диоскуриада была переименована в Себастополис при римском императоре Августе Октавиане. При императоре Веспасиане (69–79 гг.) в провинцию Каппадокию, в составе которой находился Полеймоновский Понт (бывшее Понтийское царство), было введено два дополнительных легиона («Аполлонов» и «Молниеносный»). Их клейма были найдены во время раскопок археологов в Абхазии, и это событие дало возможность римлянам начать размещение своих войск в Восточном Причерноморье. Тогда местные народы Понта (в том числе и древние абхазы) держались римлянами в подчинении тремя тысячами гоплитов (тяжеловооруженных воинов) и сорока военными кораблями – «поддерживали мир». Это позволило создать «Понтийский лимес», систему восточно-причерноморских крепостей (кастелл), охранявших империю от вторжений врагов со стороны моря и прибрежной части.

Главными звеньями лимеса стали Севастополис (в первую очередь), Питиунт и Зиганис. Три строительных слоя Севастополиса говорят о том, что он разрушился, затем снова восстановился. В итоге в эпоху византийского императора Юстиниана (527–565) Севастополис «по красоте и величию превратился в самый замечательный город». Здесь проходят успешные археологические раскопки. Главное – найдены три эпитафические надписи. Первая (примерно II в.) воздает хвалу какому-то чиновнику за деяния государственной важности, например, строительство триеры. Вторая является посвянительной надписью III в. на латыни и связана с именем Валериана (предположительно императора). Третья – надгробная надпись, посвященная легионеру-христианину Оресту, в честь которого была построена восьмигранная церковь (октогон) VI в. Рядом была раскопана еще одна одноабсидная церковь (базилика) VI в. В IV–V вв. на месте Севастополиса стояла «первая конная когорта Клавдия».

Крепостные стены Питиунта были возведены во второй половине II в. н. э. Первые сведения содержатся в «Новой истории» у Зосима (V в.), описавшего события 50-х годов III в. в связи с нападением на Питиунт готов. Сначала оно окончилось для них неудачно, но затем они захватили и разграбили Питиунт.

В конце III в. Питиунт становится местом ссылки христиан. Там был захоронен Лонгин, младший брат мученика Орентия. Из ссыльных христиан в Питиунте сформировалась первая на Кавказе христианская община, епископом которой был Софроний Пицундский. Следующий за ним епископ Стратофил представлял эту общину на I Никейском соборе в 325 г., где были узаконены догматы самой большой в мире христианской религии. В Питиунте в IV–V вв. квартировала когорта «Первое счастливое крыло Феодосия». Здесь археологами были исследованы административные здания, храмы, бани, обжигательные печи, рыбозасолочные ванны, великолепные мозаики, многочисленные монеты.

Зиганис появился на месте поселения Сиганей во II в. На рубеже III–IV вв. здесь был похоронен Кириак, старший брат Орентия-мученика. На рубеже IV–V вв. здесь стояла «вторая когорта Валентия».

Римляне несколько раз проводили военную реформу, ибо трудно было охранять свои многочисленные провинции, особенно периферии, коей являлась территория Абхазии. Поэтому империя поручала охрану своих границ местному населению, аборигенам провинции, платя им за это большие деньги. В то же время она имела там свои когорты. Византийцы впоследствии использовали некоторые римские крепости «Понтийского лимеса», в том числе находящиеся в Абхазии. Часть из них восстановили, например, Севастополис. А в предгорной и горной частях Абхазии, как и по всей Колхиде, византийцы позднее (VI в.) укрепили ущелья, «клизуры». Ряд абхазских крепостей со своими местными гарнизонами и начальниками вошли в этот так называемый «Кавказский внутренний лимес» – Трахея, Тцибила, Тцахар, Бухлоон и др.

8. Мечи из «дамасской» стали в Абхазии. Яркой особенностью материальной культуры населения Абхазии того периода было изготовление техникой сварочного дамаска (III–IV вв.) мечей (самые ранние на территории бывшего СССР). Эта виртуозная техника является вершиной кузнечного ручного творчества. Ею изготовлялись не только мечи, но и кинжалы, ножи и наконечники копий. Дамасская сталь – это технология, а не особый сорт стали. Зародилась она в г. Дамаске (поэтому называется дамасская) во времена римского императора Диоклетиана (284–305).

Дамасскому мечу не могло противостоять ни одно оружие. Он разрубал любую броню, крошил щиты, а простые железные мечи легко гнулись, как это было у галлов во время битвы с римлянами. Воинам во время битвы нужно было успеть разогнуть о колено меч, чтобы остаться в живых. Хороший меч не имел цены (за него могли отдать любимую жену и даже полцарства). Он служил нескольким поколениям. Сама технология подобных мечей хранилась в строжайшем секрете. Особенно красочно описывался внешний облик клинка, ибо он считался «божественным произведением». Он имел четыре вида рисунков: простой (строчный), угловой, двойной угловой и в виде розы (самый сложный). Древние мастера готовились к работе таких мечей, как к подвигу. Молитвы, абсолютное воздержание от горячительных напитков, отдаление от жены (она не должна была вообще переступить порог кузни) и бесконечные омовения – неотъемлемые условия работы. До конца отковки мастер не должен был прикасаться обнаженной рукой к клинку металла, полоса которого каждый раз после прикосновения старательно обсыпалась золой соломы. Клинок меча был невероятно гибким и острым, что было, помимо его красоты, чрезвычайно важным. Поэтому при покупке дамасского меча сначала сгибали его клинок над головой, прижимая к ушам. Хороший меч сразу же принимал исконное положение. Или бросали на его лезвие газовую ткань, которая, медленно опускаясь, разрубалась на две части. Так же прислушивались к звону дамасского меча, т.е. к его «пению». Каждый второй древнеабхазский воин был вооружен подобным мечом. Такие мечи пытались делать на территории Абхазии. Например, меч из Эшеры (урочище Пышта) является имитацией сварочного дамаска. Интересно отметить, что узор на дамасских мечах назывался «джоухар» Так же назывался аналогичный узор на абхазских тканях «аджоухар».

Таким образом, этническая граница между древними абхазами (апсилами) и древнекартвельскими лазами ещё в I в. н. э. проходила по р. Чорохи. Во II в. н. э. лазы постепенно продвинулись к р. Риони, где они фиксируются в прибрежной части и выше по течению реки рядом со «странами Кегритика – Экретика (т. е. Эгриси, так называли Лазику в древнегрузинских источниках) и народом манралов (нынешних мегрелов). Вместе с тем в западной пограничной с ними территории археологи раскопали могильники Лиа (Це-

ленджихский район Грузии) и Чхороцку (ущелье р. Хоби в нынешней Западной Грузии) II–III вв. н. э. с апсильским обрядом захоронения (в том числе кремацией) и соответствующим сопровождающим инвентарем. Подобная этническая граница существовала до VI в., пока лазы ещё не продвинулись к р. Ингур, тем самым оттеснив туда апсилов. Собственно говоря, там проходит нынешняя политическая граница между Абхазией и Грузией.

Литература

1. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
2. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. Учебник для 10 – 11 кл. Сухум, 2015.
3. Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже Средневековья // Научные труды. Т. 1. Сухум, 2006.
4. Воронов Ю. Н. «Естественная история» Плиния Старшего как источник для исторической географии Кавказа // Научные труды. Т. 5. Сухум, 2016.
5. Ельницкий Л. А. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. М, 1938. № 2.
6. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. М., 1947 – 1949.
7. Леквинадзе В. А. Понтийский лимес // ВДИ. М., 1969. №2.
8. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
9. Нюшков В. А. История и культура апсилов (II в. до н. э. – VIII в. н. э.). Сухум, 2016.

АБХАЗИЯ В VI–VIII вв.

План

1. Прокопий Кесарийский об абасгах и апсилах.
2. Агафий Миренейский о мисимианах.
3. Менандр Протектор о миссии Зимарха.
4. Злоключения Максима Исповедника и его спутников в Колхиде.
5. Приключения Льва Исавра в Апсилии.
6. Два ответвления Великого шелкового пути у Феодосия Хронографа.
7. Граница между Византией и Грузией – по реке Келасур?

Политическая и социально-экономическая история Абхазии VI–VIII вв. нашла достойное место в основном в византийских письменных источниках. Естественно, что без их использования и корректной интерпретации проблематично воссоздать объективную историческую картину прошлого Абхазии в данный временной период, связанный с такими важными событиями, как наличие древнеабхазских раннегосударственных образований: Абзгии, Апсилии, Санигии и Мисиминии; ирано-византийские войны за обладание этими территориями; официальное принятие христианской религии; функционирование здесь трех ответвлений Великого шелкового пути и события перед арабским нашествием в 738 г.

Для осмысления этих очень важных событий в истории Абхазии VI–VIII вв. исследователи, в том числе и абхазские, используют разные подходы: общеевропейский и узконациональный. При этом абхазская историческая школа до 1991 г. – когда было издано учебное пособие «История Абхазии», испытывала на себе влияние грузинской советской исторической школы.

Только после выхода этой книги появилась возможность на новой и более реальной основе осмыслить данный период истории Абхазии, по систематизации и интерпретации которого продолжается полемика. Поэтому вновь обратимся к сочинениям Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Менандра Протектора, Максима Исповедника, Феофана Хронографа и др., ибо к грузинским письменным источникам до VIII в., как считают объективные историки, мало доверия.

1. Прокопий Кесарийский об абасгах и апсилах. Наиболее полные и достоверные сведения историко-географического характера об абасгах и апсилах содержатся у Прокопия в VIII книге «Война с готами», написанной в 554 г.

Касательно локализации апсилов историк сообщает следующее: «От города Апсарунта до города Петры, где кончается Эвксинский Понт, пути один день. Упираясь в эти места, Понт образует береговую линию в виде полумесяца. Длина пути при переезде по этому заливу-полумесяцу составляет приблизительно пятьсот пятьдесят стадий, а всё, что лежит за этой береговой линией, является страной лазов и носит название Лазики... Через... горы, уходящие высоко в небо, течет река Фасис, начинается с гор Кавказа и впадает в середину этого полумесячного залива Понта.

Некоторые считают, что в этом месте река Фасис служит границей двух материков... В той части, которая принадлежит Европе, находятся все населенные пункты лазов, на другой же стороне лаза не имеют ни городов, ни укреплений, ни заслуживающего какого-нибудь внимания поселка, если не считать, что римляне раньше построили здесь крепость Петру... Так вот, река Фасис протекала этой дорогой, которую я описал раньше, впадает в конечную часть Эвксинского Понта, на краях залива-полумесяца; на одной стороне, принадлежащей Азии, находится город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащей уже Европе, находится область апсилов: они подданные лазов и с давних времен уже христиане... За апсилиями и за вторым краем этого полумесячного залива по берегу живут абасги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта... За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгами и аланами... По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи... За ними живут сагины; приморской же частью их страны издревле владеют римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления – Севастополь и Питиунт, находящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути и с самого начала держали здесь военный гарнизон. Но когда персидский царь Хосрой был призван лазами в Петру, он очень хотел послать сюда персидское войско с тем, чтобы оно захватило эти укрепления и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то, предупреждая врагов, они сожгли дома и до самого основания разрушили стены и без малейшего промедления, сев на суда и переправившись на противоположный материк, перешли в город Трапезунд. Правда, они причинили ущерб Римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги не смогли завладеть этой страной, не достигнув никакого результата последствия разрушения крепостей, враги вернулись в Петру» (Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 379–384).

Далее Прокопий, рассказывая о походе персидского полководца Набеда в Абасгию летом 550 г., сообщает, что на пути туда, «встретив в Апсилиях Фёдору, жену Опсита (который был дядей Губаза и царем лазов, кстати, первое присутствие лазов в Абхазии), он взял её в плен и увел в пределы персов. Эта женщина была родом римлянка, так как издавна цари лазов посылались в

Византию и с согласия императора, вступая в родство с некоторыми из сенаторов. брали в их семьях себе законных жен.

Для определения западной границы апсилов очень важны следующие сведения византийского императора: «За пределами Апсилии, при входе в пределы абасгов, есть место следующего рода: высокая гора, начинающаяся от Кавказского хребта и все понижающаяся, заканчиваясь как бы лестницей, тянется вплоть до самого Эвксинского Понта. У подножья этой горы ещё в древности абасги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное. Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступность этого места. Есть только один проход, ведущий в это укрепление и в остальную страну абасгов, по которому нельзя идти морем, далее по двое в ряд. Так что нет удивительного, что приходилось идти туда один за другим, друг за другом, пешими, и то с трудом. Над этой узкой тропой тянется очень отвесная и грозная в своей суровости скала, идущая от лагеря до самого моря. Это место и носит название, достойное этого отвесного обрыва: люди, говорящие здесь по-гречески, называют его «Трахеей» – сурово-каменистой. И вот римское войско пристало к берегу между пределами абасгов и апсилов». Это место по-абхазски называется Анакопия, скорее всего, более древнее топонимическое название этимологически тождественно с греческим «Трахей», является калькой местного названия Анакопия.

Большинством специалистов Анакопия-Трахей локализируются в Новом Афоне – на Апсарской горе расположена крепость, которая напоминает крепость, описанную Прокопием. Но существует и другое мнение, согласно которому Трахей располагалась в нынешней Гагре, что можно объяснить политической конъюнктурой или недомыслием. В таком случае меняется вся этнополитическая карта региона. Апсилия оказывается в Абазгии, Абазгия – в Санигии, а Лазика занимает место Апсилии, что не соответствует рамкам времен Прокопия. Таким образом, абхазы, вольно или невольно, с помощью только одного росчерка пера вытесняются с большей четверти своей территории.

Согласно сведениям Прокопия Кесарийского, главной крепостью Апсилии была Тцибила, расположенная в юго-восточной части Цебельдинской долины, где пересекались два крупнейших пути – первый, перевальный, соединял Черноморское побережье с Северным Кавказом, второй, подгорный, вел из Восточного Закавказья через Кутаис к портам Северо-Восточного Причерноморья и дальше на запад по побережью.

С самого появления римской крепости в Севастополисе этот порт становится важнейшим приморским портом Апсилии. Нет никаких препятствий помещать в Цебельде и резиденцию Юлиана, первого из зафиксированного источниками.

Затем Прокопий красочно описывает события, связанные с восстанием абасгов, приведшим к Трахейской битве с византийцами, а также их проти-

востоянием у стен Цабала с апсилами. Не будем на них останавливаться, так как они подробно описаны в научной литературе и в школьном учебнике. В первом случае византийцы жестоко наказали восставших абасгов, во-втором использовали по отношению к недовольным апсилам и лазам дипломатию, дружеские речи и пожелания.

Информативность и объективность труда Прокопия, достоверность приводимых им фактов в основном являются общепризнанными. Однако интерпретация отдельных сведений придворным историком, когда интересы политики требовали сокрытия некоторых тайных пружин византийской дипломатии, а также не очень четкие представления о географии Абхазии и определенная тенденциозность комментаторов нашего времени не дают возможность в полной мере использовать все богатство сохраненных Прокопием фактов истории древнеабхазских государственных образований (Апсилии, Абасгии) и смежных территорий.

При определении юго-восточной границы распространения апсидов во второй половине VI в. данные Прокопия трактуются по-разному. Одни рассматривают в качестве пограничного между апсилами и лазами современный пункт Илор, другие проводят границу по современной реке Галидзге, допуская, что «приморская территория современного Гальского и Очамчирского районов была в значительной части населена собственно лазами (эгрисцами) и непосредственно входила в состав Лазского царства». Существует и точка зрения (правда, обоснованная на сопоставлении Сигама с Ингуром), что, по Прокопию, южные границы Апсилии проходили по Ингуру. Вместе с тем, указания Прокопия весьма определены: «залив – полумесяц длиной в 550 стадиев (100–102 км)» тянется от сектора Апсар – Петра до сектора Хоб – Зиганис (здесь помещал поворот береговой линии с северного направления на западное Флавий Арриан в 137 г.), а в его средней части находилось устье Фасиса. В этом случае, если в равной доле разложить указанное расстояние (по 275 стадиев или 50–51 км) к северу и к югу от упомянутого устья, то конец первого отрезка ляжет чуть южнее Петры (между Фасисом – Риони и Окумом – Зиганисом также около 45 км). Здесь следует учесть и то, что расстояние между Петрой (вблизи устья реки Акинас – Кинтриши) и Фазисом – Риони у древних представлялось несколько меньше, чем между Фазисом и Зиганисом (эти расстояния, например, у Арриана составляют соответственно 270 и 330 стадиев).

Поэтому с учетом выдвигания Фасиса – Риони в море за последние полтора тысячелетия на 8–10 км, что делало в VI в. каботажный путь несколько длиннее нынешнего, во всяком случае, южным пределом распространения по побережью следует признать район севернее Зиганиса. Если же учесть прилегающее пространство до Ингура (по причине заболоченности в тот период здесь не было населения, оно тяготело к возвышенным территориям), то дове-

дение ареала апсиллов в зоне предгорий до Ингура не может быть опровергнуто ни единым фактом. Тот же результат можно получить, если за исходную точку отсчета принять Апсар. Что же касается предположительного факта физического присутствия лазов среди апсиллов по побережью между современным Ингуром и Кодором, то на этот предмет в источниках нет никаких указаний до середины VI в., когда присутствие представителей лазской знати впервые фиксируется тем же Прокопием в Цебельде (вдовствующая лазская «царица» Феодора с вероятной свитой, магистр лазов Тердет, приведший туда персов), что, однако, находит объяснение в политических перепитиях того времени.

Определение северо-западной границы Апсилии упирается в проблему локализации Трахеи, которую сопоставляли то с крепостью в нынешнем поселке Тхубун у устья р. Келасур, то с Анакопией в современном Новом Афоне, то с Гагрской крепостью, то Уаз-абаа в бассейне р. Гумиста.

Вопрос явно решается в пользу Трахеи – Анакопии, о чем свидетельствуют как общий характер местности, полностью совпадающий с описанием Прокопия (длинная гора, ступенчато спускающаяся к морю, узкий проход над нависающей линией скал, расположение самой крепости не на берегу, а в «гористых местностях»), так и одинаковое значение названий «Трахея» и «Анакопия», на греческом и абхазском языках означающих «неровную, извилистую местность». Основываясь на том, что Трахея располагалась на территории Абасгии и, будучи «столицей», находилась на окраине этого государственного образования, исследователи ставят под сомнение совершенно определенные сведения Прокопия и стараются отодвинуть северо-западную границу Апсилии до реки Гумиста, утверждая, что эта граница «пролежала» приблизительно по реке Гумиста или несколько западнее её, либо проходила приблизительно между р. Келасур и р. Гумиста.

Между тем, никаких посылок для последних выводов нет, ибо чисто географическое расположение Трахеи как пограничного пункта оправдано, а ее, в первую очередь, придорожно-сторожевой характер подчеркнут источниками. Высадка византийцев с кораблей на берег была осуществлена вблизи того места, где и теперь есть пристань и где в XIV–XV вв. находился генуэзский форт, от которого оборонялась башня. Тропа в Абасгию вела мимо того места, где ныне стоит храм Симона Кананита, к броду через Псырцху, обходя под нависающей справа скалой болото, которое образовала в древности эта река в своем нижнем течении. Поскольку тропа и брод хорошо простреливались со скалы, которая давала обороняющим проход надежную защиту, византийцам пришлось вернуться к морю, сесть на корабль и, обогнув устье Псырцха, штурмовать Трахею по средней части склона Анакопийской горы. Выбор места для крепости, которую Прокопий называет «лагерем», соответствует тем общим оборонительным задачам, стоявшим в первой половине VI в. в регионе – задачам борьбы с персами и с их союзниками. В данном случае

Трахея должна была защищать проход в Абасгию и к Пителинту со стороны Апсилии и Лазики, однако подобно многим другим крепостям, с той же целью возведенным в Колхиде в тот же период (Кутаис, Сарапанис и др.), не смогла в силу субъективных и объективных причин выполнить свою задачу. Поэтому ограничение «пределов абасгов и апсиров» (по Прокопию) не может быть выведено за рамки междуречья Псырца – Шицкуара, представляющего собой начало географического подрайона, противостоящего Бзыбской экологической нише (между современными Гагрой и Новым Афоном), где формировалась абасгская этногруппа. Главной крепостью Апсилии была Тцибила, где скорее всего находилась резиденция Юлиана, «царя апсиров», жившего в первой половине II в. Если между абасгами и аланами Прокопий помещает брухов (убыхов), то апсилы граничили с аланами, скорее всего, напрямую. На западе абасги граничили с санигами по реке Абаск (совр. Бзыбь). Основная же часть Санигии находилась на территории нынешнего Сочи-Адлерского района и доходила до реки Ахеунт (совр. р. Аше). Далее жили зихи, т. е. прибрежные адыгские племена.

Основное большинство исследователей считают апсиров и абасгов древнеабхазскими племенами, но у наших грузинских оппонентов нет на этот счет единодушия. Есть даже такие, которые считают их древнекартвельскими племенами. Некоторые в последнее время связывают абасгов с грузинами, а апсиров – с абхазами. Но и этот тезис также не выдерживает критики.

Помимо важных сведений, позволяющих с достаточным основанием судить о границах Апсилии, Абасгии, Санигии в VI в., Прокопий Кесарийский сохранил нам ряд и других интересных фактов из истории древнеабхазских племен.

Прокопий первый из историков сообщает, что абасги и особенно апсилы находились в политической независимости от Лазики. Условия этой независимости широко обсуждаются исследователями. Одни полагают, что территория апсиров даже непосредственно была включена в Лазское царство, другие утверждают, что Апсилия и Лазика в VI в. не составляли единого государственного образования. Дату присоединения Апсилии к Лазике тоже определяют по-разному: одни справедливо подчеркивают, что в источниках об этом нет сведений, другие же утверждают, что объединение всей Колхиды, включая и Апсилию, под властью лазов нужно датировать 70-ми годами VI в., 80–90 гг. VI в., концом VI в. Особняком стоит точка зрения, что Апсилия была передана Вахтангу Горгосалу в составе приданого дочери византийского императора в конце V в. и до VIII в. входила в состав Картлийского царства. И, наконец, ещё одна гипотеза исходит из того, что в формировании общеколхидского политического и культурного единства под эгидой лазов немаловажную роль играла Византия, проводившая в этом регионе сложную дипломатическую игру после 523 года.

Необходимо подчеркнуть, что из данных Прокопия в отношении апсилов следует лишь то, что зависимость последних от Лазики поддерживалась с помощью византийских копий (свободный выход Апсилии из подчинения царю лазов Губазу со ссылкой на нежелание лазов оказать им помощь против персов; распоряжение императора Юстиниана о посылке отряда византийцев в Абасгию и Апсилию, сдублированного Губазом; возвращение апсилов под власть Губаза под угрозой физической расправы со стороны тысячного отряда византийцев во главе с Иоанном, сыном Фомы Армянина, который перед этим жестоко подавил восстание абасгов) и что верховную власть в момент прихода персов осуществляла гречанка Феодора, которая была дочерью византийского сенатора и вдовой лазского царя Опсита и олицетворяла собой двуединство византийско-лазского правления. Упоминания же о том, что женой начальника гарнизона Цабала была апсилька, вовсе не свидетельствует о том, что ее муж и подчинявшийся ему отряд были лазами. Наоборот, весь соответствующий пассаж подчеркивает и их апсильскую принадлежность, а оговорка Прокопия, вероятно, отражает закономерность, по которой местные администраторы женились на гречанках, а в данном случае произошло исключение.

Отнесение даты включения Апсилии в политические рамки Лазики в V в. и даже в IV в. определяется в первую очередь на основе слова «издревле», которым Прокопий определяет подданство апсилов лазам. Между тем, выражения «издревле», «с давних пор» довольно часты у Прокопия и, как следует из контекста, обычно относятся к событиям, происходившим за два – три десятилетия от момента написания соответствующего труда (554 г.), т. е. к 20–30 гг. того же VI в. Так, например, Прокопий утверждает, что апсилы «с давних времен уже христиане». Однако установлено, что христианизация апсилов на официальном уровне произошла не ранее конца 20-х – начала 30-х годов VI в. В другом случае, сообщая сначала о том, что абасги являются «издревле христианами и римлянами дружественные», Прокопий затем утверждает, что «эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья», а христианство приняли лишь на 21-м году царствования Юстиниана (548 год). Далее Прокопий объявляет утигуров «издревле... самыми близкими друзьями римлян», хотя союз с утигурами был заключен византийцами лишь в 528 году. Поэтому и включение Апсилии в рамки Лазики (в номинальном смысле) не могло произойти раньше 20-х годов VI в., когда окончательное оформление приняла вассальная зависимость Лазики от Византии. Этому способствовало официальное принятие христианства в Лазике в 523 году, чему способствовала Византия в противовес к политике персов, которые, захватив Иберию, стремились в Колхиду. Определяются два важнейших пути, осуществляющих контроль над апсилами со стороны Лазики. Первый, подгорный, путь был использован персами, ведомыми сначала лазом Тердетом, а затем персидским

полководцем Нахогораном. Путь этот в 550 году был настолько основательно разработан, что давал возможность свободного передвижения больших масс пехотинцев, конницы, а также, судя по всему, и боевых слонов. Второй путь вел сюда морем из Фазиса через порт Себастополис – по нему перебрасывались военные отряды византийцев для восстановления равновесия в центральной области Апсилии, куда от Себастополиса вела довольно приличная по тем меркам дорога. Достаточно был удобным и путь от центра Апсилии до главной крепости абасгов Трахеи – Анакопии.

Между тем все эти события необходимо рассматривать в рамках ирано-византийских войн, которые велись за обладание территории Колхиды и куда были втянуты местные древнеабхазские племена (апсилы и абасги) и их соседи – древнекартвельские племена – лазы. Находясь между молотом и наковальней и балансируя на острие кинжала, апсилам и абасгам приходилось вести взвешенную политику, т. е. нельзя было ошибаться, что они и делали.

Абасгия и Византия. В первой половине VI в. Абасгия была разделена на две части, каждая из которых управлялась своим «царём» – базилевсом. И эти «цари», как сообщал Прокопий, отбирали из своих соплеменников наиболее красивых мальчиков, превращали их в евнухов и продавали за большие деньги в Константинополь. Возмущённых родителей убивали. Византийцы с помощью дипломатии решили покончить с этим жестоким промыслом. К тому же, под нажимом персов в Колхиде византийские гарнизоны пришлось вывести из Себастополиса и Питиунта в 542 г. Поэтому в Абасгию был прислан императором Юстинианом абасг Евфрат, который сумел убедить своих соплеменников принять христианство в качестве официальной религии. Из Константинополя прибыл епископ, а на выделенные Юстинианом средства для абасгов был построен храм св. Богородицы. При императорском дворе основали школу, где обучались способные дети из Абасгии. В результате у абасгов и византийцев уравнились права, ибо они уже стали единоверцами. Местным князьям было запрещено впредь уродовать и продавать в рабство соплеменников-христиан. Попытка князей вернуть право на продажу детей возмутила народ, и он изгнал своих правителей. В то же время римские воины, присылаемые императором, расселялись всё больше среди абасгов. Они стали среди них вводить некоторые свои новые порядки и даже намеревались присоединить Абасгию к Римской империи. Абасги, естественно, пришли в негодование. Этим воспользовалась абасгская родоплеменная верхушка, решив восстановить прежний образ жизни. Абасгия была вновь поделена на две части, во главе которых встали Опсит и Скепарна. Им показалось, что персы побеждают византийцев в Центральной Колхиде, и они решили фактически отделиться от империи. Летом 550 г. в Абасгию даже пришло персидское войско во главе с Набедом. Персы увели в Иран в качестве заложников шестьдесят мальчиков из самых знатных семей. Скепарна, правитель западной Абасгии,

был вызван в ставку шаха Хосрова, а Опсит, правитель восточной Абасгии, стал готовиться к войне с Византией. Большие надежды он возлагал на, казалось бы, неприступную крепость Трахею. Крепость входила во внутренний эшелон «Кавказского лимеса» для обороны абасгских «клизур».

Битва у стен Трахеи. Руины Трахеи (от греч. «извилистая, каменистая крепость») и ныне венчают вершину Анакопийской горы у Нового Афона. Эти абхазские Фермопилы сторожили узкий проход в глубь Абасгии у подножья горы, а также были хорошим смотровым местом для наблюдения за передвижением кораблей в море. Размеры Трахеи невелики – общая длина крепостных стен 204 м, полезная площадь до 0,3 га (для сравнения, у Тцибилы соответственно – 1200 м и 1,5 га). Византийский историк VI в. Прокопий довольно точно описал внутреннюю обстановку Трахеи в 550 г.: «Дома абасгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеной». Юстиниан, конечно, узнал о настроениях в Абасгии и отдал приказ подавить восстание. Из Фасиса был отправлен отряд в тысячу византийских солдат во главе с Улигагом и Иоанном, сыном военного зодчего Фомы Армянина. Высадившись на берег, византийцы попытались сразу же взять Трахею с востока, по узкой тропе, которая протянулась в длину между скалой и прибрежным болотом, высушенным в середине XIX в. Со скалы абасги обстреливали всю тропу. Византийцам пришлось перегруппировать силы: перебросить часть воинов в обход и пойти на Трахею двумя колоннами. Абасги, число которых не превышало нескольких сотен, вынуждены были отойти за крепостные стены. Но сторожа не успели запереть ворота вовремя, и византийцы ворвались в крепость. Абасги заняли оборону на крышах домов и пытались отбиться сверху. Вначале это получилось, но противник поджег дома, и Опситу с небольшим отрядом пришлось бежать на Северный Кавказ к союзникам персов – гуннам. Византийцы взяли в плен жён абасгских «царей» со всем потомством, приближёнными и опустошили прилегающую местность. Так было жестоко подавлено восстание абасгов, т. е. желание вернуться к своей традиционной дохристианской самостоятельности. Но жизнь на этом не закончилась. Примерно через сто лет здесь была построена Анакопийская крепость (вторая линия обороны), а отремонтированная Трахея превратилась в цитадель (первая линия обороны) Анакопийской крепости.

События в Апсилии. В VI в. Апсилия, как и вся Колхида, стала ареной ирано-византийских войн. Именно в это время в Апсилии было принято христианство в качестве официальной религии – в конце 20-х – начале 30-х годов VI в. В специальном помещении (баптистерии), в крестовидной по форме крещальне из кирпича епископ Константин крестил взрослое население апсиров. Клейма с его именем присутствуют на кирпичах и черепице Цебельдинского церковного комплекса.

Обычно новую веру сначала принимала знать, ибо она у всех народов более интернациональна и легко договаривается между собой. Христианами быть для них тогда было и выгодным, и обязательным. Простой люд всегда более консервативен. Погребальный обряд у апсиров – важнейший источник их идеологии и культуры (у некоторых, наоборот, иное мнение). Можно проиллюстрировать, как происходила смена традиционной религии на новую христианскую религию у древних абхазов.

Когда в мир иной уходил наш древний предок, то его сородичи обычно старались положить в могилу все те вещи, которыми он пользовался при жизни. Догматы христианства запрещали это делать. Поэтому сначала из погребений были исключены керамика и оружие, а позднее и остальные вещи – украшения. Этот процесс длился более 100–150 лет после принятия христианства. Только во второй половине VI в. знатные абхазы стали носить золотые или серебряные кресты, т. е. чуть позже, чем в Византии, где эта мода пришла туда к началу VI в. Явно еще традиционный характер носит апсирский погребение воина и коня конца VI – середины VII в., поэтому следует различать момент официального принятия христианства с фактическим оцерковлением основного населения. Именно благодаря своему консерватизму по отношению к новому учению наши древние предки сохранили для человечества знаменитые памятники цебельдинской культуры, которые могут украсить любой музей мира.

В 550 г. в византийских источниках упоминается главная крепость Апсолии – Тцибила, «в высшей степени укрепленная». В это время происходило наступление иранского полководца Набеда. На его сторону перешел знатный лаз Тердет, которого хорошо знали апсылы. Он подошел к крепости со своим отрядом, и апсылы впустили его к себе без всяких подозрений, ибо не знали об его измене. Когда персидское войско появилось, Тердет открыл ворота персам. Апсылы послали в Византию гонцов, чтобы рассказать о случившемся и попросить о помощи. Но они ее не получили. События, произошедшие в дальнейшем, очень красочно описываются у византийского придворного историка Прокопия Кесарийского: «У начальника этой крепости была жена родом из Апсолии, очень красивая лицом. В эту женщину внезапно безумно влюбился начальник персидского войска. Сначала он пытался соблазнить ее, когда же он увидел, что не имеет успеха, то без всякого колебания он применил насилие. Приведенный этим в яростный гнев муж этой женщины ночью убил его самого и всех тех, которые вошли вместе с ним в это укрепление, оказавшихся невинной жертвой страсти их начальника, и сам завладел укреплением. Вследствие этого апсылы отпали от колхов (т. е. лазов), упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощи, когда они подверглись нападению со стороны персов». Византийскому отряду в тысячу воинов во главе с Иоанном, сыном Фомы Армянина, пришлось уговорами и мирными речами улаживать этот инцидент.

2. Агафий Миринейский о мисимианах. Описания событий, которые происходили на территории нынешней Абхазии, после Прокопия продолжал Агафий Миринейский, в трудах которого впервые упоминаются мисимиане. Если бы они не восстали против византийцев, то о них бы никто не знал. Мисимиане входили в апсильский союз. Жили они в предгорной и горной частях, занимая территорию между реками Кодор и Ингур. На западе они граничили с апсилами в районе главной крепости Апсилии – Тцибила. На востоке граница с лазами проходила рядом с мисимийской крепостью Бухлоон (совр. Пахулан) у Ингура.

В 554 г. в Мисиминию прибыл византийский чиновник Соттерих, который привёз деньги, ежегодно выплачиваемые империей соседним народам (в данном случае аланам) за охрану перевальных путей. После приезда Соттериха мисимианам стало известно, что он собирается передать аланам их крепость Бухлоон, чтобы не возить денег в Аланию, тем самым огибая предгорья Кавказских гор. Не желая допустить этого, мисимиане направили к Соттериху двух наиболее знатных людей – Хаду и Туану, которые потребовали, чтобы он покинул их страну. Возмущённый Соттерих приказал избить послов палками, заявив при этом, что «нельзя позволить подданным колхов (лазов), которые повинуются римлянам, так неистовствовать против римлян». Данные события свидетельствуют о существовании системы вассалитета, что и объясняет подданство мисимиан (и апсильов) лазам. Именно через лазов проводила свою политику Византия в Колхиде, создавая у них иллюзию верховенства.

Восстание мисимиан. Такое оскорбление (избиение послов палками), естественно, вызвало негодование мисимиан. В ту же ночь они внезапно напали на лагерь Соттериха, убили его и всех приближённых, т. е. обошлись с ними как с врагами, а не как с господами или гостями. Они также захватили всё имущество убитых и имперскую казну – около 28800 номисим. После этого мисимиане обратились за незамедлительной помощью к персидскому начальнику Нахогорану. И вскоре 60-тысячная армия персов вторглась в соседнюю с Мисиминией Лазику. Византийцы не могли сразу же взяться за подавление восстания. Но когда персы вынуждены были отступить из Лазики, поздней весной 555 г. византийцы направили в Мисиминию 4-тысячный отряд пехоты и конницы. С наступлением лета войско вступило в соседнюю Апсилию. В дальнейшем наступление византийцев было приостановлено из-за появления в Мисиминии больших отрядов персов, в которых было много наёмников из гуннов-савиров. Византийцы не спешили торопить события и старались тянуть время, так как объединённые силы противника были довольно внушительными. Такое противостояние двух армий продолжалось до зимы. Персы, избегавшие сражений в горах при зимнем холоде, покинули Мисиминию. Это позволило византийцам продвинуться к главной крепости Апсилии Тибелия (Тцибила по Прокопию), отделявшей страну мисимиан от

апсиров. Чтобы избежать кровопролития, византийцы решили склонить мисимиан к миру. А так как мисимиане с апсирами были «близки по образу жизни» и языку, византийцы отправили к ним послов – «самых разумных людей из апсирийцев». Между тем относительно лазов, сванов и мисимиан Агафий не случайно подчёркивал, что «язык у них разный, так же как и нравы». Мисимиане не захотели заключать мира. Они понадеялись на свои силы и знание труднопроходимых мест. Послов-апсирийцев, несмотря на родство с ними, они подвергли смертной казни. Византийский командующий принял решение об активном наступлении на мисимиан, продвинув войско в глубь Мисимиинии, к наиболее укрепленной крепости Тцахар. Эту крепость мисимиане превратили в основной опорный пункт борьбы против византийцев. Вокруг нее было расположено поселение мисимиан, не защищенное крепостной стеной, но находившееся в скалистой местности. Утёсы и обрывистые скалы делали чрезвычайно трудным всякий доступ к нему. Византийское командование в Лазике поставило во главе действующего отряда против мисимиан опытного военачальника – каппадокийца Иоанна Дакика, в то время как полководец Мартын заболел и остался в Тцибиле. Осада Тцахара долгое время не давала никаких результатов. Наконец, византийцам удалось выследить тропу, по которой осажденные мисимиане спускались к реке за водой. Ночью они осторожно пробрались к крепости по этой тропе, перебили стражу и ворвались в поселение, где произошло страшное побоище. Поселение было предано огню и мечу. Сам Агафий упрекнул византийцев за их жестокость. Пламя над Тцахаром с большим удовольствием наблюдал из Тцибилы полководец Мартын. Такой у него был уговор с Дакиком. Но радость легкой победы была преждевременной, ибо ночью мисимиане внезапно сделали вылазку из крепости, напали на византийцев и полностью их разгромили. В этой тяжелой для мисимиан ситуации персы им никакой помощи не оказали. Изнуренные долгой осадой мисимиане капитулировали. Дакик согласился заключить с ними мир, потребовал у них заложников и возвращения имперской казны, захваченной у Соттериха. Мисимиане выполнили все условия, и мирное соглашение было заключено. Византийская карательная экспедиция дорого обошлась мисимианам. За время военных действий они потеряли «не менее 5 тысяч мужчин, ещё больше женщин и еще больше детей». Тогда же мисимиане, оказавшиеся на грани полного уничтожения, были приобщены к христианской религии. Крепость Бухлоон, из-за которой началось восстание мисимиан, ещё долгое время находилась в руках у аланов.

Сведения Агафия существенно конкретизируют картину, набросанную Прокопием. В интерпретации этих связей тоже нет единодушия. Особенно много расхождений вызывают вопросы локализации и этнической принадлежности мисимиан. Большинство исследователей, сосредоточившись на описанном Агафием апсиро-мисимианском рубеже, помещают их северо-вос-

точнее апсилов, у современной Цебельды и в верховьях р. Кодор. Со ссылкой на Агафия в рамки Мисимиинии включают горную часть между реками Келасур и низовьями Сакена, Азантскую долину и Панавский хребет. Главные крепости мисимиан соответственно локализуются в районе Багадских скал или у слияния Гуандры и Сакена. Другая гипотеза локализует мисимиан в предгорьях междуречья Ингур – Цхенисцкали, помещает Бухлоон на правом берегу Ингура, а Тсахар – в верховьях Цхенисцкали. Наконец, в последнее время обоснована гипотеза помещения мисимиан в предгорной полосе («ахуца») между Кодором и Ингуром, а Тсахар и Бухлоон – соответственно на месте нынешних крепостей Пскал и села Пахулан.

При учете информативности Агафия по этому вопросу нужно учитывать следующее. На западе мисимиане граничили с Апсилией в районе крепости Тибелия (Тцибилы Прокопия), которая в описания Агафия предстает наиболее восточной в системе апсилийских укреплений. Перед нею, т. е. западнее, в сторону мисимиан отходил к югу-востоку путь, которым персы свободно пользовались в своих передвижениях от Кутаиси к Апсилии и обратно, преграждая или освобождая дорогу к Тибелии византийцам, двигавшимся к ней от Себастополиса и ближайших к нему крепостей Апсилии, т. е. с запада. В то же время, по Агафию, крепость Бухлоон, к которой Сотерих шел от Фазиса по территории лазов, крайний северо-западный пункт расселения которых, согласно тому же Агафию, находился в районе ущелья р. Хоб (совр. Ингур или Хопи). Если помещать мисимиан, и следовательно Бухлоон, в Кодорском ущелье, как это обычно делают, то там же следует помещать границу лазов, р. Хоб и т. д. Между тем достаточно взглянуть на физическую карту региона, чтобы увидеть, что в последнем варианте на пути у Сотериха встают холодные зубцы неприступного Ходжала и его отрогов, преодоление которых вряд ли можно назвать удобным при передаче субсидий византийцами аланам. Поэтому надо следовать логике всех составляющих, внося лишь небольшую коррективу в ориентацию на местности: поскольку эти составляющие отсекают Азантскую долину и верховья Кодор, действительно расположенные «севернее и несколько восточнее» нынешних Шьапкы и Цабала (резиденция правителей Апсилии и ее главная крепость), от территории мисимиан, то исходящую точку для ориентации по Агафию нужно помещать не в центре Апсилии (Цебельда), как это обычно делают, а в юго-восточной части его побережья (северный поворот «Луковидного изгиба» Прокопия).

Интересно отметить, что до 550–554 гг. ничего не было известно о мисимианах, а спустя пару лет они себя ярко проявили на довольно обширной территории. Объяснить данное явление можно следующим образом: во-первых, мисимиане как самостоятельное государственное образование существовало и раньше; во-вторых, мисимиане в эпоху Прокопия по каким-то причинам еще не были достаточно дифференцированы от соседних этногрупп, входя орга-

нической частью в одну из них и окончательно политически выделившись лишь в середине 50-х годов VI в. Последнее представляется более логичным.

При определении их этнической принадлежности мнения исследователей расходятся. Одни без всяких сомнений относят их, как и санигов (соанов), к сванам, исходя из того, что в названии мисимиан VI–VII вв. выступает сегодняшнее «специфически сванское наименование человека, принадлежащего к племени сванов «мушвен». При этом они считают, что соответствующую цитату Агафия о разнице в языке и обычаях между мисимианами и лазами нужно трактовать также и в отношении апсилов. Другая точка зрения бездоказательно предлагает рассматривать язык мисимиан в качестве диалекта, образовавшегося в результате смешения сванского и мегрельского языков. И наконец, третья группа исследователей, исходя из суммы имеющихся фактов, связывает мисимиан и апсилов. На последнюю связь со всей очевидностью указывают следующие указания Агафия: он четко дифференцирует мисимиан между апсилами, лазами и аланами, с одной стороны, и сванов между лазами и иверами и варварами по ту сторону Кавказского хребта», с другой стороны; при совместном упоминании лазов, апсилов и мисимиан он подчеркивает разницу в языке между первыми и третьими, ничего не говоря о вторых; он приводит важное свидетельство, что во время переговоров с мисимианами византийцы прибегли к помощи в посредничестве к апсилам; и наконец, он прямо подчеркивает, что апсилы и мисимиане были близки «по образу жизни», что не делает по отношению к другим племенам региона. Интересно в этой связи и то, что имена двух правителей мисимианской знати (Хада и Туана) имеют четко выраженный «абхазский» облик и сохранился в местной антропонимии до сих пор, в то время как основа «мызым» («мысым»), связываемая с мисимианами, и сегодня присутствует в абхазоязычной топонимике страны. Агафий подчеркивает, что мисимиане находились в такой же номинальной зависимости от лазов, как и апсилы. И хотя мисимиане обитали и гораздо ближе к первым, чем вторые, их отношение к своим обязанностям «подвластных», как следует из рассказов Агафия, было поверхностным, проявив себя достаточно четко в истории с Сотерихом и казной. Взяв на себя в предшествующий от персо-византийской войны в Колхиде период соответствующие обязательства по охране проходов на своей территории и организации с помощью византийцев необходимой системы обороны, мисимиане, чья страна во время временных успехов персов превратилась для последних в проходной двор, были в этой обстановке просто не в состоянии выполнить свои обязательства. Фактическая политическая субординация в регионе ясно выступает в заявлении мисимианских послов, когда они характеризуют свой народ как подчиненный с древних времен римлянам, одной с ними религией.

Достаточно высокая степень изученности территории Цебельды и ее окрестностей позволяет, исходя из основных характеристик, приводимых

Агафием, локализовать Тцахар на месте укрепления на горе Пскал (левобережье Кодора). В этом случае находят детальное соответствие такие сведения Агафия, как подходы, облик, вершины, расположение укрепления, топография поселения, расположение источников и описание тропы к ним, протянувшейся в длину скалы, климатические особенности и т. д.

Очень важна зрительная связь с Цабалом, единственным важным укреплением апсилов, наблюдавших отсюда, согласно Агафию, пламя горящего поселения у Тцахар. Так как в Цебельдинском секторе отсутствует другая возможность локализации, а оснований не доверять Агафию нет, следует закономерный вывод о том, что поскольку Пскальская крепость входит в число основных памятников Цебельдинской культуры апсилов, речь может идти лишь «о тесной этнокультурной связи мисимиан с апсилами, разрыв между которыми был обусловлен, главным образом, вероятно, географическими условиями ущелья Кодор». Единственная неувязка для такой централизации – сравнительно небольшие размеры укрепления Пскал, где не могли разместиться ни 500, ни более 500 воинов, как это следует из источника. Между тем на явные преувеличения в цифровых данных Агафия уже обращалось внимание специалистов. Можно указать на соответствие проникновения в самом источнике, где сказано, что в Тцахаре укрылось «только восемьдесят человек».

3. Менандр Протектор о миссии Зимарха. Древнеабхазские племена и их территории еще неоднократно упоминаются в византийских источниках VI в. Так, «апсилы и другие божьей милостью дружественные племена» фигурируют в XXXI новелле Юстиниана, написанной после 555 года. В 568 году, как сообщает византийский историк Менандр Протиктор, в Среднюю Азию был отправлен из Византии посол Зимарх. Туда его путь пролег через Бухлоон по ущелью Ингура. Возвращаясь назад и достигнув Алании, римляне, пишет Менандр, хотели представиться Сародию, владельцу этой страны, вместе с сопровождающими его турками (тюрками)... Сародий принял дружелюбно посла и его людей. Князь Алании предупредил Зимарха, чтобы он не ехал по дороге мисимианов, потому что близ Суании находились в засаде персы. Он советовал римлянам возвратиться по дороге, называемой Даринской. Зимарх, узнав об этом, послал по дороге Мисимианской десять человек носильщиков, чтобы обмануть персов и заставить их думать, что их послал наперед и что на другой день явится и он сам. Носильщики пустились в путь, а Зимарх, оставив слева дорогу мисимианцев, на которую, полагал он, персы сделают нападение, поехал по дороге Даринской и прибыл в Апсилию. Он достиг Рогатория, потом и Понта Эвксинского, (отсюда) он отправился на судах до реки Фасия и, наконец, прибыл в Трапезунт. Оттуда на общественных лошадях приехал в Византию, был представлен императору и донес ему обо всем».

Данные Менандра подтверждают и дополняют сведения Прокопия и Агафия об Апсилии и Мисимиании. В интерпретации этих данных, впрочем,

нет единства Путь миндиммианов (мисимиан) одни исследователи ведут через Клухорский перевал и Кодорское ущелье, другие – через Малиса перевал и ущелье Риона: Даринский путь связывают с Марухской либо Санчарской перевальными тропами. В последнее время обосновываются гипотезы, локализирующие трассы Даринского и Мисимианского пути соответственно по Кодорскому через Клухорский перевал и Ингурскому (через перевал Накра) ущельям. Географические условия указывают на правильность только такой интерпретация источника: поскольку ставка Сародия где-то в районе Пятигорья, то на юг отсюда в обход Эльбруса вело два параллельных пути, из которых восточный (Мисимианский) выходил через Бухлоон к Фасису, а западный (Даринский) – через Цебельду к Севастополису. Рогатория локализуется на месте укрепления Шьяпки (Цебельда), где находилась резиденция правителей Апсолии. Указания Менандра о том, что в VI в. Свания располагалась восточнее нынешнего своего местонахождения, т. е. в верховьях Риона, соответствует определенному свидетельству Прокопия, что путь в Сванию вел через Кутаис и Уфимерей (Ухимерион), а сама она помещалась в «местах от Мохерисса до Иберии» и его спутников.

4. Злоключения Максима Исповедника и его спутников в Колхиде.

Важные сведения об апсилах и связанных с ними мисимианах содержатся и в описании злоключений святого Максима Исповедника и двух его спутников Анастасия Апокрисария и Анастасия Инока, пережитых ими в Колхиде в 662–665 гг. Содержание этого источника, в основу которого положены письмо Анастасия Апокрисария и мемуары Феодосия Гангрского, сводится к следующему. В данном письме сообщается, что когда отправленный в ссылку императором Константином III Максим со своими спутниками прибыл в «страну христоролюбивых лазов, то по приказу ее правителя они были сразу же разлучены (8 июня 662 года), и Максима, который сам не мог передвигаться, в плетенных из прутьев носилках отнесли и заключили в крепость Скотор, которая находилась «в Апсолии, что вблизи Абазгии», а Апокрисария – в крепость Буколус «в область Месимиана, на границе с вышеупомянутыми аланами, которые «это именно... укрепление... захватили и удерживают в своих руках». 18 июля 662 года обоих Анастасиев перевели в Мухорисис, откуда Инок был переведен в крепость Свания, где он 24 июля скончался. Апокрисарий же был помещен «в крепость, называемую Таквирия, вблизи Иберии. «13 августа в крепости Схимар скончался и святой Максим Исповедник». В конце сентября Анастасий Апокрисарий был переведен из крепости Таквирии назад «в страну апсиров и мисимиан» (воспринимается как единое государственное образование), где заключен в крепости Фуста после семимесячного изнуряющего скитания по горам.

Далее источник рассказывает о каких-то серьезных противоречиях и столкновениях с местными правителями. Тот правитель (принцепс), который воз-

вратил Анастасия Апокрисария в Фусту, был изгнан, а его преемник забрал узника из крепости и поселил его вблизи своей резиденции. В марте – апреле 664 г. он переменял свое доброе отношение к Анастасию и по «дьявольскому действию» бросил его в темницу Фусты.

В тот же день данный принцепс был изгнан из своей области и бежал к христоролюбивым абасгам, правители которых поставили одно из своих условий: «смягчение участи Анастасия». Вернув себе область, где находилась Фуста, правитель в нарушение договора гонения на Анастасия отправил его, наконец, в Схимар. Сразу же после этого принцепса окончательно изгнали, а его место занял «славный патрикий и божественный магистр Григорий», который вернул Анастасия с дороги в Схимар, поселил его вблизи своей резиденции, где тот и скончался 11 октября 666 года. Феодосий Гангрский в своих «Мемуарах» сообщает, что посетив Колхиду вскоре после этих событий, он не смог попасть в Схимар, поскольку эта крепость находилась высоко в горах, что Анастасий скончался «в крепости, именуемой Тусуме(и), расположенной выше деревни Мохое, на границе страны Апсилии, на востоке Понта, у самого подножья Кавказских гор, вблизи страны христоролюбивых абасгов и племени аланов около пяти миль от деревни Зихахора – резиденции («первый дом») Григория, истинно христианского патрикия и магистра страны лазов (?)».

Упомянутые в данном письменном источнике пункты грузинскими историками локализуются в Лазике (Мухорисис – Мухирисис – Кутаиси, Схимар – Ухимерион, Таквирия – Таквери), Сванетии (Свания), Мисимиании (Буколус – Бухлоон – Пахурлан, Тусуме – Тхина (?), Мока – Моква, Зихахора), и Апсилии (Фуста – Апушта (?), Скотор – Кодор – Цебельда). На основании сведений Анастасия Апокрисария и Феодосия Гангрского делаются ложные выводы о том, что раз надзор за ссыльными церковниками осуществляли правители Лазики, то тогда «в 60-х годах VII в. политические границы доходили до Кодора». «Не подлежит сомнению, что окрестности Кодора в 60-х годах VII в. входили в состав Лазского княжества. Как видно из этого сообщения, Анастасий томился лишь в лазских крепостях... Все эти сведения говорят о том, что часть Апсилии к 60-м годам VII в. прочно вошла в состав Абасгии», – сказано в другом труде. И еще одно столь же «научное» мнение: «Апсилия, Мисимиане, Лечкуми и Сванети в VII в., как прежде, являлись провинциями княжества Эгриси. В этой связи небезынтересно вспомнить, что одна из резиденций патрикия Лазики находилась в Джихахора, недалеко от Мокви, т. е. в Апсилии. Отсюда ясно, что в 60-е годы VII в. политическая граница страны лазов все еще распространялась на Апсилию и Мисимианию».

Однако эти и подобные выводы вряд ли можно сделать из предоставленных источниками фактов. В науке сохранилось несколько редакций на греческом, латинском и древнегрузинском языках, и сравнение этих редакций выявляет определенные и иногда очень существенные разночтения: упоминание о Фу-

сте сохранилось только в латинском варианте, а остальные списки – вблизи Абасгии (греческий текст); присутствующий в грузинском тексте топоним «Зихахори» препятствует интерпретации современных авторов, видящих в «Зихахоре» греческих и латинских рукописей мингрельское «Джихахоре»; в латинском варианте «Мемуаров» Федосия Гангрского Григорий фигурирует как магистр и патрикий аланов»; параллельно в том же источнике с Григорием (как в греческом, так и в латинском его вариантах) фигурирует и «Лебарнук, патрикий Лазики», известный по другим памятникам как отец патрикия лазов Сергия.

В источнике совершенно определенно фигурируют «границы Апсилии», область Мисимиана, «страна апсиллов и мисимиан», и нигде прямо не сказано о границах лазов и о принадлежности последним крепостей, расположенных на территории этих государственных образований. Не объясняют исследователи и то, почему резиденция Григория и его предшественников находилась вблизи границ апсиллов и мисимиан, где-то в средней части нынешнего Очамчирского района, где ни один источник не фиксирует административные центры лазов, в то время как эти центры известны в Археоролисе и Кутаиси. Также напрасно обходится вниманием важный факт присутствия в рассматриваемом регионе алан, владевших с VI в. Бухлооном (Буколус в VII в.) и оккупировавших прилегающую к нему область Мисимиании. В источнике прямо сказано, что такое присутствие алан в Буколусе не помешало возратить сюда Анастасия Апокрисария. Следовательно, источник со всей очевидностью выявляет здесь некую власть, которая стояла над местными принцепсами, патрикиями и народностями, и независимо от этнической принадлежности власть в этот период исходила от Византийской империи, провинцией которой было Восточное Причерноморье в рассматриваемый период времени. И, как в других провинциях, организация и управление экономической жизнью и торговлей здесь находились в руках особых государственных чиновников, государственной казны (коммерческие генеконы) и их агентов. Не случайно во второй половине VII – начале VIII в. Лазики были объединены в один округ с такими исконно византийскими городами, как Трапезунт и Керасунт. Не исключено, что поэтому упомянутые в источнике были фактически правителями конкретной области Апсилии и Мисимиании и входили в число императорских логофетов, носивших, как и наследственные правители Лазики, титул патрикия.

Сказанное позволяет сделать вывод, что пока в расположении науки не будет объективного монографического исследования всех вариантов данного источника, всякие основанные на выборочном цитировании выводы о политических и этнических границах в регионе вряд ли будут обоснованными. В нашем случае данные границы «страны апсиллов и мисимиан» с лазами в этом источнике проявляются с достаточной четкостью, а некоторая переключка с византийскими источниками VI в. (Прокопий и Агафий Менандр) лишь под-

крепляет мысль о стабильности рубежей и тенденций в регионе на протяжении VI–VII вв.

5. Приключения Льва Исавра в Апсилии. Как сообщает византийский историк Феофан Хронограф, в 708–711 гг. по Западному Кавказу совершил вояж будущий византийский император Лев Исавр. В то время, пишет Феофан, в Абасгии, Лазике и Иверии господствовали сарацины. Лев прибыл в Лазик, деньги оставил из-за предосторожности на хранение в Фасисе. Взяв с собой несколько местных жителей, он отправился в Апсилию и, преодолев Кавказские горы, пришел в Аланию. После успешного выполнения задания, которое заключалось в организации карательных набегов союзных Византии алан на абасгов, в мае 711 года Лев Исавр отправился в обратный путь. Спустя некоторое время, продолжает Феофан, войско ромеев и армян напало на Лазик и осадило Археополь, но, услышав о наступлении сарацинов, отступило, от него отщепилось около двухсот человек, которые с грабежами поднялись к областям Апсилии и Кавказских гор. Когда же сарацины захватили Лазик, войско ромеев и армян, обратившись в бегство, повернуло к Фасису. А те двести человек остались в Кавказских горах и предавались грабежам, отчаявшись в надежде на спасение. Узнав об этом, аланы решили, что ромеев очень много на Кавказе, и, возрадовавшись, говорят спафарию: «Ромеи приближаются, ступай к ним». Спафарий, взяв пятьдесят аланов, в мае месяце, на круглых лыжах перешел снега Кавказа, нашел, к великой радости, ромеев и спросил их: «Где войско?». Они ответили: «После нападения сарацин войско повернуло в Ромению. Поскольку мы не смогли вернуться в Ромению, то пришли в Аланию». На это Лев Исавр сказал им: «Что мы теперь будем делать?». Они ответили: «Через эти земли пройти невозможно». Спафарий сказал: «Невозможно выйти и другой дорогой». Дело в том, что там была крепость, называемая Сидерон («Железная»), топотеритом (комендант, правитель области) которой был некто по имени Фарасманий. Он попал под власть сарацин, но сохранил мир с армянами. Спафарий, через послов к Фарасманию, заявляет ему: «Раз ты в мире с армянами, то замиришь со мной. Подчинись власти империи, помоги нам спуститься к морю и переправиться в Трапезунт». Так как Фарасманий не взялся это сделать, то Лев посылает своих людей и армян, приказав им сделать засаду (и сказав): «Когда они выйдут из крепости на работу, хватайте из них, сколько сможете, и задержите снаружи ворота открытыми, пока мы не поспеем!». Они ушли и устроили засаду, а когда народ вышел на работу, внезапно напали, овладев воротами, и многих взяли живьем. Фарасманий с немногими остался в крепости, и тогда Лев подошел к Сидерону и обратился к Фарасманию, чтобы и он с миром открыл ворота, но тот не захотел и начал сражение. Крепость, однако, была мощной, и ромеи тогда не смогли ее захватить. В это время патрикий Марин, первый из апсилийцев узнав об осаде крепости, был охвачен страхом, думая, что со спафарием

большое войско. Взяв с собой триста человек, он пришел к спафарию со словами: «Я приведу тебя невредимым до побережья». И Фарасманий, узрев об опасности, обращается к спафарию: «Бери в заложники ребенка, я согласен служить и империи». Лев взял ребенка Фарасмания и отвечает ему: «Как же ты называешь себя слугой империи, если разговариваешь с нами, запиравшись в крепости? Нельзя нам уйти отсюда, пока мы не захватили крепость». Тогда Фарасманий говорит: «Дай мне слово». Спафарий дал Фарасманию слово не причинять ему ни в чем вреда и только с тридцатью воинами войти в крепость. Но слова своего Лев не сдержал, а приказал своим метать огонь в крепость. Начался большой пожар, и семьи стали выходить, взяв с собой что только могли они унести из своего имущества. Пробыв там еще три дня, Лев разрушил стены до основания, (затем) отправившись в путь, спустился в Апсилию с Марином, первым из них, и с великими почестями был принят апсильцами. Оттуда он спустился к побережью и переправился через море и пришел к Юстиниану». Тот же Феофан, коснувшись событий 30-х – начала 40-х годов VIII в., сообщает, что арабский полководец Сулейман ибн Исам в 738–739 годах совершил поход на Римские земли, где взял так называемую Железную крепость («Сидерон»), и отвел в плен Евстафия, сына Марина Патрикия. Несмотря на все принуждения, он не отрекся от истинной веры и в знаменитом городе Месопотомском Харане оказался истинным мучеником, где святые мощи благодатью Божией производят всякие исцеления; но и многие другие в мученичестве пролили кровь свою за Христа». Феофан со всей очевидностью свидетельствует о том, что в первой половине VIII века (до похода Сулеймана ибн Исама) Апсилия представляла самостоятельную провинцию Византийской империи с собственными патрикиями во главе; в это время абасги, наоборот, стали временно сотрудничать с арабами, с чем и связаны все почти детективные истории Льва Исавра в Алании и Абасгии, где он выступил в качестве псевдозаложника. Все патрикии Апсилии в основном носили христианские греческие имена и были последовательными приверженцами христианства. Резиденция патрикия Марина располагалась вблизи Сидерона на пути от него к Севастополису; крепость Сидерон играла важную роль в обороне Евстафия от арабов, т. е. территориально не может быть оторвана от Апсилии. В то время, когда в Лазике и Абасгии зависимость от арабов была узаконена и там господствовали сарацины, Апсилия сохраняла провизантийскую ориентацию, и путь от Фасиса и Севастополиса был открыт для византийских чиновников и солдат. Какие-то области и на южных склонах Западного Кавказа, т.е. северные районы Апсилии, рассматривались в тот момент в качестве «Алании». Как бы в подтверждение абхазо-аланских связей Цебельдинской экспедицией найдено до десятка аланских лощеных кружек VI–VII вв. на территории исторической Апсилии. Эти и другие более ранние находки, например, железные мечи с кольцевидным навершием, трехлопастные на-

конечники стрел, с одной стороны, могут свидетельствовать о наличии аланов в римско-византийских подразделениях и иных связях (торговых, брачных). В Цебельдинском могильнике найдено женское захоронение с долихокранным (вытянутым) черепом, которое сопровождал в том числе аланский лощеный кувшин. Эта аланка, скорее всего, попала в Апсилию в качестве невесты. В свою очередь на территории исторической Алании в синхронное время употреблялись апсильские кувшины с чашечковидным венчиком. Существует гипотеза об участии северокавказских племен (сираков-аланов) в этногенезе цебельдинской культуры. В этой связи этноним «апсил» этимологически связывается с понятием конь, «асп» («апс») в североиранских языках. Перевалы Западного Кавказа свободно проходились аланами и в период снегов, как это сделал Лев Исавр с сопровождавшими его аланами в мае 711 года. Помимо патрикия власть в Апсилии осуществляли топотериты (провинциальные византийские местоблюстители), в обязанности которых входило управление областями, крепостями. Упомянутый топотерит Фарасманий явно не был арабом и вместе со своим отрядом (в его составе, наряду с апсилами, могли быть армяне, греки, аланы и др.) прежде, по-видимому, находился на службе у византийского императора. Фарасманий лишь покорился власти арабов, возложивших на него функции надзора за Даринским путем и апсилами.

В самом конце VII в. в Западное Закавказье вторглись арабы. Они дошли до Апсилии и разместили в ней свои гарнизоны. Это отразилось и на настроении абасгов. Чтобы отрегулировать ситуацию в пользу Византии, в Аланию был послан Лев Исавр в 708–711 гг., который успешно выполнил антиарабскую миссию. В 738 г. арабское войско во главе с Сулейманом-ибн-Исамом вновь вторглось в Закавказье. Картлийские цари Мир и Арчил бежали в Абасгию и укрылись в Анакопии (первое присутствие на территории современной Абхазии восточных картвелов). Арабы разрушили, как сообщает грузинская летопись, «город Апсилии Цхум» и дошли до Анакопийской крепости, которую защищали две тысячи абасгов и одна тысяча бежавших в Абасгию вместе с Миром и Арчилом картлийцев. Правитель абасгов Леон I в это время отправился к аланам за помощью. Войско арабов напоминало «тёмную тучу саранчи и комаров». Это неравенство компенсировалось мощностью стен Анакопийской крепости. Ее южная стена протяжённостью в 450 м была снабжена семью башнями, которые в зависимости от крутизны склона и важности стратегического положения имели четырёхугольную и полукруглую формы. Эти башни отстояли друг от друга на расстоянии 30–50 м, т. е. полёта стрелы. На стенах и башнях стояли катапульты и другие метательные машины, засыпавшие врагов стрелами и камнями. За круглой многоярусной угловой башней скрывались ворота, подходы к которым были тщательно защищены. Между башнями существовали калитки, через которые защитники крепости совершали внезапные вылазки. Кровопрлитной битвы или длительной осады

Анакопии у арабов не получилось. Грузинский историк XI в. Джуаншер так описывает решающие события у стен Анакопии: «И перед рассветом господь бог послал на сарацин зной южный, и заболели они кровавой холерой». В ту ночь явился Арчилу ангел божий, который сказал ему: «Идите и сразитесь с агарянами, т. е. арабами, ибо я на них послал жестокою истребляющую людей и животных болезнь. Тогда выступите, когда из лагеря услышите стоны и рыдания. Вы же будьте храбрыми и обретёте силу, уповая на бога». Они так и поступили на рассвете – «от холеры погибло тридцать пять тысяч сарацин, а от меча – три тысячи. Сам Мир был ранен копьём в бок, а из защитников в тот день пало шестьдесят человек». Арабам пришлось отступить. И никто не знает, как бы сложилась будущая карта Восточной и Западной Европы, если бы они захватили Анакопию.

Блаженный апсил Евстафий. В период осады Анакопии арабы нанесли сокрушительный удар по Апсилии в том же 738 г. Они взяли штурмом Сидерон (крепость Тцибила) и захватили в плен последнего правителя апсиров Евстафия, имя которого пользовалось заслуженной известностью во всём христианском мире. Блаженный Евстафий был сыном «знатнейшего и первейшего среди апсиров» патрикия Марина. Несмотря на принуждение, он не отрёкся от христианской веры и в знаменитом месопотамском городе Харане оказался истинным мучеником, «где святые мощи его благодатию божию производят всякие исцеления».

Последствия Анакопийской битвы. Благоприятная ситуация способствовала выдвижению правителя Абасгии Леона I, в то время как другие области Колхиды были опустошены и обескровлены. В знак победы над арабами византийский император Лев Исавр прислал два царских венца и грамоту картлийским царям Миру и Арчилу, передав им в управление Лазику (приморская её часть отошла к Миру). Своему же тезке Леону I Лев подтвердил его наследственное право на владение Абасгией, рекомендовав при этом не посягать на владения его новых соседей. Вскоре Мир умер от раны, а его многочисленных дочерей брат Арчил стал выдавать замуж. Леону I досталась младшая – Гурандухт, вместе с которой он получил корону Мира (конечно, не без ведома Льва Исавра). За Леоном I закрепилась территория между рекой Эгрис-цкали (тогда р. Ингур) и «Клисурой», возникшей в VI в. системой укреплений, главным узлом которой была крепость Цихе-Годжи (Археополис–Нокалакеви в Лазике). Северной границей Абасгии был определён Кавказский хребет, за которым начинались владения Хазарского каганата. В результате Леон I стал правителем обширной области, куда входили прежняя Абасгия, Апсилия, Мисиминия и Лазика, восточные области которой отошли к нему после смерти Арчила.

В начале 40-х гг. VIII в. царь Давид послал священнослужителей во главе с Иоанном к Антиохийскому патриарху Феофилакту, который рукоположил его

в сан Пицундского епископа. Абхазское княжество в конце правления Леона I геополитически созрело для превращения его в Абхазское царство. В древнегрузинском письменном источнике «Мученичество Або Тбилели» (786) Абхазия уже называется «христоролюбивой страной, со своими владетелями, епископом и священниками». К этому времени, скорее всего, и завершился процесс образования единой абхазской феодальной народности. Так Абхазия встала на путь своей независимой раннефеодальной государственности, которую и следует принимать за основу.

6. Два ответвления Великого шелкового пути у Феодосия Хронографа.

У Феофана Хронографа о миссии Льва Исавра на Западный Кавказ фигурируют два пути. По первому пути сафарий направился в Аланию, а затем вернулся в Византию. Это Даринский путь через Клухорский перевал. Вторую дорогу следует вести по линии Лыхны – Гудаутский перевал, Псху – Санчар, хотя не исключен и путь от Санчары через Псху и перевал Доу в долину реки Гумиста и далее в Себастополис. Ни один из рассматриваемых путей вместе с мисимианским, функционировавшим в VI–VIII вв., не совпадал с «Абхазской дорогой» грузинских летописей XI в. (так называлась нагорная дорога от Кутаиси до Себастополиса – Цхума и далее в сторону Анакопии). По этому пути шли в 738 г. арабские завоеватели. Что касается археологических материалов, подтверждающих существование западно-кавказских ответвлений Великого пути, то в первую очередь следует, например, назвать сирийские, согдийские и китайские шелка, золотоподобную латунь из урочища Мощевая балка на Северном Кавказе и бусину с китайскими иероглифами («император») времен династии Суй (VI в.), найденную в одном из женских апсилийских захоронений Цебельдинского могильника, т. е. на трассе Даринского пути, которым шел Зимарх, а позднее и Лев Исавр. Именно на основании данных импорта бус и шелков, как с одной стороны, из Китая и Средней Азии, так и с другой стороны, из Сирии, четко рисуется абхазский отрезок Великого шелкового пути. Транскавказские перевальные пути также сыграли объединительную роль в образовании культурной общности между населением Абхазии и восточных районов горного Прикубанья на Северном Кавказе. Эта роль четко проявилась в археологических памятниках (посуда, оружие, одежда, украшение), архитектурных сооружениях (крепости, храмы) и в духовной культуре (нартский эпос, христианство).

Сидерон обычно сопоставляют с главной крепостью мисимиан (Тцахар), которую в VI в. также называли «железной». Однако из сведений Феофана очевидно, что Сидерон располагался на пути от Себастополиса и резиденции патрикия Марина (Рогатория – современная Шъапкы) в Аланию, т. е. в стороне от того места, где локализуется Тцахар (совр. Пскал).

7. Граница между Византией и Грузией по реке Келасур? В источнике совершенно определено противопоставлены друг другу Апсилия, Абасгия и

Лазика, и их взаимное расположение исключает, как и сведения предшествующих веков, всякую возможность отстаиваемого некоторыми авторами тезиса, согласно которому с VI по VIII в. границей между Византией и Грузией служила река Келасур с соответствующей вдоль нее стеной. Византийские авторы ничего о такой границе и стене не говорят. Не надо путать «клизуру» Прокопия с названием Келасурской стены (прибрежная башня начала стены расположена у устья реки Келасур). В последнее время появилась новая версия постройки Келасурской стены, по которой ее связывают со строительной деятельностью персов между 553–568 или менее 562–571 годами. Данная ошибочная версия апеллирует на фрагмент грузинской рукописи, открытой в 1994 г. в монастыре св. Екатерины в Синае, где упоминается стена Клизура безотносительно листа постройки. Между тем, во-первых, персы не задерживались тогда на территории Абхазии настолько долго, чтобы могли построить подобное мощное оборонительное сооружение; во-вторых, в таком случае все пространство, защищенное стеной, должно было бы принадлежать персам, что не соответствует историческим реалиям, ибо Аписилия в это время являлась союзницей Византии в качестве ее провинции, имеющей определенный автономный статус, и не была разделена стеной на две части по р. Келасур, как считают большинство грузинских и некоторые абхазские исследователи. Не могли ее также построить абхазы в VIII в. против арабов, так как фасад башен направлен в противоположную сторону. Не надо путать Келасурскую стену с «клизурами» Прокопия, которые составляли внутренний Кавказский лимес в Юстиниановское время. Проведенные Ю. Н. Вороновым и О. Х. Бгажба раскопки показали, что три башни Келасурской стены на Багмаранском участке (так же, как и Приморская башня) построены без фундамента, булыжной, а не квадратной кладкой, однослойные с сопровождающим позднесредневековым керамическим материалом. Пока это подтверждают последние раскопки Ш. Кайтан.

Армянская география «Аишхарацуйц» о древних абхазах. Очень ценны также сведения армянской географии VII в. «Ашхарацуйц» о тогдашней Абхазии: «Между Булгарами и Понтийским морем живут народы: Гарши, Куты и Сваны до Писинуна – прибрежной страны Аваза, где живут Абхазк Апшилк, до их города – прибрежного Себастополиса и также за ним до реки, что называется Дракон, которая суть Вишап, что течёт из Алуании и делит Апхаз от области Егер...». Здесь впервые упоминаются оба названия Абхазии и абхазов (Апшилк – Писинун – Аписны и Аваза – Абхаз – Абхазия). Гарши, карш в переводе Сукри означают адыги (кашаг – касоги в русских летописях). Севастополис соответствует современному Сухуму, а р. Дракон (Вишап) – р. Ингур, верховья которого до Бухлоона – Буколуса были в тот период включены в пределы Алании. Поэтому граница между Абхазией и Грузией, говоря современным языком, проходила в VII в. по р. Ингур (так было и позднее – к середине VIII в., т. е. перед образованием независимого Абхазского царства).

Литература

1. Агафий. О царствовании Юстиниана. М., 1953.
2. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.) // Избранные труды. Т. 1. Сухум, 2010.
3. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. Учебник для 10 – 11 кл. Сухум, 2015.
4. Византийские историки. Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.
5. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии. Сухуми, 1986.
6. Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья // Научные труды. Т.1. Сухум, 2006.
7. Гунба М. М. Абхазия в I тысячелетии н. э. Сухуми, 1989.
8. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
9. Касландзия Н. В. Генезис и становление Абхазского царства. Сухум, 2017.
10. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
11. Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.
12. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ, УТВЕРЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ХРИСТИАНСТВА В АБХАЗИИ (I–X вв.)

1. Источники и историография вопроса.
2. Очаги распространения христианства в Абхазии.
3. Официальное принятие христианства и его эволюция до конца X века.
4. Христианские памятники на территории Абхазии.
5. Историческое значение введения христианства в Абхазии.

1. Источники и историография вопроса. История распространения, утверждения и развития христианской религии на территории Абхазии сегодня изучается на основе разнообразных источников – от церковных до памятников материальной и духовной культуры.

Богатую информацию о начальном этапе распространения христианства в Абхазии содержат церковные источники – предания, сообщения церковных деятелей, жития святых. Церковные предания основаны на рассказе Священного Писания – Библии, где говорится о миссии апостолов: «Когда же настал день, призвал учеников и избрал из них двенадцать, которых наименовал Апостолами: Симона, которого назвал и Петром, и Андрея, брата его, Иакова и Иоанна, Филиппа и Варфоломея, Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона, прозванного Зилотом, Иуду Иаковлева и Иуду Искариота... Созвав же двенадцать, дал им силу и власть над всеми бесами, и врачевать от болезней. И послал их проповедовать Царствие Божие и исцелять больных» [7: 6:13; 14; 15; 16; 9:74].

О первых проповедниках христианства по Северному и Восточному Причерноморью – Андрее Первозванном, Матфее, Варфоломее, Симоне Зилоте, Иуде – известны несколько преданий: понтийско-таврическое, колхидско-меотическое, понтийское, босфорское, колхидское, в котором имеются сведения о миссии апостолов на территории древней Абхазии. Это предание «называло область сванов, или сван-колхов, местом мученической кончины апостолов Симона и Иуды» [10:49]. Все эти предания признают апостола Андрея Первозванного руководителем Черноморской миссии и направляют его путь с юга на север. Самые ранние из них восходят к концу I – началу II в. н. э. Малый интервал времени от начала проповеднической деятельности апостолов до появления этих преданий указывает на то, что деяния учеников Христа несут в себе отпечаток реальных событий.

Сказания об апостолах возникли в среде сопровождавших их учеников. В дальнейшем их тексты оказались у богословов, которые их записали. С неко-

торой обработкой они сохранились у более поздних авторов. Вне сомнения, эти памятники христианской культуры – греческие и римско-византийские – могут считаться историческими источниками. О проповедниках в своих сочинениях писали отцы церкви, служители монастырей, религиозные общественные деятели, светские историки. К ним относятся ранние источники:

1) древнеримские источники времен принципата Веспасиана Флавия (I в. н. э.);

2) «Церковная история» Евсевия Памфила или Кесарийского (ок. 265–340 гг.), Руфина (V в.), Евхерия Лионского (V в.), из сирийского «Doctrina Apostolorum» (IV в.);

3) «О началах» Оригена Александрийского (185–254 гг.);

4) «Мученичество святого Орентия» (III в. н. э.);

5) документы о работе I Вселенского Собора 325 г. в Никее – рукопись Британского музея (VII в.);

6) «Мученичество Матфея» (конец IV в.).

Историографический анализ этих источников принадлежит церковным историкам Петровскому С. В., митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию (Булгакову С. М.), Малышевскому И. И. и др.

К церковным источникам относятся также каталоги апостолов следующих авторов:

1) каталог Ипполита, епископа Пертуенского (ок. 222 г.) «О двенадцати апостолах...» отмечает путь апостола Андрея Первозванного вместе с Симоном;

2) каталог святого Дорофея, епископа Тирского (307–322 гг.), «Церковное описание...» подтверждает путь апостола Андрея и указывает на то, что он достиг великого города Севаста (или Севастополя)...»;

3) каталог Сафрония (IV в.) рассказывает о проповеди апостолов в Севастополисе Великом;

4) каталог Елифания Кипрского (вторая половина IV в. – начало V в.) под названием «Елифания, епископа Кипрского, о святых апостолах...», «где находится укрепление Апсара и река Фазис...»[2: 78];

5) «Мученичество Симона и Иуды».

Названные выше церковные историки, а также русский византист Васильевский В. Г., американский библеист Мецгер Б. М. и др. подчеркивают важность источников и указывают на спорные моменты в названиях мест подвижничества апостолов, их биографических данных. При этом ими подчеркивается познавательный характер содержания этих источников.

Сохранилось немало письменных свидетельств богословов, историографов раннего средневековья, повествующих о миссионерской деятельности апостолов, служителей церкви, о ссыльных христианах на северном Причерноморье, об их бытовании на территории Абхазии. Это:

1) сочинение Исидора Испалийского (570–636 гг.);

2) труд Никиты Пафлогона (ум. в 873 г.) «Похвала святому и всехвальному апостолу Андрею»;

3) сочинение Иоанна Хрисостома (Златоуста);

4) «История войн римлян с персами» (29 гл.) и «Война с готами» Прокопия Кесарийского (500–565 гг.);

5) Сочинение Епифания Иерусалимского (конец первой половины IX в.) «О жизни, деяниях и кончине св. всехвального первоизбранного апостола Андрея», то есть «Житие Андрея Первоизбранного» на греческом языке;

6) «Сказание об апостоле Христовом Андрее, между учениками, Первоизбранном» Симеона Метафраста;

7) греческие синаксарий [2:91];

8) «Церковная история Феодорита Кирского (393–457 гг.);

9) «Церковная история» Евагрия Схоластика (536–590 гг.);

10) «Житие святого Максима Исповедника» (ум. в 662 г.);

11) «Письмо Анастасия, пресвитера и апокрискария Рима, к Феодосию, пресвитеру Гангрскому (VII в.);

12) «Памятная записка Феодосия Гангрского (VII в.);

13) «Хождение апостолов» Левкия Харина (X в.);

14) рукописи на арабском и коптском языках (XI в.);

15) Венецианская рукопись XIII в.;

16) церковные новости, где называются митрополит Фазиса и четыре епископа, новости Леона VI (886–912 гг.) и Николая Мистика (901–907 гг.), которые упоминают архиепископа Севастополиса и другие материалы, подтверждающие наличие Севастопольской епархии с подчинением Константинопольскому патриархату.

Авторы сказаний, историй, документальные данные доносят до нас крупинцы исторической правды, в которых рассказываются предания жителей священных мест, где вели проповеди апостолы Иисуса Христа.

В дополнение к названным историкам анализ приведённых источников дан церковными исследователями А. Погодиным, архимандритом Леонидом (Кавелиным) и др.

К письменным источникам по изучаемому вопросу также относятся сочинения грузинских христианских авторов, летописцев:

1) рукопись Давидогареджийского монастыря «Житие святого Андрея Первоизбранного», написанная на основе одноименного жития анонимного автора;

2) сочинение св. Еквтиме Афонского (ок. 955–1028 гг.) «Поминовение о странствии и проповедовании Андрея»;

3) «Мученичество Або Тбилели» Иоанна Сабанисдзе (вторая половина VII в.);

4) сочинение церковного писателя Ефрема Мцире (XI в.) Леонтия Мрвели;

5) сочинение иеромонаха Георгия (Хуцесмоназони) «Житие и деяние праведного и блаженного Георгия Мтацминдели», написанное им в 1066–1068 гг.;

6) «Летопись Картли» //Картлис Цховреба [2:92–97] и др.

Грузинская редакция «Жития ап. Андрея» сохранила традицию трех путешествий апостола и его спутника. Симон Кананит называется погребенным в городе Никополе, лежащем между Абхазией и Джигетией» [2:93]. Под Никополем [Никопсией] понималась Анакопия (совр. Новый Афон).

Скудные сведения о распространении христианства по Абхазии дают армянские источники. Согласно одной версии, «абхазов просвещал святой Георгий – знаменитый просветитель армян, который начал освящать церкви и поставлять в них священников» [4:19]. «Иного он отправил в Грузию, иного в страну абазгов, иного к аланам», сообщается в арабской рукописи под названием «Мученичества святых Григория, Рипсимы и Гаяны», обнаруженной Н. Я. Марром на Синае и опубликованной в 1902 году [11: 137].

В «Истории Армении» Агафангела, армянского историка V века, секретаря армянского царя Трдата III, рассказывается об обращении армян из язычества в христианство в начале IV века. Он пишет о том, что Григорий Просветитель «не стал задерживаться в Кесарии, быстро вернувшись в город Себастию, занялся сбором сведений для своего поучения...» [16:125]. Относительно проповеди апостолов армянский историк V века Мовсес Хоренаци в приводимом в своей «Истории Армении» письме царя Армении Абгара Арташесу, царю Персии (I в. н. э.) упоминает Симона: «Знаю, что ты уже слышал об Иисусе Христе, Сыне Божьем, коего распяли иудеи и который воскрес из мертвых. Он разослал своих учеников по всему свету учить всех. Один из главных его учеников, по имени Симон, находится в пределах твоего государства» [16:89]. Хоренаци в главе «О мученичестве наших апостолов» сообщает, что ему неизвестно то место, где кончил свой путь апостол Симон: «У иных говорится, что некто Симон принял мученическую смерть в Вериоспоре...» [16:90]. Возможно, некоторые современники апостола называют место его кончины известным под именем, где он проходил свой путь, – вариант названия «Иверия».

В народной исторической памяти сохранились устные предания о деятельности апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита на Кавказе, о миссионерах, побывавших в разное время в Абхазии. О них пишут писатели, путешественники, люди разных профессий, ученые, служители церкви. Это – Жан Шарден, Арканджело Ламберти, Иоанн Лука, Иосиф Цампи (XVII в.), Фредерик Дюбуа де Монперэ, Муравьев А. Н., Введенский А., Селезнев М., Мурзакевич М., Жордания Ф. Д., Дурново Н. Н., Тарнава М. Н. и многие другие.

Историю распространения христианства в Закавказье изучали российские исследователи: Петровский С. В., Муравьев А. Н., архимандрит Леонид (Ка-

велин), Васильевский В. Г., Кулаковский Ю., Латышев В. В. и др., грузинские историки – Джавахов И., Джанашвили Н. Я., Леквинадзе В. А., Каухчишвили Т. С. и др., абхазские просветители XIX века – Гулиа Д. И., Ладария Н., Маан Д., ученые XX века – Анчабадзе З. В., Инал-ипа Ш. Д., Гунба М. М., Амичба Г. А., Воронов Ю. Н., Аджинджал Е. К. и др.

В настоящее время тематикой распространения, утверждения и развития христианства в Абхазии занимаются историки, археологи, филологи, философы, церковные историки. Значительный вклад в изучение темы внес доктор богословия, архимандрит Дорофей (Дбар Д. З.). За последние годы им изданы фундаментальные работы: «История христианства в Абхазии в первом тысячелетии» (2005, 2015) [2], «Место кончины святого Иоанна Златоуста» (2013). В работах освещены источники, разнообразные точки зрения исследуемого вопроса, полемические аспекты событий, требующих дальнейшего углубленного изучения.

2. Очаги распространения христианства в Абхазии. История православного христианства в Абхазии охватывает длительный хронологический период времени. На наш взгляд, эволюцию христианства в Абхазии в наибольшей степени может отразить следующая периодизация:

- I–III вв. н. э. – период апостольской проповеди на территории позднеантичной Абхазии;
- конец III – начало IV в. – становление христианской организации в Пи-тиунте;
- IV–VI вв. – период официального утверждения христианского учения в Абхазии;
- VI–XI вв. – время дальнейшего развития христианства в Абхазии и официального признания автокефалии Абхазской церкви;
- XI–XV вв. – расцвет христианской культуры;
- XVI – середина XIX в. – ослабление позиции христианства в Абхазском владетельном княжестве;
- 1864–1921 гг. – начало и развитие процесса восстановления православного христианства в Абхазии;
- 1921–1991 гг. – забвение христианской религии в советский период и сохранение ее на уровне поведенческой культуры;
- 1992 г. по настоящее время – начало процесса возрождения православного христианства на территории Абхазии.

Так как в рамках одной темы не представляется возможным анализ данных этапов периодизации, рассмотрим вопрос проникновения, распространения, утверждения христианства в Абхазии с начала новой эры до конца первого тысячелетия.

Для изучения истории проникновения христианства на Кавказе, в частности в Абхазии, первостепенное значение приобретают предания и принятая

традиция о странствовании апостолов Христа и их миссионерской деятельности.

Известно, что христианство проникло в Абхазию в результате просветительства апостолами учения Иисуса Христа, нахождения воинов-христиан Римской империи, служивших в частях, дислоцированных в прибрежной части Абхазии, подвижничества христианских мучеников и святителей, сосланных в «конечный пункт империи», а также евреев-христиан, одно из колен которых осталось на территории древней Абхазии.

Итак, на основе анализа церковных источников богослов Д. Дбар видит картину просветительской деятельности апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита по территории древней Абхазии таковой: «В середине I в. по Р.Х. апостолы Андрей Первозванный, Симон Кананит и Матфий, пройдя вместе с сопровождавшими их учениками малоазийские города, затем область Понт и города Трапезунд и Неокесарию, далее страну лазов, укрепление Апсар и город Фазис, вступили в Апсилию. Здесь они ведут свою проповедь, возможно, в городе Гюэносе (совр. Очамчыра), где остается апостол Матфий с учениками. Апостолы Андрей и Симон Кананит идут вглубь Апсилии. Через Кодорское ущелье они достигают «города» Фуста, где, помимо апсильев, они проповедуют аланам, жившим на южном склоне Кавказского хребта. Затем они снова спускаются из Кодорского ущелья и приходят в Великий Севастополис, в город, куда, по сообщению Страбона, сходились 70 народностей. В Севастополисе, по-видимому, проживали и иудеи рассеяния, а, может быть, и была синагога. Апостол Андрей оставляет здесь Симона Кананита, а сам с учениками уходит в Зихию.

Апостол Симон Кананит, благовествуя в этом большом городе, вызвал негодование иудеев и язычников и привлек к себе внимание начальника римского гарнизона. Покинув Севастополис, он скрывается в Анакопии, небольшом населенном пункте, где проживали... абазги. Слухи о проповеднической деятельности апостола Симона Кананита в Анакопии, дошедшие до Севастополиса, заставили римских легионеров предпринять решительные меры, следствием чего и стала мученическая кончина апостола Симона Кананита. Он был обезглавлен. Обращенные в христианство местные жители, их могло быть немного, видимо, погребли тело ап. Симона Кананита и передали своим потомкам память о месте погребения этого апостола. На этом месте позднее, после утверждения христианства в Абазгии, строится храм...» [2:117]. Необходимо отметить, что без учета авторских предположений картина миссии апостолов принята учеными, занимающимися этим вопросом.

Известный церковный историк митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков) (1816–1882 г.) в своем труде «История Русской Церкви» пишет о том, что на Северном и Восточном Причерноморье христианское учение проповедовали пять апостолов Христа: Андрей Первозванный. Матфей,

Варфоломей, Симон Зилот и Иуда. Случайно сотрудничали им апостолы Петр и Филипп, сопровождали Филимон, Александр и Руф» [10:120].

Апостол Андрей с учениками проповедовал в Анакопии, Питиунте, а затем среди джигетов, проживавших в районе нынешнего Новороссийска, дошел до Скифии. Из Боспора переплыл он Понт Евксинский, вернулся в малоазийские земли, дошел до народа патри, где принял мученическую смерть.

С первых веков новой эры в прибрежной части Абхазии располагался пятнадцатый Римский легион APPONNAIUUSa. Среди этих легионеров были воины-христиане, удаленные римскими императорами на край империи, чтобы они не могли распространять учение Христа в самом Риме. Этот легион находился в Питиунте в конце II – начале III в. Он размещался в Сатале, в Капподокии, недалеко от лагеря двенадцатого легиона, который, по мнению некоторых исследователей (Дбар, Гикурадзе, Лордкипанидзе и др.), был расквартирован в Колхиде (Апсар, Фазис). Этот легион упоминается в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского как легион, состоявший из воинов-христиан.

Известно, что христианство с самого своего возникновения подвергалось гонениям со стороны жрецов и римских императоров. В особенности эти гонения усилились при правлении императора Диоклетиана (284–305). В это время разрушались христианские церкви, сжигались христианские книги. Чтобы спасти свою жизнь, каждый христианин должен был публично отречься от своей веры и принести жертвы римским богам, в первую очередь, культу обожествляемого императора. Об этом рассказывает греческий источник «Мученичество Орентия и его шести братьев» (III–V вв.).

На рубеже III–IV вв. в Абазгию был сослан сирийский воин Орентий с шестью братьями по вере. В этот период для борьбы с персами неким кубукуларием Родоном в Антиохии был сформирован отряд из семи воинов-христиан, в числе которых был Орентий. Когда этих христиан перевели во Фракию, Орентий совершил подвиг – победил в единоборстве вождя варваров, вторгшихся в эту провинцию империи. В знак милости император предложил Орентию и его братьям принести благодарственную жертву римским богам. Воины-христиане отказались это сделать. Разгневанный император отослал их в Саталу (Капподокия, совр. Турция) и приказал местному дуче силой обратить братьев в традиционную веру, в случае же отказа – «сослать их в страну абазгов и зихов». Никакими пытками не удалось заставить братьев изменить своей вере. Измученных христиан отправили в Абазгию, но по дороге они погибли. Тело последнего из них – Лонгина, выброшенного морем, нашли местные жители Питиунта, где и похоронили.

По мнению грузинского ученого-историка В. А. Леквинадзе, Орентия должны были доставить именно в Питиунт. Он полагает, что известная питиунтская мозаика была посвящена мученику Орентию и сохранившаяся часть латинской надписи на мозаике «ORE» является началом букв его имени.

К этому мнению присоединяется богослов Д. Дбар. Следует отметить, что среди ученых высказываются различные мнения относительно надписи в Питунтском храме (Л. Г.Хрушкова, Е. К.Аджинджал, Т. С. Каухчишвили и др.). По всей видимости, недостаток археологических данных оставляет вопрос нерешенным.

Среди ссыльных в Абхазию христиан значится имя знаменитого антиохийского проповедника Иоанна Златоуста (341–407).

Златоуст – один из виднейших отцов восточно-христианской церкви. Он не просто выдающийся «разработчик» норм христианской морали с ее восточно-христианскими особенностями, но одновременно организатор церковной политики, один из фактических создателей Константинопольского патриархата. Он был приверженцем ортодоксального никейского учения. Исходя из общих нравственных идей христианства, он не признавал рабства в его естественном значении, ввел в практику индивидуальную христианскую благотворительность, считая, что государственная власть создана Богом, чтобы люди не пожирали друг друга [10:132]. В результате острейшего конфликта с правящей верхушкой Константинополя, по указу императора Феодосия, в 404 г. Иоанн был дважды сослан: сначала в Кукус (Армения), а затем, в 406 г., в Питунт, и по дороге туда он умер в Камане со словами «Слава Господу за все!» [2:183]. В 438 г. его мощи были торжественно перенесены в Константинополь и помещены в церкви Святых Апостолов. Рассказывая о его второй ссылке, Феодорит Кирский отмечает, что враги Иоанна хотели ужесточить наказание, отправив его «на пределы Понта и Римской империи... по прибытии в Каманы переселил его в жизнь нестарящую и беспечальную» [2:181].

Из церковно-исторической географии нам известны несколько городов, которые носят названия «Каманы» – Каманы Армянские, или Каподокийские (недалеко от Кукуса), Каманы Понтийские и Каманы Абхазские. В северном предместье Сухума находится деревня Каман. Это дало повод исследователю XIX века – греческому археологу К. Врисису и архимандриту Леониду (Кавелину) считать его местом кончины Иоанна Златоуста. Каманы Абхазские расположены в тысяче верстах от Арабиссы, откуда начал свой путь Иоанн Златоуст, то есть в трех месяцах пути, как сказано в Житии святого. Кроме того, каменный саркофаг, вывезенный из Каман в Сухумский кафедральный собор и приписываемый Иоанну Златоусту, по мнению Л. Г. Хрушковой, действительно можно отнести к раннехристианскому времени. Она допускает кончину пути Иоанна Златоуста либо в Каманах Понтийских, либо в Каманах Абхазских [15]. Исследованию этого вопроса богослов Д. Дбар посвятил докторскую диссертацию «Место кончины святого Иоанна Златоуста» («Τόπος θανάτου του αγ. Ιωάννου του Χρυσόστομου»), успешно защищенную им 8 мая 2014 г. в Университете Аристотеля в Салониках. В ней архимандрит Дорофей

(Д.Дбар) убедительно доказал факт кончины Златоуста в Каманах Понтийских. Изучив древнегреческий, он проанализировал маршрут ссылки святого, все топографические названия, которые встречаются в источниках, и каким нынешним населенным пунктам и городам они соответствуют. На сегодня им подготовлена полная академическая биография святого Иоанна Златоуста, что является важным вкладом автора в историю христианской апологетики.

Апостолы, миссионеры, ссыльные служители зарождавшейся христианской церкви побывали в различных местах исторической Абхазии. Это – Зихия, Питуунт, Абазгия, Никопсия, Себастополис, Пуста, Зиганис. Христианское учение воспринималось населением разных местностей неоднозначно. В Питуунте позиции новой религии были сильны, о чем свидетельствует наличие здесь христианской общины, представлявшейся епископом Стратофилом на Никейском соборе в 325 г. Именно Питуунт становится одним из важнейших очагов распространения христианства на территории позднеантичной Абхазии.

Епископ Феодорит Кирский называет Питуунт как «крайний предел Понты и римской власти...» [2:181]. Сюда ссылались не только известные сподвижники, но и рядовые христиане, приток которых увеличился на рубеже III–IV вв, что привело к основанию здесь христианской общины. К IV веку относится возникновение парикии в Питуунте, то есть автономной территории, или округа, где проживала христианская община во главе с епископом. В каждой парикии непременно должны были быть епископ, пресвитеры (неопределенное число), диаконы, диакониссы, чтецы, певцы и т. д. Впоследствии подобная территория стала называться епископией.

Среди участников Первого Вселенского Собора христианских церквей, проходившего в греческом городе Никея в 325 г. находился епископ Питуунта Стратофил. Он упоминается во всех шести сводах документов Собора под номером 34 из числа участвовавших (по христианской традиции их было 318 человек). Это означает, что Стратофил входил в число особо почитаемых епископов и был сторонником «никейской» ортодоксии, признавал Символ Веры, выступал против учения Ария¹.

Стратофил вместе с епископом Неокесарии Лонгином входил в церковную организацию провинции Понта Полемонтийской. Отсюда следует, что Питуунтская кафедра входила в состав Понтийской епархии. Этот факт также подтверждается 28-й новеллой Юстиниана Великого (527–565), в которой Питуунт с Себастополисом считаются крепостями, входящими в государственную провинцию Полемоновский Понт. Аналогично название церковной области на территории Абхазии [2:137].

---

¹ Арианство – одно из ранних течений в христианстве в IV–VI вв. н. э., утверждавшее начальную тварность Бога-Сына, позднее – неединосущность его с Богом-Отцом. Получило название по имени основоположника учения, александрийского священника Ария (др.-греч. Ἀρειός), умершего в 336 г.

В научной литературе идет спор о том, кого представлял Стратофил в Никее: греческую общину или все население в целом? Ряд ученых – Гунба М. М., Амичба Г. А., Дбар Д., Аджинджал Е. К., Воронов Ю. Н. и др. – высказывают различные мнения по данному вопросу. По мнению проф. М. М. Гунба, то, что епископ носил греческое имя, вовсе не означает, что он должен был быть представлен только греческим населением. Проф. Г. А. Амичба утверждает, что «...раннехристианские очаги, в том числе и Пицунда, не ограничивались замкнутой средой гарнизона... оно должно было получить распространение среди местного населения, в противном случае не была бы учреждена епархия... определенная часть местного населения, несомненно, уже тогда приобщалась к христианству» [6:11]. Проф. Ю. Н. Воронов придерживается иного мнения, считая, что христианство исповедовала греческая часть населения древней Абхазии вплоть до VI века. Найденные в окрестностях Цебельды несколько предметов христианского культа, по его мнению, привозные и связываются с византийцами. Это – два нательных креста, медальон с изображением Медузы Горгоны, несколько пряжек с крестовидной инкрустацией [8:163]. К своим доводам ученый относит тот факт, что «крест в качестве эмблемы христианства утвердился только в IV в., наиболее раннее упоминание о поклонении кресту относится к 340 г. Обычай же ношения креста на груди появляется лишь в VI в.

На раннее распространение и утверждение христианской религии на территории Абхазии указывают не только сообщения церковных историков, но и данные археологии, свидетельствующие о наличии ранней церкви в Питиунте, в которой служил Стратофил. Судя по основаниям, церковь неоднократно разрушалась и перестраивалась в течение 200 лет. Подтверждением этому служат археологические изыскания проф. Л. Г. Хрушковой. Уже V веком датируется основание той октогональной церкви в Себастополесе, которая была построена для нужд греческого и местного населения. Расположение церкви внутри городских стен, ее крупные размеры, наличие в ней мавзолея (культовое сооружение – храм, часовня, построенное на месте захоронения мученика. – **М. К.**) указывают на то, что эта церковь являлась центром данной епархии [15]. По мнению историка Г. К. Аджинджал, наличие этой церкви в Себастополесе доказывает, что еще в V в. здесь существовала епископия [5].

Не менее важным очагом распространения христианства в Абхазии стал Себастополис (совр. Сухум). В конце III – начале IV в. здесь организуется христианская община. В Себасте, как отмечалось выше, проповедовал и собирал сведения св. Григорий, просветитель армян. В «Мученичестве св. Григория, Рипсимы и Гаяны» называется пресвитер Софроний, который прибыл с Григорием из Капподокии в Себастию и находился при нем. Григорий возвел Софрония в сан епископа. Доктор богословия Д. Дбар полагает, что Софроний был послан отцом Григорием в Питиунт епископом зарождавшейся христи-

анской общины [2:161]. Следует заметить, что в «Мученичестве...» отчетливо говорится о том, что Софроний находился в Севастополе при св. Григории и стал епископом, соответственно, Севастопольской христианской общины.

Наряду с Севастопольской, Питуунтской христианскими общинами в V в. существовала Никопсийская (совр. Новоафонская) церковная организация. На это указывает факт участия в 451 году в работе IV Халкидонского собора никопсийского епископа Киркония. Этот собор был созван во время правления византийского императора Маркиана (450–457) и был направлен против сторонников монофизитства, отвергавших человеческую природу Иисуса Христа. Против этой ереси выступал, по традиции со времен Стратофила, никопсийский епископ.

2. Официальное принятие христианства и его эволюция до конца X века.

Официальное принятие христианства абхазскими народностями – апсилами, абазгами, санигами – произошло в VI в. во время правления византийского императора Юстиниана I. К этому времени на территории Абхазии уже действовали христианские общины – в Питуунте, Севастополе, Никопсии. Никопсийской кафедрой в 30-х гг. VI в. управлял епископ Евфратий. В Питуунте епископская кафедра возвысилась до уровня архиепископской.

Как известно, с V в. между Византией и Персией усилилось соперничество за политическое и экономическое господство в Северо-Восточном Причерноморье, в особенности за овладение торговыми путями, которые вели через территорию Абхазии в Китай и Индию.

При императоре Юстиниане византийская экспансия на побережье Черного моря приняла угрожающий характер. Начались персо-византийские войны за обладание Абхазией и Лазикой. В 542 г. Юстиниан послал в Абазгию войска, разместившиеся в ряде приморских пунктов. Наведение византийцами собственных порядков в Абазгии вызвало возмущение местного населения.

Утратив возможность контроля над абазгами грубой силой, византийцы, выждав удобный момент, прибегли к помощи дипломатии. Около 548 г. в Абазгию прибыл посланец императора абасг Евфрат, который сумел добиться введения христианства в качестве официальной религии. Из Константинополя был прислан епископ, и на средства, выделенные Юстинианом, был построен храм, а при императорском дворе основана школа, где обучались христианскому учению и грамоте мальчики из Абазгии. Соответственно, местным князьям было запрещено впредь уродовать, то есть обрезать мальчиков, и продавать в рабство своих единоплеменников-христиан. Об этих фактах пишет историограф Юстиниана Прокопий Кесарийский (490/507–562 г.). Что касается конкретной даты крещения абасгов, апсилов, санигов, учеными высказываются различные мнения, диапазон дат которых охватывает с 529 по 548 г. Однако все исследователи сходятся на том, что это событие произошло

в первой половине VI века. Последняя дата (548 г.) увязывается с сообщением Прокопия о крещении готов-тетракситов, проживавших в Тамани (совр. Крым), то есть когда на 21 году правления Юстиниана, т. е. в 547–548 гг., готы-тетракситы послали четырёх послов в Византию, чтобы просить о новом епископе, как это он сделал по отношению к абасгам... Готы-тетракситы послали людей тайно из-за боязни диких племен утигуров, оправдывая себя тем, что «постоянно сталкиваются друг с другом соседние им варвары». Прокопий сообщает о вере этих готов: «Стали ли эти готы когда-то приверженцами вероисповедания Ария, как и другие готские племена, или совершали что-то другое, что касается веры, я не могу сказать, потому что и они сами не знают этого, но с большим прямотушием и без всякого важничанья уважают веру» [13:380].

К 548 г. Лазика уже была христианской, а апсилы были, как пишет Прокопий, с давних времен уже христиане. Византийские источники датируют утверждение христианства в Лазике 523 годом при царе Цафия.

Проф. Ю.Н. Воронов замечает, что «когда историки прямо преследуют политические цели, они описывают население Колхиды еще весьма далеким от христианства» [8:172]. Показательно в этом отношении свидетельство Агафия, младшего современника Прокопия, который пишет, что убитого царя Губаза лазы хоронили «по своему обряду», то есть не по-христианскому. Касательно абасгов и апсилов Прокопий пишет, что они еще поклонялись деревьям и рощам. Здесь следует подчеркнуть, что такое смешение традиционных-христианских элементов в период распространения и утверждения новой религии вполне объяснимо, имеется факт религиозного синкретизма, то есть двоеверия.

Важно отметить, что утверждение христианства в Апсилии и Абазгии отвечало интересам Византийской империи и имело для нее политическое значение. На уровне обыденной жизни абасгов и апсилов сохранялись традиционные верования с постепенным закреплением христианства в сознании и поведении местного населения.

Итак, в VII в. уже существовала автокефальная (самостоятельная) Абазгская епархия и охватывала почти всю историческую территорию Абхазии. Вся территория Абазгской епархии была разделена на шесть епископий: Себастопольскую, Питиунтскую, Анакопийскую, Цандрипшскую, Цебельдинскую и Гюэносскую [9]. Что касается последних трех епископий, то их центрами были Цандрипшская базилика (VI в.), Драндский собор (VI в.), в котором, по предположению некоторых историков, находилась кафедра самого епископа Абазгского; епископом Цибилиума называется Константин (первая половина VI в.), а Питиунтским – Феодор (VII в.) [14:234–235]. В Гюэносском городище в 1981–1985 гг. археологами было раскопано основание однефной церкви, внутри которой были обнаружены 14 захоронений и другие предметы культа,

что свидетельствует о наличии здесь некогда епископской кафедры. На протяжении VII в. Абхазия находилась в вассальной зависимости от Византии. Абазги принимали участие во всех закавказских походах императора Ираклия II. Абхазия оставалась местом ссылки церковных деятелей, неугодных правящей верхушке. Сюда были сосланы диофизиты Максим Исповедник и двое Анастасиев с их соратниками. Диофизиты (с греч. «дио» – двое, «физио» – лицо) признавали в Христе человека и Бога. В начале VII в. император Ираклий II провозгласил идею, легшую в основу признания только божественной воли во Христе. Как сообщает источник, сосланных в Абхазии мучали, переводя их из одной крепости в другую. Они оказались в «стране христоролюбивых абазгов» на попечении «христоролюбивых начальников». Однако правитель, предав веру, подверг их мучениям. Этот факт подтверждает в своей «Памятной записке» богослов Феодосий Гангрский, побывавший на месте кончины Анастасия в октябре 666 г. В VIII в. в церковных анналах «*Notitiae episcopatuuni*» Себастопольская епархия названа автокефальной архиепископией. Она не восприняла ересь иконоборчества, которую возглавил византийский император Лев III Исавр (717–741). К этому времени антиохийский патриарх Феофилакт (744–751) созвал особый собор и принял двоих священнослужителей из Абхазии, дошедших до Дамаска. Решением Собора Иоанн становится первым Патриархом – Католикосом независимой Абхазской Церкви. Об этом факте сообщает в своих сочинениях антиохийский патриарх Макарий (1647–1672), а также в «Истории Иерусалимских патриархов» патриарх Досифей (Нотар) [5]. Эти события не могли не стать отражением политических процессов в период борьбы абхазов против арабских завоевателей (к примеру, Сулеймана ибн Исамы в 738 г.) и предпосылок образования Абхазского царства.

В 738 г. в Апислию вторглись полчища арабов во главе с полководцем Сулейманом ибн Исамом. Они взяли штурмом крепость Сидерон (ранее – Цибилиум. – М. К.) и захватили в плен последнего христоролюбивого правителя апсилы Евстафия. «Несмотря на все принуждения, он не отрекся от истинной веры и в знаменитом городе месопотамском Харане оказался истинным мучеником» [2:273].

Из-за частых нашествий арабов на Картлию владетелям этих земель приходилось бежать в Абхазию. Таковой оказалась судьба правителя Картлии Нерсеса, вначале бежавшего в Хазарию, а затем в Абхазию. В свите этого правителя был христианин Або, араб по происхождению. В Абхазии они были приняты правителем с почетом. В «Мученичестве Або Тбилели», написанном, по мнению ученых, Иоанном Сабанисдзе в 786–790 гг., отмечается, что «он нашел страну (Абхазскую) процветающей в вере Христовой, в ее пределах нельзя было найти ни одного неверующего...» [2:274].

Таким образом, с середины VIII в. Абхазия обладала уже автокефальной церковью во главе с католикосом. На VII Вселенском соборе в Никее в 787 г.

она была представлена независимым Католикосом Пицундским. Это произошло во время правления Леона II (786–806) – основоположника Абхазского царства. Соответственно, в этот период развернулось широкое храмовое строительство. Были возведены пятинефный Моквский собор Леоном III (957–967), церкви в Пицунде, Алахадзы, Бзыби, Лыхны и др.

Если в первой половине VIII в. автокефалия Абхазской церкви заключалась в праве избрания и рукоположения католикосов собором местных епископов, то к 70–80-м годам Абхазская церковь стала абсолютно самостоятельной от Константинопольского Патриархата. «Абазгская епархия с кафедрой в Себастополисе по-прежнему фигурирует в *Notitiae episcopatum* Константинопольской церкви. Известно, что Византия не признавала Абхазское царство как самостоятельное государство и потому называла его Авазгией и, по всей видимости, включала Абазгскую епархию в свои списки. В списках X века эта кафедра уже не значится.

В IX–X вв. важными христианскими центрами в Абхазии оставались Питунт и Анакопия. В этот период в Питунте был построен ныне знаменитый Собор в честь Андрея Первозванного.

К 920 году Абхазская церковь окончательно освободилась от протектората Константинопольского патриархата. Об этом свидетельствует тот факт, что Константинопольский патриарх Николай Мистик в своих посланиях (915–925) благодарил абхазского царя Константина, а затем его сына Георгия II (929–957) за усердие, проявленное в деле христианизации Алании. Царю Георгию в знак поощрения патриарх Николай послал накидку. Георгий II, великий и боголюбивый правитель, был известен как строитель храмов. Абхазский царь построил церковь в Чкондиди (совр. Мартвили, Грузия) и учредил в ней епископскую кафедру. Этот собор стал усыпальницей царя.

В Византии и соседних странах, как указывают источники, Абхазия признавалась христоролюбивой страной с христоролюбивым народом. Православное христианство в эпоху Абхазского царства (VIII–X вв.) легло в основу общественной и государственной жизни. На нем была основана светская и культурная жизнь общества. Как свидетельствуют письменные и археологические материалы, оно заняло первенствующее положение в быте местного населения и в политической жизни Абхазского государства.

4. Христианские памятники на территории Абхазии. Памятники материальной культуры подразделяются по различным основаниям: по содержанию или назначению – религиозные, светские, бытовые и пр., по культурному наследию – археологические, эпиграфические, архитектурные, по результатам творчества народа – памятники художественного ремесла, декоративные украшения и пр. Абхазия богато представлена объектами материальной культуры.

Во время раскопок на территории Абхазии ученые-археологи по сей день находят христианские культовые памятники и надписи: это – нательные кре-

сты, прямоугольные раннехристианские крестики, орнамент в раннехристианском стиле, перстни с изображениями христианского креста (V в., Цебельдинский некрополь), свинцовые печати, изображения, посвященные библейским святым, клейма и имена служителей культа, изображения рыб и пр. По этому вопросу проф. Г. А. Амичба пишет: «Археологический материал позднеантичной Абхазии, обнаруженный в Сухуме, Пицунде, Новом Афоне, Цебельде и других местах, свидетельствует, что в то время культура местного населения стояла на довольно высоком уровне... принимающей постепенно христианский облик, особенно с VI в. В женском погребении VI в. цебельдинского могильника была найдена свинцовая печать с греческой монограммой, в которой читается слово «ТЭОС», то есть «Бог». Данное единственное слово говорит, кроме всего, о том, какого вероисповедания придерживался тот человек, которому доверялась печать, как официальному лицу» [6:16–17]. Такие археологические находки, как литой бронзовый крест VI–VII вв. с изображением распятого Христа, прямо стоящего, с открытыми глазами, в длинной одежде, золотой четырехконечный крестик (из раскопок в Гиеносе, совр. Очамчыра), изображения равноконечного креста, вписанного в круг, на рельефе плиты Мрамба (Цебельда), и крестов в сочетании с виноградной лозой и птицами из пос. Куламба (с. Гуп) и т. д., свидетельствуют о постепенной замене на территории Апсилии и Абазгии древних языческих верований христианскими.

Проф. Л. Г. Хрушкова в работе «Скульптура раннесредневековой Абхазии (V–X вв.)» описывает плиту из Анакопии, на которой изображен равноконечный крест с расходящимися от центра концами, с глубокими точками в центре каждой ветви. «Боковые рукава креста соединены с полуфигурами быка и льва. Под боковыми рукавами креста видны остатки букв традиционной надписи...» [15:28].

В слоях VI в. Цебельдинской крепости археологами проф. Ю. Н. Вороновым и проф. О. Х. Бгажба найдена молитвенная надпись на кирпиче: «Святой... спаси». Данная находка указывает на степень распространенности учения Христа среди местного населения раннехристианской Абхазии. Однако, как пишет проф. Г. А. Амичба, «имеются вещественные свидетельства того, что здесь долгое время устойчивыми были некоторые дохристианские погребальные обряды» [6:19–20].

На территории средневековой Абхазии найдено немало христианских эпиграфических памятников: среди них записи в посланиях византийских императоров, церковных деятелей, которые отмечают христолюбие местных правителей, к примеру: «Князь Абазгии Григорий христолюбивый царь» (VII в.), надпись на золотой чаше Бедийского храма, указывающая на то, что храм был возведен в 999 году: «Христе! Святая Богородица, будь заступницей перед сыном твоим Баграту, абхазскому царю и матери его царице Гурандухт, пожертвовавшим сию чашу, украсившим сей алтарь и построившим сию святую

церковь. Аминь!»; надпись на монете царя Георгия II: «Христос! Возвеличь Георгия, царя абхазов, картвелов и новелисимоса»; греческие и грузинские надписи на плитах, обнаруженных в селе Анухва Гудаутского района, на одной из них сочетаются греческие надписи, а на другой в переводе с грузинского читается так: «Святые архангелы Михаил и Гавриил»; надписи на монетах царя Баграта, на лицевой стороне – греческая «Святая Богородица», а на обороте – грузинская: «Христе! Возвеличь Баграта, царя абхазов и новелисимоса» и др.

Как известно, основа христианской общины на территории древней Абхазии была заложена на рубеже III–IV вв. в Питиунте. Здесь была организована епископская кафедра. Соответственно была возведена ранняя христианская церковь базиликального типа. Однако эта церковь не сохранилась, кроме того, что на полу осталась мозаичная надпись: «В моленьи за Орэла и за весь его дом». На ее фундаменте в VI в. была возведена новая базилика. Археологи представляют питиунтскую базилику первой половины VI в. «в виде большого здания с высоким средним нефом и двускатной, покрытой черепицей кровлей». По всей видимости, базилика была разрушена во время персо-византийских войн, а после их окончания вновь отстроена. Вторая базилика была несколько смещена к западу. Вблизи этого храмового комплекса археологами обнаружена вислая печать из свинца. На одной ее стороне изображена святая София с надписью, на другой – четырехстрочная надпись, где указано имя епископа Теодора. Датируется печать VII в. [8:176]. Печать свидетельствует о том, что Питиунт в VII в. оставался крупным религиозным центром.

Во второй половине VI в. на территории современного села Алахадзы был построен храмовый комплекс. Как полагают археологи, здесь стояла трехнефная базилика, длина которой составляла около тридцати пяти метров. В основном зале стояли престол, алтарь, вдоль стен – две высокие ступени, на которых когда-то сидели служители церкви. Рядом с базиликой находилась еще одна, меньшая по размерам церковь. Видимо, данный храмовый комплекс разрушился во время войн.

Серединой VI в. датируется Цандрипшская базилика, частично сохранившаяся сегодня. Она находится в 15 км к северо-западу от гор. Сохранились каменный полусвод и пространство между алтарем и основным помещением храма. Этот храм – единственный базиликального типа во всем Восточном Причерноморье.

На территории современной Гагрской крепости расположен храм, датируемый VI в. Он относится к типу зальных церквей прямоугольного плана без выступающей апсиды. Такой тип церквей стал строиться на территории Абхазии с X–XI вв.

Сегодня на вершине Анакопийской горы в Новом Афоне можно увидеть обломки архитектурных деталей христианской церкви VI в. Если воссоздать

вид этой церкви, в которой сохранились три широких окна, то можно представить, что здесь некогда стояла базилика.

На территории современного Цабала сохранились остатки христианских строений, относящихся к 30–50-м годам VI в. В крепости Цибилиум действовали две церкви: одна малая, базиликального типа с промежуточным залом (площадь 39 м²), сложена из известняковых плит, вторая – значительная (площадь 88 м²) с двумя приделами, алтарем с четырьмя песчаниковыми колоннами и преградой, от которой сохранилось оштукатуренное основание. «Красной краской по штукатурке изображены три ряда кирпичей. Как ни скромна эта фреска, она, однако, более чем на 400 лет старше раннего слоя росписей Лыхненского храма, которые до сих пор считались древнейшими в Абхазии, так как в этом храме сохранилась крещальня, в которой обращались в христианство апсилы, то можно полагать, что здесь располагалась епископская кафедра.

В двадцати километрах восточнее Сухума в селе Дранда стоит христианский храм, который прекрасно сохранился до наших дней. Ученые считают, что Драндский собор мог служить кафедралом Себастопольского архиепископа. Этот храм относится к крестово-купольным сооружениям на четырех столбах, имевшим в Византии наибольшее распространение в VI–VII вв. Восточный его фасад оформлен снаружи тремя пятигранными выступами – апсидами, заключающими в себе алтарь и соединенные с ним боковые помещения – диаконник и жертвенник. В западной части храма им соответствуют два круглых помещения с глубокими полукруглыми нишами. С запада примыкает обширное продольное помещение – нартекс с крещальней в южной части. Храм увенчан куполом, покоящимся на широком барабане... Из Драндского храма происходит алтарная плита с изображением Христа на Троне и двух ангелов, иконография и стиль которых указывают на их хронологическую связь с константинопольскими саркофагами VI в. [14].

Как указывалось выше, в V в. в Себастополисе (совр. Сухум) уже существовала епископская кафедра. Соответственно, здесь была построена церковь, следы которой были обнаружены археологами на территории Сухумской крепости в 1990 г. Новые работы, проводившиеся в 1999 г. с северной стороны церкви, вскрыли три помещения площадью 112 м², глубиной 80–100 см от современной поверхности, являвшихся продолжением церковного комплекса. Полы помещений выполнены из фигурного кирпича с круглыми и треугольными мраморными вставками, там же найдены обломки многочисленных амфор, пифосов, кухонной посуды, кирпича и др., позволяющие отнести помещения к VI в. н.э. Внутри строений вскрыты два колодца, сложенные из морских булыжных камней...» [14].

К югу от города Очамчыра находится село Гудаа, которое в раннесредневековое время называлось Зиганис. Здесь археологами раскопаны фундаменты

баптистерия – крещальни. «Она представляла собой небольшое прямоугольное здание со слабо выступающей полукруглой апсидой, внутренняя часть которой отделена от основного помещения каменной стеной, образуя бассейн. В развалинах стен найдены антефиксы с изображениями крестов, относящихся к X в.» [8:170]. Как полагает Ю. Н. Воронов, в VII–IX вв. резиденция Себастопольского архиепископа располагалась либо в самом Себастополесе, либо в его окрестностях, т. е. на территории Апсилии.

В течение VI–XI вв. христианство в Абхазии значительно укрепилось, что привело к развитию церковного зодчества. На сравнительно малой территории было выстроено большое количество христианских храмов, сохранившихся до наших дней. Это – Новоафонский купольный храм IX–X вв., воздвигнутый в честь ап. Симона Кананита, Анухвский, Хуапский, Лыхненский храмы, Илорская древняя церковь, которая была построена в IX–X вв., на ее месте возведена нынешняя церковь; великолепный Моквский храм, построенный абхазским царем Леоном III не позднее 964 года, величественный храм X–XI вв. в Пицунде, замечательный памятник христианского зодчества Бедийский храм, возведенный племянником абхазских царей Багратом III (978–1014). Этот храм находится на стадии реставрации, так как его роспись и купол были уничтожены временем.

Не ставя своей целью описание всех сохранившихся, разрушенных и полуразрушенных временем церквей, мы отметили те, которые оставили в исторической памяти народа яркий след. Сегодня они свидетельствуют современникам и будущим потомкам о том, какой христианской страной была Абхазия в первом тысячелетии н. э.

4. Историческое значение введения христианства в Абхазии. Введение христианства в Абхазии имело большое значение. Оно способствовало ускорению процесса объединения разрозненных абхазских племенных союзов в единый народ, который мог противостоять внешним врагам. Кроме того, это событие сближало раннеполитические образования Абазгию, Апсилию, Санигию с сильным соседним государством – Византией, чья помощь впоследствии будет использована в борьбе против арабских завоевателей (IX в.).

Христианское учение как идейное явление стало той силой, которая воздействовала на культурную жизнь абхазского общества. Постепенно в быт народа проникали материальные достижения и нравы византийского мира. Тот факт, что Юстиниан I запретил варварские порядки среди абазгов, а именно продажу и обрезание красивых мальчиков для византийской верхушки, было воспринято местным населением с одобрением. Насаждение христианской морали в жизнь абхазов приводило к смягчению нравов и культурному развитию народностей, утверждению его культовой обрядности, оказывало влияние на местные, устоявшиеся обычаи и порядки абха-

зов. Однако этот процесс проходил весьма длительно, порой болезненно. Например, как замечают археологи, из погребений стали исчезать образцы того инвентаря, которыми пользовались мужчины и женщины. Они заменялись христианскими культовыми предметами (крестами различной инкрустации, маленькими образами, амулетами с изображением Христа и пр.). Однако нельзя сказать, что с официальным введением христианства произошли существенные сдвиги во всех областях духовной жизни абхазов: традиционные народные верования занимали в их обыденной жизни весьма заметное место, в особенности в предгорной и горной зонах. Здесь имеет место симбиотическое явление в духовной жизни народа как религиозный синкретизм в условиях доминирования той или иной мировой религии, в данном случае христианской.

О развитии христианской культуры на территории раннесредневековой Абхазии в наибольшей степени свидетельствуют архитектурные церковные сооружения, возведение которых здесь получило большое распространение и привело к созданию смешанной византийско-абхазской школы христианского зодчества. «К VI веку относится, к примеру, фрагмент привозной мраморной плиты с ромбическим оформлением, содержащим характерный набор мотивов, которая украшала когда-то один из ранних храмов в Новом Афоне» [1:183].

Интенсивное строительство церквей в период Абхазского царства указывает на то, что христианство как основная идеология общества заняло прочное место в раннефеодальном абхазском обществе. Абхазия к этому времени могла выступать наравне с Византией как сильное государство и вести завоевания соседних земель в восточном направлении. В этом смысле христианство сплачивало народ, объединяло его под знаменем тех чудодейственных сил христианских предметов, к которым народ выражал свое доверие (к примеру, преклонение перед мощами мучеников, видения и чудеса, обычно сопровождавшие абхазских царей во время их походов и пр.). «Идеи торжества христианства и церкви, слившиеся с идеей мощи христианского государства, были весьма актуальными в эпоху недавно создавшегося и крепнувшего Абхазского царства. Молодая государственность ясно осознавала свою принадлежность к христианскому миру» [17:10].

Итак, введение христианства в Абхазии ускорило процессы политического и экономического развития народа, установления феодальных отношений и содействовало складыванию абхазской государственности – Абхазского царства. Христианство дало мощный толчок к строительству церквей, складыванию абхазской школы христианского зодчества, письменной культуры, выраженной посредством греческого языка, оформлению духовных центров – Питиунта, Анакопии, Себастополиса и др., ставших очагами автокефальной Абхазской православной церкви.

Литература

1. Абрамзон М. Г., Безрученко И. М., Бжания Д. С. И и др. Работы Черноморской экспедиции Института археологии РАН в 2001 г. Абхазоведение. Вып. 2. Сухум, 2003.
2. Архимандрит Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. 2-е издание. Новый Афон, 2015.
3. Архимандрит Леонид (Кавелин). Абхазия и ее христианские древности. М., 1887.
4. Аджинджал Е. К. Из истории христианства Абхазии. Сухум, 2000.
5. Аджинджал Е. К вопросу проникновения христианства в Абхазию // Статьи. Абхазская интернет-библиотека // apsnyteka.org/.
6. Амичба Г. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). Сухум. 1999.
7. Библия. Книги Священного Писания. Евангелие от Луки. Финляндия, 1990.
8. Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998.
9. Краткий очерк истории Абхазской православной церкви // www.abkhazia.ru/history/orthodoxhistory
10. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 1. М., 1994.
11. Марр Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием // Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. Т. 16. Вып. 2–3. СПб., 1905.
12. Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета. М., 1996.
13. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950.
14. Хрушкова Л. Г. Новая октогональная церковь в Севастополисе в Абхазии и ее литургическое устройство // Византино-россика (Труды Санкт-Петербургского общества византино-славянских исследований). Т. 1. СПб., 1995.
15. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002.
16. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). Тбилиси, 1980.
17. Хоренаци Мовсес. История Армении. Перевод с древнеармянского языка, введение и примечания Г. Саркисяна. Ереван, 1990.
18. Чачхалия Д. Абхазская Православная церковь. Хроника. Прибавления. М., 1997.

АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО В КОНЦЕ VIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

1. Объединение абхазских этнополитических образований под властью династии Аносидов. Провозглашение независимого государства – Абхазского царства.

2. Границы Абхазского царства.

3. Титулование правителей Абхазского царства.

4. Порядок престолонаследия и институт соправительства в Абхазском царстве. Формирование территориально-административной структуры государства.

5. Становление светского и церковного землевладения в Абхазском царстве.

6. Абхазское царство в системе международных отношений в VIII–X вв.

7. Деятельность царей из династии Абхазских Багратидов (первая половина XI в.).

8. Политическая жизнь Абхазского царства во второй половине XI – первой половине XIII в.

1. Объединение абхазских этнополитических образований под властью династии Аносидов. Провозглашение независимого государства – Абхазского царства. Сложившаяся после победы над арабами благоприятная политическая ситуация способствовала выдвижению главы Абасгии, в то время как Апсилия и Мисиминия были опустошены и обескровлены. Апсилы лишились своего правителя. Из этнополитических образований Западного Закавказья после 738 г. только в Абасгии сохранилась местная правящая династия. Признавая сюзеренитет императора, ее представители сумели, последовательно отстаивая свои интересы, добиться большей самостоятельности, не в последнюю очередь благодаря установлению связей с Хазарским каганатом. Вторжение халифата в Западное Закавказье в 30-е годы VIII в. серьезно повлияло на политические процессы в регионе. Нашествие арабов и последовавшие за ним события дали мощный импульс к сплочению родственных абхазских этнополитических образований под властью единого правителя. В результате политического объединения Абазгии и Апсилии образовалось раннефеодальное Абхазское княжество. В дальнейшем к нему присоединяются Мисиминия и Санигия. Реакция византийцев на эти события не известна. Возможно, Константинополь решил до поры не противодействовать усилению

Аносидов. Нельзя исключать, что в расчет брались и родственные отношения последних с Македонской династией. Образовавшееся под эгидой абасгской династии Абхазское княжество открыло путь к качественно новому этапу развития, становлению независимого государства – Абхазского царства.

В течение VIII в. власть Аносидов распространилась на все Западное Закавказье. В состав Абхазского княжества были инкорпорированы лазские земли. Дата и характер присоединения Лазики к Абхазскому княжеству остаются предметом дискуссий специалистов. Сведения о превращении в течение VIII столетия Лазики в наследственное владение картлийского правящего дома носят спекулятивный характер. О том, что ни основатель Абхазского царства, ни его преемники никоим образом не связывали получение власти над Лазикой с наличием родственных уз с правившей там ранее династией, указывает их титулование. Как представители дома Леонидов, так и первые Абхазские Багратиды именовались исключительно «царями абхазов». Скорее всего, на момент перехода под власть Аносидов Лазика уже была лишена собственной правящей династии и институтов самоуправления. Присоединение ее к Абхазскому княжеству произошло военным путем. Территория Лазики была отторгнута от Византии воспользовавшимся внутривизантийскими неурядицами в империи Леоном II.

Автор «Летописи Картлии» рассматривает акт провозглашения Абхазского царства в контексте складывавшейся в конце VIII в. международной обстановки. Образование царства он связывает с «ослаблением греков» и помощью хазар: «Сей второй Леон был сыном дочери хазарского царя, и с помощью его и отложился он от греков, присвоил Абхазию и Эгриси до самого Лихи и нарекся царем абхазов...». Судя по всему, каган оказал своему внуку не только политическую, но и военную помощь. «Сила хазар» позволила Леону окончательно завершить процесс интеграции всей территории Западного Закавказья в Абхазское государство. Очевидно, что, только располагая значительными военными силами, можно было решить триединую задачу по установлению контроля над Лазикой, удержанию её в случае византийской агрессии и успешному противодействию попыткам повторного вторжения арабов в Западное Закавказье. Осуществление столь сложного военно-политического замысла было возможным только при наличии надежного союзника. Поддержка, оказанная Абхазскому княжеству со стороны хазар, располагавших мощной, блестяще экипированной кавалерией, имела не только военное, но и политическое значение, и предопределил успех Леона II. Выход Абхазского княжества из вассальной зависимости Византии содействовал планам каганата.

По вопросу о времени образования Абхазского царства среди специалистов нет единства. Датировка этого события, как правило, укладывается в рамки 70–90 гг. VIII в. М. М. Гунба относит его к более раннему периоду. Мы разделяем мнение авторов, датирующих акт провозглашения Абхазского царства

786–787 гг. Скорее всего, это событие должно было совпасть по времени с антихазарским восстанием в Крыму под руководством епископа Иоанна Готского. Против повстанцев каган направил войско, которое, несмотря на упорное сопротивление, заняло политический центр Крымской Готии – крепость Дорос. Империя не сочла возможным открыто оказать поддержку антихазарскому восстанию в Крыму, ею же инспирированному, ограничившись лишь ходатайством о сохранении жизни руководителю инсургентов, после того как выступление было подавлено и Иоанн оказался в руках хазар. Мятежная Готия была усмирена, хазарам на некоторое время удалось установить контроль над значительной частью византийских владений в Таврике. Каган из-за недружественных действий Византии и ее сторонников в Крыму легко мог согласиться на ответные меры против ромеев, поддерживая стремление к независимости правителя Абхазии. Не рискнувшая выступить против хазар в Крыму, даже тогда, когда для этого представлялся удобный повод, империя тем более не смогла повлиять на отпавшее от нее Абхазское княжество, противодействовать дипломатическими либо военными методами провозглашению его независимости и принятию его правителем «имени царя», ибо тогда прямого столкновения с Хазарией ей было не избежать. Леон II умело использовал хазаро-византийские противоречия для достижения своих целей. Союз Абхазского княжества и каганата оказался взаимовыгодным. Независимая от Византии, дружественная Хазарии Абхазия во главе с внуком кагана как нельзя лучше соответствовала укреплению политического влияния каганата в регионе Восточного Причерноморья, способствовала решению военно-стратегических задач, стоявших перед Хазарией. Абхазия же получала не только независимость, но и определенные гарантии того, что нежелание империи вступать в открытую конфронтацию с Хазарией позволит ей избежать «наказания войной» со стороны византийцев. Абхазское царство стало первым независимым государством в Закавказье.

2. Границы Абхазского царства. На сегодняшний день в научной литературе превагирует точка зрения, согласно которой в конце VIII в. западной границей Абхазского царства было Черное море, восточная граница проходила по Главному Кавказскому хребту, а юго-восточная – по Сурамскому; на юге рубежи Абхазского государства достигали «пределов Халдии», границей между Абхазским царством и Византийской империей была река Чорох. Наибольшее затруднение вызывает вопрос о северо-западной границе Абхазского царства. В научной литературе существуют несколько подходов к локализации реки Никопсис и одноименной с ней крепости, значащиеся в ряде средневековых источников в качестве предела Абасгии на северо-западе. Целый ряд исследователей (Ф. Брун, Ю. А. Кулаковский, З. В. Анчабадзе, И. Ш. Агрба, Е. В. Малугина и др.) отождествляли Никопсис с рекой Нечепсухо, которая впадает в Черное море в районе поселка Новомихайловский близ Туапсе. По мнению

Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба, укрепление Никопсис располагалось в зоне между современными Гагрой и Адлером (точнее, в поселке Цандрипш). Исследователи А. П. Горст и В. И. Симиненко считают, что крепость Никопсис находилась в междуречье Пезуапс и Шахе в районе укрепления Годлик. По данным грузинских источников XI в., политической границей Абхазского царства являлась река Малая Хазария (Кубань). Надо полагать, что расширение территории Абхазского государства благодаря активной внешней политике Леонидов происходило не только в восточном направлении, в результате захвата картлийских земель, но и в северо-западном – путем присоединения земель этнически родственных абхазам зихов. После интеграции в состав Абхазского царства Внутренней Картлии его восточная граница достигла р. Арагви. На юго-востоке пределы Абхазского царства были раздвинуты за счет вхождения в его состав при Баграте II ряда тао-кларджетских земель. В источниках практически не содержится конкретных указаний по поводу границы между владениями царей абхазов и византийской фемой Иверия, образованной в самом начале XI в. Судя по всему, пограничная линия проходила по реке Бардусис-цхали, затем по Пенек-чай до впадения в Олты-чай – до впадения последнего в Чорох, а затем по Чороху.

3. Титулование правителей Абхазского царства. В большинстве случаев титулы правителей Абхазии известны нам по нарративным источникам, тогда как наиболее точные формулировки фиксировали официальные документы, поскольку их составление обычно инициировалось лицами, наделенными публичной властью. К сожалению, юридических памятников эпохи раннего средневековья, созданных при участии абхазских царей, почти не сохранилось. Лишены исследователи и образцов письменной фиксации на абхазском языке политико-потестарной терминологии рассматриваемого периода. В абхазском языке сохранился социально-политический термин для обозначения носителя высшей (царской) власти в государстве – «апсха».

Царская власть являлась одним из структурообразующих элементов средневекового общества. Согласно «Летописи Картлии», «отложение от греков» и принятие правителем Абхазии Леоном II имени «царя абхазов» – события, находившиеся в тесной взаимосвязи. Само принятие царского титула означало провозглашение независимости. Глава Абхазии, отказавшись от покровительства «божественного императора», заявил о себе как о правителе, обладающем суверенной властью. В эпоху средневековья царская власть со всеми ее сакральными атрибутами была выражением идеи политической независимости. Объявив себя царем, Леон продемонстрировал, что не нуждается в инсигниях из Константинополя. Тем самым произошло преобразование статуса и полномочий верховной власти в Абхазии. Отныне источником суверенитета на территории Абхазии становился ее правитель (суверенитет государства в средние века приравнивался к форме суверенитета монарха). Объявляя о не-

зависимости в одностороннем порядке, Леон II не мог рассчитывать на признание своего нового статуса со стороны империи, но он не искал поддержки и одобрения со стороны враждебных Византии государств, например, могущественного халифата Аббасидов.

Абхазские цари из династии Леонидов являлись, по сути, единственными суверенными правителями в Закавказье. Их официальный титул звучал как «царь абхазов». Он зафиксирован, помимо прочих, таким важным документом, как «Диван абхазских царей», который был составлен в начале XI в. Этот титул был унаследован сменившими Леонидов на престоле Абхазскими Багратидами. Следует обратить внимание на присутствие единственного этнического детерминатива в титуловании как основателя царства, так и его преемников, вплоть до конца XI в. Известно, что раннесредневековое государство как политический организм включало в себя, прежде всего, элиту правящего этноса. Царь и знать – зачастую лишь «исполнительные органы» господства собственного народа над другими. Титул абхазского царя отредактирован с акцентом на его функции как главы господствующей этнической элиты. Наименования этносов, составлявших завоеванное, управляемое население, он не включал. В известных нам раннесредневековых нарративных источниках, памятниках эпиграфики, упоминающих царей абхазов из династии Леонидов, они не фигурируют под византийскими титулами. Грузинские и армянские средневековые авторы правителей Абхазии, вплоть до конца X в., именовали исключительно «царями», этот титул никогда не заменялся и не дополнялся византийскими званиями.

Свое положение правителя, чей авторитет признавался непререкаемым, раннесредневековые монархи укрепляли всеми возможными способами и методами. Мощнейшим рычагом воздействия на общественное сознание являлось развитие традиций о божественном происхождении верховной власти и священности фигуры ее носителя. Формирование подобного рода представлений происходило еще в языческую эпоху. Способ узаконить древние представления о сакральности царской (королевской) власти был найден и в рамках христианства. М. Блок писал: «Правители... вновь официально сделались священными особами благодаря новому установлению – церковному освящению восшествия на престол и, прежде всего, его основному обряду, помазанию на царство». Опираясь на божественное покровительство, царская власть получала необходимые условия для легитимации и более не нуждалась в императорском утверждении. Трудно определенно сказать, когда инвести́тура абхазских царей стала сопровождаться официальным миропомазанием. Особого внимания заслуживает эпиграфический памятник из церкви святого Георгия в Эредви. На южном фасаде храма в Эредви имеется девятистрочная надпись, в которой говорится о военной победе царя абхазов Константина III над правителем Эретии. К имени абхазского монарха прилагаются эпитеты

«благословенный» и «святой», что указывает на признание правителя «священной особой» и, как следствие, на существование инаугурационного миропомазания. Надпись датируется 914 г.

Весомым аргументом в пользу того, что практика «посвящения в сан» царя сложилась при первых абхазских монархах, служит тот факт, что обряд коронации (описание его сохранилось в ряде источников) проводился представителями абхазской церкви. Инаугурационное миропомазание, благодаря которому особа правителя «производилась» из сферы мирского в область сакрального, считалось необходимым условием легитимности интронизации монарха. Церемония, проводившаяся иерархами Абхазского католикосата, обеспечивала независимость от светских и церковных властей Константинополя и гарантировала исключительно высокий престиж абхазской короны. В эпоху раннего средневековья понятие «корона» служило смысловым аналогом понятия «государство», для которого в эту эпоху не было выработано адекватного абстрактного обозначения. Носитель короны абхазских царей, без сомнения, мог позиционировать себя как независимый правитель.

Ношение высоких византийских придворных титулов не соответствовало политическим традициям царского дома Леонидов. Известно, что первый представитель династии Абхазских Багратидов – Баграт II получил титул «куропалата» от византийского императора только тогда, когда в 1001 г. прибыл в Тао, чтоб вступить во владение наследственными землями, после смерти своего приемного отца Давида Куропалата. К этому времени он уже более двух десятков лет царствовал в Абхазии. Следовательно, будучи царем абхазов, Баграт II никакими византийскими титулами не обладал. Надо полагать, что появление высоких византийских званий в титуловании царей абхазов произошло при Абхазских Багратидах. Обойденный в завещании приемного отца, Баграт II пытался удержать хотя бы свои наследственные земли в Тао-Кларджетии и старшинство среди таойских Багратидов. Поэтому он принял от императора Василия II титул «куропалата», высший в доме Багратионов Тао. Таким образом, как представитель династии Багратидов Тао и владетель части её территории, но не как царь абхазов, Баграт признал себя вассалом Византии. Царское достоинство Абхазских Багратидов обеспечивалось владением абхазской короной. Показательно, что в «Диване абхазских царей», составленном по приказу первого представителя династии Абхазских Багратидов не ранее 1008 г., византийский титул Баграта не упомянут. Внеся свое имя в генеалогию царей абхазов, Баграт II зримо обозначил свою связь с домом Леонидов, подчеркнул преемственность власти в Абхазском царстве, приверженность политическим традициям, заложенным его предшественниками. О коронации Баграта в качестве «царя картвелов» источникам ничего не известно. Сумбат Давитисдзе, биограф Багратидов Тао-Кларджетии, именует Баграта II «царем абхазов» и «великим куропалатом», но ни разу «царем картвелов».

4. Порядок престолонаследия и институт соправительства в Абхазском царстве. Формирование территориально-административной структуры государства. Власть царей над Абхазией в летописях изображалась в виде права наследственной собственности на всю землю страны. Согласно правосознанию раннесредневековой эпохи, право осуществления государственной власти признавалось за представителями одного рода-династии, а само государство воспринималось как владения «царского рода». Именно с этим историческим обстоятельством были связаны традиции наследования власти в Абхазском царстве.

Вначале основой государственной системы стал родовой (династический) сюзеренитет. Принцип родового старейшинства предполагал наследование престола по очереди всеми сыновьями царя, а потом – переход к сыновьям старшего из них, в той же последовательности. Типичным для социально-политической структуры раннесредневекового государства был феномен, который в науке получил название «*corpus fratrum*» – неперенное соучастие всех наличных братьев в управлении царством (королевством) после смерти их отца, что выражалось в создании уделов при сохранении государственного единства. В силу этого принципа после смерти одного из братьев его удел доставался не его потомству, а его братьям. Именно в этом состоит суть «родового сюзеренитета». Одной из задач государственного развития становилась необходимость выработать четкую систему престолонаследия, которая, с одной стороны, покоилась бы на родовом (династическом) сюзеренитете, а с другой – гарантировала сохранение государственного единства. Во второй половине IX в. в Абхазском царстве с ранее установившимся принципом наследования начинает соперничать принцип монархического сюзеренитета, укрепляется правовой статус сыновей царя. В первой половине X в. в Абхазском царстве преобладает наследование по прямой нисходящей. Во второй половине X в. происходит возврат к старым традициям. На престоле в Абхазском царстве побывали три сына Георгия II: Леон III, Дмитрий III, Феодосий III Слепой. Таким образом, в Абхазском царстве конкурировали два принципа наследования – переход власти осуществлялся то к старшему брату (старшему в царском роду), то к старшему сыну царя. Чередование двух возможных форм наследования власти приводило к конфликтам и кризисам.

Одним из инструментов для их урегулирования мог стать институт соправительства как надежный механизм, обеспечивавший легитимность перехода власти от одного правителя к другому. Институт соправительства в Абхазском царстве сформировался на основе древних традиций диархии, существовавших у абасгов. С образованием государства задачи по организации эффективного управления всеми его частями могли вызвать необходимость сохранения разделения власти. Представители одного властного поколения (т. е. братья) делили полномочия или территорию почти поровну. В случае десигнации

авторитет и влияние правителя-отца должны были быть значительно выше, а его доля участия в управлении государством больше, чем у правителя-сына. Наследованию власти по принципу родового (династического) старейшинства соответствовала первая форма соправительства, принципу монархического сюзеренитета – вторая.

Очевидно, что в конце IX – начале X в. абхазские цари пытались использовать институт соправительства для усиления политической роли царевичей еще при жизни царя-отца. Окончательно был сделан выбор в пользу принципа монархического сюзеренитета. Данный способ престолонаследия более соответствовал делу укрепления центральной власти.

С образованием Абхазского царства происходят значительные социальные и политические изменения, нашедшие свое выражение в возникновении институтов власти, основанных на новых принципах организации управления. Формирование территориально-административной структуры Абхазского царства относится, очевидно, к самому концу VIII – началу IX в. Разделение Абхазского царства на воеводства должно было произойти уже при первом царе, так как само функционирование государства без оформления административных единиц невозможно. Отметим, что не наблюдается жесткой детерминации рубежей воеводств с границами проживания отдельных этносов. Часто воеводства именовались по главному центру властвования, например, Цхумское (вернее, Севастопольское), Кутаисское, Бедийское. Управлялись они назначенными царем чиновниками из числа высшей знати, а иногда и членами правящей династии.

5. Становление светского и церковного землевладения в Абхазском царстве. Сведения относительно царских пожалований в ранний период истории Абхазского государства крайне скудны. Крупнейшими землевладельцами, судя по всему, являлись члены правящего дома, а также церковные учреждения. Ведя активную внешнюю политику, направленную на захват новых территорий, абхазские цари имели в своем распоряжении значительный земельный фонд, который позволял им осуществлять пожалования дружинникам. О существовании в Абхазском царстве слоя землевладельцев, связанных с короной условными держаниями, свидетельствует такой документ, как «Купчая некоего Павнели». Он датируется IX в. Рассматриваемый правовой документ ясно указывает на существование в Абхазском царстве бенефициальной системы, однако выявить этапы ее формирования и характерные особенности не представляется возможным из-за отсутствия источников. Надо полагать, что установление бенефициальной системы в Абхазском царстве было обусловлено тем, что для успешного решения внешнеполитических задач требовалась реорганизация войска.

С середины VIII в. чрезвычайно возрастает роль тяжелой кавалерии. Именно военный фактор диктовал необходимость становления феодальных струк-

тур. В частности, отмечена взаимосвязь бенефиция с главным действующим лицом войн раннего средневековья – тяжеловооруженным всадником. Пожалование бенефициев неизбежно вело к установлению отношений вассального характера, поскольку бенефиций и коммендация были, как правило, неотделимы друг от друга. Лица, получавшие землю при условии высокого уровня военной оснащенности, в период становления раннефеодального государства образовывали новую политическую силу, которая должна была стать опорой царской власти.

В пользу оформления в Абхазском царстве феодального землевладения свидетельствует сеть укреплений, опутавших Абхазию во второй половине X – XI в. Крепостное строительство имело в Абхазии давние и прочные традиции, но возведенные в рассматриваемое время укрепления заметно отличались от крепостей более раннего периода. Размер, частота расположения, выбор места для строительства указывают на то, что их главной функцией было не отражение вражеских нападений, а гарантирование прав феодалов.

Согласно источникам, церковь, оказывавшая идеологическую поддержку процессу феодализации, была обеспечена центральной властью соответствующими земельными пожалованиями. Абхазские цари вели широкое церковное строительство на всей территории царства, но особенно в западной его части. Великолепные храмы становились центрами епископств. Учитывая это, можно предположить, что Абхазский католикосат получил значительные земельные пожалования и ко времени расцвета Абхазского царства превратился в крупнейшего феодала.

Становление светского и церковного землевладения способствовало втягиванию в узы зависимости основной массы простолюдинов. Абхазские цари в борьбе за укрепление государства и расширение территории опирались на свое непосредственное окружение, служилую знать и духовенство. Отметим роль и влияние абхазских по происхождению аристократических кланов на протяжении всего раннесредневекового периода. В летописях зафиксирована грузинская форма знатных абхазских фамилий: Анчабадзе, Чачас-дзе, Марушис-дзе, Качибадзе, Абазас-дзе, Аршис-дзе и т. д. Высший ее слой составляли члены царского рода и лица, связанные узами родства с царствующим домом. Именно они занимали ключевые позиции в управлении государством, являлись крупными землевладельцами. Правящая элита абхазского царства сохраняла известную устойчивость на протяжении нескольких столетий вопреки драматизму политических событий за счет спаянности узами родства и службы в пределах всей страны.

6. Абхазское царство в системе международных отношений в VIII–X вв. В течение раннего средневековья Абхазское царство взаимодействовало со многими государствами. Ему необходимо было выстраивать отношения с мировыми державами: Византийской империей и Арабским халифатом, силь-

ным региональным лидером – Хазарским каганатом, а позже Аланским царством и царством армянских Багратидов. Постоянно нарушавшийся баланс сил между ведущими мировыми игроками оказывал прямое воздействие на страны Закавказья. Не раз правящим кругам Абхазского царства приходилось, учитывая меняющуюся международную ситуацию, вносить коррективы во внешнюю политику страны.

На этапе становления Абхазское царство получило поддержку могущественного Хазарского каганата. Отсутствие источников действительно не позволяет нам проследить динамику развития абхазо-хазарских взаимоотношений, завязавшихся, на наш взгляд, не ранее середины VIII в. Заключение династического брака между представителем дома Аносидов и хазарской царевной – факт примечательный. Брачное соглашение следует рассматривать как юридический акт, подтверждающий политический союз между договаривающимися сторонами. Абхазское княжество (позже царство) и Хазарию связывали и торговые отношения. Жители каганата активно торговали с соседними странами. Сотрудничество Абхазии и Хазарии в дальнейшем только углублялось, а с образованием Абхазского царства переросло в прочный дружественный альянс. Однако просуществовал он недолго. Отдаление каганата от Абхазского царства произошло в период так называемой «гражданской войны в Хазарии» – в 20-х гг. IX в. За годы независимости Абхазское царство успело укрепить политически, достигло определенных успехов в деле государственного строительства. Даже лишившись союзника в лице каганата, оно сумело отстоять свой суверенитет.

В самом конце VIII – начале IX вв. Абхазское царство в качестве независимого государства начинает играть заметную роль в системе международных отношений на Кавказе. Этот период для Ромейской державы был крайне тяжелым. Частая смена императоров, острый внутривластный конфликт, противостояние почитателей и гонителей икон, неудачи во внешней политике на время отвлекли внимание византийцев от Закавказья. В числе первых серьезных внешнеполитических шагов, предпринятых Абхазским царством, была поддержка одной из сторон в гражданской войне в Византии, развязанной Фомой Славянином в начале 20-х гг. IX в. при правлении Михаила II Травла. Антиохийским патриархом был проведен обряд коронации Фомы, глава инсургентов был объявлен императором. Согласно византийским источникам – «Истории» Иосифа Генесия, посланию императора Михаила II королю франков Людовику Благочестивому, среди сторонников Фомы Славянина были абасги. Скорее всего, помогая мятежникам, правящие круги Абхазского царства справедливо полагали, что затягивание внутривластного конфликта ведет к ослаблению империи. Несмотря на то, что к концу 823 г. Михаилу II удалось разбить армию Фомы, после трех лет гражданской войны могущество Византии было серьезно подорвано.

Кардинальным образом ситуация изменилась в период правления преемника Михаила II Травла – Феофила. При нем имперские власти попытались восстановить свои позиции в Восточном Причерноморье. Согласно «Продолжателю Феофана», императором Феофилом была организована военная экспедиция в Абхазию. К сожалению, источник не сообщает точной даты ее проведения, однако называет имена возглавлявших ее военачальников – Феофоба и Варды. Первый являлся известным полководцем, второй – весьма влиятельным царедворцем, шурином императора. Тот факт, что во главе войска, отправленного императором против Абхазского царства, стояли столь значимые персоны, говорит о чрезвычайной важности этой военной экспедиции для Византии. Однако стяжать военной славы в Абхазии Феофобу и Варде было не суждено. «А в Авасии Феофоб и брат Феодоры Варда, посланные туда с войском, испытали великие беды, и мало кто оттуда вернулся», свидетельствует «Продолжатель Феофана». Император Феофил не готов был смириться с неудачей в войне против Абхазского царства и не хотел отказываться от планов по возвращению Западного Закавказья под контроль империи. Следующая военная экспедиция против Абхазского царства, судя по всему, была тщательно подготовлена и спланирована с учетом прошлых ошибок. Датировка второго похода на Абхазию связана с произошедшими с небольшим интервалом двумя солнечными затмениями. Подряд два солнечных затмения имели место в 840–841 гг., а также в 852 г. Если придерживаться первой даты, то военные мероприятия против абхазов произошли на исходе правления императора Феофила, если второй – то в период нахождения у власти его супруги Феодоры. Византийское войско возглавил логофет дрома Феоктист, который был советником императрицы Феодоры, а после смерти Феофила, будучи главой регентского совета, он стал фактически главой государства. По данным «Продолжателя Феофана», во второй экспедиции империи против Абхазского царства наряду с сухопутным войском был задействован византийский флот. Летописец сообщает, что Феоктист, «...назначенный стратигом против авасгов, вкусил по несчастью гнева Божия: попавшие в кораблекрушение несчастным образом лишились жизни, а шедшие по суше разделили их злую судьбу. Таким образом, погибло это войско».

Абхазское царство на протяжении всей своей истории активно противодействовало экспансии халифата. С момента своего образования оно граничило с провинцией Арабского халифата Арминией. Арабскому наместнику Арминии подчинялись ишханы Армении и Албании и эрисмтавар Картлии, а также арабские эмиры различных городов и областей провинции. Все они назначались на основании выдаваемых им правителями охранных грамот. На рубеже VIII–IX вв. на территории провинции Арминии сформировались отдельные автономные (самоуправляющиеся) княжения.

Так как главной внешнеполитической задачей на восточном направлении для Абхазского царства было противодействие арабской угрозе, оно поддер-

жало правителя Тао-Кларджетии, Ашота Куропалата. Абхазы не были готовы к открытой конфронтации с халифатом в условиях сохраняющегося напряжения с Византией, возможности открытой интервенции со стороны последней и до определенного времени придерживали свои экспансионистские устремления в отношении территорий, являвшихся частью арабской провинции. Абхазский царь охотно помогал, если не подстрекал Ашота Куропалата к борьбе с кахетинским правителем Григорием и его союзником – арабским эмиром Тбилиси за земли внутренней Картлии. Но Внутренняя Картлия, доставшаяся Ашоту после победы у реки Ксани, недолго пребывала под властью правителя Тао-Кларджетии. Вскоре после описанных событий наместником Арминии был назначен Халид, который предпринял карательную экспедицию против Ашота Куропалата. В 826 г. последний был убит, «и вновь заняли сарацины Картлии», сообщает автор «Летописи Картлии». Уровень угрозы со стороны Арабского халифата возрос, что было особенно опасно ввиду довольно напряженных отношений Абхазского царства с Византийской империей.

Серьезное столкновение абхазов с арабами произошло в 50-х гг. IX в. Пришедший к власти халиф Муттавакиль решил наказать эмира Тбилиси Исхака-ибн-Исмаил-ибн Шуаба, который вышел из-под контроля центральной власти еще в 30-х гг. IX в. Для подчинения отложившегося эмира, а равно и для подавления вспыхнувшего в это время антиарабского восстания в Армении он отправил большое войско во главе с Бугой-тюрком. Согласно «Летописи Картлии», после взятия арабами Тбилиси весной–летом 853 г. против них выступил абхазский царь (по «Летописи Картлии» – Феодосий II, по данным «Дивана абхазских царей», в этот период Абхазское царство должен был возглавлять Дмитрий II). Абхазское войско вторглось во внутреннюю Картлию, тем самым нарушив границы провинции Арминия. Таким образом, инициатива начала боевых действий с халифатом принадлежала абхазскому царю. Судя по всему, он располагал необходимыми военными ресурсами, позволявшими ему надеяться на успешный исход войны с арабами. Военный демарш абхазского царя не мог не вызвать ответной реакции арабов. Буга двинул своего полководца Зирака против абхазов. В сражении при Кверцхоби абхазы потерпели поражение, «схватились и обратили абхазов вспять, погибло множество людей». Данные «Летописи Картлии» поддерживают сведения «Истории Ширвана и Дербенда»: Буга «...провел зиму в городе Дабил, а затем совершил ряд походов на грузин и абхазцев. Неизменно одерживая победы, он много народу убил и увел в плен и захватил богатую добычу». Возможно, абхазскому царю пришлось согласиться на уплату дани арабам. Во всяком случае, арабский автор ал-Масуди, живший в первой половине X в., отмечал, что «абхазы... платят харадж владельцу пограничной области Тифлис со времени завоевания этого города мусульманами и утверждения их в этом городе в царствование халифа Мутеваккиля». Комментируя это сообщение, З. В. Анчабадзе писал о

допустимости того, что в IX в., в особенности после вторжения Буги... Абхазское царство было обложено данью на некоторый срок.

Арабскому халифату в ходе карательных походов Буги ал-Кабирааш-Шараби в период последнего антиарабского восстания 850–855 гг. не удалось восстановить прежние позиции в Арминии. В течение последующих трех десятилетий местные автономии еще более усилятся: в регионе начнется процесс постепенного расформирования этой арабской провинции. Не в последнюю очередь это обстоятельство обеспечило внешнеполитические успехи на восточном направлении, преемника Дмитрия II – царя Георгия I. Последнему удалось завладеть внутренней Картлией. Автор «Летописи Картлии» утверждает, что присоединение этой территории к Абхазскому царству произошло насильственным путем. Было учреждено воеводство с центром в Чиха, первым главой которого стал племянник Георгия I Тинен. Однако присоединение Картлии не было достаточно прочным. Уже при следующем царе Иоанне I эта область отпала от Абхазского царства.

Со второй половины IX в. расклад политических сил в Закавказье претерпевает определенные изменения. Чувствуя угрозу своему положению в регионе, особенно в условиях активизации в означенный период византийцев на антиарабском фронте, власти халифата приняли решение опереться на ишханов Армении. Облеченный доверием арабских властей, Ашот Багратуни не мог не отреагировать на захват Картлии Абхазским царством. Ответные действия не заставили себя ждать. При поддержке сил, враждебных абхазскому царю, из его подчинения вышел один из могущественных вассалов – Липарит Багваши. Изменивший абхазскому царю, феодал обратился с просьбой о покровительстве к Давиду Куропалату. С согласия последнего он обосновался в Триалети, где построил крепость Клде-Кари. Описанные события послужили поводом для вооруженного конфликта между Арменией и Абхазией около 881 г. «И воевали армяне и абхазы из-за Картлии», сообщает анонимный грузинский летописец XI в. Победителями в войне вышли ишханац ишхан Армении и его союзники, поскольку известно, что в период правления царей Иоанна I и Адарнасе контроль над Картлией Абхазским царством был утерян.

Абхазское царство пыталось овладеть теми областями Восточного Закавказья, которые непосредственно примыкали к его рубежам, прежде всего Картлией, а также Гугарком, территорией вблизи Дарьяльского ущелья, взять под свой контроль важнейшие торговые магистрали. Через территорию Картлии пролегали пути на Северный Кавказ (Дарьяльское ущелье), в Кахетию и Армению. Активная наступательная политика абхазских царей вела к жесткому столкновению с Арменией, правители которой, особенно с принятием титула «ишханац ишхана», а позже «царя», безусловно, считали эти земли своими и были полны решимости их отстаивать. Территории Картлии на долгие годы предстояло стать ареной борьбы двух царств за лидерство в Закавказье. Ба-

гратиды Тао-Кларджетии, судя по всему, не играли самостоятельной роли, выступая в качестве союзников армян.

Несмотря на то, что в течение IX в. Абхазское царство не сумело прочно закрепиться в Картлии и вынуждено было отступить под напором армяно-тао-ойской коалиции, стратегическая инициатива оставалась в руках абхазов. С приходом к власти во второй половине 80-х гг. IX в. Баграта I военное противостояние с Армянским царством получило продолжение. Законному наследнику престола удалось вернуться в Абхазию при помощи византийцев. Царь Адарнасе I был убит, а Баграт I взял в жены его вдову, сестру Насра, одного из тао-кларджетских династов. Еще во время пребывания в Константинополе Баграт имел встречу с Насром. Согласно договоренностям, достигнутым в столице Византии, последний после воцарения Баграта, около 888 г., прибыл в Абхазию. Царь Баграт I дал ему войско, с помощью которого «Наср... овладел... крепостями в Самцхе: Одзрахе, Джварисцихе и Ломсиана». Армянский царь Ашот I совместно с Гургеном Багратиони и его племянником Адарнасе выступили против Насра. Противостояние Абхазского и Армянского царств вновь переросло в открытый вооруженный конфликт. «Вступили в бой на берегу Куры; одолели абхазов, убили Насра, мтавара овсов Бакатара и эристава абхазов», сообщает «Летопись Картлии».

Около 890 г. был подписан договор между Абхазским и Армянским царствами, который отражал сложившийся статус-кво в регионе. Абхазскому царю Баграту I пришлось смириться с поражением и потерей Картлии и влиянием в Самцхе.

Воспользовавшись тем, что армянский царь Смбат I был занят борьбой с арабами, царь абхазов Константин III около 904 г. овладел картлийскими землями. Скорее всего, последний поставил под свой контроль не только внутреннюю Картлию, но и Верхнюю Картлию, или Гугарк. В ответ на ультиматум покинуть Картлию Константин ответил отказом: «Не дам тебе вотчинные земли мои». Абхазы считали свои притязания на Картли настолько обоснованными, что Константин включал этот край в своё «отечество», несомненно, желая утвердить в средневековом правопонимании мысль о том, что Картли является составной частью Абхазского царства.

Смбат немедленно выступил против Константина. Армянскому царю активно помогал Адарнасе Куропалат. Смбат «с большим войском подступил к Уплисцихе... хитростью овладел крепостью». Константин потерпел поражение, во время мирных переговоров он был обманом захвачен Адарнасе и передан армянскому царю. Пребывание Константина в плену у Смбата в крепости Ани оказалось недолгим, спустя четыре месяца он был отпущен. По сообщению католикоса Иоанна Драсханакертского, такое решение Смбата было связано с тем, что он узнал о том, что абхазская знать решила избрать нового царя взамен томившегося в неволе Константина. Показа-

тельно, что в сложных условиях абхазская правящая элита проявила политическую зрелость. Расчет армянского царя на то, что в отсутствие монарха Абхазское государство охватят междоусобица и феодальные распри, оказался неверным. Дальнейшее пребывание Константина в плену теряло смысл. Новый царь абхазов мог возобновить военные действия против Армянского царства, чего Смбат пытался избежать любой ценой, так как в этот момент его государству серьезно угрожали арабы. «Добром породнились Смбат и Константин и вернул он (Смбат. – Авт.) ему Уплисцихе и всю Картлию». Учитывая то, какую серьезную опасность таило для Армянского царства противостояние с набравшими мощь Саджидами, Смбат предпочел заключить мирный договор с Константином III, несмотря на имевшиеся принципиальные расхождения по вопросу Картлии.

Византийцы были крайне встревожены положением дел в Закавказье. Из послания Константинопольского патриарха Николая Мистика армянскому католику Иоанну известно о том, что имперские власти вынашивали идею организации военной экспедиции в Закавказье против Саджидов. Письма с призывом забыть взаимную вражду и объединить усилия перед лицом арабской угрозы были направлены также абхазскому царю и главе Тао-Кларджетии Адарнасе Куропалату. Патриарх уверял своих адресатов, что император «пошлет в надлежащее время... в помощь многочисленное войско». Однако поход не состоялся, возможно, не удалось преодолеть имевшиеся серьезные противоречия между его предполагаемыми участниками.

В этой сложной обстановке, когда соседние страны продолжали подвергаться разорению со стороны арабов, в наилучших условиях оказалось Абхазское царство. Хотя Картлия была временно потеряна и там хозяйничали арабы, у последних всё же не было достаточно сил, чтобы предпринять вторжение в само царство. Абхазский царь Константин III внимательно следил за положением дел в Восточном Закавказье, стараясь использовать любую возможность для вмешательства в военно-политические процессы в регионе. Он оказал действенную помощь сыну погибшего царя Смбата I – Ашоту II Железному. Около 920 г. Константин III предоставил испытывавшему серьезные затруднения Ашоту II хорошо вооруженное конное войско.

Сын Константина III – Георгий II продолжил внешнеполитический курс, взятый его предшественником. Начало правления Георгия отмечено жестким противостоянием с младшим братом Багратам. Подробности этих событий, к сожалению, нам не известны, поскольку источник, содержащий информацию о них, утерян. Между 923 и 937 гг. Георгию II удалось присоединить к своему государству некоторые области, принадлежавшие ранее тао-кларджетским Багратидам. Абхазские монархи продолжали поощрять соперничество представителей отдельных ветвей дома тао-кларджетских Багратидов, всячески способствуя их ослаблению.

Ко времени правления Георгия II относятся и события, описанные в сочинении Асохика. Армянский историк повествует о походе абхазского князя по имени Бер на армянские земли. Этот эпизод абхазо-армянских взаимоотношений не получил освещения в грузинских источниках и известен по Асохику. Согласно указанному автору, «князь Ап'хазов, [вышедший] из земли сарматов, что по ту сторону гор кавказских, ... во главе войска в несколько десятков тысяч и шел [на Армению] в надменности своей, подобно Бэлу. Он явился с бесчисленным полчищем на берег реки Кура с намерением опустошить всю страну нашу. Он отправил посла к армянскому царю [с приказанием] не освящать церкви [по обрядам] православной веры святого Григория, пока не придет он сам и не освятит по постановлению халкидонского собора; [ибо в то время] царь выстроил соборную церковь в городе Карсе из больших гранитных, сталью тесанных камней, [церковь, законченную] великолепным куполом, расписанным наподобие небесного свода». Царем Армении в это время был брат Ашота II Железного – Абас I (929–953). Он во главе конного войска выступил навстречу Беру. Войска расположились друг напротив друга на противоположных берегах реки Кура. После нескольких локальных стычек армяне перешли в наступление, в результате которого сумели опрокинуть неприятеля и взять в плен князя Бера. Асохик пишет: «...самого надменного Бера и привели в город Карс. Царь сказал ему: «Взгляни на эту красивую церковь, ибо ты больше не увидишь ее»; и приказал выколоть ему глаза. Апхазы ценою золота выкупили ослепленного своего князя и клятвенным обещанием утвердили обет мира с армянами, что отныне впредь не будет войны между обоими народами». Скорее всего, поход на Армению имел место между 929–932 гг., до поражения алан от хазар и как следствие этого их отхода от христианства. Несмотря на то, что Асохик главной причиной военной экспедиции Бера считает желание обратить армян в халкидонство, надо полагать, что абхазским князем двигали, прежде всего, причины политического свойства, хотя не исключено – «обряженные» в религиозные одежды.

Правящие круги Абхазского царства были чрезвычайно заинтересованы в союзнических, взаимовыгодных отношениях с Аланией. Используя традиционно тесные связи Алании и Абхазии, имевшие длительную историю, Абхазское царство постоянно укрепляло военное сотрудничество с аланами. Известно, что аланские войска во главе с Бакатаром принимали участие в военных действиях против армяно-таойской коалиции на стороне абхазов в 80-х гг. IX в. Первая половина X в. отмечена еще большим сближением абхазов и алан. В этот период при содействии абхазских царей произошло крещение алан. Политическое и военное взаимодействие было дополнено церковными контактами. Исследователи неоднократно отмечали огромное влияние абхазского церковного зодчества на архитектуру раннесредневековой Алании. Ю. Н. Вороновым было предложено понятие «Абхазо-Аланской школы визан-

тийского зодчества». По нашему мнению, военно-политический союз Абхазского царства с Аланией во многом способствовал успехам абхазских монархов в борьбе за преобладание в Восточном Закавказье. Дружеские отношения с располагавшим значительным военным потенциалом северным соседом – Аланией обеспечивали мир и безопасность абхазским землям и поддержку абхазским царям в осуществлении активной наступательной внешней политики. Военно-политический союз Абхазии и Алании, основа которого была заложена в период правления Леонидов, получил продолжение и при Абхазских Багратидах. В XI в. этот союз был скреплен династическими узами – Георгий III и Баграт III состояли в браке с представительницами правящего дома Алании.

В период правления Георгия II нахождение Картлии под властью абхазской короны уже не вызывает противодействия. Армянам и таойцам приходится смириться с установлением контроля Абхазского царства над этой областью Восточного Закавказья. Желая иметь в Картлии надежную и сильную политическую фигуру, Георгий II назначил воеводой своего старшего сына Константина. Картлийские вельможи, тяготившиеся властью Кутаиси, подбили молодого царевича на мятеж: «Но как только царь Георгий убедился в отложении собственного сына, выступил в поход со всеми своими силами...». Длительное кровопролитное противостояние окончилось поражением и смертью Константина. Жестокость Георгия II к сыну была продиктована намерением устрашить картлийских феодалов. Попытка картлийцев выйти из повиновения абхазских царей провалилась. Усмирив Картлию, Георгий обратил взор на Кахетию. Он совершил поход, «сжег её (т. е. Кахетию), сокрушил и вернулся в собственную страну». Сын Георгия II, царевич Леон, ставший картлийским воеводой, после смерти старшего брата по приказу отца возглавил мероприятия по подготовке нового большого похода на Кахетию с целью её полного завоевания: «И вновь настроил войско на поход в Кахетию». Хорепископ Квирике, понимая, что не располагает достаточными силами, чтобы дать отпор Леону, решился на переговоры. Он надеялся выиграть время для поисков союзников против экспансии абхазских царей. Леон разгадал этот план и решил арестовать Квирике и захватить его «домочадцев», но последним удалось бежать, «ибо осведомили их об этом азнауры картлийские». Картлийская знать сочувствовала кахетинцам, не решаясь помогать Квирике открыто, тайно оказывала ему содействие. Брат хорепископа Квирике Шурта счел за благо добровольно передать свою крепость Уджарму, абхазскому царю. Несколькими укреплениями в Кахетии абхазы овладели силой. Видя, что сопротивление бесполезно, хорепископ согласился признать себя вассалом абхазского царя «и даровал Георгию Кахетию». Но покорность Квирике была притворной. После того как абхазский царь покинул Кахетию, он снова взялся за оружие. По своему обыкновению Квирике поддерживали картлийские феодалы: «Сговорились с

ними азнауры картлийские и заодно кахетские...». И те, и другие не желали находиться под властью абхазского монарха и использовали любую возможность для отделения. На сей раз они объединили свои усилия и сплотились вокруг хорепископа: «Начали они отвоевывать крепости и в течение немногих дней захватили все; разрушили крепости Шурисцихе и Лоцобонскую, и вновь стал Квирике владеть своей вотчиной». Узнав о случившемся, Георгий «вновь отправил свое войско под предводительством сына своего Леона. Вторгся он в Кахети и сжег её». Во время военной экспедиции в Кахетию Леон получил известие о кончине отца, царя абхазов, Георгия II. Установив временное перемирие с кахетинцами, он поспешил в Абхазию.

В начале своего царствования Леон III заключил мир с хорепископом Кахетии и даже выдал за его сына свою дочь. Смерть абхазской царевны, невестки хорепископа Квирике, некоторое время спустя послужила предлогом для возобновления военных действий между Абхазским царством и Кахетией. Леон выступил в поход во главе большого войска и расположился на берегу реки Арагви. Только внезапная болезнь и смерть Леона III спасли Кахетию от этой участи, но, как оказалось, лишь на время.

Успешной внешней политике абхазских царей Георгия II и Леона III в Восточном Закавказье способствовало то, что их соперники – армянские Багратиды переживали трудный период, быстрыми темпами цел процесс дробления Армянского царства.

Вступившему вслед за Леоном III на абхазский престол царю Дмитрию III «потребовалось время на устройство царства». «...Он овладел (страной) Картлией». Судя по всему, местная знать по случаю смены монарха отложила, и новому царю пришлось приводить её в покорность. Проводить столь же успешную внешнюю политику, как это удавалось его предшественникам, царю Дмитрию помешал конфликт с младшим братом Феодосием. Недруги Абхазского царства, опасавшиеся экспансионистской политики его царей, надеялись, что междоусобица и противостояние братьев приведут к кризису власти в стране и её ослаблению. По словам хрониста, «призвали его (т. е. Феодосия. – Авт.), дабы пошел он на брата своего». Честолюбивого абхазского царевича, претендовавшего на то, чтобы стать соправителем брата, поддерживали месхийские и картлийские феодалы, глава дома тао-кларджетских Багратидов – Давид и хорепископ Кахетии. Скорее всего, не обошлось и без участия византийцев. В этот период империя уже прочно встала на путь реконкисты Закавказья. Имперские власти, весьма искусно подогревавшие, а то и инспирировавшие центробежные тенденции в царстве армянских Багратидов, должны были искать способы нарушить единство и Абхазского царства, одного из ведущих игроков на политическом пространстве Закавказья. Междоусобица в Абхазском царстве была на руку империи. Известно, что абхазские царевичи Феодосий и Баграт еще при жизни их отца, царя Георгия II,

были отправлены в Византию, «дабы после смерти его не было бы промежуток ссоры и борьбы». Византийцы могли содействовать плану изначально выведенного Георгием II из числа претендентов на абхазский престол царевича Феодосия вступить в борьбу за власть со старшим братом. Несмотря на то, что Феодосий дважды потерпел поражение от войск Дмитрия и, не сумев закрепиться в Картлии, нашел приют у правителя Тао Давида Багратиони, от намерений своих он не отказывался. Царь Дмитрий III пошел на решительные меры. Заманив брата к себе под предлогом переговоров, отдал приказ ослепить Феодосия. Лишив Феодосия зрения, Дмитрий надеялся, что отрезал младшему брату путь к власти. Поступок царя был осужден представителями абхазской церкви и знати, встал вопрос о смещении Дмитрия, но и в этих условиях в качестве кандидатуры на абхазский престол рассматривался не Феодосий, а другой брат царя – Чала. Царю Дмитрию III удалось удержаться на престоле. Анонимный автор «Летописи Картлии» характеризует его как «сильного и отважного» правителя. Пролетарствовав восемь лет, Дмитрий III скончался около 975 г. На престоле его сменил Феодосий III.

7. Деятельность царей из династии Абхазских Багратидов (первая половина XI в.). При Феодосии III Абхазское царство ослабло. Его правление грозило государству серьезными внутри- и внешнеполитическими осложнениями. Абхазское царство переживало кризис: «Разлагалась вся страна эта, сменились закон и правление, установленные первыми царями. Взвизывая на все это, пребывали вельможи той страны совместно в великой печали». Неспособность Феодосия осуществлять обязанности по управлению государством была очевидной. Низложение монарха могло спровоцировать усобицу, феодальные распри и как следствие – ещё большее ослабление царства. Поэтому с выбором преемника нельзя было ошибиться. Его кандидатура должна была устраивать широкие круги знати Абхазского царства, прежде всего, представителей боковых ветвей династии Леонидов. Только в этом случае передача власти могла пройти безболезненно. Часть абхазской политической элиты во главе с Иоанном Марушидзе уже разглядела ту личность, с именем которой будут связаны и укрепление Абхазского царства, и новые победы. На смену Феодосию Слепому, по их мнению, должен был прийти его племянник Баграт. Баграт был как раз той компромиссной политической фигурой, которая могла быть принята различными группировками знати, в силу того, что приглашенному со стороны лицу лучше удалось бы соблюдать баланс интересов могущественных аристократических семейств и кланов. Небезынтересной для Абхазского царства была и перспектива присоединения значительной части Тао, законным наследником которого по отцовской линии являлся Баграт. И это весьма беспокоило воспитателя царевича – магистра Давида. Инициатором приглашения Баграта в Абхазию летописец называет Иоанна Марушидзе: «Тот же Иоанн Марушидзе изъявил волю привести Баграта царем в Абха-

зию». Вместе с тем, он добавляет, что его переезд произошел с одобрения всех вельмож Абхазии и Картлии. Давид Багратиони «нехотя и с большим трудом» отпустил Баграта, явно не желая видеть приемного сына на абхазском троне. По прибытии в Абхазию Баграта был венчан на царство в качестве соправителя Феодосия. По прошествии «двух лет он начал править самостоятельно».

Царствование Баграта II началось с приведения в покорность картлийских феодалов. Это было особенно важно в условиях нарастания внешнеполитической активности византийцев в Закавказье. Византия планомерно продолжала реализацию программы по приобщению региона к империи.

В 1000/1 г. Давид Куропалат, приемный отец Баграта II, скончался. Его смерть встревожила императора Василия II, и во главе большого войска он поспешил в Тао. Знать приветствовала приход императора, «... и передали ему крепости азнауры сего Давида и захватил Василий вотчину Давида Куропалата». В Тао произошла встреча императора с царем абхазов Багратом II и его отцом Гургеном. Асохик пишет: «Василий, сделав великолепный прием ап'хазскому (абхазскому. – Авт.) царю, пожаловал его в достоинство куропалата, а отца его в магистры, и отпустил в их землю». Весьма важным вопросом было удовлетворить притязания Багратинов, происходившие из акта усыновления их умершим царем Тайка Давидом. Царь Василий обязал их письменным договором не вторгаться в область Давида. Часть наследственных владений Давида Куропалата Баграта получил в пожизненное пользование. Остальные земли: Южный Тайк, Басен, Карин, Халдой-арич с Клисурями, Мардали, Харк и Апахуник с Маназкертом (Манцикертом) перешли к византийцам. В 1008 г. после смерти отца – магистра Гургена Багратиона, царь абхазов унаследовал его владения в Тао. В дальнейшем для укрепления своих позиций в этой части Закавказья и упреждения новых экспансионистских замыслов Византии Баграта силой завладел Кларджетией и ее главной крепостью Артануджи.

Баграта II продолжил политику абхазских царей в отношении Кахетии. Вначале он потребовал у хорепископа Давида занятые ранее кахетинцами картлийские крепости, видимо, речь идет об укреплениях Груи и Цирквали. Получив отказ, Баграта вторгся в Кахетию и подверг её разорению. Тогда же абхазский царь поставил под свой контроль Эретию, оставив своим наместником Абулала, вернулся в Кутаиси. Однако эретцы вскоре вышли из повиновения абхазского царя и, объединившись с кахетинцами, стали враждовать с Багратом. «Вновь вошел Баграта со своим войском в Эретию и во второй раз занял её... стал посягать на Кахетию и силами своими недостижимыми захватил крепости кахетинские... Завоевал он полностью Эретию и Кахетию, захватил Квирике и держал его при своем дворе». Таким образом, в течение 1008 – 1010 гг. Кахетия и Эретию оказались под властью абхазского царя. Поход на Гандзу (около 1010 г.) был последним крупным военным мероприятием в царствование Баграта, в 1014 г. он скончался. Тридцатилетнее правление

первого абхазского царя из династии Багратидов можно назвать успешным. Ему удалось сделать значительные территориальные приобретения, укрепить престиж государства, успешно продвигаться по пути превращения Абхазского царства в крупнейшую региональную державу.

После смерти Баграта II на престол вступил его сын Георгий III. Связанные узами личной зависимости с Багратом, правители Кахетии и Эрети с его смертью отказались присягать молодому царю. Сумбат Давитисдзе сообщает: «И когда воцарился Георгий, отложились от него страна Эрет-Кахетия, и изменною азнауров были схвачены эриставы (царя), и завладели своими странами их первоначальные владетели». Георгием были предприняты решительные меры по восстановлению контроля над этими областями. «Летопись Картлии» свидетельствует, что он «...распространил власть свою над всей вотчиной своей». Отметим, что Георгий в нарушение договора с Византией не отказался от владений своего отца в Тао, которые были переданы императором Василием II Баграту II в пожизненное владение.

Георгий III намеревался побороться и за так называемое «Давидово наследство» – земли, перешедшие в состав империи согласно завещанию тао-кларджетского царя. Царь абхазов вступил в переписку с египетским халифом ал-Хакимом, чтобы договориться о совместных действиях против империи. Абхазский царь также рассчитывал на поддержку шаханшаха Иоанна-Смбата.

Действия царя абхазов вызывали беспокойство в Константинополе, однако война с Болгарией не позволила императору Василию II отреагировать на них немедленно. По сообщению Аристакеса Ластивертци, император Василий II отправил абхазскому царю послание, в котором говорилось: «...оставь то, что я подарил твоему отцу из доли Куропалата и управляй только твоей страной. Он не согласился... и дал ему противный ответ: «Ни одного дома из владений моего отца не дам никому». После победы над болгарами император Василий II принял решение лично возглавить войско в походе против царя абхазов в феврале 1021 г. Император рассчитывал, что демонстрация военной силы заставит абхазского царя изъявить покорность. Однако Георгий отказался явиться к императору, который расположился лагерем близ Карина. Войска абхазов и византийцев встретились на берегу Аракса, и несколько дней ни одна из сторон не решалась начать сражение. Наконец, царь абхазов, посчитав разумным уклониться от прямого столкновения, отступил. Византийцы начали преследовать отходящего противника. В результате близ деревни Ширимни «схватились арьергарды войска Георгия и авангарды войск Василия...». Узнав о начале боевых действий, Георгий отменил свой приказ об отступлении и поспешил к месту сражения. «Расположились друг против друга, и произошла битва мощная. Сокрушили множество греков, захватили трофеи». Военное счастье оказалось на стороне византийцев. Им удалось переломить ход сра-

жения и выйти победителями. Георгий отступил «в укрепленные места Абхазии». Разгромив Джавахетию и Триалетию, император вместе с войском с наступлением холодов расположился лагерем в Халдии, близ Трапезунта. Византийский император требовал от царя абхазов выдать в заложники малолетнего сына, видимо, не очень доверяя ему. Весной 1022 г. тревожные сообщения из столицы заставили Василия отвлечься от переговоров с абхазским царем. Два видных военачальника, Никифор Фока и Никифор Ксифий, подняли мятеж против императора. Георгий III немедленно установил контакт с заговорщиками и даже пытался договориться с ними о координации действий. «И когда узнал абхазец о восстании, происходившем в земле греков, то он вновь почувствовал себя сильным и отрекся от того, что обещал». Осенью 1022 г., получив возможность вернуться к переговорам с царем абхазов, Василий II первым делом поспешил переслать ему отрубленную голову мятежного Фоки, «чтобы дать ему ясно понять, что он ему не доверяет». Он требовал от Георгия незамедлительного исполнения всех ранее данных обещаний. Василий II писал абхазскому царю: «...оставь ту часть, которую ты не по наследству получил, и живи спокойно на своей части». Узнав о том, что император отдал приказ сниматься с лагеря, Георгий прибег к военной хитрости. По сообщению «Летописи Картлии», «царь отправил эристава (воеводу. – Авт.) Звиада с его же воинами и велел, соблюдая мир, на некоторое время отвлечь (Василия), а сам же последовал за ним с большой ратью». Царь абхазов решил использовать фактор внезапности, не дав войскам отдохнуть после длительного перехода, стремительно обрушил на византийцев свои основные силы. «Они дерзостно напали на врага на конях, обессиленных тяжелыми [всадниками], железным вооружением и долгими переходами». Опрометчивость молодого царя была наказана, войска его дрогнули, «бодрые ромейские отряды тотчас же окружили их и перебили бесчисленное множество».

Преследовать отступающих император не стал, предпочтя возобновить переговоры, так как «боялся он вновь смуты в Византии». Георгий на сей раз вынужден был передать императору свыше десятка крепостей, а также и земли, пожалованные его отцу Баграту, и земли Давида Куропалата в Тао, а своего сына Баграта отдал на три года в заложники.

В 1027 г. на абхазский престол вступил Баграт III. Воспользовавшись малолетством нового монарха, от него отложились крупные светские и духовные феодалы Тао. В следующем 1028 г. в пределы владений Баграта II вступило большое византийское войско во главе с Николаем, домашником схол и паракимоменом. Разорив несколько областей, византийцы предприняли осаду сильной Клде-Карской крепости. Однако, получив известие о смерти императора Константина VIII, паракимомен поспешил в столицу. Обеспокоенная таким оборотом дел, мать молодого монарха, вдовствующая царица Мариам, в 1031 г. отправилась в Константинополь. Подробности переговоров царицы с

императором Романом III Аргиром не известны. По их окончании был заключен договор о мире между Византийской империей и Абхазским царством. Баграту был пожалован титул «куропалата» и выдана в жены племянница императора Елена. Уже через несколько месяцев царица Елена скончалась, после чего Баграт III сочетался браком с Бореной, «дочерью овесского царя».

К началу 30-х гг. XI в. относится раскрытие заговора, который имел своей целью свержение Баграта и воцарение его младшего брата Дмитрия. Последний был сыном царя Георгия III от брака с аланкой Алдой. Дмитрий вместе с матерью проживал во втором «стольном граде» Абхазского царства – Анакопии. Нельзя определенно сказать, что послужило причиной конфронтации между братьями через шесть лет после смерти отца. Возможно, Баграт III отказался провозгласить, согласно традициям, анакопийского царевича соправителем. В силу малолетства Дмитрий не был самостоятелен, его именем прикрывалась одна из группировок знати, боровшаяся за власть. Царь Баграт III и его приближенные пытались вести переговоры со сторонниками Дмитрия, но успеха не имели. Ощущая шаткость положения анакопийского царевича, после раскрытия заговора его окружение сочло за благо переход Дмитрия под власть империи. Автор «Летописи Картлии» сообщает, что Дмитрий «ушел из царства своего и обратился к царю Греции и отдал ему Анакопию». По данным византийских авторов Иоанна Скилицы и Георгия Кедрина, крепость Анакопия была передана византийцам вдовой абхазского царя Георгия III Алдой, после чего ее сын Дмитрий был удостоен титула «магистра». Таким образом, Анакопия была утеряна царем абхазов Багратом III и перешла под юрисдикцию империи около 1033 г. Неизвестно, была ли причастна Византия к внутривосточному конфликту в Абхазском царстве, но переход Дмитрия должна была приветствовать, поскольку он полностью отвечал ее интересам.

Несмотря на то, что передача Дмитрием Анакопийским своего патримония императору была обставлена как акт добровольный, царь абхазов Баграт III посчитал, что действия византийцев по приобщению удела Дмитрия Анакопийского к империи противоречат договору, заключенному между Византией и Абхазским царством. В 1035 г. под предлогом того, что император Михаил IV Пафлагон причастен к смерти своего предшественника Романа III Аргира, Баграт III разорвал мир с империей и вернул себе ряд крепостей, ранее уступленных ромеям.

После двух неудачных попыток овладеть Тбилиси, предпринятых абхазским царем Багратом III, в течение 30-х гг. XI в. у него возникли разногласия с одним из могущественных вельмож, клдекарским воеводой Липаритом Багваши. Окончательно рассорившийся с Багратом, вельможа получил поддержку империи и стал одним из главных проводников её политики в Абхазском царстве. В начале 40-х гг. XI в. византийцы с помощью Липарита попытались воцарить младшего брата Баграта – Дмитрия. «Летопись Картлии» сообща-

ет: «...вывел Липарит из Греции брата Баграта Деметрэ с войском греческого царя». Абхазскому царю, однако, удалось внести раскол в стан своих противников, пожаловав Багваши, должность воеводы Картлии. После этого византийцы вместе с магистром Дмитрием вынуждены были отступить. Весной 1045 г. Баграт III предпринял осаду Анакопийской крепости. Она стала ответом на провалившуюся попытку византийцев и оппозиционно настроенной по отношению к центральной власти группировки знати – воцарить Дмитрия.

Осада Анакопии окончилась неудачей. Летописец оправдывает ее тем, что Баграт был вынужден спешно покинуть войско, осаждавшее крепость, поскольку старейшины Тбилиси посулили передать ему город. Полководец Квабулел Чачас-дзе Отаго, которому царь поручил командование, не сумел занять крепость. Таким образом, Анакопийская крепость и ее округа оставались вне юрисдикции царя абхазов с 1033 г. по 1072/3 гг. XI в. Летом 1045 г. царю абхазов удалось овладеть Тбилиси, что вкупе с переходом на сторону Баграта анийцев можно рассматривать как большой успех.

8. Политическая жизнь Абхазского царства во второй половине XI – первой половине XIII в. В 1064 г. в Восточное Закавказье вторглись тюрки-сельджуки под предводительством Алп-Арслана. Положение в регионе ухудшилось после тяжелого поражения византийцев от сельджуков в битве при Манцикерте (19 августа 1071 г.). В политической жизни Закавказья произошли серьезные изменения, отразившиеся и на положении Абхазского царства.

При сыне и преемнике Баграта III, Георгии VI, центральная власть в Абхазском царстве заметно ослабла. Феодалные распри и нашествие тюрков-сельджуков угрожали существованию государства. С воцарением молодого монарха Давида I в 1089 г. начался новый этап в истории Абхазского царства. При вступлении на престол он, по словам летописца, «царство Абхазское малое убавленное имел...», и была тогда граница царства гора Малая Лиха». Внешняя угроза сплотила абхазскую знать, что обеспечило тот задел прочности царской власти, который позволил Давиду I вести активную внешнюю политику, проводить реформы. Для борьбы с тюрками-сельджуками Давид способствовал переселению в Закавказье с Северного Кавказа половцев. Он сочетался браком с дочерью половецкого князя Отрака – Гурандухт. Летом 1121 г. Давид разбил тюрков на Дидгорском поле. В 1122 г. под контроль царя абхазов перешел Тбилиси. Официальный титул Давида звучал как «царь абхазов, картлов, ранов, кахов, армян, ширваншах и шахиншах». По мере смещения центра тяжести политической жизни государства на восток в течение последней четверти XI – первой половины XII века отношения правящей династии с феодальной элитой самых западных воеводств несколько изменились, они уже не несли на себе печати привилегированности, особой близости. Абхазские феодалы со времен Леонидов, обладавшие определенными преимуществами,

не намеренные мириться с положением провинциальной знати, стремились к большей независимости. Они умело использовали для достижения своих целей интерес византийцев к Северному и Восточному Причерноморью. Если в начале 70-х годов XI века Византия заметно ослабла и утратила крепость Анакопию, являвшуюся оплотом политического влияния империи в регионе, то после свержения Никифора Вотаниата, шурина царя Георгия IV Багратиони, и прихода к власти Алексея Комнина Ромейская держава заметно активизировалась в регионе. Византийцы были заинтересованы в дальнейшем расширении своего влияния, в том числе и на Черноморском побережье Кавказа. Абхазская знать воспользовалась этим обстоятельством в своих целях. Она вела сложную дипломатическую игру. Установив связь с империей посредством брачного союза абхазской княжны с представителем династии Комнинов, сыном и соправителем Иоанна Калояна – Алексеем, она могла позволить себе больше свободы во взаимоотношениях с центральной властью. Недовольный этим обстоятельством, суровой зимой 1120–1121 гг. царь Давид спешно направился в западные области своего государства, дойдя до Пицунды, «управился с тамошними делами; достойных милости одарил, провинившихся же схватил и наказал». Давид I скончался в январе 1125 г. Усыпальницей монарха стал основанный им Гелатский монастырь. Преемники Давида I, цари Дмитрий IV, Георгий V, царица Тamar, продолжали политику предшественников.

В 1125 г. на престол взошел старший сын Давида I, Дмитрий IV. В 1138 г. Дмитрий совершил победоносный поход на Гандзу. По его приказу ворота покоренного города были преподнесены в дар Гелатскому монастырю. Дмитрий IV проводил взвешенную, сбалансированную внешнюю политику, видя главной своей задачей сохранение единства государства. В 1155 г. старший сын Дмитрия Давид отстранил отца от власти и вынудил его удалиться в монастырь. Однако правление Давида II продлилось недолго, через полгода он скончался, после чего Дмитрий IV вернулся к власти. В 1156 г. ему наследовал младший сын Георгий. Серьезным испытанием для государства в период правления Георгия V стал заговор знати в 1177 г., имевший целью свержение действующего монарха и воцарение Дмитрия (Демны), сына Давида II. В заговоре приняли участие крупные феодалы во главе с Иоанном Орбели, а его центром стал замок Лоре. Георгию V удалось внести раскол в ряды заговорщиков, на сторону царя перешел знатный вельможа Саргис Мхаргдзели. Георгий жестоко расправился с руководителями заговора, не пощадив даже своего племянника. Дмитрий был казнен. Так как у царя не было наследников мужского пола, в 1173 г. он венчал на царство в качестве соправительницы свою дочь Тamar. В 1184 г. Георгий V скончался и был похоронен в Гелати. Впервые во главе Абхазского царства оказалась женщина. Вначале царствования Тamar знать предпринимала попытки ограничения ее власти. В 1185 г. царица вступила в брак с Георгием (Юрием), младшим сыном правителя Вла-

димиро-Суздальского княжества Андрея Боголюбского. Через два года брак был расторгнут, супруг царственной особы был вынужден удалиться в Византию. Тамар вышла замуж вторично, в мужья ей был избран осетинский царевич Давид Сослан. Между тем, бывший муж царицы пользовался симпатией части феодальной знати. В 1190 г. был организован заговор, во главе которого стоял министр двора Вардан Дадиани. Заговорщики способствовали возвращению Георгия (Юрия). В 1191 г. он был венчан на царство в Кутаиси с титулом «царя абхазов и русов». На Ниальской равнине произошло сражение между сторонниками Тамар и Георгия (Юрия). Войска, верные царице, одержали победу. Георгий попал в плен, но был отпущен. В 1193 г. он вновь предпринял попытку вернуться к власти, но успеха не имел. После стабилизации внутриполитической ситуации в стране политическая элита во главе с царицей сосредоточилась на решении внешнеполитических задач. В 1195 г. в битве при Шамхоре был разбит атабег Азербайджана Абу Бекр, в 1202 г. в сражении при Басиани была одержана победа над правителем Румского султаната.

В 1213 г. после смерти царицы на престол вступил ее сын Георгий VI Лаша. Показательно, что рожденный в 1193 г. долгожданный сын царицы Тамар был наречен двойным именем, одно из которых «Лаша», по словам летописца, на языке апсаров (т.е. абхазов) означало «просветитель вселенной». Отметим, что в одной из надписей Багаванского храма, сделанной на армянском языке, зафиксировано использование абхазского префикса «а» при передаче имени царя. Начинается она словами: «В царствование Алаши...». В 1220 г. в Закавказье вторглись монголы. В следующем 1221 г. в сражении с новым могущественным противником Георгий Лаша получил ранение, от которого не смог оправиться, и в 1223 г. в возрасте тридцати одного года скончался. Так как царь не имел законных наследников, поскольку так и не вступил в брак, ему наследовала сестра Русудан. В 1224 г. царица сочеталась браком с внуком конийского султана Кылыч-Арслана II, Мухаммад Мугис уд-дин Туркан шахом (в крещении Дмитрием). С 1225 г. восточные области государства Абхазских Багратидов стали систематически подвергаться нападениям войск хорезмшаха Джелал-эд-Дина Манкбурны, а в 1240 г. были завоеваны монголами.

По сообщениям грузинских и армянских авторов, монгольские войска не сумели перейти Сурамский хребет. Оставившая Тбилиси царица Русудан пребывала в своей резиденции в Кутаиси. «Анонимный грузинский хронограф» свидетельствует: «...потому как царица Русудан окончательно поселилась по ту (сторону) Лихи и не возвращалась она на сю сторону Лихи, да и здешние не являлись пред ней в силу занятости, разве только беглые». Картлийские земли были поделены между четырьмя крупными феодальными владетелями, присягнувшими монголам. Русудан, желая вернуть контроль над утраченными территориями, отправила своего сына в ставку монгольского хана в надежде, что монголы утвердят его правителем картлийских земель, пусть даже

под верховной властью монголов. При этом царица сохраняла суверенитет над абхазскими землями. Более того, сын Русудан Давид с 1230 г. являлся ее соправителем. Когда в период вторжения в Закавказье хорезмийского правителя Джелал эд-Дина царица, «стесненная... трудностями, пребывала в Кутатиси и во всей Абхазии», она «созвала воинство свое абхазское, Дадиян-Бедиянов, эристава Рачинского и католикоса Абхазии. Посадили царем Давида, сына Русудан, благословили в Кутатиси и возложили ему венец; возвели на царский престол и по обычаю поздравили с воцарением, а католикос исполнил чин миропомазания. А царству (по сю сторону Лихи) было недосуг из-за хорезмийцев, ...несподручно им было присутствовать на венчании Давида». Таким образом, церемония возведения Давида в царское достоинство прошла без участия картлийской знати. Отправившийся в Каракорум Давид уже носил титул царя абхазов. По-видимому, это обстоятельство не устраивало феодальную знать восточной части государства Абхазских Багратидов, поскольку срочно был призван незаконный сын Георгия Лаши и также отправлен в Каракорум. Картлийская знать хотела избавиться от власти абхазской короны и готова была служить монголам.

Монголы отдали предпочтение сыну Георгия Лаши. В «Анонимном грузинском хронографе» говорится, что Давидам было приказано править совместно. Однако его автор вынужден сделать оговорку: «Но дошли и следующие слова, кои говорит некий иной всеописатель, а именно: во (время) пребывания в Каракуруме обоих царей Гуюк каэн решил таким образом, что утвердил царство за сыном Лаши и с этим вернули его, а сын Русудан, Давид, той же ночью бежал и пришел в Абхазию». «Узнавши об этом, абхазы, суаны, Дадияны, Бедияны, эристав Рачинский и (вообще) залихцы собрались в радости великой и сделали Давида царем абхазов до (самого) Лихи». В 1259 г. происходит распад Абхазского царства. В западной его части, где утвердился Давид Нарин, образовывается Имеретинское царство.

Образование в конце VIII столетия Абхазского царства стало главным политическим событием в истории средневековой Абхазии. Это мероприятие, грандиозное по замыслу, удалось благодаря незаурядной политической воле, военно-организаторским способностям и дипломатическим усилиям абхазской правящей элиты. Абхазское царство сыграло видную роль в формировании политической карты средневекового Кавказа. Только крепкое, централизованное государство (с единым аппаратом управления, органами контроля и армией) могло противостоять сильным политическим противникам, долгое время сохранять и преумножать свой военный потенциал, политический авторитет. Имеющиеся источники показывают, что развитие Абхазского средневекового государства было достаточно динамичным. Четко прослеживается направленность государственной политики на отстаивание внутренних интересов страны, даже при неблагоприятной международной обстановке.

Источники

1. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников / Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. Тбилиси, 1988.
2. Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Перевод Н. Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976.
3. Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала / Перевод Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986.
4. Жордания Ф. Хроника абхазских царей // «Духовный вестник Грузинского экзархата». Тифлис, 1902. № 13–14.
5. История и восхваление венценосцев / Перевод К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954.
6. Картлис Цховреба (История Грузии). Тбилиси, 2013.
7. Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982.
8. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Перевод и комментарии Г. А. Амичба. Сухуми, 1986.
9. Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах / Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979.
10. Абгарян Г. В. Армянские источники об Абхазии и абхазах. /На правах рукописи/ Ереван, 1969.
11. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Перевод Н. Эмина. М., 1864.
12. Иованнес Драсханакертци. История Армении / Пер. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986.
13. Повествование вардапета Аристахэса Ластиверци / Перевод К. Н. Юзбашьяна. М., 1968.
14. Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX–X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербейджане // СМОМПК. Вып. XXXVIII. Тифлис, 1908.
15. Яхья Антиохийский Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского / Перевод В. Р. Розена. СПб., 1883.

Литература

1. Абхазы. (Серия «Народы и культуры».) М., 2007.
2. Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия (VIII–X вв.). Сухум, 2011.
3. Амичба Г. А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии VI–X вв. Сухум, 1999.
4. Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья. Сухум, 2002.

5. Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследование). Сухум, 2010.
6. Амичба Г. А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках (источниковедческое исследование). Сухум, 2011.
7. Анчабадзе З. В. Избранные труды (в двух томах) Т. I. Сухум, 2010.
8. Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII – XIV вв.). Сухуми, 1977.
9. Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии // В Трудах Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1959. Вып. 30.
10. Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998.
11. Воронов Ю. Н. К локализации Никопсии // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. 19–22 апреля 1988 г. Махачкала, 1988.
12. Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. Сухуми, 1989.
13. Джанашия С. Н. О времени и условиях образования Абхазского царства // Труды. Т. II. Тбилиси, 1952.
14. Дорофей (Дбар), иеромонах. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон, 2005.
15. Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011.
16. История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 1991.
17. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
18. Инал-ипа Ш. Д. Труды. (Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа). Сухуми, 1988.
19. Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.
20. Кудрявцев К. Д. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 2008.
21. Маан О. В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум, 2011.
22. Меликишвили Г. А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973.
23. Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья (Опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980.
24. Очерки истории Грузии. Т. II. Тбилиси, 1988.
25. Папаскир А. Л. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. Сухум, 2005.
26. Трапш М. М. Труды. Т. 3. Тбилиси, 1971.
27. Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения абхазского царства и царства армянских Багратидов в IX–X вв. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ереван, 1967.

АБХАЗИЯ В XIII–XV вв.

1. Абхазское княжество в период Имеретинского царства.
2. Генуэзцы в Абхазии.
  - 2.1. Торговля невольниками.
3. Начало массового исхода абазин за Кавказский хребет.

В середине XIII вв. царство Абхазских Багратидов ушло с исторической арены. Этот важный момент политического распада зафиксировал армянский историк Хетум (XIII в.) в своем труде «История монголов». «Это царство, – писал Хетум, – разделяется на две части. Одна часть называется Грузия, а другая – Апвас (Абхазия). Там всего было два царя, один из которых, т. е. грузинский царь, подчиняется самодержцу Азии, а абхазский царь силен народами и неприступными твердынями, поэтому ни самодержец Азии, ни монголы не могли взять его под своё иго...».

Интересно, что в отличие от грузинского историка XVIII в. Вахушти армянский историк Хетум – современник описываемых исторических событий, вновь образовавшееся царство называет не «Имеретинским» и его царей – не «царями имеров», а «Апвас», т. е. абхазским. По-видимому, в XIII в. все еще хорошо помнили, чей престол занял Давид Нарин, а название царства как Имеретинское закрепилось в историографии, скорее всего, позже, возможно, не без влияния цитируемого нами труда Вахушти.

Образовавшееся на территории Западного Закавказья Имеретинское царство во главе с Давидом-Нарином не являлось строго централизованным государством. Оно дробилось на более мелкие политические единицы – владетельные княжества («мтаварства» – по грузинским источникам). Начавшаяся после смерти Давида-Нарина в 1293 г. борьба между его сыновьями за имеретинский престол еще больше ослабила царскую власть. В Кутаиси воцарился Константин, а в Рача-Лечхуми и Аргвети стал править его брат Микел. Княжеством Самцхе независимо управлял Бека Джакели. Владетели Одиши (Мегрелия) – Дадиани (так называлась должность правителя Мегрелии, а княжили там представители рода Чиковани), Сванетии – Геловани, Абхазии – Чачба (Шервашидзе), управляли своими провинциями почти в полном объеме этого понятия. Они осуществляли свою власть в административной, военной, финансовой и юридической областях, ведали вопросами внешней политики, то есть фактически добились иммунитета своих владений.

Вот как об этом писал историк Вахушти Багратиони: «И после смерти Нарин Давида царем стал старший сын Давида, Константин. А против сего Константина выступил брат его Микел и не разрешил занять престол и овладеть Имерети. И захватил Микел Рача-Лечхуми и Аргвети. И были между ними постоянно война, смута и ссора и нападение друг на друга, и разорялась страна... Узрел Гиорги Дадиани такие взаимоотношения их, захватил тогда и Цхомское эриставство и занял весь Одиши до Анакопии. Шервашидзе (захватил) тоже Абхазети и Гуриели (овладел) Гурией и Сванский эристави (занял) Сванети и закрепили их за собой и уже не очень подчинялись царям...»

Центрбежные тенденции были обусловлены укреплением экономического могущества и политического влияния отдельных феодальных кланов при определенном торможении естественно-исторического процесса развития народа, истощенного бесконечными войнами с внешними захватчиками, поборами и междоусобицей.

1. Абхазское княжество в период Имеретинского царства. Все последующие столетия, вплоть до присоединения к Российской империи в начале XIX в., история Западного Закавказья характеризуется бесконечными междоусобными феодальными войнами и борьбой с внешними захватчиками.

Особого могущества в этой междоусобице достигли владетельные князья Мегрелии – Дадиани. Они сумели впоследствии оттеснить соседей и распространить свое влияние по всему Черноморскому побережью от современного Батуми вплоть до Сухума, включая близлежащие земли. Князья Чачба вынуждены были покинуть город, перенести свою резиденцию в Лыхны (Зупу – по грузинским источникам). Перед лицом преобладающих враждебных сил владетельным князьям Чачба (Шервашидзе) пришлось на время (до начала 80-х годов XVII в.) отказаться от своих прав на восточные территории. Фактически независимыми стали и сванские владетели Геловани. Этот процесс сопровождался бесконечными, несущими беды простому народу, столкновениями, грабежами и насилиями.

В 1330 году в Имеретию вторгся восточно-грузинский царь Георгий, прозванный Блистательным (правил в 1299–1346 годах). Как сообщает историк Вахушти, «Георгий занял все крепости и города имерские, а Бограту (внук Давида Нарина) отдал лишь Шорапанское эриставство. Дадиани Мамия, Гуриели, сванский эристав и Шервашидзе абхазский, очевидцы этих побед, явились к Георгию с большими дарами и благословили (его) на царство имерское. После этого царь отправился в Одиши, привел в порядок дела тамошние, занял крепости и, передав Цхумское эриставство Бедиели, возвратился обратно».

Несмотря на унитарные усилия «Амерского» царя Георгия Блистательного, предпринятые им во второй четверти XIV в., все столетие в целом отмечено дальнейшим расширением суверенитета борющихся не только с центральной

властью, но и между собой княжеств, а их владетели фактически превратились в «государей».

Опустошительные нашествия грозного среднеазиатского завоевателя Тимур-ленга (Тамерлана) способствовали дальнейшему политическому и культурному обособлению Западного Закавказья. Внук Георгия Блистательного Баграт V после взятия Тбилиси в 1386 г. был обращен в мусульманство. Источник сообщает, что Баграт предложил Тимуру обратить в ту же веру «осетин, двалов, сванов, абхазов». Воспользовавшись этим, «отложились Дадиани и Гуриели и склонили отложиться одишцев и абхазов; объединились и перестали служить царю Баграту». Вскоре Баграт с многочисленным войском вторгся в Мегрелию. Решающее сражение произошло у реки Цхенисцкали. «Дадиани и одишцы, – сообщает летописец, – бежали. Картлийцы (их) уничтожили, пленили, истребили, преследовали и заняли их земли, сожгли и разрушили крепости...». Этим воспользовались Шервашидзе и не только вышли из союза с Дадиани, но и на время вернули свою власть над Цхумским воеводством.

В начале 90-х годов XIV века Вамек Дадиани снова на время восстановил свою власть над этим воеводством, вторгнувшись на территорию Абхазского княжества и разрушив его крепости Угагно и Гагари.

Неоднократно пытались вернуть себе престол Имеретии потомки Давида Нарина. Однако им успешно противостояла коалиция в составе князей Бедиели, Дадиани и Шервашидзе, передавшая в конечном итоге в 1401 году престол в Кутаисе восточно-грузинскому царю Георгию VII. По словам летописца, к нему на поклон «явились все знатные Дадиани Мамия, Гуриели, Шервашидзе и сваны».

В 1403 г. в Имеретию вторглось войско Тимур-ленга, разрушив здесь до 700 деревень и захватив Кутаис. Территория собственно Абхазии не пострадала, и в 1414 г. князь Шервашидзе вновь вышел из повиновения Дадиани. В кровопролитном сражении с абхазами мегрельский князь Мамия II был убит, а его ополчение было рассеяно. В дело вновь вмешалась восточнокартвельская администрация. Оттуда во главе многочисленного войска вошёл в Мегрелию царь Александр I. Объединенное картвело-мегрельское войско вторглось в Абхазию. Шервашидзе вынужден был изъявить покорность. Однако это продолжалось относительно недолго. Несмотря на усиление мегрельского княжества в последующий период, летописец сообщает, что в конце XV века «Дадиани владел низовьями Цхенисцкали, нижней Лечхуми, этой стороной Сванского хребта. Верхней Абхазией и Абхазией до Джигети владел Шервашидзе, и этот Шервашидзе подчинялся не всем повелениям Дадиани».

2. Генуэзцы в Абхазии. XIII–XV вв. – время интенсивного развития предпринимательской деятельности Генуи, целых два столетия практически осуществлявшей монополию на торговлю в черноморском бассейне. Её основ-

ные конкуренты – Венеция и Трапезунд – были существенно ограничены в своих политических правах и внешнеэкономических связях.

С X в. до середины XIII в. Черное море считалось «вотчиной» византийских императоров. Впервые право на свободную навигацию по Черному морю Генуя получила от базилиевсов в 1169 г., а после Нимфейского договора 1261 г. между Византией и Генуей генуэзцы добились на Черном море преимуществ и отчетливо выраженного экономического господства: они в большинстве районов взимали таможенные налоги, контролировали процесс торгового обмена на побережье, основали в Крыму центр заморской торговли – Каффу (совр. Феодосия), другие центральные и периферийные селтльменты, распоряжались автономными кварталами в основных городах Черноморского бассейна.

Таким образом, связующим звеном между Востоком и Западом выступила небольшая Лигурийская республика, которая больше известна в истории как Генуэзская.

С середины XIII в. Западное Закавказье, хотя и не было отрезано от Восточного вектора внешней политики, все больше ориентируется на Запад, практически разделяя судьбу Византии и Европы в целом в ее борьбе с мусульманским миром.

Проникновение Генуи на Западный Кавказ и ее экономическая экспансия прошло на редкость успешно и бескровно. Видимо, здесь действовал целый комплекс причин, внешних и внутренних обстоятельств, среди которых – монгольское владычество, постоянные междоусобицы, явное нежелание нажать нового могущественного и влиятельного противника в лице Генуи и, наоборот, поиск сильного союзника, к тому же поддержанного Византией. Безусловно, значительную, если не сказать определяющую, роль сыграл и экономический фактор. Допустимо предположение, что в глазах местных феодалов Лигурийская морская республика с середины XIII в. выступала в роли своеобразного политического и экономического представителя Византии. На неё, образно говоря, упал отблеск былого величия Византийской империи, пользовавшейся в этом районе особым историческим престижем.

Закреплению генуэзцев на берегах Кавказа, весьма успешному осуществлению здесь их коммерческой деятельности в значительной мере способствовало и то, что дипломатия «Царства абхазов и картлийцев» того времени была «повернута на Восток», сконцентрирована на решении сложных и острых, постоянно чреватых тяжкими военными конфликтами, отношениях с монголами и другими захватчиками. Западным же владетельным князьям удалось переориентироваться и принять навязывавшееся им Генуей «союзничество» и партнерство.

Сепаратистские устремления западнокавказских феодалов были, вероятно, отмечены генуэзской дипломатией, охотно двинувшейся им навстречу и, по сути дела, экономически поддержавшей их партикуляризм.

Экономическому и политическому процветанию Генуи в этом регионе благоприятствовали ее неплохие, за исключением нескольких сравнительно кратких периодов, отношения с ханством. Показательно, что в 1369 г. венецианцы платили налог татаро-монголам, равный 60% от стоимости товаров, в то время как генуэзцы отдавали только 3%, скорее символической, дани.

Эксплуатация черноморских регионов со стороны Генуи интенсивно начала развиваться в период царствования в Византии Андроника II (1282–1328), который полностью покровительствовал ее экспансии. С 1397 г. Генуя перешла под юрисдикцию короля Франции. Ее черноморская политика – в духе крестовых походов – стала еще более прагматичной и жесткой. Первая половина XV века знаменовала новый подъем генуэзской торговли в исследуемом регионе.

Таков лаконичный исторический контекст, в котором происходило экономическое и политическое утверждение Генуи в черноморском бассейне, развитие ее отношений с местными народами.

В сфере внешней политики генуэзцы, прежде всего, стремились к упрочению автономии или даже экстерриториальности своих селтльментов на Черном море, в том числе и на Западном Кавказе, по отношению к властям «страны пребывания». При этом они гибко использовали внутривнутриполитическую конъюнктуру интересовавших их районов; межфеодалные разногласия и распри (большей частью без военного вмешательства в конфликт), трудности локальной экономики, социальные противоречия и т. д. Экономическое партнерство западнокавказских феодалов с генуэзскими негодциантами фактически содействовало усилению дипломатических связей этого региона с Западной Европой, что было выгодным для крупных феодалов Западного Кавказа, испытывавших сильное давление как от внешних врагов, так и от притязаний царской власти.

Таким образом, Генуя – с историческим ослаблением Византии – сначала экономическим и почти параллельно политическим путем постаралась заполнить торговый «вакуум» в Черноморском бассейне.

В реляциях итальянских путешественников XIV–XV вв., на которые часто ссылаются исследователи, неоднократно отмечалось, что генуэзцев привлекали на берега Кавказа две главные причины: во-первых, прозелитизм, то есть стремление обратить как можно большее число местных жителей в католицизм и, во-вторых, торговля с богатым Востоком. И если прозелитистская деятельность итальянцев в целом имела довольно скромные результаты, то в экономическом смысле Генуя добилась многого.

Исследования французского ученого Ж. Эра, бесспорно, подтвердили, что Генуя была обязана своими богатствами посреднической торговле между Востоком и городами Фландрии, Франции и Англии.

В отличие от практики Венеции, коммерческо-предпринимательская активность коммуны Генуи не сопровождалась ни сильным латинским проникнове-

нием, ни сельскохозяйственной колонизацией заморских территорий. Генуя, как показывают исторические документы, не рассматривала причерноморские поселения на Кавказе как центр для широкомасштабного переселения своих сограждан или рассчитанный на века эксплуатации местных ресурсов. Генуэзцев, даже если они и занимали плодородные земли на побережье, в принципе не интересовало ни участие в производстве местных продуктов питания, то есть развитие агропродовольственных отраслей хозяйства, ни экстенсивное социальное развитие своих сеттльментов.

Реализация экономических интересов республики, в целом, и ее граждан, в частности, была основной практической задачей Генуи. Следовательно, активность Коммуны на побережье Кавказа носила скорее экспансионистский, чем колониальный характер в современном смысле этих понятий.

Генуэзцы ориентировались, прежде всего, на укрепление торговых связей с местными феодалами, постоянно стремились к монополии на кавказские рынки сбыта и вывоз продукции. Сельскохозяйственное и другое сырье лигурийское купечество рассматривало в основном как поддающуюся коммерциализации продукцию.

Росту торгового обмена способствовало развитие ремесленного производства на местах. Его структура на Западном Кавказе была в общих чертах сходна с корпусом процессов и номенклатурой изделий в Каффе и Генуе, поскольку ремесленники ориентировались не только на удовлетворение локальных потребностей, но, в известной мере, и на подготовку к экспорту в Геную и Каффу готовой продукции и полуфабрикатов.

Об организации ремесел в городах Кавказского Причерноморья сведений осталось чрезвычайно мало. Известно, что ремесленные гильдии возглавлялись «министрами», назначавшимися властями метрополии. Процессы купли-продажи, оплаты труда и ценообразования строго регламентировались нотариусом генуэзского или вообще латинского происхождения. Особо оберегались «секреты» производства редких и ценных товаров, которым генуэзцы обучили и местных ремесленников.

Таким образом, присутствие генуэзцев в этом регионе в определенной мере позитивно повлияло на развитие его производственных сил и производственных отношений народов Западного Кавказа в целом.

Целый ряд политических и дипломатических мероприятий центральной администрации Генуи, проведенных на протяжении XIV – первой половины XV в. свидетельствовал о стремлении итальянской республики поставить западнокавказских владетелей и население в более жесткие политические рамки. Для этих заморских земель издавались различные уставы, назначались в поселения официальные представители. Для управления черноморскими сеттльментами правительством Коммуны в 1413 г. был учрежден Оффициум Романии (Коллегия Романии). Упоминание о деятельности этого Оффициума

можно встретить в ряде исторических документов, а наиболее существенные сведения содержатся в издании «Дипломатический кодекс колоний Тауро-Лигурии в период владения банка св. Георгия (MCCCCLIII – MCCCCLXXV)». Это учреждение имело своих постоянных агентов в Савастополисе (Сухуме) и Фазо-Фасции (Поти).

С осени 1453 г. все права на черноморские фактории, в том числе и расположенные на восточном берегу, правительство Коммуны передало Банку св. Георгия – крупнейшему финансовому учреждению средневековой Европы в XV в. – в счет погашения государственного долга Генуи. По всей вероятности, извлечь ресурсы из кавказского региона банку так и не удалось, поскольку уже в 1454 г. Генуя лишилась своего консульства в Савастополисе и экономическая власть генуэзцев была основательно подорвана. Представитель банка продержался в Савастополисе вплоть до 1474 г. так что определенную компенсацию от торговли на абхазском берегу банк св. Георгия все же получал, но отсутствие достоверных данных не позволяет дать должную оценку размерам его доходов.

Основными пунктами контакта генуэзцев с местным населением были города-порты или поселения на Западном побережье Кавказа. Портовые генуэзские фактории или торговые конторы находились на завершении крупных континентальных и речных дорог, в удобной для навигации и стоянки кораблей местах (бухты, заливы), где и происходило подавляющее большинство коммерческих сделок.

В. Гейд в своем труде «История торговли Востока в средние века» писал, что средневековые карты доказывают знание итальянцами до мельчайших подробностей побережья Кавказа и Колхиды, поскольку достаточно полно покрыты названиями местностей, рек, мысов и заливов.

По мнению историка К. Кудрявцева, уже на карте Пьетро Висконти, изданной в самом начале XIV в., Абхазия была вполне точно изображена географически, а ее населенным пунктам были даны правильные названия.

На Черноморском побережье Кавказа с севера генуэзские поселения начинаются с черкесского поселения Мапа (ныне Анапа), где (по Уставу Каффы 1449 г.) имелся комендант-генуэзец (административная должность, на ранг ниже консула). Далее по побережью активно функционировали такие поселения с итальянскими конторами, как Суджук, а также Мавролако (Геленджик) и станция Альба Зихия.

Ниже – по ареалу расселения убыхов и абхазов – генуэзские порты Коста (Хоста) и Абаза.

На месте современной Гагры находилась крупная фактория Хакари (или Какари); в долине реки Бзыбь у Алахадзы – Санта София; Пезонда (Пицунда); в районе Гудауты, на берегу Бомборской бухты – фактория Каво ди Буксо, специально созданная для вывоза леса, а в устье реки Псырцха существовало известное генуэзское поселение Никоффа.

Наиболее крупным центром генуэзской коммерции и посреднических операций на Западном Кавказе являлся Савастополис, локализуемый на территории современной столицы Абхазии. В этом городе заканчивались древние торговые пути через Кавказ и Закавказье. После генуэзской Каффы – крупнейшего торгового города Средневековья на Черном море, Савастополис с конца XIII в. и до середины XV в. по праву считался в этом регионе одним из основных центров международных торговых связей Западной Европы и Востока, важнейшим звеном в трансконтинентальных и черноморских маршрутах. Савастополис был не только местом постоянного пребывания лигурийского консула, в нем располагалась также резиденция протектора – главы всех поселений генуэзцев на Кавказе.

Далее, близ мыса Кодор, была расположена фактория Цикаба; у селения Тамыш – Санто-Томасо; около нынешнего города Очамчыры – фактория Корбендия; в устье реки Ингур – Анакрия (Анаклия).

На земле Колхиды крупными портами и торговыми центрами генуэзского периода были Фазо-Фасция (Фазис, ныне Поти) в устье реки Риони и Ло Вати (Батуми).

2.1. Торговля невольниками. Остановимся отдельно на проблемах работорговли. В условиях развитого феодализма в итальянских государствах, как и почти во всей Западной Европе, в различных сочетаниях сохранились элементы разлагавшегося рабовладельческого строя.

Фактический материал, касающийся некоторых аспектов торговли на генуэзском, черноморских и средиземноморских невольничьих рынках представителями западнокавказских народностей, показывает, что, во-первых, в рассматриваемый период работорговля, одним из основных организаторов которой в XIII–XV вв. являлось именно лигурийское купечество, была существенной составной частью межрегиональных экономических связей Средневековья, и, во-вторых, обращенные в рабство зихские, абхазские, мегрельские, реже имеретинские, гурийские и лазские крестьяне (или их дети) по-разному использовались в Европе и на мусульманском Востоке.

В христианской Европе в то время было преимущественно распространено так называемое домашнее рабство, под гнет которого в равной степени попадали и женщины, и мужчины, причем последним отводились тяжелые физические работы. В свою очередь, основной контингент мужчин, представленных к продаже европейскими негодьями на восточных рынках, прямо направлялся в армию, а женщины – в гаремы, в домашнее услужение. В XIV–XV вв. феодальные войска в Западной Европе состояли из свободных наемников, армии мусульманских правителей – из рабов, часто представителей западнокавказских народов. Известно, что мамлюки – личная гвардия египетских султанов, набирались с XIII в. преимущественно из невольников кавказского и тюркского происхождения. В середине XIII в. мамлюки возве-

ли на престол собственную династию. В Европе же выходцев с Востока, по ряду причин, одну из которых достаточно красноречиво объясняет название, данное итальянским поэтом Ф. Петраркой рабам – «домашний враг», не использовали как воинов.

Торговля «живым товаром» – людьми – в период развитого Средневековья между Европой и Востоком – далеко не прямолинейный процесс, который можно было бы свести к упрощенной формуле: «европейцы – покупатели, восточные феодалы – продавцы». Напротив, работорговля в XIII–XV вв. – это сложный комплекс внешних и внутризэкономических связей, социальных, межнациональных, политических и даже дипломатических отношений. Однако движущей силой, «мотором» работорговли всегда был экономический фактор, который детерминировал поведение всех участников купли-продажи «живого товара».

Итальянские предприниматели выступали в трех основных качествах: во-первых, в роли лиц, основные функции которых сводились к закупке на местах и доставке пленных на рынки Савастополиса, Ло Вати, Каффы, Генуи, ряда других городов для их последующей перепродажи «оптовым» работорговцам, которые распределяли товар дальше; во-вторых, выполнял функции контрагентов крупных рабовладельцев в мусульманских странах (египетского султана и т. д.); в-третьих, итальянский торговец мог контролировать весь процесс – от закупки рабов на местах до продажи их на рынках Западной Европы или Востока непосредственно в руки новому владельцу.

Институт рабства в истории Средневекового общества, в том числе в период развитого феодализма в Италии, достаточно всесторонне исследовался в многочисленных публикациях отечественных и зарубежных ученых. Круг историко-аналитических вопросов здесь весьма широк: социальные, общечеловеческие проблемы, анализ феномена рабовладения и работорговли в их экономических аспектах. Несмотря на большой объем литературы по этому вопросу, исследователи указывают на недостаток фактической документации, которая была бы равномерно распределена по историческим отрезкам времени.

Истории рабства в Италии XIII–XV вв. присуща одна особенность: невольники кавказского происхождения отчетливо преобладали именно на генуэзском рынке, что еще раз подтверждает то, что именно Генуя, а не Венеция или Пиза, например, интенсивно развивала свою предпринимательскую деятельность на берегах Кавказа.

Ж. Эер называет восточное Причерноморье «берегом рабов». Первые указания о вывозе рабов в Геную из района Черного моря восходят еще к 1159 году, но число их было, очевидно, незначительным.

На протяжении XIII–XV вв. рабство и работорговля в самой Лигурии, Каффе, городах прибрежного Кавказа – разнохарактерное явление, несмотря на

наличие ряда общих определяющих черт. В зависимости от рынка варьировалось географическое и этническое происхождение невольников, их половозрастные характеристики. Цены непосредственно были связаны с колебаниями конъюнктуры и социально-политическими условиями, в которых протекала мировая работорговля в целом, и зависели от специфики потребностей того или иного регионального рынка. Для предпринимателя раб был таким же товаром, как зерно или ткань.

Отчеты итальянских торговцев и путешественников показывают, что рабы представляли собой значительный объект торговли для местных феодалов, а работорговля с упором на вывоз представителей собственного народа выражала специфику местной экономики и регулировалась знатью. Торговые отношения властей Каффы с феодалами Зихии, Абхазии и Мегрелии были весьма активны и непрерывны, вплоть до того, что местные феодалы поставляли рабов непосредственно на крымский рынок. В свою очередь, сами генуэзские торговцы часто закупали невольников у местных феодалов в крупных поселениях (Мапе, Суджукке, Савастополисе, Фазо Фасции, Ло Вати).

Основным источником пополнения рабовладельческих рынков были локальные межфеодалные конфликты (набеги на территории соседей) или продажа собственных зависимых крестьян, широко практиковавшаяся князьями.

В сущности, почти каждый владелец итальянского корабля, который шел с берегов Кавказа с грузом, например, строевым лесом или зерном, или купец, стремились увеличить свои барыши за счет продажи нескольких невольников, купленных недорого прямо на местах, причем эти люди не были профессиональными работорговцами.

Нельзя отрицать то, что эта сфера деятельности осуждалась современниками. Источники называют людей, занятых в работорговле, «очень неискренними и очень плохими христианами». Более того, в 1311 г. в своем меморандуме папа Клемент V настаивал на запрещении вывоза невольников из Каффы в Египет, мотивируя свой запрет стремлением уменьшить власть «неверных». Позже папское вето на работорговлю буквально следовало одно за другим, но, тем не менее, оно регулярно нарушалось «богобоязненными» генуэзскими торговцами, для которых верховным принципом всегда оставалась прибыль. Характерно, что генуэзцы торговали, несмотря на особые запреты папской курии, и крещеными рабами.

Существует историческое свидетельство того, что не гнушались торговлей «живым товаром» и католические священнослужители: латинский текст нотариального акта гласит, что «во имя господина Бога» аббат де ла Порты продал 14-летнюю лезгинку-рабыню по имени Мария (то есть уже крещеную) за 370 аспр.

Сохранившиеся торговые нотариальные акты практически всегда указывают три основных элемента сделки по купле-продаже невольника, которые

непосредственно сказывались на его цене: этническое происхождение, пол и возраст.

Цены на невольников варьировались в зависимости от торговой конъюнктуры, насыщенности рынка, физических достоинств, этнического происхождения, цвета кожи, половозрастных характеристик, профессиональных навыков и т.д.

Различие цен на мужчин и женщин – яркий показатель в истории работорговли Генуи. Женщины всегда стоили дороже мужчин. Это обстоятельство косвенно подтверждает затухающий характер рабовладельческих отношений в самой Лигурии, уже мало нуждавшейся в рабочей силе невольников. Разрыв в ценах достигал своего максимума при дефиците «товара» для пополнения «гаремов». Самыми дешевыми были мужчины старше 30 лет, считавшиеся уже не годными к тяжелой работе «изможденными стариками».

В Генуе рабы-мужчины эксплуатировались в основном только на тяжелых или опасных работах, что во многом и объясняет небольшие масштабы внутреннего невольничьего рынка сравнительно с размахом внешних работорговческих операций Лигурии, которые регулировались преимущественно с ориентацией на восточные страны. В отношении рабынь преобладали потребительские тенденции; невольницы использовались как служанки или кормилицы – во многом завуалированная форма рецидивов «гаремов» в быту богатых итальянских феодалов или купцов.

Генуэзские этические нормы препятствовали смешанным межнациональным бракам, особенно когда речь шла о создании семьи с бывшим невольником. Во многом по этим причинам, а также по национальным традициям, выходцы с кавказского побережья пользовались прочной солидарностью своих соотечественников и зачастую проживали под одной крышей, в одном квартале.

Однако, несмотря на все ограничения, сталкивающиеся культуры – генуэзская и кавказская – не могли не взаимообогащаться. В повседневной жизни Генуи слышалась иноземная речь, из тканей и мехов, вывезенных из Западного Кавказа, шилась и отделявалась одежда с элементами национального кавказского орнамента, в Лигурии распространялись имена неитальянского происхождения, предметы быта кавказских народностей.

Не претендуя на всестороннюю оценку работоргового промысла как основного типа коммерческой деятельности Генуэзской республики XIII–XV вв., мы хотели бы подчеркнуть, что работорговля резко негативно воздействовала на историческую эволюцию западнокавказских народностей. Вывозилась рабочая сила, столь нужная для развития хозяйственного базиса Западного Кавказа. Из среды обитания насильственно вырывалась молодежь, что не могло не исказить самобытные социально-этнические процессы, общественное сознание, систему ценностей и, в конечном итоге, влияло на национальные судьбы народов этого региона.

3. Начало массового исхода абазин за Кавказский хребет. В северных предгорьях Большого Кавказского хребта, по верховьям рек Большой и Малый Зеленчук, Кубань и Кума сегодня проживают абазины. История этого народа своими корнями уходит в историю средневековой Абхазии. Согласно выводам исследователей, в более древние времена абхазы и абазины составляли одну этническую группу, единый в языковом отношении коллектив, обитавший на одной территории. И в наше время абхазо-абазинские наречия остаются весьма близкими, сохранившими общность грамматического строя и основного словарного фонда, при котором достигается взаимопонимание между представителями различных диалектов.

По мнению ученых, обособление абазинской этнической группы внутри абхазского этнического массива, смена их идентичности произошли до переселения абазин на северные склоны Кавказского хребта. Они переселялись уже будучи «абаза», а не «апсуа».

Самоназвание абазин («абаза») тесно связывают с названием одного из раннесредневековых абхазских племён – абазгов. Формирование абхазо-абазинской этнической общности происходило на большой территории, включавшей современную Абхазию и прилегающие к ней восточное побережье Черного моря, вплоть до Туапсе.

Предполагалось, что предки абазин первоначально обитали по черноморскому побережью, ашхарцы – примерно от современной Гагры до Адлера или Мацесты, а тапантовцы – далее к северо-западу, где можно найти соответствие наименования абазинских феодальных родов (Лоо, Кечь, Дадыркван).

Другая, более обоснованная, гипотеза выводит предков абазин на Северный Кавказ через долины рек Мзымты, Бзыбь и Кодора, напрямую через перевалы (Псеашхо, Санчар, Марух, Клухор), с территории, издавна занимаемой абхазоязычным населением.

Абазины переселялись на северные склоны Кавказского хребта постепенно. Дольмены Закубанья свидетельствуют о проникновении туда предков абхазов и абазин еще в III–II тысячелетии до н.э. Первыми переселялись тапантовцы, затем – ашхарцы. Особенно интенсивным их проникновение было в X–XII вв. В XIII–XIV вв. началось массовое переселение абазин на Северный Кавказ. Продолжалось оно до XVII в. включительно.

Одной из причин переселения называется недостаток удобной земли, особенно пастбищных мест, когда Абхазия вступила в период экономического расцвета и резкого увеличения населения, и под пашни использовались все удобные для этого земли. Наряду с экономическими причинами переселения приводятся и политические: обезлюдение значительного пространства на Северном Кавказе в результате монгольских опустошительных нашествий, длительная кровопролитная борьба между владетельными князьями Абхазии и

Мегрелии, начавшаяся в позднем средневековье турецкая экспансия, внутренние распри и многие другие причины.

Во второй половине XV века на политической арене появилась новая грозная сила – Султанская Турция. Захватив в 1453 г. Константинополь, турки подвели черту под тысячелетним периодом владычества некогда великой Византийской империи. Началась новая эра – эра господства Султанской Турции, продолжавшаяся вплоть до XIX века, когда Российская империя пришла ей на смену.

Источники и литература

1. Картлис Цховреба (История Грузии). Тбилиси, 2013.
2. Летопись Картли. (Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая). Тбилиси, 1982.
3. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. (Перевод и комментарии Г. А. Амичба). Сухуми, 1996.
4. История и восхваление венценосцев (Перевод К. С. Кекелидзе). Тбилиси, 1954.
5. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Труды. Т. 1. Сухум, 2010.
6. Воронов Ю. Н., Кацья Р. Н. Очерки истории Абхазии. Сухум, 2017.
7. Кацья Р. Н. Итальянские колонии на черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (конец XIII – XV вв.). (Автореферат). М., 1985.
8. Маан О. В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум, 2011.

АБХАЗИЯ В XVI – XVIII вв.

1. Абхазия и султанская Турция.
  - 1.1. Экспансия османов в Абхазию и ее последствия.
  - 1.2. Распространение ислама.
2. Этнополитические процессы в Абхазии.
  - 2.1. Взаимоотношения Абхазского и Мегрельского княжеств в XVI – XVII вв. и присоединение к Абхазии междуречья Кодор – Ингур.
  - 2.2. Народонаселение, хозяйство и социальный строй Абхазии.
3. Абхазо-русские отношения во второй половине XVIII в.
4. Торгово-экономические связи Абхазии.

1. Абхазия и султанская Турция.

1.1. Экспансия османов в Абхазию и ее последствия. Проникновение турок-османов на Северо-Западный Кавказ, который, как и все Северо-Восточное Причерноморье, стал вовлеченным в сферу геополитических интересов Османской империи, началось с конца XV в. и в большей степени носило идеологический и торговый характер.

С XVI в. абхазо-османские связи принимают характер глубокого и всестороннего взаимодействия. В 1578 г. на остатках Себастополиса турки построили мощное укрепление под названием «Сухум-кале» – «Сухумская крепость», на которую в основном и распространялась власть турок в указанное время. Османы даже не составили его описание, а после 1580 г. они отозвали из Сухума свою администрацию и покинули город. Учреждение на недолгий срок османского наместничества в Сухуме свидетельствует об отсутствии в Стамбуле целенаправленной политики по отношению к региону. После упразднения бейлербейства власть в Абхазском княжестве вновь перешла к владетельным князьям из рода Чачба (Шервашидзе). Передача власти абхазским князьям после ликвидации османской администрации в конце XVI в. привела к тому, что в обмен на невмешательство во внутренние дела Абхазия облагалась данью, что может свидетельствовать об установлении «вассальной» зависимости от Порты. В 70-х гг. XVII в. абхазы прекратили выплату дани туркам.

Несмотря на все усилия, предпринятые Турцией, она не сумела обеспечить себе полного господства на абхазском побережье, и ни в XVI в., ни в последующее время так и не добилась аккуратной выплаты дани населением. Сухумская крепость, построенная как для военных нужд османо-сефевидской войны 1578–1591 гг., так и для борьбы с абхазским пиратством, на протяжении XVII в. практически утрачивает свое значение.

В самом начале XVIII в. для подчинения абхазов в условиях российского продвижения на Кавказе Турция предприняла против Абхазии крупные военные действия – как по суше, так и по морю. В результате абхазские князья, обвиненные в поддержке пиратства, были убиты. К 1723 г. туркам удалось занять Сухум, а также Поти и Анаклию. Год спустя на развалинах древнего Севастополиса ими строится крепость с четырьмя бастиями и воротами. О значимости этой крепости для османов говорит и тот факт, что с 1737 г. здесь сидел двухбунчужный паша, которому подчинялась и Анаклийская крепость. Гарнизон Сухумской крепости насчитывал 220 янычар, вооруженных пушками.

Крупные восстания абхазов, направленные против турецкого присутствия в Абхазии, происходили в 1725 и 1728 гг. Мощное выступление против османов происходило в Абхазии и в 1733 г. В 30-х гг. XVIII в., когда пашой в Сухуме был князь Асланбей Геч (Гечба), османы спровоцировали в Абхазии феодальный мятеж против владетеля Манчи (Манучара) Чачба и выслали его вместе с младшими братьями – Ширваном и Зурабом в Стамбул, где обратили их в ислам. Впоследствии турки вернули Зураба и сделали его владетелем Абхазии на условиях вассальной зависимости. Однако Зураб не стал покорным проводником османской политики в Абхазии. В 1771 г. он поднял против османов народное восстание и изгнал их из Сухума. Но в результате измены одного Чачба турки вернули Сухумскую крепость, а затем, устранив Зураба, признали владетелем Абхазии Келешбея. Остальная территория Абхазии, как и ранее, оставалась свободной, а население не платило никакой дани. По замечанию А. В. Фадеева, вследствие того, что турецкие гарнизоны терпели длительную осаду и даже покидали Сухумскую и Гагрскую крепости в результате нападений со стороны абхазов, турецкий протекторат над Абхазией фактически превращался в протекторат над Сухумом и Гагрой, и то довольно непрочный. Это еще раз подтверждает мысль о том, что турки в XVIII в. не владели всей территорией страны, одной из главных причин этого являлась происходившая в тот период постепенная консолидация сил абхазского общества для борьбы против османского присутствия в Абхазии. В самой Османской империи в тот период имели место большие беспорядки. В 1622–1623 гг. янычарами были свергнуты два султана, а также началось большое восстание Абаза-паши, установившего контроль над территорией от Эрзерума до Босфора. Важным фактором, препятствовавшим османскому контролю над побережьем Абхазии, была и деятельность ее военно-морских сил. Чтобы защитить османское побережье от нападений абхазского флота, которые были очень частыми в 60–70-х гг. XVI в., в 1571 г. султан Селим II своим указом объявил блокаду абхазских берегов Черного моря. В начале XVII в., когда морские нападения абхазов на турецкие поселения и города приняли широкий размах, они находились в союзе с донскими и днепровскими казаками, о чем в среде последних сохранились народные предания.

Безуспешные попытки со стороны турецких войск проникнуть внутрь Абхазии объясняются и природно-географическими факторами. Горно-лесистый характер страны с заболоченным побережьем и почти полное отсутствие колесных дорог препятствовали движению войск, незнакомых с местностью. К тому же Абхазия находилась в отдалении от основных турецких баз в Причерноморье.

1.2. Распространение ислама. Чтобы добиться более значимых для себя политических успехов в Абхазии, османы особое внимание уделили исламизации абхазов, главным образом представителей ее правящей элиты (другим методом политики османов на Западном Кавказе, особенно в первой трети XIX в., была система дарения «пишкешов» – подарков; часто под пишкешом понимается также дача взятки). Первоначальное распространение ислама происходило в прибрежном районе, жители которого имели длительные контакты с носителями исламской культуры, были связаны с ними общими экономическими интересами и родственными узами.

Идеологическая экспансия турок через распространение суннитского ислама в Абхазии усиливается с начала XVII в. Его внедрение происходило посредством льгот и поощрений, путем использования аталычества и семейно-брачных связей. Постепенное принятие абхазской знатью ислама было вызвано в основном меркантильными целями; это давало возможность платить меньше налогов, занять в государстве какой-либо пост, получить больше привилегий, влияния.

Исламские проповедники не запрещали абхазам (в отличие, например, от северокавказских абазин) традиционных и христианских культов, что должно было способствовать лучшему приобщению населения к исламу и мусульманской культуре. Что же касается христианской церкви, особенно на юго-востоке Абхазии, то почти весь XVI в. ее позиции продолжали оставаться прочными. В стране продолжалось церковное строительство, шли реставрационные работы, сооружались оборонительные сооружения. Но в конце 50-х гг. XVII в. позиции церкви пошатнулись, о чем свидетельствует факт перенесения престола абхазских католикосов из Пицунды в Гелати, близ Кутаиси. Уже к этому времени отдельные представители высшего сословия принимают ислам. Тем не менее, приобретение элитой абхазского общества более или менее выразительного мусульманского облика относится лишь к концу XVIII в. Но и после принятия ислама представители высшего сословия придерживались мусульманства в очень либеральной форме. Так, владетельный князь Келешбей не препятствовал крещению своего сына Сефербея (получившего христианское имя Георгий).

Настойчивые же попытки османов обратить большинство абхазов в ислам с помощью различных методов не привели к желаемому результату и они не сумели добиться духовной власти в Абхазии. Турки не учли особенностей

психологии абхазов, никогда не отводивших религии ведущего места в иерархии духовных ценностей.

2. Этнополитические процессы в Абхазии.

2.1. Взаимоотношения Абхазского и Мегрельского княжеств в XVI – XVII вв. и присоединение к Абхазии междуречья Кодор – Ингур.

В 1462 г. имеретинским царем Багратам была признана независимость Абхазии, в результате чего она стала выступать как самостоятельная политическая единица. Однако против нее продолжались военные действия со стороны мегрельских феодалов Дадиани, которые пытались взять всю территорию Абхазии под свой контроль, включив в состав своего княжества новые земли вплоть до р. Бзыбь. Для покорения Абхазии мегрельский правитель Мамия III Дадиани в 1533 г. совершил поход в Малую Абхазию (Джигети в грузинских источниках). Исход сражения решила военная помощь, оказанная джикам (садзам) абхазами во главе с Цандия Инал-ипа. В результате объединенные войска мегрелов и гурийцев были разгромлены. Дадиани и его ближайшие сторонники погибли, остальные попали в плен. С середины XVI в. мегрелы, признав над собой власть османов и получив от них существенную военную помощь (в том числе несколькими боевыми кораблями), возобновляют войну против абхазов и джигетов, которая была проиграна мегрелами в 30-х гг. того же столетия. Несмотря на помощь турок, Леван I Дадиани в 1558 г. капитулировал и уступил абхазскому владетелю ранее захваченные территории до р. Ингур. Правда, в результате продолжения военных действий и в последующем юго-восточная граница Абхазии менялась. Так, в первой половине XVII в. после удачного похода мегрелов на Абхазию политическая граница Мегрельского княжества временно была установлена в районе Анакопии (Нового Афона). В качестве контрибуции мегрелы собрали определенное количество соколов и охотничьих собак. На основании этого некоторыми авторами делался вывод о номинальной зависимости абхазов от мегрелов. Однако абхазы выплачивали дань нерегулярно (а, возможно, абхазы и вовсе не платили дань), поскольку нападения абхазов на Мегрелию продолжались, а после одного из их походов в Мегрелию было угнано 1200 чел. Но на этом основании никто не делал выводов о зависимости Мегрелии от Абхазского княжества, так как речь в данном случае шла о подати, выплаченной побежденными победителям.

На изменения политических границ и захватнические действия Мегрельского княжества в отношении абхазов свое влияние оказывала и миграция части абхазов (предков будущих абазин) на Северный Кавказ.

Вслед за переселением части абхазов на Северный Кавказ в 20-х гг. XVII в. князь Дадиани, воспользовавшись ослаблением Абхазии, относительно прочнее обосновались в ее юго-восточных регионах.

К 30–50-м гг. XVII в. Леван II Дадиани с помощью имеретинского царя и турок сумел установить границу своего княжества по нижнему течению

р. Кодор. Это достаточно четко определяется исчислением расстояния до северо-западной этнической границы Абхазии, которая в XVII в. проходила в районе мыса Кодош, близ Туапсе.

На протяжении XVII–XVIII вв. в результате продвижения на юго-восток черкесов, сопровождавшегося постепенным растворением абхазов в среде адыгов, происходило сокращение северо-западных областей расселения абхазов. Уменьшение этнических границ Абхазии происходило и по причине систематического наступления со стороны Анапы по побережью в южном направлении турок-османов.

Если на северо-западе Абхазии происходили процессы постепенного и мирного «поглощения» абхазов черкесами, то на юго-востоке страны в XVII в. продолжались агрессивные военные действия со стороны мегрелов. З. В. Анчабадзе считал, что к середине II тыс. н. э., когда мегрелы отторгли от Абхазии ее юго-восточные земли, здесь появляется постоянное мегрельское население, ассимилировавшее ту часть абхазского населения, которая здесь оставалась, а с течением времени данную территорию вплоть до р. Кодор мегрелы «сумели даже этнически освоить».

Основываясь на сообщениях Ламберти и других авторов, к тому же благожелательно расположенных к мегрелам, нельзя уверенно судить об этнодемографической ситуации на всей территории Юго-Восточной Абхазии. Эта граница временно проходила только по нижнему течению Кодора, поэтому в топонимике горной части Абжуа к югу от Кодорского хребта и до первых предгорных селений практически нет каких-либо следов проживания мегрелов (мегрельские названия фиксируются лишь в приморской полосе). А это указывает на наличие в предгорных районах страны (куда Ламберти вовсе не добирался) абхазского населения и на то, что в предгорной и горной частях этническая и политическая граница Абхазии достигала р. Ингур. Именно в этих частях Юго-Восточной Абхазии с рубежа н. э. проживала и сохранилась основная масса абхазского населения.

Мегрельский правитель Леван II Дадиани после вступления на престол в 1611 г. женится на дочери владетеля Абхазии Путо Чачба – Танурии. Но в 1622 г. он развелся с абхазской княжной, обвинив ее в «супружеской неверности». Причиной стало его желание вступить в брачную связь со своей теткой, женой дяди. Первой жене он изуродовал лицо и выгнал со двора. Зная о том, что абхазский владетель будет ему мстить, Леван первым напал на Абхазию во главе большого войска. Не ожидавший нападения Путо, не сумев оказать сопротивления, был вынужден уйти в горы и скрыться в Мчыштинском скальном замке. Подвергнув Абхазию жестокому опустошению, Леван вернулся обратно и женился на своей родственнице. В отношении самого Левана был организован заговор с целью его убийства, в котором основным исполнителем был один абхаз. Но тот остался жив. После этого, как считают, Леван второй

раз напал на Абхазию (хотя источники этих данных не подтверждают) и привел Путо Чачба к формальному изъявлению покорности в виде дани определенным количеством соколов и охотничьих собак.

После смерти Левана II и осложнения положения в Мегрелии в середине XVII в. абхазы возобновили войну против нее. В 70-х гг. XVII в. абхазы осуществили ряд успешных военных действий на отторгнутые от Абхазии земли. Уже в 80-х гг. XVII в. в результате напряженной борьбы с мегрельскими и имеретинскими правителями, к Абхазии окончательно была присоединена территория между реками Кодор и Ингур.

С целью подкрепления политических позиций абхазских владетелей в Юго-Восточной Абхазии они начали переселять представителей абхазского дворянства из Бзыбской Абхазии. К ним принадлежали фамилии Анчабадзе, Эмухвари, Иналишвили, Маргания, Званбая, Лакербая и Акиртава. Утверждение в горных долинах Абхазии князей Маршьан со своими военными отрядами также способствовало вытеснению оттуда какой-то части абхазоязычного населения в юго-восточные области Абхазии (род Аджинджал перемещается в Абжуйскую Абхазию из Псху, род Аджапуга – из Цабала, сами Маршьаны выкупили Джгярдскую общину за 10500 р. серебром у абжуйского феодала Ачба и т. д.).

Среди историков существует мнение, что в период почти тридцатилетней войны между Мегрельским и Абхазским княжествами (1628–1666 гг.) мегрелами была сооружена Великая Абхазская (Келасурская) оборонительная стена для защиты от абхазов протяженностью около 100 км. Но политическая граница Мегрелии доходила только до нижнего течения р. Кодор, а стена начинается у устья р. Келасур. Кроме того, у мегрелов не было возможности построить стену на территории соседнего княжества в период, когда между ними и абхазами шли военные действия. Согласно данным археолога Г. В. Требелевой (по раскопкам 2013–2015 гг.), Великая абхазская стена была возведена абхазами (апсилами) в раннесредневековое время для охраны своей территории от набегов с гор. Часть башен этой стены, расположенных вдоль предгорий, могла в более позднее время служить и в качестве почтово-курьерских перевальных пунктов, расположенных вдоль дороги, связывающей восток с западом, ибо современной прибрежной дороги в те времена не существовало.

2.2. Народонаселение, хозяйство и социальный строй Абхазии. В XVI – XVIII вв. абхазы являлись народом довольно многочисленным. По утверждению З. Чичинадзе, в середине XVII в. абхазов было 600 тыс. чел., а в 70-х гг. XVIII в. – 400 тыс. (перенаселенностью Абхазии объясняется и происшедшая в этот период миграция части абхазов на Северный Кавказ). Абхазы располагали и значительными хозяйственными возможностями. Они разводили множество крупного и мелкого рогатого скота, занимались земледелием,

пчеловодством, ремесленным производством, судоходством и др. Абхазские феодалы, в том числе и владельцы, для извлечения высокой прибыли стали проявлять стремление специализировать крестьян на определенных ремеслах. Вследствие этого появились семьи, занимавшиеся в основном только одним видом промысла (охотой, кузнечеством, слесарным делом и др.).

Социальные отношения в Абхазии в XVI–XVIII вв. характеризовались тем, что в обществе не было крепостной зависимости, на что указывает и функционирование в обществе института аталычества. Отношения между разными сословиями носили характер взаимовыручки и поддержки в тяжелые жизненные периоды. Пофамильные поселения абхазов позволяли объединяться в целях безопасности и коллективной организации труда в сезон больших работ, что также исключало закрепощение крестьян в какой-либо форме.

Основная же причина компактного расселения представителей одной фамилии заключалась в политически децентрализованном строе Абхазского княжества, слабости владетельной власти и систематических феодальных междоусобицах.

3. Абхазо-русские отношения во второй половине XVIII в.

В самом конце XVII в. (1696 г.) в результате успешных походов русской армии турки потеряли Азовскую крепость. На повестке дня уже стояли появление русского флота в Черном море и ликвидация господства османов. Эти антитурецкие планы России внушили определенные надежды и правителям Абхазии, которые, воспользовавшись сложившейся ситуацией, напали на турецких купцов. В 70-х гг. XVIII в. некоторые абхазские правители в условиях феодальной раздробленности страны, нападения турок-османов непосредственно добивались покровительства России над Абхазией, чем складывалась благоприятная обстановка для расширения русского влияния на регион. Так, владетель Самырзакана Леван Чачба в 1770 г. вёл переговоры о принятии Абхазии под покровительство России с командующим русского экспедиционного корпуса генералом Г. Тотлебенем, который согласился на предложение Левана, и между ними начались переговоры об условиях, приемлемых для обеих сторон. Но переговоры были прерваны, по одной из точек зрения, той частью абхазской знати, которая поддерживала сторону турок-османов, в результате чего их представители «напали на табун гусарский и карабинерный» и отогнали большую часть лошадей. По мнению И. Г. Антелава и Г. А. Дзидзария, указанные переговоры не привели к желаемым результатам по вине Тотлебена. Леван принимал участие и в осаде Потийской крепости в 1771 г., организованной русским экспедиционным корпусом под командованием генерала А. Сухотина. В донесении русского чрезвычайного посланника в Константинополе Я. Булгакова на имя Екатерины II от 1 (12) августа 1775 г. сообщалось, что абхазы, «не повинующиеся Порте», просят прислать корпус войск. И в период второй русско-турецкой войны (1787–1791), в марте 1789 г., когда в

Сухум прибыл турецкий военачальник и анапский сераскир Батал-паша (посланный для овладения Южной Россией и Крымом), в Абхазии он, по мнению некоторых авторов, не получил предполагавшейся поддержки в борьбе с Россией. Правда, Келешбей в том же году направил в Анапу из Сухума 10 кораблей. В 80-х гг. XVIII в. католикос Абхазии Максим II (Абашидзе) совместно с новым послом Имеретии в Петербурге В. Габашвили (Бесики) также добивался ввода российских войск в Абхазию и освобождения как самой Абхазии, так и Западной Грузии от турок и их вступления под российское покровительство. Однако эта цель не была достигнута (прорусское настроение было и у владельца Абхазии Келешбея, тоже обращавшегося к русскому правительству за помощью). Российские военно-политические интересы в Абхазии заключались в недопущении связей Турции с Северным Кавказом. Политика России проводилась на фоне ее активной борьбы с процветавшей в Причерноморье работорговлей (Россия боролась против работорговли на Кавказе, поскольку в системе российского государственного устройства официально не существовало рабства). К тому же царизм признавал Абхазию как независимое владетельское княжество, а борьба с работорговлей способствовала расположению местного населения к России.

4. Торгово-экономические связи Абхазии.

В указанные периоды истории внешняя торговля имела для Абхазского княжества первостепенное значение. Хорошо понимая это, турецкие власти для подчинения Абхазии (в том числе для того, чтобы положить конец нападением абхазов на османские суда, идущие из Кафы в Трабзон) в первой половине XVII в. блокировали побережье своим флотом, чтобы не допустить сюда подвоза соли, железа и других необходимых товаров. Обремененные экономической блокадой, правители Абхазии вынуждены были искать выход из тяжелого положения из-за уплаты дани, размеры которой не были постоянными и колебались в зависимости от обстановки. Абхазы отправляли туркам ежегодно до 800 аршин полотна и от 30 до 40 рабов.

В XVI в. основными товарами, вывозившимися из Абхазии, были рис, шелк и рабы, а в XVII в. из Польши ввозили янтарь и различные янтарные изделия, а также дорогие западноевропейские сукна, тонкие полотна, огнестрельное оружие, металлические изделия. На территории Абхазии было выявлено сравнительно большое количество польских монет. Это монеты Сигизмунта III Вазы (1566–1632), как одиночные, так и кладами, и Яна Собесского (1629–1686). Одна монета последнего находится в фондах Абгосмузея, а другие – в частных коллекциях.

Среди экспортных товаров Абхазии особенно ценились охотничьи птицы, которые в XVII в. попадали даже к берегам далекого Инда. Из предметов вывоза из Абхазии нужно называть «прекрасные нитки для выделки полотна». Заволжские татары приобретали у абхазов оружие.

Более значительных размеров во второй половине XVII – первой половине XVIII в., по сравнению со всеми предшествующими веками, достигла торговля пленными. В эти периоды продажа пленных стала основной статьей экспорта из Абхазии. К основным причинам увеличения торговли пленными следует отнести абхазо-мегрельские феодальные войны, дававшие дополнительный стимул к работорговле.

Согласно одному из наиболее компетентных авторов в области пленопродавства А. М. Киласония, в XVII в. из Западной Грузии и Абхазии ежегодно вывозилось от 4 до 7–8 тыс. чел.

О степени развитости международной торговли на побережье Абхазии можно судить по наличию так называемой торговой пошлины и ее взиманию. В XVI–XVIII вв. в Скурче, Маркуле (на р. Мыку) и Анаклии существовали таможи, где имелись специальные «чиновники» (корабельный писарь или секретарь), которые после прибытия иностранного судна направлялись к нему, поднимались на борт и производили опись корабельного груза. На основании этой описи за стоянку корабля в прибрежных водах взимался «корабельный сбор», состоявший из строго определенной части привезенного груза. Когда на корабле не было импортных товаров и на него грузили только местную продукцию, полагалось платить только по 80 руб. турецких денег. Пошлина за ввоз товаров в Абхазию и их вывоз по морю в позднем Средневековье составляла около 2 % их стоимости. Пошлина присваивалась верховной властью, но в XVII–XVIII вв. часть сбора шла в пользу церкви.

Таможенной пошлиной облагались и торговые караваны, шедшие с Северного Кавказа через Клухорский перевал к абхазскому побережью. Об этом говорит название старинного пункта у Южного приюта в Кодорском ущелье – «абхазская таможня».

Основной формой торговых отношений абхазов был простой товарообмен. Это было следствием наличия в стране натурального типа производства, не предполагавшего интенсивного денежного обращения (для сравнения, в странах Западной Европы вплоть до Нового времени товар также преимущественно менялся на товар, и лишь в небольшой степени на деньги). Но находки во многих пунктах Абхазии турецких и европейских монет говорят о наличии в стране и денежного обращения.

Деньги главным образом употреблялись при торговле рабами. Цены на рабов в зависимости от целей, для которых они предназначались, зависели от пола, красоты, стройности, способности, физической силы и здоровья, колеблясь от 15 (стоимость взрослых мужчин 25–40 лет) до 3–4 (дети и подростки) руб. золотом. Подросток 10–12 лет в 5–6 четвертей (абх. «худза-фыдза») на всем побережье Абхазии служил мерилем стоимости. Один «худза-фыдза» приравнивался по стоимости одной верховой лошади или 10–15 быкам.

Ввиду того, что торговля на абхазском побережье Черного моря была весьма опасна из-за морского разбоя, торговые сделки в XVI–XVIII вв. заключались в сложной обстановке, а сама береговая торговля была связана с риском вооруженного нападения. Мир и порядок в пределах рыночной площади вплоть до середины XIX в. обеспечивали специальные военные отряды.

Основные торговые операции совершались и на борту кораблей. В случае если торговля происходила на берегу, для полной ее безопасности и гарантии продавцы и покупатель обменивались заложниками, которые до конца торговых операций содержались на судне. Приставая к берегу, необходимо было обратиться и к покровительству местного владельца. После окончания торгов нужно было немедленно выйти в открытое море, подальше от берега, так как пираты могли взять судно на abordаж. Все капитаны торговых судов обязывались, прежде чем проходить мимо абхазского побережья, зайти в Анапу, чтобы получить лоцманов и охрану их боевых судов от нападений со стороны абхазов.

Кроме того, купцы, прибывавшие из Кафы и Трабзона в торговые стоянки Абхазии, должны были иметь при себе соответствующий фирман на торговлю в этих краях. Из-за нападений пиратов на торговые суда турки устанавливали ограничения на торговлю в Сухумской гавани. Если в конце XVI в. османы устанавливали ограничения на продажу, то в XVIII в. Османская империя установила экономическое эмбарго с формулировкой: «Запретить въезд кораблей в вилайет Абаза, запретить продажу местному населению соли и других продуктов питания». Таким образом, берег Черного моря от крепости Фаши (Поти) до Сухума был закрыт для торговых кораблей. Однако эти запреты зачастую не были эффективны. Побывавший на Западном Кавказе во второй половине XVIII в. австрийский купец Клеман отмечал опасность путешествия по побережью региона. Для проезда на эту территорию был необходим паспорт.

Активными участниками экономической деятельности являлись христианские епархии, которые выступали в определенной степени регуляторами рынка. Ярмарочная торговля, как наиболее распространенная форма средневековой международной торговли, осуществлялась в пользовавшихся широкой известностью храмах Абхазии – Ельире, Мыку, Цкыбыне (Дранда), Пицунде. Церкви имели в составе своих владений рыночные места, что говорит о богатстве крупных монастырей, лидировавших во внутренней торговле. Несмотря на ограничения в хозяйственной деятельности, которую они испытывали в связи с внедрением ислама, монастыри вели и внешнюю морскую торговлю на кораблях, если и не на собственных, то на арендованных, для перевозки грузов (леса, зерна и др.), за которые платили как деньгами, так и скотом.

Западноевропейские купцы подробно останавливаются на абхазском меде, отмечая его исключительные качества. Его экспорт значительно увеличился в XVIII в. Среди предметов внешней торговли Абхазии следует выделить лен и льняную пряжу. Изучение материалов по одежде абхазов показало, что при по-

средстве береговой торговли в среду местного населения проникли восточные и европейские ткани, оказавшие влияние на декор узорных тканей абхазов.

Запреты турецких властей на въезд купцов Западной Европы из Константинополя в сторону Северо-Западного Кавказа в значительной степени подрывали торговлю абхазов. Тем не менее, и в периоды общего спада торговых связей абхазов отдельные территориальные общины продолжали активно заниматься торговлей, что отражало их личную активность и инициативу. Так, большинство жителей многочисленного общества Арт (абхазо-садзский род Арыдба, живший в районе современного Адлера) были торговцами.

Особенно садзы торговали «пушным товаром», который был одной из важнейших статей их вывоза вплоть до середины XIX в. Это указывает на то, что экономическое благосостояние различных абхазских этнотерриториальных групп не было одинаковым и даже в периоды спада и турецкой монополии внешней торговли наличествовали преуспевавшие экономически общины. Следовательно, истинный уровень материального благосостояния некоторых территориальных общин абхазов в позднефеодальный период был значительно выше, чем это представлялось ранее.

В XVII–XVIII вв. одну из важных статей импорта Абхазии составляли медь, железо в брусках (полосах), оружие и порох. На начальном этапе, когда огнестрельное оружие еще было редким, одно ружье оценивалась почти в двести голов овец.

К абхазскому побережью торговые суда под турецким флагом доставляли рыболовные крючки, щиты, пики, стрелы, луки, ножи, мечи, ковры, одеяла, холсты, шали, шелка, седла, сбруи, котлы, иголки разных сортов, табак, кофе, соленую и копченую рыбу, икру, ладан, сахар. В Абхазию ввозили соль (из Крыма), вино (из Синопа, Триполи и некоторых других мест), выделанные кожаные изделия, железные и медные скобяные изделия, а также в небольшом количестве сукно и мыло (ввоз мыла был ограничен, так как абхазы больше пользовались мылом собственного приготовления – асапын). Корабли привозили в Абхазию большое количество какао, индиго, кошениль и другие красители, золотые и серебряные нити и чистое золото. Через Кафу к берегам Абхазии направлялись металлические изделия из Богемии и Германии, из Болгарии – казанлыкское розовое масло и ямбольские ткани, каирские полотна и др. О выгодах торговли с абхазами можно было судить по самшиту, продаваемому в Константинополе в 12 раз дороже, чем приобреталось на месте.

В XVII–XVIII вв., несмотря на влияние мусульманства, абхазы разводили для продажи много свиней, причем они были крайне дешевы. С берегов Абхазии в незначительном количестве вывозилась и серебрясвинцовая руда, а к концу XVIII в. из Юго-Восточной Абхазии начался вывоз кукурузы, экспорт которой стал увеличиваться из года в год. Крупной статьёй вывоза из Абхазии была, наконец, ценная древесина (самшит, тис, пихта и др.), на которую большой спрос

был всегда. Бамборский рынок еще со времен генуэзцев назывался «Саво де Вихо», то есть «Самшитовый карьер». Не менее значимым центром вывоза самшита была и Очамчыра, на что указывает этимология топонима, происходящая от турецкого «Чамчир» («пальма, самшит»). Самшитовое дерево, доставляемое к берегу жителями горных сел, обменивалось по цене пуд дерева за пуд соли.

Правители Абхазии Чачба по мере развития берегового обмена накопили большие богатства на работоторговле, на торговле самшитом и пушниной. Береговые базары к концу XVIII в. давали им ежегодный доход в виде пошлин и сборов свыше 2 000 рублей серебром. Владетели первые пользовались лучшими товарами, запасаясь оружием, золотом и другими драгоценностями. Береговая торговля в значительной степени способствовала укреплению экономической мощи и усилению политического авторитета владетельных князей Абхазии. Принося вообще абхазской знати большую прибыль, торговля послужила дополнительным стимулом к освобождению Юго-Восточной Абхазии из-под власти мегрельских феодалов и утверждению в 80-х гг. XVII в. политической границы между абхазами и мегрелами по р. Ингур.

Литература

1. Агрба Р. О. Абхазия и Высокая Порта // Абхазоведение. Вып. I. Сухум, 2000.
2. Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков. Сухуми, 1949.
3. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959.
4. Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. Сухум, 1991.
5. Киласония А. М. Пленопродавство в Западной Грузии в XVI – первой половине XIX в. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Тбилиси, 1985.
6. Маан О. В. Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии (VI в. до н. э. – 70-е гг. XIX в.). Сухум, 2012.
7. Трелелева Г. В. Великая Абхазская (Келасурская) стена: результаты исследования. М., 2019.
8. Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. Сухум, 1934.
9. Хибба Р. А. Вопросы политической и социально-экономической истории Абхазии XVI – XVIII вв. Сухум, 2014.
10. Хотелашвили-Инал-Ипа М. К. История и этнография Абхазии. Сборник научных статей. Сухум, 2019.
11. Чедия А. Р. Западный Кавказ в Черноморской политике Османской империи в XVII – первой четверти XIX в. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2019.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АБХАЗСКОГО КНЯЖЕСТВА К РОССИИ

1. Социально-экономическое и политическое положение Абхазии в конце XVIII – начале XIX в.
2. Внутренняя и внешняя политика Келешбея Чачба (Шервашидзе).
3. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и позиция Абхазии.
4. Убийство Келешбея. Два взгляда на это событие.
5. Манифест Александра I от 17 февраля 1810 г.

1. Социально-экономическое и политическое положение Абхазии в конце XVIII – начале XIX в. Границы Абхазского княжества к началу XIX в. проходили в основном по р. Ингур на востоке, Главному Кавказскому хребту на севере и Гагрским теснинам на западе. Политические границы и административное деление не совпадали с этническими границами расселения абхазов, бывшими значительно шире.

До 1864 г. территорию до Хосты населяли садзы (асадзуаа, асадзкуа), или джигеты, принадлежавшие к абхазской этнической группе.

К началу XIX в. Абхазское княжество делилось на Бзыбь (совр. Гудаутский район), Абжиуа (совр. Очамчирский район), Гума (прибрежная часть совр. Сухумского и Гулрыпшского районов), Самырзакан (совр. Галский район), Дал-Цабал (Цебельда). Особое положение занимала территория современного Гагрского и частично Адлерского районов, населенная садзами (джигетами), а также общество Псху, расположенное в верховьях р. Бзыби. Каждая из этих административных единиц делилась на отдельные сёла – акыта, которые совпадали с понятием общины, состоявшей из нескольких посёлков. Резиденцией абхазского владетельного князя с конца XVIII века и до 1808 г. являлся Сухум, или Акуа (Акэа), куда её из с. Лыхны перенёс владетельный князь Келешбей Чачба (Шервашидзе).

Основным занятием населения Абхазии в изучаемый период, как и в предыдущие столетия, было земледелие. Оно имело ведущее значение на побережье и в плодородных речных долинах, т.е. на основной части населенной территории Абхазии. В горных районах страны преобладало скотоводство. Пчеловодство, плодоводство, охота, ремесло, виноградарство и виноделие, торговля и некоторые другие отрасли, хотя и играли существенную роль, занимали подчинённое положение.

На протяжении XVI–XVIII вв. султанская Турция стремилась установить своё окончательное господство на Кавказском побережье Чёрного моря. Абха-

зия представляла для неё особый интерес. Чтобы полностью отуречить абхазский народ, навязать им идею рабской покорности султану, сюда присылали мулл, дервишей (монахов) и других фанатично настроенных людей.

Абхазский народ поднимался на борьбу против турок, изгонял их, но им удавалось вновь возвращаться. Феодалные междоусобицы, раздиравшие страну, ослабляли власть владетельного князя, мешали абхазам выступить единодушно против общего врага.

Искушенные в политических интригах, турецкие агенты использовали внутренние противоречия, разрушали единство владетельной семьи, натравляли их друг против друга.

В середине XVIII в. путём спровоцированного восстания был свергнут Манучар Чачба, мечтавший о независимости Абхазии. Сухумский паша выслал в Турцию Манучара вместе с братьями Ширваном и Зурабом, позже Зурабу удалось пробраться в Мегрелию, а затем в Абхазию и стать ее владетелем.

В период пребывания в ссылке князей Чачба в Абхазии усиливаются эшерские князья Дзяпш-ипа, которые заняли окрестности Сухума и присвоили себе различные административные доходы владетеля Абхазии. Зураб, не имея возможности бороться с этой фамилией, вынужден был сохранять с ними дружественные отношения. Он женил на княжне Дзяпш-пха своего племянника Келешбея, сына Манучара. Имея поддержку сильного феодалного рода, Зураб в 1771 г. поднял восстание и прогнал турок. Но вскоре туркам удалось посредством подкупа Левана золотом (за 20 турецких мешков, или 24 тыс. франков) вернуть Сухумскую крепость.

2. Внутренняя и внешняя политика Келешбея Чачба (Шервашидзе).

Турков не устраивал Зураб Чачба. Они считали, что их требованиям больше соответствует Келешбей – сын Манучара и племянник Зураба. В 80-х годах XVIII в. турецкий султан устранил Зураба и признал владетелем Абхазии Келешбея. Сын Манучара был достойным продолжателем традиций своего отца и дяди – мечтал о свободе и независимости Абхазии.

Среди абхазских владетелей Келешбей был наиболее выдающимся. Это был энергичный, от природы одаренный умом и предприимчивостью, самостоятельно действовавший правитель, имя которого было широко известно за пределами Кавказа. Высокого роста, крепкий, с резкими чертами лица и красноватыми жесткими волосами, он заметно выделялся среди окружающих и приковывал внимание своих современников.

Павел Каменский в повести «Келешбей» в 1837 г. писал: «Келешбей, назначенный судьбою хотя на временное преобразование, возвеличение своего края, был одарен от природы всеми способностями, необходимыми для совершения исполинского подвига: его чело было означено печатью великого, прозорливый ум, твердость воли, иногда доходившей даже до упрямства, сила души и тела прорывались в каждом его поступке; спокойный, снисходитель-

ный, даже кроткий до времени, как вообще человек, сознающий свое превосходство во всем и над всем его окружающим. Он был подобен величавой реке, тихо, мерно катящей свои волны; но горе тому, кто задумал бы нарушить, остановить ее спокойное течение: в один миг она делается стремительным потоком, является демоном-разрушителем, губит, расторгает препоны; нет препятствия, нет преграды – все летит вдребезги под истребительными ее порывами. Таков был Келешбей, когда задумывал кто-нибудь мешать ему в исполнении его воли, его высоких, благородных помыслов...».

Абхазия представляла собой территорию, раздробленную на целый ряд почти независимых феодальных владений со своими владельцами. Келешбей поставил цель укрепить центральную власть и превратить их в простых вассалов.

Семен Броневский писал, что имея до 10 000 вооруженных абхазов, Келешбей для достижения собственных планов демонстрировал дружбу с султаном, даже называл свои войска турецкими. В этот период владелец построил в Сухуме 70-пушечный корабль, который подарил султану. Руководствуясь желанием создать централизованное княжество, Келешбей выступил против наиболее опасных для его власти феодалов.

Келешбей заставил подчиниться атарского владельца Бекирбея Чачба (дворянский брат), цабальских князей Маршания, эшерских феодалов Дзяпш-ипа, развелся со своей женой княжной Дзяпш-пха, брак с которой был заключен по политическим мотивам, и женился на крестьянке по фамилии Лейба из села Мгудзырхуа.

Воспользовавшись распрями во владетельном доме, самурзаканские князья приобрели автономию (ею управляли представители особой ветви фамилии Чачба), но вскоре сами попали в зависимость от мегрельских князей Дадиани.

В 1799 г. Келешбей двинул войска в столицу Мегрелии Зугдиди, вернул Самурзакан, захватил крепость Анаклию за р. Ингур, а также взял в заложники для обеспечения мира сына Григория Дадиани, наследника мегрельского престола Левана. Управлять Анаклией Келешбей назначил Махмед-бея.

Так, при поддержке турок Келешбей сумел сосредоточить всю власть в Абхазском княжестве в своих руках и перенес свою резиденцию из Лыхны в Сухум-Кале.

Авторитет Келешбея возвысился не только в глазах абхазских феодалов, но и в глазах царей и владельцев соседних царств и княжеств, пишет Г. А. Дзидзария.

Келешбей опирался на мелкое дворянство и крестьян «анхафы-цкба», каждый из которых был вооружен ружьем, шашкою и пистолетом. Постоянная стража состояла из 500 ратников. А в случае военной угрозы Келешбей в считанные часы выставлял хорошо вооруженное 25-тысячное войско с артиллерией, конницей и даже флотом. До 600 военных галер владельца постоянно

крейсировали вдоль Черноморского побережья, от Батума до Анапы. Комендантами крепостей Поти и Батум были его племянники-однофамильцы.

Влияние Келешбея было настолько высоко, что соседние владельцы обращались к нему за помощью. Так, владелец Мегрелии Григорий Дадиани обратился за помощью к абхазскому владельцу с просьбой оградить его от посягательств имеретинского царя Соломона II. Келешбей, хотя сам был не прочь завладеть Мегрелией, заставил имеретинского царя дать слово, что не тронет Григория Дадиани, который заслужил благосклонность абхазского владельца.

Оказавшись между двумя соседями, стремившимися захватить Мегрельское княжество (имеретинский царь Соломон II и абхазский владелец Келешбей), Григорий Дадиани в декабре 1803 г. принимает русское подданство. С этого момента Мегрелия оказывается на стороне российской политики в крае. Но слабовольный Григорий Дадиани на эту роль не подходил. Русское командование обратило внимание на энергичную и властолюбивую его жену Нину, которую Цицианов в письме Литвинову в ноябре 1804 г. назвал «великой интриганкой».

24 октября 1804 г. в Зугдиди скоропостижно умер Григорий Дадиани. По свидетельству его личного лекаря Патера Николо владелец Мегрелии был отравлен жареной курицей, заправленной ядом, а после того как ему стало плохо, дали пилюли, наполненные опиумом. Все это было устроено женой Григория Ниной.

Наследник Григория Дадиани, малолетний его сын Леван, рескриптом императора Александра I, был объявлен владельцем Мегрелии. Но Леван находился в заложниках у Келешбея. Наместник Кавказа князь Цицианов несколько раз предлагал Келешбею возвратить наследника. Келешбей некоторое время уклонялся от прямого ответа, а затем потребовал за Левана выкуп 1820 руб. серебром и в качестве заложника его брата. Дерзость Келешбея привела к военной акции русских войск – в марте 1805 г. в Редут-Кале был высажен десант. Генерал Рыкгоф с тремя ротами и мегрельским ополчением переправились через реку Ингур. В ответ на его жесткие действия абхазские князья были вынуждены на четвертый день похода представить восемь заложников. 28 марта 1805 г. генерал Рыкгоф занял крепость Анаклию. В результате переговоров Келешбей вернул 2 апреля 1805 г. Левана, который до совершеннолетия был формальным владельцем Мегрелии, а действительной правительницей была его мать Нина Дадиани. В обмен на Левана абхазскому владельцу возвратили крепость Анаклию, о чем генерал Рыкгоф сообщил в письме Келешбею. Крепость считалась принадлежащей Келешбею, но состояла в зависимости от Турции, там стоял турецкий гарнизон. Осложнения во взаимоотношениях России с Турцией могли иметь серьезные последствия. Так, Келешбей не только не был наказан заслушание, но даже получил 1000 руб. за убытки, понесенные им во время взятия крепости Анаклии. В этот период абхазский

владелец пытался наладить связи с наполеоновской Францией и вел даже переписку с ее знаменитым министром иностранных дел Талейраном.

Русское правительство, чувствуя непрочность своего положения в Грузии, пока старалось «не замечать» соседнюю Абхазию, боясь вызвать дипломатические осложнения с Турцией, под протекторатом которой формально находилась Абхазия.

Еще в 1770 г. владелец Самурзакана Леван, желая предохранить Абхазию от дальнейшего усиления агрессии султанской Турции, вел переговоры с начальником русского отряда генералом графом Тотлебенем, направленным в Грузию Екатериной II, о принятии Абхазии под российское покровительство. Но переговоры не привели к определенному результату, так как Тотлебен в это время был отозван.

Келешбей ещё в 1803 г. сделал первый шаг к сближению с Россией, надеясь на то, что военное присутствие России в Закавказье будет временным.

30 июня 1803 г. князь Цицианов писал Григорию Дадзиани: «Дворяне Квинихидзе объявили мне, что якобы Келеш-бей Шервашидзе, абхазский владелец, ищет покровительства всероссийского престола, желая войти на вечные времена со всем владением своим в подданство в.и.в., моему государю, и что будто он никак не зависел от блистательной Порты Оттоманской и якобы упомянутый Келеш-бек просит в св. употребить ваше ко мне по предмету сему посредство».

3. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и позиция Абхазии. Владелец боялся потерять свою независимость и хотел при помощи России избавиться от протектората Турции. Россия не решалась вступить с Келешбеем в официальные сношения, т.к. не хотела нарушать мира с Турцией. Так, графу Гудовичу было предложено только «при первом известии о разрыве с турками» объявить Келешбею об официальном принятии в подданство России.

Турецкий султан, узнав планы владельца, резко изменяет свое отношение к нему, что заставляет царскую Россию насторожиться. Келешбей был лишен жалованья, которое получали абхазские владельцы от Турции.

В момент, когда Келешбей окончательно решил порвать с султанской Турцией и искал лишь формальный повод, в конце марта 1806 г. к нему явился опальный турецкий феодал, который решил стать под защиту России, – трапезундский паша Таяр-паша, обвиненный в государственной измене против султана. Он начал переговоры с русским правительством, предлагая свои услуги в деле принятия абхазским владельцем российского подданства и приобретения Россией всего Черноморского побережья Кавказа. В Сухум прибыл турецкий чиновник с требованием султана отсечь голову мятежному паше. За выполнение приказа обещали пожаловать владельца в визири, сыновей сделать беками и отдать имение Таяр-паши.

В противном случае грозила война. Некоторым абхазским феодалам предложили уговорить Келешбея выполнить требование султана. Келешбей не

только предоставил Таяр-паше убежище, но и дал возможность бежать в Россию. В Константинополе было официально объявлено о решении правительства отправить в Сухум флотилию и сухопутные войска.

Келешбей обратился за помощью к русскому командованию. Русский чрезвычайный посланник в Константинополе Италинский потребовал у турецкого правительства объяснить цель выхода военной флотилии в Черное море. Было оказано препятствие выступлению ахалцихского пашы и начальника Потийской крепости. Император одобрил мероприятия своих чиновников.

Против непокорного вассала турецкий султан отправил в Сухум турецкий флот из трех военных кораблей и восьми гребных судов для его наказания. Келешбей надеялся на помощь России, но, поняв, что она умышленно медлит, решил принять бой. Владелец обратился к народу с призывом защитить родину от интервентов. На его зов собралось 25 тысяч вооруженных абхазов. Султанская эскадра, прибывшая в Сухум 25 июля 1806 г., была вынуждена вернуться обратно, не приняв боя.

«Это счастливое событие окружило имя Келешбея ореолом героя и еще больше подняло его авторитет. Почти год он управлял независимой Абхазией и заметно охладил к России, вследствие чего царские генералы даже заподозрили его в «измене»... 1806 г. был апогеем славы Келешбея...» – отмечал Г. Дзидзария.

После принятия русского подданства Картло-Кахетинским царством в 1801 г., Мегрелии – в 1803 г. и Имеретии – в 1804 г. царские дипломаты начинают переговоры с владельцем Абхазии Келешбеем Чачба.

Россия была заинтересована в Абхазии, завладев которой, она могла с юго-запада вплотную подойти к горским племенам, находившимся под влиянием султанской Турции и закрывавшим доступ к морю. Контроль над Абхазией позволил бы отрезать горские народы от сообщения с турками, а самих горцев держать в покорности. Царизм хотел превратить Абхазию в плацдарм для расширения своих владений на Западном Кавказе.

Г. Дзидзария писал: «Если Кавказ в целом нужен был царизму как форпост в борьбе с шахским Ираном и султанской Турцией, то Абхазия, в частности, нужна была ему как опорный пункт на Восточном берегу Черного моря».

Главнокомандующий в Грузии граф Гудович незадолго до захвата Сухум-Кале писал: «Главнейшие выгоды, представляющиеся от приобретения Абхазии под Всероссийскую державу, состоят в том, что тогда лучшие приморские места Черного моря, богатые корабельным лесом, приобретутся под власть России; что восстановится безвозбранное сообщение с Крымом и что, наконец, мы будем иметь в своей власти две крепости – Анакру и Сухум-Кале, следовательно тогда с сей стороны Мингрелия будет совершенно обеспечена». Граф Гудович рассматривал Абхазию не только как стратегически выгодный регион, он указывал и на экономические выгоды.

Для России владение Сухумом в первую очередь представляло большой интерес. Крепость Сухум-Кале должна была стать исходной точкой для колониальной экспансии России. На месте развалин крепости римского города Севастополя турки восстановили в 1578 г. крепость Сухум-Кале, в которой находилась резиденция паши.

По словам Раевского, Сухум – «прекрасный и единственный порт для торговли Западной России с Закавказским краем, Персией и восточной частью азиатской Турции». После проведения хорошей дороги через перевал и вдоль Черноморского побережья Сухум должен был стать большим торговым центром.

В 1858 г., почти через полвека после захвата Сухум-Кале, начальник войск в Абхазии генерал-майор Лорис-Меликов писал: «Необходимость и важность прочного занятия Абхазии, имеющей единственный хороший порт на восточном берегу Черного моря, – страны, которая, признавая власть России, должна бы служить основанием для распространения нашего владычества по всему восточному берегу, конечно, не может подлежать какому бы ни было сомнению».

Таким образом, переход Абхазии с Сухумом под протекторат России представлял большой политический и экономический интерес для русского царизма.

Не имея возможности наказать непокорного владельца Абхазии, Турция стала плести интриги внутри владетельской семьи. Не без участия Турции состоялся обширный заговор, организаторами которого были князь Дзяпш-ипа и другие представители местной феодальной знати, недовольные самовластием владетеля и желавшие сохранить феодальную раздробленность страны. В заговоре участвовал старший сын Келешбея Асланбей, племянник Дзяпш-ипа. Заговор был своевременно раскрыт. Келешбей под видом примирительного угощения призвал в Сухум трех братьев Дзяпш-ипа и, когда они доверчиво явились, приказал умертвить их. Остальные члены этой фамилии бежали в Цабал.

Этот факт еще раз подтвердил необходимость принятия подданства России. Командира русского военного судна лейтенанта Ф. Я. Скирневского, посетившего в начале 1807 г. Сухум, владетель принял с «особой учтивостью». Офицер между прочим спрашивал у Келешбея позволения, могут ли русские суда, «претерпевающие во время плавания бедствия, входить на рейд Сухумский», и получил ответ, что если это будет угодно главнокомандующему русского флота и об этом он от него получит предварительное отношение, то он на это охотно согласится. Келешбей подарил русскому офицеру часы. В октябре 1807 г. Скирневский составил записку под названием «О сведениях, полученных от Абазинской провинции и владением ее».

Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. царизм пытался использовать влияние Келешбея в своих целях. Русские сомневались в искренности

и верности Келешбея, в намерении принятия подданства России. Один из влиятельных чиновников в Санкт-Петербурге в июне 1806 г. писал: «Нужно удостовериться, сколь чистосердечна преданность Келеш-бека к России». Нельзя не отметить, что силы, которыми располагало русское командование на Кавказе, были все еще незначительными, чтобы добиться осуществления широких планов.

Келешбей не оправдал надежд русского командования – после начала военных действий он явно лавировал. В 1807 г. 60-летнему владельцу Абхазии русские власти предложили отбить у турок крепость Поты, но он уклонился от каких-либо военных действий, заявив, что «не имеет еще всех преданных к нему его подданных». Нужно отметить, что начальником Потийской крепости был Кучукбей Шервашидзе – племянник Келешбея, поставленный им на эту должность, но в рассматриваемый период Кучукбей был одним из самых ярых врагов владельца.

В марте 1807 г. абхазские войска были посланы в Поты для содействия русским, но они, лишённые всякого продовольствия, скоро были распущены. Келешбей не дал возможность турецкому командованию высадить десант на территории Абхазии и превратить ее в плацдарм для своих военных операций.

Между Россией и Турцией было заключено перемирие, но положение Турции стало крайне тяжелым. Вследствие этого наказать непокорного абхазского владельца было невозможно. Келешбеем недовольны были и русские генералы. Генерал Рыкгоф, ставший заклятым врагом Абхазского владельца, настраивал командуящего русскими войсками на Кавказе графа Гудовича: «Келеш-бек только наружно оказывает русским его дружбу». Граф Гудович в свою очередь обвиняет владельца: «Не помогли нашим войскам против турок, а еще падает на вас сомнение, что вы под рукою и воспособляете туркам». После этого в течение почти одного года никакого упоминания о Келешбее не было.

4. Убийство Келешбея. Два взгляда на это событие. 2 мая 1808 г. абхазский владелец Келешбей был убит в своем Сухумском дворце. Сразу после убийства Келешбея тон русской администрации в отношении его деятельности резко меняется. Граф Гудович, обвинявший владельца в протурецкой ориентации, уже 20 мая 1808 г. сообщает министру иностранных дел России графу Н. П. Румянцеву о «смерти преданного России Абхазского владельца Келеш-бея». С этого времени создавался миф о преданности Келешбея Чачба русскому престолу.

До конца 90-х годов XX столетия бесспорной была точка зрения крупнейшего кавказоведа, специалиста истории XIX века Георгия Алексеевича Дзидзария, изложенная в его работах «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века», «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение». Но в конце 1997 г. и в начале 1998 г. в газете «Нужная», а затем уже отдельной

брошюрой вышла работа ученика Г. Дзидзария, видного ученого, политика Станислава Лакоба «Асланбей». Эта работа изменила отношение к Асланбею, Сефербею и многим событиям того времени. Теперь уже существуют две точки зрения на то, как и кем был убит Келешбей, кто из его сыновей был настоящим наследником княжества, как произошел сам факт присоединения, насколько это было добровольным. Мы будем говорить о точках зрения обоих ученых – Георгия Дзидзария и Станислава Лакоба.

Г. Дзидзария считал, что Асланбей, подстрекаемый турками, хотел убить своего отца и младшего брата Сафарбея, а затем объявить себя владетелем. Асланбей, демонстрируя свое сыновье раскаяние, явился в дом отца, где не был уже несколько лет. Келешбей простил раскаявшегося «блудного сына», который вместе с двоюродным братом Бежаном осуществил свое намерение. В ночь на 2 мая 1808 г. Келешбей со своим сыном Баталом, которого собирался отправить аманатом в Россию, возвращался в Сухум со званого вечера. При входе в переднюю Сухумской крепости Келешбей был смертельно ранен шестью пистолетными выстрелами. Увидев, что отец еще жив, Асланбей изрубил его шашкой. Батал был тяжело ранен, а два младших сына Келешбея – Ростом-бей и новорожденный Таирбей были убиты. Убийство было совершено Асланбеем под диктовку Турции, при участии мегрельских владетелей».

После убийства отца Асланбей овладел Сухумской крепостью, объявил себя владетелем Абхазии и подданным турецкого султана. «Оставшихся в живых своих братьев, за исключением наследника Сафарбея (Георгия), который находился в Лыхнах, Асланбей заключил в крепости», – пишет Г. Дзидзария. В официальных источниках говорится, что «отцеубийца обратил на себя даже черни ненависть». Наследником престола Георгий Алексеевич называет Сафарбея (Георгия), которому владетель и завещал престол, лишив власти Асланбея. Сафарбей поспешно собрал людей и подошел к крепости, но завладеть ею ему не удалось. Тогда он вместе со своими сторонниками обратился к мегрельским владетелям за помощью и посредничеством в переговорах с русским командованием. Сафарбей обратился с письмом к генералу Рыкгофу, где называет Асланбея отцеубийцей.

Согласно второй точке зрения, в ночь убийства 2 мая Келешбей проводил совещание с ближайшими людьми, а Сафарбей находился в Лыхны. Этот факт отвергает желание Келешбея сделать Сафарбея своим наследником и показывает, что владетель уже делал ставку на Асланбея как будущего владетеля. В таком случае подозрение с Асланбея нужно полностью снять.

Историк А. В. Фадеев в 1931 г. писал: «Возможно, что убийство Келешбея было организовано Дадрианом». А позже в другой работе продолжил эту мысль: «Это политическое убийство, несомненно, было организовано не без участия Турции и мингрельских владетелей, опасавшихся осуществления аб-

солютистских замыслов Келешбея». Так же считает и Г. Дзидзария в своей работе «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX в.».

Русский поэт Виктор Стражев еще в 1925 г. пишет об Асланбее: «Ярый противник русских, Аслан воплотил в себе образ героя, борца за независимость и таким остался в памяти своего народа».

В официальных российских документах того периода виновником убийства Келешбея называют Асланбея. Здесь Лакоба считает необходимым обратить внимание на тот факт, что первые сведения о происшедшем убийстве граф Гудович получил от заинтересованных лиц – Сафарбея и генерала Рыкгофа. Так, генерал Рыкгоф в рапорте графу Гудовичу сообщал об Асланбее: «В каковом злодеянии он и виновным себя ни под каким предлогом не сознает...». Не может не обращать на себя внимание и тот факт, что русская администрация не давала возможности Асланбею прояснить ситуацию, не принимала во внимание, оставляла без ответа его письма к генералу Рыкгофу, в которых Асланбей отрицает свою вину и обвиняет в заговоре посторонних.

Такая странная реакция генерала Рыкгофа говорит лишь о том, что ему и Гудовичу была хорошо известна подоплека событий, если не сказать большего. «В их задачу, по-видимому, входило устранение самостоятельного Келешбея и возведение на престол Сефербея», – пишет Станислав Лакоба.

«Если бы Асланбей действительно был «отцеубийцей», как это утверждают официальные власти России и владельцы Мегрелии, то тогда почему на стороне Асланбея неизменно выступали все сыновья Келешбея, его родные братья по отцу: Баталбей, которого он якобы ранил в день убийства Келешбея (со слов Сафарбея), а также Гасанбей, Таирбей и Ростомбей? Каким образом последняя жена Келешбея, мать этих сыновей Ребиа-ханум Маршан, и мачеха Асланбея, приняла в июле 1813 г. во время восстания сторону так называемого убийцы своего мужа?» – пишет С. Лакоба.

Далее С. Лакоба делает выводы: «Приводимые факты могут лишь свидетельствовать о причастности Сафарбея, а не Асланбея к убийству отца. В силу абхазских традиций и кровно-родственных отношений семья Келешбея никогда не приняла бы сторону Асланбея, если бы тот на самом деле был «отцеубийцей». Между тем, все члены семьи с первого дня после гибели владельца Абхазии поддерживали Асланбея.

Станислав Лакоба делает следующий вывод: «По всей вероятности, российские власти на Кавказе, подстрекаемые правительницей Мегрелии Ниной Дадиани, решили устранить строптивного Келешбея и, воспользовавшись перемирием с Турцией, поставить во главе Абхазского княжества зятя мегрельских владельцев Сафарбея Чачба, дискредитировав... основного наследника на престол Асланбея... В этих целях Сафарбей, при поддержке Нины Дадиани и активном участии русской военной администрации в лице генерала Рыкго-

фа, организуют заговор против Келешбея, в результате которого он погибает в Сухумской крепости 2 мая 1808 г.».

Конечно, окончательную точку в споре об организаторе убийства Келешбея ставить рано. У обеих точек зрения есть свои недостатки и нестыковки. Будем надеяться, что найдутся документы, которые помогут окончательно ответить на этот вопрос.

Для историков, для всех граждан Абхазии представляет интерес, где же находится могила легендарного Келешбея? В Государственном музее и у отдельных краеведов хранится фотография надгробья на могиле владетеля. Краевед, ученый-химик Николай Иосифович Малых в брошюре (машинописная) «К 190-летию со дня трагической гибели владетельного князя Абхазии Келешбея» предполагает, что по просьбе знаменитого художника Александра Константиновича Чачба, находившегося в Сухуме в 1918–1919 гг., была сделана фотография надгробья его прадеда Келешбея. На плане крепости Сухум-кале обозначено место могилы Келешбея». Надгробье было варварски уничтожено в 1938 г., окончательное разрушение произошло уже в 1960 г., когда здесь строили спортивную площадку и дорогу.

Известный ученый и краевед Вианор Пачулиа говорил, что останки князя он спас во время окончательного разрушения могилы и хранил у себя, а затем захоронил рядом с памятником – имеется в виду памятник комсомольцам, погибшим в 1924 г. Об этом писали доктор исторических наук Б. Сагария, писатель Г. Гулиа.

После войны при расчистке территории крепости был обнаружен кусок от бетонного надгробья, «явно принадлежавший надгробью Келешбея», как считал историк Анзор Агумаа. На месте находки в 60-е годы XX века был построен теннисный корт.

Остается надежда, что проводимые на территории Сухумской крепости раскопки помогут обнаружить могилу владетеля Келешбея.

5. Манифест Александра I от 17 февраля 1810 г. В вышеупомянутом письме к генералу Рыкгофу Сафарбей просит покровительства России, ссылаясь на Келешбея, который этого хотел: «... покойный Келешбей еще при жизни своей передал вам и теперь по его смерти, ежели вы хотите, даю сию землю вам, лишь бы отомстить помянутому Арслан-беку, не откладывая сие. Многие сухумские князья и дворяне в согласии со мной... Сухумскую крепость и все владение даю вам, лишь бы Арслан-бека наказать».

Это был период перемирия между Россией и Турцией. Русское правительство предписало новому владетелю хранить в полной тайне обещание России принять Абхазское княжество под свое покровительство.

За это время Сухум был хорошо укреплен и снабжен орудиями – в крепости стоял сильный турецкий гарнизон, имевший около 100 пушек и несколько вооруженных турецких судов. Крепость стала совершенно неприступной с суши.

Графу Гудовичу велели скрыто оказать содействие Сафарбею. Гудович решил сделать это руками владельницы Мегрелии Нины Дадиани и ее зятя Манучара Чачба, правителя Самарзакана. Нина не столько старалась для России, сколько преследовала свои выгоды. Она хорошо понимала стратегическое и торговое значение Абхазии. Нина Дадиани никак не была заинтересована в торжестве турецкого султана на берегах Абхазии.

В начале августа 1808 г. по указанию графа Гудовича генерал Рыкгоф двинул на Сухумскую крепость объединенные силы владельницы Мегрелии и ее зятьев – Манучара и Сафарбея Чачба, которые предприняли попытку завладеть крепостью. На помощь Аслану прибыл его двоюродный брат потийский комендант Кучукбей Чачба на трех судах с войсками, а с гор явилось около 300 человек. Войска, направленные генералом Рыкгофом, не смогли взять крепость. Г. Дзидзария пишет, что они захватили супругу Келешбея Ребию-ханым Амаршан, ее сына Батал-бея, которых Асланбей держал в плену, а также много заложников от населения, и «благополучно вернулись в Одиши».

Ученый отмечает, что Асланбей имел больше приверженцев среди абхазских феодалов, чем Сафарбей, которого «не признавали как сына женщины незнатного происхождения и малоспособного управлять». Самые влиятельные князья: сын Келешбея Гассанбей, владетель Гумской Абхазии, их троюродный брат Алибей, владетель Абжуйской Абхазии и другие крупные абхазские феодалы заняли сторону Асланбея. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что Асланбей, женатый на садзской (джигетской) княжне Геч (Гечба), пользовался большим почётом в западно-абхазском обществе Садзен, а также среди убыхов и адыгов.

Г. Дзидзария делает заключение: «Таким образом, Асланбей имел больше веса в стране, чем официальный владетель Сафарбей, находившийся большей частью в Мегрелии под защитой русских штыков и вечно «просил о даче ему войска для взятия крепости Сухума...». Сафарбей, вполне осознав свою беспомощность, подписал в 1808 г. «просительные пункты».

Ученый не выражает никакого сомнения относительно законности «просительных пунктов», а также считает присоединение Абхазии к России добровольным. С. Лакоба обращает внимание на то, что Сафарбей через мегрельского священника И. Иоселиани неоднократно обращался в Санкт-Петербург, нетерпеливо ожидая как «Высочайшей грамоты, так и десанта войск из Крыма для покорения Сухум-Кале». Историк пишет, что в «момент появления... грамоты и даже значительно позднее Сефербей безвыездно жил в русской Мегрелии, не имея никакого влияния на Абхазию, которой уже около двух лет управлял законный владетель Асланбей».

Русское командование готовилось к военным действиям в Абхазии. Генерал Торماسов, сменивший престарелого генерала Гудовича, принял решение овладеть сначала крепостью Поты. Тем более что турецкий султан прервал

перемирие (12.03.1809 г.) и возобновил войну с Россией, развернул военные действия в Западной Грузии. 15 сентября 1809 г. комендант Поти Кучукбей сдал крепость и отплыл с остатками своего войска в Трапезунд, этому предшествовало занятие Анаклии. Для господства России на восточном берегу Черного моря оставалось взять Сухум.

Российский император Александр I 17 февраля 1810 г. утвердил «просительные пункты» (7 пунктов) Георгия Чачба (Шервашидзе) и дал грамоту, в которой говорилось: «Снисходя на прошение ваше, поступить в вечное подданство Российской империи, и не сомневаясь в преданности вашей к высокому нашему престолу, изъясненной в обязательном письме вашем, на высочайшее имя наше присланном, утверждаем и признаем вас нашего любезноверно-поданного наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи, и включая вас и дом ваш и всех абхазского владения жителей в число наших верноподданных, обещаем вам и приемникам вашим нашу императорскую милость и благоволение. Приняв также за благо все статьи, изъясненные от слова до слова в том прощении вашем..., утверждаем оные императорским нашим словом... Засим поручая вам управлять народом абхазские земли с кротостью и правосудием, уверены мы, что вы и наследники ваши как преданности своей к нашему престолу так и в точном исполнении воспринятых вами на себя обязанностей пребудете непоколебимы». Владетелю было определено жалованье в размере 2500 руб. серебром в год, а его матери – 1500 руб., кроме того, владетель был награжден орденом св. Анны I класса.

Таким образом, владетелем Абхазии был утвержден Георгий (Сафарбей), за ним было признано право управлять княжеством на основании местного права и обычаев, с ограничением лишь права присуждать своих подданных к смертной казни.

Не может не обратить на себя внимания сам факт появления «просительных пунктов» Сафарбея от 12 августа 1808 г. императору Александру I о принятии Абхазии в подданство России, составленных на грузинском языке в Мегрелии под диктовку Нины Дадияни и ее духовника протоиерея Иоселиани. В порыве откровения Сафарбей сообщает Александру I, что все обращения о принятии Абхазии в Россию писал священник «Иоанн Иоселиани, который искренним сердцем советовал мне предать себя в подданство Императорскому престолу». Эти «просительные пункты» Станислав Лакоба называет «незаконными».

Совершенно непредвиденное произошло в июне 1810 г., когда полковник Симонович в Кутаисе в присутствии мегрельской правительницы Нины Дадияни объявил Сафарбею о присылке грамоты и других высочайших знаков отличия для того, чтобы новый владетель отправился в Абхазию и с должной церемонией приступил к власти в Абхазии. Сафарбей наотрез отказался,

объяснив это тем, что его брат владеет Сухумом и Абхазией и выгонит его из страны, т. е. он боится брата и просит завоевать Сухум, тогда он сможет принять все знаки владетеля. Русская военная администрация никак не ожидала такого бессилия со стороны Сафарбея. Генерал Тормасов был в ярости.

Сафарбей лично обратился с письмом к генералу Тормасову, в котором просил помочь ему русскими войсками.

Отказаться от своего покровительства Сафарбею после подписания грамоты Александром I Россия уже не могла, поэтому генерал Тормасов и даёт предписание Симоновичу о необходимости покорения крепости Сухум «силою оружия» и таким же «средством Сефер-Алибея ввести во владение Абхазией», ибо «... не остается теперь другого способа...».

Еще в марте 1810 г. часть судов Черноморского флота была направлена к восточным берегам Черного моря для крейсирования около Сухума, в мае был дан приказ командующему Черноморским флотом занять Сухум.

8 июля 1810 г. на сухумский рейд из Севастополя прибыла эскадра из одного военного корабля (66-пушечный «Варахил»), одного авиоза и двух канонерских лодок с батальоном 4-го морского полка в 640 человек под командованием капитан-лейтенанта Додта. 9 и 10 июля шли ожесточенные бои, были потоплены стоявшие в бухте семь турецких судов. Утром 10 июля был высажен десант морской пехоты с двумя пушками, который повел атаку с юга и овладел окрестностями крепости. Затем начался штурм самой крепости: в ее ворота стреляли с суши и со стороны кораблей. В результате сильной бомбардировки, продолжавшейся около двух часов, ворота были разбиты и русские войска заняли крепость. Одновременно в крепость вступила рота Белявского полка с двумя орудиями во главе с Д. Орбелиани и Георгием (Сафарбеем) Чачба (Шеврашидзе), пришедшая со стороны Ингура.

Турецкий гарнизон ушел через северо-западные ворота. Асланбей вместе со своими приверженцами скрылся у своих родственников в абхазском обществе Садзен. В крепости были убиты 300 абхазов и турок, в плен взяты 78 человек. Русский десант потерял 109 офицеров и солдат убитыми и ранеными. Додт захватил 62 пушки, 1 080 пудов пороха и много ядер. До 5 тысяч абхазов выселились в Турцию. Это была первая в XIX веке волна переселения.

Крепость была сильно разрушена, особенно с морской стороны. Чтобы Сухумская крепость соответствовала своим задачам, туда было послано около 1000 человек, которые наспех исправили имевшиеся повреждения. Гарнизон крепости был составлен из трех рот, у них были две канонерские лодки.

Таким образом, русская военная администрация решила судьбу владетеля Абхазии Асланбея и крепости Сухум-Кале. Асланбей в течение 20 лет (до 1830 г.) продолжал борьбу с царской Россией и её ставленниками в Абхазии. Сафарбей Чачба был приведен к абхазскому престолу в результате интервенции России.

Борьба между Сафарбеем и Асланбеем была, безусловно, борьбой между турецким и русским влиянием, а взятие Сухум-Кале явилось победой России над Турцией в борьбе за Абхазию.

Сафарбей был водворен в Сухумскую крепость, которая была единственным местом в Абхазии, где он мог чувствовать себя в безопасности. Осенью 1810 г. по приказу Тормасова под охраной более 100 русских солдат и офицеров были доставлены в Сухумскую крепость хранившаяся в крепости Поти грамота Александра I и другие знаки отличия. Сафарбей принял их, дал присягу на верность, утвердил ее «своей подписью и печатью».

Итак, подписанная 17 февраля 1810 г. Александром I грамота о принятии Абхазского княжества в подданство Российской империи и провозглашение Георгия (Сафарбея) ее владельцем были осуществлены при помощи русских войск. Абхазия официально была присоединена к России. Процесс полного присоединения был длительным и трудным.

Литература

1. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
2. Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922.
3. Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940.
4. Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960.
5. Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.). Сухуми, 1958.
6. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
7. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
8. Лакоба С. З. К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия. Сухум, 1999.

АБХАЗИЯ В ГОДЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

1. Термин «Кавказская война».
2. Восстания 1821 и 1824 гг.
3. Карательные экспедиции 30-х гг. XIX в.
4. Абхазия в годы Крымской войны.
5. Завершающий этап Кавказской войны.

1. Термин «Кавказская война». Народно-освободительное движение горцев Кавказа, известное как Кавказская война (1817–1864), является одной из важных проблем истории Кавказа вообще и Абхазии в частности. Сам термин «Кавказская война», внедренный ранее в историческую науку, а затем по идеологическим причинам принятый и в советской историографии, нуждается в серьезном обсуждении. Этот вопрос неоднократно ставился в основном северокавказскими историками, так как, по их мнению, название «Кавказская война» носит нейтральный характер – непонятно, кто был ее участником и какие цели преследовались. Между тем, как отмечает Советский энциклопедический словарь: «Кавказская война – это завоевание Чечни, горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа». В российской дореволюционной историографии события Кавказской войны занимают почетное место. Немало написано и о событиях в Абхазии. Участие Абхазии в Кавказской войне является одним из самых проблемных пунктов в новой истории Абхазии, хотя литература по этому вопросу весьма обширна. У историков дореволюционной России основной целью в изложении истории Кавказа было, во-первых, оправдание захватнической политики русского царизма, во-вторых, прославление «доблести» и «подвигов» царской армии, в-третьих, описание «мудрой» и «культурной» реформаторской деятельности «цивилизаторов» в генеральских ботфортах по устройению «доселе диких местностей» Кавказа.

В дореволюционной русской историографии данный термин был принят по аналогии с Крымской или Восточной войной и тому подобными сходными названиями, так как кавказские народы не считались самостоятельными и достойными выделения и названия в качестве соперника, как это было принято обычно (например, русско-турецкая, русско-французская война и т. д).

В советской историографии нейтральным названием «Кавказская война» маскировалось завоевание Кавказа для подтверждения тезиса о добровольном вхождении кавказских народов в состав России, чтобы не вызвать «не нужных», по мнению партийных идеологов, межнациональных трений.

С другой стороны, популярный в последние годы термин «Русско-кавказская война» также некорректен, т. к. совмещает этнонимы и политонимы с топонимами. Наверное, наиболее правильное обозначение, бытовавшее в основном в первые советские годы, – «национально-освободительная борьба горцев Кавказа против царских колонизаторов», но поскольку оно чересчур громоздкое, то в лекции будет использоваться в основном термин «Кавказская война».

В многочисленных работах, посвященных Кавказской войне, написанных в дореволюционной России, довольно подробно описываются и события в Абхазии. Большинство авторов работ царского времени не скрывали завоевательного характера политики России (Н. Ф. Дубровин, Р. А. Фадеев, В. А. Потто, Н. Башенов, С. С. Эсадзе и др.). Названия работ многих из них говорят сами за себя.

Несомненно участие абхазов в национально-освободительной борьбе горских народов для историографии 20-х годов XX в., в том числе и у авторов из Абхазии. Даже в 30-х – начале 40-х годов, после окончательной победы марксистской методологии в советской исторической науке, характер русско-кавказской войны и участие в ней абхазов не вызывает сомнений.

Однако известные события 30–40-х годов не могли не наложить отпечаток и на историческую науку Абхазии. Работы по этой тематике перестали выходить. В 1950 году движение Шамиля, а следовательно, и вся борьба против царской России было объявлено реакционным. И хотя после смерти Сталина и критики «культы личности» эта оценка была признана неправильной, под давлением партийных идеологов вопрос участия абхазов в Кавказской войне стал слегка затуманиваться. Даже фундаментальный труд выдающегося абхазского историка Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», во многом посвященный этим событиям, несмотря на фактическое содержание материалов, убедительно свидетельствующих об участии абхазов в Русско-кавказской войне, не констатирует этого факта, противоречащего официальному догмату о добровольности вступления Абхазии в состав России.

И даже в эпоху перестройки и гласности, когда среди кавказских историков разгорелась весьма бурная дискуссия о характере «Кавказской войны», добровольности вхождения народов Кавказа в состав России, основных причинах махаджирства и других острых вопросах истории Кавказа XIX века в абхазской историографии, в условиях обострения межнациональных отношений в республике вопрос участия Абхазии в Кавказской войне, хотя ставился гораздо острее, чем раньше, но все же не получил полного разрешения.

Лишь в послевоенное время теория добровольного вхождения Абхазии в состав России и участия Абхазии в Кавказской войне были подвергнуты критике и пересмотру, хотя это и не всегда делалось обосновано.

Кавказская война является самой длительной войной в истории России. Согласно официальным данным, она длилась 47 лет – с 1817 по 1864 год, хотя

многие исследователи относят его начало к еще более раннему периоду, когда Россия только проникает на Кавказ. Одним из этапов завоевания Кавказа стало присоединение Абхазии.

После гибели Келешбея в мае 1808 года его сын Сафарбей (Георгий), потерпевший поражение в борьбе со старшим братом Асланбеем, изгнанный из Абхазии, обращается к императору Александру I с «просительными пунктами» о принятии в подданство России. На основании этих «просительных пунктов» Александр I признал в своей грамоте от 17 февраля 1810 года Георгия (Сафарбея) «последовательным князем абхазского владения под верховным покровительством державою и защитою Российской империи». В то же самое время необходимо отметить что, на момент появления этой грамоты, и даже позднее, Сафарбей жил в Мегрелии, не имея серьезного влияния на Абхазию, которой уже около двух лет управлял Асланбей.

В июле 1810 г. русский военный отряд занял Сухумскую крепость. Сафарбей переехал на жительство в Сухум – единственное место в Абхазии, где он мог чувствовать себя безопасно под защитой русских штыков.

2. Восстания 1821 и 1824 гг. Асланбей предпринял целый ряд попыток завладеть Абхазией, хотя и был отброшен от Сухума. В Абхазии он имел больше силы и поддержки, чем Сафарбей (Георгий). Видя бессилие Сафарбея, царское правительство решило совсем увести русские войска из Абхазии. Лишь резкий протест А. Л. Ермолова – «проконсула Кавказа», в котором он заявил, что с утратой Сухума Россия может потерять все Кавказское побережье, и грозил отставкой в случае вывода отсюда русских войск, удержало русское правительство от принятия подобных мер. 7 февраля 1821 года умер Сафарбей, и его смерть еще более затруднила положение русских в Абхазии, и без того очень непрочное. Почти сразу же начались столкновения абхазов с русскими войсками.

В этот момент наиболее влиятельной фигурой в Абхазии был Гасанбей Чачба, сын Келешбея, которого представители правящей фамилии предлагали на должность владетеля. Царское правительство, однако, опасалось протурецких настроений Гасанбея, и вскоре он был схвачен и сослан в Сибирь. Правительницей Абхазии была объявлена вдова Сафарбея Тамара Кациевна Дадияни. Она не любила абхазов и в свою очередь не пользовалась их расположением. Арест популярного Гасанбея еще больше усилил негодование народа. Братья Гасанбея сумели поднять восстание против никем не уважаемой правительницы. Была предпринята попытка захватить ее. Лишь с большим трудом под покровом ночи на русском военном корабле она была доставлена в Сухумскую крепость. Вскоре в Абхазии появился Асланбей во главе многотысячного войска садзов и убыхов. В сентябре 1821 года Тамара Дадияни приняла присягу не иметь она никакого сношения с русскими властями и сдалась на милость своих врагов. Асланбей быстро овладел почти всей Абхазией

и обложил Сухумскую крепость. Восстание приняло характер освободительного движения против русского завоевания. Для подавления этого восстания в Абхазию были посланы войска под командованием генерала Горчакова. На Кавказ срочно прибывает старший сын Георгия Дмитрий (Омарбей) Чачба, которого император Александр I утверждает владельцем Абхазии и с чином полковника отправляет на родину. Затем в сопровождении русских войск под командованием начальника войск в Имеретии Горчакова Дмитрий едет в Абхазию. Асланбей попытался организовать сопротивление, но русские войска, используя преимущества в артиллерии, сумели прорвать заслоны восставших, и в ноябре 1821 г. русские войска вступили в Сухум, а затем в Лыхны. Дмитрий обосновался в Лыхны в сопровождении двух рот Мингрельского пехотного полка. С ранних лет он воспитывался в Петербурге в Пажеском корпусе и был гораздо больше царским офицером, чем абхазским князем. Дмитрий отвык от абхазских обычаев, даже забыл родной язык и сам себе казался чужим среди своих князей и дворян, в которых не находил ничего петербургского. Брошенный из пышной столицы Российской империи в Абхазию, Дмитрий считал себя узником, а последнюю тюрьмой. Сколько чужд был абхазский народ Дмитрию, столько же чужд был молодой офицер народу. Дмитрий не пользовался никаким авторитетом среди всех слоев абхазского общества. Он сознавал, что владельцем, скорее, является его дядя Асланбей, чем он. В конце января 1822 г. Асланбей со значительным отрядом двинулся на Лыхны. Дмитрий узнал о приближении дяди, бежал в Сухум, а затем, считая себя и там находящимся в опасности, бежал в Кутаиси, где русских штыков было больше.

Однако Асланбей потерпел поражение от русского отряда, стоявшего в Лыхны, и вновь вынужден был уехать. Непопулярный Дмитрий вновь вернулся в Лыхны, где вскоре в октябре 1822 года умер. Согласно мнению, высказанному матерью Дмитрия Тамары Дадиани, он был отравлен Лыхненским крестьянином Урусом Лакоба. Однако, по свидетельству сопровождавших Дмитрия русских военных, того довольно долго лихорадило, и он, вероятнее всего, умер от малярии. Тем не менее, Урус Лакоба был задержан и позднее по приказанию Ермолова был повешен в Лыхны рядом с владельским домом.

По представлению Ермолова в феврале 1823 года император Александр I утверждает владельцем Абхазии брата покойного Дмитрия Михаила (Хамутбея). Михаилу было 16 лет, когда умер его старший брат, но он уже обладал многими качествами, ценившимися у абхазов. Он был воспитан в обычаях родины, отлично стрелял, ловко владел конем и не боялся опасности. Отличное горское воспитание Михаил получил у знаменитого убыхского предводителя Хаджи-Берзека. Но власть Михаила оказалось еще ничтожнее, чем власть его покойного брата. На него смотрели как на мальчика, оберегаемого русскими «няньками». Молодой владелец был еще слишком юн и неопытен, чтобы бо-

ротья с внутренними волнениями и заговорами, нити которых все еще сосредотачивались в искусных руках Асланбея.

В апреле 1824 г. сухумский комендант подполковник Михин сделал попытку захватить Асланбея. Было совершено нападение на деревню Акапа, где жил воспитатель Аслана Тутшул, и, как предполагали, скрывался Асланбей. Деревня была сожжена, но Аслана здесь не оказалось. На обратном пути отряд попал в засаду и был разгромлен, среди убитых оказался и комендант Сухумской крепости Михин. Это событие послужило поводом к всеобщему восстанию. Движение началось в Бзыбской Абхазии. К восставшим присоединились садзы, цебельдинцы и убыхи, и вскоре их число достигло 12 тысяч человек, направившихся в Лыхны.

В июле 1824 г. русский отряд в Лыхны оказался окруженным восставшими. Вскоре восстание возглавил вновь появившийся в Абхазии Асланбей. На помощь Михаилу из Кутаиса двинулись русские войска под командованием Горчакова, по пути к ним присоединился мингрельский владетель Леван Дадиани со своим ополчением. Почти на всем протяжении от Ингура до Сухума восставшие устраивали завалы, чтобы затруднить продвижение русских войск. Особенно упорные бои проходили при переправе через Кодор. Далее он шел вдоль берега моря под прикрытием огня с кораблей черноморского флота. Прежде чем дойти до Сухума, отряд Горчакова потерял 100 человек и почти всех лошадей. После этого русский отряд был переброшен в Бамбору морем, откуда двинулся на выручку владетеля, окруженного в Лыхненском дворце 12 тысячами восставших. Лишь благодаря подоспевшим войскам Горчакова русскому отряду удалось отстоять Лыхны. Повстанцы потерпели поражение. Асланбей был ранен и бежал. Но и после этого волнения в Абхазии продолжались еще 3 года. Михаил чувствовал себя неуверенно даже в хорошо укрепленных резиденциях Лыхны и Сухума. Рассчитывать на поддержку русских войск особенно не приходилось, так как страна принадлежала русским только в двух географических точках – в Лыхны и Сухуме, да и здесь они не всегда могли чувствовать себе хозяевами. Лишь к 1827 г. сила освободительного движения спадает. В стране устанавливается относительное спокойствие.

3. Карательные экспедиции 30-х гг. XIX в. Вскоре после этого началась очередная русско-турецкая война 1828–1829 гг. Основные боевые действия проходили на Дунае и Кавказе. На кавказском фронте русские войска одержали несколько побед, в результате которых 2 сентября 1829 г. был заключен Андрианопольский мирный договор, по которому к России отошло кавказское побережье Черного моря. По этому же миру Турция признала включение в состав России Абхазии, Имеретии, Гурии, Мингрелии, а также Восточной Грузии и Восточной Армении.

Принудив Турцию отказаться от вмешательства в свою кавказскую политику, царское правительство решило немедленно приступить к одновременному

и быстрому покорению кавказских народов. Отныне вопрос ставился категорически: полная покорность горцев. В рескрипте Николая I на имя графа Паскевича по случаю окончания русско-турецкой войны император писал: «...кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных». Царское правительство именно после заключения Адрианопольского мира приступило к разработке плана по покорению горцев, которым предусматривалась целая серия военно-политических экспедиций. Следовательно, присоединение территории, находившейся между Кубанью и берегом Чёрного моря, мыслилось в Петербурге не иначе как в форме завоевания.

На июль 1830 года намечено было произвести карательную экспедицию в Абхазии. В инструкции главнокомандующего на Кавказе И. Ф. Паскевича о необходимости подобного мероприятия говорилось: «Хотя сия часть земли более тридцати лет считалась под влиянием нашего правительства, но мы не имели средств удержать одного в повиновении. Итак, абхазцы нисколько не уважали сию мнимую зависимость от России и, не переставая во все времена враждовать против нас, грабили подданных наших, и нередко даже крепость Сухум-Кале была угрожаемая их совокупными нападениями. По сим причинам опасное соседство с ним потребовало, наконец, более прочного покорения».

Целью абхазской экспедиции было установление сухопутного сообщения от Сухума до Анапы, а также возведение побережных укреплений в Бамборах, Пицунде и Гагре. Непосредственное проведение этой экспедиции было возложено на генерала Гессе, который высадился в Сухуме в 1830 г. с отрядом 2 тыс. штыков и сабель. Гессе немедленно отправил морем часть сил в Гагру для строительства укрепления. Таким образом, ему удалось опередить садзов и убухов, которые намерены были оказать поддержку бзыбцам в борьбе с русским отрядом. Вслед за этим основные силы отряда пешком двинулись по направлению к Гаграм, одновременно наметив укрепление в Бамборах и Пицунде. Пицундский владетель Федоруко Инал-ипа, бывший до этого одним из вождей сопротивления русским, вынужден был покориться. Вторжение русских войск было так неожиданно для населения, что до Гагр русский отряд прошел почти без сопротивления. Большое содействие им в этом оказал Гасанбей, вернувшийся в 1828 г. из Сибирской ссылки и занявший прорусскую позицию. Однако дальнейшее продвижение отряда Гессе встретило ожесточённое сопротивление садзов и убухов, которые затем в августе упорно штурмуют Гагринское укрепление.

Вообще абхазы и убухи, учитывая значение Гагр в завоевательной политике царизма, на Западном Кавказе серьезно нацелились на Гагринское укрепление, и русский гарнизон здесь оказался в постоянной блокаде.

Служба в Гагринском гарнизоне считалось одной из самых тяжелых на Кавказе. Известный русский писатель декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, сосланный на Кавказ, писал: «Есть на берегу Чёрного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. Туда не залетает ветер; жар там от раскаленных скал нестерпим, и, к довершению удовольствия, ручей пересыхает и превращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех высот в окошки, где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят оттуда, как со смертоносными обструкциями или водянкою. Там стоит 5-й Черноморский батальон, который не иначе может сообщаться с другими местами, как морем, и, не имея пяди земли для выгонов, круглый год питается милою соломиной. Одним словом, имя Гагры, однозначнее со смертным приговором».

Укрепления и посты русских войск составили часть Черноморской береговой линии, тянувшейся от Анапы до самой турецкой границы. Её целью было сковать побережье цепью укреплений и изолировать таким образом народы Западного Кавказа от Турции, оказывавшей им помощь в собственных интересах в борьбе с царской Россией. Черноморская береговая линия предназначалась для того, чтобы отнять у горцев все способы сопротивляться. Несколько позднее расположенные в Абхазии укрепления – Гагра, Пицунда, Бамбора, Марамба (у Цебельды), крепость Сухум, военные посты, составили третье отделение черноморской береговой линии. Командование этого отделения вначале находилось в Бамборах, а с 1851 г. – в Сухуме. С целью обеспечить русскую военную экспансию начинается строительство дорог и изучение Абхазии в топографическом отношении. Одновременно начинается и изучение абхазского народа, главным образом учеными в военной форме, такими как Н. Ф. Дубровин, Р. А. Фадеев, П. К. Услар, А. П. Берже и др. Это во многом делалось для более успешного осуществления захватнических планов царизма. Ведь, как справедливо отмечал позднее Теофил Лапинский, одним из важнейших условий успешной борьбы обитателей Западного Кавказа против царской России было именно незнание русскими этого края (отсутствие карт, топографических описаний и пр.).

В 1834 г. были сняты на карту прибрежные места от Ингура до Гагры. В 1835 г. штаб-капитан барон Торнау обозрел Кавказский хребет в направлении его вдоль восточного берега Чёрного моря и вышел на морской берег до Гагры. В 1836 г. капитан Чуркин обозрел один из путей, идущих из Карачая через Цебельду в Сухум и т. д. В 1836 г. было проложено сухопутное сообщение по берегу Абхазии от Гагры и Илора, а затем через Зугдиди к Кутаису и Военно-Имеретинской дороге.

Николай I на 1837 г. предложил следующий план военных операций со стороны Абхазии: «Покорить Цебельду (имеются в виду горные области Абхазии), эту единственную во всем Закавказье оставшуюся непокоренным владе-

нием, и занять мыс Адлер, где находилось одно из важнейших якорных мест». Решено было начать с Цабала (Цебельды), после подчинения которого во всем Закавказье не осталось бы совершенно непокорных народов. Подчинение Цебельды укрепляло и авторитет владетельного князя, что также было выгодно русским властям.

В Цабале и других горных областях спасались недовольные русским владычеством, туда бежали и русские солдаты, избегая тяжелой армейской службы. Царские власти неоднократно предпринимали попытки привлечь на свою сторону князей Маршан, наиболее авторитетных в Цабале, Дале и других горных областях Абхазии. Еще во времена Сафарбея была предпринята попытка при помощи Рабии-Ханым Маршан, вдовы Келешбея и матери Гасанбея, привести маршанавцев к присяге, но безуспешно.

В 1827 г. было объявлено о «добровольном» подчинении русскому правительству цебельдинских владетелей Маршан, но это было неправдой, лишь один Саралоп (Сарлып) Маршан принял русское подданство. Русские власти разрешили всем абхазским князьям совершать нападения на цебельдинцев, отбивать скот и, вообще, действовать против них оружием, но и эта мера не принесла желаемого результата.

В ходе Цебельдинской экспедиции в мае 1837 г. под личным командованием командира Кавказского корпуса барона Г. В. Розена было разорено несколько аулов. Была принята присяга на верность от некоторых князей Маршан: Хинкораса, Баталбея, Зосхана и др. Шабат и Эшсоу Маршания отказались принимать русское подданство. Розен, опасаясь усиления сопротивления, не пошел в Дал, а предпочел вернуться в Сухум, откуда в начале июня была предпринята экспедиция на Адлер. При высадке на Адлерском мысе они встретили упорное сопротивление местных жителей, для поддержки которых прибыли соседи. Преодолев ожесточенное сопротивление местных садзов, главным образом благодаря подавляющему преимуществу в вооружении, особенно артиллерии, царские войска заложили укрепления Святого Духа.

В 1838 г. строится целая сеть военных укреплений на Черноморском побережье Кавказа от Сочи до Туапсе. В результате этих мероприятий на территории, занятой садзами, убыхами и приморскими адыгами, появилось несколько форпостов царизма. Однако чем глубже проникают русские войска в глубь Кавказа, тем ожесточеннее становится борьба с двух сторон. Зимой 1840 г. движение на Западном Кавказе уже принимает массовый характер. В феврале – марте этого года черноморское побережье пылает в огне всеобщего восстания. Был занят целый ряд важных укреплений – Лазаревская, Вельяминовская, Михайловская, однако слабо поддержанные соседями убыхи, которые играли ведущую роль в этом движении, в конце концов, теряют свои достижения. Вскоре восстание перекинулось на Цабал, Дал и другие горные области Абхазии. Восстание возглавил князь Шабат Маршан, неза-

долго до этого освобожденный из Тифлисской тюрьмы. Сторонник русских БаталбейМаршан был схвачен, его брат Хинкорас едва спасся, цебельдинский пристав подпоручик Лисовский был тяжело ранен, его дом сожжен. Были сожжены мосты на реке Кодоре. На подавление этого восстания были брошены русские войска, находившиеся в Абхазии под командованием полковника Козловского, через Сванетию направлена Имеретинская и Мингрельская милиция, прибыло подкрепление из Редут-Кале. Владетельный князь Михаил присоединился к отряду со своим ополчением. На него же было возложено общее командование войсками как на старшего по званию. Окруженные с трех сторон цебельдинцы оказали сопротивление, но потерпели поражение. Цебельдинцы вновь присягнули на верность императору. В конце сентября того же 1840 г. около 7 000 убыхов и других горцев под предводительством Хаджи Берзека собрались на реке Сочи с намерением вторгнуться в Абхазию.

На пути они остановились в Цандрипше для наказания принявшего русское подданство князя Цумбаева (Цанба), а затем совместно с ахчипсаа достигают Бзыби. Однако Хаджи Берзек дальше этой реки не пошел, ограничившись установлением связи с Цебельдой и Далом. Жители Дала и Цабала во главе с Эшсоу Маршан опять подняли восстание с намерением поддержать убыхов. Чтобы предотвратить это, против них были брошены карательные войска Н. Н. Муравьева. В декабре 1840 г. отряд двинулся в Дальское урочище. Несмотря на упорное сопротивление дальцев села Варда и Лата были сожжены. Всем их жителям было приказано переселиться в Цебельду. По сообщению командира Кавказского корпуса генерала Головина, Дал был опустошен и лишен своего населения. Далее Муравьев решил двинуться на Цебельду. Были сожжены все окрестные поселения, горцы отчаянно сопротивлялись, было много убитых и раненых с обеих сторон. Встретив столь упорное сопротивление, Муравьев должен был отступить. Таким образом, отчаянное сопротивление цебельдинцев и дальцев не позволило Муравьеву полностью осуществить свою программу окончательного подчинения всей горной Абхазии. После этого усиливается партизанское движение под руководством тех же Шабата и Эшсоу Маршан. Летом 1842 г. при нападении на укрепление Марамба погиб Шабат Маршан. Восстание возглавил его младший брат Эшсоу. В конце февраля 1843 г. Эшсоу совершает нападение на Дал и Цабал. Вскоре активизируется повстанческое восстание и в Псху. Чтоб подавить его, в конце декабря 1843 г. на Псху была направлена карательная экспедиция во главе с Михаилом Чачба.

С 40-х годов устанавливаются тесные связи западных кавказских народов с имамом Шамилем, вождем национально-освободительной борьбы народов Чечни и Дагестана. Шамиль делает практические шаги к завязыванию непосредственных сношений с народами Западного Кавказа. На Западном

Кавказе официальные эмиссары Шамиля появляются с 1842 г. Однако еще ранее Шамиль решил обратиться к народам Западного Кавказа. Среди горцев Западного Кавказа начинает распространяться мюридизм. Он стал идеологической основой сопротивления захватнической политике самодержавия. Все большую популярность получает идея газавата – священной войны против неверных.

Выдающаяся роль в объединении народов Западного Кавказа сыграл наиб Шамиля Мухаммед Эмин. Он пользуется большим влиянием среди западных адыгов, устанавливает тесные контакты с убыхами и садзами, а также с вождем цебельдинских абреков Эшсоу Маршан. По сообщению русских властей, Эшсоу Маршан получил от Мухаммеда Эмина предложение возглавить сильный отряд в замышлявшемся наибом плане овладения Карачаем. Это якобы было необходимо для открытия Шамилю свободной дороги к Абхазии, а также для предварительного распространения своего влияния на этот край. Энергичная деятельность Мухаммеда Эмина для сплочения народов Западного Кавказа проходит под знаменем газавата. Среди многочисленных народов и племен Западного Кавказа, слабо связанных между собой, Мухаммед Эмин пытался создать относительно централизованную государственную систему, во многом напоминавшую Имамат Шамиля. В 1849 г. в Цабале и Дале вновь начались выступления. Это событие непосредственно связывают с Мухаммедом Эмином, прямо указывается, что глава восстания Эшсоу Маршан координировал свои действия с ним.

Зимой 1852 г. убыхи и садзы под предводительством Хаджи-Керентух Берзекса собрались напасть на Пицундское укрепление. Однако русское командование, узнав об этом, сумело преградить им путь в ущелье Аура в 12 километрах от Бамборы. Одновременно русские совершили нападение на прибрежные села убыхов.

В том же 1852 году в Садзене появляется Мухаммед Эмин. Арыдба и Цвиджаа присягнули наибу. Однако, встретив крупные русские силы, Мухаммед Эмин вынужден был отступить. Таким образом, освободительная война, развивавшаяся под флагом газавата, уже давно перешла этнографические границы Абхазии и бушевала на ее северо-западной политической границе, находя свое яркое отражение внутри страны.

Несмотря на отчаянное сопротивление горцев, русское командование все больше наступает на горские народы Кавказа. Россия стала на путь систематического завоевания Кавказа. На Кавказе сосредотачивается значительная часть всей русской армии. Казалось бы, Кавказ и, в частности, Западный Кавказ уже в ближайшем будущем будут покорены, но начавшаяся вскоре Крымская, или Восточная, война поколебала положение России, тем более что кавказские народы еще не сложили оружие в борьбе за независимость и не потеряли уверенность в ее благополучном исходе.

4. Абхазия в годы Крымской войны. Крымская война началась весьма успешно для России. В Синопском сражении 18 ноября 1853 года русская эскадра под командованием адмирала Нахимова разгромила турецкий флот. Почти одновременно в сражении у села Башкадеклар (неподалеку от Карса) русские разгромили турецкие войска, сорвав план захвата Кавказа. Эти успехи русских испугали Францию, Англию, которые открыто выступили в войне на стороне Турции. В 1854 г. англо-французский флот вошел в Черное море. Началась знаменитая оборона Севастополя.

Опасавшееся не столько союзников, сколько национально-освободительной борьбы горцев, царское командование предполагает в 1854 г. упразднить Черноморскую береговую линию, так как не рассчитывает на сохранение их гарнизонов из-за недостатков средств. Это было связано с тем, что сообщение между Сухумом и другими прибрежными пунктами совершалось только морем, так как Приморская дорога, сооруженная еще в 1830-х годах, пришла в негодность. Русское правительство, конечно, понимало, что упразднение черноморских фортов открывало доступ к ним турок и их союзников, что замедляло покорение горских народов, но иного выхода у русского командования тогда не было. Единственным путем отступления гарнизонов была узкая прибрежная дорога с переправами вброд через горные речки, которые в дождливую погоду превращались в бешеные потоки. Кроме того, русские войска оказались между двух огней, с моря им угрожал десант союзников турок – англичан и французов, с гор – восставшие массы абхазов и черкесов. Поэтому русское командование на Кавказе сочло необходимым вверить всю операцию по эвакуации русских войск владельцу Абхазии, рассчитывая на его связи и влияние. Временно управлявший Кавказом генерал Ред предписал генерал-адъютанту Михаилу Чачба вывести войска.

Было решено соединить гарнизоны Черноморской береговой линии с гурийским отрядом, которому была поручена оборона Западного Кавказа. Были уничтожены все крепостные сооружения в Пицунде, Бамборах и других укреплениях, после чего их гарнизоны под предводительством Михаила Чачба двинулись к Ингуру. Михаил успешно вывел русские войска из Абхазии и присоединил их к гурийскому отряду. Его усердие было отмечено соответствующим образом, Михаил был награжден орденом Белого орла. Вскоре после ухода русских турки входят в Абхазию. Несмотря на награду, Михаил не получил командования гурийским отрядом, как он рассчитывал, был отвергнут и его план обороны Абхазии. Владетельный князь Абхазии некоторое время жил в Мегрелии, однако у него были достаточно натянутые отношения с правительницей Мегрелии Екатериной Дадиани, и в мае 1855 г. Михаил переезжает в Очамчиру. Через своего брата Александра (Сулейман-паша) Михаил вступает в переговоры с командующим турецкими войсками на Кавказском побережье Мустафа-пашой. Владетель потребовал: 1) всех тех прав и преимуществ, ко-

торые были предоставлены его деду Келешбею; 2) главного начальства над всеми войсками, расположенными в Абхазии; 3) обещания, что все области, которые оружием или переговорами успеет он присоединить к Абхазии, навсегда останутся в потомственном его владении. Вскоре в Абхазию прибывает новый командующий турецкими войсками, расквартированными на побережье Кавказа, Омер-паша. В сентябре 1855 г. соглашение между Михаилом и турками было заключено, абхазский владетель был торжественно провозглашен начальником всех укреплений и гарнизонов от Анапы до Батума.

Турки перебрасывают в Абхазию крупные силы, в основном состоящие из махаджиров, с целью отвлечь русские войска от осады Карса. Абхазское население не оказывало сопротивления турецким войскам. Здесь туркам очень помогала поддержка абхазского владетеля, который сумел многих князей и дворян склонить на сторону турок. Особенно ценна оказалась его поддержка среди самурзаканской знати.

25 октября на реке Ингур произошло сражение, в котором гурийский отряд потерпел тяжелое поражение. В этом бою геройски погиб первый абхазский этнограф Соломон Теймуркович Званба (1809–1855), командовавший Черноморским 11-м линейным батальоном. После победы турецкие войска заняли Мегрелию, Гурию и т. д. Однако дальше продвижение Омер-паши из-за сложности с подвозом боеприпасов и продовольствия заметно замедлилось. Это приводит к ухудшению отношений между турками и Михаилом, так как именно абхазского владетеля Омер-паша обвинил в своих неудачах. Вскоре наступает окончательный разрыв, и Михаил едет в Тифлис к русским.

Действия десанта Омер-паши не смогли принести желательного туркам результата. В ноябре 1855 г. Карс был взят русскими войсками под командованием Н. Н. Муравьева, после этого турецкие войска стали отступать и в марте 1856 г. покинули Абхазию. Это вызвало очередную волну массового махаджирства. Число махаджиров сложно определить, но было их не менее 20 000. Помимо туркофильских элементов Абхазию покинули и ряд активных участников антиколониального движения, так именно в это время уехал руководитель Дальского народного движения Эшсоу Маршан.

Хотя в целом Крымская война закончилась поражением русского царизма, владение России на Кавказе осталось за ней. Крымская война имела для Абхазии свои особенные последствия. Она расшатала её автономию. Еще в годы Крымской войны наместник на Кавказе Н. Н. Муравьев-Карсский предлагал лишить Михаила Чачба власти и упразднить абхазское княжество. Однако это предложение не было поддержано при царском дворе. Сам Александр II находил целесообразным отложить решение вопроса до более благоприятного времени. Было принято решение, что «торопиться не следует, дабы не принять неосторожные меры, которые могли бы повредить в будущем и навсегда сделать врагом нашим человека, который может еще быть нам полезным».

После завершения Крымской войны Россия возобновила активные боевые действия против кавказских горцев.

Едва турки покинули Абхазию, как сюда вернулись русские войска, а с ними вернулся и владетельный князь Михаил Чачба. 10 июля 1856 г. русские войска под его начальством заняли Сухум. Город был разрушен, мосты и переправы по всей дороге были уничтожены. Укрепления Бамборы и Гагры превратились в груды развалин. В Пицунде древний храм остался целый, но крест его был снят. Дом, построенный для миссии, и другие здания были разрушены. Русские войска, срочно переброшенные в Абхазию, стали восстанавливать разрушенные укрепления. Но еще два три-года положение русских в Абхазии было непрочным. Как отмечал генерал Г. И. Филипсон, «наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен... Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею, в случае повторения несчастных событий 1854-1856 годов мы опять потеряем эту область». Сложность положения подтверждает и начальник войск в Абхазии генерал М. Т. Лорис-Меликов, который в августе 1858 г. так характеризовал общее положение в Абхазии: «Мы заняли Сухум в 1810 г. С того времени уже прошло столетия, и надо сказать, что влияние наше в Абхазии нисколько не улучшилось, что, действительно, как выразился генерал Филипсон, мы не владеем, а только занимаем ее. Даже, кажется, вернее предположить, что это занятие в настоящее время менее прочно, чем было прежде...»

5. Завершающий этап Кавказской войны. Несмотря на это, царские власти стремятся восстановить контроль над черноморским побережьем. Особенно важное значение приобретает Гагринское укрепление. Весной 1857 г. садзы и убыхи совершают нападение на Гагру, но местный гарнизон сумел отразить его. Вновь начинается шириться повстанческое движение в горных районах Абхазии.

В 1858 г. к убыхам прибыл Мухаммед Эмин, стремясь убедить племена северо-восточного берега Черного моря соединиться в одно целое.

Михаил Чачба не замедлил принять меры противодействия, так как он ясно видел, что упрочнение власти Мухаммеда Эмина произойдет в ущерб его собственного влиянию. Владелец убеждал горцев остерегаться наиба, не принимать его. Скоро Мухаммед Эмин вынужден был уйти обратно. В начале 1859 г. состоялась карательная экспедиция на Псху, которую возглавил генерал Лорис-Меликов. Однако на сей раз дело ограничилось перестрелкой и принятием апсхувцами присяги на верность.

В результате решительного наступления царизма на Кавказе в августе 1859 г. Шамиль вынужден был сложить оружие. Его пленением в Гунибе закончилось завоевание Восточного Кавказа.

Последним очагом сопротивления горцев остался Западный Кавказ. Царские власти, стремясь быстрее покончить с покорением Кавказа, активизи-

ровали свои действия на Северо-западном Кавказе. В ноябре 1859 г. сдался Мухаммед Эмин, находившийся все это время среди абадзехов. Еще ранее присягнули на верность императору бжедуги, тимергоевцы, бесленеевцы и другие адыгские субэтносы.

Несмотря на это, жители горной Абхазии – садзы и убыхи продолжили оказывать активное сопротивление. Видя, что освободительное движение в Абхазии набирает силу, русские власти решили покончить с ним решительным ударом, и объектом для этого удара было выбрано Псху – одна из последних цитаделей освободительного движения.

В августе 1860 г. русские войска под командованием генерала Корганова двинулись на Псху. Псху было окружено со всех сторон, а чтобы садзы и убыхи не пришли к ним на помощь, черноморские прибрежные села обстреливались с моря. Несмотря на преимущества русских войск в вооружении, псхувцы отчаянно сопротивлялись. Они получили помощь от айбгаа и ахчипсоуа. Лишь тогда 18 августа 1860 г. псхувцы приняли присягу на верность. Несмотря на это, Кавказская война еще продолжалась, и горцы оказывали отчаянное сопротивление. Была предпринята последняя попытка объединиться западно-кавказским народностям в борьбе против царских завоевателей.

13 июля 1861 г. по инициативе убыхов был создан меджлис (парламент) под названием «Великое и свободное заседание». Идею объединения им подсказал абхазский владетель. Здание меджлиса было воздвигнуто в долине реки Псахе недалеко от Сочи. Причем в постройке этого здания, кроме убыхов, участвовали ахчипсоуцы, айбгаа и побережные садзы (джигеты). Весь край был разделен на 12 округов, вводилась воинская повинность – по пять вооруженных всадников от ста дворов, и налоговая система, прежде всего в целях создания фонда обороны. Решением меджлиса в Турцию и европейские государства было направлено специальное посольство во главе с Измаилом Баракай-ипа Дзиаш. Однако реальной помощи горцы не получили.

В сентябре 1861 г. Кавказ посещает император Александр II, который требует от кавказских народов полной покорности или выселения в Турцию. После этого русские войска еще активнее продолжают наступление. В июне 1862 г. русский десант сжег здание меджлиса. В том же году генерал Шатилов занял село Лата. Окруженные со всех сторон русскими войсками, горские племена одно за другим капитулировали. Последним очагом сопротивления осталась небольшая территория, занятая убыхами и западными абхазами. Против убыхов был направлен Даховский отряд под командованием генерала Геймана. Действия этого генерала отличались особой беспощадностью. Он очистил все пространство между Туапсе и Псекуапсы, истребив все аулы, лежавшие по течению этих рек. Положение убыхов стало критическим. Еще за год до этого в марте 1863 г. депутация убыхов во главе

с Хаджи Берзеком-мл. посещала владетельного князя Михаила, который посоветовал им сложить оружие, считая сопротивление бесполезным, способным разорить их землю. Однако тогда убыхи с этим не согласились, готовясь к сопротивлению и надеясь на помощь англичан и турок. Вообще на последнем этапе Кавказской войны Михаил стал занимать позицию сочувствия сопротивляющимся горцам. Царское правительство не без основания подозревало, что мысль о союзе между убыхами, шапсугами и абадзехами была внушена им абхазским владетелем, хотя и помнило о его заслугах. Эту скрытую позицию владетеля объясняли его стремлением отдалить развязку борьбы царизма с горцами, чтобы сохранить собственную власть. Вообще, по утверждению русских властей на Кавказе, все князья Шервашидзе уверены «в том, что непосредственно вслед за подчинением России земель, окружающих Абхазию, значение их и почет, коим они пользуются от нашего правительства, должны будут прекратиться. Убеждения эти до того вкоренились в Шервашидзевых, что всякое старание уверить их в противном сопряжено было с огромными затруднениями или оказалось невозможным». Не приходится сомневаться, что Михаил Шервашидзе был не заинтересован в окончательном торжестве царизма и на Западном Кавказе только грубой силой и без своего участия, с чем он не мог не связывать ликвидацию и своей политической власти. Воспитанник знаменитого Хаджи-Берзека Михаил Чачба пользовался значительным влиянием на северо-западном Кавказе, что стремились использовать и царские власти, и он сам. Еще в конце 50-х годов генерал Лорис-Меликов отмечал: «Владетель Абхазии, воспитанник убыхов, пользуется в этом племени популярностью и влиянием совершенно исключительным. Что он у убыхов сильнее Мухаммеда Эмина и прочих проповедников, в этом нет сомнения». Чтобы поддержать убыхов и садзов, Михаил ввел даже специальный налог в Абхазии. Дальнейшие события показали, что опасения Михаила насчет судьбы, и его личной, и абхазского княжества, полностью оправдались. Весной 1864 г. начинается последнее решительное наступление русских на горцев. Идет последний год затяжной Русско-кавказской войны.

В марте 1864 г., несмотря на упорное сопротивление, убыхи вынуждены капитулировать. 26 марта 1864 г. к генералу Гейману явились представители садзов-джигетов во главе с Решидом Геч (Гечба), которые также признают свою покорность от России. Спустя буквально считанные дни они почти все целиком покидают родину и переселяются в Турцию. Непокоренными остаются лишь некоторые западно-абхазские общины, занимавшие труднодоступные ущелья по верховьям рек Мзымта и Бзыбь. Для завершения покорения Кавказа, признанного делом первой необходимости, главнокомандующий Кавказской армии Великий князь Михаил Николаевич, младший брат Александра II, двинул в эти не занятые еще земли четыре

колонны, чтобы совместным их действием заставить местное население немедленно подчиниться всем требованиям и очистить страну в скорейшее время. Первой колонне под начальством командующего войсками в Абхазии генерала П. Н. Шатилова было предписано, двинувшись от Гагр на Аибгу и заняв ее, направиться в Ахчепсоу с южной стороны, второй колонне под начальством генерала Д. И. Святополк-Мирского – высадиться в устье реки Мзымта и наступать по ее долине.

Третья колонна генерала В. А. Геймана должна была идти от Кубанского поста в верховье реки Сочи, а оттуда – параллельно к главному хребту, в Ахчипсоу.

Четвертая колонна генерала П. Х. Грабе должна была перейти от истоков р. Малой Лабы через главный Кавказский хребет на южный склон и ущельем Мзымты идти навстречу второй колонне. Войскам приходилось продвигаться, преодолевая отчаянное сопротивление горцев. Самое упорное сопротивление они встретили в ущелье р. Псоу, где обитали воинственные аибговцы. Они особенно надеялись на неприступность данной территории, состоявшей почти из одних отвесных скал. Четыре дня они мужественно удерживали отряд генерала Шатилова, который, по словам кавказского наместника, понес самые значительные потери. Лишь совершив обходной маневр с частью отряда, Шатилов смог занять Аибговскую котловину и оттуда перевалить в Ахчипсоу. Аибговцы же после этого немедленно начали выходить на берег моря для переселения в Турцию. Этот поход решил участь и других горных абхазов. К 20 мая все четыре колонны войск подошли к центру земли ахчипсувцев Губаадвы (ныне – Красная поляна). 21 мая там состоялся торжественный парад по поводу окончания Кавказской войны в присутствии самого наместника на Кавказе Великого князя Михаила Николаевича Романова.

Ахчипсхувцы, а затем и псхувцы, также разделили судьбу аибговцев и приморских садзов и вынуждены были переселиться в Турцию. Таким образом, завершающее сражение Русско-кавказской войны произошло с западно-абхазскими обществами.

Покорение Западного Кавказа имело непосредственное влияние на официальное уничтожение автономии Абхазии. Теперь царские политики решили полностью овладеть Абхазией и для этого, прежде всего, убрать владетельного князя.

В июне 1864 г. владетельный князь Михаил Чачба был лишен власти, а в Абхазии, переименованной в Сухумский военный отдел, было введено так называемое военно-народное управление.

Литература

1. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. Учебник для 10-11 классов Сухум, 2015.
2. Дзидзария Г. А. Завоевание Абхазии царской Россией. Труды. Т. 1. Сухум, 2014
3. Дзидзария Г. А. Абхазо-убыхский союз в освободительном движении на Западном Кавказе. Труды. Т. 2. Сухум, 2015.
4. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии. Труды. Т. IV. Сухум, 2017.
5. История Абхазии. Сухуми, 1991.
6. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 1990.
7. Лакоба С. З. Асланбей. Сухум, 1999.
8. Салакая С. Ш. Абхазия и Кавказская война в советской историографии // Абхазоведение. № 5 – 6. Сухум, 2011.
9. Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. Сухум, 1934.
10. Фадеев А. В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. // Исторический вестник. № 4. М. – Л., 1935.

ЛЫХНЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1866 ГОДА

1. Причины восстания.
2. Народный сход в Лыхны и начало восстания.
3. Ход восстания.
4. Репрессии против восставших.
5. Массовое махаджирство.

1. Причины восстания. Летом 1866 г. в Абхазии вспыхнуло мощное восстание, в котором приняло участие свыше 20 тысяч человек. Основным поводом народного возмущения явилась подготовка к проведению в Абхазии крестьянской реформы. Представители царской администрации, не разобравшись в сословно-поземельных отношениях в Абхазии, своими неумелыми действиями спровоцировали это восстание. Видный абхазский общественный деятель и участник этих событий, сын последнего абхазского владельца Георгий Михайлович Чачба-Шервашидзе писал по этому поводу: «Объявление манифеста народу на почве крепостной зависимости, не существовавшей в этом народе, следовательно, не применимой к нему, явилось всецело непростительной ошибкой со стороны чинов администрации... Народ никак не мог понять, от кого и от чего его освобождают».

Ликвидировав абхазское княжество и введя здесь русское управление, власти не пожелали вникать в местные особенности этой небольшой страны, внутренняя жизнь которой, в отличие от России, Грузии и соседней Мегрелии, была лишена крепостнических отношений.

Деятельность комиссии по подготовке крестьянской реформы в Абхазии, созданной в 1866 г., с самого начала проходила очень нелегко. Местное крестьянское население с недоверием относилось к комиссии, отказываясь давать ей какие-либо сведения. Во многом это было связано с недоверием к деятельности новой администрации. Если упразднение владетельской власти абхазским народом вначале было воспринято довольно спокойно, то последовавшее затем усиление национально-колониального гнёта, грубость чинов администрации, их нежелание считаться с местными обычаями и традициями привели к тому, что в народе стало усиливаться недовольство новой властью.

Новый начальник Сухумского военного отдела полковник В. Коньяр пренебрежительно относился не только к простому народу, но и к абхазским дворянам. Он считал унижительным приравнять их к российскому дворянству и предлагал обложить подушной податью (от которой в Российской империи

было освобождено дворянство) поголовно всё население округа. Также бесцеремонно обращались с абхазским населением и другие чиновники. Среди них большее недовольство вызывал начальник Бзыбского округа Измайлов. Широкую известность приобрёл случай, когда за отказ от требования Измайлова снять перед ним головной убор был арестован некий Миканба.

В такой напряжённой обстановке летом 1866 г. комиссия по сбору материалов для крестьянской реформы приступила к работе. Все местные начальники должны были предоставить сведения о всех повинностях крестьян. Кроме того, во все округа Абхазии были направлены представители комиссии. Один из чиновников этой комиссии А. П. Черепов, направленный в Бзыбский округ, отличался весьма грубым нравом. От крестьян стали требовать давать сведения о количестве земли, которой они владеют, о составе семьи, выплачиваемых повинностях и т. д., заявляя, что это необходимо, чтобы высчитать размеры выкупа, которые те должны заплатить за своё освобождение. Своей грубостью Черепов спровоцировал конфликт в ряде общин округа. Несмотря на просьбу Измайлова «собирать сведения миролюбивым путем, Черепов настойчиво, не перемывая своих грубых манер, требовал от окружного начальника, чтобы он принял принудительные меры и заставил население дать требуемые сведения». Грубые действия чиновника привели к тому, что крестьяне отказывались давать членам комиссии любые сведения, и обстановка все более накалялась. Крестьяне заявляли, что не намерены получать свободу выкупом за свой счёт. Ещё больше население Абхазии было взбудоражено известием, что в инструкциях, разработанных комиссией, не проводилось никакой разницы в положении анхаю и других категорий крестьян. Также крестьянство было возмущено тем, что по проекту они должны выкупать земли, которые были расчищены самими крестьянами и издавна считались их собственностью.

Как было отмечено князьями Шервашидзе-Чачба, «в действительности же, как позднее оказалось, поводом к возникновению беспорядков в 1866 г. послужил неумело и бестактно вводимый в то время манифест об освобождении крестьян в Абхазии...; при этом грубое и распущенное отношение к населению начальствующих мелких чинов (участкового начальника, канцелярских писцов, урядников и пр.) вызвало народное волнение». Практически то же самое утверждал дореволюционный историк С. С. Эсадзе. Именно подготовительные работы к крестьянской реформе вызвали в Абхазии народный мятеж.

Чтобы успокоить население Бзыбского округа, туда прибыл начальник Сухумского военного отдела полковник Коньяр. Но даже в его присутствии крестьяне нескольких общин (Лыхны, Дурипш и др.) отказались предоставлять сведения, которые требовали от них представители комиссии. 23 июля Коньяр докладывал кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому: «Сегодня жители вверенного мне округа сделали народную тревогу; тревога

поднята со стороны общины Дберипш по распоряжению Смела Лакера совместно с Солахом Мааном. По тревоге прибыли в м. Ажичимгра все жители общин: Дберипш, Джирхва, Багардын и Хоапи. Чтобы узнать, с какой целью сделан сбор народа, был послан от меня народный судья Титу Маан, который, воротившись, объяснил, что он, всех расспросив, узнал следующее:

1. Народ выражает неудовольство, что помимо их желания удален владелец их.

2. Народ выражает неудовольство, почему Правительство не хочет спросить, желает ли он детей бывшего владельца допустить остаться в Абхазии на помещичьих правах.

3. От чего Правительство помимо их желания хочет освободить всех от зависимости.

4. Требовать от окружного начальника выдачи всех арестантов содержащихся за разные поступки в округе.

Все эти заявления и требования будут сделаны, как только соберется весь округ, и по их расчету все жители округа соберутся завтра или же непременно в понедельник, то есть 25-го сего июля».

При этом он просил у Святополк-Мирского прислать в Абхазию два батальона, с которыми он сможет «приступить к водворению порядка, не опасаясь даже минутного не успеха». Он также особо отмечал, что возникшее волнение «возбуждено влиятельными лицами разных сословий, владеющими крепостными людьми, так как эти лица рассчитывали, что крестьяне их будут освобождены не иначе, как с вознаграждением от казны. Увидевши ошибочность этого расчета, им легко было убедить даже самих крестьян, что, налагая выкуп на их самих, Правительство не только не улучшит их положение, но даже отягощает его, так как независимо от выкупа, они взамен настоящих повинностей будут платить государственную подать».

Чувствуя, однако, что народное недовольство возрастает, Коньяр вынужден был согласиться на проведение народного схода в селе Лыхны.

2. Народный сход в Лыхны и начало восстания. 26 июля на исторической поляне Лыхнашта собрался семитысячный народный сход. На него прибыл начальник Сухумского военного отдела полковник Коньяр, исполняющий должность Бзыбского округа Измайлов, чиновник комиссии по подготовке реформы Черепов, которых сопровождали сын и брат последнего владельца Абхазии Георгий Михайлович и Александр Георгиевич Шервашидзе-Чачба, переводчики, офицеры, казаки и т.д. Коньяра встретили сдержанно, навстречу к нему вышли выборные (депутаты) в количестве восьми человек, которые должны были говорить от имени народа. От имени делегации с речью выступил известный народный оратор, эшерский крестьянин Осман Шамба. Он прямо обвинил Коньяра: «Со вступлением вашим в управление Абхазией вы давите и притесняете нас. Вы подвергаете нас тяжким наказаниям за малей-

шие наши проступки. Вы столько стесняли и оскорбляли нас, что сердце наше переполнилось терпением, и мы не в силах больше терпеть». Выступавший попросил отправить абхазскую депутацию к кавказскому наместнику, великому князю Михаилу Николаевичу с просьбой не проводить реформу в Абхазии, если же в этом им будет наместником отказано, разрешить им выселиться в Турцию. В ответной речи Коньяр стал угрожать собравшимся: «...Правительство наше желает водворить спокойствие в крае, обеспечить собственность и безопасность всех жителей. Оно не может терпеть дурных людей. Вы достойны более строгих наказаний, потому что вы неоднократно давали слово исправиться, а между тем на деле нисколько не исправляетесь; я объявляю всенародно, что буду строго преследовать всех дурных людей, и если бы все абхазцы оказались преступными и достойными наказания, то я употреблю все усилия и исходатайствую у высшего начальства разрешение выселить всех их в Россию, а не в Турцию, как это вы желаете; ибо выселиться в Турцию вы сами желаете, а дурные люди достойны, чтобы их наказали, а не исполнили их желания. Подозрение ваше о том, что будто я сам без разрешения высшего начальства приступил к собиранию сведений по крестьянскому вопросу, совершенно неосновательно. В Российской империи не может быть никакого важного распоряжения без соизволения г. и.». Возмущение народа достигло своего предела, когда Коньяр заявил, что среди населения находятся заговорщики, которые возбуждают его и что их для спокойствия необходимо выселить из края. В ответ на это крестьяне Маф Амс-ипа и Шпагу Дзган-ипа дали выстрелом сигнал к нападению на царских администраторов. Среди зачинщиков выступления называют также Ханашва Калги, Заурбека Дзапш-ипа, Гуда Дбар и некоторых др. Люди выхватили оружие и бросились на Коньяра и его свиту. Те пытались укрыться во владетельском дворце. По требованию восставших из дворца вышли Георгий и Александр Чачба-Шервашидзе, а также некоторые из сопровождавших их лиц. Однако народ ворвался во дворец, в результате чего Коньяр, Черепов, Измайлов, четыре офицера и 54 казака были убиты.

3. Ход восстания. После этого возмущённая толпа двинулась в сторону Сухума. По пути к ним присоединялись и другие, и число восставших значительно увеличилось. В тот же день 26 июля была разгромлена гудаутская карантинно-таможенная застава. По пути к Сухуму повстанцев на некоторое время задержал разлив реки Гумиста вследствие сильных дождей. Переправиться через нее смогли лишь 27 июля. К этому времени войска, находившиеся в Сухуми, успели подготовиться к обороне. Сосредоточив все имевшиеся в их распоряжении силы, 27 июля в 3 часа дня повстанцы заняли Баалоускую поляну (Трапезия), спустились к Ботаническому саду, а затем под прикрытием домов начали двигаться к морю. Вот что писал о штурме Сухума восставшими начальник Сухумского отряда полковник фон Кульман: «27 числа, в 3 часа

пополудни, неприятель в числе двух тысяч человек конницы и пехоты, под предводительством Тамишука и Мустафы Маргания, стремительно бросился на подгорную слободку и, заняв ее, стал жечь дома..., стараясь при этом главными своими силами оттеснить наших стрелков, упорно отстаивавших городские строения и не забранное жителями имущество, которое они, по неожиданности внезапного нападения и по недостатку в городе перевозочных средств, не могли захватить с собою в крепость. Наступательные действия неприятеля войска наши отражали более десяти раз штыками, и только пламя подоженных строений нередко заставляло их отходить назад к центру города. Находившийся на Трапедии лазарет № 34 батальона, казармы № 37 батальона и прочие постройки были также сожжены неприятелем. Всю ночь войска оставались под ружьем и вели сильную перестрелку. По поверке людей оказалось, что в деле этом ранено обер-офицеров 2, нижних чинов 17, убито нижних чинов 5 и из местных жителей Сухума – 1. Потеря же неприятеля была наиболее значительная: кроме 40 тел, подобранных нами на местах боя, как говорят лазутчики, самим неприятелем прибрано убитых и раненых до 150 человек. Такому значительному поражению много способствовала взятая из резерва артиллерия и, конечно, хладнокровье и благоразумная распорядительность командира ее, пор. Маевского.

Утром 28 числа неприятель, получив подкрепление, снова повел атаку на наши войска, стараясь оттеснить их к морскому берегу, дабы занять и заграбить лавки и магазины, но таковое стремление наши стрелки отразили метким ружейным огнем, а артиллерия – картечью, вместе с тем некоторые дома приходилось брать штурмом, горцы гибли в них, но не сдавались, кроме однако же 3-х человек, захваченных нами в одной из засад.

Перестрелка продолжалась весь день и ночь. Неприятель, зная, что мы слабы в силах, старался до прибытия подкрепления взять над нами перевес и завладеть городом. Находившаяся в крепости на четырех бастионах артиллерия из полевых орудий действовала весьма удачно как картечными, так и гранатными выстрелами, направляемыми в толпы неприятеля и дома, в которых он имел засады. Кроме того, корвет «Вепрь» и шхуна «Соуксу», крейсируя по берегу, обстреливали фланги города и толпы горцев, находившихся расположенными в более отдаленных от крепости местах. В 3 часа пополудни прибыл из Поти транспорт «Воин» и доставил весь 37-й батальон и две роты Кавказских линейных №№ 31 и 32 батальонов. Войска эти тотчас по высадке направлены были в дело, разбили горцев на всех занятых ими пунктах. Ночью, хотя и продолжалась перестрелка, но довольно слабая. В деле этом потеря наша простиралась до трех убитых и 14 раненых нижних чинов. 29 числа неприятель пытался снова занять город, но попытка его была отражена с полным успехом. Вообще действия неприятеля были при этом весьма слабы. С нашей стороны потеря заключалась в двух раненых офицерах, трех убитых и девяти раненых

нижних чинах. 30 числа с рассветом неприятель густыми толпами и со всех сторон стремительно бросился на войска, стараясь прорваться в город, но и в этот раз, как и прежде, не имел успеха, – атака его была отражена на всех пунктах и при этом отбит значок. Хотя затем сильная перестрелка продолжалась более 4-х часов, но к вечеру прекратилась совершенно. В этот день было убито 3 человека, ранено 16 нижних чинов.

В заключение долгом считаю доложить Вашему Сиятельству, что Сухумский окружной начальник майор Бутми де Кацман действием своим удержал от присоединения к мятежником около 2/3 населения вверенного ему округа и, успев собрать из преданных туземцев милицию, первым бросился на неприятеля, задержал его стремление при вторжении в город и подал тем возможность жителям, запоздавшим в своих домах, укрыться благополучно в крепости и на суда. Кроме того, названный штаб-офицер, сообщая мне постоянно верные сведения о намерениях неприятеля, способствовал мне к принятию своевременно необходимых мер предосторожности».

Также неудачей закончилась попытка восставших захватить Пицундскую крепость. Восстание охватило и Цебельду. Однако благодаря содействию князей Алмахсита (Михаила), Адамура и Хрипса Маршания русским войскам удалось удержать Цебельдинское укрепление, хотя и овладели приставским домом, гауптвахтой и другими зданиями в Цебельде и её окрестностях.

В разгар этих событий 29 июля князья Георгий и Александр Чачба-Шервашидзе прибыли в Баалоуский лагерь. Георгий был встречен официально торжественно и в тот же день был провозглашён владетельным князем Абхазии. Было торжественно вынесено владетельское знамя (кстати, крестьянам также было предоставлено особое знамя). Таким образом, восстановление владательства было провозглашено официально как лозунг всего движения. Подавляющее большинство населения Абхазии, разочаровавшееся в новой власти, с радостью восприняло весть о провозглашении владетельного князя. Этим была сделана попытка остановить утраченную два года назад абхазскую государственность. Однако она не увенчалась успехом из-за поражения восстания.

29 июля был разработан новый план штурма Сухума. Операцию предполагалось провести по всем правилам. Этому должен был способствовать тот факт, что в числе находившихся здесь князей и дворян были лица, имевшие военные офицерские чины. Наступление должно было начаться 30 июля с трёх сторон. Один отряд должен был двигаться по главной улице и завладеть городом, второй отряд – нанести удар по крепости, третий – наступать со стороны Беслетки. Одновременно предполагалось занять и Пицундское укрепление. Для снабжения повстанческих отрядов продовольствием была установлена особая подать «ажидз», и начался её сбор. На рассвете 30 июня началось наступление на Сухум, однако царские власти успели сосредоточить

в Сухуме до 3 000 штыков и сабель с артиллерией. Наткнувшись на столь крупные силы, повстанцы вынуждены были отступить. Также неудачей завершилась попытка взять Пицундское укрепление.

Восстание в Абхазии вызвало серьёзное беспокойство властей. Буквально в первые часы восстания о нём стало известно Кутаисскому генерал-губернатору князю Д. И. Святополк-Мирскому, который в тот же час поставил о нём в известность наместника на Кавказе Великого князя Михаила Николаевича. Тот в свою очередь 29 июля информировал о нём своего брата императора Александра II и военного министра Д. А. Милютину. Правительство было крайне обеспокоено положением дел в Абхазии. Оно боялось распространения восстания не только по всей Абхазии, но и по всему Кавказскому краю. Между Петербургом и Тифлисом шла самая интенсивная переписка. Император требовал скорейшего наведения порядка в Абхазии. На подавление восстания были брошены значительные силы. Карательные войска, направленные в Абхазию, возглавил кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский. В рапорте на имя наместника он писал о положении в Абхазии: «Бзыбский округ и часть Сухумского (около 5 000 дворов) были в полном восстании. В остальной части Сухумского военного отдела власть наша уже не существовала, и волнение угрожало разлиться по всей Абхазии... Всякое сухопутное сообщение по Военно-Сухумской дороге было прервано. Капитан-лейтенант Корганов писал из Цебельды, что если вся Абхазия восстанет, то князь Михаил Маршания не будет в состоянии удержать дальцев, и укрепление будет взято. В это время в Сухуме находилось уже 16 рот...».

Святополк-Мирский предпринял энергичные меры по переброске в Абхазию новых подкреплений, и уже во второй половине дня 30 июля царские войска перешли в контрнаступление. Однако абхазы умело пользовались местностью и упорно сопротивлялись. Перестрелка в городе продолжалась до самого вечера. Сухум обстреливали также артиллерией с крепости и стоящих на рейде судов. Видя, что план взятия города не удался, ряд руководителей восстания перешли на сторону правительственных войск. Среди них – гумский князь Мажара Анчабадзе, абжаквинский князь Беслан Чаабалурхва и др. Вследствие этого предательства деятельность некоторых отрядов повстанцев была дезорганизована. Большое значение в неудаче восстания сыграло и то, что оно не было поддержано населением Абжуйской Абхазии. Во многом это произошло потому, что абжуйский князь Григорий Шервашидзе (Гергуал Чачба) не примкнул к восстанию, а затем принял участие в его подавлении. Тем не менее, власти настолько были не уверены в верности населения абжуйской Абхазии, что была снята Очамчирская карантинно-таможенная застава, поскольку посчитали, что ей не безопасно оставаться в Очамчирах. После 30 июля повстанцы снова попытались организовать штурм Сухума, возлагая большие надежды на цебельдинцев. К лидеру цебельдинских повстанцев

Ширинбею Маршан был направлен Александр Шервашидзе-Чачба, и оттуда действительно поступило подкрепление. Новое наступление предполагалось начать 3 августа. Однако власти предприняли энергичные меры для его предотвращения.

2 августа Баалоуская поляна была занята войсками, большая часть восставших разошлась, хотя ещё до 5 августа в районе Сухума находилось до 900 человек повстанцев. Также разошлись и повстанцы, действовавшие против Пицундского укрепления. Получив новые подкрепления, кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский вызвал в Сухум старшин окрестных селений, жители которых принимали участие в штурме города. Им было объявлено, что за применение оружия последует строгое наказание посредством военных действий, если жители окажут малейшее сопротивление; административным и судебным путем – если они окажут полное послушание. Старшины заявили, что население готово принять наказание. Дальнейшей задачей Святополк-Мирский считал окончательное подавление восстания в Бзыбской Абхазии, наказание виновных и упрочение спокойствия края в будущем. Он отмечал, что наилучшей мерой наказания восставших являлось поголовное обезоружение населения.

Когда восстание в целом было подавлено, 12 августа в Сухум прибыл кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич Романов. 13 августа в Сухум прибыли также цесаревич (наследник престола) Николай Александрович и генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич.

Тем временем войска были стянуты в Бзыбскую Абхазию. Бзыбцы через своих представителей вынуждены были заявить, что складывают оружие. Началась выдача оружия населением. Обезоружение Бзыбского округа было закончено 31 августа. Вскоре это мероприятие было проведено и в остальной части Абхазии. Кавказский наместник самодовольно сообщал императору, что в Абхазии всё кончено.

4. Репрессии против восставших. После обезоружения населения власти приступили к наказанию виновных. Георгий Михайлович Шервашидзе-Чачба, объявленный владетельным князем Абхазии, в сентябре 1866 г. был выслан в войска Оренбургского военного округа. Ему было запрещено проживание в Абхазии. Относительная мягкость наказания была вызвана тем, что, по мнению властей, он не играл активной роли в восстании и скорее был не участником, а заложником восставших. Брат последнего владетеля Александр Георгиевич Шервашидзе был уволен с военной службы и сослан в Астраханскую губернию. Также было запрещено проживание в Абхазии другим ближайшим родственникам покойного владетеля М. Г. Шервашидзе-Чачба, хотя при этом правительство предоставило им денежное содержание, «соответствующее их происхождению». Однако против других участников восстания были приняты более решительные меры. Активные участники восстания, сыграв-

шие значительную роль в событиях, 26 июля Ханашв Колги, Какучал-ипа и Казылбек Маргания (Маан) были казнены. Были арестованы десятки и сотни активных участников восстания. 30 человек были высланы в Сибирь, среди них – псхувский князь Заусхан Маршания и дальские вольные жители Тал-лак и Есхан Квадзба. В центральную губернию России были высланы Шмаф Маргания, Тыгу Эмухвари, Тапагу Чезбук-ипа, Зафас Чанба, Заурбек Дзяпш-ипа, Смел Лакербай и Табагу Миканба. Впоследствии некоторые из них были отправлены в Сибирь, например, С. Лакербай и Т. Эмухвари. Среди арестованных оказались и другие участники Лыхненского восстания – Маф Амс-ипа, Шпагу Дзаган-ипа, Каинагу Мачич-ипа, Кобзач Цахтыр-ипа, Гыд Дбар, Мамсыр и Маджифиси Отырба, Гатей Ладария, Тыгу Маргания, Мурзакан Лакербай и др. В Ставропольской тюрьме находились видный участник восстания цебельдинский князь Ширинбей Маршания и столетний повстанец Кягуа Куджба. Рядом с последним находились под надзором полиции в Ставрополе четыре его сына. По просьбе Кягуа к нему поочерёдно «заарестовывали» сыновей, которые помогали своему отцу переносить жизненные тяготы. Принимая во внимание столетний возраст узника, смерть одного из его сыновей и болезнь членов семьи, кавказский наместник Михаил Николаевич в августе 1867 г. разрешил К. Куджба с семейством вернуться на родину в Абхазию. Ещё одним колоритным персонажем среди абхазских ссыльных являлся Камшиш Капба. Он был арестован в 1867 г. в возрасте 15 лет в селе Куланурхва за сокрытие у себя огнестрельного оружия. В ссылке пробыл 14 лет, жил под надзором полиции в Орле, Волхове, Ельце. Здесь он выучился русской грамоте, крестился и принял православное имя Евдоким Михайлович Капбов. В 1880 году он возвратился в Абхазию. Судьба большинства арестованных и ссыльных участников восстания 1866 г. ещё плохо изучена.

5. Массовое махаджирство. Однако наиболее трагическим последствием восстания 1866 г. стала новая волна массового махаджирства, вынужденное переселение абхазов в пределы Османской Турции.

Вопрос о наказании «виновных» стоял весьма остро. Кавказский наместник Великий князь Михаил Николаевич писал кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому: «Желал бы в отношении бзыбцев так поступить: по отобрании у них всего оружия применить к ним хотя частично ту меру, которая исполнена была ныне с аулом в Кайтаге Шеляги, т. е. сожжение аула и поголовное выселение в Россию (шелягинцы уже отправлены). Не найдете ли возможным и полезным хотя несколько или даже одну деревню в Соук-су или окрестностях немедленно сжечь и отправить в Ростов? Убежден, что подобные меры сильнейшим образом подействуют на все абхазское население... Хорошо бы кажется было всех остальных бзыбцев тоже немедленно выселить... в Ставропольскую губернию...». Предложение о выселении части абхазов было доложено императору Александру II, и вскоре военный

министр Д. А. Милютин сообщил наместнику: «Высочайше разрешено предположенное Вашим Высочеством выселение из Кайтаха и Абхазии привести в исполнение. Надлежащие распоряжения по министерствам внутренних дел и государственных имуществ будут сделаны».

С апреля по июнь 1867 года махаджирами стали свыше 20 тысяч человек. Большинство из них были цебельдинцы и дальцы, в которых царское правительство видело наиболее неблагонадежное население среди всех жителей Абхазии, вечных бунтовщиков и мятежников. Начальник Сухумского военного отдела генерал-майор Толстой прямо писал в рапорте начальству, что хотя восстание началось в Бзыбском округе, но политически и экономически целесообразно наказание и, по возможности, выселение за пределы вверенной ему территории прежде всего жителей горной Абхазии (дальцев и цабальцев), а затем абжуйцев. Наиболее ответственные за выселение абхазского населения в 60-х годах наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич Романов и его сподвижники Кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский и начальник кавказского горского управления Д. С. Старосельский. Посол России в Турции граф М. П. Игнатьев о выселении абхазов говорил именно как о решении кавказского начальства. Царским администраторам нужна была Абхазия без абхазов-бунтовщиков.

Кавказский наместник М. Н. Романов изложил свой взгляд на проблему о переселении абхазов в отношении «выселения населения Дала и Цебельды и части населения Абхазии» в адрес военного министра Д. А. Милютина 14 июля 1867 года. Он считал необходимым принять самые энергичные меры к прочному водворению царской власти в Абхазии, имеющей исключительное значение, как по условиям своего географического положения, так и по предшествовавшим условиям её внутреннего управления и внешних сношений. Коренной в этом отношении мерой он считал «возможно, большее ослабление мусульманского элемента населения Абхазии и Цебельды открытием и даже поощрением ухода его на переселение в Турцию». В другом месте кавказский наместник писал ещё более откровенно: «Главная цель предположенного переселения абхазов в Турцию состоит в удалении от пределов наших той части населения, которая заключает в себе элементы, наиболее нам враждебные». Планировалось выселить около 4 500 абхазских семейств. Чтобы подтолкнуть абхазское население к переселению в Турцию, в сентябре 1866 г. было принято решение о выселении из Абхазии до 1000 семейств абхазских горцев во внутренние области России. Их предполагалось поселить в стенах Новороссийской губернии. В то же время русская дипломатия проявляет большие усилия, чтобы правительство султанской Турции согласилось принять у себя абхазских махаджиров. Наконец, 3 января 1867 г. посол в Стамбуле граф Н. И. Игнатьев доложил, что поставленная перед ним задача выполнена – согласие турецкой стороны, несмотря на первоначальный отказ, на переселение абха-

зов получено. Причем российская сторона поставила условие, чтобы переселенцев не селили вблизи российских границ и на Балканах. Была достигнута договоренность, что новую волну махаджиров поселят в Сирии.

Для ускорения выселения распускаются провокационные слухи что: 1) что в мае тут начнется собираться с них подать, хотя теперь и неизвестно, в каком размере, или за целый год, или за полугодие; 2) запрещено им будет жить отдельными усадьбами, а укажут им места для устройства селений; 3) всех, живущих теперь в ущельях Пицундского округа, Анух, Псырдцха, Драндского округа, Ткварчели, Ачанары, Чалов и Гуп, выселят в прибрежные места края; 4) у всех будет отобрано оружие огнестрельное (что касается до Драндского округа). И вскоре начался массовый исход абхазов с родных мест. Наместник на Кавказе пишет с удовлетворением Александру II: «Из Абхазии поступают тоже хорошие сведения: жители Пицундского округа (быв. Бзыбский) не желают идти в Турцию, и все принимают добровольно христианство; ближайшие аулы к Сухуму, самые... ненадежные переселяются, как равно цебельдинцы и дальцы; последнее весьма важно, ибо эти два магометанские племени обитали в очень труднодоступных горных трущобах, из коих через Карачай имели сообщенье и связь с Кабардой. Таким образом, я имею надежду, что вместо предполагавшихся к выселению 4 т. семейств уйдут около 1500 и именно магометане, живущие в горах».

Выселение абхазов приняло столь массовый характер, что вызвали беспокойство и недовольство кавказского начальства. 3 апреля Великий князь Михаил Николаевич даёт предписание генерал-майору М. Толстому, чтобы поголовное выселение коснулось лишь цебельдинцев и дальцев, а в остальных округах число переселенцев должно быть ограничено.

22 июня 1867 г. начальник Сухумского отдела доносит начальнику Кавказского горского управления Д. С. Старосельскому об окончании переселения абхазов в Турцию: «Выселение, начавшееся по обнаружении предписания е. и. выс. главнокомандующего кавказской армией к кутаисскому генерал-губернатору от 9-го февраля текущего года, окончено, и об этом окончании объявлено в приказе по Отделу от 3-го сего июня № 70, причем из представленных начальниками округов сведений видно, что выселено из округов: Пицундского – 226 дворов, в числе 666 душ мужского пола, 4 691 женского, Драндского – 626 дворов, в числе 1714 душ мужского пола и 1 531 женского и Цебельдинский – весь, в числе 2 503 дворов, насчитывающих 14 740 душ, а всего – 3 358 дворов, в числе 19 342 душ обоего пола».

Распоряжение о выселении в Новороссийскую губернию было отменено – некого было выселять. В результате махаджирства в 1867 г. практически полностью абхазское население покинуло районы Цебельды и Дала, Гагрский участок и т.д. Все эти территории постепенно заселяются представителями других национальностей, и последствия этих событий ощущаются до сих пор.

Литература

1. Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. Сухуми, 1986.
2. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. Сухум, 2007.
3. Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955.
4. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.
5. Дзидзария Г. А. Труды. Т. 1. Сухуми, 1988.
6. Дзидзария Г. А., Антелави И. Г. Материалы по истории абхазского княжества в XIX в. // «Исторический вестник». Т. 7. Тбилиси, 1953.
7. История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1991.
8. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
9. Материалы по истории Абхазии XIX века. Т. III. Сухум, 2012.
10. Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. Сухуми, 1960.
11. Салакая С. Ш. К вопросу о махаджирстве 1867 г. // Абхазоведение. №7. Сухум, 2012.
12. Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. Сухум, 1934.

МАХАДЖИРСТВО В АБХАЗИИ

1. Причины и основные этапы махаджирства.
2. Переселение в годы Крымской войны.
3. Выселение горцев после покорения Кавказа.
4. Махаджирство 1867 г.
5. Махаджирство 1877–1878 гг.

1. Причины и основные этапы махаджирства. Переселение, в основном насильственное и вынужденное, коренных жителей Кавказа в пределы Османской (Турецкой) империи известно в истории под названием махаджирства и является той страшной трагедией, которая поставила древние народы региона на грань их полного исчезновения.

Крупнейший специалист в изучении кавказского махаджирства, выдающийся абхазский историк Георгий Алексеевич Дзидзария выделяет несколько основных причин, приведших к массовому выселению горцев с родной земли: социально-экономические условия; активизация военных мероприятий царского самодержавия, сопровождавшаяся усилением антиколониального движения; реваншистская политика правящих кругов Турции, преследовавшая и иные цели (колонизация кавказскими переселенцами пустых и малоосвоенных земель страны, особенно пограничных с Россией территорий, использование воинственных горцев в будущем в войне против последней для поддержания разваливавшейся Османской империи и т. д.); происки английских интервентов, во внешнеполитических планах которых Западный Кавказ занимал особое место. В XIX в. Англия и Франция, став на путь колониальных захватов на Востоке и преследуя свои экономические и политические выгоды, стремились к ослаблению России и вытеснению ее с Кавказа. Россия же боролась за Кавказ как за исключительно важную стратегическую позицию. И значение этой позиции в обстановке нараставшего международного соперничества увеличивалось. Создание военно-административного аппарата царизма в отдельных районах, превращение их, с применением вооруженной силы, в колонии было завершено лишь в 60-х годах XIX в. – факт, с которым была связана длительная и упорная национально-освободительная борьба кавказских народов. Упразднение Абхазского княжества и введение непосредственного российского управления рассматривалось как «государственная необходимость» именно в связи с окончанием указанной войны. А все эти акты имели и такие серьезные последствия, как обострение движения

против колониальной политики. С другой стороны, наблюдаются новые маневры англо-турецких агрессоров на Западном Кавказе. Выселение основной массы горцев Северо-Западного Кавказа, в том числе и значительной части абхазского населения, связано с завершением Кавказской войны, введением «военно-народного управления» и началом крестьянской реформы.

К числу основных причин, приведших к махаджирству абхазов, Г. А. Дзидзария относит преступную роль многих представителей высших сословий и религиозный фактор. Мусульманство исповедовалось в то время большей частью населения. В их сознание внедрялось представление о турецком султанине как о главе «правоверных», т. е. верховном покровителе и властелине всех мусульман, что играло определенную роль во многих событиях, имевших место в Абхазии и на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Однако, несмотря на все усилия англо-турецкой агентуры и мусульманского духовенства, в отличие от Восточного Кавказа, где борьба против колониальной политики царизма велась под знаменем «священной» войны – газавата и возглавлялась мюридами, а мюридизм направлялся против установления влияния России в крае, – антиколониальная борьба на Западном Кавказе не носила религиозной окраски. Но в то же время значительная масса кавказского горского населения, особенно ее мусульманская часть, новым своим местожительством предпочитала Турцию, казавшуюся ей «меньшим злом», прежде всего, как единоверную страну. Именно общность религии, исповедание мусульманской веры, главой которой считался турецкий султан, являлась основной исторической нитью, которая «связывала» кавказское мусульманское население вообще с Османской империей.

Махаджирство на Кавказе продолжалось периодически в течение почти всего XIX в. и вплоть до начала Первой мировой войны. Однако это движение имело несколько, уже отмеченных выше, основных этапов, связанных, как правило, с крупными внутренними и международными событиями, когда оно становилось особенно массовым, причем на большом пространстве Кавказа или в отдельных его частях. И именно на этих этапах переселенческая проблема превращалась в важную часть внешней и внутренней политики как России и Турции, так и отчасти европейских держав, особенно Англии, захватнические интересы которой в данном районе необходимо рассматривать в широком плане британской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке, в плане борьбы против интересов России. Если говорить конкретно об Абхазии, то соперничавшие с Россией страны прекрасно учитывали стратегическое положение этого княжества, связывавшего Закавказье с Северо-Западным Кавказом, – факт, не в меньшей степени оценивавшийся самой Россией, которой обладание Абхазским побережьем давало возможность вплотную подойти к горским племенам, находившимся под влиянием Турции и закрывавшим доступ к Черному морю. Вместе с тем из политических устремлений всех на-

званных государств по отношению к Кавказу в целом вытекала и совершенно определенная их экономическая заинтересованность. Поэтому, например, русский царизм пытался расширить и укрепить свои позиции здесь не только политическими и военными методами, но и целой системой экономических мероприятий. Действенным же средством борьбы против окончательного утверждения России на Кавказе европейская и турецкая дипломатия всегда считала горцев. Этому она придавала и большое международное значение. Это подтверждается, в частности, тем, что в зарубежной политической литературе того времени широко проводилась мысль о том, что горцы Кавказа «прикрывают собой Турцию, Персию, Индию и даже Европу».

Наиболее массовые периоды (волны) выселения, по подсчетам исследователей, происходили в 1810, 1821, 1824, 1830, 1837, 1841, 1856, 1864, 1867, 1877–1878 гг.

После утверждения Сафарбея в Абхазии прошла первая крупная волна переселения, махаджирами стали около 5 тысяч человек, в основном сторонников Асланбея и противников присоединения к России. Восстания 1821 и 1824 гг., карательные экспедиции 1830, 1837, 1840–1841 гг. вызвали новые потоки вынужденных переселенцев, но провести их точный подсчет не представляется возможным. Можно лишь сделать предположение, что речь идет о десятках тысяч людей.

2. Переселение в годы Крымской войны. Махаджирство второй половины XIX века изучено лучше, есть более подробные и достоверные источники. Во время Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. русские войска покинули территорию Абхазского княжества (1854 г.) и этим воспользовалась Османская империя. В октябре 1855 г. в Сухуме был высажен корпус под командованием Омер-паши. Турки предпринимали неоднократные попытки вербовки в свою армию кавказского населения, но без особого успеха. Несмотря на определенные успехи в ходе боевых действий, войска Омер-паши не смогли воспользоваться ими и вскоре должны были покинуть Кавказ. В результате Крымской войны до 20 тысяч абхазов покинули родину. Среди них были как люди, перешедшие на сторону Турции в ходе войны, так и участники многолетнего сопротивления русскому господству, которые после того как по итогам войны Кавказ был признан за Россией, потеряли надежду добиться своей цели. В самой Османской империи с целью заманить в свои пределы мусульманский элемент России, в том числе кавказских горцев, был разработан план переселения. Определялись льготные условия для эмигрантов. Им обещались земля в том размере, в каком они смогли бы ее обработать, освобождение от налогов (в Анатолии – на 12 лет, в Румелии – на 6 лет) и от воинской повинности. Это мероприятие также имело определенное влияние на эмиграционный процесс в Абхазии. В итоге именно по причине переселения в Турцию уже в 50-х годах в Абхазии произошло значительное сокращение населения.

3. Выселение горцев после покорения Кавказа. После Крымской войны царское правительство получило возможность сконцентрировать на Кавказе большие военные силы – до 200 тыс. пехоты и конницы при 200 орудиях. Было решено оставить все войска, переброшенные сюда в период войны с Турцией, и под непосредственным руководством наместника Кавказа А. И. Барятинского «вести борьбу с горцами без перерыва, летом и зимой, до полного их поражения». Таким образом, царское правительство решило воспользоваться присутствием на Кавказе значительного количества своих войск, т. е. исключительно с помощью «сильных приемов» добиться быстрее осуществления своих целей на Кавказе. Выбор главнокомандующего на пост начальника Главного штаба Кавказского корпуса, переименованного в Кавказскую армию, пал на генерала Д. А. Милютину, который сумел направить усилия штабов различных воинских частей на исполнение одного общего плана «покорения» Кавказа. Однако, по признанию многих «компетентных» лиц, едва ли все это привело бы к «решительным результатам», если бы не был изменен установленный Ермоловым и Воронцовым «образ ведения войны» и не была принята система «водворения» «прочных» казачьих поселений в «покоренных» местах, приведенная в исполнение (с 1860 г.) командующим войсками Кубанской области генералом Евдокимовым, кстати, избранным самим Александром II исполнителем своей «державной воли». Таким образом, речь шла о переходе «в наступательный образ действий».

В результате активизации боевых действий со стороны царской России в августе 1859 г. имам Шамиль вынужден был сложить оружие. Единственным очагом сопротивления горцев остался Западный Кавказ. Царское командование решило принять против горцев «самые настойчивые и энергичные меры». И несмотря на отчаянное сопротивление адыгские субэтносы Причерноморья один за другим вынуждены были капитулировать. Весной 1864 г. такая же участь постигла убыхов и садзов. 21 мая 1864 года в урочище Губаадвы (Красная Поляна) в присутствии наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича состоялся военный парад в знак окончания Кавказской войны. Горцам был поставлен ультиматум. Они должны были покинуть родную землю и в кратчайший срок решить: выселяться им за Кубань или переселяться в пределы Османской империи. Подавляющее большинство выбрало второй вариант. После этого начался один из самых трагических периодов в истории кавказских горских народов. Сотни тысяч людей вынуждены были перебраться на чужбину.

По подсчетам председателя Кавказской археографической комиссии А. П. Берже, анализировавшего официальные статистические сведения, за период с 1858 по 1865 г. в Турцию переселилось 439 194 души, или 11-я часть населения, занимавшего северный склон Западного Кавказа и прибрежную горную полосу между Главным хребтом и Черным морем от Анапы до Гагры и

котловину реки Бзыбь. Из них за период с 1862 г. по июнь 1865 г. выселилось 180 000 душ. Причем на это переселение было издержано 224 000 руб. серебром. «Выселение горцев продолжалось и впоследствии». По отношению к адыгейцам, в частности, это привело к тому, что «от стройного прежнего и цельного народа остались небольшие клочки в виде этнографических островков и полосок по Кубани, Зеленчуку и другим впадающим в Кубань рекам». Количество же выселившихся в Турцию черкесов «с ушедшим раньше и позже» 1864 г., по мнению Л. Г. Лопатинского, «набирается больше полумиллиона».

Однако к приведенным выше цифровым данным Берже совершенно резонно относился скептически. «К сожалению, – писал он, – мы не имеем данных определить хотя бы с достаточной приблизительностью численность каждого из племен, так как при абсолютном отсутствии между ними государственности сами представители их и старшины никогда не знали точной цифры своих единоплеменников. Даже число дымов, при полной свободе каждого жить и уходить куда ему угодно, не могло быть определено... Горцы грузились на турецкие кочермы, выходявшие из пунктов, принадлежащих еще непокорным племенам, которым решительно не было никакого интереса считать, кто и зачем отправляется в Турцию. С другой стороны, при усилившемся выселении... счет переселенцам производился не с научною, а с ... целью уменьшить размер бедствий переселенцев. Оттого в официальных документах более всего обращалось внимание на счетоводство, на количество выданных пособий, причем этнографические особенности оставались в стороне. Сколько тысяч горцев было отправлено на частных, казенных и турецких судах определить можно; но кто именно отправлялся: бжедуги, абадзехи или шапсуги, оказывалось известным только в редких случаях... Есть полное основание думать, что даже в то время, когда главнокомандующим армиею были назначены специальные агенты для наблюдения за выселением горцев, то и они неверно показывали число душ». В другом месте Берже также подчеркивает, что число переселенцев, отправившихся из незанятых русскими приморских пунктов на турецких кочермах, «нельзя определить даже приблизительно: оно никому не было известно и остается неизвестным точно так же, как и места, куда они прибыли в Турцию и где водворились». Таким образом, сведения официальных источников об общем количестве переселившихся горцев Северо-Западного Кавказа в Турцию в 1858–1864 гг. сильно преуменьшены. По мнению М. С. Тотоева, оно достигает 700–750 тыс. А. Убичини и Павэ де Куртейль определенно называют цифру 700 тыс. Весьма убедительно и логично раскрывает стремление царских властей преуменьшить количество горцев-переселенцев А. Х. Касумов. Он считает, что если на Северо-Западном Кавказе к середине XIX века проживало более одного миллиона адыгов, а после окончания Кавказской войны и переселения в Турцию их осталось всего около 100 тысяч, то, следовательно, речь идет о более чем 900 тысячах человек (хотя эти цифры не бесспорны).

По сообщению А. П. Берже, из общего количества кавказских переселенцев представители абазин и садзов-джигетов, относящиеся к абхазско-абазинской этнической группе, составляли:

Первые (1858–1866 гг.) – 4350 семейств или 30 000 душ.

Вторые (1863–1864 гг.) – 19925 душ.

Итого – 49 925 душ

Количество выселившихся убыхов, по мнению Г. А. Дзидзария, достигало почти 45 тысяч. В таком случае число выселившихся в указанный период людей абхазско-абазинской и убыхской этнической принадлежности определяется цифрой почти 95 тысяч человек.

Ужасающую картину переселения описывает очевидец этих событий Я. В. Абрамов: «Горцы, уходя с своих мест поселения, покидали свои жилища, оставляли скот и запасы хлеба, а иногда и не убранные нивы. Сами же горцы, без всякого имущества, скапливались частью в Анапе и Новороссийске, частью во многих мелких бухтах северо-восточной части берега Черного моря, тогда еще не занятых русскими. Отсюда их перевозили в Турцию турецкие кочермы, а также отчасти заарендованные специально для этой цели русским правительством суда. Но так как всего этого транспортного флота было крайне недостаточно для перевозки почти полумиллиона человек, то массе горцев приходилось ждать своей очереди по полугоду, году и более. Все это время они оставались на берегу моря, под открытым небом, без всяких средств к жизни. Страдания, которые приходилось выносить в это время горцам, нет возможности описать. Они буквально тысячами умирали с голоду. Зимой к этому присоединялся холод. Весь северо-восточный берег Черного моря был усыпан трупами и умирающими, между которыми лежала остальная масса живых, но до крайности ослабевших и тщетно ждавших, когда их отправят в Турцию. Очевидцы передают ужасные сцены, виденные ими в это время. Один рассказывает о трупке матери, грудь которой сосет ребенок; другой – о матери же, носившей на руках замерзших детей и никак не хотевшей расстаться с ними; третий – о целой гряде человеческих тел, прижавшихся друг к другу в надежде сохранить внутреннюю теплоту и в этом положении застывших и т. д.».

4. Махаджирство 1867 г. Завершение Кавказской войны не прекратило выселения абхазов с родной земли. Одна из крупнейших волн махаджирства прошла после Лыхненского восстания в 1866 г.

Вопрос о наказании «виновных» стоял весьма остро. Кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич писал кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому: «Желал бы в отношении бзыбцев так поступить: по отобрании у них всего оружия применить к ним, хотя частично, ту меру, которая исполнена была ныне с аулом в Кайтаге Шеляги, т. е. сожжение аула и поголовное выселение в Россию (шелягинцы уже отправлены). Не

найдете ли возможным и полезным хотя несколько или даже одну деревню в Соук-су или окрестностях немедленно сжечь и отправить в Ростов? Убежден, что подобные меры сильнейшим образом подействуют на все абхазское население... Хорошо бы казалось было всех остальных бзыбцев тоже немедленно выселить... в Ставропольскую губернию...». Предложение о выселении части абхазов было доложено императору Александру II, и вскоре военный министр Д. А. Милютин сообщил наместнику: «Высочайше разрешено предположенное Вашим Высочеством выселение из Кайтаха и Абхазии привести в исполнение. Надлежащие распоряжения по министерствам внутренних дел и государственных имуществ будут сделаны».

С апреля по июнь 1867 г. махаджирами стали свыше 20 тысяч человек. Большинство из них были цебельдинцы и дальцы, в которых царское правительство видело наиболее неблагонадежное население среди всех жителей Абхазии, вечных бунтовщиков и мятежников. Начальник Сухумского военного отдела генерал-майор Толстой прямо писал в рапорте начальству, что, хотя восстание началось в Бзыбском округе, но политически и экономически целесообразно наказание и, по возможности, выселение за пределы вверенной ему территории, прежде всего жителей горной Абхазии (дальцев и цабальцев), а затем абжуйцев. Наиболее ответственными за выселение абхазского населения в 60-е годы были, прежде всего, наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич Романов и его сподвижники – кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский и начальник Кавказского горского управления Д. С. Старосельский. Посол России в Турции граф М. П. Игнатьев о выселении абхазов говорил именно как о решении кавказского начальства. Царским администраторам нужна была Абхазия без абхазов-бунтовщиков.

Кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич изложил свой взгляд на проблему переселения «населения Дала и Цебельды и части населения Абхазии» в письме, адресованном военному министру Д. А. Милютину 14 июля 1867 г. Он считал необходимым принять самые энергичные меры к прочному водворению царской власти в Абхазии, имеющей исключительное значение как по условиям своего географического положения, так и по предшествовавшим условиям её внутреннего управления и внешних сношений. Коренной в этом отношении мерой он считал «возможно, большее ослабление мусульманского элемента населения Абхазии и Цебельды открытием и даже поощрением ухода его на переселение в Турцию». В другом месте кавказский наместник писал ещё более откровенно: «Главная цель предположенного переселения абхазов в Турцию состоит в удалении от пределов наших той части населения, которая заключает в себе элементы наиболее нам враждебные». Планировалось выселить около 4 500 абхазских семейств. Чтобы подтолкнуть абхазское население к переселению в Турцию, в сентябре 1866 г. было принято решение о выселении из Абхазии до 1000 семейств абхазских горцев

во внутренние области России. Их предполагалось поселить в степях Новороссийской губернии. В то же время русская дипломатия проявляет большие усилия, чтобы правительство султанской Турции согласилось принять у себя абхазских махаджиров. Наконец, 3 января 1867 г. посол в Стамбуле граф Н. И. Игнатьев доложил, что поставленная перед ним задача выполнена – согласие турецкой стороны на переселение абхазов, несмотря на первоначальный отказ, получено. Причем российская сторона поставила условие, чтобы переселенцев не селили вблизи российских границ и на Балканах. Была достигнута договоренность, что новую волну махаджиров поселят в Сирии.

Для ускорения выселения распускаются провокационные слухи: 1) что в мае тут начнется собираться с них подать, хотя теперь и неизвестно, в каком размере, или за целый год, или за полугодие; 2) что запрещено им будет жить отдельными усадьбами, а укажутся им места для устройства селений; 3) что всех, живущих теперь в ущельях Пицундского округа Анух, Псырдиха, Драндского округа, Ткварчели, Ачанары, Чалов и Гуп, выселят в прибрежные места края; 4) что у всех будет отобрано оружие огнестрельное (что касается до Драндского округа).

И вскоре начался массовый исход абхазов с родных мест. Наместник на Кавказе пишет с удовлетворением Александру II: «Из Абхазии поступают тоже хорошие сведения: жители Пицундского округа (бывш. Бзыбский) не желают идти в Турцию и все принимают добровольно христианство; ближайшие аулы к Сухуму, самые... ненадежные, переселяются как равно Цебельдинцы и Дальцы; последнее весьма важно, ибо эти два магометанских племени обитали в очень труднодоступных горных трущобах, из коих через Карачай имели сообщение и связь с Кабардой. Таким образом, я имею надежду, что вместо предполагавшихся к выселению 4 т. семейств уйдут около 1500 и именно магометане, живущие в горах».

Выселение абхазов приняло столь массовый характер, что вызвало беспокойство и недовольство кавказского начальства. 3 апреля великий князь Михаил Николаевич даёт предписание генерал-майору М. Толстому, чтобы поголовное выселение коснулось лишь цебельдинцев и дальцев, а в остальных округах число переселенцев должно быть ограничено.

22 июня 1867 г. начальник Сухумского отдела доносит начальнику Кавказского горского управления Д. С. Старосельскому об окончании переселения абхазов в Турцию: «Выселение, начавшееся по обнародовании предписания е. и. выс. главнокомандующего кавказской армией к кутаисскому генерал-губернатору от 9-го февраля текущего года, окончено и об этом окончании объявлено в приказе по Отделу от 3-го сего июня № 70, причем из представленных начальниками округов сведений видно, что выселено из округов: Пицундского – 226 дворов, в числе 666 душ мужского пола, 4691 женского, Драндского – 626 дворов в числе 1714 душ мужского пола и 1531 женского и

Цебельдинский – весь, в числе 2503 дворов, насчитывающих 14,740 душ, а всего – 3358 дворов, в числе 19,342 душ обоего пола».

Распоряжение о выселении в Новороссийскую губернию было отменено – некого было выселять. В результате махаджирства 1867 г. абхазское население практически полностью покинуло районы Цебельды и Дала, Гагрский участок и т. д. Все эти территории постепенно заселяются представителями других национальностей, и последствия этих событий ощущаются до сих пор.

5. Махаджирство 1877–1878 гг. Самая крупная волна махаджирства пришла на 1877–1878 гг., наложившись на события русско-турецкой войны. Еще в период оккупации Абхазии турецкими войсками командование экспедиционным корпусом, недовольное отсутствием массового притока в войска местного населения, начало организовывать выселение абхазов в Турцию. 15 июля 1877 г. абхазскому населению от имени турецкого командования было объявлено о решении поголовного выселения абхазов в Османскую империю. Отказывавшихся переселяться казнили. По свидетельству очевидцев, массовые казни проходили в Сухуме и других населенных пунктах. После же ухода турок, чтобы оправдаться в трусливой и бездарной сдаче Абхазии, русские генералы и чиновники стали обвинять местное население в переходе на сторону противника, что стало причиной объявления абхазов «виновным населением» и спровоцировало массовое выселение в Турцию.

О количестве выселенного из Абхазии в 1877 г. населения очень трудно судить. Во всяком случае, назвать точную цифру не представляется возможным. На этот счет имеются весьма противоречивые сведения. В газете «Wiener – Tagenblatt» сообщалось: «Население Абхазии считается приблизительно в 70 000 душ; из них в Сухум-Кале прибыло уже 40 000 человек со 100 000 голов скота. Посадка их на суда, само собой разумеется, может идти лишь медленно, в последние 8–10 дней в Трапезунд привезено около 12 000, большей частью женщин и детей». В 1878 г. в газете «Кавказ» и сборнике «Известия кавказского отдела Русского географического общества» была опубликована официальная таблица о населении Абхазии до войны и количестве выселившихся в Турцию в 1877 г. Во вводной части к ней говорится: «В печати не раз приводились цифры о количестве абхазцев, выселившихся в Турцию в последнюю войну. Цифры эти отличались разноречием и вообще преувеличением. Мы имеем возможность в настоящее время поделиться с читателями достоверными сведениями о количестве туземного населения в Сухумском отделе до и после войны». Но в достоверности этих сведений тоже можно сомневаться. Согласно указанной таблице, в Абхазии к моменту начала войны было 75 698 чел., из них выселилось в Турцию или «пропало без вести» – 31 964 человека. По сведениям Г. Церетели, в Турцию увезли 48 тысяч абхазцев, а по данным С. Месхи и В. Рюстову, – 50 тысяч. «Русский мир» также называет цифры – 50 тыс. махаджиров и 16 500 голов скота; по данным англий-

ского вице-консула в Трапезунде Билиотти, количество абхазских переселенцев доходило до 45 000; «Новое время» приводит цифру, едва превышающую 30 000; по некоторым другим источникам – 35000. К. Д. Кудрявцев писал: «Лица, стоявшие близко к этому делу, считают, что в 1877–1878 гг. из Абхазии выселилось до 95 процентов всего населения». Если же из всех имеющихся по этому вопросу данных вывести среднюю величину, то она будет равняться примерно 50 000».

По сообщению начальника Сухумского отдела полковника П. Аракина, в результате выселения в 1877 г. почти полностью обезлюдела центральная Абхазия от р. Псырцха до р. Кодор. Нетронутой оказалась лишь территория Самурзакани, так как её прочно защищали русские войска.

Следовательно, только в результате махаджирства в 50–70-х годах из Абхазии выселилось около 80 000 человек, количество же всех махаджиров абхазско-абазинской этнической принадлежности равнялось около 135 000 (из 150 000), а вместе с убытками – приблизительно 180 000. Надо заметить, что эти данные в отдельных случаях преуменьшены. Во всяком случае, по указанным годам мы располагаем по крайней мере приблизительными данными. Но уже никто и приблизительно не определит количество людей, унесенных другими «махаджирскими» годами – 1821, 1824, 1830, 1837, 1841. Что касается 1810, 1829 и 1854 годов, то З. И. Чичинадзе, со слов самих переселенцев, называет соответственно 5, 10 и 20 тыс. Тем более невозможно определить, насколько сократилось абхазское население в XIX веке в результате работорговли, вторжений турецких войск, действий царских карательных экспедиций, голода, эпидемий и т. д.

Но несомненным является факт, что и поныне абхазы продолжают испытывать все негативные последствия этой трагедии, которая сыграла роковую роль в их последующей истории.

Литература

1. Абхазия и абхазы в российской периодике. Книга II. Сухум, 2008.
2. Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазов // Избранные труды. Т. II. Сухум, 2011.
3. Ачугба Т. А. Этническая история абхазов. Этнополитические и миграционные аспекты. XIX – XX вв. Сухум, 2010.
4. Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.
5. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Учебник для 10–11 классов. Сухум, 2015.
6. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.

7. Дзидзария Г. А. Труды. Т. I. Сухум, 2014.
8. Дзидзария Г. А. Труды. Т. II. Сухум, 2015.
9. Инал-ипа Ш. Д. Изменение этнической ситуации в Абхазии в XIX – нач. XX века // Советская этнография. 1990. №1.
10. Кудрявцев К. Д. Материалы по истории Абхазии. Сухум, 1922.
11. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
12. Материалы по истории Абхазии XIX века. Т. I–III. Сухум, 2008–2012.
13. Мачавариани К. Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 2009.
14. Салакая С. Ш. К вопросу о махаджирстве 1867 г. // Абхазоведение. №7. Сухум, 2012.
15. Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. I. Сухум, 1934.
16. Цвижба Л. И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2001.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АБХАЗИИ В XIX ВЕКЕ

План

1. Социальный состав Абхазии в XIX в.
2. Народное хозяйство Абхазии в первой половине XIX в.
3. Экономическое положение Абхазии во второй половине XIX в.
  - 3.1. Промышленные предприятия.
  - 3.2. Дорожное строительство.
  - 3.3. Развитие города Сухум.

1. Социальный состав Абхазии в XIX в. Территория, административное деление, население Абхазского княжества.

Границы Абхазского княжества проходили в основном по р. Ингур, Главному Абхазскому хребту и Гагринским теснинам. По «Кавказскому календарю на 1867 год» И. Стебеницкого, площадь Абхазии равнялась 6941,7 кв. верст, плотность населения – 1 кв. верст.

Теплый и влажный климат, особенности рельефа способствовали развитию богатой флоры и фауны. В долинах и ущельях рек Бзыбь, Гумиста, Келасур, Кодор, Галидзга и других, где расположены самые цветущие районы Абхазии, население издревле занималось земледелием, скотоводством и другими отраслями сельского хозяйства. Растительность насчитывала до 35 наиболее ценных видов, среди которых самшит (кавказская пальма), тис (красное дерево). Горные пастбища в зоне альпийских лугов отличаются разнообразием и богатством травяного покрова, в котором встречается более 250 видов растений кормового значения. В Абхазии насчитывается до 550 видов лекарственных растений. Животный мир Абхазии богат множеством зверей, птиц, пчел, а реки богаты рыбой.

В Абхазии издавна добывалась железная руда, в бассейне р. Гумисты разрабатывались свинцово-серебряные руды с целью литья пуль. Почти везде имеется материал для развития гончарного и керамического производства, а также обработки камня, дерева, кожи.

Естественно-географические условия Абхазии почти полностью удовлетворяли потребности натурального хозяйства, за исключением соли и отчасти металла, которые издавна ввозились в страну.

Каждая административная единица делилась на отдельные села – акыта (община), состоявшие, как правило, из нескольких поселков – ацута (ацута) или ахабла (ахабла).

Резиденцией абхазского владетельного князя с конца XVIII в. и до присоединения к России являлся Сухум, Акуа (Акуа), куда ее из Лыхны перенес владетельный князь Келешбей Чачба.

После присоединения Абхазии к России и до 1864 г. страна делилась на Бзыбский, Абхазский (Сухумский) и Абжуйский округа, Самурзаканское и Цебельдинское приставства. Цебельдинское приставство было образовано в 1837 г., Самурзаканское – в 1840 г.

Самурзаканское приставство было выведено из ведения начальника Черноморской береговой линии и подчинено кутаисскому военному губернатору, а с 1857 г. (введено русское управление в Мегрелии) до 1864 г. (введено русское управление в Абхазии) подчинено управляющему Мегрелии. В 1840 г. было образовано Джигетское (Садзкое) приставство (современный Гагрский и частично Сочинский районы). Первым приставом был Александр Чачба, брат владетеля Михаила, а затем длительное время – известный абхазский этнограф, офицер русской армии С. Т. Званба. В 1840 г. Псху стало приставством (пристав – прапорщик Хутуня Шервашидзе).

Во главе округов стояли члены владетельской семьи, считавшиеся «удельными» владетелями. Приставы назначались царской администрацией. Во главе акыта стоял ахылапшу – «патрон», «покрывитель», который рассматривал это село как свое наследственное владение.

В период с 1808 по 1864 г. резиденция абхазского владетельного князя находилась в селе Лыхны, являвшемся старинным политическим центром Абхазии.

После ликвидации автономного Абхазского княжества в 1864 г. и переименования в Сухумский военный отдел Российской империи последовало новое административное деление: Бзыбский, Сухумский (Абхазский) и Абжуйский округа, Цебельдинское и Самурзаканское приставства. Начальник Сухумского военного отдела подчинялся непосредственно кутаисскому генерал-губернатору. Административным центром отдела стал г. Сухум, в котором и раньше располагалась русская военная администрация в Абхазии. Село Лыхны было объявлено окружным центром Бзыбской Абхазии.

После восстания 1866 г. в Абхазии административное деление вновь было реорганизовано. Сухумский отдел был разделен на управление городом Сухумом и округа: Пицундский, Цебельдинский, Драндский и Окумский. В 1868 г. была проведена новая административная реформа. Сухумский отдел делился на два округа: Пицундский и Очемчирский, которые состояли из двух участков: Пицундский округ – из Гудаутского (от Гагр до р. Псырцха) и Гумистинского (от р. Псырцха до р. Кодор); Очемчирский – из Кодорского (от р. Кодор до р. Галидзга) и Самурзаканского (от р. Галидзга до р. Ингур).

Сухумская сословно-поземельная комиссия писала, что в Абхазии, «с одной стороны стояла владетельская власть, иерархия сословий, что придавало фе-

одальный характер учреждениям страны, с другой – являлось выработанное опытом, жизнью народа, противоречащее феодализму общественное устройство, ограничивавшее его, поставлявшее пределы власти владетеля и произволу высших сословий, определявшее отношение между всеми сословиями и заключавшее в себе, в известной мере, гарантии для обеспечения нарушения права и восстановление права нарушенного или по крайней мере известного удовлетворения за нарушения его».

Феодальная знать была представлена двумя основными сословиями: князьями (атауад) и дворянами (аамста) (2811 человек). К ним примыкали представители высшего духовенства, которые по происхождению, как правило, принадлежали к тем же феодалам. (В 1865 г. духовных лиц было 283 человека.) Промежуточное положение между высшим слоем крестьянства и дворянством занимали ашнакума (910 чел. в 1865 г.) – телохранители владетеля и других наиболее крупных феодалов.

Владетель Абхазии – ах (ах), основную социальную опору власти которого составлял феодальный класс Абхазии, формально сосредотачивал в своих руках все нити управления, считался главой страны..., и все население считало себя подданным его. Однако вследствие раздробленности княжества и феодальных междоусобиц власть его была слаба, отдельные князья и дворяне находились лишь в номинальной зависимости от владетеля; были даже районы, где владетеля почти не признавали. С абхазской точки зрения, признанный Россией владетель – это старший между равными, посредник между русским правительством и двумя другими, равными самому владетелю, князьями. Власть владетеля весьма ограничена, он зависим от сильных князей и дворян, которых ему весьма трудно заставить себе повиноваться.

С помощью царских властей происходит значительное усиление власти владетеля Абхазии Михаила (Хамудбея) Чачба (Шервашидзе). Генерал Н. Н. Раевский, начальник Черноморской береговой линии, сделал князя Михаила действительным владетелем Абхазии (1840 г.).

Владетель решительно понижал всякого, кто мог быть опасным для его власти, и он, опираясь на поддержку царизма и «по праву блюстителя закона», мог всегда положить конец возвышению одного лица или фамилии. Ему в этом случае можно было и не прибегать к насилию, а достаточно было членом какой-либо приходившей в упадок фамилии приблизить к себе. «Покровительство» владетеля всегда считалось выше покровительства каждой из тавадских фамилий, а потому и лица, приближенные к владетелю, всегда могли рассчитывать на увеличение своих подвластных. В Абхазии постоянно шел процесс возвышения одной фамилии за счет других, но возвышение только до известной степени.

Власть владетеля в определенных её сферах ограничивалась царским правительством. В руках владетеля Абхазии был определенный государственный аппарат. Его власть опиралась прежде всего на военную силу.

Общие и частичные собрания для обсуждения общественных дел без ведома и разрешения владетеля не допускались.

Владетели нередко нарушали обычаи, князь Михаил в этом отношении не уступал своим предшественникам. Кажется, у него была только одна цель и одно желание – личное обогащение, и для достижения этой цели все средства казались ему годными.

Владетель считался высшим судьей, получал в свою пользу определенные пени (айбар), куда входили взыскания за воровство. Штраф уплачивался скотом по определенной цене, а после ввода в употребление русской монеты владетель определил штраф за каждую уворованную вещь по 100 рублей, без различия ценности этой вещи.

Регулируя внешнеторговые связи, владетель взыскивал пошлины – абадж (абадь). Владетель взимал плату за право пастьбы скота на лугах, горных пастбищах и т. д. Такая плата была известна под названием ажидз (ажьыз). Имущество феодалов, умиравших без наследников мужского пола и живших раздельно, даже если были отцы и братья, переходило к владетелю.

Политические границы и административное деление Абхазского княжества не совпадали с этническими границами расселения абхазских племен, которые были значительно шире. На северо-западе, за пределами этой территории, до Хамышь (Хоста), проживало абхазское племя садзы (асадзуаа, или асадзкуа), которое известно также как джигеты.

О численности населения Абхазии в первой половине XIX в. имеются весьма скудные, приблизительные и противоречивые данные. Так, турецкий сановник Таяр-паша в 1806 г. сообщает русским властям о численности мужского населения около 30 тыс. человек. А. П. Ермолов без Самурзаканской части считал около 50 тыс. человек, а с побережными садзами, медовеевцами (мдюаа, горные) и абазинами – около 63 тыс. человек. Дюбуа дает сведения по Цебельде – 15 тыс. человек, а всего населения от Галидзги до Гагр – 52,300 человек. Ф. Ф. Тарнау считал 128 800 человек абхазо-абазинского населения на Кавказе. Из них цебельдинцев, садзов (вместе с убыхским племенем саша) – более 21 тыс. мужчин, абазин – 4 950 мужчин. Согласно одному документу, в 1855 г. население Абхазии составляло примерно 100 тыс. человек. По данным А. Берже, численность населения Абхазии от р. Бзыбь до р. Ингур в 50-е годы доходила до 113 246 человек, вместе с садзами – 130 169 человек; абазины составляли 14 383 человек; всего – 144 552 человека.

Из приведенного материала можно сделать вывод, что в первой половине XIX века население Абхазии составляло около 100 тыс. человек.

2. Народное хозяйство Абхазии в первой половине XIX в. Как и в предыдущие столетия, основным занятием населения Абхазии на побережье и в плодородных речных долинах было земледелие, в горных районах большое значение имело скотоводство. Существенную роль играли пчеловодство, охо-

та, ремесло, торговля и некоторые другие отрасли. Ученые, путешественники, военные писали о богатстве природы, плодородной земле. Среди зерновых и вообще сельскохозяйственных культур ведущее место занимала кукуруза, затем просо (гоми – кавказское пшено) и фасоль. Распространялись пшеница и ячмень.

Кукуруза оттеснила на задний план просо, в прошлом основной хлеб населения всего Западного Кавказа. Она оказалась более урожайной и ценной культурой – продуктовой и кормовой, требовавшей сравнительно меньшей затраты труда, и менее прихотливой, чем просо. Кукуруза все более превращалась в товарный продукт. В Абхазии известно несколько сортов кукурузы, из которых наилучшими считаются алатача (алатача) и алгажв (алгаж). Из кукурузной муки готовили мамалыгу (абыста), заменявшую хлеб.

Тем не менее, просо в предреформенный период все еще оставалось одной из главных полевых культур. В Абхазии было известно просо двух сортов: ахудз, или абыста, и ашы, или ашырдз (ашырды). Из проса готовили густую кашу – абысту (мамалыга).

Указанное название перешло на мамалыгу из кукурузной муки. Ашы мололи на мельнице (само слово «ашыла», видимо, происходит отсюда) и из муки пекли хлеб.

Одним из основных продуктов питания населения Абхазии являлась фасоль (лобио) разных сортов, со вьющимися и невьющимися стеблями.

Абхазы занимались ещё разведением ряда технических культур: льна, конопли, хлопчатника, табака. Между полевыми растениями встречался бор, разводимый для метелок. Все эти культуры выращивались в ограниченном количестве, потребном для домашнего хозяйства.

Из бахчевых и огородных растений разводили, обычно на приусадебных участках, лук, чеснок, редьку, местную капусту (кольраби), огурцы, арбузы, тыквы, дыни, красный перец, кинзу, помидоры и прочее. Все это засевалось в размере, необходимом для семьи; кинза, чеснок, перец – любимые приправы почти во всех кушаньях абхазов.

Величина посевных площадей была невелика. Непроходимые дремучие леса и кустарники покрывали значительные массивы плодородной почвы. Крестьяне по мере своих сил вели борьбу за освоение новых посевных площадей, расчищая их от деревьев и кустарников с помощью огня и аихапсуху (цалда, топор).

Абхазы знали особый способ очищения земли от лесов, широко распространенный у адыгов (черкесов).

Земледельческая техника была весьма примитивная, инвентарь скудным. Крестьяне возделывали землю сохой, только разрыхлявшей, но не переворачивавшей почву. Вырубив дерево с изогнутым пеньком, они заостряли пенек клином, к длинному концу которого приделывали приспособление из веревок для тяги. Таким орудием с помощью пары буйволов или быков бороздили зем-

лю. Абхазский бык был довольно силен и вынослив: с короткими ногами, но с большим и сильным корпусом, характерным для горного скота. Позже стала применяться однопарная соха с железным лемехом, а также резалом, особенно в Бзыбской Абхазии.

Последующие работы производились с помощью тохи (мотыги), небольшого размера и треугольной формы. Местами, особенно при посеве проса и хлопка, все ещё обходились мотыгой, известной под названием ацакиа (ацакья).

Абхазы, как правило, на одном или том же месте сеяли подряд 6–7, а иногда на глубоких наносных землях – 10 и даже 20 лет без отдыха.

При такой обработке земли урожай был низким – с одной десятины не превышал 150 пудов.

Абхазы имели почти по всем культурам свои семена, отличавшиеся высокой всхожестью, устойчивостью против засухи, сельскохозяйственных вредителей, скороспелостью и высокой урожайностью.

Важными отраслями сельского хозяйства Абхазии были виноградарство и виноделие. Разными авторами было зафиксировано до 60 названий винограда, лучшими из которых считались акачич, ауасырхуа, амлаху, ажьхуа и др. С 50-х годов большое распространение получила «изабелла», известная у абхазов под названием «ахардан» или «аурысыжь», т. е. «русский виноград». Виноград в Абхазии рос повсюду, а наиболее виноградные места были в с. Лыхны, Чаабалурхва, Акуаскямца, Апцхва, Куланурхва, Аацы, Анухва и Псырцхва – от 10 до 15 тыс. лоз в каждом селении; в Дранда и Кодор – от 7 до 10 тыс. лоз в каждом из них.

О качестве абхазского вина и способах выделки писали Р. де Скасси, Ф. Торнау, Абрюцкий, С. Пушкарев, Ф. Завадский и другие авторы.

Вино хранили в больших глиняных кувшинах, зарывавшихся в землю под особыми навесами или где-нибудь на дворе, а также в выдолбленных деревянных кадушках и впоследствии в обыкновенных бочках.

Видное место в сельском хозяйстве занимало плодоводство. Сады и небольшие группы привитых плодовых деревьев встречались в каждом населенном пункте на приусадебных участках, полях и лугах. Различные авторы писали о богатстве разными фруктами, в особенности грушами, сливами, персиками, абрикосами, яблоками, а также грецким, или волошским, орехом, дикорастущими плодовыми – инжиром, хурмой кавказской, кизилом, гранатом, барбарисом, алычой, мушмулой кавказской, в горах – каштановыми деревьями, ягодными кустарниками – ежевикой, черникой кавказской, смородиной и пр. Абхазы широко применяли практику прививки плодовых деревьев, а также разведения их черенками.

Важной отраслью хозяйства было животноводство, дававшее населению пищу и сырье для одежды и обуви. В представлении абхаза жизнь без домашнего скота немислима; можно ещё кое-как обходиться без хлеба, но без скота

нельзя. Так было до русско-турецкой войны 1877–1878 гг., после нее главное внимание абхазов было обращено на посев кукурузы, вывоз которой увеличился.

Арканджело Ламберти писал, что у абхазов много крупного и мелкого скота, а ежедневная пища – сыр, молоко и дичь.

Абхазы разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз особой породы. Многие авторы подчеркивали небольшой рост рогатого скота с высунувшимися костями, быстрыми и сердитыми глазами, вкусным и жирным мясом.

В южной части Абхазии занимались свиноводством.

При совершенном отсутствии дорог ослы были единственным средством перевозки грузов.

Одним из самых значительных абхазских языческих божеств являлся покровитель домашнего скота Айтар. Неравномерное распределение пастбищ (лучшие из них были захвачены помещиками) препятствовало лучшему развитию скотоводческого хозяйства.

Абхазы занимались и птицеводством. Они разводили кур, индеек, гусей, уток. Продукция этой отрасли шла исключительно на удовлетворение домашних потребностей.

Природные условия Абхазии представляют собой прекрасную базу для развития пчеловодства. Они сформировали замечательную породу пчел, известную в мире под названием «абхазской пчелы», которая отличается высокой продуктивностью, благодаря особому строению и длине хобота (язычка). В мировой пчеловодческой литературе давно признаны выдающиеся качества абхазской пчелы – «абхазянки».

Мед и воск в Абхазии с давних пор были не только распространенными продуктами потребления, но и товарами экспортного значения.

Абхазские леса, изобиловавшие зверями и дичью, способствовали повсеместному распространению охоты. В лесах и горах Абхазии обитали туры, кавказские благородные олени, косули, серны, кабаны, медведи, волки, барсы, лисицы, куницы, зайцы, белки, барсуки и даже зубры (адумпей). Для феодалов охота была развлечением. Охотничьи места были распространены между отдельными помещиками. Владетель Михаил Чачба был страстным любителем охоты. Охота была связана с различными обрядами и жертвоприношениями. Существовал специальный «охотничий язык». Божеством зверей и охоты считался Ажвейпшаа.

Абхазы занимались рыболовством. Только пресноводных рыб здесь известно 33 вида. Наиболее типичной рыбой бурных рек и горных озер является форель. Сюда для икрометания в осенние и зимние месяцы поднимается черноморский лосось. В тихих реках южной части страны обитали щука, окунь, сом, пескарь, усач, лобан, бычок. В Черном море насчитывается около 180 видов рыб: хамса, ставрида, барабулька, кефаль, сельдь и т. д. Из млекопи-

тающих в Черном море водится два вида дельфинов. Абхазы ловили рыбу в устьях горных рек, изобилующих лососями, жарили её на вертеле. В реках Абхазии обитали осетр и семга, которых абхазы убивали пулей через прозрачную воду; в маленьких горных речках стреляли в форель из луков. Дельфинов ловили для вытапливания из них жира, закупавшегося турками и греками.

Абхазское население издавна перерабатывало разнообразное сырьё, сформировав определенные технические и художественные приемы и навыки в этой области. Кустарная промышленность у абхазов исторически связана с земледелием, скотоводством, лесным промыслом, потреблением металла и т. д., с чем они были знакомы с древнейших времен. Об этом свидетельствуют фольклор и мифология народа.

Различные авторы сообщают о наличии в Абхазии с древних пор кузнецов и слесарей, о том, что абхазы занимались обработкой железа, из которого делали отличную сталь и выковывали ружья; из свинцовой руды получали чистый свинец для литья пуль и пр. Ни у одного из народов Кавказа не наблюдалось такого почитания кузни, кузнечного дела и кузнецов, как у абхазов.

Почти повсеместное распространение глины способствовало развитию гончарного ремесла. Гончары изготавливали разного рода горшки, кувшины для вина и воды, тарелки и миски. Гончарным производством занимались в Лыхны, Лдзаа, Келасур, Аацы, Ачандара, Адюбжа, Атара, Члоу и т.д. В абхазских народных сказаниях встречаются кувшины колоссальной величины – нартский винный кувшин вмещал 600 ведер, а мать Сасрыквы в честь победы сына устроила пир по обету и открыла 1000-ведерный винный кувшин.

Незначительным было производство керамических строительных материалов – кирпича и черепицы. Население занималось обработкой камня, производились жернова (алу) для мельниц. Камень применялся и в качестве строительного материала.

Важное значение в быту абхазов имела обработка дерева. Универсальным инструментом, лесорубным и плотничьим, являлся топор. Очень важным видом обработки дерева было строительство судов. Владетель Абхазии Келешбей Чачба имел флотилию. В трех часах езды от Сухумской крепости у Келешбея была корабельная верфь. В 1802 г. владетель послал в Стамбул султану 74-пушечный корабль. В 1816 г. с разрешения владетеля в Пицундской бухте был выстроен бриг длиной в 120 футов, у которого киль был из цельного дерева, что говорит о редкой величине леса. Корабельный лес был предметом широкого вывоза.

Абхазы строили мосты, в том числе и висячие, которые искусно изготавливали из жердей, досок и виноградной лозы, связанных веревками. Из самшита и тиса делали рукоятки, наконечники.

Из рогов и костей животных делались роги для вина, ложки, всевозможные рукоятки, наконечники к кинжалам, саблям, ножам, оригинальные вешалки...

Роговые и костяные изделия тоже украшались резным узором, серебром и золотом. Мастера-резчики золотых и серебряных дел занимались выделкой и резным украшением наборов для поясов, сёдел, портупей, застежек, пуговиц, а также отделявали серебром и золотом рукоятки и ножны кинжалов, шашек, ложа дула кремневых ружей и пистолетов, пороховницы, газыри, роги для вина и т. д. Такими мастерами, известными в Абхазии, были Нишан Капба (с. Акапа), Гындуг Ануа (с. Тамыш), Кублук Тарба (с. Моква), Кобан Цвижба (с. Члоу). В Абхазском государственном музее экспонированы богато украшенные сёдла и шашки, принадлежавшие дальским и цебельдинским князьям Маршания.

Ткачество было важной частью деревенского домашнего производства, развиваясь в Абхазии с древности. Сырьем для ткацкого дела служили шерсть, лен, конопля и хлопок, а для войлочного дела – шерсть. Суконные кафтаны, войлочные епанчи, или бурки, льняная пряжа являлись и предметами вывоза.

Из хлопчатника изготавливалась бязь и пр., а из волокон льна – толстые нитки, которые окрашивали растительными красками, а также минеральной краской (акырдуаг).

Издавна были известны станки для тканья (асарты), а также всевозможные приспособления для изготовления войлочного материала, ковровых тканей и прочих шерстяных, бумажных и шелковых тканей и вязаных изделий.

Самодельная кожа из козьей или овечьей шкуры, т. е. местный сафьян, окрашивавшийся в разные цвета растительной и минеральной красками, была широка известна. Из такой кожи изготавливали чувяки, ноговицы, матрацы, седельные подушки. Разными способами готовили ремни, шедшие на конскую сбрую, пояса, перевязи для оружия, портупей, охотничьи принадлежности и прочее. Из кожи делали также тесьмы и вышивали узоры на сафьяновых чувяках, ноговицах и т. д. Шорный промысел состоял преимущественно в изготовлении местных сёдел, сбруи, поясов.

Население побережья Абхазии с древнейших времен выпаривало соль из морской воды. Этот способ выпаривания, почти в его древней форме, применялся частично и в XIX в., преимущественно во время блокад побережья Абхазии. Из сала диких животных абхазы делали мыло, а из смеси сухого козьего кала, серы, особого растения (ащршьыл) и угля (из мелкого орешника) – порох.

Продукты домашней кустарной промышленности были рассчитаны на удовлетворение внутренних потребностей, но отдельные их виды вывозились и за пределы Абхазии.

Однако рассматриваемая промышленность не успела оторваться от «патриархального земледелия», так как на нее обрушилась конкуренция со стороны русских фабричных изделий. Такое явление наблюдалось на всем Кавказе.

3. Экономическое положение Абхазии во второй половине XIX в.

3.1. Промышленные предприятия. Хозяйственное развитие Абхазии происходило неравномерно во всех частях края. Помимо феодальных отношений имелись дополнительные преграды для экономического развития, прежде всего в виде многочисленных феодальных пережитков. Необходимо отметить, что одной из причин отсталости и замедленного развития производительных сил Абхазии была экспансия султанской Турции.

После присоединения Абхазии к России, с возрастанием влияния России, с 30-х гг. и особенно в 40–50-е гг. в хозяйственной жизни Абхазии происходили некоторые изменения.

Уже в 30-х годах XIX века делались попытки создать мелкие промышленные предприятия в Абхазии. Узнав, что абхазы добывают свинец близ с. Гума, на р. Гумисте, И. Ф. Паскевич командировал туда специалистов для подробного изучения, полагая, что можно получить «важные выгоды». В августе 1831 г. по договоренности с владельцем этой территории князем Гасанбеем Чачба в Абхазию приехали горные инженеры Воскобойников и Гурьев, но, по-видимому, рудник оказался недостаточно богатым, чтобы стоило его разрабатывать.

В начале 30-х годов, по сведениям Торнау, на р. Мчишьта (Черная), по другим сведениям – на р. Хыпста (Белая) солдатами Бамборского укрепления был построен лесопильный завод. Он снабжал досками и дранью воинские части, расположенные на территории Абхазии. Завод мог сблизить абхазов с русскими соседями, абхазы приезжали выменивать и выпрашивать доски у начальника Бомборского укрепления и русских войск в Абхазии Пацовского. Он давал их с разными условиями. Ф. Дюбуа видел эту лесопильню в 1836 г. М. Селезнев сообщает, что здесь заготавливали кирпич и известь.

В феврале – марте 1843 г. горный инженер Гурьев исследовал месторождение каменного угля – лигнита в с. Лыхны в резиденции абхазского владетеля. Начальник Черноморской береговой линии генерал Анреп добился согласия владетеля об уступке «приисков» в пользу казны, чтобы от каждого извлекаемого из «абхазских карьеров» пуда каменного угля ему, как владельцу земли, платилось бы по две копейки ассигнациями.

В первой половине 40-х годов были предприняты некоторые шаги по организации производства кирпича. Попыты для устройства кирпичных заводов делались в Сухуме, Мрамба и Пицунде. В Пицунде уже существовал небольшой такой завод для надобностей местных войск. Генерал Будберг приложил немало усилий, чтобы «склонить к устройству кирпичных заводов» местных владельцев. Некоторые из князей дали ему «слово сделать опыты».

В Сухум для «лесопильной мельницы» из керченского механического завода в 1849 г. привезли металлические части. В 60-х годах в с. Яштуха на-

ходились каменоломни, где добывался известняк. Предприятие принадлежало князю Г. Д. Шервашидзе и давало ему до 2 тысяч рублей доходов в год. К моменту упразднения владательства в Абхазии в Сухуме и его окрестностях было шесть кирпичных заводов.

Широкое распространение и улучшение водяных мельниц наблюдается во второй половине XIX века. Если в начале 30-х годов по всей Абхазии имелась только одна мельница, по свидетельству Абрюцкого, то уже по свидетельству А. В. Введенского, на каком-то ручейке помещается иногда десятка полтора мельниц саженьях в 20–30 одна от другой, как, например, в с. Хуап.

Увеличилась заготовка леса на продажу. Все авторы отмечали богатство абхазского леса, в особенности такими ценными породами, как самшит, тис, кизил, орех, дуб, каштан и т. д. Отмечали качество самшита, его изобилие и дешевую цену.

Абхазский владетель Келешбей в 1806 г., излагая условия принятия им русского подданства, обещал хороший лес для кораблестроения. Один из «просительных пунктов» Георгия (Сафарбея) Чачба, при котором произошло официальное присоединение Абхазии к России, также содержал обещание дать «лес для кораблей».

Развитие товарно-денежных отношений, усилившийся вывоз леса привел к монополизации владетелем Михаилом Чачба (Шервашидзе) права взимания платы за рубку леса в Абхазии для вывоза. Получаемый владетелем доход с леса составлял приблизительно 10 тысяч рублей в год; около 4 тысяч получал Д. Г. Чачба (Шервашидзе).

Младший брат владетеля Александр Чачба (Шервашидзе) около 1846 г. получил исключительное право продажи самшита из владетельского леса в ущелье реки Аапста. Средний годовой вывоз самшита из указанного ущелья до 1864 г. равнялся около 10 500 пудов, и князь имел от этой продажи от 900 до 1350 рублей дохода в год.

После Крымской войны владетель дал дворянину Соломону Лакрба, покупателю владетельских лесов и сборщику пошлин владетеля, право на рубку самшита в нескольких местах. С. Лакрба не смог удовлетворительно завершить начатую им операцию и впал в долги.

В 1848 г. русский промышленник Мощин рубил лес в Аджуа для черноморского флота и вывез около 800 саж. дров в Керчь. В 1851–1852 гг. он производил рубку в кодорском и киндгском лесах для вывоза в Николаев. В 50-х годах секретарь владетеля Гуго Ходжашвили и сухумский купец Иордан Метакса организовали «товарищество» для эксплуатации самшита в с. Гума.

С развитием общей экономической жизни края росло потребление леса на местах. Это было связано, прежде всего, с увеличением потребностей г. Сухума. В с. Дранда готовили лес для зданий нового города Сухума, в частности, для постройки лазарета и других строений на горе Трапещи.

После упразднения Абхазского владения и высылки владельца принадлежавшее ему право на рубку леса перешло теперь к русскому правительству. Князья и дворяне начали заключать договоры с промышленниками на вырубку пальм (самшита) и строительного леса, с правом бесконтрольного производства порубок. Не было ни пошлины, ни покровительственной дани. Несмотря на ничтожную цену леса, выгода равнялась продажной цене, потому всякий хотел принять в ней участие. Между помещиками начались споры.

Князья Инал-ипа заключили договор с сухумскими купцами В. Буз-оглы и Н. Метакса на рубку дуба для клепок в лесу, прилегавшем к правому берегу нижнего течения р. Бзыби (Аса). Лес вывозился за границу, преимущественно в Марсель. В 60-х годах князь Анчабадзе заключил договор с теми же купцами, а также купцом Х. Качал-ипа на рубку самшита в Гумистинском ущелье, адзюбжинские дворяне Маргания (Маан) – с Ибрагимом-оглы на сруб кодорского леса. Список договоров можно долго продолжать.

В мае 1866 г. на левом берегу р. Бзыби стоял деревянный сарай, в котором жили лазы из Батума, занимавшиеся вывозом абхазских самшитовых деревьев. Они рассказывали членам комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, что уже много лет занимаются этим ремеслом и что самшит остается уже только в труднодоступных местах. Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала и приобщила к своим материалам 11 «контрактов» на вырубку леса, заключенных между некоторыми самурзаканскими феодалами и разными лесоторговцами в 1864–1865 гг.

Эти леса являются общинными, насильственно захваченными отдельными феодалами. О размерах лесных порубок и доходов от них трудно судить из-за отсутствия соответствующих данных. Известно, например, что гумские князья Анчабадзе за 28 тыс. пудов самшита от двух купцов получили 900 рублей; окумские князья Эмухвари в 1850 г. продали лесопромышленникам самшит, росший в верхней части с. Окум, в Апста, в количестве около 22 500 пудов за 300 руб. серебром и т. д. Хищническое истребление лесных массивов и вывоз леса приняло такие размеры, что стало грозить гибелью ценным породам деревьев. В 1867 г. последовало правительственное распоряжение о запрещении рубки леса для внешнего вывоза. Лесные работы являлись весьма тяжелыми и наиболее плохо оплачиваемыми.

Сухумские купцы Метакса и Буз-оглы, которые в 60–70-х гг. были основными лесопромышленниками в крае, в начале 70-х годов почти круглый год имели для рубки леса и поделки его до 100 рабочих, преимущественно приезжих. Эксплуатировались и местные крестьяне при рубке и подвозе леса для строительства мостов во время дорожных работ, которые плохо и несвоевременно оплачивались.

3.2. Дорожное строительство. Делались определенные попытки и в дорожном строительстве. Летом в 1834 г. в Кутаисе был сформирован воинский отряд для проложения сухопутного сообщения по побережью Абхазии. Отряд стал продвигаться со второй половины августа и в начале ноября достиг укрепления Бомборы. Летом следующего года дорога была доведена до Гагр. Дорога имела ширину до 100 шагов, лес был хорошо расчищен в обе стороны на 150 сажений. М. Селезнев, заведовавший прокладкой, говорил, что реальные результаты этой экспедиции были весьма незначительными. Тем не менее значение дороги было немаловажным.

В 1845 г. было установлено морское сообщение между Сухумом и Керчью, а в 1846 г. – с Одессой. С 50-х годов морские сообщения между Сухумом, Редут-Кале, Поти и другими приморскими пунктами становятся почти регулярными.

В 1853 г. была открыта почтовая дорога от Сухума до Редут-Кале (Кулеви) на пространстве 110 верст.

Крымская война наглядно показала все ещё тяжелое, так же как и в России, дорожное положение в крае. Отход русских войск из Абхазии во время войны объяснялся, прежде всего, бездорожьем на побережье. Представлялось немало проектов по строительству дорог, но их так и не реализовали.

В конце 60-х годов выдвигается даже вопрос о железной дороге между Туапсе и Сухумом. Однако в Абхазии все ещё продолжало царить бездорожье. Начальник Сухумского отдела генерал Гейман в отчете за 1874 г. прямо признавал, что в настоящее время дорог в Абхазии буквально не существует, есть только пешеходные тропы, по которым совершаются, во многих случаях с трудом и опасностью, верховая езда, переправы и доставки.

3.3. Развитие города Сухум. Первое описание Сухума в начале XIX в., дошедшее до нас, принадлежит лейтенанту Скирневскому, посетившему владения Келешбея Чачба в начале 1807 г. по заданию военного министерства. Он сделал довольно подробное описание не только Сухумской крепости, но и её ближайших окрестностей. По этому описанию Сухум представлял собой всего-навсего небольшую крепость, около которой были разбросаны селения. Нет указания на существование большого постоянного базара (рынка). Только с 1828 г. абхазы начали приходить к сухумскому базару.

В 30-х годах XIX века предпринимаются определенные шаги со стороны правительства к развитию Сухума в качестве города. В 1832 г. был официально разрешен приход транспортных судов в Сухум, устраивается таможенная застава. В 30-е годы начато городское строительство. В 1840 г. по инициативе начальника Черноморской береговой линии генерала Н. Н. Раевского было положено начало ботаническому саду в Сухуме под названием «Военно-ботанический сад». Он возник на базе небольшого сада, созданного лекарем су-

хумского гарнизона В. Багриновским, которому Н. Н. Раевский поручил заведовать ботаническим садом.

В 1840 г. по инициативе Н. Н. Раевского приступили к осушке болот в Сухуме. Для воинских частей, расположенных здесь и страдавших от злокачественной малярии, было начато строительство казарм и госпиталя на холмах, расположенных вблизи Сухумской крепости. Для развития экономических и торговых связей в 1845–1846 гг. было открыто регулярное морское сообщение между Сухумом, Керчью и Одессой, а в 1846 г. Сухум был объявлен портом. В 1847 г. городу было предоставлено право транзита товаров в Тифлис и даже в Иран. Центром торговли в Абхазии являлся город Сухум.

В 1851 г. в Сухум было переведено управление начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии, которое до этого находилось в с. Бамбора. По отчету управления за 1851 г., в Сухуме было 543 строения. По данным «Кавказского календаря» за 1853 г., в Сухуме было 106 турлучных зданий, 2 кирпичных завода, 26 «питьевых домов» и 36 лавок.

Во время Крымской войны Сухум был оккупирован турецкими войсками и разорен. После войны город стал быстро развиваться. В 1857 г. около крепости была открыта морская станция. В конце 50-х годов в Сухуме существовала клубная библиотека. В городе были базары с довольно большим рядом деревянных лавок.

По отчету начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии по гражданскому управлению за 1851 г. общее число жителей Сухума составляло 700 человек (650 мужчин и 50 женщин), воинская часть составляла 2481 человек.

К моменту ликвидации абхазского владения население Сухума выросло до 1 200 человек, из которых «коренные обыватели» составляли 820 человек; купцы – 24 человека, ремесленники – 13 человек, мещане – 427. Количество домов, в том числе каменных, в 1865 г. достигло 311.

С 1867 г. в Сухуме приступили к шоссировке улиц и проведению водосточных канав.

В 1864 г. в Сухуме была учреждена комиссия из двух медиков, офицера путей сообщения и члена городского управления под председательством полковника Ф. Заводского для изучения и определения работ по улучшению климата города Сухум.

Кроме Сухума, росли и некоторые другие населенные пункты Абхазии. Второе место в Абхазии занимало по своему экономическому значению местечко Очамчиры, в котором в 1854 г. проживало 150 человек. Обустроивался также Илори. В 1854 г. население местечка Гудауты составляло 100 человек. «В 1860 г. в Окуме, Сухуме и Гаграх была заметна особенная деятельность», – сообщает нам один из авторов. В конце 60-х годов в Гаграх была организована санаторная стоянка.

Местные помещики приобретали в Сухуме участки и строились. Многие из них и в своих поместьях заводили дома и старались вести хозяйство на европейский лад. Акапский князь Чапиак Маршания в 1868 г. начал постройку каменного дома, который хотел построить лучше, чем у всех других жителей.

В абхазской деревне в тот период имелись некоторые элементы товарно-денежных отношений. Население начало понимать, что выгодно выращивать излишек для продажи.

Важным предметом торговли была кукуруза, являвшаяся одной из главных полевых культур и основным продуктом питания населения края. Разведением её занимались как помещики, так и крестьяне. Вывоз кукурузы только за один 1865 г. по сравнению с предыдущим годом увеличился на 57.863 пуда.

Другим важным продуктом, значительная часть которого шла на рынок, было вино. Количество вина, изготовленного одним «заводом» в год, в 1849–1851 гг. равнялось в среднем 4300 ведрам, а на всех 11 «заводах» выделялось до 50 тыс. ведер. В наиболее богатых виноградных селениях (Лыхны, Аацы, Чаабалурхва, Псырцха, Куланурхва) выделялось вина от 8 до 12 тыс. ведер в каждом. Техника выделки вина на «заводах» была примитивной. В 60-е годы более широкое применение получает пресс для выделки вина.

Абхазы в большом количестве сбывали на рынке мед и воск.

Товарный характер начали принимать и некоторые другие отрасли сельского хозяйства. Важным предметом продажи являлись орехи, которые с давних пор вывозились в Россию. В начале 60-х годов среднее количество вывоза орехов из Сухума составляло 6 тонн, а хурмы (мелкой) – 2 тонны.

В имении Г. Д. Шервашидзе скашивалось ежегодно до 10 тысяч пудов сена, которое продавалось в Сухуме.

По данным сухумской карантинно-таможенной канторы, уже в 1867 г. из Сухума было вывезено табака (в листьях) в Поти – 92 пуда 20 ф., в другие порты Российской империи – 9 пудов. Все авторы сообщают, что в Абхазии сеют табак хорошего качества.

Абхазы выращивали и хлопок, засевая его на больших площадях, который затем стал предметом торговли.

Около 1850 г. абхазы начали заниматься шелководством. Развитию шелководства в Абхазии способствовало повсеместное распространение шелковичных (тутовых) деревьев, листья которых служили кормом для шелковичных червей. Шелк сбывался на базарах Абхазии.

В 1842 г. в Сухумском ботаническом саду росли в открытом грунте лимонные и апельсиновые деревья. В 1867 г. из Сухума было вывезено 8 тыс. штук свежих апельсинов.

По свидетельству современников, в 60-х годах в Гаграх, на каменистых местах, встречалось масличное дерево.

Следует также отметить развитие огородничества и рост его товарности. Абхазы переняли такие культуры, как капуста, картофель, морковь, свекла, огурцы, помидоры. Огурцы и помидоры выращивали с целью продажи жителям города.

В деле развития и внедрения в Абхазию огородных и других культур определенную роль играл Сухумский ботанический сад.

Товарный характер приобретало скотоводство. Продукты животноводства занимали значимое место в общем вывозе из Абхазии.

Сельскохозяйственная техника находилась на весьма низком уровне, но все же наблюдался некоторый сдвиг: в Абхазии употреблялся плуг с железным лемехом, определенное развитие получила техника виноделия, была построена маслобойня для орехов, которые растирались вертикальными жерновами, двигавшимися приводом от водяной мельницы, а масло выжималось прессом.

Сразу после присоединения Абхазии к России стали налаживаться торговые отношения. В 1810 г. правительством Александра I было утверждено положение о меновой торговле с горцами на кавказской линии. Торговые отношения устраивались для приобретения доверия горцев. В октябре 1811 г. были изданы утвержденные Александром I правила для торговых отношений «с черкесами и абазинцами», в которых говорилось о внушении народам выгоды торговли, необходимости приучить их к употреблению русских продуктов. Были назначены два пункта для торговли: один в Керчи – для товаров, привозимых морем из Черномории и Абхазии, с полным торговым карантинном и таможеню, другой в Бугадзе – меновой двор для товаров, привозимых сухим путем.

Русские решили расширить торговлю с западно-кавказскими горцами при посредстве особых уполномоченных. Одним из них был генуэзский коммерсант, а впоследствии чиновник Министерства иностранных дел России Р. де Скасси. Торговые операции Скасси прекратились в 1835 г.

Русская буржуазия была в то время ещё слаба для того, чтобы утвердить своё господство на закавказском рынке.

Русское правительство препятствовало грабительской торговле и торговле пленниками, которую вели иностранные купцы.

Главной статьёй контрабандного вывоза были рабы. Основным потребителем этого товара являлась султанская Турция, которая на протяжении нескольких веков поддерживала рабство и работорговлю на Кавказе вообще. Когда во время Крымской войны турецкие войска оккупировали Абхазию, то они сразу же принялись за торговлю людьми.

Рабов продавали и покупали «на меру», т.е. считая рост человека по четвертям – «адзе» (аёа): мальчики из ахашвала в 5–6 четвертей – худза-фырдза ценились в 30–40 коров; девочки 8–10 лет, в зависимости от внешних данных, – от 25 до 60 и более коров, а если наружные качества вообще «выходят из

ряда обыкновенных», то и до 120 коров. После введения русского управления в Абхазии дети ахашвала в 5–6 четвертей стоили 15 коров или 150 рублей – 20 коров (или 200 рублей), а взрослые ахашвала – около 30 коров или 300 рублей. По данным сухумской сословно-поземельной комиссии, цена на рабов в 1864–1868 гг. колебалась от 14 до 500 рублей.

В Сухуме с 1845 г. стало развиваться торговое мореплавание. С 1847 г. в Сухуме начала работать «первоклассная таможня». Среди импортных товаров было много предметов роскоши: шелковые ткани, английский фарфор, турецкие глиняные кувшины, лучшие французские вина, бумажные и полушерстяные изделия, сахар, табак, сафьян, мыло, соль и др. Вывозились самшит, кожа-сырье, воск, мед, кукуруза, рыбий жир, сало и прочее. Из этого следует, что вывоз товаров из Сухумского порта имел меньшее значение, чем ввоз.

Значительно увеличилась каботажная перевозка товаров. Торговые операции происходили между Сухумом и российскими портами и торговыми пунктами, а также ближайшими заграничными портами. Каботажные суда привозили в Сухум из азовских портов и Керчи муку пшеничную, вино хлебное, керченский камень, железо и чугун в полосах, листах и разных изделиях, русскую мануфактурную, галантерейную продукцию и др. Товары из разных мест Черноморской береговой линии выменивались у населения на воск, мед и кожу-сырье. Из Сухума вывозили в Керчь и азовские порты разные местные продукты, а по укреплениям Черноморской береговой линии, до Анапы включительно, развозились, кроме местных произведений, почти все привозившиеся из-за границы товары.

Следует остановиться и на положении в других торговых местах Абхазии – Очемчиры, откуда вывозили самшит, ореховое дерево, кожу, воск, мед, кукурузу; в м. Гудауты, где велась мелочная торговля, – вывозили самшит, ореховое дерево, кукурузу, воск, кожи, сушеные фрукты, орехи, хурму. Кукуруза являлась главной статьей вывоза.

Абхазское население постепенно втягивалось в рыночные отношения. Население вело определенную торговлю «съестными припасами» в Бамборе. В Сухуме продавались фрукты, а ближайšie к Сухуму жители приносили на продажу кур, каплунов, молоко, огурцы и лук. Причем в Сухуме цены были ниже.

Весьма интересен «именной список промышленников в крепости Сухум-Кале», приложенный генералом Ольшевским к своему рапорту на имя Н. Н. Раевского от 3 сентября 1840 г. В этом списке среди «промышленников» и держателей лавок или духанов значатся: лыхненский крестьянин Куаташ Лакоба – трижды как продавец и собственник лавки (очевидно, идет речь о трех лавках или духанах), крестьянин Семен Лабахуа, ведший торговлю в лавке некоего Нико Хоперия; житель с. Река Шукония Пачулия, державший лавку и сам торговавший; лыхненский дворянин Якуб Лакрба, также державший

лавку и сам ведущий торговлю «мелочными товарами и съестными припасами»; лыхненский крестьянин Бесирк Кирзма, в лавке которого торговал один келасурский житель.

Первые зачатки развития капитализма, капиталистические тенденции мелкотоварного производства в Абхазии, проявлявшиеся особенно перед реформой, имели подчиненное значение. Приведенные данные не опровергают факта господства натурального хозяйства, соединенного с домашней промышленностью, составлявшего основу феодального способа производства. Они свидетельствуют лишь о некоторых элементах подрыва натуральной экономики.

Несмотря на некоторое позитивное влияние России на экономическое, культурное развитие Абхазии, колониальная политика царской России, произвол местной администрации принесли много горя абхазскому народу.

Литература

1. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I–VI. СПб., 1871.
2. Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. I – Абхазское племя (азега). «Кавказский календарь на 1858 год». Тифлис, 1857.
3. Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина». Вып. III. СПб., 1893.
4. Броневский С. Новейшее географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. М., 1823.
5. Ермолов А. П. Записки. Ч. II. 1816–1827 гг. М., 1868.
6. Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940.
7. Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958.
8. Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955.
9. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1955.
10. Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960.
11. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965.
12. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
13. Лакоба С. З. Асланбей. (К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия). Сухум, 1999.
14. Олонецкий А. А. Сухуми в первой половине XIX столетия. Труды Абхазского государственного музея. Вып. I. Сухуми, 1947.

15. Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931.
16. Фадеев А. В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932.
17. Фадеев А. В. Абхазия в первой четверти XIX в. Труды Одесского государственного университета. История. Т. I. Одесса, 1939.
18. Дружинин М. Н. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями накануне реформы 1861 года. Вопросы истории. № 7. 1954.
19. Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. I. Сухуми, 1937.
20. Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913.
21. Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. I. С древнейших времен до крестьянской реформы 1870 г. Сухум, 1934.
22. Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976.

**ЭТНИЧЕСКАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ» В АБХАЗИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

План

1. Из истории депортации абхазов.
2. Колонизация Абхазии в конце XIX в.
  - 2.1. Пассивный этап колонизации.
  - 2.2. Активный этап колонизации.
  - 2.3. Грузинские (картвельские) переселенцы.
3. Новая волна массовой колонизации в начале XX в.
  - 3.1. Обострение грузино-русских отношений из-за абхазских земель.
  - 3.2. Активизация арендной и курортной колонизации.
  - 3.3. Этническая и конфессиональная мозаика колонистов.

1. Из истории депортации абхазов. Этнодемографическая история Абхазии вот уже более века находится под пристальным вниманием не только этнологов и историков, но и политиков, политологов и всей общественности страны, ибо её политическая судьба на разных этапах во многом определялась численным преобладанием в составе населения того или иного народа. В XIX в. царизм путем депортации большинства абхазов решил проблему фактического вхождения Абхазии в состав Российской империи. Однако плодами военного успеха России не преминули воспользоваться жители современной Западной Грузии. С конца XIX в. грузинская интеллектуальная и клерикальная, а позже и политическая элита путем планомерного переселения грузин в Абхазию и за счет преднамеренной ассимиляции абхазов увеличивала в этом благодатном крае Кавказа численный состав картвельского населения. Все они, вместе ассимилированной части самурзаканцев – этнографической группы абхазов – образовали грузинскую (собственно грузины, мегрелы, сваны) этническую группу Абхазии. Духовные отцы Грузии вынашивали идею в перспективе использовать численный перевес грузин как фактор для включения территории Абхазии в состав Грузии. Однако идея заглушить национальное самосознание абхазов численным превосходством переселенцев-картвелов не увенчалась успехом. В конце XX века власти Грузии развязали войну против Абхазии с целью путем геноцида и этнической чистки абхазов упразднить государственность Абхазии. Но безуспешно.

В настоящее время власти Грузии пытаются путем дезинформации мирового сообщества форсировать процесс возвращения так называемых грузинских беженцев в надежде резкого увеличения удельного веса грузинского населения в Абхазии и тем самым наконец решить политическую проблему расширения жизненного пространства своего государства за счет территории Абхазии.

Ученые Грузии, десятилетиями выполняя социальный заказ властей, искажают этнодемографическую историю Абхазии. Из далеко идущих политических соображений они чаще всего молчаливым обходом и гуманитарную катастрофу. Депортация – насильственное и вынужденное выселение абхазов, стала роковой вехой в многовековой истории абхазского народа. Тогда встал вопрос: быть или не быть абхазскому этносу, одному из древнейших народов Кавказа, на своей исторической родине. «Махаджирство, – по определению известного абхазоведа Г. А. Дзидзария, – является той трагедией, которая поставила целые народы края на грань их полного исчезновения».

Сегодня мы не располагаем точными данными о количестве высланных абхазов. По сообщению писателя и публициста Георгия Церетели, работавшего одновременно корреспондентом русской газеты «Голос» и грузинской газеты «Дроеба», в 1877 г., в течение только последнего этапа депортации, из Абхазии было выслано 48 тыс. человек. А редактор газеты «Дроеба» Сергей Месхи отмечал, что, по официальным данным, в 1878 г. «50 тыс. абхазов покинули свою страну и переселились в Турцию». По данным «Кавказского календаря», всего из оставшегося после предыдущего выселения количество абхазов, т. е. из 77 977 человек на 1876 г., к 1878 г. было зафиксировано всего-навсего 45 812 человек. «Общая же численность махаджиров абхазо-абазинской принадлежности за 60–70-е гг., – пишет Г. А. Дзидзария, – превышает 135 тыс., а вместе с убыхами – приблизительно 180 тыс. человек». В источниках и специальной литературе упоминаются и другие цифры. Однако если спорным является общее количество депортированных абхазов, то бесспорно, что густонаселенная домахаджирская Абхазия в конце 70-х годов XIX века была почти полностью опустошена. «За уходом в Турцию всего населения пространство от Кодора до Гудаутского участка вместе с Цебельдой представляет почти совершенно пустыню», – писал начальник Сухумского отдела полковник П. И. Аракин. В этих опустевших местах, как подтверждают архивные материалы, «бродили стаи собак и шакалов, кусая проезжих». Академик Н. Я. Марр по поводу опустошенной Абхазии писал, что она «обездолена в своей даже центральной этнографической части, так как от всего Гумистинского района остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского».

По оценке известного ученого-филолога и публициста П. Чарая, вследствие вышеуказанных причин, «абхазская нация настолько уменьшилась, что сегодня она не составляет и четверти того, что было когда-то». С конца 70-х

годов XIX века, как следствие войны и депортации коренных народов (абхазов, убыхов и адыгов), в периодической печати восточное побережье Черного моря одними авторами именовалось «опустошенным побережьем», другими – «мертвым берегом», третьими – «обиталищем хищников» и т. п.

С выселением не завершилась трагедия абхазского народа. На пути следования в Османскую империю тысячи абхазов стали жертвами голода, холода и эпидемий. Оказавшиеся на чужбине абхазские беженцы всячески старались вернуться обратно на родину. Однако местная администрация Абхазии, следуя указанию царизма, препятствовала этому. Аналогичную директиву получили и власти Батумского округа, через который проходили и сухопутная дорога, и морской путь из Турции в Абхазию. «Каждое утро, – сообщала газета «Дробеба», – в Батуми перед зданием губернатора увидите пожелтевших от голода женщин и детей, которые просят: «Отпустите! Отпустите в Абхазию!» Или же увидите поляну перед зданием полиции, заполненную абхазами, которые просят то же самое...». «Абхазы, униженные судьбой, растаптываются под ногами, как муравьи», – писала современная пресса.

По данным одного из документов от 8 августа 1878 г. на имя начальника штаба российских войск на Кавказе, выясняется, что из Батума для отправки в Турцию вернули 240 абхазских махаджиров, которые нелегально добрались до побережья Абхазии. В 1880 г. Батумская администрация вернула обратно в Турцию более 600 абхазов, бывших жителей села Анхуа. В начале августа того же года из Батумского порта было возвращено обратно в Турцию греческое судно, на борту которого находилось более семи тысяч абхазов-христиан, следовавших из Турции в Абхазию. Треть из них, ожидавших разрешение на возвращение в Абхазию, «унесли голод, жажда и болезни». В одном из архивных документов сообщается, что 11 августа 1880 г. из Батума обратно в Турцию было возвращено большое судно, на борту которого находилось около 1200 абхазских семей. А в телеграмме из Батума от 4 сентября 1880 г. в адрес кавказского начальства группа абхазских женщин (Тамара Анчабадзе, Нина Авидзба и др.) писала: «Батумский губернатор отправляет нас в Турцию, где мы знаем, что нас не примут, так как мы все христиане. Истинно несчастные, обреченные на гибель, мы умоляем, Ваше сиятельство, выпросить для нас от его Императорского величества прошение, позволение вернуться в Сухум. Нас здесь более четырехсот женщин, столько же детей». В ответ поступила телеграмма такого содержания: «Его величество не изменил свое приказание». Батумский губернатор перестарался – распорядился абхазов «связать и таким образом отправить в Турцию».

Несмотря на запрет, число абхазских беженцев, стремившихся вернуться на родину, не уменьшалось. Только в июле – августе 1880 г. в Батумский порт пришвартовали несколько десятков судов, переполненных абхазскими беженцами, где эти суда были задержаны. Об этом свидетельствует множе-

ство телеграмм и писем в адрес российских властей, начиная от Батумской администрации вплоть до самого императора. Например, только в одном деле (№2069, ф. №545) Центрального государственного исторического архива Грузии (в Тбилиси) хранится более 150 документов подобного содержания, которые датируются от 8 июня 1880 г. по 31 января 1881 г. Документы свидетельствуют о том, что суда с абхазскими беженцами, возвращенные российскими властями обратно в Турцию, не принимались турецкими властями – как «ненадежный контингент». Береговая охрана выстрелами из артиллерийского орудия отгоняла их в открытое море. «Абхазов, – читаем в газете «Дроеба», кидают, как мяч, от нашего порта до порта Турции, откуда их выстрелами возвращают обратно, и стоят они, эти несчастные, потерявшие надежду и отчаявшиеся люди, меж двух земель».

Огнем встречали российские власти и тех абхазов, которые с большим трудом добирались до берегов Родины. В периодической печати сообщается, что начальник Сухумского военного отдела полковник П. И. Аракин «неоднократно с огнем из оружия и пушек встречал абхазов и черкесов, которые осмеливались ступить на берег Черного моря». Возвращение абхазов на родину приняло настолько острый характер, что российские власти были вынуждены обратиться к турецким властям с просьбой, во-первых, максимально препятствовать абхамам покидать границы Турции, во-вторых, дать распоряжение турецким портам безотказно принимать суда с абхазскими эмигрантами. Однако, как свидетельствуют архивные данные, местные власти Турции получили указание от своего правительства о выселении из страны той части абхазских махаджиров, которые настоятельно требовали разрешения на возвращение в Абхазию. Наконец, правительство России было вынуждено в 1881 г. отменить принятое два года назад распоряжение, которое запрещало абхамам вернуться в Абхазию. Однако этот долгожданный документ российское посольство в Турции скрыло от абхазов. Со временем количество желающих вернуться в Абхазию постепенно стало уменьшаться. А тем, кому удавалось добираться до Родины, запрещалось селиться в опустевшей центральной части края, включая Сухум, и в целом в приморской полосе Абхазии. По данным «Кавказского календаря» на 1881 г., из махаджирства с большим трудом удалось вернуться 13 258 абхамам.

2. Колонизация Абхазии в конце XIX в.

2.1. Пассивный этап колонизации. Депортировав три четверти абхазов за пределы исторической Родины, царское самодержавие активизировало процесс заселения Абхазии инородцами, начало которому было заложено еще в 60-е годы XIX в. В частности, после депортации автохтонов Малой Абхазии (Садзена), Дала и Цабала власти приступили к организованному, но все же пассивному освоению «заброшенных» земель Абхазии.

В Малой Абхазии первые колонии были основаны недалеко от Адлера, в долине Лияш, на левом берегу р. Мзымта: Первинка (в 1868 г.), Молдаванка и Высокая (обе в 1869 г.). Первинка вначале состояла из 20 греческих семей из Азиатской Турции, Молдаванка была основана молдаванами в количестве 50 семей, прибывших из Бессарабской области, а в Высокой обосновались 40 семей переселенцев из Херсонской области.

В 1869 г. на правом берегу р. Псоу, в бывшем ауле садзских князей Гечба, была создана деревня Веселое из 100 семей молдаван, переселившихся из Кубанской области; на левом берегу р. Мехадыр 40 семей молдаван, прибывших из Бессарабской области, организовали деревню под названием Пиленково.

В 1874 г. Главное управление наместника Кавказа опубликовало Положение о продаже в прибрежной полосе Черноморского округа 65 000 дес. «казенной земли» в частные руки, которая в срочном порядке была раскуплена.

К концу 60-х и началу 70-х гг. относится также начало заселения колонистами Дала и Цебельды (Цабал), важнейшего военно-стратегического региона Абхазии. После насильственного выселения из этих мест абхазских общин в 1867 году правительство приступило к заселению большого пространства бассейна реки Кодор. «Находясь в тылу Абхазии, Цебельда по характеру местности, представляя важный опорный пункт на случай войны, предложена к заселению преданным народом».

Первым долгом было «очищение» местности от оставшихся и скрывавшихся в неприступных ущельях цебельдинцев и дальцев, которых особенно много скопилось в ущелье р. Сакен. После этого весной 1868 г. для защиты безопасности будущих колонистов в Дале были поселены отставные военно-служащие со своими семьями (61 семья, 183 человека), что давало возможность властям проводить соответствующую работу по подбору мест для будущих поселений. Было принято решение о создании шести сел, которые получили название в честь наместника Кавказа Михаила Николаевича Романова и членов его семьи. В частности, первые колонии в этом регионе Абхазии были названы: Михайловское – близ укр. Цебельды у р. Амткял, Ольгинское – у истоков восточной Маджары, Александровское – на р. Келасур, Анастасьевское и Николаевское – в бывшем с. Науш, Георгиевское – в урочище Джампал. Кроме этого были намечены запасные пункты на Мармбе и урочище Джегошкар, у северного склона горы Адагуа, где находились лучшие цебельдинские покосы.

В этот же период из контингента анатолийских греков было создано поселение в Псху под названием Марьинское. Надежды властей заселить Кодорское ущелье исключительно русскими крестьянами и на этот раз, как и в Садзене, не увенчалось успехом; пригласительные объявления, направленные в губернии внутренней России, практически оставались без ответа. Это несмотря на то, что начальник Сухумского военного отдела генерал В. А. Гей-

ман был принципиально против заселения Цебельды иностранцами. Однако ввиду того, что желающих было очень мало, кавказское наместничество было вынуждено разрешить иностранцам создавать поселения в Цабале, Дале и Псху. Указанные колонии стали создавать в основном анатолийские греки.

Для облегченной адаптации колонистов каждой семье бесплатно выделялись земельные участки в размере 10–20 десятин; кроме того, они на 15 лет освобождались от воинской повинности, на устройство участка каждая семья безвозвратно получала по 40 руб., в течение первого года выдавались мука, крупа (с условием, что провиант будет возвращен в течение пяти лет, причем уплата начиналась с четвертого года). Ввиду большой потребности в молоке для детей по ходатайству попечителя было разрешено выдать на каждые три семьи по 50 рублей для покупки коров. Для развития огородничества были выписаны семена овощей; из Крыма было привезено по одной тысяче лоз на каждое селение. Кроме того, власти бесплатно передали колонистам оставшиеся от коренного населения фруктовые сады, виноградники, пчелиные ульи и т. д. По далеко не полным данным, «на местности, назначенной под поселения, есть в настоящее время 5 132 ореховых дерева, до 700 яблонь, айвы, персиков и других плодовых деревьев и 2 324 виноградной лозы – в несколько сажен длины каждая и около вершка в диаметре толщины – при урожае лоза может дать до 16–19 пудов винограду», – писал Н. А. Дьячков-Тарасов. Кроме сельской местности, инородцы, особенно греки и мегрелы, поселялись и в городах Абхазии. «Все каменные работы в Сухуме, шоссейные и по постройке домов и набережной, производились приезжавшими на осень и зиму из Малой Азии греками, с мая же по октябрь эти греки, опасаясь сухумской малярии, жили на родине». А что касается мегрелов, то они больше занимались торговлей. «Этот худосочный народ, выросший на болотистых низменностях Ингура, Цхенис-цкали и Риона, был способен только к торговле да к нетрудной культуре кукурузы; духаны в Сухуме, Очамчирах, Гудауте были в руках мингрельцев».

Однако в годы русско-турецкой войны (1877–1878), с уходом российских военных подразделений из Абхазии, большинство колонистов было вынуждено также покинуть новые места жительства, освоенные с большим трудом. И лишь после окончания войны российским властям удалось вернуть часть колонистов в эти же села, кроме жителей Марьинского, которые были также устроены в Цебельде.

2.2. Активный этап колонизации. С завершением последнего этапа депортации абхазов царское самодержавие развернуло ширококомасштабный фронт по освоению опустевших земель абхазов. По сообщению начальника Сухумского отдела генерала В. А. Геймана, «уход значительной части абхазского народа предоставил в распоряжение правительства значительное количество свободной земли в культурной полосе отдела (более 60 тыс. дес.)».

С этого периода в Абхазии начался активный этап колонизации страны, ставшей «одним из звеньев в цепи великодержавной колониальной политики на Кавказе». К кавказскому начальству и местным властям стали поступать просьбы со стороны переселенцев различных национальностей об устройстве их в Сухумском отделе. Сюда направились на постоянное жительство люди «разной веры и нации». Корреспондент газеты «Дроеба» констатирует, что в течение 5–6 лет на Абхазию «нахлынули греки, русские, болгары, немцы, мегрелы, имеретинцы, армяне и др.».

В Абхазии землю давали всем желающим, кроме абхазов. Дело в том, что не было конца трагедии абхазского народа – если самодержавие насильственно и вынужденно изгнанных в Османскую империю абхазов, без основания на это, обвинило в «измене» и запретило им вернуться на родину, то те, кому удалось остаться в Абхазии, были объявлены «виновным» населением. Их лишили наследственного права на землю, которой могли пользоваться «только в качестве арендаторов», они оказались без права на издольщину, на продажу. Более того, по распоряжению властей абхазам было запрещено селиться на всей полосе Черноморского побережья и в первую очередь в Сухуме и его окрестных селах.

«До войны, – читаем в журнале «Иверия», – Сухум был довольно-таки большой город, вокруг него проживали абхазы... Неудивительно, что вблизи главного города Абхазии такое затишье, ибо абхазов в Абхазии нет, а те, которые вернулись, не имеют права селиться ближе тридцати верст от Сухума». По сообщению газеты «Дроеба», «после последней войны главным распоряжением было не позволять абхазам селиться на землях между реками Кодор и Писирцха (Псырцха. – Т. А.), кроме них, всем остальным давалось право на поселение». А по данным журнала «Квали», абхазам было запрещено селиться в междуречье Кодора и Аапста.

Само собой разумеется, что державная Россия была заинтересована в заселении Абхазии и всего Кавказа преимущественно русским населением как самым надежным в военно-политическом отношении контингентом. Поэтому изначально собственниками и владельцами большинства свободных земель Абхазии стали русские помещики, чиновники, отставные офицеры, купцы и др. Параллельно из глубинных регионов империи сюда переселялись непосредственные земледельцы-крестьяне. Профессор Г. А. Дзидзария выделил четыре основных вида колонизации Абхазии: арендная колонизация – раздача земельных участков арендаторам-крестьянам, прибывшим из разных стран и регионов Российской империи; дворянская – массовая раздача земель российским помещикам, крупным военным и гражданским чиновникам; монастырская – выделение земель для монастырей (например, Новоафонский Симоно-Кананитский монастырь получил 3 278 дес. земли), курортная – раздача земельных участков на льготных условиях «мелким чиновникам и офицерам».

Для первоначального обустройства и адаптации правительство и на этот раз стало поощрять материально колонистов: каждая семья на год обеспечивалась продовольствием, ей выдавали рабочий скот, по одной корове, до 15 червонцев; семья освобождалась от налогов на 12 лет, а в случае болезни – обеспечивалась медикаментами и т. д. Весьма выгодные условия для арендаторов создавали землевладельцы. По сообщению грузинской газеты «Цнобис пурцели», после войны мегрельским арендаторам из Зугдидского и Сенакского уездов в Абхазии бесплатно были предоставлены приусадебные участки (семье – до 900 кв. сажен), строительные материалы, дрова; каждый арендатор имел право без уплаты налога держать до 12 голов скота, а арендодателю возвращалась четвертая часть от годового урожая.

Власти для водворения новых поселенцев в первую очередь избрали те бывшие населенные пункты абхазов, которые в случае возобновления военных действий могли бы выполнять определенные стратегические функции. Таковыми, помимо названных сел Кодорского ущелья, являлись Аацы, Допуакыт, Кацигыларта, Багажвяшта и Абжаква. При этом, как писал позже начальник Сухумского отдела полковник В. А. Браккер, «с заселением местности Аацы (Баклановка. – Т. А.) ближайший путь, ведущий из Гудаутского участка в Кубанскую область, будет закрыт новым поселением», а с заселением Допуакыт, Кацигаларта и Багажвяшта «установится связь между селениями Анастасьевским, Николаевским и др., находящимися в Цебельде, причем дорога в Кубанскую область через Цебельду будет обеспечена надежным населением». По такому принципу в Абхазии с 1879 по 1884 г. были образованы новые селения из русских, греков, армян, эстонцев, немцев, мегрелов и др.: Баклановка и Мцара в Гудаутском участке; Владимирское, Дранда, Старо-Черниговское, Андреевское, Дмитриевское, Михайловское, Константиновское, Павловское, Линдау, Найдорф, Кнаденберг, Эстонское, Келасур, Беслетское и Пшап в Гумистинском участке. Позже в Гумистинском же участке были основаны села Ново-Черниговское (1890 г.) и Спасовка (1894 г.), а в Гудаутском участке – село Петровка при селе Баклановка.

Интенсивная колонизация Абхазии, невзирая на то, что множество переселенцев становилось жертвой климатических условий Абхазии, продолжалась. «До последнего времени, – писал К. Мачавариани, – я не верил в существование живых мертвецов, но один вид колонистов Сухумского отдела, состоящих из болгар, молдаван и русских мужиков, заставил признать, что на земле есть и такие мертвецы... Представьте себе людей, в высшей степени желтых, исхудалых, с трудным дыханием, в сильных пароксизмах лихорадки или удрученных другими болезнями, с впалыми глазами, с умоляющими взглядами, без пищи, крова, без обуви... на сырой голой земле... Если ко всему этому прибавить ежедневную смертность два или три человека и стоны малолетних детей и их матерей, то можно иметь приблизительное понятие, какова должна быть

жизнь этих несчастных поселенцев». В таком же состоянии были и те 27 семей немцев, «которые, приехав в августе месяце, дышали здоровьем и силой, а в сентябре уже представляли из себя живых мертвецов».

Как сообщается в газете «Кавказ», в пяти переселенческих селах (Николаевское, Анастасьевское, Георгиевское, Александровское, Марьинское), в которых проживало 548 чел., родилось 51, умерло 120. В поселениях Гумистинского участка – Абжаква, Допуакыт, Дранда, Гумма, Акапа и Мархаул в течение трех лет, с июня 1879 по 1881 гг., прибыло – 655 человек, убыло (в том числе умерло) – 318, из которых 235 чел. по болезни были вынуждены покинуть Абхазию. По данным той же газеты, из 430 русских, поселившихся в Гудаутском участке, в период с 1879 по 1881 гг., к концу третьего года там осталось только 174 чел. Остальные 256 – кто умер (84), а кто возвратился назад (172). За этот же период из поселившихся в этом же участке 603 армян выжили 556 чел., из которых 149 убыли обратно.

Бывали и такие факты, когда поселенцы целыми селами вымидали, а их места занимали вновь привезенные партии колонистов. По словам Т. Сахokia, в таком удручающем положении оказались жители села Петропавловка, расположенного на побережье моря, на девятом километре от р. Псырца в сторону Гудауты, а также население Баклановки, Бамбор и др. русских колоний. Например, как сообщает тот же автор, в с. Баклановка в 1879 г. первыми поселились 80 крестьянских семей из Ставропольской губернии. Скоро почти все вымерли от малярии. Привезли новую группу колонистов, однако и эти вымерли. Их места заняли другие. В 1893 г., по данным того же автора, в Баклановке родилось детей 21, умерло – 25.

Сложные климатические условия и ряд других причин, препятствующих адаптации колонистов, а также стремление отдельных лиц разбогатеть за счет продажи даром полученной от властей земли привели вскоре к тому, что новые собственники в Абхазии землю из основного средства производства превратили в товар. В окрестностях Сухума земельные участки «дарились, продавались и перепродавались», – писала газета «Кавказ» еще 3 января 1878 г. А уже в конце XIX в. грузинская газета «Цнобис пурцели» предупреждала, что «если торговля землей будет продолжаться, то можно не сомневаться, что вся Абхазия будет распродана».

2.3. Грузинские (картвельские) переселенцы. Вместе с тем, планы царизма касательно преимущественного заселения Абхазии представителями русских крестьян, превращения их в доминирующее население страны, не увенчались успехом из-за климатических и иных условий. Создавшуюся ситуацию в освоении абхазских земель ловко использовали жители современной Западной Грузии. Близость к Абхазии, схожие климатические условия, малоземелье и пережитки деспотического крепостнического строя в Грузии, стремление новоиспеченной грузинской буржуазии и обанкротившегося от

крестьянской реформы дворянства приобрести даром новые земли стимулировали массовое перекачивание западнотурецких, особенно мегрельских крестьян, в соседнюю Абхазию. По определению профессора С. З. Лакоба, «плодами русской военной победы в Абхазии в XIX столетии в полной мере воспользовалась зависимая Грузия, выступающая по сей день в роли мелкого хищника».

Переселение грузин (в большинстве мегрелов) в Абхазию приняло фактически общенациональный характер, которым, по словам начальника Сухумского округа В. А. Браккера, до введения здесь прямого русского управления, «было далеко не безопасно даже и появляться в Абхазии, а если они и проживали тут, то не иначе в качестве прислуги местных привилегированных фамилий». Поэтому грузинская пресса приобретение грузинами земельных участков в Абхазии и Черкесии расценивала «как одно из прекраснейших явлений» в жизни грузин, «которое должно радовать каждого доброжелателя нашего народа...». «Во всех отношениях подходящими для заселения побережья Черного моря являются как имеретинцы, так и мегрелы», – сообщалось в газете «Дроеба» от 2 февраля 1878 г. А в номере «Дроеба» за 4 февраля 1879 г. уже торопили своих читателей: «Расширимся, пока еще имеем время, пока еще не понаехали чужие племена и не поселились на пустующих местах нашего Кавказа». Засуетилась и газета «Шрома»: «Присылайте сюда побольше рачинцев, лечхумцев, верхних имеретинцев и мегрелов из горных мест».

Грузинская пресса проявила заботу и об идеологическом обеспечении переселенческого движения соотечественников. В процессе освоения грузинами опустевших от коренных народов земель Кавказа в умах грузинской общественности начинает формироваться имперское сознание. Уже в 1873 г. известный писатель и публицист Г. Е. Церетели своим читателям начинает внушать, что весь Кавказ является родиной грузин, грузинской землей. В 1879 г. он открыто выражает недовольство по поводу того, что Россия «старается присвоить опустевшие земли нашего края на побережье Каспийского и Черного морей», которые «грузинская нация в прошлом занимала». Г. Церетели предлагал из Грузии направить туда на поселение крестьян, которые «задыхаются от безземелья».

Известный грузинский педагог и общественный деятель Я. С. Гогешвили в своей публикации «Кем заселить Абхазию» в газете «Тифлисский вестник» утверждал, что только грузины и мегрелы на правах соседнего народа имеют преимущество колонизации территории Абхазии.

Историк и публицист Н. Джанашия в освоении абхазских земель также давал приоритет грузинам, так как они «на этой земле неоднократно проливали кровь и своим мужеством прославляли знамя Великой России».

В целях поощрения грузинского крестьянства к переселению грузинская пресса всячески восхваляла Абхазию. И в то же время если она будущим гру-

зинским колонистам обещала райскую жизнь в соседней стране, то представителей других народов отпугивала малярией, отсутствием хлеба, бездорожьем и даже малоземельем и т.д. «Абхазия, – читаем в газете «Дроеба» от 26 октября 1883 г., – для кавказцев (имеются в виду грузино-мегрелы. – Т. А.) является любящей матерью, а для всякого другого народа – мачехой, и весьма злой».

Определенное влияние на адаптацию колонистов, как было уже отмечено, непременно оказывали климатические и иные природные особенности края, но публикации грузинской прессы на эту тему носили явно тенденциозный характер, что, естественно, не оставалось без соответствующего реагирования со стороны властей и общественности России. В русской газете «Новое время», например, сообщалось, что «грузинская общественность преднамеренно распространяла слухи о малярии, чтобы сюда не заселялись русские». Да и в самой грузинской газете проскальзывало, что в конце XIX века мегрелы и имеретинцы, «знакомые с лихорадкой и находящиеся с ней в дружбе», так же страдали от этой болезни, как представители других народов. По данным журнала «Моамбе», мегрелов из Сенакского уезда, поселившихся в 1880 г. в селе Абжаква, косила малярия – «каждый день хоронили по четыре, пять человек». Грузинский автор Т. Сахокия, лично встречавшийся со своими земляками в Абхазии в конце XIX в., писал: «На их похудевших и пожелтевших лицах были заметны следы перенесенных мучений и мытарств».

При внимательном ознакомлении с материалами грузинской прессы нетрудно обнаружить двойные стандарты в освещении и ряда других проблем, связанных с колонизацией Абхазии. Например, грузинская периодика на протяжении нескольких лет неустанно информировала читателей о наличии в Абхазии свободных земель. Аналогичные сообщения в русских изданиях назывались «клеветой». В частности, в редакционном обзоре «Иверия» говорится: «Также клеветуют о Сухумском крае, якобы там много свободных, незаселенных территорий».

Постепенно грузино-русское противостояние по освоению свободных абхазских земель приняло настолько острый характер, что некоторые авторы прямо ставили вопрос о запрещении грузинам переселяться в Абхазию и вообще на Черноморское побережье Кавказа; рекомендовали властям побережье Черного моря заселить исключительно русскими, «так как оно орошено их кровью».

Однако маховик переселения грузинских крестьян уже был запущен. Как «грибы после дождя» появлялись новые дома и целые поселения грузин – мегрелов на всем пространстве Абхазии, особенно в ее прибрежной зоне. Уже в начале 80-х годов XIX в. мегрелами вблизи Сухума были заняты бывшие абхазские села – Абжаква, Мерхеул, Пшاپ, Акапа, Гумиста, Келасур, Багажвяшта, Мачара, Гулрыпш, Багбаран, Бабушара, Варча, Наа и др. В большинстве этих сел число переселенческих дворов доходило от 50 до 100 и более.

Грузины-переселенцы, помимо того, что получали от государства земли или арендовали усадьбы у частных лиц, не упускали ни одного случая закупить участки для своих земляков. С помощью различных компаний, благотворительных пожертвований они приобретали как отдельные дома и участки, так и целые села у русских, болгар, молдаван и других колонистов. Например, таким способом мегрелами были выкуплены у русских село Наа (Николаево-Анастасиевское), у болгар – село Владимировка-Николаевское и др.

Активную помощь грузинам в освоении абхазских земель оказывали грузинские священнослужители. По настоянию грузинского духовенства российские власти наводнили Абхазию грузинскими (в основном мегрельскими) священниками, которые, помимо проводимой ими ассимиляционной деятельности, призывали своих соплеменников к переселению в Абхазию, при этом используя различные методы освоения земельных участков. В этом отношении весьма любопытна следующая информация, опубликованная в журнале «Окраины России»: «... в деревнях и городах Абхазии мингрельские попы по-выписывали всех своих родственников до десятого колена и наводнили Абхазию мингрельцами, водворившимися окончательно на абхазских землях под видом арендаторов или «наследников» разных своих родственников, женившихся на абхазах». Об использовании брачных союзов со стороны мегрелов для присвоения абхазских земель в 1893 г. сообщал Г. А. Рыбинский: «Князья и дворяне Мингрелии женятся на абхазских княжнах и ни в коем случае не отказываются от приданого – земель в Абхазии».

Словом, грузинские колонисты, пробиравшиеся в Абхазию как легально, так и нелегально, заселялись как у частных землевладельцев, так и на государственных землях. Одни принимались в категорию постоянных жителей, другие получали право на временное проживание. И те и другие всеми способами старались «твердо» закрепиться на этой земле. Так, в газете «Иверия» в 1897 г. пафосно сказано: «Мегрелами и имеретинцами в Сухумском округе были заняты «лучшие места». А по сообщению журнала «Квали», в Абхазии в конце XIX века только на государственной земле, где «колониями» жили русские, немцы, мегрелы, греки, эстонцы, армяне и другие, «если не первое, то второе место по количеству все равно занимали мегрелы».

Кроме как сельским хозяйством, мегрелы-переселенцы активно занимались торговлей, в частности, землей, древесиной. «Торжествующие мингрельские духанщики и торгаши, начиная с Очамчыры, Гудауты и кончая Гагрой, являются повсеместно на побережье монополистами торговли, передовым авангардом наступающего движения Мингрелии», – писал Г. А. Рыбинский.

Относительно успехов мегрелов в области торговли в тот период в №11 журнала «Иверия» с восторгом сообщается, что в тот период мегрелы «играли такую же роль в торговле на восточном побережье Черного моря, как армяне в Тифлисе». Начальник Сухумского округа полковник В. А. Браккер так харак-

теризовал мегрелов-торговцев: «Мингрельцы одарены в значительной степени хитростью, ловкостью и чисто торговой сметливостью. Они весьма трудолюбивы, крайне бережливы и умеют обращать свои сбережения в выгодный оборот, весьма мало стесняясь при этом в выборе средств к обогащению». По сообщению очевидцев, мегрелы в торговом деле не терпели соперников, от них «открещивались» даже иностранцы. Если они в обычной жизни были «очень общительны и милы, то в деле наживы «пальцы в рот не клади...», в этом деле они, «как и армяне в Тифлисе, не терпят соперников».

Мегрельскими торговцами особо притеснялись абхазы в Самурзакане, в связи с чем предлагалось правительству принять специальные законы против «злостного ростовщичества», в «защиту простодушных абхазцев-самурзаканцев от самой бессовестной эксплуатации».

Мегрелы у местного населения закупали все, что возможно было скупить, и продавали этот товар как на местном рынке, так и за пределами Абхазии. Они получали довольно значительную прибыль от торговли абхазским вином. «После войны [1877–1878], – писал Т. Сахокия, – мегрелы стали наводнять здешними винами Адлер, Сочи, Новороссийск, Поты, Батуми и др.».

Мегрело-грузин в Абхазию привлекала также промышленная лесозаготовка. По сообщению журн. «Квали», в конце XIX века завершились начатые после Русско-турецкой войны (1877–1878) заготовка и вывоз из прибрежных регионов Абхазии древесины – дуба, самшита и ореха. К этому периоду также была завершена интенсивная работа по заготовке и вывозу лесоматериалов из предгорной части страны. По данным этой же публикации, аналогичная работа была развернута в Кодорском ущелье. Примечательно, что как среди лесозаготовителей в верховьях р. Кодор, так и на лесопильном заводе у устья той же реки, в с. Адзюбжа большинство рабочих составляли мегрелы и гурийцы. По данным Т. Сахокия, у капиталиста из Ростова Б. Максимова, который в конце XIX – начале XX в. непосредственно занимался лесозаготовкой в Кодорском ущелье, работали до двух тысяч человек. В частности, среди них были «сваны, рачинцы, лечхумцы, мегрелы и не было ни одного абхаза».

3. Новая волна массовой колонизации Абхазии в начале XX в.

3.1. Обострение грузино-русских отношений из-за абхазских земель.

Начало нового столетия ознаменовалось новым притоком в Абхазию инонационального населения как из различных регионов Российской империи, так и из-за рубежа, особенно картвелов из Кутаисской губернии, греков и армян из Османской империи.

Процесс заселения и освоения опустевших земель Абхазии русскими и в целом представителями славянских народов был гораздо проблематичней, нежели картвельским населением, успешно осваивавшим опустевшие земли коренного народа Абхазии. Российские власти постоянно проявляли озабоченность по этому поводу. Например, в Циркуляре-приказе наместника

Кавказа от 19 марта 1901 г. прямо было сказано о недопустимости заселения опустевших территорий местными жителями Кавказа, подчеркивалась необходимость освоения этих земель исключительно русскими, так как оно вытекает из «чрезвычайных интересов» государства. Распоряжения подобного характера раздражали грузинскую общественность, которая со своей стороны интенсивно наращивала процесс переселения грузинских крестьян в Абхазию и другие регионы Кавказа. Выражая мнение своих соотечественников, грузинская пресса возмущенно писала, что подобные указания властей «вызывают лишь зависть, вражду и подтверждают, что правительство не волнуется судьба местного населения». В статье газ. «Цнобис пурцели» от 14 июня 1905 г. подвергнута резкой критике статья «О выкупе крестьянских наделов на Кавказе», напечатанной в газ. «Слово» (1905; №171), где представлен план наместника царя на Кавказе Г. С. Голицына о колонизации Кавказа. По данному проекту Государственный банк должен был закупить земли у местных землевладельцев, разделить их по участкам и на льготных условиях раздать крестьянам-переселенцам из глубинных регионов России. Однако из этой же публикации выясняется, что сам автор статьи, профессор Озеров, не был согласен с проектом Г. С. Голицына и предлагал ускоренную «прусскую систему колонизации». По мнению Озерова, необходимо переселенческий вопрос «признать общегосударственным делом, на местах создать Чрезвычайные комитеты и обязать их заниматься исключительно вопросами колонизации». Со своей стороны, автор грузинской публикации справедливо осудил «прусский опыт» колонизации, в результате чего Пруссия насильственным путем в кратчайший срок осуществила массовое переселение немецких крестьян на захваченные польские территории. Однако, критикуя пути интенсивной колонизации Кавказа русскими, грузинская пресса заботилась лишь о том, чтобы как можно больше грузинских крестьян перекачать в Абхазию.

Естественно, что одна только агитационная работа не могла бы заставить грузинских крестьян покинуть насиженные места. Причиной ускорения процесса переселения грузин в соседнюю Абхазию по-прежнему служили малоземелье, а также те социально-экономические и общественно-политические преобразования постреформенной Грузии, которые постоянно выталкивали огромную массу крестьян на произвол судьбы. Эти процессы особенно стали заметны в начале XX в. в связи с активизацией революционных событий. «С наступлением 1905 года, – сообщается в журнале «Могзаури», – прошлогодний неурожай, народные волнения, репрессии со стороны правительства, экзекуции вызвали резкий экономический спад мегрельского крестьянского хозяйства. Из сел Мегрелии неисчисляемое количество рабочей силы хлынуло в приморские города Батум, Поти, Сухум и др.».

Наплыв мегрелов в Абхазию не мог остановить и тот факт, что если изначально земли на льготных условиях раздавали всем желающим переселен-

цам, то с увеличением количества населения за счет грузин-колонистов таким преимуществом в основном стали пользоваться русские переселенцы. Зато с дальнейшим развитием капиталистических отношений и, прежде всего, с переходом земли в частную собственность и превращением ее в объект купли-продажи переселенческий процесс принял более масштабный характер, особенно со стороны грузино-мегрелов, которые получали финансовую помощь от различных грузинских благотворительных фондов.

Грузинские переселенцы все чаще стали закупать земельные участки как у новых землевладельцев и чиновников, так и у колонистов разной национальности.

Этому процессу не могло помешать даже подорожание земельных участков в Абхазии. По словам Т. Сахокия, если в первые годы после махаджирства цена одной десятины земельного участка составляла 5–6 рублей, то после того, как в начале XX века «значение Сухумского округа возросло... многие направились сюда, и цена одной десятины земли подскочила до 50–60 рублей». Появились и перекупщики земельных участков, что еще больше подняло цену земли. «В Сухуме появилась толпа коммерсантов и посредников, которые одну десятину земли покупали за 50 рублей, а продавали за 200, 300, а то и за 400 рублей. Особенно высоко ценилась земля на побережье моря». О земельной спекуляции А. А. Оленецкий позже писал: «Характернейшим представителем земельных спекулянтов абхазского побережья был гагрский помещик, доктор Нахимов, который купил в начале 1900-х годов в Гагре 28 десятин земли по 500 руб. за десятину, разделил всю купленную землю на 135 участков по 100–300 квадратных сажень и продал их по цене в 10–30 руб. за кв. сажень или по 24–72 тыс. руб. за десятину. Прибыль 4700 – 14 300 % за затраченный капитал была выгоднее всякой врачебной практики». Цены на абхазские земли еще больше выросли после распространения слухов о строительстве железной дороги через территорию Абхазии. Данная информация увеличила число желающих приобрести земельные участки для постройки дач на побережье Черного моря, а также для покупки больших угодий, чтобы их разбить по участкам и продать новым дачникам в десять–двадцать раз дороже.

Постепенно мегрелы-арендаторы, работавшие в Абхазии годами, стали закупать земли и у коренных абхазов. Подобные факты особо участились после снятия с абхазов ярлыка «виновного» населения (27 апреля 1907 г.) и юридического закрепления за ними земельных участков в виде наделов. Относительно причин продажи земельных участков местными крестьянами сухумская газета «Наш путь» с огорчением писала, что «безысходная нужда малоземельных крестьян, имеющих всего 2–3 десятины неудобной земли на человека, платила высокие сельские налоги, и масса других причин экономического характера толкала наших крестьян на продажу своей земли... Пошла большая

купля-продажа земель». Вместе с тем автор данной статьи выражал надежду на то, что скоро «земля будет изъята из торговли», дабы народ не остался без «своего пристанища».

Любопытно, что грузинские переселенцы для увеличения численности картвельского населения в Абхазии умудрялись применить силу против уже живущего там населения, в том числе и против русских, чему способствовал начальник Сухумского округа, грузинский князь Джандиери, который «где только мог, выдворял русских и замещал их мингрельцами».

На этом фоне небезынтересна информация, распространенная в Абхазии как до, так и после свержения царизма, о том, что «грузины хотят выселить из Сухумского округа абхазцев и присвоить их земли себе». В пользу достоверности такого намерения со стороны агрессивной части грузинской общечественности говорит сам факт оккупации Абхазии войсками Грузинской Демократической Республики в июне 1918 г., за которым последовали истребление абхазов, выселение из Абхазии многих греков, русских, армян, турок, представителей других народов и переселение в места их проживания новых колонистов из Западной Грузии.

3.2. Активизация арендной и курортной колонизации. Новый размах получила курортная колонизация. Помимо того, что отдельные чиновники, получив земли в разных районах Абхазии, заселяли там колонистов и создавали курортные учреждения, в начале нового столетия по специальному царскому манифесту в июле 1901 г. для устройства «великокняжеского курорта» принцу А. П. Ольденбургскому в Гагре было отведено 14 500 десятин драгоценнейшей земли и выдано 3 миллиона рублей. В 1904 г. Гагра и ее окрестности были отторгнуты от Сухумского округа и присоединены к Сочинскому округу Черноморской губернии, а в 1907 г. граница Черноморской губернии, установленная в 1896 г., от Гагрского хребта была отодвинута вплоть до правого берега р. Бзыбь. Таким образом, от Абхазии был отторгнут весь верхний бассейн верховья реки Бзыбь. В результате Гагра и ее окрестности превратились в объект ускоренного заселения русскими колонистами.

Об увеличении численности русских переселенцев в Абхазии, помимо властей, заботились и отдельные русские меценаты. Например, как сообщал К. Мачавариани, братья Петровы, помещики из Тульской губернии, заплатив за каждую десятину участка по 180 рублей, закупили 1200 десятин земли недалеко от Гудауты, и на этой территории создали русскую колонию под названием «Бела».

Однако переселение русских, по сравнению с армянами, греками и особенно мегрелами, по-прежнему шло весьма вяло. Увеличение спроса на абхазский табак на российском рынке в начале нового столетия вызвало новый наплыв греков и армян из Малой Азии, активно занимавшихся табаководством в Абхазии. Несмотря на повышение цены за аренду земли (25–30 рублей за

десятину) и трудоемкость работы на табачных плантациях Абхазии, это весьма доходное занятие давало плантаторам возможность накопить средства для закупки земельных участков и обустроиться на абхазской земле. Выражая озабоченность по поводу присвоения абхазских земель инородцами и обогащения за счет этого «посторонних, с одной стороны, и с другой – обеднения абхазов, С. Я. Чанба в 1911 г. писал: «В настоящее время богатством Абхазии пользуются не сами хозяева, а посторонние. Вся Абхазия покрылась табачными плантациями, и каждый год из этой благодатной аркадии вывозится более миллиона пудов табаку; так что посторонние наживаются, а сами абхазцы постепенно беднеют». Увеличению численности населения за счет инородцев способствовали и те сложные межнациональные и межконфессиональные отношения, которые сложились в Османской Турции в конце и особенно в начале XX в. Греки и особенно армяне были вынуждены покинуть насиженные места и бегством спасаться от насилия. Тысяча турецкоподанных греков и армян нашла тогда убежище в Абхазии. С началом Первой мировой войны 1914 г. иммиграционные процессы приняли более массовый характер.

Если армяне и греки специализировались в Абхазии в основном в табачководстве и большинство из них находилось в условиях арендаторов, то мегрело-грузины максимально старались приобрести земельные участки в собственность и больше заниматься полеводством, огородничеством, садоводством, виноградарством и виноделием, выращиванием крупного и мелкого рогатого скота, птицеводством и т. п. Все это давало им возможность сохранить традиционный образ жизни на новом месте жительства и тем самым облегчить процесс адаптации в Абхазии. Хотя новые потоки мегрелов-переселенцев увеличивались с каждым годом, но на тот период они все еще оставались арендаторами – временными жителями Сухумского округа.

Нетрудно догадаться, что во всех этих соревнованиях по демографическому освоению Абхазии по существу речь шла о далеко идущей цели: добиться численного перевеса по национальному признаку в Абхазии, чтобы стать здесь доминирующей нацией. Русско-грузинская идеологическая борьба в лице представителей их интеллигенции за этнодемографическое освоение Абхазии более острый и открытый характер приняла в годы первой буржуазно-демократической революции России (1905–1907) и в последующие периоды. К этому прибавилось еще и абхазо-мегрельское противостояние. Дело в том, что при реализации революционных идей конкурирующих партий по земельному вопросу, в частности, о передаче земли тем, кто ее обрабатывает, многочисленные грузины-арендаторы, временно проживавшие в Абхазии, автоматически становились бы хозяевами арендуемых участков и тем самым ее постоянными жителями. Как писал И. Гомартели, в связи с тем, что среди мегрелов большой популярностью пользуется лозунг социалистов: «земля принадлежит труженику, работнику земли», то во время революцион-

ных волнений «мегрел не дает или дает малую долю от урожая абхазу», что вызывает столкновение между ними. Если в этом противостоянии в между русскими и грузинами шла борьба за колонизацию края, то абхазы боролись против инородной демографической аннексии своей Родины. В дальнейшем при самоопределении грузинского народа и создании автономного образования в составе Российской империи или же в случае создания независимого государства, о чем на заре XX в. так много говорилось грузинскими революционерами разного толка, постоянно проживающее в Абхазии многочисленное мегрело-грузинское население непосредственно подключилось бы в борьбу за удовлетворение имперских амбиций грузинской общественности за территорию Абхазии. Имперские идеи в начале XX в. пришлось очень по вкусу епископу Кириону (Садзаглишвили), архимандриту Амвросию, профессору Хаханову (Хаханашвили) и другим духовным лидерам грузинского населения, призывавшим своих соотечественников к этнокультурному освоению Абхазии – демографической экспансии грузин в Абхазии, ассимиляции уцелевших от изгнания абхазов.

3.3. Этническая и конфессиональная мозаика колонистов. Проводя политику колонизации территории Абхазии, царское самодержавие и его чиновники на местах по-прежнему особое значение придавали этнической и конфессиональной принадлежности колонистов, а также под строгим контролем держали структуру их расселения на территории страны; оставшихся на родине абхазов принудительно удерживали в определенных для них резервациях. В частности, представители коренного народа, несмотря на снятие с них унижающего национальное достоинство ярлыка «виновного населения» (1907 г.), по-прежнему оставались жить в Бзыбской, Абжуйской и Самурзаканской Абхазии, а Центральный регион, включая г. Сухум, его окрестности, р-н Гагры и в целом исторический Садзен, интенсивно осваивались представителями других народов. За счет инородцев увеличивался также численный состав городов и других населенных пунктов прибрежной Абхазии. По сообщению К. Мачавариани, к 1913 г. большинство колоний, как это предусматривалось по генеральному плану освоения опустевшей территории Абхазии, рассчитанному на разделение инациональным демографическим кордоном Бзыбской Абхазии от Абжуйской и Самурзаканской Абхазии, были расположены в Центральной Абхазии. В частности, на территории Гумистинского участка (совр. Гулрыпшский и Сухумский районы) проживало 19 809 человек, из которых 1848 абхазов, а все остальные являлись переселенцами: греки – 5659 чел., мегрелы – 4761, армяне – 2792, русские – 2128, эстонцы – 1017, немцы – 600, турки – 283, сваны – 213, болгары – 213, молдаване – 211, латыши – 84. В конфессиональном отношении большая часть колонистов – 14 200 чел. – являлась православными христианами, что также отвечало интересам самодержавия; из числа остальных – 2820 чел. армяно-григориане, 1446 – магометане, 1100 –

лютеране, 1000 – католики. Переселенцы были расселены в общинах: Андреевское, Александровское, Акапа-Келасур, Беслетское, Владимировское, Георгиевское, Гнаденберг, Дмитриевское, Дранда, Екатерининское, Константиновское, Линдау, Спасское, Михайловское, Марьинское, Мерхеульское, Анастасьевское, Наидорф, Ольгинское, Павловское, Пшаш, Полтавское, Ново-Черниговское, Старо-Черниговское, Эстонское, Датское, Ажарское, Гульрыпшское, Бабушерское и т. д.

Перед началом Первой мировой войны (1914 г.) в Абхазии (от р. Ингура до р. Бзыбь) общая численность населения составляла 162,5 тыс. чел. Из них городское население – около 30,0 тыс. человек, сельское – 132,5 тыс. В сельской местности проживало представителей до 20 национальностей. В частности, абхазов – 91,4 тыс., грузин (мегрелы, сваны и собственно грузины) – 14,7 тыс., греков – 9,9 тыс., армян – 8,0 тыс., русских – 5,0 тыс., эстонцев и турок – по 1,0 тыс., немцев – 0,6 тыс., по 0,2 тыс. болгар и молдаван и др.

По данным 1914 года, в Гагрском уезде (без г. Гагры) проживало 4305 чел. Из них абхазов 490 чел., армян – 1800, греков – 1175, русских – 381, мегрельцев, имеретинцев и грузин – 479 чел.

В результате целенаправленной колонизации царское самодержавие в конце XIX – начале XX в. в Абхазии фактически совершило «этническую» революцию.

На опустевших землях Абхазии были созданы более или менее компактные этнические общины картвелов (в основном мегрелов), русских, греков, армян, немцев, болгар, молдаван, эстонцев и др. По официальным данным посемейной переписи 1886 г., в Абхазии из 68,8 тыс. чел. постоянно проживающего населения абхазы составляли 59,0 тыс. (т.е. 85,8 % от общей численности населения), мегрелы – 3,5 тыс. (5,1 %), собственно грузины – 0,5 (0,7 %), русские – 20 (3,0 %), другие национальности – 1,0 (1,4 %), армяне – 1,3 (1,9 %), греки – 1,5 тыс. чел. (2,1%). В результате интенсивной миграции население Абхазии в течение 11 лет по сравнению с 1886 г. выросло почти в два раза. По данным первой Всероссийской переписи 1897 г., оно достигло 106,2 тыс. человек. А население г. Сухума выросло с 1,3 тыс. человек в 1887 г. до 8,0 тыс. человек в 1897 г.

О резком увеличении в конце XIX в. количества этих национальных общин, особенно грузино-мегрельских, в Абхазии свидетельствуют официальные статистические данные. Если в 1868 г. мегрелов в Абхазии насчитывалось всего-навсего 429 человек, в 1886 г., по семейной переписи, количество мегрелов и грузин, постоянно проживавших в Абхазии, составляло 4,0 тыс. чел. (из них мегрелов – 3,5 тыс.), то за 11 лет их численность выросла до 25,6 тыс. чел. (из них мегрелов – 23,8 тыс., а собственно грузин (имеретинцев, гурийцев, рачинцев и др.) – 1,9 тыс.). Что же касается представителей других народов, то рост их общего количества явно уступал грузинам. В частности,

за вышеуказанный промежуток времени численность русских от 1,0 тыс. человек выросла до 6,0 тыс., армян – от 1,3 тыс. до 6,5 тыс., греков от 2,0 тыс. до 5,4 тыс. человек. Кроме них, к 1897 г. в Абхазии проживало 1,3 тыс. турок, 0,6 тыс. эстонцев и представителей других народов. По материалам всероссийской переписи 1897 г., удастся установить также численность, места убытия и этнический состав переселенцев. Общее количество переселенцев, включая 3,2 тыс. человек «временно прибывших в места переписи», составило 30,9 тыс. чел.

Из них: 16,5 тыс. человек – это переселенцы из различных регионов нынешней Западной Грузии; 6,4 тыс. чел. – переселенцы из других губерний Российской империи; 8,0 тыс. чел. – из других государств (Османской империи, Персии, Австро-Венгрии, Германии, Греции, Болгарии, Румынии, Сербии, Франции, Дании, Великобритании, Швеции). Среди иностранных переселенцев подавляющее большинство составляли турецкоподданные – греки, армяне, турки и представители других народов, всего 9,3 тыс. человек.

Что касается коренного народа, необходимо отметить, что данные переписи этого периода свидетельствуют об уменьшении численности абхазов от 59,0 тыс. в 1886 г. до 58,7 тыс. чел. в 1897 г. Другими словами, удельный вес коренного населения в стране от 85,8 % упал до 55,3 %, что является следствием морально-психологического давления, которое испытывал тогда абхазский этнос, находясь в положении «виновного» и «временного» населения.

В то же время де-факто в 1897 г. в Абхазии проживало гораздо больше абхазов, чем это было зафиксировано в документах переписи. Подтверждение тому статистические данные о количестве абхазов, приведенные в различных публикациях конца XIX – начала XX в. В частности, по данным К. Карягина, к 1893 г. в Абхазии проживало 70 тыс. абхазов, по данным Г. А. Рыбинского, – 65 тыс. (1894 г.), по А. Н. Дьячкову-Тарасову – 105 тыс. (1906 г.), по Энциклопедическому словарю Ф. Ф. Павленкова – 70 тыс. (1910 г.), по данным Л. Журда – 85,6 тыс. (1910 г.), К. Д. Мачавариани – 83,0 тыс. (1913 г.), «Кавказского календаря» – 91 тыс. (1917 г.). На рост численности абхазов указывалось также в публикациях Д. И. Гулиа (в 1916 г. – 91,0 тыс.), Н. Воробьева – 111,8 тыс. (вместе с абазинами) (1919 г.), Н. Л. Мещерякова – 103,0 тыс. (1921 г.) и др. авторов.

Однако есть и другие статистические данные, которые свидетельствуют об уменьшении численности абхазов на их исторической родине, в чем особенно были заинтересованы прежде всех грузинская интеллигенция и духовенство, а после восстановления государственности Грузии (1918 г.) – ее политическое руководство. Этими же цифрами, исходя из политических интересов, часто жонглировали, да и по сегодняшний день жонглируют грузинские псевдоученые и демократствующие политики. Именно с уменьшением удельного веса абхазов и с его увеличением у грузин возрастали шан-

сы на присвоение грузинами абхазских земель. Для достижения численного перевеса грузин над абхазами грузинская общественность занималась не только переселением грузин в Абхазию и грузинизацией абхазов, но и манипуляцией официальных и неофициальных статистических данных о народонаселении Абхазии. Поводом для этого послужили те этнические, в основном этноязыковые процессы, которые происходили тогда в Самурзаканской Абхазии. Еще в начале XX века (в 1906 г.) грузинский церковный деятель Цхумели утверждал, что абхазов в Абхазии всего 36,0 тыс. человек. В тот период заниженные данные о численном составе абхазов публиковали и другие деятели грузинского духовенства: Кирион (Садзаглишвили), поклонник и исследователь истории грузинской церкви Н. Дурново и др. В частности, по Кириону, абхазов было 36 тыс., а по Н. Дурново – 40 тыс. Умышленно занижая количество абхазов в Абхазии, авторы этих и других публикаций одновременно завышали численность грузин в Абхазии. А делалось это очень просто – самурзаканских абхазов причисляли к грузинам. Тот же Цхумели заявлял, что якобы в Абхазии проживало 53 тыс. грузин, а Кирион старался подчеркнуть, что грузин в Абхазии проживает 55 тыс. Грузинский писатель и политический деятель И. Гомартели в 1917 г. также произвольно причислил самурзаканцев к грузинам, чем численность абхазов в Абхазии довел до 40 тыс. человек. Вне всяких сомнений, нарушая картину этнической структуры в Абхазии в пользу грузин, эти авторы руководствовались такими же политическими мотивами, какими руководствовались организаторы переселения грузин в Абхазию. Относительно ложных статистических данных, приведенных Цхумели, его современник Л. Журда откровенно отмечал: «...тут уже очень явная неточность... курьезно при этом отметить, грузинские патриоты уже включили Абхазию в границы воображаемой ими Великой Грузии». Выполняя социальный заказ грузинских светских и церковных деятелей, Н. Дурново также в состав будущего Грузинского государства включил и Абхазию. По его мнению, Грузинское государство до достижения полной независимости должно получить «широчайшие полномочия самоуправления». Оно должно охватить территории Тифлисской, Кутаисской губерний, Батумский, Закатальский и Сухумский округа. По словам автора, «в состав Грузии войдут все грузинские народы: кахетинцы и картлийцы (550 тыс.), имеретинцы (500 тыс.), мегрелы и лазы (275 тыс.), гурийцы (100 тыс.), пшавы, хевсуры, инგიлойцы и туши (45 тыс.), сваны (15 тыс.) и негрузинские народы: осетины (75 тыс.) и абхазы (40 тыс.) и др.»

К искажению статистики национального состава Абхазии, в частности, соотношения абхазов и картвелов, все чаще стали прибегать политики и идеологи как меньшевистского, так и большевистского толка Грузинского государства. Меньшевистские власти Грузии, ссылаясь на решение грузинского церковного руководства (1917 г.), принятое еще до восстановления государ-

ственности Грузии, самурзаканских абхазов причисляли к грузинской нации и считали их членами грузинской автокефальной церкви, восстановившей свою самостоятельность в 1917 г. Этим беспрецедентным решением, противоречащим всяким церковным канонам, было «узаконено» стремление грузинской клерикальной и светской элиты видеть абхазское население Самурзакана в составе грузинского этноса. Это был первый шаг, за чем в будущем последовали и другие действия по причислению всего абхазского народа к грузинскому этносу. Поэтому в этот период во всех официальных и неофициальных сведениях появляются неверные данные о численности абхазов и грузин в Абхазии. Например, в одном из правительственных документов, в котором самурзаканцы были причислены к грузинам, сообщается, что в годы меньшевистской власти в Абхазии грузины составляли 74 846 (42,1 %), абхазы – 38121 (21,4 %), русские – 20,893 (11,7 %), греки – 20,673 (11,7 %), армяне – 18,219 (10,2 %) и другие – 5,687 (2,9 %).

Примечательно, что искаженные этностатистические данные служили для властей Грузии не только одним из доводов для оправдания оккупации и аннексии ею Абхазии (июнь 1918 г. – март 1921 г.), но и для переноса государственной границы на северо-западе до реки Макопсе (близ г. Туапсе). Например, об этом в мае 1919 г. на Парижской конференции заявил представитель Грузинской Демократической Республики генерал И. Одишелидзе. «Таким образом, – говорится в докладной записке грузинского генерала, распространенной на Конференции, – в самом Сочи, который являлся чисто грузинским городом, русских в настоящее время проживает 11 человек, а в Сочинском округе их количество гораздо меньше грузинского населения, и вдвое меньше грузин и шапсугов (родственников абхазам) вместе взятых, т. е. народностей, которых можно считать старожилками и хозяевами страны и которые... имеют право претендовать на Сочинский округ».

Преднамеренное искажение этностатистических данных о населении Абхазии, главным образом, абхазов и грузин, в политических целях особенно активизировалось в Грузии в годы советской власти для оправдания деяний, направленных на ассимиляцию абхазов и ликвидацию их государственности.

Меньшевистские власти Грузии в целях реализации своих колониальных планов от этностатистических манипуляций перешли к реальному изменению этнической ситуации в Абхазии, поскольку понимали, что было бы неверно опираться только на частично ассимилированное негрузинское население Самурзакана. Именно тогда, с восстановлением государственности Грузии (1918 г.) и с вероломной аннексией Абхазии, грузинские «демократы», путем репрессивных мер против абхазов и представителей других народов приступили к организованному переселению в Абхазию грузинских крестьян из различных регионов Грузии. С этой целью были образованы переселенческие отделы в Тбилиси и в Сухуме, которые от правительства Грузии получа-

ли финансовую поддержку. На местах в срочном порядке для переселенцев выделялись свободные земельные участки. Кроме того, путем вынужденного выдворения из Абхазии греков, армян и представителей других народов у них по низким ценам скупались дома, усадьбы и другое имущество. Власти грузинских меньшевиков в северо-западной части Абхазии в районах с грузинскими переселенцами стали создавать т. н. линии, наподобие казачьих поселений. По словам С. П. Басария, «если царские завоеватели здесь имели дерзость заговорить об «абхазском казачестве», то тбилисские империалисты пошли дальше – они приступили к созданию своего национального казачества. Эти «линейцы» должны были сделаться оплотом «демократической республики» со стороны России, т. е. на границе России с Абхазией». С. Басария писал, что скоро «линия этого своего рода казачества» перешла и границу с Абхазией, именно был захвачен Сочинский округ, а в одно время была мечта о захвате и Туапсинского.

Таким образом, в результате колониальной политики царизма в конце XIX–начале XX в. в Абхазии четко обозначился процесс формирования полинационального населения. Последующие периоды этнодемографической истории Абхазии характеризовались активизацией колониальной политики меньшевистской и особенно советской Грузии. Здесь изменилась этнодемографическая ситуация: с одной стороны, увеличилась численность представителей некоренных народов, особенно грузин, а с другой – резко падал удельный вес абхазов в общем количестве населения Абхазии, что оказало судьбоносное влияние со знаком минус на этнодемографическую, национально-культурную и политическую историю абхазского народа, породило обострение этнополитической ситуации на многие десятилетия.

Литература

1. Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазов. Сухуми, 1976.
2. Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010.
3. Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.
4. Верещагин А. В. Колонизация Черноморского побережья Кавказа. СПб., 1878.
5. Воробьев Н. О несостоятельности притязания грузин на Сухумский округ (Абхазию). Ростов-на-Дону, 1919.
6. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Второе, дополненное издание. Сухуми, 1982.
7. Инал-ипа Ш. Д. Изменение этнической ситуации в Абхазии в XIX – нач. XX в. // Советская этнография. М., 1990. № 1.

8. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965.
9. Кудрявцев К. Материалы по истории Абхазии. Сухум, 1922.
10. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
11. Лакоба С. З. Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра, 1993.
12. Лежава Г. П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX–70-е гг. XX в.). Сухуми, 1989.
13. Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу с историко-этнографическим очерком. Сухум, 1913.
14. Мещеряков И. Л. В меньшевистском раю. Из впечатлений поездки в Грузию. М., 1921.
15. Немирович-Данченко В. И. Соколиные гнезда. М., 1897.
16. Фадеев Р. А. Кавказская война. М., 2005.
17. Цвпжба Л. И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2001.
18. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX в.). Книга II. Составители: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Сухум, 2008.
19. Этническая «революция» в Абхазии. По материалам грузинской периодики. Составитель: Т. А. Ачугба. Сухум, 1995.

АБХАЗИЯ В 1870–1907 гг.

План

1. Проведение крестьянской реформы в Абхазии и ее особенности.
2. Развитие капиталистических отношений в Абхазии.
3. Влияние революции 1905–1907 гг. на события в Абхазии.
4. Снятие «виновности» с абхазского населения.

1. Проведение крестьянской реформы в Абхазии и ее особенности. Восстание 1866 г. задержало проведение крестьянской реформы в Абхазии. Работа по ее подготовке была возобновлена Сухумской сословно-поземельной комиссией в 1867 году.

Царское правительство пришло к выводу о необходимости переустройства сословных отношений в Абхазии. Край нужно было приспособить к новым условиям жизни в империи. Новая подготовительная комиссия более детально разобралась в основах «странного строя» абхазской жизни.

К моменту присоединения к России Абхазия занимала промежуточное положение между демократическими вольными обществами горцев Северо-Западного Кавказа и феодальной системой Грузии. Однако по духу своего общественного устройства она была теснее связана с убыхо-черкесским миром. Очевидцы особо отмечали, что в Абхазии не существовало феодальной собственности на землю, а свободные общинники («анхаю») составляли почти все (3/4) население страны. Иными словами, крепостное право здесь, как таковое, не существовало. В соседней же Мегрелии, например, крепостничество бытовало в самых крайних формах, а во внутренних районах Грузии его оформление завершилось еще в XIII–XIV вв. В Абхазии все категории крестьян являлись собственниками земли. Так, грузинский историк и общественный деятель Константин Мачавариани в 1913 г. писал: «Вообще, все сословия туземного (т. е. коренного. – Ред.) населения Абхазии были совершенно равноправные поземельные собственники... Такое поземельное право ставило низшее сословие вне зависимости от привилегированных классов».

В систему так называемого «горского феодализма» Абхазии крепко вжились элементы родоплеменного строя. Показателен в этом смысле характер сельской общины («акыта»), которая была своеобразной «основой основ» общественного устройства Абхазии. Во-первых, она объединяла все слои населения – высшие и низшие сословия; во-вторых, была пропитана молочным

родством («аталычество») феодалов с крестьянами. Дети князей и дворян, отданные на воспитание в крестьянские семьи, становились, как и их родители, близкими родственниками. Тем самым смягчались и сословные противоречия. По этому поводу К. Мачавариани отмечал: «В общем, в Абхазии между высшими и низшими сословиями не было того антагонизма и той отчужденности, какие существовали в Гурии, Имеретии и Грузии». А Нестор Лакоба в 1922 г. посчитал необходимым сказать: «В жизни абхазцев история не знает существования больших различий в правах отдельных сословных групп».

С понятием о свободном человеке было тесно связано право перемены местожительства – «свобода переселения», «свобода передвижения» – своеобразная сторона института гостеприимства – «асасства» («асас» – гость). Асасами могли стать как крестьяне, так и феодалы. Крестьянин, например, если его отношения осложнились в одной общине (кровная месть, несправедливость народного суда, нелады с феодалом и др.), мог беспрепятственно перейти в другую под покровительство нового патрона – «ахалапшю» и даже сохранить за собой землю в оставленной им общине.

В условиях хуторского землевладения пахотные наделы не являлись собственностью всей общины, а находились в посемейной или подворной собственности абхазов. Общими же для всех и открытыми для совместного пользования были только пастбища и леса. Взаимная экономическая помощь и поддержка на основе кодекса «аламыс» способствовали атмосфере благополучия и создавали необходимый достаток. Среди абхазов не было ни одного нищего, что говорит об относительной справедливости их общественного устройства.

Правда, в Абхазии существовал незначительный слой домашних рабов («ахашвала»), взятых, как правило, в плен на Северном Кавказе и в Западной Грузии в результате военных набегов. Однако через 2–3 года рабу разрешали жениться, и владелец, будь то феодал или крестьянин, наделял его землей, утварью, и тот переходил в условно зависимую низшую категорию крестьянства («ахую» или «агыруа»).

Большой интерес представляют и «азаты» – вольноотпущенники, уволенные из различных крестьянских сословий и не отбывавшие вообще никаких повинностей. В абхазском обществе они занимали как бы надсословное положение. По всей вероятности, в представлении абхазов какая-то часть народа должна была обладать как можно большей свободой и заниматься духовным самосовершенствованием. Азаты в Абхазии становились жрецами, наставниками детей феодалов, отправляли религиозные культы. В 1869 г. их насчитывалось здесь 2200 человек.

Занимаясь сельским хозяйством, абхазы брали от земли ровно столько, сколько необходимо для жизни. Они прекрасно сосуществовали с природой, почитая леса и деревья, реки и родники, птиц и зверей. Такому естественному

отношению к природе способствовала в немалой степени и «национальная» религия абхазов – язычество. Но не земледелие, скотоводство и тем более не ремесло, а военное дело и охота являлись самыми почетными занятиями. Община напоминала своего рода военный лагерь и жила на своеобразном «военном положении». Главной причиной тесного сплочения всех членов общины была внешняя угроза (набеги соседних народов, пленопродавство, неприязненные отношения между общинами и привилегированными фамилиями, воровство скота и др.), которая еще сильнее связывала высшие сословия с низшими внутри союза. «Эта постоянно существующая внешняя опасность, – говорится в документе XIX в., – оказывала благоприятное влияние на улучшение внутренних отношений общины и способствовала наибольшему утверждению ненарушимости прав каждого со стороны членов общины вообще и привилегированной фамилии в особенности».

Крестьяне-«анхаю» зорко оберегали народный обычай от каких-либо посягательств со стороны высших сословий общества, составляя основной нравственный стержень абхазской общины. «Анхаю» являлись символом свободного человека. Известны случаи, когда некоторые «анхаю» отказывались от дворянских титулов и гордились своим «чистым» крестьянским происхождением.

Что касается хозяйства абхазов в этот период, то оно носило натурально-потребительский характер. Абхазы занимались обработкой металлов, кож, дерева, гончарным и шорным делом, ткачеством, приготовлением пороха. Однако эта продукция домашнего производства и деревенского кустарного ремесла не продавалась, а обменивалась. Ремесло здесь еще не отделилось от земледелия и скотоводства в самостоятельную сферу. Необходимо особо отметить, что абхазы испытывали глубокую неприязнь к любым проявлениям товарно-денежных отношений. В 1854 г. К. Чернышев заметил: «Абхазец считает стыдом входить в какие-либо торговые сношения». Вообще, торговлей в Сухуме и в прибрежных пунктах Гудаута, Очамчира, Келасур, Гудава занимались главным образом пришлые турки, армяне и мегрелы, платившие за это определенную пошлину владельцу Абхазии и другим феодалам.

Итогом изучения особенностей общественного устройства абхазов стал проект крестьянской реформы. 8 ноября 1870 г. Император Александр II утвердил «Положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе», которое было официально объявлено 19 февраля 1871 г., т. е. приурочено к 10-летию отмены крепостного права в России.

В отличие от других крестьянских реформ, где прямо говорится о «крепостной зависимости», в абхазской сказано лишь о «прекращении личной зависимости» (внеэкономической), так как все категории местного крестьянства являлись собственниками своей земли и в этом смысле не зависели от

феодалов. Что касается характера «личной зависимости» в Абхазии, то она имела здесь свои особенности. Только раба («ахашвала») владелец, к примеру, мог продать, подарить, наказать. «Зависимые» же крестьяне («ахую» и «амацуразку») лишь эпизодически, на несколько дней в году (буквально на 2–3 дня весной и осенью) теряли часть своей свободы, сохраняя при этом главные черты свободного человека – гражданские и имущественные права. Иными словами, они сохраняли за собой право на свободу переселения, право собственности на землю и недвижимость, право наследования. Феодал не мог их продать, подарить, отдать под залог, не имел права бить, оскорблять и т. д. Таким образом, даже низшие категории («ахую» и «амацуразку») абхазского крестьянства нельзя считать крепостными.

Условно зависимые крестьяне отбывали отдельные повинности на основе строго определенного, выработанного веками, обычного права.

По «Положению» крестьяне должны были заплатить выкуп (от 40 до 120 руб.) феодалу за личное освобождение. Выкуп разрешалось заменить отбыванием натуральных повинностей в течение четырех лет. «Свободные поселяне» закреплялись на земле площадью от 3 до 7 десятин на семью, а князья и дворяне получали до 250 десятин. Леса и пастбища передавались казне, и за пользование ими крестьяне должны были платить. Они обязаны были также выполнять «мирские повинности»: ремонтировать дороги, строить школы, содержать церкви и др.

Местное население было недовольно результатами крестьянской реформы, хотя она лишь пошатнула традиционный ритм абхазской жизни. Необходимо иметь в виду и то, что многие пункты реформы так и остались на бумаге. В силу этого обстоятельства патриархальный облик абхазской общины мало изменился и в пореформенный период.

Усиление национально-колониального гнета привело в 1877 г. к новому возмущению в Абхазии. Оно оказалось тесно связанным с событиями Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Боевые действия проходили и на территории Абхазии.

20 апреля 1877 г. начальник Сухумского отряда, ген.-майор П. П. Кравченко получил из Поти и Очамчыры телеграммы о движении на побережье турецкой эскадры под командованием Ахмед-паши, а вечером того же дня вдоль берега Сухума к северо-востоку прошли шесть турецких судов: один колесный пароход, два парохода-фрегата и три броненосца. В ночь на 1 мая турецкая эскадра под командованием Ахмет-паши, состоявшая из шести судов, высадила в Гудауте десант. Часть десантированного войска составляли абхазы и адыги, ранее высланные из Кавказа и привезенные обратно для освобождения родины от российского владычества. 1 мая в Гудауте было собрано около 10 тыс. абхазов. Вышедший на берег из турецкого броненосца Махмуд-паша огласил султанский фирман, написанный на русском языке и призывавший абхазов

к войне против России. В тот же день турецкая корабельная артиллерия разбомбила Сухум и Очамчыру. 2 и 3 мая турки обстреливали Сухум с кораблей, была также предпринята попытка высадить десант. Абхазское население, с тревогой следившее за происходившими событиями, предложило российскому командованию вернуть оружие, чтобы совместными усилиями защитить Абхазию. Только в Сухум из окрестных сёл собралось до 8 тысяч молодых абхазов для этой цели, но безуспешно. С утра 3 мая российские военные подразделения во главе с ген.-майором П. П. Кравченко покинули Сухум и через Цебельду направились к берегам Ингура. Сухум был оставлен российским отрядом фактически без боя. Это несмотря на то, что ген. П. Кравченко ещё в октябре 1876 г. уверял начальника штаба Кавказской армии о недопустимости отступления от Сухума. Абхазы фактически были оставлены на произвол судьбы, так как оружие у них было изъято еще после Лыхненского восстания. Они попытались воспрепятствовать отходу русских войск из Сухума, не желая, чтобы Абхазия стала ареной ожесточенных боевых действий, но эти действия абхазского населения российскими властями необоснованно были расценены как «измена» и стали удобным поводом для уничтожения абхазских сел под огнем артиллерии в окрестностях Сухума – Абжаква, Акапа, Келасур. Это привело в возмущению абхазов.

5 мая ген. П. П. Кравченко сообщил коменданту Поти о восстании населения, проживавшего как в Бзыбской Абхазии, так и в Гумской и Абжуйской частях страны. Волнения начались и в Самурзаканской Абхазии, в связи с чем начальник Сухумского отдела просил начальника Зугдидского уезда во что бы то ни стало «занять Самурзакань». Восставшие разгромили административные здания, полицейские участки, лавки торговцев (те наживались при попустительстве властей, отпуская товары в кредит под огромный процент). При этом местные жители пытались не допустить вывода русских войск из Абхазии, на что те отвечали огнем. Так, 9 мая в ущелье р. Мачара войсками были уничтожены до 400 местных абхазов, которые препятствовали отступлению российских войск из Сухума к берегам Ингура. 10 мая ген. П. П. Кравченко получил разрешение от помощника главнокомандующего Кавказской армии ген.-лейтенанта Д. И. Святополк-Мирского «на свое ходатайство» отступить в сторону Зугдиди, а кутаисскому отряду под командованием ген.-майора Я. К. Алхазова (Алхазивили) направиться на помощь Сухумскому отряду. 10 и 11 мая турецкое командование высадило десанты на семи судах в Гагре, Адлере и Туапсе. Высаженный десант состоял из 3 тыс. человек. 18 мая основные силы Сухумского отряда при огневой поддержке Кутаисского отряда прибыли в Верхнюю Джгерду. В тот же день ген. П. П. Кравченко, получив новое назначение, отбыл в Тифлис, а Сухумский и Кутаисский отряды были объединены в единый отряд под названием Ингурский во главе с ген. Я. К. Алхазовым.

2 июня 1877 г. турецкие войска атаковали Ингурский отряд на р. Алдзга, но не смогли добиться успеха. 13 июня был высажен новый турецкий десант в количестве 8 тыс. человек в Сухуме и Очамчыре. В тот же день турки двинули свои подразделения на с. Илор, где были сосредоточены основные силы ген. Алхазова. После неудачной попытки переправиться через р. Аалдзга турки выдвинули три броненосца и стали бомбить позиции российских подразделений. Восьмичасовое артиллерийское сражение не принесло успеха ни одной из сторон. Вечером турецкие подразделения вновь попытались переправиться через р. Аалдзга, но и на этот раз им не удалось форсировать быстротечную и довольно глубокою реку. С утра 15 июня турецкие войска вновь попытались форсировать реку Аалдзга. Однако, выдержав и отбив все атаки противника, российские подразделения перешли в контрнаступление. Стремительные и грамотные действия артиллеристов при поддержке пехоты и кавалерии заставили турецкие войска временно оставить Очамчыру. Но удержать данный стратегически важный населённый пункт русским не удалось; массированный корабельный огонь из трёх броненосцев и ещё шести военных пароходов заставили подразделения ген. Алхазова в срочном порядке вернуться на исходную позицию за р. Аалдзгу. Вновь заняв Очамчыру, турки прикрыли его «сильно укреплённой позицией» у села Меркула.

24 июня часть турецких войск проникла в села Гуп и Ткуарчал и раздала жителям оружие, что стало поводом для того, чтобы 25 июня подразделения ген. Алхазова после 11-часового ожесточенного боя взяли с. Ткуарчал и «сравнили его с землей».

1 июля российские воинские подразделения перешли через р. Аалдзга в районе с. Поквеш, и местность междуречья Аалдзга и Моква была «очищена от восставших абхазов». Объединенный Ингурский отряд по отношению к абхазскому населению действовал жестоко – повсюду осуществлялись «примерные наказания». Командиры подразделений действовали по полученной от высшего руководства инструкции, указывающей «действовать энергичски, сжечь все находящиеся на пути деревни, истребить имущество инсургентов и обратить захваченный скот в свою пользу».

10 июля русские войска, несмотря на отчаянное сопротивление, овладели с. Меркула. Падение Меркульского оборонительного рубежа, прикрывавшего Очамчыру, заставило турецкое командование для обороны Очамчыры максимально использовать военно-морскую мощь.

11 июля колонна майора Нижарадзе из Ингурского отряда после проведения нескольких успешных операций в селах, расположенных на правом берегу р. Аалдзга, остановилась у с. Тхина. Военное командование провело переговоры с абхазами на предмет сдачи оружия и переселения с семьями на берег р. Ингур. Однако абхазы отказались. Да и жестокое обращение к местному населению подорвало доверие к российскому командованию. В последую-

щие дни, несмотря на «сильные завалы и упорную оборону», российскими подразделениями «неприятель» был разбит. После «примерного наказания» ген. Алхазов вновь обратился к «мятежным абхазам» с воззванием покориться русским, вследствие чего жители сел Гуп, Патгу, Ткуарчал и Эшкыт «изъявили покорность».

15 июля абхазские ополченцы преградили путь на северо-запад продвигавшейся из с. Моква российской колонне под командованием подполковника Цулукидзе. Ополченцы провели несколько атак, но силы были неравны. Разрозненные группы абхазов были вынуждены отступить в сторону с. Джгерда. Отчаянное сопротивление оказали царским войскам жители села, однако после шестичасового кровопролития ополченцы были вынуждены оставить с. Джгерда и отступить в сторону с. Атара и далее к с. Адзюбжа. Колонна Цулукидзе «предала огню» все дома в с. Джгерда и, расправившись с жителями сел Атара и Адзюбжа, вышла к р. Кодор. В свою очередь турки были недовольны «слабой поддержкой» абхазов, и 15 июля от имени турецкого командования абхазскому населению было объявлено о поголовном переселении в Турцию. Недовольные этим приказом турецкого командования, свой протест выразили и абхазы из турецкого десанта. Местных жителей стали сгонять к морю и увозить в Турцию, пытавшихся оказать сопротивление расстреливали.

20 июля турки оставили Очамчиру. 30 июля с Северного Кавказа через Марухский перевал на помощь Ингурскому отряду направился отряд под командованием ген.-лейтенанта П. Д. Бабича. А в начале августа – с северо-запада в сторону Сухума направился Сочинский отряд во главе с полковником Б. М. Шелковниковым. Началось наступление на Сухум с трех сторон. В ночь с 6 на 7 августа отряд полковника Шелковникова взял Гагрское укрепление, после чего разорил абхазское село Гагрипш. Оставшиеся в живых люди стали искать убежище в Бзыбской Абхазии или отправлялись в Турцию. 8 августа Кавказско-Екатеринодарский полк Сочинского отряда, перешедший Гагрский проход вслед за основными силами Шелковникова, был направлен на абхазские села, расположенные при устье реки Бзыбь. 11 августа подразделения Шелковникова вынудили турок покинуть Гудауту и удалиться в сторону Сухума. 16 августа Сочинский отряд с запада подошел к Сухуму.

18 августа Марухский отряд к северу от Сухума занял несколько турецких позиций. В тот же день авангард Ингурского отряда занял важнейшие стратегические высоты на восточных подступах Сухума в с. Абжаква. 19 августа началось общее наступление, с востока – Ингурского, с запада – Сочинского и с севера – Марухского отрядов под общим командованием ген.-лейтенанта П. Д. Бабича. 20 августа 1877 г. передовые части вошли в Сухум. По данным разведки, главные силы противника ещё ночью покинули город и скрылись на судах, стоявших на рейде, и удалились в Турцию. Оставшиеся в городе подразделения турецких войск, фактически без особого сопротивления покинули

Сухум и Абхазию в целом. Семитысячный город, сожженный турецким десантом, оказался безлюдным. Лишь на берегу валялись трупы расстрелянных людей.

Выступление абхазского населения повлекло за собой более сильные, чем в 1866 году, политические репрессии. За участие в этом восстании почти все абхазское население Гудаутского и Кодорского участков было объявлено «виновным» (фактически с 1877 г., официально – с 31 мая 1880 г.). Абхазам, за исключением некоторых представителей высших сословий, запрещалось проживать в Сухуме и в опустевших «местечках» Гудаута, Очамчыра и на побережье от Кодора до Эшеры, носить и иметь оружие. Они были лишены частной собственности на землю (объявлялась общинной собственностью). Большое количество людей было арестовано и выслано из Абхазии. Но самым тяжелым последствием восстания 1877 г. стал самый многочисленный этап махаджирства (до 50 тыс. человек). Значительная часть Абхазии обезлюдела, что привело к резкому изменению этнодемографической ситуации.

2. Развитие капиталистических отношений в Абхазии. Тем не менее после проведения крестьянской реформы в Абхазии начинают развиваться капиталистические отношения. Наиболее активно этот процесс проходил в сельском хозяйстве.

Увеличение товарности сельского хозяйства приводит к резкому росту экспорта из Абхазии. Так, если в 1879 г. из абхазских портов вывозилось товаров на 99 тыс. руб., в 1886 г. вывоз поднялся до 863 тыс. руб. и в нем главную роль играл экспорт кукурузы. И это не считая того, что значительная часть абхазской кукурузы вывозилась из Поти. Однако к концу XIX века экспорт кукурузы практически прекратился. Не получили должного развития товарное животноводство, садоводство, виноделие, в основном ограничившиеся лишь внутренним, абхазским рынком. Одной из основных причин этого стала очень слабая транспортная инфраструктура. Лишь в конце XIX века было проложено Черноморское шоссе (известное как «голодное», так как в его строительстве участвовали рабочие, бежавшие от голода, охватившего центральные губернии России). Неоднократно ставившийся вопрос о строительстве железной дороги так и не был решен. Крайне слабо развивалась промышленность. Самым крупным предприятием Сухумского округа был открытый в 1898 г. ростовским миллионером В. Р. Максимовым Кодорский лесопильный завод, на котором работало до 400 рабочих. Однако через несколько лет предприятие закрылось с большими убытками. Все попытки начать разработку Ткварчельского каменноугольного бассейна не привели к практическим результатам. Большинство промышленных предприятий Абхазии представляли собой мелкие заводики, фабрики и мастерские, работавшие на удовлетворение местных нужд. В начале XX века начало развиваться курортное дело. Наиболее известным курортом стала созданная принцем А. П. Ольденбургским Гагрская кли-

матическая станция, которая должна была стать фешенебельным курортом, в то время как Сочи – курортом для широких масс. Однако создание курорта привело к выделению Гагры из состава Сухумского округа и подчинению Сочинскому округу Черноморской губернии (декабрь 1904 г.).

Быстро развиваются торговля, связь, городская жизнь Сухума: в 1846 г. он стал портовым городом, а в 1899 г. (8 тыс. жителей) на него распространилось городское положение. Возрастает экономическое значение «местечек» Гудаута и Очамчира.

Наиболее прибыльной отраслью хозяйства Абхазии было табаководство. В 1885 г. в Абхазии было 444 табачных плантации с площадью в 177 десятин, а в 1901 г. – 2905 плантаций с площадью в 3478 десятин. С первых же шагов своего развития табаководство в Абхазии попало в зависимость от крупных табачных торговцев и табачных фабрикантов. Табачные фабриканты заводили здесь и свои плантации, но их основными операциями остается закупка сырья у табачных плантаторов. Весь заготовленный табак вывозился. Открытая в конце 90-х годов XIX века табачная фабрика местного предпринимателя Бедросова закрылась в начале 1900-х годов, не выдержав конкуренции.

В пореформенный период побережье превращается в сырьевую колонию и рынок сбыта, втягивается в орбиту общероссийского и мирового товарного обращения. Для капиталистических отношений в Абхазии характерны были следующие особенности: 1) слабо развитая промышленность, почти полное отсутствие фабрично-заводского производства; 2) капитализм в Абхазии быстро развивался преимущественно в сельском хозяйстве, в табаководстве; 3) в крае складывался многонациональный отряд рабочего класса, среди которого преобладали наемные рабочие мелкого производства и практически не было промышленного пролетариата.

Абхазское население, в отличие от пришлого, продолжало жить патриархально-родовыми общинами, медленно втягивалось в товарно-денежные отношения и все еще стояло в стороне от капитализма.

С развитием капиталистических отношений в социально-классовой структуре Абхазии произошли изменения, связанные с формированием небольшого отряда рабочего класса и распространением марксизма (конец XIX – начало XX в.). С конца 90-х годов, в период нового, пролетарского этапа освободительного движения в России, в Абхазии зарождается социал-демократическое движение. Оживление революционной деятельности совпало с выходом газеты «Искра». Она регулярно поступала в Абхазию. Подшивка этой газеты сохранилась в цебельдинской «Ясочке». В течение 1900–1902 гг. Сухумский городской голова М. Н. Дмитриев получал ее из самых первых рук — ленинской редакции газеты. Из 51 номера «Искры» в двух содержатся материалы об Абхазии.

В 1902–1903 гг. здесь произошло окончательное слияние социал-демократического учения с рабочим движением. Протестуя против расстрела мирной демонстрации рабочих в Батуме, грузинские рабочие Кодорского лесозавода под руководством социал-демократов устроили весной 1902 г. первую в Абхазии политическую демонстрацию. В следующем году в крае прокатилась первая волна забастовочного движения (Гагра, Самурзаканский участок), носившего поначалу экономический характер. В указанный период, летом 1903 г., оформилась Сухумская группа Батумского комитета РСДРП. В ее становлении принимал участие высланный в Сухум московский подпольщик-искровец А. О. Либрехт (в 1901 г. арестован и проходил по делу Московского комитета РСДРП вместе с сестрой Ленина – М. И. Ульяновой, П. В. Луначарским, М. Т. Елизаровым и др. за подготовку к изданию нелегальной газеты «Рабочее слово»).

В 1904 г. трудящиеся Абхазии впервые праздновали Первомай. Тогда же среди солдат 258-го Сухумского полка стал действовать социал-демократический кружок. В феврале организовать забастовку пытались рабочие Новоафонского монастыря – крупного капиталистического хозяйства. Здесь был арестован молодой рабочий А. Друзьев, который читал стихотворение, начинающееся словами: «Отречемся от старого мира» и заключающее в себе призыв рабочего народа к восстанию. В некоторых селах (Варча, Бабушера, Эшера) имели место аграрные выступления арендаторов земли.

3. Влияние революции 1905–1907 гг. на события в Абхазии. Первым откликом на Кровавое воскресенье были события 12 января 1905 г. в Сухуме. Только в первые три месяца революции в Абхазии состоялись 11 забастовок, митингов, манифестаций с участием рабочих, служащих, демократической интеллигенции, учащейся молодежи, которые продолжались в общей сложности почти полтора месяца. Они оказали решающее воздействие на аграрные выступления и организацию многотысячных сходов на селе. В начале марта под руководством социал-демократов состоялось первое совместное выступление рабочих и крестьян (до 10 тыс. человек). Происходили открытые вооруженные столкновения революционного народа с полицией и казаками, совершались нападения на чинов военно-полицейской администрации. В марте была предпринята попытка создать в Сухуме народный суд. Помимо социал-демократов на первом этапе борьбы выделялись и представители грузинской партии социалистов-федералистов.

Особенно остро движение протекало в Гудауте, Самурзаканском участке, Гагре и Сухуме, где происходили стачки, вооружение народа, создавались народные суды (председателем Комиссии народного суда в Сухуме в 1905 г. был племянник Германа Лопатина – юрист Б. Н. Захаров), стачечные и крестьянские комитеты, осуществлялась ленинская тактика «левого блока», формировались боевые красные сотни и отряды народно-революционной милиции.

Почти два месяца просуществовала «Гудаутская республика». Вооруженным путем народно-демократическая власть была установлена в Самурзаканском участке (продержалась до 9 января 1906 г.).

Огромное воздействие на революционное движение оказала весть о продвижении к берегам Абхазии (23–24 июня 1905 г.) восставшего броненосца «Потемкин».

20 декабря 1905 г. в Сухуме было введено «положение об усиленной охране», а 28 февраля 1906 г. вся Абхазия объявлена в военном положении. Революция шла на спад. Летом 1905 г. после III съезда РСДРП остро встал вопрос о боевой работе, организации боевых групп. В Абхазии первые такие группы были созданы в сентябре–октябре под руководством Л. Готошия, Б. Захарова, П. Эмухвари, С. Орджоникидзе. Они организовывали террористические акты против представителей военно-полицейской службы, экспроприировали деньги и ценности у государства, буржуазии и помещиков. В октябре 1905 г. группа Готошия (в июне 1906 г. он был застрелен часовым в Сухумской тюрьме) совершила налет на Драндский монастырь, убила настоятеля и изъяла большие ценности. На экспроприированные ценности революционеры вооружались, издавали газеты, содержали подпольные типографии, устраивали конференции, съезды.

Так, в ночь на 20 сентября 1906 г. особая боевая группа экспроприировала на пароходе «Цесаревич Георгий» близ Сухума около 20 тыс. рублей. Боевики остановили судно у мыса Кодор, принудили капитана спустить шлюпки и, высадившись на берег, скрылись. Группа захвата состояла из 25 человек, в основном рабочих, которые садились на пароход, следовавший из Одессы в Батум, партиями: в Новороссийске, в Новом Афоне и в Сухуме. По слухам, на корабле находилось до полумиллиона рублей, но нападавшие якобы не смогли забрать все деньги, так как торопились.

Сенсационное сообщение Санкт-Петербургского телеграфного агентства об этой акции облетело всю Россию. Подробности операции поступали в департамент полиции. Чрезвычайные меры к поимке боевиков были предприняты лишь утром 20 сентября. По тревоге был поднят сухумский полк, казаки, стражники, полиция, задействована агентурная сеть. Однако боевики с государственными деньгами как в воду канули. О подробностях «экса» через несколько дней рассказал капитан «Цесаревича Георгия» М. Е. Сенькевич: «Слушать команду, – распоряжался один, по-видимому, атаман, с типичным восточным лицом и грузинским акцентом... Два субъекта направили на меня стволы револьверов. – Мы революционеры с головы до ног, – обратился ко мне один из них, – мы не разбойники. Для целей революции нам нужны средства, но мы берем только казенные деньги. Подчиняйтесь нашим приказам, и дело обойдется без крови и жертв... Я повиновался... Революционеры высадились на мысе Кодор».

Есть сведения, в частности воспоминания очевидцев, что возглавил этот один из крупнейших в России «эксов» Сталин.

Спустя десять дней после экспроприации на пароходе «Цесаревич Георгий» В. И. Ленин 30 сентября 1906 г. опубликовал известную статью «Партизанская война», в которой говорилось: «Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстаний, частью на содержание лиц, ведущих характеризуемую нами борьбу».

Не случаен и тот факт, что Кодорская операция была проведена накануне Первой (Таммерфорской) конференции военных и боевых организаций РСДРП (Финляндия, 1906 г.), внимательно рассмотревшей и вопрос об «эксах», считая их неотъемлемой частью боевой работы партии большевиков.

В 1907 г., после революции, начались громкие политические процессы над участниками движения 1905–1906 гг. в Абхазии. Самые суровые наказания понесли революционеры, проходившие по Гагрскому делу. На различные сроки каторги (от 4 до 15 лет) с общим сроком в 78 лет здесь были осуждены 11 человек. Четыре года каторги получил и глава «Самурзаканской республики» Платон Эмухвари (Эмхаа).

В социально-классовом отношении все осужденные на каторгу по Гагрскому делу – рабочие и лишь двое – торговцы. По Самурзаканскому – обедневший князь, учитель П. Эмухвари. Все 12 политкаторжан являлись членами РСДРП и представляли следующие нации и народности: 10 грузин (7 гурийцев, 3 мегрела), 1 русский, 1 абхаз.

По всем судебным процессам над революционерами Гагр, Самурзакани, Гудаут, Сухума проходило свыше 70 человек (без учета высланных административным порядком). Наиболее жестким репрессиям подверглись 46 революционеров, осужденных по 102-й и 126-й политическим статьям – на каторгу, ссылку в Сибирь, а также тюремное заключение. По национальному составу это были: 38 грузин, 3 абхаза, 3 русских, 1 еврей и 1 армянка. Многие революционеры, осужденные в Абхазии, продолжали вести борьбу с самодержавием в крайне неблагоприятных политических и климатических условиях – в тюрьме, на каторге и в ссылке.

4. Снятие «виновности» с абхазского населения. Статистика судебных процессов показывает, что из 46 осужденных революционеров только пятеро – выходцы из Абхазии. Основную массу революционеров составляли пришедшие агитаторы и крестьяне-отходники из Гурии и Мегрелии, прибывшие на временную работу в различные пункты абхазского побережья. На этом факте следует остановиться особо для уяснения важной особенности революции 1905–1907 гг. в нашем крае.

В связи с этим напомним, что после восстаний 1866 и 1877 гг. из Абхазии на каторгу и в ссылку были отправлены исключительно абхазы – представители абсолютного большинства населения.

Судебные процессы над революционерами выявили особенности социально-политического развития и этнодемографические изменения, происшедшие в Абхазии в конце XIX – начале XX в. Напрашивается, например, и такой вопрос: принимало ли абхазское население участие в революции 1905–1907 гг.? На него можно ответить вполне определенно: абхазское крестьянство в силу ряда объективных причин не выступило в своей массе против царизма. Абхазские сельские общества Гудаутского и Кодорского участков не откликнулись на призывы агитаторов, хотя и вооружились. Такое положение объяснялось во многом тем, что абхазы были «виновными». Народ, переживший трагедию махаджирства, оказавшийся заживо разорванным, перенесший кровопролитные восстания 1866 и 1877 гг., не мог не понимать, что над ним занесен топор самодержавия.

В случае повторного выступления в 1905 г. царизм, несомненно, беспощадно расправился бы с «виновными» абхазами. Не случайно поэтому, что из 46 политических осужденных только трое – абхазы. Двое из них – самурзаканские князья Платон и Арзакан (Дмитрий) Эмухвари, а третий, Василий Гурджуа – из села Киндги Кодорского участка. Среди осужденных революционеров не было ни одного представителя Бзыбской Абхазии. Другой, не менее важной причиной «молчания» абхазов в 1905 г., составлявших тогда по крайней мере половину всего населения Абхазии, было непонимание крестьянством политических задач и целей революции.

Еще в 1910 г. известный писатель и общественный деятель Г. М. Шервашидзе писал в связи с этим: «Тут вышел неожиданный казус. Каким образом абхазцы, «известные бунтари», вдруг сидели спокойно, когда вся Россия волновалась. Не поймешь ведь этих подлецов. Всегда проделывают то, чего никак не ждешь. А это очень просто, говорят мудрые чиновники. У них все еще продолжается феодальный строй; надо это у них вышибить, ведь смешно же в наше время иметь в государстве народ с феодальной системой быта... Революционная пропаганда здесь не имела успеха потому, что здесь не существует сословной распри».

Абхазский крестьянин, который вел натуральное хозяйство и жил в кругу патриархальных традиций, не мог воспринять марксизм – революционную идеологию рабочего класса, социал-демократические идеи и в силу этих объективных причин оказался в стороне от потока Первой революции. В отличие от других народов, склонных к товарно-денежным отношениям, абхазы не занимались торговлей, отхожими промыслами или поденной работой, считая эти занятия «позорными». Они, за редким исключением, не проживали в г. Сухуме, местечках Гудаута и Очамчира. В конце XIX – начале XX в. абхазы еще сохраняли многие черты, присущие психологии народа-воина, и были лишены всего того, что втягивает в капиталистические отношения, т. е. способствует разрушению сельской общины и формирует кадры рабо-

чего класса. В 1906 г. одна из ведущих газет «Окраины России» заявила: «К абхазцам еще не привился социализм, а потому с ними жить можно». Абхазское крестьянство события русской революции 1905 г. в Абхазии воспринимало как «грузинскую» революцию и с недоверием отнеслось к тем, кто недавно занял земли их собратьев-махаджиров, а теперь выступал перед ними в роли революционных агитаторов. Говорил об особенностях революционного движения в Сухумском округе и один из депутатов III Государственной Думы в 1909 году.

Показательно и одно из требований (пункт 7) абхазского народа, с которым в октябре 1906 г. к заместителю на Кавказе И. И. Воронцову-Дашкову обратился кандидат в депутаты во II Государственную Думу князь П. Л. Шервашидзе. В нем говорилось: «Приостановить колонизацию Сухумского округа новым элементом, так как имеющимися свободными землями, ввиду их незначительности, может быть удовлетворено только коренное население».

В целях «охранения Сухумского округа» проводники официальной политики еще накануне революции ужесточили меры «против наплыва в него мингрельцев», которые «порабощают край в экономическом отношении». Таково было мнение Кутаисского губернатора генерал-майора Гершельмана, высказанное Николаю II во «всеподданнейшем отчете» за 1900 год. Вдохновители колониальной доктрины, встречая в лице переселенцев Западной Грузии барьер на пути распространения своего влияния в Абхазии, выработали для них «особые правила»: ограничивали прописку в Сухуме, местечках Гудаута, Очамчира, а также усложнили процедуру приобретения земельной собственности. Все это вызывало крайнее раздражение переселенцев-крестьян. Поэтому не случайно основной движущей силой революции 1905–1907 гг. в Абхазии были западногрузинские переселенцы. Они владели землей на правах арендаторов в основном в Гумистинском и Самурзаканском участках, составляли большинство рабочей силы в хозяйстве Кодорского лесопильного завода Максимова, в частных садах близ Сухума, быстро заселяли места вблизи дорог, различные приморские пункты, связанные с оживленной торговлей и капиталистическими предприятиями. Именно в этих районах наиболее остро проявилось «революционное движение».

Кроме того, в самый разгар революции царское правительство вынуждено было пойти на временные уступки, передав главные административные и церковные должности в Абхазии представителям грузинской партии социалистов-федералистов. Вместо начальника Сухумского округа, Сухумского городского головы и Сухумского епископа сюда были присланы князь Л. Г. Джандиери, Н. К. Тавдгиридзе и известный грузинский церковный деятель епископ Кирион (Садзаглишвили). Однако, как только революционное движение пошло на спад, а затем потерпело поражение, все они были отстранены или удалены из Абхазии.

Прошло около трех десятилетий с того времени, как абхазский народ был признан «виновным». В мае 1906 г. в Совете наместника на Кавказе особо отмечалось: «В течение событий последних месяцев население Абхазии, носящее название виновного, выделялось своею лояльностью по отношению к Правительству, как по сравнению с населением соседних районов, так равно и по сравнению с пришлым элементом в Абхазии». В декабре 1906 г. предложение о снятии «виновности» с абхазского народа поддержал Председатель Совета Министров царской России, министр внутренних дел П. А. Столыпин, а 27 апреля 1907 г. Николай II отменил царское повеление от 31 мая 1880 г. Спустя месяц генералы Павлов и Вейденбаум после торжественного молебна в Лыхненской церкви огласили воззвание о снятии «виновности» с абхазского населения. В нем, в частности, говорилось, что в «смутное время 1905 года... абхазцы с честью вышли из испытания».

Литература

1. Авидзба В. Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. Сухуми, 1985.
2. Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. Сухуми, 1986.
3. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.
4. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, 1982.
5. История Абхазии. Сухуми, 1991.
6. Лакоба С. З. Абхазия в годы первой Российской революции. Тбилиси, 1985.
7. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
8. Олонцкий А. А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии. Сухум, 1934.

АБХАЗИЯ В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД 1907–1917 гг.

План

1. «Возрождение» абхазов.
2. Народное хозяйство.
3. Абхазы в Первой мировой войне.

1. «Возрождение» абхазов. После поражения революции 1905–1907 гг. и снятия «виновности» с абхазов отношение к ним со стороны царского правительства меняется. Оно пришло к выводу, что не «абхазы-бунтовщики» представляют главную угрозу и противодействие имперским интересам в Абхазии.

Стало очевидным, что вместо планируемой здесь русской колонизации произошло массовое грузинское (в основном мегрельское) заселение, представители которого быстро прибирали к рукам экономические рычаги в крае. Для противодействия бурной деятельности грузинской церкви была активизирована деятельность Комиссии по переводу богослужебных книг на абхазский язык. Активное участие в её работе приняли священники Д. Маргания (Маан), Н. Ладария, А. Ажиба; учителя Д. Гулиа, К. Маршания, Н. Патейпа, А. Чукбар. Ф. Эшба. Комиссия сыграла огромную роль в зарождении абхазской литературы. Первые торжественные богослужения на абхазском языке были проведены в древних Лыхненском и Моквском соборах в 1907 году.

Неоднократно ставился проект о выделении сухумской епархии Грузинского Экзархата в самостоятельную (1907–1908, 1912–1915 гг.). Уже после Февральской революции на съезде духовенства и выборных мирян абхазского православного населения 24–27 мая 1917 года в Сухуме был решён вопрос об автокефалии (самостоятельности) абхазской церкви. Однако из-за бурных событий того времени автокефалия абхазской церкви не получила дальнейшего оформления.

Начавшийся с 1910 г. новый революционный подъём нашёл своё отражение и в Абхазии. В 1912 г. в Сухуме вновь возродилась социал-демократическая организация. В эти годы вступают в ряды РСДРП(б) первые абхазские большевики С. А. Картозия (1909 г.), Н. А. Лакоба (1912 г.), Е. А. Эшба и Н. Н. Акиртава (1914 г.).

В феврале 1914 года перед наместником на Кавказе был поднят вопрос о преобразовании Сухумского округа в самостоятельную губернию. Первая мировая война помешала осуществлению этой реформы.

В то же время в годы Первой мировой войны происходит бурное развитие абхазской общественно-политической мысли. Народная интеллигенция играет большую роль в пробуждении национального самосознания. Именно 10-е годы XX столетия считаются началом относительного «возрождения абхазов», о котором может свидетельствовать статья видного представителя абхазской интеллигенции Михаила Тарнава «Культурный перелом в абхазской жизни», опубликованная в 1916 году. «Надо заметить, – подчеркивал он, – что всепоглощающее военное время отразилось и на абхазской жизни, преимущественно в экономическом отношении. Оно разбудило сонных абхазцев и показало им, что вокруг них совершается явление необыкновенное, что необходимо им выйти из тяжёлой конъюнктуры экономической жизни... Очнулся абхазец, протёр глаза и увидел перед собой вместо прежней «тишины – спокойствия» жизни одно «движение да брожение»; увидел раньше им незамеченную борьбу за существование, почувствовал тяжесть и опасность наступившего момента». И далее: «Для внимательного наблюдателя нашей жизни ясно, что совершается постепенное выхождение абхазцев из состояния беспечности... и равнодушие к требованиям жизни, и вступление их в число трудящихся наций. Причиной такого возрождения абхазцев является не одно лишь воздействие обстоятельств военного времени, но и другие явления, наблюдавшиеся и до войны: 1) вторжение в пределы абхазской территории пришлого торгового элемента, 2) владычество его, 3) возбуждение им чувства соревнования в абхазах, 4) сознание последними своей оторванности от культурного мира, 5) сознание ими своего бессилия в отпавлении своей общественно-культурно-правовой жизни».

В том же году Самсон Чанба опубликовал статью под символическим названием «На пути к сознательности», в которой говорит, что абхазцы начинают «понемногу сознавать, что жить жизнью «старой старины» теперь трудно, а необходимо начинать жить иною жизнью – культурной».

2. Народное хозяйство. В рассматриваемое время ведущей товарной отраслью сельского хозяйства Абхазии оставалось табаководство. Стремительно росло количество табачных плантаций и их площадь (см. таблицу №1).

Однако с первых же шагов своего развития табаководство попало в зависимость от крупных табачных торговцев и фабрикантов. На абхазское побережье приезжают скупщики из Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы, Феодосии, Ялты, Трапезунда, Константинополя. Табачные фабриканты не ограничивались лишь скупкой табака у крестьян-плантаторов, некоторые заводили здесь и свои плантации. Основной операцией их в Абхазии оставалась закупка табачного сырья у местного населения. Никакого табачного производства табачные экспортёры не открывали, весь табак вывозился. Местные предприниматели не могли конкурировать с ними. Самая большая табачная фабрика в Сухуме (33 рабочих, продукция на 55 тыс. руб. в год) была закрыта уже в начале 1900-х годов.

В 1913 г. в Лондоне сформировался табачный синдикат, находившийся под контролем англо-американского табачного треста, скупившего более половины табачной продукции. Председателем правления синдиката был член Государственного Совета В. И. Тимирязев, через которого интересы высшей правительственной бюрократии переплетались с интересами финансовых магнатов синдиката. Синдикат почти полностью захватил табачный рынок Абхазии. Не допуская возникновения местной табачной промышленности, монополисты через свою многочисленную агентуру держали в полной зависимости основную плантаторскую массу. И если крестьяне Абхазии всё же проявляли большой интерес к табаководству, то это объяснялось не большой прибыльностью (такая прибыльность имела лишь у крупных плантаторов и скупщиков), а тем, что оно являлось единственной сельскохозяйственной отраслью, продукцией которой был обеспечен сбыт.

Если в конце XIX в. табаководством в Абхазии занимались преимущественно переселенцы – греки и армяне, организовывавшие табачные плантации на арендных землях, то с начала 1900-х годов промышленное табаководство распространяется и среди коренного населения. Согласно данным 1910 года, арендаторы составляли лишь 60 % всего количества лиц, занимавшихся табаководством, 40 % приходилось на собственников земельных угодий.

Развитие капиталистического земледелия превращало землю в товар: цена на неё росла с каждым годом. Перед Первой мировой войной цены на частновладельческие земли Абхазии были установлены в размере 200–800 рублей за десятину, а в районе Сухума – 600–1600 рублей, росла и арендная плата. Если в конце XIX в. средняя арендная плата за одну десятину земли под табачные плантации равнялась 8–10 рублям, то к началу Первой мировой войны она поднялась до 50 рублей. Денежная аренда всё более вытесняла натуральную во всех отраслях сельского хозяйства.

На коммерческие отношения переходило и помещичье хозяйство. Вслед за русскими помещиками и дачевладельцами абхазские князья и дворяне старались приспособить свои хозяйства к запросам рынка. Так, общий денежный валовой доход имения князя Г. Д. Шервашидзе-Чачба, одного из крупнейших абхазских землевладельцев, не превышавший в 1883 году 7 тысяч рублей, в 1912 г. достиг 189 тысяч рублей. Большую хозяйственную деятельность развили Драндский и особенно Ново-Афонский монастыри.

В начале XX в. начался мировой экономический кризис, тяжело отразившийся и на промышленности Абхазии. Начавшиеся в конце XIX в. попытки разработки богатого Ткуарчалского угольного месторождения были прекращены. Лишь в 1903 году крупный подольский помещик и предприниматель Бутми-де-Кацман основал акционерное общество Ткуарчалских каменноугольных копий, но начало оно свою деятельность только в 1908 г. Основной капитал общества состоял из акций, лишь в незначительной части оплаченных

наличными деньгами, подавляющее же их число было передано учредителям в возмещение прав на разработку месторождения, т.е. без всякого поступления денег в кассу общества. Таким образом, у акционерного общества не было средств для какой-либо реальной работы в Ткуарчале, и его существование было только формальным. Попытки получить финансовую помощь у правительства не увенчались успехом из-за противодействия угольных монополистов Донецкого бассейна, объединённых в синдикат «Продуголь», и вопрос о разработке Ткуарчалского угольного месторождения с 90-х годов XIX века фактически не продвинулся ни на шаг.

Экономический кризис начала века тяжело отразился и на лесной промышленности. Крупнейшее предприятие Абхазии – Кодорский лесопильный завод Максимова в 1904 году прекратил дальнейшую эксплуатацию лесов и в 1913 г. закрылся ввиду необеспеченности сбыта лесных товаров на постоянные рынки. Однако к концу первого десятилетия XX в. ситуация изменилась: общая продукция лесопильных предприятий Абхазии повысилась.

В 1914 г. предприниматель Балашов попытался организовать крупный лесопильный завод для эксплуатации нагорных лесов в Гагрской даче. Предприятие было задумано очень широко. Балашов арендовал лесную площадь размером свыше 15 тыс. десятин, у моря построил 4-рамный лесопильный завод, до хвойных лесов проложил подвесную канатную дорогу, в наиболее возвышенной части устроил желоба для спуска брёвен. Общая сумма всех затрат доходила до 1,5 млн рублей. Однако с началом Первой мировой войны предприятие было остановлено, так и не вступив в эксплуатацию.

Другие промышленные предприятия Абхазии в большинстве своём представляли мелкие кустарные и полукустарные заведения. В 1911 г. их общее количество достигло 387, но вся сумма продукции равнялась 120,1 тыс. рублей, число рабочих – 785 человек. Большею частью это были небольшие мельницы, булочные, чувячные, кирпичные заводы и т.п. Обслуживали они непосредственно местный рынок и поставляли те продукты, которые не завозились из центральной России.

Одним из основных факторов, тормозивших развитие промышленности и всей экономики Абхазии в целом, являлся недостаток путей сообщения. Ещё в начале 90-х гг. XIX века было проложено «голодное» шоссе Новороссийск – Сухум, являвшееся основным сухопутным путём сообщения. Попытки же строительства шоссе до Ингура окончились неудачей. Также в начале XX в. поднимался вопрос о строительстве Черноморской железной дороги, но из-за начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. проект был заброшен. В 1907 г. было организовано акционерное «Общество Сухумской железной дороги», произведшее изыскания на трассе между Сухумом и Ново-Сенаки, однако они были забракованы Комиссией по сооружению новых железных дорог в Петербурге. В 1909–1912 гг. Советом Министров Российской империи было

отвергнуто ещё несколько проектов строительства Черноморской железной дороги из-за их чрезмерной дороговизны. Всё было предоставлено частной инициативе. Осенью 1912 г. было организовано «Общество Черноморской железной дороги», чьи облигации с середины 1913 г. продавались в европейских банках. Одним из руководителей общества был А. И. Путилов, крупнейший российский финансист, тесно связанный с ведущими монополиями. Тем не менее, строительство развивалось очень медленно, так как главные акционеры, выступая в роли поставщиков строительных материалов, получали большие прибыли. Однако в связи с началом Первой мировой войны и этот проект был остановлен, и фактически ничего не было сделано.

Морское сообщение, поддерживаемое вдоль побережья судами «Русского общества пароходства и торговли» и «Российского транспортного и страхового общества», было доступно лишь для таких населённых пунктов, как Сухум, Очамчыра, Новый Афон, Гудаута, Гагра, да и то не всегда, так как причальных пристаней в них не было.

В начале XX века Абхазия превращается в довольно модный курорт. Начало этому положил принц А. П. Ольденбургский, получивший большие земли в Абхазии и сделавший многое для благоустройства Гагры. Гагрская климатическая станция превращается в довольно фешенебельное место. Были построены несколько санаториев и пансионатов вблизи Сухума, например, санатории Н. Н. Смецкого в Гульрипше и Агудзера. В самом Сухуме было построено несколько гостиниц, театральных помещений, кинотеатр, игорные заведения. Приток туристов способствовал развитию городской торговли и городского строительства.

Росло население Сухума. По переписи конца 1912 года, оно достигло 24 072 чел., а по всей Абхазии составило более 170 тыс. чел. Перед войной в Сухуме функционировали отделения Государственного банка, Азовско-Донского коммерческого банка и Сухумское общество взаимного кредита. В городе был ряд торговых складов, большой базар, много лавок и кофеен, но почти не было промышленных предприятий. Город жил шумной торговой жизнью. В нагорной части было несколько курортных гостиниц и пансионатов. Вместе с тем в Сухуме в 1913 г. было 28 вольнопрактикующих врачей, 7 дантистов и 11 фельдшеров. По городскому бюджету на народное образование и медицину в 1913 г. затрачивалось чуть более 92 тыс. руб. (менее 25 %), тогда как на административные нужды было выделено свыше 165 тыс. руб. В Сухуме были мужское реальное училище, женская гимназия, епархиальное училище и другие учебные заведения.

Гораздо хуже обстояло дело в районах Абхазии. По всей Абхазии имелись всего 2 сельские больницы, каждая на 6 коек, и 2 фельдшерских пункта. Например, в Очамчыре с пятью тысячами жителей не было больницы и работал всего один врач, который к тому же не был обязан оказывать бесплатную ме-

дицинскую помощь населению. Немногочисленные сельские школы, обучение в которых велось бесплатно, были бедны и неблагоустроены. В 1914/15 учебном году в Абхазии было 148 школ с общим числом учащихся 7885 чел. (5,5 % населения).

С началом Первой мировой войны экономическое положение Абхазии сильно ухудшилось. Как было сказано выше, прекратилась деятельность «Общества Черноморской железной дороги», «Общества Ткуарчалских каменноугольных копей» и Балашовского лесопромышленного предприятия. Германо-турецкий флот, дислоцированный на Чёрном море, резко сократил морское сообщение, и отсутствие железнодорожного сообщения привело к фактическому застою в экономической и торгово-промышленной жизни. В катастрофическом положении оказалось сельское хозяйство. Главная отрасль – табаководство – понесла большие убытки: прекратился экспорт за границу, в результате чего табаководство в Абхазии оказалось в полосе глубокого экономического кризиса. Годы мировой войны оказались далеко неурожайными и для кукурузы. Переживало тяжёлый кризис и виноделие. В связи с постоянными реквизициями уменьшилось количество рабочего скота. Кроме того, был падеж скота и эпизоотия домашней птицы.

Прекратилось всякое строительство на побережье. Закрылось большинство магазинов и финансовых учреждений. Из Сухума было эвакуировано большинство правительственных учреждений. Опасаясь бомбардировки города вражеской эскадрой, большинство жителей покинуло город.

Первая мировая война 1914–1918 гг. тяжело отразилась на Абхазии. Экономический кризис вызвал бурный рост цен, а реальная заработная плата рабочих и служащих резко снизилась, что привело к росту стачечного движения. В мае 1916 г. бастовали рабочие сухумского порта, в октябре забастовали и рабочие сухумских табачных складов. В декабре 1916 г. снова объявили забастовку рабочие сухумского порта. На территорию порта власти ввели военные силы, через некоторое время был объявлен локаут. Часты были выступления городских масс из-за продовольственных затруднений. Наряду с подъёмом движения рабочих и всей городской массы нарастало движение крестьян. Революционные настроения распространялись и среди солдат.

Война оторвала от производительного труда часть населения. Те же, кого не брали в армию из-за недоверия (такowymi считалось большинство абхазов), облагались дополнительными военными налогами и сборами.

3. Абхазы в Первой мировой войне. Неделю спустя после начала Первой мировой войны главнокомандующий войсками Кавказского военного округа И. И. Воронцов-Дашков обратился к Российскому императору с предложением «мобилизовать воинственные кавказские народы».

23 августа 1914 г. был объявлен Высочайший приказ Николая II о создании туземной конной дивизии трёхбригадного состава из шести полков:

Кабардинского, Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского и Ингушского».

Еще в первые дни войны в сёлах Мыку Абжуйской Абхазии и Лыхны Бзыпской Абхазии состоялись народные собрания. В с. Мыку приехал государственный чиновник из Кутаиса и выступил. «Нужна ваша помощь, нужны воины», – обратился он к народу. После его выступления началась запись добровольцев.

«Осенью 1914 года, – рассказывает участник схода в селе Лыхны Т. К. Ванача, – собралась масса народа со всего участка. Открыл собрание старшина с. Лыхны Гыд Тарба. Он произнёс краткую речь и предоставил слово начальнику Сухумского округа генералу Засыпкину (речь переводилась на абхазский язык). Содержание речи было «патриотическим»: «19 июля Германия напала на Россию. Англия, Франция на нашей стороне и скоро выступят против немцев. Сыны Родины уже теснят противника: мы его разгромим. Мобилизация продолжается. Кавказцы встают на защиту Родины. Надеюсь, что абхазы внесут в общее дело свою лепту». Генерал Засыпкин сообщил и о льготах, установленных для добровольцев. Решение о формировании Абхазской сотни было одобрено всеми выступающими».

Командиром Кавказской туземной конной дивизии был назначен генерал-майор, великий князь Михаил Александрович Романов.

В сентябре 1914 г. дивизия была полностью сформирована в составе трех бригад (шести полков). Каждый полк состоял из 22 офицеров, трёх военных чиновников, одного полкового муллы, 575 всадников (строевых нижних чинов) и 68 нестроевых нижних чинов. Полки дивизии были объединены в три бригады.

В 1-ю бригаду входили Кабардинский и 2-й Дагестанский конные полки; во 2-ю – Чеченский и Татарский полки; в 3-ю – Ингушский и Черкесский полки. Четвёртую сотню Черкесского полка – Абхазского – возглавлял штабс-ротмистр Генрих Фёдорович Берквист, финн по национальности, который сам с помощью местных всадников и офицеров-абхазов сформировал полк в Сухуме.

Немного о подвигах Абхазской сотни. В ноябре 1915 г. выпал обильный снег. После сильной снежной метели окопы татарского полка были полностью засыпаны снегом. При сильнейшей вьюге, непроходимых сугробах и морозе было невероятно сложно что-либо предпринимать, «идти на выручку замерзающих татар...». Всадники и офицеры Черкесского полка с честью справились с этой сложной ситуацией. При этом вся тяжесть работ по спасению выпала на долю 4-й Абхазской сотни и, прежде всего, на «охотников» под командованием Николая Аимхаа: в течение двух дней 27 добровольцев вызволили из снежного плена замёрзших татар 1-й и 2-й сотни, заняли их боевые позиции, несмотря на невероятные погодные условия.

В тот же день две сотни Черкесского полка «среди бушующей метели, несмотря на невероятные трудности, заняли боевой участок, где стояли татары». По результатам этих сражений к Георгиевским наградам представили пятерых всадников: всадник Николай Ачба – к 1-й степени; всадник Джота Гарцкия – к 4-й степени; всадник Василий Лакоба – к 4-й степени; всадник Михаил Чиргба – к 4-й степени; всадник Темраз Лакоба – к 4-й степени.

За два года войны обессмертил себя легендарными подвигами корнет К. Лакрба, временно командовавший Абхазским конным эскадром Черкесского конного полка, первый Георгиевский кавалер в Кавказской туземной дивизии.

П. И. Козмава вспоминал: «В 1915 г. командир Лакербай Костя получил приказ командира Черкесского полка повести наступление на роту пехоты австрийцев, засевших в окопах, с задачей выбить их из окопов. Получив приказ командира, Лакербай К., в конном строю, под сильным артиллерийским и пулемётным огнём повёл эскадры абхазов в атаки на роту австрийской пехоты, засевших в окопах. Не доходя примерно 100 метров до австрийских окопов, очевидно ввиду сильного огня неприятеля, комполка решил вернуть абхазов назад. Получив приказ через нарочного ординарца, корнет Лакербай К. остановил эскадрон абхазов и приказал вернуться назад, сам же остался следовать за эскадром сзади. Пройдя некоторое расстояние, корнет Лакербай крикнул командирам взводов, все ли люди, кого не хватает; один из командиров взвода Чачба А.Д. ответил: не хватает одного всадника.

Лакербай приказал продолжать движение назад, сам же повернулся в сторону австрийцев и увидел недалеко от окопов лежащую лошадь. Несмотря на град пуль, Лакербай на полном карьере... подлетел к лошади и увидел ее убитой, а рядом лежал раненый – это был всадник Джинджал Миха. Лакербай К. нагайкой ударил по передним ногам своего коня, лошадь легла рядом с раненым, посадил раненого сзади своего седла и понесся вместе с раненым в сторону своих. Австрийцы, увидев такой необычайный подвиг героя в черкеске, кавказца, прекратили пулемётный огонь, выскочили из окопов и стали хлопать в ладони, крича: «Браво, пан казак!».

Приведем ещё один, как писали современники, «безумный по храбрости» подвиг К. Лакрба, за что он был приставлен к Георгиевскому оружию.

Полк был брошен в конном строю на австрийцев, но те таким огнём встретили абхазов, что им пришлось отскочить назад под прикрытие леса. Вскоре корнет Лакрба замечает, что его товарищ по Николаевскому кавалерийскому училищу, корнет Асенков, раненый остался перед вражескими окопами. И Лакрба понесся прямо на тирольские окопы. Он посадил коня возле Асенкова, перед изумлёнными австрийцами положил его поперёк седла, предварительно заставив коня при помощи нагайки лечь. Ему даже не стреляли вдогонку.

К. Д. Мачавариани в работе «Светлой памяти павшего на войне героя, корнета К. Ш. Лакрба» приводит текст письма офицера к своему родственнику Бате Ачба: «Я очень рад и счастлив, что в эпоху этой великой войны мне приходится быть руководителем своего родного народа и работать неустанно на благо его... После... исполнения своего долга абхазы войдут в свою родину смело, с открытыми глазами, глядя на отцов и дедов, ожидая от них благодарности, что мы не осрамили абхазов..., а со славой вернулись в дорогую Абхазию». В этом письме «во всех героических подвигах, в которых он принимал активное участие, а порой был руководителем отчаянных разведок или нападений, о себе почти ничего не говорит, а все подвиги приписывает своим brave товарищам...». Корнет Константин Лакрба погиб на передовых позициях от вражеской пули 15 июня 1916 года.

В начале войны его отец прапорщик Шахан Лакрба служил в конвое его императорского величества и в январе 1915 г. по болезни должен был на некоторое время покинуть армию. По его просьбе взамен отца в Черкесский полк был переведён из Тверского драгунского полка К. Лакрба. Затем Ш. Лакрба обвинял себя в смерти сына: «Если бы я не хлопотал о переводе моего Коция из Тверского драгунского в Черкесский полк, то, может быть, он остался жив».

Корнет Лакрба имел следующие ордена и знаки отличия:

Св. Великомученика и Победоносца Георгия – 4-й ст.;

Св. Анны 2-й ст. с мечами;

Св. Станислава 2-й ст. с мечами;

Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом;

Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

Первые три ордена были получены, когда он состоял на службе в Черкесском полку на Галицийском фронте, а последние – в драгунском полку, на германском фронте».

Следует назвать и Тарба Хамажира, кавалера трёх Георгиевских крестов, удостоившегося серебряных часов с золотым Георгиевским крестом с надписью: «Храбрейшему воину Тарба Хамажиру». Наравне с ним особо отличились своей самоотверженностью всадники-абхазы: Ачба Зураб, Ачба Джвебе, Маги Василий, Лакоба Василий, Когония Кача, Сабекия Нестор, братья Гарцкия – Нахарбей, Джото, Чичико; братья Инал-ипа – Канчубей. Розамбей. Асланбей, Ардашил; Чирикба Миха, Козмаа Кескиндж и 17-летний Козмаа Жора, Хагба Тычир, Маргания Константин, Ачба Таирбей, Ахуба Джансук, братья Ладария – Джоджо, Глеб; Лакрба Мтия, Ваня Ахмедович; Шамба Кичин, Квасия Таня, Ашуба Мыш, Барамия Герман, Лагулаа Саат, Гамсания Мас, Агрба Кваквана; Сабекия Шаман (отличившийся невероятной силой), Адлейба Самсон, Джапуа Мык, Касландзия Степан, Асландзия Арсана, Акаба Степан, Хиба Камуг, Ануа Миха, Эшба Миша, Шармат Теиб, Туманов Самсон, Ермолов Миха, Цишба Адамур, Лакоя Шуг, Ахмет Хашба и другие...

Много абхазов служило и в других боевых частях. Командиром Ингушского конного полка был один из лучших наездников Российской империи, полковник Георгий Алексеевич Марчул, уроженец села Илор Кодорского участка. Вместе с ним воевал в том же полку его младший четырнадцатилетний сын Дариман Марчул, который за личное мужество в боях был награждён двумя Георгиевскими крестами и произведен в чин прапорщика. В упорных сражениях у деревни Березены в 1916 г. отличился Ингушский полк во главе с командиром Георгием Марчул. В этих боях высшей наградой Георгиевского оружия был награждён абхазец Варлам Шенгелай, который служил в 4-й сотне Ингушского полка. Полным Георгиевским кавалером стал старший урядник Кабардинского полка Алексей Цишба, уроженец с. Уатхара.

Как справедливо отмечает один из современных исследователей О. Л. Опрышко, «сам факт формирования «Кавказской туземной конной дивизии» из добровольцев стал ярким и знаменательным событием в истории установления новых взаимоотношений России с кавказскими горцами. К 1914 году прошло всего 50 лет с того времени, как закончилась продолжительная Кавказская война, которую Россия вела на Кавказе, покоря многие из его народов силой оружия».

Полковник царской армии тогда в газете «Кавказ» отмечал: «Какая же дикая, стихийная красота – «кавказец в работе!». Это вихрь, грозный, беспощадный ураган, сметающий на своём пути всё живое. Удар горцев поразительно меток, промаха не бывает...».

Современник рассматриваемых событий писал: «Характерным для горцев является то обстоятельство, что когда сотня их спешивается, никто не хочет остаться коноводом. По мнению горцев, позорно отдыхать, когда идёт бой. В одном из последних боёв дело дошло до того, что горцы приспособили к роли коновода пленных австрийцев... Психология горца в отношении боевых порядков решительно сближает их с рыцарями, которых, как известно, вследствие их обострённого понятия чести, можно было заставить сражаться лишь на началах боевого равенства в одношеренговом строю».

Кавказская конная дивизия из всех частей российской армии отличалась высоким боевым духом, слаженностью и дисциплинированностью. С 1914 по 1917 г. через кавказскую дивизию прошло более 7000 человек, более 3000 из них были удостоены Георгиевских крестов, а все офицеры – боевых орденов. А в Абхазской сотне, вплоть до кашевара, ни один не вернулся на родину без Георгиевского креста разных степеней. Здесь приведём список (неполный) уроженцев Аpsны, удостоенных высших боевых наград России – ордена св. Георгия 4-й степени, Георгиевского оружия и четырёх степеней Георгиевского креста (полных Георгиевских кавалеров).

Кавалер ордена св. Георгия 4-й степени: Корнет Константин (Коция) Шаханович Лакрба.

Кавалеры Георгиевского оружия:

Прапорщик Магомет-Рауф Агиров (Агрба)

Полковник Георгий Алексеевич Марчул

Поручик Варлам Андреевич Шенгелай

Полные Георгиевские кавалеры:

Урядник Алексей Цишба

Урядник Дмитрий Ачба

Урядник Константин Когония

Урядник Василий Маги (Магба)

Урядник Рамазан Шхалахов.

Корнет князь Хаитбей Чачба.

Литература

1. Базоркин И. Из тьмы веков. М., 1971.
2. Басария С. П. Газ. «Отклики Кавказа». 1916 г. №78.
3. Ванача Т. К. Воспоминания участника Лыхненского схода 1914 г.
4. Воспоминания участника Абхазской сотни Павла Ивановича Козмава.
5. Габелия Е. К. Абхазские всадники. Сухум, 1990.
6. Гуажба Р. Х Абхазы в Первой мировой войне. Журн. «Новый взгляд». 2007. №2.
7. Дикая дивизия. (Сост и автор комментариев В. Л. Телицын). М., 2006.
8. Журн. «Новый взгляд». 2007. №2.
9. Карпов И. В. Дикая дивизия. // Журн. «Эхо Кавказа». 3. М., 1994. С.18–42.
10. Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 1990.
11. Мачавариани К. Д. Светлой памяти павшего на войне героя К. Ш. Лакербай. Батум, 1917.
12. Хашба А. М. Труды АГУ. Акэа-Сухум, 2011. С. 120–130.
13. Хашба А. М. Труды Института политических и социальных исследований Черноморского региона. Т. 2. М., 2013. С. 151–164.

КУЛЬТУРА АБХАЗИИ XIX – НАЧАЛА XX в.

План

1. Общая характеристика эпохи.
  - 1.1. Создание абхазской письменности и открытие первых школ.
  - 1.2. Александр Константинович Чачба (Шервашидзе).
  - 1.3. Георгий Михайлович Чачба (Шервашидзе).
  - 1.4. Публицист Давид (Манучар) Чхотуа (Чקותуа).
  - 1.5. Педагог Фома (Омар) Христофорович Эшба.
  - 1.6. Соломон Теймуркович Званба.
  - 1.7. Дмитрий Иосифович Гулиа.
  - 1.8. Андрей Максимович Чочуа.
  - 1.9. Симон Петрович Басария.
  - 1.10. Семен Михайлович Ашхацава.
2. Общественные организации в Абхазии в конце XIX – начале XX в.

1. Общая характеристика эпохи.

Рубеж XIX–XX вв. стал переломным в истории Абхазии, которую не обошли стороной глубокие социально-экономические и общественно-политические процессы, затронувшие все сферы жизни Российской империи. Социальные изменения послужили в Абхазии толчком к развитию культуры, науки, просвещения, укреплению этнического самосознания, пробуждению и утверждению национальных сил.

Исходным моментом формирования интеллигенции в Абхазии было начало XIX века, когда судьба абхазского народа оказалась связанной с Россией. Плодотворное влияние русской культуры во взаимодействии с местными культурными традициями было решающим специфическим фактором образования дореволюционной абхазской интеллигенции, развития передовой общественно-политической мысли края.

В понятие «абхазская интеллигенция» вкладывается самое широкое представление. То есть имеются в виду и те интеллигентные абхазы, профессии которых, казалось, даже далеки от узко абхазской действительности. Это особенно относится к военным, которые, получив специальное образование в учебных заведениях России, находились затем в среде русского офицерства. Но учитывается, прежде всего, национальная принадлежность того или иного

лица, затем его связь со своим народом и, что особенно важно, сущность этих отношений.

Период XIX – начала XX в. насыщен реалиями и историческими фактами. Можно ограничиваться коротким изложением главных проблем XIX – начала XX в. и несколькими яркими представителями интеллигенции того периода.

Передовые представители местной интеллигенции отчетливо представляли всю масштабность проблем, стоявших перед краем в области просвещения, сельского хозяйства, культуры, науки, медицины.

Из сказанного вполне очевидно, что абхазская культура, как уже подчеркивалось, развивалась в тесной плодотворной связи с российской культурой. Традиции дружбы, бытовых, культурных и прочих взаимоотношений русского и абхазского народов развивались на протяжении многих лет. Огромное значение для формирования абхазской интеллигенции и вообще абхазской культуры, имело создание абхазской письменности – абхазская грамматика П. К. Услара (1862), абхазский букварь И. А. Бартоломея (1865), абхазская азбука Д. И. Гулиа и К. Д. Мачавариани (1892).

Исследуя работы различных авторов, можно сделать вывод, что интеллигенция Абхазии уже дифференцирована. Одна из важнейших предпосылок заключается в том, что основу развития абхазской культуры, в широком ее понимании, составляют два элемента – устное народное творчество и передовая русская культура. Причем на развитии культуры абхазского народа сказывались не только положительные элементы, поскольку в названных культурах противостояли друг другу прогрессивная и реакционная тенденции. Однако в культуре любого народа основным является самобытное национальное начало.

В Абхазии, особенно с начала XX в., возникает достаточно много различных общественных организаций, деятельность которых сыграла немаловажную роль в общественной и хозяйственной жизни края, пробуждении национального самосознания и просвещении народа Абхазии.

1.1. Создание абхазской письменности и открытие первых школ. После присоединения абхазского княжества к Российской империи в Абхазии постепенно начинает распространяться русский язык, ставится вопрос о создании абхазской письменности.

О существовании собственной абхазской письменности в древности писал С. М. Ашхацава, который указывал, что «Абхазское государство с первых веков христианства имело не только свой язык, но и свою письменность». Г. Ф. Турчанинов также отмечал, что «абхазы действительно имели свое оригинальное письмо и пользовались им, по крайней мере, на протяжении более полутора тысячелетий на обширной территории от Майкопа до Сухума». В различные периоды в Абхазии пользовались латинским, греческим, турецким и грузинским письмом.

Впервые на Кавказе развернуто изучение горских, иберийско-кавказских языков по инициативе Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества, основанного в Тифлисе в 1851 г. Среди шестнадцати членов – основателей этого общества – был выдающийся русский языковед-кавказовед П. К. Услар, написавший ряд ценнейших монографий по языкам: абхазскому, чеченскому, аварскому, лакскому. Изучая их, он имел в виду не только теоретическое, но и практическое значение своих работ в деле создания алфавита и письменности на родных языках горцев.

В 1862 г. им была издана грамматика абхазского языка, которая является первым лингвистическим трудом П. К. Услара, получившим высокую оценку.

Алфавит П. К. Услара лег в основу последующих абхазских букварей. В 1860 г. проблемой изучения абхазского языка начало заниматься и Общество восстановления православного христианства на Кавказе, которое ставило конечной целью «установить и утвердить на прочных основаниях между горцами христианство».

П. К. Услар предварительно изучил язык и лишь затем приступил к составлению абхазской грамматики. И. А. Бартоломей не стал изучать язык, доверив это дело самим абхазам, входившим в его комиссию.

В 1865 г. в Тифлисе был издан первый абхазский букварь И. А. Бартоломея. Комиссия под председательством Бартоломея была создана по решению Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Членами этой комиссии были Д. П. Пурциладзе и В. Г. Трирогова, при содействии абхазов: священника Иоанна Гегия, прапорщика Георгия Курцикидзе и дворянина Симеона Эшба. При этом комиссия пришла к убеждению, что составленная генерал-майором Усларом азбука более соответствует точному выражению звуков абхазского языка, чем первоначально составленная самой комиссией.

Говоря о дореволюционной абхазской письменности, следует упомянуть и алфавит С. М. Ашхацава, составленный еще в 1906 г. в г. Юрьеве при содействии проф. Мазинга. Алфавит этот состоит из 77 знаков и охватывает все фонемы бзыбского диалекта абхазского языка. На этом алфавите Бзыбским комитетом общества по распространению просвещения среди абхазов в 1913–1914 гг. было записано и переслано в Петроград академику Н. Я. Марру около 100 абхазских сказок. Этим и ограничилось практическое применение алфавита С. Ашхацава.

Была сделана попытка создания букваря на родном языке для зарубежных абхазов, проживавших в Турции. Букварь для турецких абхазов на основе латинского алфавита был составлен проф. М. Бутба, издан в Стамбуле в 1919 г. Но этот букварь не получил практического применения, так как в Турции абхазы, черкесы были лишены возможности развивать свою национальную культуру на родном языке.

Дореволюционная абхазская письменность создала некоторые предпосылки для распространения грамотности среди населения и закладки основы абхазской художественной литературы.

Проблемой языка занимались смотритель Сухумской горской школы К. Д. Мачавариани и учитель Гупской школы П. Г. Чарая. В 1887 г. Мачавариани была составлена «наглядная абхазо-русская азбука», а в 1892 г. вышла его «Абхазская азбука. Молитвы и заповеди и присяжный лист». Эта азбука издавалась и в 1906 г. под названием «Абхазская азбука и статьи для чтения и письменных работ». В соавторстве с Мачавариани выступил Д. И. Гулиа – будущий зачинатель абхазской литературы. Впоследствии он писал: «Азбуку мы закончили в 1891 г., и через год она вышла в свет. Вот с этой поры абхазы начали читать книги на родном языке».

В 1909 г. учителем А. М. Чочуа для школ была издана «Абхазская азбука». Второе ее издание вышло в 1914 г. Этот учебник считался, по оценке современников, «наиболее удачным».

1 июня 1860 г. начало работу Общество восстановления православного христианства на Кавказе, которое представил Александру II кавказский наместник. А императрица Мария Александровна приняла Общество под свое покровительство. Одной из забот ведомства было открытие школ для обучения в них туземцев.

По уставу Общества школы должны были открываться во всех приходах, а в тех местностях, где приходов не было, обучение детей должно было вестись с помощью священнослужителей в их домах.

Церковь, всегда чувствующая духовные запросы масс, стремилась использовать тягу народа к просвещению в своих интересах.

Для широкого развития просвещения и культуры необходимо было создание сети школ. Первая школа в Абхазии была открыта в 1851 г. в с. Окуми.

В 1863 г. в Сухуме открылась начальная горская школа с пансионатом, сыгравшая исключительную роль в подготовке абхазских национальных кадров. В 1870 г. в Сухуме появилась женская школа, реорганизованная в 1872 г. в прогимназию с пансионатом. В 1865 г. была открыта Окумская женская школа. В 1870 г. стала функционировать первая школа в северной части Абхазии – в с. Лыхны. В 1887 г. была открыта школа в Очамчире на 70 учащихся. В 1876 г. открылась Ново-Афонская школа.

В Абхазии до середины XIX в., т.е. до окончания Кавказской войны, учебных заведений не существовало. Однако царской администрации были нужны грамотные чиновники из уроженцев края, знакомые с местными условиями, бытом, обычаями народа, без знания которых трудно создать прочную систему управления.

Кроме того, с развитием местной промышленности и сельского хозяйства, возросла потребность не просто в грамотных людях – были необходимы

специалисты, способные применить свои знания на практике. Народное образование, как отмечал министр народного просвещения в 1894 г., «в особенности необходимо на наших окраинах, среди туземного населения, т.к. только оно может установить и упростить связь его с государством».

В начале XIX в. учебных заведений в Абхазии не было. Однако проблема обучения детей волновала многих абхазов и в первую очередь высшее сословие края. Еще до присоединения Абхазии к России, в 1806 г., в «Просительных пунктах» абхазского владетеля Келешбея Шервашидзе (Чачба) среди прочих содержалась просьба «второго сына отправить в Санкт-Петербург» для обучения грамоте и другим российским наукам. Для получения образования многие абхазы отправляли своих детей за пределы края. Царское правительство находило обучение кавказцев весьма нужным и полезным явлением.

С 1835 г. обучение в российских учебных заведениях носит более или менее систематический характер. 12 мая 1835 г. Николай I утвердил Положение о Закавказских училищах, в котором предусматривалось «из учеников Тифлисской гимназии с включением воспитанников пансиона и Закавказских уездных училищ туземного дворянского происхождения избирать ежегодно с согласия родителей до 10 человек, отличившихся благонаравием и успехами, от 10 до 14-летнего возраста, для отправления их на счет казны в Кадетские корпуса, а кроме них предполагалось отправлять в российские университеты еще до 5 человек». Непременным условием для детей русских чиновников было знание местных языков, а также обязательство по окончании учебы прослужить учителем в Закавказских училищах не менее 6 лет. Так детей абхазских феодалов стали отдавать в русские учебные заведения, преимущественно военные. Еще в 20-х годах XIX в. сын абхазского владетеля Сафарбея (Георгия) Шервашидзе Дмитрий окончил Пажеский корпус в Петербурге.

Военное образование получил С.Т. Званба – боевой офицер русской армии, автор замечательных этнографических работ об абхазах.

В российских учебных заведениях в XIX в. получили образование целый ряд абхазов – ярких представителей абхазской интеллигенции XIX в. В Пажеском корпусе обучался младший сын владетеля Константин. Д. Г. Анчабадзе, В. Г. Гурджуа, Г. Д. Чачба обучались в Московском университете. В Воронежском кадетском корпусе получили образование К. Ш. Лакербай и А. Д. Шервашидзе. Воспитанниками Санкт-Петербургского университета из числа абхазов были Д. Чкотуа, В. Г. Шервашидзе, Г. М. Эмухвари, Военно-медицинской академии – В. Т. Анчабадзе, в Харьковском университете обучался В. А. Шервашидзе, в Варшавском политехническом институте – К. Ладария, в Краснодарском сельскохозяйственном институте – П. К. Анчабадзе и некоторые другие.

Положение отмечало, что целью обучения «является приготовление к занятию разных должностей по всем родам государственной службы на Кавказе, а

также приобретение познаний, содействующих успешному развитию торговли и промышленности в крае».

Обучение абхазов в высших учебных заведениях России, несомненно, способствовало повышению уровня образования края.

Необходимо отметить, что русский царизм преследовал русификаторские цели, но, тем не менее, работа в этом направлении имела, несомненно, прогрессивное значение.

1.2. Александр Константинович Чачба (Шервашидзе). Другими средствами верно служил народному делу А. К. Шервашидзе. Родился он 24 декабря 1867 г. в Крыму, в г. Феодосии, в семье отставного майора Константина Георгиевича Чачба, принимавшего активное участие в составлении первого абхазского букваря. Отец будущего художника специальным повелением императора был изгнан из пределов Кавказа за участие в заговоре и находился до конца своих дней под строгим секретным надзором. Мать художника, пианистка, была дочерью французского профессора Данлуа.

Александра готовили к военной карьере, но определить в Пажецкий корпус в Петербурге сына ссыльного князя не удалось. Некоторое время он учился в Нижегородском кадетском корпусе. После смерти отца он перевелся в Киевское реальное училище, которое закончил в 1889 г. В 1894 г. по совету В.Д. Поленова молодой художник едет в Париж и поступает в школу профессора Фернана Кормона, где занимается 6 лет. В Париже он сближается с группой молодых петербургских художников – А. Бенуа, И. Грабарем, В. Серовым и другими. В Париже он был членом «Русского артистического кружка».

В 1904–1906 гг. он, находясь в Париже, участвовал в выставках, выступал в журналах и газетах. В 1906 г. А. К. Чачба (Шервашидзе) возвращается в Россию и становится художником-декоратором петербургских театров. До 1918 г. он принял участие в создании более сорока спектаклей.

Художника всегда глубоко волновала судьба Абхазии. Он видел то состояние, в котором находилась его страна, как она прозябала в нищете в царское время, видел, что население было почти поголовно неграмотным. После Октябрьской революции А. К. Чачба (Шервашидзе) переезжает в Абхазию. Здесь начинается новый плодотворный этап его деятельности. Он организует художественную студию, театральное общество «САО» (Сухумское артистическое общество), театральные курсы. Тогда же учащимися студии впервые была осуществлена постановка «Раненный в сердце» – инсценировка абхазской народной героической песни, выполненная самим художником.

Прогрессивные начинания Чачба пришлось не по вкусу меньшевистскому правительству Грузии. Запрещались его лекции, закрылись театральные курсы. В такой ситуации он неожиданно получает приглашение от руководителя «Русской балетной труппы» Дягилева принять участие в заграничных

гастролях. В 1920 г. художник выезжает с труппой за границу. Так он оказался навсегда оторванным от Родины.

В Париже он сблизился с Пикассо, Дереном, Браком и другими.

Находясь вдали от Родины, Чачба никогда не забывал о ней. Из его переписки с дочерью видим, что художник живо интересовался делами страны, следил за ее культурным достоянием.

В заграничных гастролях балета Дягилева Чачба является автором костюмов и декораций таких спектаклей, как «Веселая смерть» Н. Евреинова (Париж, театр Коломбье, 1922), «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, постановка Дягилева (Париж, 1926), «Лебединое озеро» П. Чайковского, хореограф Петипа (турне по Америке, 1936).

Его деятельность получила высокую оценку в вышедшем в 1957 г. в Париже «Словаре современного балета». Нужно отметить, что Александр Константинович всегда ревниво относился к осуществлению своих эскизов в натуре и предпочитал все делать сам. Поэтому все написанное им для сцены имело самостоятельную художественную ценность. Художник очень много переписывался со своей дочерью Р. А. Зайцевой-Чачба. Его письма дышат любовью к Родине.

В последние годы художник все чаще задумывался о возвращении на Родину в Абхазию. Ему снова хотелось увидеть землю своего отца, своих предков. Но врачи после тяжелой операции не советовали ему предпринимать эту поездку. Как это часто бывает, художник, проработавший в театре более полувека, под старость остался без средств к существованию. Все его имущество заключалось в объемистой кипе эскизов и портретов, писанных им со своих близких и друзей.

Среди его работ – портреты многих деятелей литературы и искусства, с которыми он был знаком и общался. Среди них – А. Бенуа, М. Волошин, Г. Бутковский, Т. Туманова, И. Кашина и др.

Свое творческое наследие он хранил всю жизнь, чтобы завещать его своим соотечественникам. И действительно, в 1958 г. в дар Родине он прислал более пятисот работ и свой личный архив. В 1968 г. в Пицунде впервые была открыта выставка работ А. К. Чачба (Шервашидзе), затем она побывала в Сухуме, Гудауте и Ткварчале.

1.3. Георгий Михайлович Чачба (Шервашидзе). В Абхазии некоторые успехи в школьном строительстве были достигнуты уже в 60-е годы, когда фактически здесь закладывались основы школьного образования.

Примерно к этому периоду относится и расцвет творчества Георгия Михайловича Шервашидзе (1846–1918) – одного из самых замечательных представителей не только абхазской, но в известной степени и грузинской интеллигенции XIX столетия.

Георгий Михайлович Шервашидзе (Чачба) – старший сын и наследник последнего владельца Абхазии – родился 17 сентября 1846 г. в с. Лыхны, в резиденции абхазских владетельных князей. Уже в домашней обстановке он

получил блестящее по тому времени и в условиях Абхазии воспитание и образование. Воспитательницей одаренного и прилежного мальчика была Кесария Шервашидзе. На формирование Георгия Шервашидзе глубокое влияние оказала и его мать Александра Георгиевна. Одновременно с другими языками Георгия обучали и русской грамоте.

В 1863 г. Г. М. Шервашидзе назначают адъютантом главнокомандующего Кавказской армией, а 19 апреля 1864 г. ему присваивают звание подпоручика.

Однако вскоре в жизни Г. М. Шервашидзе наступают весьма неблагоприятные времена. В 1864 г. происходит упразднение Абхазского княжества и выдворение его владетеля, отца Георгия, из края.

Г. М. Шервашидзе после восстания 1866 г. был отчислен от должности адъютанта и 21 апреля 1867 г. был «прикомандирован» к Оренбургскому казачьему войску, т. е. сослан в Оренбург, откуда 8 июня 1871 г. в чине штабс-капитана направился в распоряжение командующего войсками Одесского военного округа.

Г. М. Шервашидзе официально был признан невиновным, хотя ему и запретили постоянно проживать в Абхазии. 17 июня 1875 г. он снова назначается адъютантом главнокомандующего Кавказской армией.

Но вскоре Г. М. Шервашидзе сближается с будущим императором Александром III. В апреле 1879 г. он становится флигель-адъютантом Александра III; в январе 1880 г. зачисляется в свиту царя; в июне 1883 г. увольняется в отставку «до выздоровления», а в августе 1887 г. назначается полковником с оставлением в звании флигель-адъютанта.

В 1888 г. Г. М. Шервашидзе снова был выслан из пределов Кавказа на время пребывания здесь Александра III. В ответ в знак протеста он, гордый человек, официально отказывается от звания флигель-адъютанта и навсегда увольняется со службы «в связи с болезнью», но с мундиром.

В 1904 г. Г. М. Шервашидзе был избран (230 голосов против 27) на должность предводителя дворянства Кутаисской губернии. Однако министр внутренних дел В. К. Плеве «не соблаговолил» представить его кандидатуру на «высочайшее благоусмотрение».

Лишь в 1905 г., когда вся Российская империя содрогалась от революционных потрясений, почти шестидесятилетний Г. М. Шервашидзе получает право жить в границах своей многострадальной родины, чем он и воспользовался немедленно. Жил поэт почти постоянно в Сухуме. С самого начала своей деятельности Г. М. Шервашидзе был в кругу той передовой части грузинской интеллигенции, которую возглавлял Илья Чавчавадзе. Его связывала личная дружба с И. Чавчавадзе, А. Церетели, С. Месхи и другими. В 80-х годах, в мрачный период реакции, Шервашидзе принимал участие в либеральном движении грузинского дворянства. Он был сторонником идеи национального возрождения на почве примирения сословий.

Мировоззрение Г. М. Шервашидзе формировалось, прежде всего, под влиянием грузинской литературы, общественной и философской мысли второй половины XIX в.

Вместе с тем эта культурная ориентация отнюдь не означала отрыва от родного очага: Г. М. Шервашидзе горячо любил свою родину (Абхазию) со всей присущей ей спецификой... Известны его выступления по вопросам истории Абхазии в местной и иностранной прессе. Георгий был прекрасным знатком не только прошлого и настоящего Абхазии, но и самого абхазского языка. С Акакием Церетели, ставшим его другом на всю жизнь, Г. М. Шервашидзе сблизился еще в юношеские годы. Они часто встречались в Тифлисе, Кутаиси, Петербурге. В столице друзья совместно выступали на литературно-музыкальных вечерах, в которых принимали участие писатели Я. П. Полонский, Д. С. Мережковский и другие. Знакомство Георгия Шервашидзе с идейным вождем грузинских шестидесятников Ильей Чавчавадзе состоялось в пору его пребывания в Петербурге. Оно все более и более укреплялось, превращаясь в настоящую дружбу.

Г. М. Шервашидзе довольно рано проявляет свои дарования на литературном поприще. Его наследие в этой области содержит замечательные образцы поэзии, драматургии, критики и публицистики. Он также успешно занимался переводами, любил поэзию А. С. Пушкина. Упиваясь творчеством Виктора Гюго, Г. М. Шервашидзе осуществлял переводы из произведений знаменитого французского поэта – романтика. Он активно сотрудничал в «Дроэба», «Иверия» и других органах.

Его перу принадлежит ряд стихотворений и статей, написанных и на русском, и на грузинском языках. На родном же, которым он владел превосходно, ничего не сохранилось. К сожалению, архив владетельского дома и его богатая библиотека почти целиком погибли во время разрушения Лыхненского дворца в 1866 г. и уничтожения очамчирской резиденции, а огромный личный архив Г. М. Шервашидзе в Сухуме, по свидетельствам современников (Шабат Эмухвари и др.), был сожжен в 1918 г. людьми из окружения писателя в связи с его смертью. Кроме того, железный сундучок (сейф) с «самыми важными» документами бывших владетельных князей Абхазии был сожжен меньшевистским карательным отрядом в с. Джгерда (в доме Таташа Маршания) летом того же года.

Но при всем этом Г. М. Шервашидзе, как уже отмечалось, был патриотом своей многострадальной родины. Горячую любовь к ней он особенно выразил в знаменитом стихотворении «Абхазская песня «Уарада». «Только на почве глубокого чувства и понимания своеобразия родной среды мог зародиться такой шедевр», – подчеркивал академик С. Н. Джанашия по поводу этого произведения.

1.4. Публицист Давид (Манучар) Чхотуа (Чкотуа)

Представителем того же общественного круга и близким человеком Г. М. Шервашидзе был Давид (Манучар) Зурабович Чхотуа (Чкотуа) (1849–1929). Его отец генерал-майор Зураб Манучарович Чхотуа (умер в 1832 г.) оставил в народе незабвенную добрую память о себе «прежде всего тем, что «выпросил у начальства ... школу для с. Саберио», а затем, будучи попечителем этой школы, «принимал в делах ее самое деятельное участие». Кроме того, З. М. Чхотуа «проводил дороги в разных местах Самурзакани». А жена Нина Матосевна, ставшая после его смерти попечительницей названной школы, также «часто посещает школу и оказывает ей нравственную и моральную помощь».

Получив домашнее начальное образование, Чхотуа затем окончил Кутаисскую гимназию, а в 1871 г. поступил в Новороссийский университет, откуда вскоре перевелся в Петербургский университет. Учился он на физико-математическом факультете по отделению естественных наук, по специальности геология и минералогия, а с 1875 г. – на юридическом факультете.

Однако в том же году Чхотуа «по случаю разных непредвиденных домашних обстоятельств» вынужден был оставить учебу. Вообще, он из университета исключался неоднократно, «находясь в стесненном положении и не имея возможности» внести плату за слушание лекций. В том же 1875 г. Чхотуа согласился с предложением Г. М. Шервашидзе, являвшимся его молочным братом, взять на себя управление шервашидзевскими имениями в Восточной Грузии и с этой целью поселился в Тифлисе в доме Шервашидзе.

Значительную часть своего времени Чхотуа проводил в родном селе Саберио. Он и его брат Николай, со средним образованием, «в продолжение доброго начинания покойного отца, много отдавали себя заботам о благе» односельчан. Николай впоследствии играл довольно активную роль в общественной жизни Самурзаканского участка, а также в деятельности «Сухумского общества сельского хозяйства», будучи его членом, со дня основания. У Чхотуа был еще один брат Семен (Михаил), который все время находился на военной службе (Тифлис, Кутаис) и достиг чина полковника. Умер С. З. Чхотуа в 1900 г. Его сын Георгий, окончив Тифлисский кадетский корпус, также стал офицером. Он до 1921 г. служил в Петрограде; в феврале того же года прибыл в Тифлис в составе 11-й Красной армии, а вскоре был назначен командиром Отдельной Абхазской бригады. Г. С. Чхотуа был женат на приемной дочери русского художника Н. А. Ярошенко, а вторым браком – на дочери юриста Г. Т. Черкезия. Умер он в 1946 г.

В жизни молодого Д. З. Чхотуа в 1876 г. случилось самое непредвиденное. Ложно обвиненный в убийстве, он был осужден на каторжные работы на 20 лет и пожизненную ссылку, откуда вернулся на родину лишь примерно в 1906 г. совершенно больным и немощным стариком.

Д. З. Чхотуа был одаренным публицистом и критиком. Его творчество формировалось под влиянием демократических традиций передовой грузинской и русской публицистики. Он активно сотрудничал прогрессивной грузинской прессой («Дрозба», «Сасопло газети», «Кребули» и др.). Особо следует отметить его роль в возглавляемой Ильей Чавчавадзе газете «Иверия», вокруг которой группировались прогрессивные деятели. Из публицистических статей Д. З. Чхотуа обращают на себя внимание «Два обычая в Абхазии», «Влияние иностранного языка на мышление народа», «Ян Гус», «История земли, или геология» и др. Первая из них, опубликованная в номере «Дрозба» от 4 августа 1872 г., и в настоящее время представляет большую ценность как материал о воспитании и гостеприимстве у абхазов в XIX столетии.

Известно также, что Д. З. Чхотуа горячо защищал интересы национальной школы. И после возвращения из ссылки, несмотря на свое тяжелое физическое состояние, Д. З. Чхотуа продолжал вести активную общественную работу

1.5. Педагог Ф. Х. Эшба. Широкое развитие культуры абхазского народа, как и любого другого народа, могло произойти только в результате создания разветвленной школьной сети, несмотря на то, что правительство, разумеется, не хотело заботиться об этом. Речь идет о том, что меры, принимавшиеся им в школьном вопросе в Абхазии, объективно способствовали общему прогрессу культуры здесь. Особенно после введения в 1864 году в Абхазии русского управления ощущалась острая потребность в сельских писарях, переводчиках, работниках канцелярий, учителях для открывающихся школ, в которых языком обучения, как правило, являлся русский. Школьная политика царизма на Кавказе, как и другие мероприятия в области культуры, была теснейшим образом связана с его общей программой, идеологической обработкой кавказских народов. Школа была признана основным орудием распространения здесь идей православия, а христианизация, в свою очередь, для горских народов становилась стержнем всей идеологической миссии самодержавия на Кавказе. Особая роль при этом отводилась «Обществу восстановления православного христианства на Кавказе», которое с самого начала развернуло довольно активную работу по переводу литературы. Началась работа по составлению словарей, алфавитов, букварей и т. д.

Некоторые сдвиги в школьном строительстве в Абхазии наблюдаются уже в 60-е годы, когда фактически здесь и закладываются основы школьного образования.

Еще М. А. Селезнев отмечал, что абхазы имеют стремление вообще «к благодетельному образованию». В 1868 г. священник моквской церкви сообщал Д. А. Мачавариани, что «из разных ближайших деревень многие абхазы привели к нему детей своих обоюбого пола для обучения грамоте». Родители очень интересовались успехами своих детей.

Епископ Имеретии Гавриил писал в 1868 г., что жители Самурзаканской Абхазии горячо желают и просят, чтобы в с. Окум открыли женскую школу и вместо двухклассной школы – четырехклассное мужское училище, для чего они изъявили желание собрать средства.

Еще в 1818 г. была сделана попытка открыть в селе Лыхны, тогдашнем политическом центре Абхазского княжества, церковную школу на 12 мальчиков с приглашением и учителя русского языка. В 1846 г. также была сделана попытка открыть в Пицунде, при Абхазском архимандритстве, духовную школу для абхазских же детей. Однако первым более или менее действительным учебным заведением в Абхазии надо считать Окумскую церковноприходскую школу, открытую в 1851 г. Ее основание было связано с именем грузинского священника – учителя Д. А. Мачавариани. Одним из первых учеников этой школы был известный впоследствии просветитель и краевед К. Д. Мачавариани, оставивший прекрасное описание ее первоначальной жизни.

Но, несмотря на все эти неблагоприятные условия, в Окумскую школу шли с охотой. Владея абхазским и русским языками, а некоторые и грузинским, учителя-абхазы за короткий срок добивались хороших результатов. Имеются в виду, в частности, Григорий Эмухвари, Григорий Шервашидзе, Виссарион Инал-ипа, Алексей Эмухвари. Впоследствии на поприще народного просвещения трудились такие видные абхазские педагоги и просветители, как Ф. Эшба, В. Гарцкия, Д. Гулия, Н. Джанашия, А. Чочуа и др. Но один из них – Фома Христофорович Эшба в истории народного образования Абхазии известен как «дедушка абхазской школы».

В 1888 г. газета «Иверия» (№ 46) сообщала, что «один образованный молодой абхаз задумал создать абхазскую письменность и даже составил уже абхазскую абевегу». Трудно пока сказать точно, кто был этот молодой энтузиаст – А. М. Эмухвари или, может быть, Ф. Х. Эшба? Тем не менее, в 80-х годах начинается деятельность Фомы (Омара) Христофоровича Эшба (1856–1928). Это был один из самых выдающихся представителей старшего поколения абхазских просветителей. Учился он сначала в родном селе Бедиа, затем, с 1874 г., в Сухумской горской школе, которую окончил с отличием первого ученика, после чего был направлен за казенный счет в Закавказскую учительскую семинарию в Гори. После ее окончания с 1 июля 1880 г. Ф. Х. Эшба начинает работать учителем в Новоафонской школе.

С 1900 г. Ф. Х. Эшба работал в селе Лыхны. Им была построена школа для девочек. Из Лыхны Ф. Х. Эшба переводят в Бедию, где он открывает и налаживает школу в бесплатно предоставленном доме Н. Шервашидзе. Важно отметить, что в 1905 г., когда в Бедиа сгорело школьное здание, Ф. Х. Эшба снова возрождает двухклассную школу в доме Николая Шервашидзе, а при ней открывает пансион на десять учеников из отдельных мест. В дальнейшем Ф. Х. Эшба работал в Сухуме (Горская школа), затем снова в Бедиа, в Очамчирах.

Естественно, деятельность Ф. Х. Эшба не могла ограничиться только рамками учительской практики. Он живо отзывался на все общественные события, проявляя самую активную инициативность. Ф. Х. Эшба является автором историко-этнографического очерка «Местечко Очемчеры, селение Илори и Беслахубы» (1891 г.), посвященного описанию домашней промышленности и ремесла в Абхазии и не потерявшего своей научной ценности и в настоящее время. Ф. Х. Эшба является также соавтором «Абхазской азбуки» 1906 г. Сборник арифметических задач для абхазских начальных училищ в течение ряда лет обслуживал абхазских школьников, а многие содержащиеся в нем математические термины вошли в абхазский лексикон.

Кроме того, Ф. Х. Эшба принимал деятельное участие в работе комиссии по переводу на абхазский язык религиозной литературы. Он также является автором популярной абхазской песни «Шьарда аамта» («Долгие лета»). Ф. Х. Эшба выпестовал многих учителей, которым щедро передавал глубокие знания и богатый опыт.

Ф. Х. Эшба можно рассматривать не только как педагога. Он также являлся автором историко-этнографического очерка, множества научных сборников. Но вместе с тем, он с самого начала выступил как подлинный просветитель своего народа. Щедро передавал свои знания и богатый опыт будущим абхазским учителям.

1.6. Соломон Теймуркович Званба. Одним из самых выдающихся представителей абхазской интеллигенции первой половины XIX в., несомненно, был Соломон Теймуркович Званба (1809–1855). Небольшое научное наследие Званба оставило заметный след в литературе Кавказа. Вместе с тем имя первого абхазского ученого вписано в историю русской армии как имя человека, проявившего себя храбрым и талантливым командиром во время Крымской войны.

С. Т. Званба родился в 1809 г. в селе Дранда, в небогатой дворянской семье. Мальчик выделялся своими способностями и вскоре был замечен начальником Абхазского отряда полковником А. Г. Пацовским. Желая «составить новую связь с абхазцами», последний около 1824 г. взял к себе «на воспитание» Соломона Званба вместе с его сверстником Эмином (Николаем) Шакрылом.

В 1826 г. С. Т. Званба сопровождал князя К. Г. Шервашидзе в Петербург, а в 1828 г., очевидно, по ходатайству того же Пацовского, был определен в Дворянский полк. С этого момента и начинается военная служба Званба, благодаря чему мы имеем в своем распоряжении официальные сведения о его жизни и деятельности, хотя несколько односторонние и довольно скудные, но, тем не менее, почти единственные. В военном училище С. Т. Званба находился до марта 1832 г. и был выпущен в чине унтер-офицера. За время своего пребывания в столице он пристрастился к чтению, стал подписчиком многих периодических изданий. Едва ли не первые научные журналы попали в Абхазию, будучи адресованы ему.

Служил С. Т. Званба в войсках Черноморской береговой линии. Одновременно он приобретает «довольно большое значение у русского начальства и в Абхазии». С 1833 г. Званба, как человек достаточно подготовленный, в одинаковой степени владеющий абхазским и русским языками, состоял при владетеле Абхазии «для помощи в письменных сношениях» последнего с русскими властями. В мае 1842 г. С. Т. Званба едет в Петербург. Он сопровождал «депутацию» из садзских (джигетских) князей и дворян, назначенную для представления Николаю I. В следующем году Званба становится приставом Джигетии. В том же году он – начальник всех войск и милиции, расположенных в Цебельде.

В силу «служебной опытности и знания военного дела», неоднократно отмечавшихся начальством, С. Т. Званба в 1848 г. производится в подполковники. В августе того же года он выступает посредником в переговорах между гарнизоном Навагинского форта и окрестным населением с целью прекращения «продолжительной войны». Все эти годы Званба командовал отдельными линейными батальонами, а с 1852 г. – батальоном № 11. Он был награжден несколькими орденами (св. Владимира 4-й степени, св. Анны 3-й степени, св. Станислава 4-й степени, св. Георгия 4-й степени). Как офицеру царской армии, Соломону Званба приходилось принимать участие в военных действиях и карательных экспедициях, которые проводило правительство Николая I в те годы в Абхазии и на Черноморье Кавказа.

Следует отметить активное участие Званба и в борьбе русского правительства против англо-турецкой контрабандной торговли. В 1845 г. Званба был награжден золотой шпагой за участие в десанте против контрабандных судов.

Соломон Званба принимал активное участие в Восточной войне 1853–1856 гг., являлся командиром Черноморского линейного № 11 батальона. Как известно, турецкие войска во время Крымской войны повели наступление на территорию Закавказья. Летом 1855 г. был выдвинут проект о диверсии в Западной Грузии, чтобы принудить русскую армию снять осаду с Карса и создать угрозу Тифлису, а также поднять кавказских горцев против России. Было решено начать это вторжение со стороны Абхазии, откуда еще весной 1854 г. были эвакуированы русские войска. К 20 октября главные силы противника были стянуты на правом берегу Ингури. Когда наступление неприятеля со стороны Абхазии ясно обрисовалось, начальник Гурийского отряда И. К. Багратион-Мухранский на левом берегу Ингури сосредоточил большую часть своих войск, в том числе и Черноморский линейный № 11 батальон, составлявший 30 % пехоты и 15 % всего отряда. Перед этим батальон, командуемый Званба, участвовал в движении: в Кобулетский санджак – с 10 по 28 мая, на р. Супса а – с 10 по 29 сентября, 5 октября – следование в Коки и 21 октября – на р. Ингури.

25 октября начался знаменитый Ингурский бой. Но вскоре массы турецкой пехоты вступили в самую р. Ингури. В этом бою был смертельно ранен С. Званба. Он был убит штуцерной пулей, вошедшей в правое ухо и вышедшей в левое. Званба был немедленно вынесен на перевязочный пункт. Врач констатировал смерть.

По некоторым данным, С. Т. Званба был погребен в церкви в с. Старо-Сенаки (ныне гор. Миха Цхакая), а по иным сообщениям, он вместе с другими героями, павшими смертью храбрых во время Ингурского боя, был предан земле в с. Коки, в местности Налима, где впоследствии, 25 октября 1913 г., был воздвигнут памятник.

На развитие общественно-политических взглядов С. Т. Званба и возникновение у него интереса к изучению абхазской этнографии, несомненно, решающее влияние оказало его тесное общение с представителями передовой русской общественности. Позже на Кавказе, где Званба все время был в рядах Отдельного корпуса, он имел возможность встречаться с некоторыми передовыми людьми России.

На Черноморской береговой линии, где непосредственно служил Соломон Званба, с 1837 по 1841 г. находился Н. Н. Раевский (младший) в качестве ее командира. Это был друг А. С. Пушкина, человек декабристского круга. При этом следует выделить А. А. Бестужева-Марлинского, который представляет особый интерес с точки зрения выяснения развития научных интересов С. Званба. Как известно, Бестужев был прекрасным знатоком этнографии. Более того, он сыграл большую роль в развитии русского кавказоведения. И такой деятель не мог, конечно, не «приметить» С. Званба – знатока абхазов, их нравов, обычаев и традиций, тем более, что с ним он некоторое время служил в одной воинской части...

Будучи военным и уделяя основное время своим служебным обязанностям, притом в чрезвычайно напряженный период истории кавказской армии, и прожив сравнительно короткую жизнь, С. Т. Званба, естественно, не мог много времени уделить науке. Тем не менее он, сотрудничая в тифлисской газете «Кавказ», опубликовал несколько очерков. Есть данные, что они являются лишь частью его сочинений. Подтверждением этого является недавно установленный факт авторства Званба рукописи «О Гагре и джигетах» середины 40-х годов, хранящейся ныне в рукописном отделе Государственной Публичной «библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» (ф. Собр. ед. пост. 1928 г. № 553). Это – исключительно ценная работа по истории садзов (джигетов). В ней содержится богатый конкретный этнографический материал. К сожалению, архив самого ученого не сохранился. Но и то, что дошло до нас, свидетельствует о глубоких познаниях С. Т. Званба в истории и этнографии Абхазии, о его методике работы и исследовательском опыте.

Первая печатная работа С. Т. Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию» была опубликована в 1852 г. («Кавказ», № 33). Подчеркивая значение этого труда для современной науки, профессор М. О. Косвен писал, что она «осталась и по сие время единственной специальной статьей об этом народе». В ней на основании непосредственных наблюдений над жизнью убыхов даются сведения о военном строе убыхов (это главное содержание статьи) и частично о боевых качествах абхазов, а также сообщаются отдельные факты по вопросу о пище и одежде убыхов.

В том же году был напечатан небольшой очерк С. Т. Званба – «Обряд жертвоприношения святому Победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами» («Кавказ», № 90). В нем дается подробное описание обрядов, связанных с жертвоприношениями в честь Георгия Илорского. Илорский храм как в Абхазии (Очамчирский и Гальский районы), так и во всей Западной Грузии пользовался особой известностью. Очерк С. Т. Званба сообщает ценные сведения о сохранении пережитков язычества в культе св. Георгия в Абхазии.

В 1853 г. появилась статья С. Т. Званба «Поцелуй за занавесом» («Кавказ», № 55). О цели указанной работы автор писал: «Взглянув на заглавие этой статьи, читатель может подумать, что я хочу рассказать о какой-нибудь закулисной интриге; чтобы не заставить его обмануться, я должен объяснить, что дело идет о свадебном обычае абхазцев».

В 1855 г. была опубликована последняя и самая значительная работа С. Т. Званба – «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии». Опираясь в основном на свои собственные наблюдения и полевой историко-этнографический материал, он дает описание главнейших абхазских божеств (Афы, Ажвейпшаа, Айтар, Джад-жа и др.) и связывавшихся с ними явлений и обрядов. При этом, однако, Званба известным образом умаляет степень распространения в Абхазии (в первой половине XIX в.) пронесенного через века мусульманской агрессии христианства, имевшего здесь глубокие корни и большие традиции.

Работы С. Т. Званба, оцененные высоко еще в XIX в., способствовали тому, что на изучение Абхазии стали обращать внимание не одни только любители сенсационных сообщений, но и серьезные авторы. В этом отношении особое значение имело появление сборника сочинений Званба в 1955 г. под названием «Этнографические этюды».

1.7. Дмитрий Иосифович Гулиа. Крупнейшим представителем абхазского художественного слова является основоположник абхазской литературы, народный поэт Абхазии, известный писатель Дмитрий Иосифович Гулиа. Он родился 21 февраля 1874 г. в селении Уарча Гумистинского участка (ныне Гулрыпшский район), Сухумского округа (так называлась тогда Абхазия). Всю семью Д. Гулиа лишили крова и выслали в Турцию. Они оказались в Трапезунде. Там семья пробыла менее года, где похоронила двух детей. Отец

Дмитрия с оставшимися детьми и женой бежал в Батум, а оттуда перебрался в родную Абхазию. По возвращении на родину семье не разрешили жить в Гумистинском участке, так как его родное село уже было предназначено для заселения колонистами. Отец Дмитрия поселился с семьей в селении Адзюбжа Кодорского участка (ныне Очамчирского района). Здесь и провел свое детство Дмитрий Гулиа. У местного священника он научился читать и писать по-русски и по-грузински. Затем ему удалось устроиться в горскую двухклассную абхазскую школу в Сухуме.

После окончания этой школы, в 1898 г., Д. И. Гулиа поступает в Закавказскую учительскую семинарию в Гори. Через несколько месяцев болезнь прерывает его учебу. Затем он пытается поступить в семинарию, но ее двери оказались закрытыми для него. А в это время умирают отец и мать Дмитрия, на его руках остаются четырехлетняя сестра и двухлетний брат. Дмитрию становится очень тяжело. В семнадцать лет он экстерном сдает экзамен на звание учителя народных школ и долгие годы работает преподавателем абхазского языка в деревнях и в Сухуми – в горской школе, в женской гимназии, реальном училище, в учительской семинарии.

Так Д. Гулиа стал на путь культуры, накопления знаний, по которому он продолжал идти всю жизнь. Для формирования мировоззрения Д. Гулиа и для его художественного развития несомненное значение имели русские и грузинские поэты. Большое влияние на поэта оказала и передовая русская культура. Но он говорил, что проникновение русского влияния в Абхазию носит двусторонний характер. С одной стороны, оно несло беды, связанные с колониальной политикой и отторжением земель, а с другой – присоединение Абхазии к русскому государству дало возможность приехать сюда многим выдающимся культурным деятелям России, оставившим свой глубокий след в Абхазии и способствовавшим развитию ее национальной культуры и языка.

Начало общественной и литературной деятельности Д. Гулиа относится к 1892 г. Совместно с К. Мачавариани он принимается за составление абхазской азбуки, которая была издана в Тифлисе в 1892 г. Эта азбука, в дальнейшем усовершенствованная, стала основным пособием при изучении абхазского языка.

Примерно к тому же времени относятся и первые поэтические опыты Д. Гулиа, начало его работы над собиранием фольклора. Д. Гулиа становится учителем. Он преподает абхазский язык в начальных школах, работает по созданию учебной литературы на родном языке, переводит популярные книги. В 1907 г. Д. Гулиа удалось издать в Тифлисе отдельной книгой «Абхазские пословицы, загадки и скороговорки».

Первый сборник поэтических произведений Д. Гулиа вышел в 1912 г., в Тифлисе. По своему содержанию эта первая книга делится как бы на две части – фольклорно-легендарную и историческую.

В 1913 г. вышла поэма «Письмо юноши и девушки», положившая начало абхазской любовной лирике.

Октябрьская социалистическая революция 1917 г. явилась для Гулиа, как и для абхазского народа, рубежом, который соединил поэзию и народ. Первым поэтическим откликом абхазского поэта на революционные события в Петрограде в 1917 г. явилось его стихотворение «Вперед». Большой удачей явилось для Д. Гулиа и поддержавшей его небольшой группы абхазской интеллигенции получение от меньшевистских властей разрешения на издание газеты на абхазском языке. Это – первая абхазская газета, начавшая выходить в феврале 1919 г. под названием «Апсны». Редактором ее был Дмитрий Гулиа. Разрешение было получено на издание газеты литературного характера. Но газета с первых же номеров вышла за узколитературные рамки и стала не только литературной, но и общественно-политической.

Газета «Апсны» просуществовала меньше двух лет и была закрыта меньшевистским правительством. Но первая абхазская газета сделала свое дело. Она объединила начинающих писателей, способствовала дальнейшему развитию периодической печати на абхазском языке.

В 1919 г. был организован литературный кружок при Сухумской учительской семинарии. Им руководил Д. Гулиа. Кружок издавал еженедельный рукописный журнал «Утренняя звезда».

В газете «Апсны» впервые стали печататься писатели И. Когониа, М. Лакербай, М. Хашба, Д. Дарсалиа. в это же время на литературное поприще вступает выдающийся абхазский писатель С. Чанба.

Д. Гулиа тогда был тем центром, вокруг которого объединялась вся культурная жизнь Абхазии.

После установления советской власти общественная и литературная деятельность Д. Гулиа вступила в полосу подлинного расцвета и подъема. Через два–три месяца после восстановления советской власти в Абхазии Д. Гулиа со своим обычным пылом и увлечением принялся за организацию абхазской передвижной театральной труппы. В составе ансамбля оказались и певцы, и танцоры, умевшие украсить спектакли народными песнями и плясками.

Д. Гулиа взялся за создание нового абхазского репертуара. Театр, по его замыслу, должен был быть народным, общедоступным зрелищем. Кроме показа спектаклей, вся труппа – актеры, ученики Д. Гулиа, усердно занималась собиранием и записыванием фольклора.

С 1924 по 1926 г. Д. Гулиа читал курс абхазского языка в Государственном университете Тифлиса. В те же годы он приступает к написанию своей книги «История Абхазии». В ее первом томе, который вышел в Тифлисе в 1925 г., охвачен период с древнейших времен до X века нашей эры. Но в своем труде «История Абхазии» Д. Гулиа главным образом останавливается на происхождении абхазов, высказывая эфиопско-египетскую гипотезу.

Своим первым большим прозаическим произведением Гулиа занялся в 1933 г. Роман «Камачич» он писал 7 лет. По сюжету роман «Камачич» – это история его героини, деревенской красавицы Камачич.

В 20-е годы Д. Гулиа, С. Чанба, Д. Алания создали редакционную комиссию по изданию абхазских учебников. Они подали заявление в Абхазский народный совет, в котором говорилось о необходимости «обеспечить абхазские народные школы учебниками на абхазском языке на 2–3 года».

12 июня 1920 г. на общем собрании абхазской интеллигенции был создан «Сухумский центральный комитет по делам абхазов-махаджиров» (Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, В. Т. Анчабадзе, Г. М. Зухбай и другие).

Имя Дмитрия Гулиа широко известно на постсоветском пространстве. Его произведения переведены на русский, грузинский и др. языки. Народный поэт Абхазии Дмитрий Иосифович Гулиа скончался 7 апреля 1960 г. в Агудзере, близ Сухума.

1.8. Андрей Максимович Чочуа. Одним из наиболее ярких представителей абхазских просветителей, выступивших в первом десятилетии XX столетия, был Андрей Максимович Чочуа, человек, который «вышел из самой гущи свободолюбивого абхазского народа, пронесшего через бури исторических испытаний свою самобытность и культуру». Родился А. М. Чочуа 14 августа 1879 г. в селе Адзюбжа Кодорского участка. С детства у него появилось страстное желание учиться. Но в то время в родном селе школы не было. В 13 лет А. М. Чочуа поступает в Сухумскую двухклассную горскую школу.

В то время эта школа считалась лучшей в Абхазии (открыта в 1863 г.). В 1898 г. Чочуа поступает в Тифлисскую школу садоводства «Кавказского Общества сельского хозяйства», которую окончил блестяще в 1901 г., со специальностью садовода-декоратора и виноградаря. В том же году он поступает в Тифлисский институт. Там же его и застала Первая русская революция, в которой он принимал активное участие.

В сентябре 1905 г. А. М. Чочуа начинает работать в Сухумском городском шестиклассном училище. А в 1907 г. он в составе делегации (А. И. Чукбар, Г. М. Зухбай и другие) от имени абхазского народа ездил в Тифлис для обращения с ходатайством к наместнику Кавказа И. И. Воронцову-Дашкову о снятии «виновности с абхазского населения».

А. Чочуа начал работу над составлением учебников. В 1909 г. вышли его абхазский букварь и пособие по родиноведению, которое С. Я. Чанба перевел на абхазский язык.

В 1913 г. А. М. Чочуа стал инспектором Сухумского городского училища, которое в 1914 г. было переименовано в высшее начальное училище. Андрей Максимович оставался его директором до установления советской власти в Абхазии в 1921 г. Чочуа много делал для оказания материальной помощи учащимся из нуждавшихся семейств. Известно, что Андрей Максимович помог,

например, Нестору Лакоба при поступлении в Тифлисскую духовную семинарию. По инициативе А. Чочуа и его коллег были построены школы в селах Лыхны, Атара и Отобая, а в Сухуме в 1913 г. открыта учительская семинария, о чем давно мечтала общественность Абхазии.

А. Чочуа не ограничивался чисто педагогической деятельностью. Он живо отзывался на все общественные события, стремился принять участие в каждом важном деле, направленном на благо народа. В эти мрачные годы А. Чочуа являлся председателем Абхазской переводческой комиссии и Абхазского культурно-просветительного общества, членом Редакционной комиссии по изданию абхазских учебников. Сразу же после установления в Абхазии советской власти Чочуа выдвигается на руководящую работу в органах просвещения республики. Наряду с активной деятельностью в области народного образования Чочуа большое внимание уделял вопросам развития национального искусства. Много труда вложил он в создание абхазского театра. При его содействии в 1929–1930 гг. В. Ковачели и К. Ф. Дзидзария создавались первые сборники абхазских народных песен, изданные в Москве.

А. Чочуа вместе с Д. И. Гулиа неустанно заботился об организации краеведческой и научной работы. Он по совместительству был первым руководителем одного из первых научных учреждений республики – Академии абхазского языка и литературы, организованной по инициативе академика Н. Я. Марра. Впоследствии, в 1930 г., на ее базе был создан нынешний Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. В 1931 г. его назначают директором первого высшего учебного заведения в Абхазии – Всесоюзного института субтропических культур.

С 1932 г. А. Чочуа работал директором высшего учебного заведения – Сухумского государственного педагогического института. Он вложил много труда и в организацию этого вуза. С 1938 г. А. М. Чочуа возглавлял Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, одновременно являясь директором Сухумского ботанического сада.

Многогранна была и общественная деятельность А. М. Чочуа. С 1921 по 1938 гг. он состоял членом ЦИК Абхазии, с 1927 по 1931 гг. – членом ЦИК СССР. В эти годы он неоднократно замещал председателя АБЦИКа. В 1938 г. избирался депутатом, а затем и Председателем Верховного Совета Абхазской АССР. С 1948 по 1958 гг. А. Чочуа являлся Председателем Верховного Совета Абхазской АССР. Был депутатом Верховного Совета ССР третьего и четвертого созывов, заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Грузинской ССР.

1.9. Симон Петрович Басария. Одновременно с А. М. Чочуа на поприще педагогической деятельности выступает Симон (Махаид) Петрович Басария. Родился он 8 декабря 1884 г. в семье крестьянина с. Кутол Кодорского участка. Симону было десять лет, когда его определили в Бедийскую церковноприход-

скую школу. Затем он учился в Сухумской горской школе, а после ее окончания в 1897 г. как лучший ученик был направлен в Закавказскую учительскую семинарию в Гори. В 1902 г. после блестящего окончания семинарии, С. П. Басария был направлен в Черкесское село Касиевское Кубанской области преподавателем русского языка и географии. В 1910 г. «Московским обществом распространения технических знаний» С. П. Басария был направлен за границу для изучения постановки начального образования. Побывал он в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии и Италии, также путешествовал по Северной Африке и Турции. Вернувшись на Северный Кавказ, С. Басария продолжал работать в разных школах, в том числе национальных – абазинских, черкесских и других. Когда в 1916 г. в с. Лыхны было открыто высшее начальное училище, инспектор народных училищ Абхазии Ф. Я. Аникин рекомендовал на должность его заведующего С. Басария. Однако попечителем Кавказского учебного округа было признано, что такое назначение «состояться не может». Рано началась и активная научно-публицистическая деятельность С. Басария. Он стал корреспондентом Петербургской Академии наук и ряда кавказских журналов и газет. Он рано начал писать, а вскоре печататься почти во всех кавказских газетах и журналах, выступая большей частью под псевдонимом «Симон Ацсуа», а также Махаид Ацсуа». До 1917 г. он написал около 50 статей и заметок на самые различные сюжеты. Они были полны беспокойства, прежде всего за судьбу многострадального родного народа. С. Басария волновала участь тех абхазов, которые волей судьбы в XIX столетии оказались на чужбине (махаджирство).

В своих работах С. Басария не обошел стороной и факт присоединения Абхазии к России. Видел он в этом как позитивные, так и негативные моменты. Он обращал внимание широкой общественности на бесцеремонное разграбление богатств Абхазии «толстосумами»-капиталистами со всех концов Российской империи. Его возмущало также пренебрежительное отношение начальников к абхазскому населению, «административное глумление», которое делало еще более несчастной Абхазию. С. Басария осуждал старую систему обучения, ратовал за новую школу. Симон Петрович ставил вопрос о преподавании родного языка, резко выступая против тех официальных лиц, которые препятствовали этому делу. Он обращал внимание на тяжелое положение сельских учителей. Также Басария выступал за благоустройство городов и населенных пунктов: «При виде Очамчири вами даже овладевает некоторая грусть... Еще издалека вам кажется, что местечко увязло не то в земле, не то в болоте».

С. Басария внес большой вклад в создание Абхазского Народного Совета (АНС). Он был образован 8 ноября 1917 г. Басария возглавил первый АНС. В тот же день, 8 ноября, были приняты «Декларация» и «Конституция абхазского Народного Совета», разработанные С. Басария, А. Шериповым, М. Ца-

гурия, М. Тарнава, Д. Алания, А. Шервашидзе, Т. Маршания. В них говорилось о самоопределении абхазского народа. В этот же период неоднократно поднимался вопрос о национальном самоопределении абхазов. Проводились сходы крестьян, на которых выступали видные деятели абхазской и северокавказской интеллигенции. Об одном из таких сходов писал очевидец: «Помню, приехали в Лыхны Шерипов и Басария для беседы с населением на эту тему. На созванном сходе крестьян-абхазцев... Шерипов был представлен как единокровный брат и представитель Горского Правительства...». Все эти сходы крестьянства привели к сплочению народа.

11–26 мая 1918 г. в Батуми прошла мирная конференция, в работе которой делегация АНС приняла активное участие.

1.10. Семен Михайлович Ашхацава. Большой вклад в развитие абхазской интеллигенции внес Семен Михайлович Ашхацава. Он родился в селе Лыхны Гудаутского участка в 1866 г. С малых лет столкнулся с большими жизненными трудностями. Рано лишившись отца, он провел детство в условиях крайней нужды. В 13 лет поступает в Новоафонскую церковно-приходскую школу. Первая волна революции захватила учащих семинарии. Семен был избран председателем ученического комитета. За что вместе с некоторыми другими учениками в 1905 г. его исключили из учебного заведения и арестовали. Увлеченный вопросами литературы и театрального искусства С. М. Ашхацава создает пьесы «Сафарбей» и «Омар-бей» по роману Д. Л. Мордовцева «Прометеево потомство». В 1911 г. появляется большой очерк С. М. Ашхацава «Схема абхазской истории», напечатанный на страницах «Сухумских вестей» 2 и 3 августа 1911 г.

Истории абхазской письменности С. М. Ашхацава посвятил статью под названием «Несколько слов об абхазской письменности», напечатанную в «Сухумском листе» 11 февраля 1912 г. В статье ставится вопрос о необходимости создания типографии.

Постановлением Правительства от 4 января 1913 г. было решено создать в селе Лыхны местную организацию под названием «Бзыбский комитет Общества распространения просвещения среди абхазцев». В состав комитета были избраны: С. М. Ашхацава (председатель), А. И. Чукбар, К. И. Барциц, Е. А. Лакербая, К. У. Григолия, Д. К. Солохин. 25 августа 1913 г. в Лыхны состоялось торжественное открытие Бзыбского комитета. Бзыбский комитет решил развернуть работу по записи абхазских текстов. С этой целью Ашхацава в 1906 г. будучи студентом Юрьевского университета, с помощью профессора Л. К. Мазинга составил алфавит из 77 знаков. В течение 1913–1916 гг. в Бзыбской Абхазии было собрано значительное количество фольклорного материала. Текстовые записи Бзыбского комитета имели важную научную ценность как один из первых документальных образцов точной фиксации живой абхазской диалектной речи. Большой интерес к этим материалам проявлял

академик Н. Я. Марр. Бзыбский комитет послал более 100 собранных сказок Н. Марру в Петроград.

В 1914 и 1915 гг. С. М. Ашхацава учится в Московском археологическом институте.

В 1918 г. группа революционно настроенной интеллигенции Гудауты (С. М. Ашхацава, А. И. Чукбар и др.) создают и начинают выпускать газету «Воля вольных», на страницах которой был опубликован абхазский алфавит С. М. Ашхацава 1906 г.

На заседании Народного Совета, которое происходило 9 октября 1918 г., был поставлен вопрос о виновниках и соучастниках разгрома Совета 15 августа. В своем заявлении депутаты Д. А. Алания, С. М. Ашхацава и др. потребовали «восстановить в правах насильственно распущенный Народный Совет, пользующийся полным доверием абхазского народа с его законным президиумом во главе». Вечером 9 октября депутаты баллотировали (не избрали) председателя АНС В. Шервашидзе. Здание было оцеплено грузинскими гвардейцами, а на следующий день второй АНС был разогнан военной силой. На другой день, 10 октября, состоялось постановление меньшевистского правительства о роспуске Абхазского Народного Совета и о назначении в третий раз новых выборов.

В тот же день утром были арестованы С. М. Ашхацава, а также И. Маргания, которых до вечера продержали в штабе полка, для того чтобы ночью отправить их в Тифлис на пароходе. Абхазия оказалась полностью оккупированной войсками Грузинской Республики.

После решения войти в Северокавказское объединение горцев по предложению С. П. Басария была послана делегация от Абхазии в Союз кавказских горцев для оформления своего членства в составе самого С. Басария, А. Шервашидзе, Т. Маршания, С. Ашхацава, В. Агрба. В результате в союзе Северокавказских горцев был поставлен полномочный министр Абхазии в лице С. Ашхацава.

В 1925 г. С. Ашхацава выпустил брошюру под названием «Пути развития абхазской истории».

В Абхазии по так называемым делам «О контрреволюционной диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой шпионской организации в Абхазии» и «Об антисоветской националистической организации в Абхазии» с июля 1937 г. по октябрь 1938 г., то есть за год и 4 месяца, было репрессировано 2186 человек (794 их них расстреляны). Семен Михайлович Ашхацава – государственный деятель, видный деятель культуры, писатель, историк, публицист, член АНС, начальник строительства Сухумской ГЭС, заместитель председателя Сухумского городского совета, научный сотрудник абхазского НИИ. Стал жертвой сталинского политического террора в 1937 г.

2. Общественные организации в Абхазии в конце XIX – начале XX в.

Одним из самых ярких и благородных общественных явлений в истории человеческой культуры является просветительское движение. В каждой стране просветительское движение – его характер, цели, организационные формы – имели свои особенности. Эти особенности не были случайны. Они отражали реальную социально-экономическую и политическую ситуацию своего времени и воплощали специфические общенациональные культурные задачи, стоявшие в тот период перед данным обществом и народом.

В 1810 г. произошло присоединение Абхазского княжества к Российской империи. После бесконечных разорительных войн установилась относительная политическая стабильность, происходят перемены во всех областях жизни. Абхазия приобщается к новым формам экономики, социального быта, культуры. Под влиянием передовой русской интеллигенции пробуждаются местные общественные и политические силы, появляется национальная интеллигенция, получившая образование в российских учебных заведениях и хорошо понимавшая необходимость просветительского движения среди родного народа.

В конце XIX – начале XX в. в Сухуме, административном и культурном центре Абхазии возникает ряд общественных организаций культурно-просветительского, научного и благотворительного характера. К этому времени в крае сложились объективные условия и потребности для создания общественных научных и просветительских учреждений, объединяющих людей на почве профессиональных интересов или во имя общей идеи.

Инициаторами создания этих обществ в Абхазии были в основном представители местной русской интеллигенции, заинтересованные в культурном, научном и экономическом развитии края, в изучении его прошлого и настоящего, в духовном раскрепощении народа. Эти начинания находили живой отклик и поддержку также и со стороны представителей национальной интеллигенции, многие из которых были активными инициаторами и членами создаваемых обществ.

В 1898 г. было учреждено Сухумское общество сельского хозяйства. В последующем научно-просветительская и благотворительная деятельность заметно расширилась, и за два предреволюционных десятилетия в крае появилось немало обществ и организаций, отражавших научные и гуманитарные устремления передовых общественных сил Абхазии. Так, в 1906 г. было учреждено Общество вспомоществования нуждающимся во всех учебных заведениях г. Сухума, в 1908 г. – Сухумское общество народных университетов и Сухумское общество борьбы с туберкулезом, в 1909 г. – Общество распространения просвещения среди абхазцев и Сухумское отделение общества по распространению грамотности среди грузин, в 1913 г. – Сухумское медицинское общество, в 1915 г. – Сухумское общество любителей

и исследователей природы и населения Сухумского округа и в 1916 г. – Общество содействия молодым абхазцам, обучавшимся в высших учебных заведениях.

Сухумское общество сельского хозяйства. Сухумское общество сельского хозяйства было самым многочисленным и деятельным, оно решало экономическую проблему, одну из сложнейших в крае. Общество выполняло функции руководящего органа сельскохозяйственной жизни Сухумского округа. Оно проводило многогранную работу, вникая во все стороны жизни округа и его населения. Первоначальной программой общества предусматривалось удовлетворение нужд своих членов, но вскоре оно расширило эти рамки, распространив деятельность на все сельское население Абхазии.

Общество действовало по четырем основным направлениям: агрономическому, издательскому, организационному, просветительскому.

Благодаря научным опытным и практическим работам Общества в округе получили большее развитие виноградарство и виноделие, хлопководство, выращивались неизвестные ранее субтропические и южные культуры (фейхоа, хурма, мушмула, чай, цитрусы и др.). Впервые в Абхазии были введены в производство результаты исследований на опытной станции по консервированию плодов и овощей, открылась консервная фабрика.

По инициативе министра земледелия А. С. Ермолова и гофмейстера Е. С. Абазы были приняты меры для привлечения на Кавказ интеллигентных и состоятельных людей из России, которым выделялись «культурные и дачные участки» на казенных землях, поблизости от моря. Другие участки земли, хотя и расположенные в отдельных от побережья местах, но также подходящие для выращивания различных культур, были отданы крестьянам-переселенцам из внутренних губерний России.

В 1894 г. на базе ботанического сада была открыта Сухумская садовая и сельскохозяйственная опытная станция. Она и заложила начало опытным посадкам различных культур.

Основной задачей Общества, согласно уставу, являлось содействие развитию и усовершенствованию сельского хозяйства в Сухумском округе путем выяснения нужд у сельских хозяев.

Для распространения сельскохозяйственных знаний Общество было вправе учреждать специальные учебные заведения, издавать сельскохозяйственную литературу, проводить публичные беседы и лекции, открыть при Обществе специальную библиотеку и музей.

Не приняв совет более опытного Кавказского общества сельского хозяйства, учредители совершили большую ошибку, создав по существу замкнутое в себе Общество, в состав которого не могли войти даже специалисты по сельскому хозяйству, если они сами не занимались им или не владели земельной собственностью. Они лишили земледельцев возможности заимствования

агрономических знаний. Все это явилось причиной застоя, и через полтора года Общество фактически прекратило свою деятельность.

В марте 1903 г. Сухумскую опытную станцию возглавил известный ученый В. В. Маркович. Под его руководством возобновило свою деятельность и Сухумское общество сельского хозяйства.

Для популяризации своей деятельности Общество решило организовать издание своего печатного органа под названием «Вестник Сухумского общества сельского хозяйства» («Вестник СОСХ»). Первый номер журнала вышел в январе 1904 г. В. В. Маркович придавал большое значение работе опытной станции. Выяснилось, что в Сухумском округе не только крестьянское, но и помещичье огородное хозяйство находится в крайне запущенном состоянии и ведется примитивными способами.

Одной из главных забот Общества была организация показательного дела. В селах Илори и Лыхны были созданы показательные участки, чтобы население могло наглядно ознакомиться с наилучшими приемами полевых и садовых работ. В этих же селах действовали прокатные пункты, где по низким ценам можно было получить плуги, молотки, сеялки и другие орудия труда.

На базе Сухумского общества сельского хозяйства было создано Абхазское научное общество (АБНО), объединившее большую часть интеллигенции Абхазии. В 1931 г. на базе АБНО и Академии абхазского языка был организован научный центр абхазоведения – Институт языка, литературы и истории (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований).

Общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа. Определяющим фактором создания Общества явилось пробуждение творческой активности у местной интеллигенции, а также интереса к изучению национальных, духовных и культурных ценностей. При отсутствии в Абхазии учреждений подобного профиля Сухумское общество любителей природы явилось первопроходцем в зарождении и развитии новых для края научных направлений по исследованию природы и населения, археологии, этнографии, истории и др.

Целью созданного общества было изучение в пределах Сухумского округа и соседних губерний строения и состава почвы, недр, растительного и животного мира, истории, быта и хозяйства населяющих его народов.

Устав предполагал проведение научных исследований, экспедиций, научных бесед, издание трудов, открытие библиотеки и музея.

Используя знание и опыт местных научных сил и краеведов, ранее разобщенных, не связанных общей идеей и целью, можно было добиться ценных результатов. Исследования каждого отдельного специалиста могли также рассчитывать на поддержку Общества.

В своей деятельности Общество практиковало чтение научных докладов, проведение экскурсий и экспедиций. В нем работало несколько научных сек-

ций, была открыта библиотека. Важным событием для края было открытие в 1917 г. музея с различными экспонатами по истории, археологии, этнографии, зоологии, ботанике, геологии и др.

Для основания естественно-исторического и этнографического музея Обществу считало необходимым коллекционировать различные материалы и предметы, имеющие историческое или этнографическое значение. Для пополнения коллекции музея Обществу пришлось вновь обратиться к другим учреждениям, частным лицам и общественным организациям с призывом пожертвовать старинные монеты, оружие, утварь, предметы кустарного промысла, вышивки, деревянные изделия, модели построек, орудия сельского труда, народные музыкальные инструменты, породы деревьев, образцы минералов, руд, горных пород и др. Все эти экспонаты должны были иметь подробные сопроводительные сведения, в том числе, откуда, когда и кем доставлены. Коллекционировались также фотоснимки, рисунки, карты, пересказы народных сказок, легенд, пословиц, поговорок, поверий, списки народных названий растений, камней, птиц, рыб, животных.

Общество занималось просвещением школьников, организуя для них лекции, привлекая их к сбору коллекции, устраивая для них интересные целевые экскурсии.

Наиболее активными членами Общества любителей природы были А. В. Сеницын (председатель), Я. Я. Мушинский (председатель с 1916 г.), В. В. Маркович, А. С. Меерович, Ю. Н. Воронов и другие. Почетным членом его был академик Н. Я. Марр.

Общество уделяло внимание проведению научных бесед, которые были основной формой общения и обмена информацией.

Тематика докладов свидетельствовала о разнообразии интересов членов Обществ.

Деятельность Общества способствовала пробуждению национального самосознания, воспитывала потребность в изучении и сохранении древних памятников и народных традиций. Занимаясь исследованием своего края, оно пыталось заложить основы для изучения истории народа, для подготовки национальных научных кадров. Общество ставило целью привлечь к своей работе все краеведческие силы округа, однако сложности военного времени же позволили ему полностью осуществить задуманное.

На базе историко-археологического музея (учрежден в 1900 г.) Обществом любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа 17 мая 1917 г. был открыт музей, ныне Абхазский государственный краеведческий музей.

Сухумские медицинские общества. В конце XIX в. Черноморское побережье Кавказа стало привлекать внимание русских и иностранных врачей-курортологов. Благодаря их трудам и отзывам XII Международный съезд врачей в 1898 г. признал Сухум лучшим зимним курортом для слабогрудых.

Однако, высоко оценивая его климатические и природные особенности, врачи указывали на неудовлетворительное санитарное состояние города. В городе свирепствовали малярия, оспа, туберкулез, тиф и даже холера. Медицинская помощь практически отсутствовала.

Первый окружной врач появился в Абхазии в 1845 г., а с 1868 г. до начала XX века их стало двое.

В начале XX в. положение немного улучшилось. Увеличилось число врачей, появились некоторые лечебные учреждения. В 1913 г. в Сухуме было 28 практикующих врачей.

В 1903 г. была открыта 1-я Сухумская больница на 35 коек, построенная на пожертвования профессора А. А. Остроумова.

С 1913 г. в Сухуме работали 4 аптеки, 3 аптечных магазина и 1 военный лазарет. В это время введена должность санитарного врача, на которую был назначен Александр Лукич Григолия.

Началось строительство гостиниц, санаториев. Н. Н. Смецкой построил в Гульрипше (1902–1905 гг.) и Агудзерах (1906 г.) санаторные здания для туберкулезных больниц.

Черноморское побережье Кавказа действительно представляло собой интересный, почти не исследованный объект для медицинского наблюдения. Свойственные ему специфические болезни, носящие характер эпидемии, требовали глубокого изучения. Но взяться за решение этой проблемы мог только объединенный коллектив, владеющий не только профессиональными знаниями, но и материальными средствами.

Идея о создании Сухумского медицинского общества возникла в среде местных врачей. В 1910 г. был составлен проект его Устава, утвержденный Кутаисским губернатором в октябре 1913 г. И с этого времени началась деятельность Сухумского медицинского общества. Первым его председателем был избран А. Т. Менчинский, секретарем – А. Л. Григолия. С 1915 г. Общество возглавлял А. С. Меерович.

Члены Общества обменивались опытом в методах лечения, диагностике, организовывали выступления с научными докладами, популярными лекциями.

По инициативе Общества в 1916 г. были открыты курсы подготовки сестер и братьев милосердия.

В дореволюционные годы самой распространенной болезнью в городе была малярия, которая ежегодно уносила тысячи жизней. Поэтому одной из основных задач, стоящих перед Обществом, было изучение источников заболевания и борьба с ним. Комиссия также обеспечивала население основным лекарственным средством для лечения малярии – хинином.

Заболевание туберкулезом в дореволюционные годы было настоящим народным бедствием. Нищета, несоблюдение элементарных гигиенических тре-

бований, отсутствие медицинской помощи и эффективных методов лечения – способствовали широкому распространению этой болезни, особенно среди неимущих слоев населения.

Местная газета «Сухумский вестник» была постоянным источником информации о деятельности Общества.

По инициативе врачей Е. В. Захаровой, Э. М. Махвиладзе, Н. Е. Эджибая и Е. Ф. Симоновой в декабре 1911 г. был открыт общедоступный пансион на 10 пациентов. Пребывание в пансионе стоило 40 рублей. Некоторые больные оплачивали его полностью, другие – в половинном размере, а неимущие содержались бесплатно за счет пожертвований.

Общество не ограничивало прием в свой состав ни профессией, ни словом, ни национальностью. По роду своей деятельности это было благотворительное Общество, направленное на борьбу с тяжелым заболеванием, усугубленным нуждой и другими лишениями, обостренными социальными противоречиями. В составе Общества были врачи, фельдшеры, фармацевты, инженеры, учителя, юристы и другие представители интеллигенции и местной знати.

Общество по распространению просвещения среди абхазцев. Стремление всех слоев общества к повышению своего культурного уровня, к получению образования не обошло и национальные окраины России. Этому во многом способствовала деятельность различных культурно-просветительных, научных и благотворительных Обществ, сформировавшихся в конце XIX – начале XX вв.

В это же время происходило формирование национальной интеллигенции, которая, получив образование в центральных городах России, возвращалась служить своей Родине. Это были не только выходцы из аристократической или буржуазной среды, но и из среды трудового народа.

Важную роль просветителя абхазского народа сыграла абхазская национальная интеллигенция, формирование которой происходило под благотворным влиянием демократически настроенной местной русской интеллигенции.

В начале XIX в. горские народы Кавказа еще не имели своей письменности, только в середине столетия с целью ее создания началось изучение абхазского языка. Основоположником научной разработки этой сложной проблемы был известный русский лингвист-кавказовед П. К. Услар, который с 1860 г. стал изучать кавказские языки. В результате он составил абхазский алфавит на основе русской графики. В 1887 г. в Тифлисе была издана его монография «Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык».

В эти же годы решением аналогичной проблемы занималось «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Оно было создано в 60-е годы и работало над переводами преимущественно церковной литературы на горские языки, над составлением букварей и словарей, а также спо-

собствовало открытию национальных школ. Для становления букваря и книг для школ Обществом была создана комиссия, председателем которой был И. А. Бартоломей, членами – Д. П. Пурцеладзе, В. Г. Трирогов, из абхазов – И. Гегия, С. Эшба, К. и Г. Шервашидзе. Абхазский букварь был составлен комиссией и издан в Тифлисе в 1865 г. Имея в своем распоряжении алфавит и учебники для начального образования, можно было создавать национальные школы и обучать абхазских детей на их родном языке. Эту роль на себя взяли передовые представители местной национальной интеллигенции. В 1909 г. в Сухуме было создано «Общество по распространению просвещения среди абхазцев». Инициатором его создания был инженер путей сообщения Р. И. Какуба. Устав общества был утвержден 23 ноября 1909 г. и был издан в Сухуме отдельной брошюрой.

Согласно первому пункту Устава Общество имеет целью содействие просвещению абхазского народа. Обязанностью Общества считается содействие воспитанию и образованию абхазцев и распространение полезных знаний среди них. Средствами к достижению названной цели признается материальная и нравственная помощь абхазцам, ищущим просвещение, устройство для них в Сухуме и при учебных заведениях округа пансион и общих квартир, открытие школ разных типов и специальностей, устройство библиотеки, выставок и музеев, организация медицинской и юридической помощи и т.д.

Возложив на себя столь широкие и разнообразные обязанности, Общество в первую очередь старалось решить наиболее неотложные из них. Одной из таких задач, лежащих в основе просветительства, было изучение абхазского языка и издание абхазской литературы. Были изданы обществом первые поэтические произведения Д. И. Гулия («Стихотворения и частушки», «Письмо юноши и девушки»), а также «Краткий очерк истории абхазской церкви» М. И. Гарнава (Сухум, 1917).

По примеру Сухумского общества стали создаваться его отделения в районах Абхазии. Первое заявление поступило от жителей села Лыхны, которые изъявили желание создать у себя подобное Общество. 4 января 1913 г. Правление рассмотрело эту просьбу, и в соответствии с § 36 Устава был сформирован местный комитет, названный «Бызбским Комитетом по распространению просвещения среди абхазцев».

Председателем был избран С. М. Ашхацава, членами – А. И. Чукбар, К. И. Барцыц, Е. А. Лакербая, К. У. Григолия, Д. К. Солохин. 25 августа 1913 г. состоялось торжественное открытие Комитета. Основным направлением его деятельности был сбор фольклорного материала, в котором активно участвовали народные абхазские учителя Д. И. Алания, К. Н. Барганджия, К. И. Барцыц, К. Ф. Дзидзария, Д. С. Дзкуя, Д. Кобахия, М. Ф. Кварчелия, Н. С. Патеипа, Д. И. Лакоба и другие.

Председатель Бзыбского Комитета С. М. Ашхацава в 1906 г., будучи студентом Юрьевского университета, совместно с профессором Л. К. Мазингом составил абхазский алфавит из 77 знаков.

Большой интерес к деятельности Комитета проявил академик Н. Я. Марр. Изучая абхазские диалекты, он широко использовал образцы народного творчества, собранные Комитетом.

Руководствуясь советами Н. Я. Марра, С. М. Ашхацава пересмотрел и усовершенствовал ранее составленный им алфавит, изложив его в более последовательной системе. Одна касса этого алфавита была отлита в Российской Академии наук в 1917 г. Впервые алфавит был опубликован в газете «Воля вольных» в 1918 г.

Литература

1. Ачугба Т. А. Этническая «революция» в Абхазии. Сухум, 1995.
2. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 2017.
3. Бжания Ц. И. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973.
4. Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967.
5. Дамения И. Х. Россия. Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX – нач. XX вв. СПб., 1994.
6. Дбар Д. Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви.
7. Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979.
8. Дзидзария Г. А. Тарнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976.
9. Дудко А. П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851–1917). Сухум, 1956.
10. Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982.
11. Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум, 2008.
12. Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. М., 1938.
13. Пачулия В. П. Русские писатели в Абхазии. Сухуми, 1960.
14. Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1982.
15. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
16. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.
17. Смыр Л. Г. Научно-просветительские общества в Абхазии в конце XIX и XX вв. Автореферат. М., 1996.

АБХАЗИЯ В 1917–1921 гг.

План

1. События 1917 – начала 1918 г. Создание Абхазского Народного Совета.
2. Советская власть в Абхазии в 1918 г.
3. Батумская мирная конференция и восстановление государственности Абхазии.
4. Июньские соглашения с Грузией и оккупация Абхазии.
5. «Махаджирский» десант и разгон второго АНС.
6. Выборы в третий АНС и «Акт об автономии Абхазии».

1. События 1917 – начала 1918 г. Создание Абхазского Народного Совета После Февральской революции 9 марта 1917 г. вместо Кавказского наместничества был образован Особый Закавказский комитет, а 10 марта был сформирован местный орган Временного правительства в Абхазии – Комитет общественной безопасности Сухумского округа во главе с абхазским князем А. Г. Шервашидзе-Чачба.

Воспользовавшись планами Временного правительства на федерализацию Российского государства, абхазские общественные деятели начали работу по восстановлению абхазской государственности. Первым пробным шагом к этому стал церковный вопрос.

24–27 мая 1917 г. в Сухуме состоялся съезд духовенства и выборных мирян абхазского православного населения, который единодушно принял решение об автокефалии (самостоятельности) абхазской церкви. На съезде была принята «Резолюция Совета по вопросу об абхазской церкви», которая констатировала это. Съезд обратился к Синоду и Временному правительству, а также Временному Грузинскому Католикосату с тем, чтобы это решение было утверждено. Однако автокефалия Абхазской церкви не получила дальнейшего оформления.

Летом – осенью 1917 г. весьма актуальным и бурно обсуждаемым стал вопрос о том, с каким политическим образованием Абхазия связывает свою дальнейшую судьбу – закавказским или северокавказским. Наиболее влиятельная часть в руководстве Абхазии высказалась за союз с Северным Кавказом.

20 октября во Владикавказе был подписан договор о создании Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. В числе подписантов была и абхазская делегация во главе с князем А. Г. Шервашидзе-Чачба. Участвовали представители Абхазии и в деятельности правительства ЮВС, начавшего работать в ноябре 1917 г. в Екатеринодаре.

Юго-Восточный Союз заявил о своей поддержке Демократической Федеративной Республики как наилучшей формы государственного устройства России: «Гарантируя своим членам полную независимость их внутренней жизни, Союз обязуется содействовать им всеми союзными средствами в подготовке их внутреннего устройства как самостоятельных штатов будущей Российской Демократической Федеративной Республики. Вместе с тем Юго-Восточный Союз имеет в виду оказание всемерной поддержки всем остальным народам и областям, стремящимся к устройству Российской Республики на федеративных началах».

Представители Абхазии активно участвовали и в «Союзе объединённых горцев Кавказа», продвигавшем идею создания Горской республики.

Победа социалистической революции в Петрограде была весьма настороженно встречена в Абхазии.

8 ноября 1917 г. в Сухуме состоялся съезд абхазского народа, на котором решался вопрос о политическом будущем Абхазии. Абхазские большевики (Ефрем Эшба, Нестор Лакоба и др.) требовали передачи всей власти Совету рабочих и крестьянских депутатов и провозглашения Абхазии Сухумским округом РСФСР. Однако большинство съезда категорически отвергло резолюцию большевиков. Представители грузинских меньшевиков настаивали на союзе с Грузией, угрожая в противном случае мятежом грузинского населения. Особую активность проявлял известный грузинский меньшевик А. И. Чхенкели, бывший депутат IV Государственной думы от Сухумского округа, член Озакома и ВЦИК. Однако большинство участников съезда высказались за более тесное сотрудничество с горскими народами Северного Кавказа и вхождение Абхазии в ЮВС и СОГК, хотя и здесь, как и при церковном вопросе, гальцы тянули в сторону Грузии и угрожали выходом из Абхазии в случае «неприсоединения к Грузии», свидетельствует очевидец этих событий Михаил Тарнава.

Следует отметить, что в Самурзакани в тот период проживало, по большей части, смешанное абхазо-мегрельское население, среди которого происходил процесс ассимиляции абхазов. Данная область находилась под политическим влиянием А. Чхенкели, а также таких грузинских меньшевистских деятелей, как князя Арзакан (Дмитрий) Эмухвари, Ладос (Владимир) Эмухвари и юрист Григорий Зухбая, являвшихся абхазами лишь по своему происхождению. Однако самым сильным оказалось здесь влияние большевиков...

На съезде был организован Абхазский Народный Совет (АНС), высший представительный орган, фактически Парламент Абхазии, который возглавил председатель съезда, известный абхазский просветитель, общественный деятель С. П. Басария. В тот же день были приняты «Декларация» и «Конституция Абхазского Народного Совета», разработанные С. Басария, А. Шериповым, М. Цагурия, М. Тарнава, Д. Алания, А. Шервашидзе, Т. Маршания. В

них говорилось, что одной из важнейших задач АНС является работа по самоопределению абхазского народа. Абхазский Народный Совет превратился в реальный орган власти на всей территории Абхазии. Об этом свидетельствует и соглашение между АНС и Национальным Советом Грузии от 9 февраля 1918 г., по которому Абхазия была признана неделимой в границах от реки Ингур до реки Мзымта.

Было принято решение о формировании Абхазского конного полка четырехсотенного состава, ядро которого должны были составить всадники «абхазской сотни» Черкесского полка Дикой дивизии. В декабре 1917 г. была организована военизированная крестьянская дружина «Киараз», которая должна была стать одной из опор АНС, однако среди киаразовцев было сильное влияние большевиков, и они стали активными борцами за советскую власть в Абхазии.

Начавшаяся Гражданская война фактически сорвала курс, взятый Абхазией на объединение с Северным Кавказом, и затруднила процесс восстановления абхазской государственности.

В этих условиях произошли первые контакты АНС с НСГ. На совещании в Тифлисе 9 февраля 1918 г. абхазская делегация во главе с князем А. Г. Шервашидзе продемонстрировала стремление иметь «с Грузией лишь добрососедские отношения как с равным соседом». Председатель Национального Совета Грузии А. Чхенкели в беседе с Александром Шервашидзе пытался поставить вопрос о выходе Абхазии из состава Союза горцев Кавказа. В тот же день между АНС и НСГ было заключено соглашение «по вопросу об установлении взаимоотношений между Грузией и Абхазией». Соглашение включало в себя три пункта:

«1. Воссоздать единую нераздельную Абхазию в пределах от р. Ингур до р. Мзымта, в состав которой войдут собственно Абхазия и Самурзакань или, что то же, нынешний Сухумский округ.

2. Форма будущего политического устройства единой Абхазии должна быть выработана (в соответствии) с принципом национального самоопределения на Учредительном собрании Абхазии, созванном на демократических началах.

3. В случае, если Абхазия и Грузия пожелают вступить с другими национальными государствами в политические договорные отношения, то взаимно обязываются иметь предварительные между собой по этому поводу переговоры».

Таким образом, в этом документе лишь ставился вопрос о заключении равноправных взаимоотношений между Абхазией и Грузией.

На основании соглашения от 9 февраля 1918 г. некоторые грузинские историки утверждают, будто с этого времени «Абхазии предоставлялась широкая автономия в составе Грузии». Но в самом документе ни слова не сказа-

но об автономии. Да и Грузия 9 февраля 1918 г. ещё не была провозглашена «независимой республикой» и входила вместе с Арменией и Азербайджаном в состав Закавказской демократической федеративной республики (ЗДФР). Поэтому она не могла предоставить автономии Абхазии, ибо в то время её самой как государства не существовало, а Абхазия, между тем, продолжала оставаться в составе Союза горцев Кавказа. Вместе с тем, во втором пункте соглашения прямо говорится, что «форма будущего политического устройства единой Абхазии» должна быть определена на Учредительном собрании Абхазии.

2. Советская власть в Абхазии в 1918 г. Под руководством большевиков в Абхазии началось крестьянское движение. Крестьянская дружина «Киараз» признала своим руководителем Н. Лакоба. Повстанческие отряды создавались на всех участках: в Самурзаканском (под руководством П. Дзигуа, Я. Хабурзания и др.), в Кодорском (С. Капба, Е. Кобахия и др.), в Гумистинском (С. Кухалейшвили, Т. Мясоедов и др.) и в Гагрском (Я. Антонов, Ч. Ашхаруа). По всей Абхазии шла подготовка к вооружённому восстанию.

Через неделю после 9 февраля большевики совершили неудачную попытку установить советскую власть. С 16 по 21 февраля 1918 г. Сухум находился в руках большевистского Военно-революционного комитета (ВРК) под председательством Е. Эшба. АНС в ультимативной форме потребовал 17 февраля немедленно ликвидировать ВРК... Через несколько дней новая власть пала...

После этого в конце февраля 1918 г. в Батуме состоялось совещание с участием М. Орахелашвили, Е. Эшба, Н. Лакоба, Г. Атарбекова и других, на котором был выработан план вооружённого восстания в Абхазии. В Гагре были созданы Совет рабочих и крестьянских депутатов во главе с большевиком Д. Смирновым и повстанческий отряд под командованием Я. Антонова. В Гудауте под руководством Н. Лакоба, М. Гобечия действовал «Киараз», в Сухумском уезде – Военно-революционный комитет во главе с Г. Атарбековым, в Самурзакани – с П. Дзигуа.

В результате совместного вооружённого выступления Гагрского, Гудаутского и Гумистинского (Сухумского) повстанческих отрядов 8 апреля 1918 г. Сухум был освобождён от меньшевиков, и здесь победила советская власть. 11 апреля она была установлена в Самурзакани. Кроме Кодорского участка, большевикам повсеместно удалось установить на время новый порядок.

Центральным органом управления Сухумского округа становится Военно-революционный комитет Абхазии (ВРК) во главе с Е. Эшба. Его заместителями были Н. Лакоба, Е. Атарбеков.

ВРК Абхазии предпринял ряд мер по укреплению советской власти. Начала выходить первая большевистская газета «Сухумская правда» – орган ВРК Абхазии. Создана была и рабоче-крестьянская Красная гвардия.

ВРК осуществлял охрану революционного порядка в крае, принял ряд постановлений о печати, о национализации банков, об обеспечении населения продовольствием, о создании финансовой комиссии по обложению торговцев и домовладельцев налогом, о помощи табачным плантаторам и др.

ВРК Абхазии установил связь лично с В. И. Лениным и его соратниками.

Вместе с тем советская власть здесь оказалась в тяжёлом положении. Со стороны закавказского правительства и меньшевистской Грузии началось наступление воинских частей под командованием В. Джугели. Завязалось кровопролитное сражение на р. Кодор. Силы были неравные, поэтому участь большевиков была предreshена. Да и Советская Россия в силу политических обстоятельств (договор с Германией в Бресте и др.) не имела возможности оказать вооруженную помощь Абхазии. 17 мая Сухум был взят. Повстанческие отряды вынуждены были с боями оставить Новый Афон, Гудауту. Штаб большевиков временно переместился в Гагру, откуда была сделана новая попытка взять власть в свои руки. Даже прибыла боевая группа поддержки из Армавира и Сочи в составе 200 человек во главе с В. Агрба и Г. Сабуа, однако контрнаступление большевиков было сломлено. Советская власть просуществовала в Сухуме более 40 дней (с 8 апреля по 17 мая 1918 г.). Самурзаканцы продолжали борьбу до осени 1918 г.

Следует отметить, что в деятельности большевиков Абхазии были ошибки и упущения. ВРК Абхазии не принял решительных мер по привлечению кодорских крестьян на сторону революции. Не была налажена должная связь и с самурзаканцами. Впоследствии это отмечал Н. Лакоба.

Абхазские большевики допустили ещё одну политическую ошибку. Взяв всю полноту власти в свои руки, ВРК не счёл нужным провозгласить Абхазию Советской Социалистической Республикой, объявив ее Сухумским округом РСФСР, что вызвало сильное недовольство среди населения.

После подавления большевистского выступления в Сухуме в мае 1918 г. грузинские меньшевики решили возродить Абхазский Народный Совет в новом составе и под грузинским, а не горским влиянием, чтобы окончательно привести Абхазию к слиянию с Грузией.

В то же время прежний, горской ориентации АНС вновь возобновил свою деятельность. Таким образом, второй АНС состоял из старых (С. Басария, А. Шервашидзе и др.) и новых членов, и руководящее ядро в нём составили грузинские меньшевики, возглавляемые их лидером Варламом Шервашидзе. Единодушия в работе данного Совета не было, как не было и единого направления.

3. Батумская мирная конференция и восстановление государственности Абхазии. Наиболее отчетливо все противоречия проявились во время Батумской международной мирной конференции (11–26 мая 1918 г.), в работе которой делегация АНС приняла активное участие. Конференция проходила под председательством министра юстиции Оттоманской империи Ха-

лылбея и при участии Германии, Закавказской Демократической Федеративной республики (Грузия, Армения, Азербайджан) и Союза горцев Кавказа. Из протокола первого заседания Батумской конференции от 11 мая 1918 г. известно, что на нем обсуждался вопрос Северо-Кавказской (Горской) республики. В тот же день было объявлено о независимости республики и её отделении от Советской России. В состав союзной «Горской республики» вошли: Дагестан, Чечено-Ингушетия, Осетия, Карачаево-Балкария, Кабарда, Абхазия и Адыгея. «Горскую республику» тут же признала Турция. Новое государство охватывало территорию от Каспийского до Чёрного морей. Тем самым 11 мая 1918 г. была восстановлена Абхазская государственность (утрачена в июне 1864 г.).

Представители первого АНС, выбранные на съезде абхазского народа 8 ноября 1917 г. (А. Шервашидзе, Т. Маршания, С. Басария), обратились в мае 1918 г. к турецкому правительству и заявили на Батумской конференции, что «Абхазия не желает входить в группу закавказских народов, а относит себя к Северо-Кавказскому объединению».

Узнав об этом намерении, грузинские меньшевики провели 20 мая 1918 г. первое заседание второго АНС, в котором преобладали их соратники по партии. На заседании спешно была сформирована делегация (В. Шервашидзе, Г. Зухбая, С. Басария, А. Чочуа, К. Киут, М. Багапш, Х. Авидзба и др.), направленная в Батум с мандатом: «Абхазия причисляет себя к группе закавказских народов». Делегация отправилась в путь через Потю, где остановилась передохнуть в гостинице «Колхида». Но в вестибюле их ожидал вождь грузинских меньшевиков Ной Жордания. Сначала он вежливо отговаривал делегацию АНС от поездки на мирную конференцию, а затем пригрозил силой вернуть её в Абхазию. По дороге из Потю в Батум делегацию неоднократно задерживали, создавая всякого рода препятствия. В Батуме, в гостинице «Европа», их посетили абхазы-махаджеры, офицеры турецкой армии Джамалбек Маршания (Амаршан), Мехтатбей Маршания (Маан), Сулейман Бганба и Хасан Бутба, которые заявили, что Халылбей готов принять абхазскую делегацию. Председатель первого АНС С. Басария, а также М. Багапш, К. Киут, Х. Авидзба, Х. Гицба поддержали А. Шервашидзе, Т. Маршания и группу влиятельных турецких абхазов и подтвердили, что «они являются сторонниками союза с Северо-Кавказскими горами».

Миссия Варлама Шервашидзе на Батумской мирной конференции провалилась. Таким образом, большинство делегации высказалось против ориентации на Тифлис.

Однако Батумская мирная конференция закончилась безрезультатно. Как известно, Закавказская Демократическая Федеративная республика (Грузия, Армения, Азербайджан), образованная 9 апреля 1918 г., отказалась признать условия заключённого в марте 1918 г. Брест-Литовского договора, по которому к Турции отходили Ардаганская, Карсская и Батумская области.

ЗДФР вынуждена была пойти на переговоры в Батуме (11–26 мая 1918 г.), где Турция продиктовала свои жесткие требования. Чуть позже подключившаяся Германия поддержала Турцию в требовании немедленной ликвидации Закавказской федерации, иначе Турция грозилась оккупировать всё Закавказье. На состоявшемся в Тифлисе 24 мая 1918 г. экстренном совещании Исполкома Национального Совета Грузии выступил его председатель Ной Жордания, который сообщил о безнадежном положении закавказской делегации на Батумской конференции, в связи с чем объявление независимости Грузии стало необходимостью, являясь единственно правильным способом спасти её от захвата Турцией при помощи немцев.

26 мая 1918 г. турецкая делегация предъявила ультиматум о немедленной ликвидации ЗДФР (исламский Азербайджан ориентировался на Турцию, а христианские Армения и Грузия – на Германию). В тот же день федерация рухнула. Так, 26 мая 1918 г. образовалась Грузинская Демократическая Республика, 27 мая – Азербайджанская, а 28-го – Армянская.

Итак, восстановление в Закавказье национальных государств произошло по диктату Турции при участии Германии, и решающую роль в этом вопросе сыграл внешнеполитический фактор. Вместе с тем парадоксально то, что грузинские социал-демократы, правые марксисты во главе с Н. Жордания (они были сторонниками автономии Грузии в составе новой демократической России), в течение двух десятилетий выступавшие против восстановления грузинской государственности, оказались во главе «независимой» Грузии в качестве правящей партии.

Предварительные наброски о будущем Кавказа и грузинского государства в секретном письме в Тифлис составил 28 мая 1918 г. немецкий генерал фон Лоссов. Он обязывался приложить все усилия к тому, чтобы «Германия оказала Грузии помощь в деле обеспечения её границ». Но даже фон Лоссов, союзник грузинского правительства и в то же время сторонник Кавказской конфедерации, временно и с оговоркой, чтобы исключить вмешательство своей союзницы Турции, предлагал включить в пределы Грузии (т. е. в зону влияния Германии) Сухумский округ – Абхазию. При этом он допускал, что в случае образования Конфедерации кавказских народов Абхазия должна иметь право вхождения в эту Конфедерацию «в качестве особого государства-кантона».

4 июня 1918 г. Турция подписала с новоиспечённой Грузинской республикой договор о «мире и дружбе», по которому к Турции отходили Батум и Батумская область, а также Ахалкалакский и часть Ахалцихского уездов.

4. Июньские соглашения с Грузией и оккупация Абхазии. Второй АНС раздирали серьёзные противоречия между старым и новым составом. Все разногласия проявились и в двойственном характере документа АНС от 2 июня 1918 г. В этот день в Сухуме стало известно о провозглашении независимости Грузии. В заявлении АНС делается существенный акцент на недопустимости

«посягательств на суверенные права народа со стороны соседей». Об Абхазии и Грузии в этом важном документе говорится как о двух соседних странах. «Жизненные интересы в Абхазии и Грузии подсказывают обеим странам необходимость самой тесной и солидарной работы в деле организации сильной государственной власти, как в Абхазии, так и в Грузии».

Явные противоречия прослеживаются в разных частях данного заявления, сформулированные скорее всего двумя группами – независимой и протифлисской. Так, в начале документа сказано вполне определённо: «С момента распада Закавказской Федеративной Республики и объявления независимости Грузии Абхазия потеряла юридическую основу связи с Грузией, её отряд Закавказской Красной Гвардии, являясь в настоящее время войсковой частью Грузинской Республики, оказался вне пределов своего государства, но вся полнота власти практически находилась в её руках. Абхазский Народный Совет 2-го июня сего года постановил: ввиду создавшегося положения принять на себя всю полноту власти в пределах Абхазии». Это, конечно же, мнение депутатов независимой государственной ориентации. Вместе с тем чуть ниже АНС обращается с просьбой к Национальному Совету Грузии «об оказании помощи в деле организации государственной власти в Абхазии оставлением в распоряжении Совета отряда Грузинской Красной Гвардии, находящегося в настоящее время в Сухуме». В данном случае уже чувствуется почерк сторонников Варлама Шервашидзе – в этой части заявления сводится на нет постановление о принятии на себя всей полноты власти в Абхазии. А в заключение – вновь крен в сторону независимости по вопросу о распоряжениях и указах правительства Грузии на территории Абхазии. АНС полагал, что эти «распоряжения являются результатом недоразумения, могущего обострить отношения между двумя народами в ущерб интересам и Грузии и Абхазии».

На основе положений данного документа делегация АНС (Р. Какубава, В. Гурджуа, Г. Аджамов, Г. Туманов) должна была вести переговоры в Тифлисе с правительством Грузии.

Делегация АНС прибыла в Тифлис с мандатом АНС для объявления Абхазии и её народа «совершенно самостоятельными». Но здесь на нее обрушился шквал дезинформации о якобы начавшемся турецком вторжении в Абхазию, которое в то время выглядело абсурдным в силу секретного константинопольского соглашения между союзниками Германией и Турцией от 27 апреля 1918 г. По нему Абхазия была включена в сферу политического и военного влияния имперской Германии, а в Очамчыре и Сухуме уже стояли небольшие немецкие отряды.

Правительство Грузии требовало от главы делегации Р. Какубава (Какуба), депутата АНС от Самурзакани (в 1918 г. придерживался грузинской ориентации), хотя бы устного («словесного») согласия на «развитие и дополнение соглашения от 9 февраля 1918 года». В одном из сообщений по прямому про-

воду из Тифлиса Р. Какуба в связи с этим прямо заявил АНС, что «если Народный Совет боится взять на себя какую-нибудь ответственность за заключение предлагаемого соглашения, то делегация на себя принимает эту ответственность».

Таким образом, делегация сама наделила себя чрезвычайными полномочиями и без ведома АНС подписала «договор» с Грузией ещё 8 июня 1918 г., в то время как АНС принял решение о заключении договора (в другой редакции) на своем расширенном заседании только 10 июня. Именно данный документ и должны были подписать 11 июня в Тифлисе обе стороны. Он состоял из 8 пунктов, и по предложению председателя АНС В. Шервашидзе его передача по прямому проводу поручалась членам Совета А. Эмухвари, М. Цава и А. Чукбар:

1. Заключаемый договор пересматривается Национальным собранием Абхазии, которое окончательно определяет политическое устройство Абхазии, а также взаимоотношения между Грузией и Абхазией.

2. При правительстве Грузинской Демократической Республики состоит полномочный представитель Абхазского Народного Совета, с каковым Грузинское правительство сносятся по делам Абхазии.

3. Внутреннее управление в Абхазии принадлежит Абхазскому Народному Совету.

4. В вопросах внешней политики Грузия, являясь официальным представителем обеих договорившихся сторон, фактически выступает совместно с Абхазией.

5. Кредиты и средства, необходимые на управление Абхазии, отпускаются из средств Грузинской Демократической Республики в распоряжение Абхазского Народного Совета.

6. Для скорейшего установления революционного порядка и организации твёрдой власти в помощь Абхазскому Народному Совету и в его распоряжение, впредь до минования надобности, Грузинская Демократическая Республика посылает отряд Красной Гвардии.

7. В Абхазии Абхазский Народный Совет организует войсковые части, и необходимые для этих частей снаряжение, обмундирование и средства отпускаются Грузинской Демократической Республикой в распоряжение Совета.

8. Социальные реформы проводятся в жизнь Абхазским Народным Советом на основании общих законов, изданных Закавказским Сеймом, но применительно к местным условиям.

Ситуация оказалась настолько запутанной, что даже сегодня часть грузинских историков ссылается на текст «договора» от 8 июня 1918 г., а другая – на «договор» от 11 июня 1918 г. Не только они, но даже ставленник Тифлиса, председатель АНС В. Шервашидзе понятия не имел об этой подмене документа и в своей переписке (в протестах) с грузинским правительством (как и

министр по делам Абхазии в Тифлисе полковник Р. Чхотуа) ссылаясь на пункты «договора» именно от 11 июня. Конечно, это был грубый политический подлог, и потому никакого «договора» с юридической точки зрения в действительности вообще не было, да и быть не могло.

Однако АНС руководствовался в то время «договором» от 11 июня 1918 г., в 1-й статье которого сказано: «Закрываемый договор пересматривается Национальным Собранием Абхазии, которое окончательно определяет политическое устройство Абхазии, а также взаимоотношения между Грузией и Абхазией». Иными словами, «договор» носил временный характер и подлежал пересмотру Национальным Собранием Абхазии (или съездом) не только для окончательного определения политического устройства Абхазии, но и для окончательного решения вопроса о взаимоотношениях между Грузией и Абхазией.

В аналогичной, казалось бы, 7-й статье «договора» от 8 июня представлена расплывчатая формулировка и опущен ряд принципиальных моментов: «Съезд населения Абхазии на демократических началах созывается по возможности в скором будущем для окончательного решения вопросов, связанных с устройством Абхазии».

Можно ли после этого всерьёз говорить о том, что Абхазия получила тогда в составе Грузии самую широкую автономию? В это не верил даже политический представитель Грузинской республики в Абхазии – старейший грузинский социал-демократ Исидор Рамишвили. Так, спустя месяц после заключения «договора» он заявил на заседании АНС 19 июля 1918 г. о правомочном съезде народа, который «решит дальнейшую политику Абхазии: примкнёт ли она к Грузии, России или Турции или объявит самостоятельность».

Воспользовавшись двусмысленностью пункта 6 «договора» от 11 июня (и пункта 4 «договора» от 8 июня), в Абхазии буквально через неделю высадились войска генерала Мазниева (Мазниашвили). Вопреки «договорённости» они не находились в распоряжении АНС и во второй половине июня 1918 г. оккупировали Абхазию.

Мазниев был назначен генерал-губернатором Абхазии 18 июня 1918 г. приказом военного министра Грузии, т. е. стал фактически управлять Абхазией ещё до своего появления в Сухуме, куда прибыл 19 июня. Через четыре дня Мазниев без всякого согласования с АНС уже своим приказом № 1 от 23 июня объявил Абхазию генерал-губернаторством, а себя губернатором, присвоив не только военные, но и политические функции.

Откровенно бесцеремонные действия правительства Грузии вызвали взрыв негодования в Абхазии. На сей раз вынужден был возмутиться и председатель АНС меньшевик В. Шервашидзе, который открыто лишился даже формальной власти руководителя страны. Поэтому он 4 июля 1918 г. направил Правительству Грузии и председателю Национального Совета Грузии протест от имени

АНС. Варлам Шервашидзе отмечал: «В полном сознании своей ответственности Абхазский Народный Совет вступил в переговоры с правительством Грузинской Демократической Республики с целью установить взаимное понимание и дружескую связь. Правительство Грузии, также сознавая всю ответственность момента, подписало с Абхазским Народным Советом договор 11-го июня сего года; и во исполнение пункта 6-го договора 11 июня правительство Грузии послало в Абхазию войсковые части в помощь Абхазскому Народному Совету и в его распоряжение под командой генерала Мазниева.

По прибытии в Сухум генерал Мазниев опубликовал приказ по Сухумскому генерал-губернаторству от 23 сего июня №1, коим Абхазия, согласно телеграмме военного министра, была объявлена Сухумским генерал-губернаторством, а генерал Мазниев – генерал-губернатором... Причём довожу до Вашего сведения, что Абхазским Народным Советом были даны генералу Мазниеву широкие полномочия вплоть до права введения осадного положения, но исключительно при ведении военных операций.

Прошу указать генералу, что источником власти и чрезвычайных полномочий на территории Абхазии является только Абхазский Народный Совет... Указанные выше действия генерал-губернатора в Абхазии по существу создают в массах населения Абхазии недоверие по отношению Правительства Грузинской Республики».

Правительство «Горской республики» резко осудило вторжение грузинских войск в Абхазию. Так, в июне 1918 г. МИД Республики горцев Кавказа (министр Гайдар Баммат) заявил протест правительству Грузии и главе дипломатической миссии правительства Германии на Кавказе Шуленбургу по поводу вступления немецких войск в Сухум и нахождения грузинских отрядов в Абхазии.

Спустя некоторое время, в августе 1918 г., председатель горского правительства Т. Чермоев вновь заявил протест германскому правительству в связи с оккупацией Абхазии грузинскими войсками при поддержке регулярных частей немецкой армии. «Я от имени моего Правительства, – писал Т. Чермоев, – самым категорическим образом протестую против образа действий Грузии в Абхазии, составной части Федеративной Республики Союза горцев Кавказа, и во избежание тяжелых осложнений, могущих проистечь от указанной политики Грузинского Правительства, моё Правительство полагает необходимым немедленно вывести из Абхазии грузинские войска, чиновников и эмиссаров».

Карательные мероприятия генерала Мазниева и полковника Тухарели летом и осенью 1918 г. «сравнивали по своей жестокости и бесчеловечности» с действиями царского генерала Алиханова-Аварского в Грузии в 1906 г. Об этом говорится в заявлении грузинскому правительству от 29 сентября 1919 г., которое от имени 14 депутатов Совета подписали М. Тарнава, Д. Алания, М. Цагурия, И. Марганя. «По какой-то злой иронии, – писали абхазские де-

путаты в Тифлис, – Великая Русская Революция, давшая свободу и независимость почти всем народам Кавказа, обошла маленькую Абхазию, и в нашей стране великие принципы революции совершенно заслонились произволом и насилием властей, и народы Абхазии пока что не видели ничего, кроме карательных экспедиций, поджогов... И так как все эти насилия производились именем Грузинского Правительства, то в абхазской массе сложилось представление о грузинах, как... о поработителях».

5. Махаджирский десант и разгон второго АНС. Понимая, что Абхазия оказалась фактически оккупированной военными силами Грузинской республики, князь Александр Шервашидзе (заключил 9 февраля 1918 г. «соглашение» с Грузией о добрососедстве), Таташ Маршания и другие влиятельные абхазы обратились за помощью к своим братьям-махаджирам в Турции.

В ночь на 27 июня 1918 г. абхазский вооружённый десант из Турции во главе с Джамалбеком Маршан высадился у Кодора в имении А. Г. Шервашидзе. Это была ответная акция, направленная против фактической оккупации Абхазии Грузией и объявления 23 июня Мазниева генерал-губернатором Абхазии.

На официальном уровне Турция в этот конфликт не вмешивалась. Десант же (состоял только из абхазов) по сути представлял собой вооружённую силу Северо-Кавказского государства. Вместе с тем из германских источников известно, что «горское» правительство в июне–августе 1918 г. по-прежнему претендовало на Абхазию и Сухумский порт (в соответствии с решением Батумской конференции). Поэтому неслучайно в эти же месяцы в Абхазии происходили неоднократные высадки морского десанта абхазских махаджиров. Между тем, такие устремления в корне противоречили интересам германской политики в Грузии и Абхазии.

В связи с высадкой «турецкого десанта» (до последнего времени именно так его именовали в исторической литературе) в Кодорском участке в июне – сентябре 1918 г. войска Грузинской республики проводили карательные мероприятия против мирного крестьянского населения, которое не поддержало в своей массе абхазов-махаджиров. Тем не менее, была развязана самая настоящая война. Тифлиссские власти, лицемерно называя очамчырских абхазов лояльными, воспользовались высадкой десанта и под предлогом борьбы с ним «огнём и мечом» прошлись по кодорским сёлам. Буквально разгромлена была Джгерда – родина Таташа Маршания. Большевицкое правительство возбудило большое дело «О повстанческом движении в Абхазии». Начался розыск руководителей и организаторов движения – Александра Шервашидзе, Таташа Маршания, Меджита Багапш, Хаки Авидзба, обвинения были предъявлены Симону Басария, Кегве Киут и многим другим.

В ночь на 15 августа 1918 г. у Моквского монастыря регулярные части разбили махаджиров. В этот же день правительство при активном участии

Варлама Шервашидзе разогнало АНС, который стал вдруг выходить из повиновения и 8 августа 1918 г. принял на своём заседании (в отсутствие В. Шервашидзе) решение о создании комиссии для выборов в Абхазское Учредительное собрание. Такое решение в то же время создавало серьёзную угрозу незаконным властям, так как в соответствии с пунктом 1 «договора» от 11 июня (и пунктом 7 «договора» от 8 июня) Абхазия на подобном учредительном собрании (съезде) должна была окончательно определить политическое устройство Абхазии, а также взаимоотношения между Грузией и Абхазией». Чтобы не добавлять себе лишних хлопот, власти нашли простой выход: депутатов АНС обвинили в «туркофильстве». АНС был разгромлен и «реорганизован» за счёт замены народных депутатов «горской» ориентации людьми грузинского правительства.

Бесчинства грузинских войск в Абхазии вызвали недовольство даже изначально лояльных к Тифлису депутатов. Так, полковник Р. Чхотуа, выбранный депутатами АНС министром по делам Абхазии, сообщал 2 сентября 1918 г., что грузинские войска занялись «массовыми арестами мирного населения и поджогами. В настоящее время Сухумская тюрьма переполнена мирными абхазцами Кодорского участка, которые числятся в списках Штаба военнопленными». При этом он отмечает, что командование войсками всюду говорит, что поступает так по распоряжению АНС. Это приводит к массовому недовольству населения, которое рассматривает его «как акт враждебного насилия со стороны Правительства Демократической Республики, направленный к покорению Абхазии, и что в этом вопросе покорения помогает Правительству Абхазский Народный Совет». Для исправления ситуации он предлагал:

1. Немедленное освобождение из тюрьмы всех так называемых военнопленных мирных абхазцев, заключённых в тюрьму.
2. Полное возмещение со стороны государства всех убытков в связи с поджогами и грабежами, произведёнными правительственными войсками.
3. Что уже нами делается, привлечение к законной ответственности лиц, причастных к преступлениям, поджогам и грабежам, в порядке приблизительного обвинения прокурорским надзором. Сообщаем Вам для сведения и соответствующего представления правительству и Национальному Совету Грузии».

Конечно, ничего подобного не произошло, а вскоре должность министра по делам Абхазии была упразднена, а сам Р. Чхотуа арестован.

Оккупировав Абхазию, грузинские войска продолжили наступление. К 26 июля 1918 г. генерал Мазниев без особого труда занял территорию Черноморского побережья вплоть до Туапсе. Анализируя данную ситуацию, генерал Деникин писал: «В первый период турецко-немецкой оккупации вожделия Грузии направились в сторону Черноморской губернии. Причиной послужила слабость Черноморья, поводом – борьба с большевиками, гарантией – со-

гласие и поддержка немцев, занявших и укрепивших Адлер». Однако вскоре, после занятия Туапсе, по протесту Добровольческой Армии и Кубанского правительства Грузия была вынуждена отвести свои войска. Но, несмотря на требования руководителей «белого движения» и Кубанского правительства, добиться вывода грузинских войск из Абхазии им не удалось.

После первого разгона АНС 15 августа 1918 г. и его «реорганизации» он превратился в удобную ширму правительственных и военных кругов Грузии. От имени АНС они проводили в Абхазии самые беззастенчивые акции вплоть до карательных расправ над мирными жителями. Среди местного населения росло большое недовольство политикой подавления и деятельностью АНС, который возглавлял абхазский князь грузинской ориентации Варлам Шервашидзе.

Накануне второго разгона АНС министр по делам Абхазии полковник Р. Чхотуа направил 20 сентября 1918 г. председателю правительства Грузии и В. Шервашидзе отношение о необходимости пересмотреть «договор» от 11 июня 1918 г. между Абхазией и Грузией в соответствии с его пунктом первым (даже он не знал о «договоре» от 8 июня 1918 г.).

В этой связи оппозиция остро критиковала фракцию правящей партии грузинских меньшевиков во главе с председателем Совета В. Шервашидзе.

На бурном заседании Народного Совета 9 октября 1918 г. был поставлен вопрос о виновниках и соучастниках разгрома Совета 15 августа. В своём заявлении депутаты Д. Алания, С. Ашхацава и другие потребовали «восстановить в правах насильственно распущенный Народный Совет». Вечером того же дня депутаты забаллотировали председателя АНС В. Шервашидзе. Здание Совета тут же было оцеплено грузинскими гвардейцами, а на следующий день второй АНС был разогнан военной силой. Состоялось постановление меньшевистского правительства о роспуске АНС этого созыва и о назначении новых выборов. В тот же день были арестованы С. Ашхацава и И. Маргания, которых до вечера продержали в штабе полка, чтобы ночью отправить в Тифлис на пароходе через Батум. В Абхазии объявили военное положение и Чрезвычайным комиссаром назначили В. Чхиквишвили. На путях к городу поставили караул, чтобы не было налётов со стороны населения. Сразу же на бульваре собрался митинг, на котором выступил Г. Туманов с резкой обвинительной критикой против меньшевистских безобразий. Митинг был разогнан, а Туманов арестован. Такая же участь постигла 16 человек, среди которых были: Д. Алания, Г. Аджамов, М. Шлаттер и др.

Ряд абхазских депутатов был заключён в Метехскую тюрьму в Тифлисе по обвинению в заговоре против Грузинской республики. В антигосударственной деятельности был обвинён и министр по делам Абхазии Р. Чхотуа. Его сместили со своего поста. Мало того, должность министра, закреплённая в «договорах» от 11 и 8 июня, просуществовала всего несколько месяцев и была

упразднена, а её функции переданы министру внутренних дел Грузии. Все эти действия являлись грубейшим нарушением «договора» с Грузией и «широких автономных» прав Абхазии.

Абхазия оказалась полностью оккупированной войсками Грузинской республики, и Тифлис своё присутствие здесь прикрывал борьбой то с большевиками и анархией, то с туркофильством и проденикинскими настроениями.

6. Выборы в третий АНС и «Акт об автономии Абхазии». После разгона второго АНС наступил период неприкрытой оккупации Абхазии Грузией. С октября 1918 по март 1919 г. всё гражданское управление Абхазией осуществлялось прямым вмешательством Грузинской республики. «Договор» от 11 июня утерял даже чисто формальное значение. Вся страна находилась под чуждым управлением. Чрезвычайный комиссар В. Чхиквишвили опирался на вооружённые силы Грузии и на подчинённых ему комиссаров уездов.

В этих невыносимых условиях грузинское правительство приступило к выборам третьего АНС на «демократических» началах. Председателем избирательной комиссии сделали своего человека – В. Шервашидзе. Новый АНС должен был избираться всеми жителями Абхазии без различия подданства, в то время как в самой Грузии значительная часть населения была лишена избирательных прав. Но в проект были внесены поправки, одна из которых гласила: депутатами АНС могут быть избраны подданные Грузии, не проживающие в Абхазии, и те, кто получил право на жительство в Абхазии и после 19 июля 1914 г.

Предвыборную агитацию в Абхазии вели почти исключительно правящая социал-демократическая партия и агенты грузинского правительства. Арестованные же депутаты-абхазы находились в заключении весь период выработки положения о выборах в АНС. И лишь незадолго до выборов они были освобождены по требованию командующего союзными войсками английского генерала Томсона (Германия к этому времени потерпела поражение в войне, и её войска покинули Грузию), который 5 декабря 1918 г. обратился к правительству Грузии по поводу арестованных абхазов. Англичане считали, что томить в тюрьме абхазов, не предъявляя обвинений, недопустимо.

В результате «демократических» выборов в Абхазии, проведенных в феврале 1919 г., в третьем АНС оказалось 40 депутатов, из которых 27 открыто выражали интересы правительства Грузии.

Почти сразу после начала работы третьего АНС 20 марта 1919 г. был принят ни к чему не обязывающий «Акт об автономии Абхазии». Он содержал всего два пункта. В них говорилось: «1. Абхазия входит в состав Демократической республики Грузия, как ее автономная единица, о чём поставить в известность правительство республики Грузия и её Учредительное Собрание; 2. Для составления конституции автономной Абхазии и определения взаимоотношений между центральной и автономной властью избирается смешанная

комиссия в равном числе членов от Учредительного собрания Грузии и Абхазского Народного Совета, и выработанные ею положения по принятию их Учредительным собранием Грузии и Абхазским Народным Советом должны быть внесены в Конституцию Демократической республики Грузии».

Акт тогда же был принят парламентом Грузии. Однако по сути он так и остался на бумаге, а три различных проекта Конституции Абхазии не были одобрены в силу разногласий между АНС и грузинским правительством.

Председателем третьего АНС стал меньшевик Арзакан Эмухвари, а в мае Совет вновь возглавил Варлам Шервашидзе. Эмухвари тогда же пересел в кресло председателя комиссариата Абхазии (правительства). После формального принятия Акта АНС предстал в виде законодательного органа, а комиссариат – исполнительного. Однако вся эта игра в «автономию» оказалась иллюзией самоуправления. Во главе комиссариата, по словам М. Тарнава, стоял «известный меньшевик, князь Арзакан (Дмитрий) Эмухвари – безвольный, бездарный и трусливый человек».

В период 1918–1921 гг. правительство проводило шовинистическую политику не только по отношению к абхазам, коренному населению края, но и к армянскому и греческому населению Абхазии. С жалобой в Народный Совет 21 января 1920 г. обратились официальные представители армянской общины Гагринского уезда, сообщавшие о грабежах и убийствах.

В результате такой политики тысячи армянских и греческих крестьян покидали Абхазию. Минув Народный Совет, правительство приступило в 1920 г. к заселению Гагринского и Гумистинского уездов выходцами из Западной Грузии. Для ревизии дел комиссариата была создана комиссия во главе с В. Шервашидзе, обнаружившая папку № 18 переселенческого отдела.

Совершенно не считаясь со спецификой Абхазии, где большинство говорило (и говорит) на русском языке, грузинские меньшевики в целях осуществления программы «национализации» (грузинизации) края навязывали этой стране грузинский язык в учреждениях и школах. Всё это вызвало отток русского, в основном городского, населения Абхазии.

В 1921 г. в Англии вышла в свет книга «В деникинской России и Кавказе», автор которой Бехофер воспринимал Грузию «как классический пример империалистической малой национальности и по отношению к захватам территории вне своих пределов, и по отношению к бюрократической тирании внутри государства». «Шовинизм его превосходит всякие пределы», – писал он.

Борьбу за политическую самостоятельность, государственную независимость абхазского народа начали не представители большевистской партии, а созданный 8 ноября 1917 г. Абхазский Народный Совет – орган демократической власти. События того времени необходимо рассматривать в контексте гражданской войны. Вместе с тем войска только что провозглашённой Грузинской республики в течение почти трёх лет (со второй половины июня

1918 г.) оккупировали территорию Абхазии, нарушив «соглашение» и «договор» с АНС. Правительство Грузии вооружённой силой дважды (15 августа и 9–10 октября 1918 г.) разгоняло состав законного органа власти – Абхазского Народного Совета, выступившего за политическое самоопределение абхазского народа.

Агрессивная шовинистическая политика правительства Грузии вызвала крайнее недовольство абхазского, русского, эстонского, армянского, греческого, значительной части мегрельского народов, что и облегчило установление советской власти в крае 4 марта 1921 г. Утверждение новой власти воспринималось народом Абхазии как избавление от репрессий и вооружённого вмешательства Республики Грузия.

Литература

1. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. Учебник для 10–11 кл. Сухум, 2015.
2. Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии. 1910–1921 гг. Тбилиси, 1963.
3. История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1991.
4. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
5. Лакоба С. З. Ответ историкам из Тбилиси. Сухум, 2001.
6. Лакоба С. З. Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. Очерки. (Славяно-евразийские исследования. Вып. 2). М., 2004.
7. Очерки истории Абхазской АССР. Т. 1, 2. Сухуми, 1960, 1964.
8. Сагария Б. Е. О «белых» и «черных» пятнах в истории Абхазии. Гагра, 1993.

АБХАЗИЯ В 1921–1931 гг.

План

1. Установление советской власти в Абхазии в 1921 г.
2. Восстановление независимости Абхазии.
3. ССР Абхазии в 1922–1931 гг.
4. Преобразование ССР Абхазии в автономную республику.
5. Социально-экономическое развитие ССР Абхазии.

1. Установление советской власти в 1921 г. К 1921 г. сложились благоприятные условия для установления советской власти в Грузии и Абхазии. Закончилась победой большевиков Гражданская война, советская власть была установлена в Азербайджане и Армении, Турция нуждалась в помощи Советской России.

В середине февраля создаётся Ревком Абхазии, в составе – Е. А. Эшба (председатель), Н. А. Лакоба, Н. Н. Акиртава. В этот период Эшба и Лакоба с группой товарищей находились в заграничной командировке в Турции, а Ревкомом фактически руководил Акиртава. Е. Эшба и Н. Лакоба вернулись в Абхазию лишь 6 марта. Подпольные ревкомы по руководству восстанием создаются во всех уездах.

Абхазский повстанческий отряд в сопровождении 274-го полка под руководством Н. Акиртава выступил против меньшевистских войск на р. Псоу. Однако отряд не смог преодолеть сильно укрепленные позиции меньшевиков на границе (т. н. «шит демократической республики»), построенные с помощью союзников и поддерживаемые военной эскадрой.

22 февраля 1921 г. в Сочи вышел первый номер газеты «Голос трудовой Абхазии» под редакцией Н. Н. Акиртава, в которой было опубликовано обращение Ревкома Абхазии к абхазскому народу с призывом к повсеместному восстанию и о помощи Кавбюро и Красной Армии.

Призыв о помощи был услышан: войскам 9-й армии РККА (командующий М. К. Левандовский), расположенным на Черноморье и Кубани, был дан приказ об оказании помощи повстанцам Абхазии.

22 февраля в г. Гагре была установлена советская власть. 23 февраля красноармейцы и киаразовцы форсировали р. Бзыбь и нанесли противнику поражение. По позициям меньшевиков здесь били и военные корабли Антанты, перепутав расположение сражающихся сил. 25 февраля отряды «Киараз» вместе с 274-м полком освободили с. Лыхны. Ревком Абхазии

вновь обратился к абхазскому народу с призывом к вооружённому восстанию.

В тот же день 11-я Красная Армия в сопровождении повстанческих отрядов вступила в Тифлис. В Грузии победила советская власть.

26 февраля киаразовцы совместно с частями Красной Армии освободили г. Гудауту. В Гудаутском уезде была восстановлена советская власть, создан уездный ревком во главе с З. Бения.

Противник укрепился в Новом Афоне. На помощь Красной Армии были направлены члены Гудаутского уездного ревкома М. Гобечия, И. Чамагуа и другие с отрядами «Киараз», которые обеспечили прорыв фронта. 3 марта после трехдневных боёв грузинские войска были вынуждены оставить Новый Афон. Части Красной Армии в сопровождении киаразовцев направились к Сухуму. Навстречу к ним двинулись повстанческие отряды Сухумского и Кодорского участков.

4 марта 1921 года Красная Армия и повстанческие отряды освободили Сухум. В этот же день Ревком Абхазии сообщил по радио В. И. Ленину: «Восставшие рабочие и крестьяне Абхазии свергли преступное меньшевистское правительство и провозгласили советскую власть в Абхазии». 6 марта советская власть была установлена в Очамчыре, а 8-го – в г. Гал. 10 марта Ревком Абхазии вновь обратился к Ленину с телеграммой, в которой сообщалось о том, что советская власть установлена на всей территории Абхазии.

Советской власти досталось тяжёлое наследство. В период Первой мировой войны и господства меньшевиков были разрушены все отрасли народного хозяйства и культуры. Ещё более сложными были межнациональные взаимоотношения. Решение национального вопроса, создание органов власти в центре и на местах, восстановление разрушенного хозяйства – таковы были главные задачи советской власти в Абхазии.

2. Восстановление независимости Абхазии. Руководствуясь «Декларацией прав народов России», 26 марта 1921 г. на расширенном заседании Оргбюро РКП(б) в Абхазии (название абхазской парторганизации в марте 1921 – январе 1922 гг.) и Ревкома Абхазии было решено объявить Абхазию Советской Социалистической Республикой. В тот же день об этом было сообщено Ленину и в Кавбюро ЦК Г. К. (Серго) Орджоникидзе. 28 марта в Батуме на совещании ответственных работников Кавбюро ЦК РКП(б) с участием Г. Орджоникидзе, С. Кавтарадзе, Е. Эшба, Н. Лакоба было одобрено решение руководства Абхазии об образовании ССР Абхазии и принято постановление «О структуре власти и Компартии в Абхазии». 31 марта 1921 г. Ревком Абхазии известил Ленина и все советские республики об образовании ССР Абхазии. 21 мая 1921 года Ревком Грузии принял декларацию «О независимости Социалистической Советской Республики Абхазии». Она была оглашена и одобрена на I съезде трудящихся Абхазии в конце мая 1921 г.

Однако независимость Абхазии вскоре оказалась в опасности. Через полтора месяца после объявления Ревкомом Грузии Декларации о независимости ССР Абхазии по воле Сталина началась закулисная кампания по её ликвидации.

На заседании пленума Кавбюро ЦК РКП(б) 5 июля 1921 г. с участием Сталина и членов Кавбюро Г. Орджоникидзе, С. Кирова, Ф. Махарадзе, М. Орахелашвили, А. Назаретяна, А. Мясникова, Ю. Фигатнера, Е. Эшба был рассмотрен вопрос «О положении дел в Абхазии». В постановлении пленума, в частности, говорилось: «Партийную работу вести в направлении объединения Абхазии и Грузии в форме автономной республики, входящей в состав ССР Грузии». Таким образом, фактически была предрешена судьба независимости Абхазии.

22 июля 1921 г. состоялось совместное заседание Оргбюро РКП(б) и Ревкома Абхазии с участием секретаря Кавбюро А. Назаретяна, рассмотревшее вопрос «О взаимоотношениях ССР Абхазии с ССР Грузии». Итоги совместного заседания были вынесены на расширенное совещание партийного и советского актива Абхазии 23 июля. Одобрив в целом Декларацию Ревкома Грузии о независимости ССР Абхазии, совещание высказалось за заключение союзного равноправного договора «на основе федерации экономического единства с Советской Грузией».

К этому руководство Абхазии подталкивали, во-первых, решение Пленума Кавбюро и воля наркома по делам национальностей РСФСР И. Сталина, во-вторых, крайне тяжёлое экономическое положение Абхазии. Попытку руководителей Ревкома и Оргбюро РКП(б) Абхазии получить финансовую помощь в РСФСР перекрыл И. Сталин. 8 сентября 1921 г. он направил записку на имя секретаря ВЦИК РСФСР А. Енукидзе: «Абхазия автономная часть независимой Грузии, самостоятельных представителей при РСФСР не имеет и не должна иметь, кредитов от РСФСР не может получить. Наркомнац. И. Сталин».

Осенью 1921 г. по инициативе Ленина и Кавбюро в Закавказье началось движение за экономическое и политическое объединение в федерацию. Однако часть руководства Ревкома и Компартии Грузии во главе с Б. Мдивани выступила против идеи федерации закавказских республик и выдвинула план непосредственного вхождения Грузии в Союз ССР. Тогда и в Абхазии возникла идея вхождения в Закавказскую федерацию и Союз ССР минуя Грузию. Е. Эшба в письме Кавбюро ЦК от 14 ноября 1921 г. поставил вопрос о нецелесообразности заключения договора с Грузией и потребовал прямого вхождения Абхазии в Закавказскую федерацию в качестве четвёртой республики. Однако эта идея не получила поддержки Кавбюро. 16 ноября 1921 г. Кавбюро ЦК, рассмотрев вопрос «О независимости ССР Абхазии», приняло постановление: «1. Считать экономически и политически нецелесообразным существование независимой

Абхазии; 2. Предложить тов. Е. Эшба предоставить свое окончательное заключение о вхождении Абхазии в состав Грузии на договорных началах или на началах автономной области в РСФСР».

Руководители Абхазии вынуждены были остановиться на объединении с Грузией на федеративных договорных началах.

16 декабря 1921 г. в Тифлисе союзный договор был подписан и ратифицирован I съездом Советов ССР Абхазии 17 февраля 1922 г.

В нём говорилось, что Грузия и Абхазия вступают между собой в военный, политический и финансово-экономический союз.

3. ССР Абхазии в 1922–1931 гг. В феврале 1922 г. состоялся I съезд Советов Абхазии. На нём был ратифицирован «особый союзный договор» между Грузией и Абхазией, который явился результатом сильнеешего давления со стороны Сталин и Орджоникидзе. Тем не менее он зафиксировал равноправие двух республик. В декабре 1922 г. представитель ССР Абхазии Н. Акиртава поставил свою подпись под Договором об образовании Союза ССР. Абхазия тогда не входила в состав Грузии, а объединялась с ней в качестве «договорной республики». Характер межгосударственных отношений Абхазии и Грузии нашёл своё отражение в конституциях Грузии 1922 и 1927 гг. В последней, например, подчёркивалось, что ССР Грузия является федеративным государством (ст. 2). В 1924–1925 гг. были утверждены Герб и Флаг ССР Абхазии, приняты законодательные акты конституционного характера, введены в действие кодексы: уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, земельный, лесной. Первая Конституция ССР Абхазии была принята в апреле 1925 г. III Всеабхазским съездом Советов. Абхазия тогда приняла свою Конституцию, в то время как автономии не имели своих конституций.

В этот период ССР Абхазия по своему статусу являлась не автономной, а по сути союзной республикой, имевшей статус суверенного государства. Это была последняя попытка со стороны Сухума пересмотреть взаимоотношения Абхазии с Грузией.

Об этом говорит 5-я статья Конституции 1925 г.:

«ССР Абхазии есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти... ССР Абхазия сохраняет за собой право свободного выхода как из состава ЗСФСР, так и из Союза ССР».

Таким образом, очень важный правовой акт был зафиксирован.

С 1922 по 1936 г. правительство Абхазии возглавлял Нестор Лакоба, который всячески противился проведению коллективизации, заявив, что в Абхазии нет класса кулаков и здесь все сословия равны. Он не выполнял многие партийные директивы, за что в 1929 г. в известном письме Сталина подвергся резкой критике. При нём в Абхазии не было массовых репрессий, столь характерных для советского времени.

Сталин, несмотря на дружеские в тот период отношения с Лакоба, требовал от него в 1930–1931 гг. проведения коллективизации, невзирая на «особенности абхазского уклада жизни» (из письма Сталина). Будучи ответственным за судьбу народа и государственности Абхазии, Лакоба прекрасно понимал, к чему приведёт коллективизация.

Сталин, в свою очередь ставший единоличным хозяином Кремля, давал понять, что он откажется от её проведения в Абхазии при одном условии – вхождении «договорной» Абхазии в состав Грузии в качестве автономной её части.

Испытывая сильнейшее давление сверху и движение организованной абхазской оппозиции внутри, выступавшей за немедленное проведение здесь коллективизации, Лакоба вынужден был согласиться на вхождение в Грузинскую ССР, видя в этой мере «меньшее зло».

Что такое коллективизация по-сталински и каковы её негативные последствия – хорошо известно. В результате её реализации уничтоженным оказалось, например, русское крестьянство. Что было бы с небольшой крестьянской Абхазией в случае её проведения? Половина населения могла быть выслана в Сибирь, а другая – просто истреблена.

4. Преобразование ССР Абхазии в автономную республику. Вопрос о преобразовании Абхазии в автономию рассматривался на VI Съезде Советов Абхазии 11 февраля 1931 г., хотя он даже не значился в повестке дня, а затем VI Всегрузинским Съездом Советов 19 февраля 1931 г. было принято постановление о преобразовании «договорной» ССР Абхазии в автономную республику в составе Грузинской ССР.

С трибуны съезда Лакоба заявлял, что вопрос этот решён, но одновременно призвал абхазское крестьянство выступить против, надеясь этой крайней мерой повлиять на Кремль. В Дурипше, Лыхны, Ачандаре, других сёлах 18–26 февраля 1931 г. состоялся многодневный общенациональный сход (Дурипшский сход) абхазского народа, который высказался против вхождения в Грузию и против колхозов. Активное участие в этом протесте принимала мать Н. Лакоба Шахусна Джергения. По донесениям ОГПУ из Тифлиса сообщалось, что «движение приняло характер открытого вооруженного выступления против советской власти». С самого начала на сходе было решено обсуждать все вопросы без участия представителей власти. Содержание выступлений крестьянских ораторов сводилось к следующему: «Колхозы не хотим и никому не позволим их организовывать, колхозы загубили Россию, теперь загубят и Абхазию, лучше выселиться в Турцию, колхозы есть траур для абхазцев, пока мы не добьемся снятия этого траура – не сложим оружия... За советскую власть мы боролись все. Теперь нас делят на кулаков, середняков и бедняков».

Верхушка схода предложила обезоружить и арестовать партийцев и комсомольцев, окружить место для схода и образовать повстанческий отряд. Многие пришли на сход с оружием.

24 февраля в Гудауту выехали председатель Закавказского ГПУ Л. Берия и секретарь ЦК КП(б) Грузии С. Мамулия. Тогда же в Сухум были срочно переброшены 240 штыков 8-го полка, дополнительно еще 95 штыков и две бронемашины из Гянджи (Азербайджан). Таким образом, всё было готово для кровопролития, но в последний момент ситуацию благодаря Н. Лакоба удалось урегулировать путём переговоров.

Попраение суверенных прав Абхазии, низведение её статуса до уровня автономии привело к общенародному возмущению на Дурипшском сходе, который выразил недоверие советской власти и правительству.

Н. А. Лакоба и другие руководители Абхазии под сильнейшим давлением Сталина и грузинских руководителей вынуждены были согласиться на понижение статуса Абхазии и ее включение в состав ГССР. Однако из-за этого непростого и неоднозначного решения в Абхазии фактически не была проведена коллективизация в её жёстких формах.

5. Социально-экономическое развитие ССР Абхазии. Советская власть в Абхазии получила тяжёлое наследие. За годы Первой мировой войны и буржуазно-меньшевистской диктатуры народное хозяйство пришло в полный упадок. Перед правительством и партийной организацией Абхазии стояли неотложные задачи восстановления разрушенного народного хозяйства, расширения товарооборота между городом и деревней, упрочнения союза между рабочим классом и крестьянством, улучшения материального положения трудящихся и создания новой социалистической системы хозяйства. Всё это необходимо было осуществить на основе новой экономической политики (нэп), в которую Абхазия вступила, миновав период «военного коммунизма».

В первые годы советской власти правительством Абхазии был взят курс на расширение посевных площадей, улучшение снабжения крестьянства сельскохозяйственным инвентарём и промышленными товарами, в сёлах Абхазии стали быстро развиваться простейшие формы сельскохозяйственной кооперации. В 1926 г. табачная кооперация объединила около 10 тыс. хозяйств или более 75 % всех табаководов, сельская потребительская кооперация – тоже около 10 тыс. хозяйств, сельскохозяйственно-кредитная – почти 11,5 тыс. хозяйств или более 1/3 крестьянских дворов. Уже в 1921 г. на базе бывших помещичьих и монастырских имений были созданы первые совхозы. Наиболее крупными из них были совхозы «Ильич», «III Интернационал» и «Новый Афон». Сельское хозяйство Абхазии довольно быстро восстанавливалось. В 1926 г. общая посевная площадь превысила уровень 1917 года. Было восстановлено табаководство, а с 1925 г. широкое развитие получает чаеводство.

После национализации промышленности (1921 г.) в руки советской власти перешли 10 лесопильных и несколько других бездействовавших предприятий. В 1922 г. на семи предприятиях Совнархоза Абхазии работало около 100

рабочих. Наиболее крупными из них были: Сухумская типография, в которой работало 33 рабочих, и Кодорский лесопильный завод с 23 рабочими.

В 1925 г. Абхазия получила из Ленинграда оборудование для Сухумской табачной фабрики, а в 1926 г. из Смоленска поступило оборудование для Гудаутского спирто-винокуренного завода. Вся остальная промышленность состояла из мелких кустарных и полукустарных предприятий.

В мае 1926 г. Геологический комитет ВСНХ СССР приступил к геологоразведочным работам в Ткуарчале.

Одним из самых уязвимых мест в больном организме экономики Абхазии был транспорт. Единственная относительно благоустроенная дорога – Черноморское шоссе к 1921 г. была окончательно разрушена. Благодаря помощи союзного правительства и стараниям местных властей к 1925 г. Черноморское шоссе было приведено в относительный порядок. В 1923 г. началось строительство Черноморской железной дороги на северном участке от ст. Туапсе, а с 1925 г. – на южном участке от Ново-Сенаки. Правительство Абхазии, учитывая огромное народнохозяйственное значение железной дороги, всемерно содействовало её прокладке.

В период восстановления народного хозяйства произошли изменения в области медицинского обслуживания населения. Все медицинские учреждения, курортные заведения и аптеки были национализированы. Успешно шла борьба с малярией – бичом населения дореволюционной Абхазии.

В республике организуется Главное курортное управление Наркомздрава Абхазии, усилиями которого опустошённые здравницы постепенно восстанавливаются. Город Гагра был признан курортом союзного значения.

Завершив восстановление народного хозяйства, руководство СССР приступило к индустриализации страны. Развитие индустриализации Абхазии имело свои особенности. Она определялась задачами создания в республике промышленных очагов, приближения промышленности к источникам сырья. В центре внимания был вопрос строительства предприятий тяжёлой промышленности, в первую очередь освоение ткуарчальского угольного месторождения. Строительство первой ткуарчальской шахты началось в 1930 г. Оно шло с помощью рабочих, прибывших из России, Украины, других республик Советского Союза. В 1935 г. первая шахта вступила в строй. Ткуарчал превратился в индустриальный центр Абхазии.

Первые аграрные преобразования, проведение земельной реформы в начале 20-х годов, развитие различных форм сельскохозяйственной кооперации улучшили положение крестьянства. Взятый XV съездом ВКП(б) курс на коллективизацию (1927 г.) затронул и абхазскую деревню. Но коллективизация в Абхазии имела свои особенности, вызванные социально-экономическим, культурным и историческим развитием. Она проводилась более медленными темпами, чем в центральных районах страны. На начальном этапе полу-

чили развитие ТОЗы (товарищества по обработке земли) и артели. В ходе коллективизации, в отличие от других районов страны, здесь широко были использованы низшие формы кооперации – поселковые товарищества, которые функционировали вплоть до сплошной коллективизации. В Абхазии не проводилась ликвидация кулачества путём административного их выселения. Она осуществлялась постепенно, мерами экономического воздействия.

На 1 декабря 1929 г. в колхозы входило всего 3,4 % крестьянских хозяйств, а на 1 января 1931 г. – 20,9 %. Применение методов нажима на середняка при создании колхозов вызвало недовольство значительной части трудового крестьянства. Наиболее крупным антиколхозным выступлением был массовый сход в селе Дурипш в начале 1931 г., о котором говорилось выше.

Литература

1. Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. Учебник для 10 – 11 классов. Сухум, 2015.
2. История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1991.
3. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
4. Лакоба С. З. Ответ историкам из Тбилиси. Сухум, 2001.
5. Лакоба С. З. Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. Очерки. (Славяно-евразийские исследования. Вып. 2). М., 2004.
6. Очерки истории Абхазской АССР. Т. 2. Сухуми, 1964.
7. Сагария Б. Е. О «белых» и «черных» пятнах в истории Абхазии. Гагра, 1993.

АБХАЗИЯ В ЭПОХУ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ СТАЛИНА

План

1. Репрессивная политика против абхазов.
  - 1.1. Первая волна репрессий.
  - 1.2. Вторая волна репрессий.
2. Народное хозяйство.

1. Репрессивная политика против абхазов

1.1. Первая волна репрессий. В апреле 1930 г. Совет Народных Комиссаров Абхазии был упразднен, и его функции переданы ЦИК Абхазии. Во главе реорганизованного ЦИКа стал Н. А. Лакоба. Также был упразднён ряд наркоматов, в том числе внутренних дел, юстиции, Госплан, а некоторые объединены в один орган управления. Это была репрессивная акция по осуществлению давней позиции Сталина, направленной на растворение «малокультурной» абхазской нации в «высококультурной» грузинской нации.

Сталинский период истории в представлении наших современников порой связан с понятием абсолютного произвола. Это не совсем верно, ведь жизнь гражданина СССР, как и действия должностных лиц, были в то время жестко регламентированы множеством правовых норм, подзаконных актов, а зачастую и просто партийных постановлений. Другое дело, нельзя признать действовавшие тогда законы справедливыми и правовыми в общепринятом сегодня понимании. Главной задачей и функцией законодательства сталинской поры, несмотря на привлекательные декларации, было всё же подавление личности во имя классовых и государственных интересов. Ещё в первые годы ожесточённой борьбы за создание Советского государства законы были объявлены орудием пролетарской диктатуры, методом политического руководства, способом подчинения людей и классов порядкам, угодным рабочему классу. Появилась основа для субъективизма в оценке доказательств вины, пренебрежительного отношения к соблюдению процедуры предварительного следствия и судебного разбирательства. В обществе поддерживалось и укреплялось в сознании людей, подозрительное отношение к выходцам из «социально чуждых» классов и слоёв. В дальнейшем руководство РКП(б)-ВКП(б)-КПСС и СССР обращалось к методам гражданской войны, как только для него в этом была необходимость.

Первый уголовный кодекс РСФСР был введён в действие 1 июня 1922 г. В главе I Особенной части кодекса были сформулированы определения состава

контрреволюционных преступлений. Эта формулировка получила развитие в Уголовном кодексе 1926 г. (введён в действие 1 января 1927 г.). Немного позже со времени принятия Положения о государственных преступлениях – контрреволюционных и особо для Союза опасных преступлениях против порядка управления.

В особенную часть кодекса 1926 г. была включена глава «Преступления государственные». Кодекс 1926 г. с последующими изменениями и дополнениями действовал до 1961 г. Постановлением ЦИК СССР от 2 октября 1937 г. уголовная ответственность за контрреволюционное преступление была усилена путём увеличения максимального срока лишения свободы от 10 до 25 лет. Расстрел применялся вплоть до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни». Уголовный кодекс РСФСР не только давал возможность произвольно, предубежденно толковать и применять содержащиеся в нём нормы, но и постоянно дополнялся законами, которые объявляли политическими обычными уголовные преступления, причём ответственность за них ужесточалась.

...Вскоре были приняты законы, направленные на подавление протеста против проводившейся в деревне коллективизации. Можно назвать акты, предусматривавшие меры борьбы с убоим скота (1930, 1931, 1932 гг.), небрежным отношением к сельскохозяйственным машинам (1931 г.), организацией лжекооперативов (1928, 1929 гг.). Эти деяния вне зависимости от мотивов действия виновного расценивались как подрывающие сельское хозяйство способы вредительства со стороны кулаков. Не менее политизированным был закон от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В его преамбуле объяснялось, что «люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа». В 1934 г. был сформулирован новый состав преступления – измена Родине.

Таким образом, аппарат готовился к масштабной репрессивной деятельности, направленной на устранение политических оппонентов Сталина, которая не могла пройти мимо Абхазии.

5 декабря 1934 г. была принята новая Конституция СССР, в соответствии с которой 2 августа 1934 г. чрезвычайным VIII съездом Советов Абхазии была принята новая Конституция Абхазской АССР. Совет Народных Комиссаров Абхазии был вновь воссоздан после принятия Конституции Абхазской АССР в 1934 г. Одновременно создаётся и новый высший орган – Президиум Верховного Совета Абхазской АССР.

Этот процесс происходил на фоне соперничества Берия и Лакоба за влияние на Сталина, который это использовал в своих целях. В середине 1930-х гг. Сталин предлагал несколько раз Лакоба перейти в Москву и занять пост нар-

кома внутренних дел, структуры, призванной искать, находить и уничтожать «врагов народа». Лакоба отказался, что на фоне всепоглощающего угодничества Берия перед Сталиным привело к возвышению Берия в глазах Сталина. И это во многом преопределило судьбу Лакоба.

15 марта 1935 г. Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) СССР наградил Абхазскую АССР орденом Ленина за выдающиеся успехи в области сельского хозяйства и промышленности. Орденом Ленина был награждён руководитель республики – председатель ЦИК Абхазской АССР Н. А. Лакоба.

Однако вслед за этим, 17 августа 1936 г., принимается постановление ЦИК СССР «О правильном начертании названий населенных пунктов». Согласно ему был переименован г. Сухум – на Сухуми, Ткуарчал – на Ткварчели. Это можно назвать началом «топонимической атаки» на права абхазского народа, которая затем стала одним из обоснований колонизаторской политики Грузии в Абхазии. Вслед за этим многие абхазские, русские, турецкие и другие топонимы, гидронимы были заменены грузинскими или получали грузинское окончание.

Рано утром 28 декабря 1936 г. Н. А. Лакоба скоропостижно умер после ужина у первого секретаря Заккрайкома Л. Берия. Официально было объявлено, что он скончался от сердечного приступа. 29 декабря тело Н. Лакоба было перевезено в Сухум. Его личный врач И. Семерджиев, осмотрев тело, сказал: «Нестор отравлен». Лакоба похоронили с почестями в Сухуме, в Ботаническом саду, в специально отстроенном склепе. Но уже в конце января 1937 г. стали снимать портреты Лакоба, поползли слухи, что он «враг народа». В феврале под покровом ночи по приказу Берия тело Лакоба перезахоронили на Михайловском кладбище. Во время процесса захоронения туда подошли мать и жена Н. Лакоба – Шахусна и Сария. С этого момента начинается Большой террор в Абхазии.

После этого сподвижников и соратников Лакоба обвинили в сговоре с «врагом народа» и называли их «лакобовцами». Ордера на арест ближайших родственников Лакоба – Михаила и Василия Лакоба, Меджита Джих-оглы были выданы уже 8 апреля 1937 г. Арест соратников Нестора продолжился. 15 июня арестован бывший нарком земледелия М. Чалмаз. Тогда же были арестованы нарком К. Семерджиев, его брат доктор И. Семерджиев и врач В. Анчабадзе, которые вынесли заключение об отравлении.

20 июля 1937 г. Берия обратился с запиской к Сталину, где говорилось, что Н. Лакоба входил в контрреволюционную организацию, которая ведет работу по свержению советской власти и созданию самостоятельной Абхазии под протекторатом Англии или Турции. В записке также говорилось: «Считаем необходимым также арестовать и после следствия выслать за пределы Закавказья жену и мать Н. Лакоба, которые были тесно связаны с группой ныне арестованных членов к. р. группы Н. Лакоба и ведут себя

очень подозрительно». В ответ Сталин дал «добро», и уже 23 августа были арестованы Шахусна и Сария по обвинению в том, что они якобы выкрали труп Нестора с Михайловского кладбища. Однако останки Нестора были сожжены в известковой яме.

По делу «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой шпионской организации в Абхазии» в Сухуме в октябре-ноябре по инсценировке Берия проходил открытый судебный процесс. По этому процессу проходили 13 «лакобовцев»: М. Чалмаз, М. Лакоба, К. Инал-ипа, Д. Джергения, В. Лакоба, В. Ладария, А. Энгелов, С. Туркия, П. Сейсян, С. Кишмария, С. Эбжноу, Х. Чанба, К. Ахуба. Все они были приговорены к расстрелу. Аресты продолжались и после этого.

Другими сфабрикованными делами НКВД Абхазии также были: «Об антисоветской националистической организации в Абхазии» «Дашнакская к-р организация», «Параллельный центр Абхазии», «Вредительская организация в Госбанке», «Террористическая организация в органах суда и прокуратуры», «Контрреволюционная организация в системе Наркомпроса», «Диверсионная организация в типографии газеты «Советская Абхазия» и «Шпионская организация в Сухумском порту».

Трагичной была судьба семьи Нестора Лакоба, с которой сталинский режим расправился с необыкновенной жестокостью и садизмом. Супруга Н. Лакоба содержалась в тюрьме в нечеловеческих условиях, а их несовершеннолетний сын, на глазах у которого издевались над его матерью, по достижении совершеннолетия был расстрелян. Такая участь постигла и супругу Михаила Чалмаз, и супругу Анатолия Вардания. Супруга Арсения Хашба вынуждена была покинуть Сухум и выехать в Среднюю Азию, супруга Виктора Кукба подвергалась постоянной слежке и преследованиям. Их участь разделят сотни абхазских женщин. С той лишь разницей, что некоторые из них выжили в тех нечеловеческих условиях, в которых они оказались во время ссылок. Дома их малолетние и несовершеннолетние дети оставались на попечении родственников, а иногда и чужих людей, соседей, знакомых. Судьба многих детей была трагичной.

Мученически были замучены также большая группа партийных и советских работников и родственники Н. Лакоба. Вскоре после его смерти, в начале 1937 г., в Абхазии начались массовые аресты. Так, из 185 членов и 49 кандидатов в члены ЦИК Абхазии, избранных на VII съезде Советов в 1935 г., на сессии 10 июля 1937 г. присутствовал только 41 человек, а все остальные были исключены из членов ЦИК «как контрреволюционеры, двурушники и враги народа».

О том, каким образом проводились «следствия» по названным делам в органах НКВД Абхазии, свидетельствуют некоторые рассекреченные документы. В частности, 3 августа 1938 г. житель г. Сухум М. Н. Салия в письме к

И. Сталину писал: «... раздевается человек совершенно голым и кладется на пол, приходят «бойцы» с кнутами в руках, человека четыре, и начинают избивать, это продолжается до потери сознания жертвы, дается ему передышка минут пять, ибо и «бойцы» устали от битвы, дается жертве в нос нашатырный спирт, чтобы он очнулся, тогда обливается все тело водой и начинают опять бить четыре человека со всей силой... Вторично потеряв сознание, человек лежит без памяти... Запихивается ему рот бумажками или тряпкой и продолжают бить до тех пор, пока он не скажет, что он контрреволюционер. После 4–5 часов избиения арестованный отводится в камеру, здесь он застаёт кошмарную картину, лежат «репрессированные» от ударов кнута, мясо из тела вырванное начало гнить, тут мухи роем сидят на изорванном теле человека, тут ужасный запах от сгнивших заживо людей... Человек говорит: да. Я контрреволюционер... Но теперь ему говорят – кого же ты завербовал... должен выдать человек 5–6... Новые жертвы арестованы и уже их репрессируют...».

Дело дошло до того, что даже во время такого беззакония и произвола органы НКВД Абхазии перешли все возможные и невозможные грани, в связи с чем нарком внутренних дел Грузии Гоглидзе создал специальную комиссию для проверки деятельности НКВД Абхазии. Глава этой комиссии, заместитель наркома Гвишиани по результатам ее деятельности составил докладную. В этом документе, датированном 10 октября 1938 г., в частности, говорилось: «Во внутренней тюрьме НКВД Абхазии распоряжением т. Пачулия в начале 1938 г. был создан карцер... В стене этого помещения на некоторой высоте от пола была пробита дверь, а затем налита вода, уровнем до 20 сантиметров... Сам карцер представляет из себя небольшое низкое помещение, без окон, с зацементированным полом. Никаких предметов в карцере нет. Этим карцером оперативный состав НКВД Абхазии широко пользовался как средством получения признаний от арестованных... Арестованный совершенно раздевался и весь период своего заключения в карцере на оправку не выводился, оправляя свои естественные потребности прямо в воду, в которой сам же находился... Наряду с карцером, в аппарате НКВД Абхазии в целях признаний от подследственных арестованных широко применялись самые разнообразные и ухищренные способы репрессирования, переходящие в прямое издевательство, а у некоторых опер. работников принявшие форму садизма... Арестованных били палками, резиной от автопокрышки, скрученной веревкой, ножкой от венского стула... На арестованных надевалась меховая шапка с наушниками, меховая куртка, сверху шуба, затем валенки и в руки давались тяжести – чемоданы с кирпичами, или же камнями, причем – эти чемоданы, дабы арестованный их не мог опустить на пол, привязывались к кистям рук. Некоторым арестованным в одну руку давался чемодан, привязанный к кисти, а другая рука также за кисть подвязывалась к гвоздю, прибитому к стене на высоте человеческого роста с вытянутой рукой. Этим достигалось такое положение,

при котором арестованный, держа тяжесть в одной рукой, не мог опуститься на пол... Вряд ли можно назвать следствием, в правильном понимании этого слова, ту работу, которая осуществлялась аппаратом НКВД Абхазии на протяжении последнего периода времени... У опер. работников НКВД Абхазии наблюдается, я бы даже сказал, боязнь объективного подхода к имеющимся материалам на того или иного обвиняемого...». На основании выводов комиссии 23 октября 1938 г. Пачулия был снят с должности Наркома внутренних дел Абхазии с формулировкой «арестовать на 20 суток, с последующим использованием на менее ответственной работе». Действительно, несмотря на нечеловеческие издевательства над людьми он спокойно жил и «трудился» до июня 1956 г., когда был приговорен к расстрелу, замененному затем на лишение свободы на 25 лет.

Согласно обзорной справке помощника военного прокурора ЗакВО, подполковника юстиции В. Джурий от 17 апреля 1956 г., с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г. было репрессировано 2186 человек. Из них осуждены к высшей мере наказания 749 чел. (главным образом, тройкой при НКВД, ГССР); к лишению свободы – 794 чел.; умерло до осуждения – 28 чел.; освобождено (главным образом, после сентября 1938 г.) – 238 чел. (из них по постановлениям НКВД – 223, оправдано судом – 15). Также было арестовано, но по ним сведений в картотеке нет – 377 чел.

Всего с 1937 по 1941 г. было расстреляно до 3 тыс. человек.

Еще в мае 1937 г. по решению партконференции Абхазии был признан целесообразным перевод абхазского алфавита на грузинскую графическую основу, для чего была создана комиссия под руководством секретаря ЦК КП(б) П. Шария. Алфавит, созданный комиссией, был утвержден ЦИКом Абхазии в 1938 г. Наряду с этим целенаправленное переселение грузинского населения в Абхазию, задуманное ещё меньшевистским правительством Грузии, практически начало осуществляться с 1937 г. по инициативе Л. Берия. В докладной записке, составленной в 1940 г. Госпланом Абхазии для правительства республики, указывалось: «По инициативе любимого сына грузинского народа товарища Л. П. Берия в Абхазию переселяются из малоземельных районов Грузии тысячи крестьянских хозяйств. Организовано 11 новых переселенческих колхозов из малоземельных районов Грузинской ССР». В 1939 г. создаются переселенческие отделы при СНК Грузии и Абхазии. 25 июня 1938 г. была создана Абхазская строительная контора переселенческих колхозов «Абхазпереселенстрой». Своё несогласие с переселенческой политикой в Абхазии высказал заместитель СНК и нарком земледелия Абхазской АССР Т. Ч. Бганба, мотивируя это отсутствием лишних площадей. Однако мнение наркома осталось не услышанным, а сам он был снят с поста заместителя председателя СНК и наркома земледелия (декабрь 1940 г.). Даже после начала Великой Отечественной войны переселение грузинского крестьянства не только не прекратилось, а наоборот, усилилось.

При этом репрессии в Абхазии проводились по национальному признаку. Так, «в 1938 г. ни в одном из учреждений, будь то учреждение правительственное, административное, органы НКВД, торговля или кооперация, – нельзя было найти ни одного абхазца. Абхазов, которые могли бы занять места в правительственном аппарате страны, – не было».

1937–1953 годы стали периодом, когда стоял вопрос именно о ликвидации народа такого. О том, что ставилась и решалась такая задача, свидетельствует вся совокупность репрессивных акций в отношении абхазов. Была обезглавлена нация: уничтожены как важнейшие государственные и партийные лидеры Абхазии, так и практически вся только что народившаяся интеллигенция. Массовым репрессиям подверглось крестьянство. В 1938 г. абхазский алфавит волевым решением без всяких на то оснований был переведен на грузинскую графическую основу. С 1940 г. абхазский народ запрещалось именовать таковым. С 1941 г. прекратились радиопередачи на абхазском языке.

1.2. Вторая волна репрессий. С 1941 г. последовала вторая волна репрессий. Как считает проф. С. Лакоба, «нельзя обойти молчанием и попытки депортации абхазов. Об этом свидетельствует вторая волна репрессий, которая обрушилась в августе – сентябре 1941 г. на группу абхазской интеллигенции, уцелевшей после 1937 г. Арестованные 20 чел. (18 абх., 1 нем., 1 грузин) обвинялись НКВД Абхазии в том, что якобы в 1941 г. «явились активными членами контрреволюционной национал-социалистической организации, ставившей своей конечной целью захват власти на территории Абхазии в свои руки при непосредственной помощи германских вооружённых сил». Уже после начала Великой Отечественной войны были арестованы и расстреляны (1941 г.) видные представители абхазской интеллигенции, некогда активные члены Абхазского Народного Совета (всего 20 человек, в т.ч. С. Басария, А. Какуба, М. Тарнава и др.). При этом семьи репрессированных по первой категории подлежали выселению в другие области, поэтому выселением семей репрессированных абхазских граждан решалась основная задача, поставленная Сталиным и Берия, – «очистить» Абхазию от абхазов.

Значит, абхазы также должны были покинуть свою Родину, ибо они обвинялись в сотрудничестве с фашистами? Напрашивается вывод из вышеизложенного, что очень удобным для реализации преступных замыслов Сталина и Берия оказался период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ситуация была экстремальной, и, видимо, посчитали, что преступления против целых народов не так будут заметны.

Обращение к этой проблеме необходимо ещё и для того, чтобы увековечить память тысяч граждан Абхазии, могилы которых до сих пор неизвестны. По свидетельству очевидцев, которых становится с каждым днём всё меньше, есть в пригороде Сухума, в районе Каштака, неизвестное захоронение, куда привозили приговорённых к расстрелу людей, расстреливали, а затем свали-

вали их в общую яму и засыпали землёй. И долго ещё слышались в этих местах глухие стоны. Таких кладбищ ещё много. Уходили и уходят из жизни родные и близкие безвинно расстрелянных, так и не узнав места их последнего пристанища.

Трагедия абхазского народа – наша большая боль и горький исторический урок, требующий анализа, серьёзной научной политической и нравственной оценки.

2. Народное хозяйство. Завершив восстановление народного хозяйства, руководство СССР приступило к индустриализации страны. Индустриализация в Абхазии имела свои особенности. Она определялась задачами создания в республике промышленных очагов, приближения промышленности к источникам сырья. В центре внимания был вопрос строительства предприятий тяжёлой промышленности, в первую очередь, освоение ткуарчальского угольного месторождения. Строительство первой ткуарчальской шахты началось в 1930 г. Оно шло с помощью рабочих, прибывших из России, Украины, других республик Советского Союза. В 1935 г. первая шахта вступила в строй. Ткуарчал превратился в индустриальный центр Абхазии.

В годы первых пятилеток в Абхазии была проведена большая работа по развитию энергетики. В декабре 1938 г. вступил в эксплуатацию первый агрегат Ткуарчальской ГРЭС. В этот период также велось строительство Сухумской ЭС. Выработка электроэнергии в Абхазии в 1940 г. составляла 154 млн квт-часов, вместо 3,5 млн квт-часов в 1913 г.

Шел бурный рост пищевой промышленности, которая в 1940 г. давала 56,4 % всей валовой продукции промышленности Абхазии. Возникла и быстро развивалась чайная промышленность. За годы первых пятилеток были построены Гальская, Ачигварская, Набакевская и Моквская чайные фабрики, шло строительство еще двух чайфабрик. В 1940 г. производство чая первичной обработки составляло 1234,2 тонны.

Ведущей отраслью стала табачная промышленность. Были построены и вступили в строй четыре ферментационных завода, реконструирована Сухумская табачная фабрика.

В довоенный период возникла и эфиромасличная промышленность. Эфиромасличные заводы Абхазии накануне войны давали до 15 % всей промышленной продукции республики.

В этот период также вступили в строй Сухумский рыбозавод, Сухумский, Гудаутский и Очамчырский заводы безалкогольных напитков, Сухумский и Очамчырский хлебозаводы, Сухумская кондитерская фабрика и другие предприятия.

В Абхазии наряду со строительством шахт, электростанций, заводов и фабрик разворачивается строительство культурно-бытовых учреждений, курортное и жилищное строительство. Размах строительства требовал создания

промышленности, строительных материалов. Вводятся в действие механизированные кирпичные заводы, Гудаутский гвоздильный завод, перестраиваются Кодорский, Калдахуарский, Галидзский лесопильные заводы, создаются другие предприятия стройматериалов.

В годы довоенных пятилеток появились новые дороги. В 1933 г. была построена железная дорога между Очамчырой и Ткуарчалом. В 1938 г. завершено строительство южного участка Черноморской железной дороги, соединившей Сухум с Тбилиси, а оттуда и с остальными республиками СССР. Продолжалось строительство северного участка ЧЖД. Почти все сельсоветы Абхазии были обеспечены автомобильными дорогами. Быстро развивался автотранспорт. Автобусы стали совершать регулярные рейсы между Сухумом, районными центрами и курортами Абхазии. В 1930 г. в Сухуме открывается причальная грузопассажирская пристань. В 1933 г. в Сухумском морском порту впервые в Советском Союзе был спущен на воду электроход. Также республика получила воздушное сообщение с Москвой, Тбилиси и другими городами страны. В Сухуме создаётся аэроклуб, сыгравший большую роль в подготовке кадров. Улучшается связь: сельские советы, большинство колхозов, совхозов и МТС были телефонизированы и связаны с районными центрами.

Большие изменения произошли в области государственной и кооперативной торговли. Общий товароборот государственной и кооперативной торговли, включая и общественное питание, вырос в несколько раз. Государственно-кооперативная форма торговли становится господствующей, вытесняя частную.

Перелом в колхозном движении наметился к 1935 г. Особенно массовой коллективизация стала после гибели Н. А. Лакоба. В предвоенные годы в Абхазии в основном завершилась сплошная коллективизация, объединившая в 1940 г. 94 % крестьянских дворов.

Важное место в развитии сельского хозяйства заняли совхозы. Расширились старые – «III Интернационал», «Ильич», «Псырцха» («Новый Афон») и создавались новые – Ачигварский и Моквский чайные, Эшерский и Кохорский цитрусовые, Тамышский эфиромасличный и каучуковый, Бамборский виноградарский и др. Происходила специализация многоотраслевых совхозов. Они играли важную роль в цитрусоводстве и эфиромасличном хозяйстве. По уровню технической оснащённости совхозы значительно превосходили колхозы.

Для расширения технической реконструкции сельского хозяйства, особенно колхозов, создавались машинно-тракторные станции (МТС). В 1940 г. в Абхазии было 5 МТС, имевших 117 тракторов. В результате применения новой техники соха, являвшаяся основным орудием труда в крестьянском хозяйстве дореволюционной Абхазии, вытеснялась из сельскохозяйственного производства.

Победа колхозного строительства, развитие крупного общественного хозяйства привели к росту посевных площадей и коренному изменению структуры сельского хозяйства. Были внедрены чай, цитрусы, тунг, герань и другие новые культуры. Одновременно получили дальнейшее развитие табак, кукуруза и виноград.

В корне изменилась классовая структура абхазского общества. До революции более 90 % составляли крестьяне и кустари, здесь не было промышленного пролетариата. В ходе индустриализации вырос рабочий класс. В 1939 г. он составлял 21% всего населения Абхазии. Удельный вес рабочих из числа абхазов вырос в 4,2 раза. Бурный рост числа рабочих и служащих (госаппарат, инженерно-техническая и творческая интеллигенция и т.д.) привёл к тому, что перед началом Великой Отечественной войны они составляли до 40 % населения Абхазии.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
2. Большой террор в Абхазии (Абхазская АССР): 1937–1938. Т. 2. Совет Европы. 2017.
3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.
4. Данилов С. Трагедия абхазского народа. // Материалы по истории Абхазии. Вып.1, Сухуми, 1990.
5. Декреты Советской власти. М., 1957.
6. История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 1991.
7. Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
8. Сб.док. по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953.
9. Хашба А. М. Политический террор середины 30–40-х годов и его цели. // Труды АГУ. Ч. I Аҟәа-Сухум, 2003. С. 129–130.

АБХАЗИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

План

1. Боевые действия на территории Абхазии.
2. Истребительные батальоны.
3. Вклад тружеников тыла в победу.
4. Герои Советского Союза.
5. Великая Отечественная война в представлениях о прошлом.

В годы войны из Абхазии в ряды СА и ВМФ было призвано и ушло на фронт добровольно 55,5 тыс. чел., из них абхазов – 15,5 тыс. (свыше 28 % от общего числа народа), в т. ч. 800 девушек, из которых 200 абхазок. Выходцы из Абхазии сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны: в боях под Москвой, при защите Ленинграда, Сталинграда, Одессы, Севастополя, Новороссийска, участвовали в обороне Кавказа, освобождении городов, областей, краёв, нац. территорий РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики, стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Двадцать три воина из Абхазии стали Героями Советского Союза (в т. ч. 4 абхаза). На фронтах войны погибли 17,5 тыс. чел. из Абхазии, из них абхазов – 5,5 тыс.

1. Боевые действия на территории Абхазии. В мае 1942 г. в районах Черноморского побережья было объявлено военное положение. В конце июня 1942 г. оборона побережья Чёрного моря на участке Лазаревск – р. Окум и соответствующий отрезок Главного Кавказского хребта была возложена на 3-й стрелковый корпус (СК), управление которого размещалось в г. Сухуме (команд. К. Н. Леселидзе). 25 июля 1942 г. немецкое командование перешло к общему наступлению с рубежа р. Дон – началась битва за Кавказ. Значительной страницей в ее истории явились бои на высокогорных перевалах и вершинах Санчаро (2959,2), Чамашха (2052), Аллаштраху (2723), Цегеркер (2265), Адзапш (2497), Чмахара (2486), Клухор (2781,8), Марух (2700), Нахар (2885,1), Домбай-Ульген (4046). В этом направлении вермахт сосредоточил снабженные специальным вооружением 1-ю («Эдельвейс») и 4-ю горно-стрелковые дивизии (ГСД), которые поддерживались дополнительными высокогорными частями и подразделениями. В случае успеха они могли выйти на побережье Черного моря в районе Сухума, Гудауты, Гагры, перерезать коммуникации Черноморской группы войск Закавказского фронта и содействовать дальнейшему продвижению в направлении Сочи – Сухуми – Батуми. Битву за Кавказ по его стратегической значимости

нередко ставят в один ряд с величайшими сражениями Великой Отечественной войны – Сталинградской битвой и Курской дугой. Во время продвижения германских войск по направлению к перевалам Абхазии с 15 по 18.08.1942 г. были совершены налеты на Сухум, Ткуарчал, населенные пункты Гагрского, Очамчирского и Сухумского районов. На рейде Сухума был потоплен пароход «Червона Украина» и повреждено госпитальное судно «Львов». Столице Абхазии был причинен большой материальный ущерб; разрушено 70 зданий, учреждений, школ, жилых домов. Погибло 83 человека, ранено 263. В бомбардировке участвовало 29 германских самолетов, сброшено 300 бомб.

Боевые действия на территории Абхазии происходили в трех направлениях: Клухорском, Санчарском и Марухском. На Клухорском направлении части 1-й ГСД «Эдельвейс» к середине августа 1942 г. заняли перевалы Клухор и Нахар; к 20.08 – ряд других перевалов Главного Кавказского хребта; 29.08 – перевал Домбай–Ульген. На Санчарском направлении германское командование предприняло наступление 25.08.1942 г., а 27.08 заняло с. Псху; 28.08 – Гудаутский перевал; 29.08 – хутор Решевье. 28.08 была создана группа войск по обороне Санчарского перевала, в состав которой вошли Псхувский взвод, отдельные отряды истребительных батальонов г. Сухум, Сухумского, Гудаутского и Гагрского районов – всего 400 бойцов. В ходе этих боев 28.08.1942 г. в Сухуме и Гагре были созданы комитеты обороны; в тот же день в Сухуме было объявлено военное положение. Тем временем на Клухорском направлении советские войска 1.09.1942 г. перешли в контрнаступление; в ночь с 7 на 8.09 противник вынужден был отойти к перевалам Нахар и Клухор. С 12.09 по 11.10 советские войска вели непрерывные наступательные бои, но овладеть Клухорским и Нахарским перевалами не удалось. На Санчарском направлении советские войска вели оборонительные бои до 5.09.1942 г., а затем в результате контрнаступления 5.09 освободили Гудаутский перевал; 9.09 – с. Псху; 16.09 – пер. Чамашха и Чмахара. На Марухском направлении 5.09.1942 г. германские войска заняли пер. Марух и к 12.09 продолжали удерживать рубеж на 5 км южнее перевала и имели непосредственно на нем до двух батальонов; 28.09 советские войска вышли на рубеж Южного ледника пер. Марухский. 18-19.10 на всех трех направлениях выпал большой снег и резко похолодало. Основные силы советских войск были отведены: на Клухорском направлении – 19.10; на Санчарском – 22.10; на Марухском – 21.10. В середине января 1943 г. немецкое командование начало выводить войска с перевалов Главного Кавказского хребта, чтобы не оказаться «в мешке» после поражения под Сталинградом. Неоценимую помощь советским войскам в горах оказало население Абхазии. Во многих селах были организованы специальные отряды, которые перебрасывали боеприпасы и продовольствие в места боевых действий. Многие жители горных сел – охотники и пастухи – показали себя отличными проводниками и разведчиками. В Абхазии медалями «За оборону Кавказа» награждены 8776 человек.

2. Истребительные батальоны. В Абхазии для противодействия германским диверсантам в конце июня 1941 г. были созданы истребительные батальоны во всех районах и один резервный батальон в г. Сухум. Они формировались из людей, освобожденных от призыва в армию или оставленных в тылу для работы в народном хозяйстве. Истребительные батальоны вели патрулирование и охрану мостов, дорог, объектов народного хозяйства и оборонного значения. Ими было ликвидировано несколько диверсионных групп: 31.01.1942 г. немецкий самолет «Юнкерс-88» с тремя летчиками совершил вынужденную посадку на территории Гудаутского района; 7.05.1942 в селе Моква высадились группа (5 диверсантов), а 26.05 в с. Река – вторая группа (4 диверсанта); 3–5.09.1942 г. были высажены две группы (14 диверсантов), в зону ответственности которых входил участок от р. Ингур до Сухума включительно; 27.08.1943 г. в 23 часа в селе Джгерда высадились на парашютах группа (5 диверсантов). Регулярными советскими частями была обезврежена группа (4 диверсанта), высаженная 6.07.1944 г. в районе Санчарского перевала в урочище Грибза. Гудаутский и Сухумский истребительные батальоны принимали активное участие в боевых действиях на Санчарском направлении.

3. Вклад тружеников тыла в победу. С начала войны был взят курс на перестройку всей жизни Абхазии на военный лад; развернулась большая военно-оборонная работа: были подготовлены тысячи миномётчиков, автоматчиков, снайперов, истребителей танков, связистов и т. д. С 1 октября 1941 г. во всех городах и районах Абхазии приступили к занятиям по всеобучу. На обслуживание нужд фронта перешли все ведущие отрасли промышленности. В Сухуме было организовано производство ручных гранат. С апреля 1942 г. в Абхазии было организовано производство бутылок с зажигательной смесью, стволов для минометов, производился ремонт военного снаряжения. Были военизированы морские порты, рыболовецкие предприятия. В Сухум был эвакуирован из Мариуполя судоремонтный завод. Население оказывало помощь воинским частям в строительстве объектов, имеющих стратегическое значение: аэродромов, железных и шоссейных дорог, мостов и оборонительных сооружений. В период битвы за Кавказ были построены шоссейная дорога Сухум – Цебельда, железнодорожная трасса Сухум – Бзыбь, Гудаутский аэродром и многочисленные оборонительные сооружения. Оперативная обстановка на фронте заставила форсировать строительство укрепленных районов, которые строились в виде отдельных узлов сопротивления в наиболее вероятных местах высадки десантов и включали две-три линии артиллерийско-миномётных и пулеметных дотов и дзотов, траншей, окопов, проволочных и минных заграждений. Сооружались бомбоубежища, блиндажи, противотанковые рвы. В тяжелых условиях войны горняки Ткуарчала снабжали Черноморский флот и предприятия Закавказья топливом. Развернулось движение за сбор средств на производство боевой техники; были собраны значительные средства на

строительство танковой колонны, эскадрильи боевых самолетов и торпедных катеров. За период войны население Абхазии внесло на строительство боевой техники 50 млн рублей, собирало теплые вещи, подарки, отправляло на фронт посылки. На территории Абхазии в период Великой Отечественной войны в разное время дислоцировалось 46 госпиталей. Многие предприятия и учреждения взяли шефство над госпиталями и их работниками. Большую работу провела за годы войны созданная в г. Сухуме станция переливания крови. Поклонный вклад в укрепление оборонной мощи страны вносили писатели, поэты, артисты, врачи, художники, композиторы, преподаватели вузов, учителя школ Абхазии. Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в Абхазии награждено свыше 32 тыс. человек.

В годы войны продолжались репрессии против абхазского народа. В сентябре 1941 г. были арестованы представители абхазской интеллигенции, обвиненные в планировании захвата власти в Абхазии при помощи немцев; массовый и плановый характер приняло переселение колхозников из западных районов Грузии в Абхазию; в 1945 г. обучение в абхазских школах было переведено на грузинский язык.

4. Герои Советского Союза. Это одна из трёх высших степеней отличия в СССР для присвоения отдельным лицам. Учреждена постановлением ЦИК СССР от 16.04.1934 г. Присваивалась за «личные или коллективные заслуги перед Советским государством и обществом, связанные с совершением героического подвига», как правило, за выдающиеся подвиги, связанные с риском для жизни. Двадцать три воина из Абхазии за подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, были удостоены звания Героя Советского Союза: В.И. Попков (дважды – 8.09.1943, 27.06.1945 г.); Н.П. Адамия (24.07.1942 г.); Р.М. Барцыц (16.05.1944 г.); Н.Т. Берия (17.11.1943 г.); М.М. Бастанджян (22.02.1944 г.); В.А. Габлия (15.05.1946 г.); Э.Г. Гараньян (15.01.1944 г.); Б.И. Гарин (4.02.1944 г.); К.М. Гонтарь (2.11.1944 г.); Г.Д. Дермановский (26.10.1943 г.); И.С. Зубков (23.09.1944 г.); Я.К. Иоселиани (16.05.1944 г.); М.В. Кантария (8.05.1946 г.); Я.Б. Кокоскерия (24.03.1945 г.); А.Р. Мелитян (27.06.1945 г.); В.Н. Очеленко (20.04.1945 г.); Н.Е. Редькин (24.03.1945 г.); М.С. Сахненко (3.06.1944 г.); Д.Э. Тавадзе (19.08.1944 г.); В.К. Харазия (2.06.1942 г.); Н.Я. Ходосов (24.03.1945 г.); А.Х. Чакрян (24.03.1945 г.); И.А. Макеёнок (20.4.1945 г.). Из них четыре абхаза – Р.М. Барцыц, В.А. Габлия, Я.Б. Кокоскерия, В.К. Харазия. По данным абхазского историка В. Пачулия, по числу Героев Советского Союза абхазы (в пересчёте на общую численность населения среди всех национальностей СССР) находятся «на престижном пятом месте после осетин, русских, украинцев и адыгейцев». Во время войны многим абхазам, представленным к званию Героя Советского Союза, было отказано в заслуженных наградах. Четверым из них – К.Х. Агрба, У.К. Басария, Ч.Б. Кварчия, Г.Б. Квеквескири «за за-

слуги, связанные с совершением героических подвигов во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», присвоено звание Героя Абхазии (28.09.2017 г.).

5. Великая Отечественная война в представлениях о прошлом. Великая Отечественная война для Абхазии такая же Отечественная, как и война с Грузией 1992–1993 гг. – это феномен двух Отечественных войн. Абхазия выступает против попыток пересмотра итогов Великой Отечественной войны и вносит свой посильный вклад в увековечивание памяти ее героев: 9 мая – День Победы – является государственным праздником, имена героев носят школы, улицы и скверы, им сооружаются памятники, посвящаются песни. 9 мая 1993 г., ещё в ходе Отечественной войны народа Абхазии, в свободной от оккупантов части республики торжественно отметили День Победы. В Гудауте состоялся митинг у памятника воинам, погибшим на фронтах в 1941–1945 гг. Ветераны, руководство республики и представители общественности возложили к памятнику живые цветы. Торжественный митинг, на котором выступил Председатель Верховного Совета Республики Абхазия Владислав Ардзинба, состоялся в воинском городке российских войск. Тогда же с обращением к «народам и правительствам мирового сообщества» выступил председатель Совета ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в РА Иван Лакербая.

Сразу после окончания войны с Грузией стали слышны единичные голоса о том, что погибшие на фронтах Отечественной войны 1992–1993 гг. в Абхазии погибли за Родину, а те, кто сражался за Советский Союз, сражались за чужие, по крайней мере, не за собственные, интересы. На наш взгляд, появление этих разговоров было связано с позицией руководства ельцинской России, которое, в рамках тогдашней геополитической конъюнктуры, стремилось заставить Абхазию отказаться от своих завоеваний.

Но даже в самые тяжёлые годы блокады подавляющее большинство граждан Абхазии воспринимало Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. как свою. Не было существенных и сколько-нибудь значительных поползновений в стремлении признать её «чужой», как это делалось во многих постсоветских странах. В частности, первый Президент Абхазии Владислав Ардзинба в праздничные и памятные дни, связанные с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., считал необходимым особо подчеркнуть её героический характер и судьбоносное значение. В честь ветеранов неизменно проводились и проводятся концерты, мероприятия, торжественные приёмы, парады, их именами названы улицы, парки, скверы, сооружаются памятники. С 2005 г. в Абхазии проводится акция «Георгиевская ленточка», а с 2015 г. – акция «Бессмертный полк». 2 августа 2017 г. в селе Псху были захоронены останки 33 солдат, погибших на Санчарском перевале во время битвы за Кавказ.

Литература

1. Абшилава А. А. Сыны Абхазии – Герои Советского Союза. Сухуми, 1961.
2. Абшилава А. А. Промышленность Абхазской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сухуми, 1972.
3. Герои Советского Союза. Т. 1. М., 1987.
4. Герои Советского Союза. Т. 2. М., 1988.
5. Медвенский Н. И. Боевые операции на перевалах Абхазии в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Сухум, 2012.
6. Пачулия В. М. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945). Сухум, 2015.
7. Черкезия Г. Т. Трудящиеся Абхазии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сухуми, 1962.

АБХАЗИЯ В 1945–1953 гг.

План

1. Восстановление народного хозяйства.
  1. 1. Промышленность, энергетика, транспорт.
  1. 2. Сельское хозяйство.
  1. 3. Культура в послевоенное время.
2. Колониальная политика грузинских властей в Абхазии.
  2. 1. Продолжение политики насильственной ассимиляции и этап национально-освободительного движения абхазского народа.
  2. 2. Выселение греков.

1. Восстановление народного хозяйства. Война нанесла народному хозяйству Абхазии огромный урон. 12 августа 1946 г. сессия Верховного Совета республики приняла Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. Его основной задачей являлась ликвидация последствий войны во всех отраслях народного хозяйства, восстановление и значительное превышение его довоенного уровня.

1. 1. Промышленность, энергетика, транспорт. В 1946 г. план по промышленности был выполнен на 111,7 %, а в 1947 г., при выполнении плана на 111,6 %, промышленность Абхазии превзошла довоенный уровень производства. Валовый объем продукции в 1948 г. составил 84 913 000 рублей. Тогда же значительно была снижена себестоимость, а качество продукции повысилось. Наряду с этим росли основные фонды промышленных предприятий. В 1949 г. промышленность Абхазии выполнила план на 104,2 %. Однако в работе промышленности были и недостатки. Основными из них являлись неудовлетворительное выполнение плана по ассортименту и низкое качество отдельных видов продукции, невыполнение планов некоторыми предприятиями.

В послевоенный период были построены Чубурхинджская, Окумская, Коcharская, Киндгская, Гудаутская, Драндская чайные фабрики. Намечались реконструкция и расширение существовавших фабрик; больше внимания стало уделяться строительству внутрифабричных бытовых и коммунальных объектов. Была осуществлена автоматизация и комплексная механизация трудоемких процессов. С 1949 г. чайные фабрики лучше наладили организацию заготовки сырья, его обработку, благодаря чему повысились количество и качество продукции. Продукция чайной промышленности значительно превысила довоенный уровень. В 1950 г. было выпущено 2 397 тонн чая первичной обработки, почти в два раза больше, чем в 1940 г.

В республике работали Сухумская табачная фабрика, которая расширилась и оснастилась новейшими машинами, и четыре ферментационных завода. Вскоре фабрика становится одной из передовых в этой отрасли. Однако в ее работе имели место недостатки, что выражалось в несоблюдении ассортимента и нарушении ритмичности работы, в отсутствии должного внимания экономичному расходованию электроэнергии и сырья.

В Абхазии также работали и другие учреждения пищевой промышленности – Сухумский консервный завод, Сухумский лимонадный завод, Сухумский мясокомбинат. В послевоенной пятилетке серьезных успехов достигла и винодельческая промышленность. Улучшилась технология изготовления вина. На базах его разлива были оборудованы цехи для мойки бутылок и фильтрования вина.

К концу четвертой пятилетки довоенный уровень в пищевой промышленности был превзойден на 66 %. Производство некоторых видов продукции возросло в несколько раз. Выпуск чая увеличился в 4,2 раза, папирос – в 5,8 раз, винно-водочных изделий – в 3,5 раза.

Сухумский кожевенно-обувной комбинат в первом году пятилетки не справился с заданием. Однако в 1947 г. были проведены работы по расширению производства и механизации трудоемких процессов, благодаря чему он вскоре стал перевыполнять плановые задания.

На предприятия местной промышленности поступили агрегаты новой конструкции, которые улучшили технологические процессы и способствовали росту производительности труда. К примеру, производственная мощность Сухумского кирпичного завода увеличилась на 30 %, на Гальском кирпичном заводе была сооружена новая печь, емкостью 60 тысяч штук кирпича. В те годы на Сухумской мебельной фабрике внедрили метод сушки материала током высокого напряжения. Дополнительно пять станков было установлено на Гальском промкомбинате, Кодорский лесопильный завод располагал цехами гнутых и строительных деталей для мебели. Вошел в строй Очамчирский тунгамаслобойный завод, продукция которого использовалось в производстве высококачественных лаков и красок, применявшихся в авиационной, автомобильной, судостроительной и в ряде других отраслей промышленности. Выросла продукция эфиромасличных заводов, поставлявших масла парфюмерной и мыловаренной промышленности.

До конца 1951 г. было построено более 50 мелких цехов, способных выпускать в год около 1 миллиона кирпичей, черепицы и несколько тысяч тонн извести. Однако из-за недостаточной мощности заводов стройматериалов местная промышленность выпускала их в недостаточном количестве.

В системе промышленной кооперации был организован ряд новых производств и цехов по выпуску чугунного литья, мебели, гончарных и самшитовых изделий и предметов домашнего обихода. Вместе с тем подавлялась частная

инициатива в этой сфере, что не могло не сказаться на ее развитии. На борьбу со «спекулянтами» и «дельцами» было направлено постановление Совета Министров СССР «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности».

Важной сферой жизнедеятельности является энергетика. Ей после войны также уделялось большое внимание. До войны в Абхазии имелось 44 крупных и мелких электростанций общей мощностью 34,1 тысяч киловатт-часов. В 1945–1956 гг. в Абхазии было построено 6 межколхозных гидроэлектростанций, в возведении которых приняло участие средствами, транспортом и рабочей силой около 70 сельскохозяйственных артелей. В 1946 г. вступила в строй вторая очередь Ткварчельской ГРЭС, а в 1948 г. – первая очередь Сухумской ГЭС, в 1950 г. – Хеванская и Ганахлебская ГЭС. В последующие годы в Абхазии были построены Цандрипшская, Бармышская, Моквская, Эшерская, Ажарская, Чхортольская, Чубурхинджская ГЭС, реконструированы Гальская, Беслетская, Кодорская ГЭС. Многие из них были межколхозными.

В 1945 г. закончилось строительство железной дороги Сухум – Адлер. Черноморская железнодорожная линия протяженностью 117 км включилась в общую магистраль СССР, что имело огромное хозяйственно-экономическое значение. Новые вокзалы были построены в Сухуме, Очамчире, Гудауте, Гагре, Ткварчале. Строились погрузочные пункты, железнодорожная ветка Куазан – Акармара. В четвертой пятилетке среднесуточная погрузка по Абхазской железной дороге возросла почти в полтора раза, а выгрузка – более чем на одну треть. В 1950 г. отправление грузов составило 784 тысячи тонн, а прибытие грузов – 1003.

В эти же годы была построена шоссейная дорога от Афона до Сухума, проложена автомобильная дорога Сухум – Клухор, закончилось строительство дороги Рица – Ауадхара. Был введен в строй участок Черноморского шоссе в обход оползней между Сухумом и Новым Афоном, реконструированы и выпрямлены отдельные участки Черноморского шоссе, возведены мосты на реках Моква, Галидзга, Окум, которые вступили в эксплуатацию в 1949 г. Силами жителей сел были построены дороги местного значения общей длиной 133,6 километров. Всего за пятилетку был построен 261 мост общей длиной 2308 метров. На строительство дорог было израсходовано 47,472 тысяч рублей.

Народное хозяйство Абхазии получило много новых грузовых автомобилей. Восстановилось регулярное автобусное движение по всем направлениям, действовавшим до войны. В Сухуме был создан таксомоторный парк. Значительно возросли грузооборот и пассажирские перевозки в сухумских морском и воздушном портах. К 1950 г. число учреждений почты, телеграфа и телефона по сравнению с 1940 г. увеличилось в 1,3 раза.

За четвертую пятилетку было осуществлено техническое перевооружение народного хозяйства, повышен уровень механизации трудоемких работ. Боль-

шинство заводов и фабрик Абхазии значительно расширилось, обогатилось новыми корпусами, цехами, оснастилось передовой техникой. Вводились в действие новые шахты, электростанции, предприятия пищевой промышленности, заводы стройматериалов. Благодаря этому было достигнуто снижение себестоимости продукции, ускорение оборачиваемости оборотных средств, значительное выполнение планов по накоплениям. В течение пятилетки были построены и вошли в строй шахты №2 и №4 в Ткварчале. Завершилось строительство шахты №5 и новой мощной обогатительной фабрики. В 1946 г. здесь было добыто угля 354 тыс. тонн, в 1947 г. – 408 тонн, в 1948 г. – 465 тонн. В 1950 г. добыча угля достигла 782,1 тысяч тонн, превысив уровень 1940 г. в 3,4 раза. Трест «Ткварчелуголь» вошел в число передовых предприятий угольной промышленности Советского Союза. Шахты этого треста неоднократно удостоивались переходящего Красного Знамени. В 1951 г. была сдана в эксплуатацию шахта №5, а в 1952 г. – шахта №3. В 1952 г. годовой план добычи угля трест выполнил на 108,2 %, а задание по проходке – на 114,2 %.

Четвертый пятилетний план был выполнен к 1 ноября 1950 г. А в 1952 г. план выпуска валовой продукции промышленностью Абхазии был реализован на 103,2 %. Объем валовой продукции промышленности местного подчинения Абхазии по сравнению с предыдущим годом увеличился на 10,5 %. Наряду с этим в развитии промышленности имелось и немало недостатков. Не на всех шахтах до конца использовались резервы производства, уделялось должное внимание подготовительным работам. По некоторым шахтам имелось существенное невыполнение плана. Причинами отставания были случаи нарушения дисциплины, простои механизмов, текучесть рабочей силы, поздний спуск и ранний подъем из шахты. Слабо велась борьба за качество угля. Плохо ремонтировались механизмы; на некоторых шахтах имели место аварии, повреждение подземного транспорта и т. д. Нормальной работе шахт мешали трудности с вывозом и транспортировкой угля, в частности, длительные простои канатной дороги. Руководство промышленностью затруднялось тем, что значительная часть инженерно-технических кадров вместо работы непосредственно на производстве продолжала оставаться в канцеляриях трестов и министерств. Не все промышленные предприятия выполняли планы. Значительное число предприятий промышленности работало неритмично, что приводило к простоям рабочих, оборудования, перерасходам фондов заработной платы, повышению себестоимости продукции. Отдельные предприятия не обеспечивали выпуск продукции в установленном ассортименте и стандарте. В это время продолжалось массовое заселение Абхазии, в том числе шахтерского города, пришлым грузиноязычным элементом, которому в первую очередь предоставлялось жилье. А трест «Ткварчелшахтстрой» не поспевал за растущими потребностями в жилье. Кроме того, на многих строившихся объектах выделенные средства не осваивались, планы строительных работ не

выполнялись. В организации социалистического соревнования имели место элементы бюрократизма, формализма, парадности, показухи.

1. 2. Сельское хозяйство. В результате войны серьезные потери понесло сельское хозяйство Абхазии. Материально-техническая база колхозов и совхозов за время войны сильно сузилась. Количество сельскохозяйственной техники, главным образом тракторов, сократилось почти вдвое. Весь инвентарь был изношен. Не хватало рабочих рук.

Пятилетний план (1946–1950 гг.) развития сельского хозяйства Абхазии ставил задачу расширения чайных и цитрусовых плантаций, насаждений тунга и эвкалипта и одновременно предусматривал значительное увеличение урожайности всех сельскохозяйственных культур. План был весьма напряженным.

В 1946 г. планы заготовок сельскохозяйственных продуктов были перевыполнены. Однако не достигло довоенного уровня производство желтого листового табака. В 1947 г. цитрусоводы Абхазии получили самый высокий урожай цитрусовых плодов за все годы существования субтропического хозяйства в республике; средняя урожайность кукурузы составила 14,6 центнера с га, тогда как в 1940 г. средний урожай составлял 5,9 центнера с га; был перевыполнен годовой план сбора чайного листа на 1052,5 т, но его урожайность была почти в два раза меньше, чем в довоенном 1940 г.; было заготовлено 6995 т табака – на 2 256 т больше, чем в довоенном 1940 г. Общий доход в области сельского хозяйства Абхазии увеличился в 1947 г. по сравнению с 1940 г. в 3,5 раза. Также во многих колхозах выросла стоимость трудодня. Если, например, в 1940 г. стоимость одного трудодня в среднем составляла 2 руб. 77 коп. и 0,730 кг зерном, то в 1947 г. стоимость одного трудодня достигла 9 руб. 10 коп. и 3 532 кг зерном.

В 1948 г. урожай кукурузы значительно превзошел урожай зерновых и зернобобовых культур 1947 г.; было заготовлено на 869 т больше табака, чем в 1940 г. В 1948 г. из 8 тыс. га посева табака 5 тыс. га составляли высококачественные сорта «Самсун». В 1948 г. было собрано 6 431, 5 т чая против 3 437 т в 1940 г. Значительные успехи были достигнуты и в развитии виноградарства и плодоводства.

В 1948 г. площади виноградных плантаций составляли более 10 000 га, чая – свыше 9 500 га, плодовых насаждений – более 7000 га, плантаций тунга – 4000 га. А в 1950 г. посевные площади зерновых и зернобобовых культур в Абхазии составляли 25 693 га, в том числе кукурузы – 24 908 га; виноградных насаждений – 10 016 га; чайные плантации – 9 580 га; овощей – 617 га. В конце пятилетки посевные площади всех сельскохозяйственных культур Абхазии составляли 53 208 га.

К концу 1950 г. сельское хозяйство Абхазии было охвачено коллективизацией на 99,6 %. В Абхазии было 12 совхозов: чайных – 3, цитрусовых – 3, виноградарских – 1, овощно-молочных – 3, птицеводческих – 1, эфиромас-

личных – 1. А из 226 колхозов Абхазии 126 были колхозами-миллионерами. В 1950 г. в среднем было выработано 260 трудодней и выделено на трудодень по 11 руб. 50 коп. и более 4 килограммов зерна.

За успехи в восстановлении сельского хозяйства Абхазии только за 1948–1950 гг. 246 работникам было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а свыше тысячи награждено орденами и медалями Советского Союза.

Однако в целом сельское хозяйство значительно отставало. Важнейшей причиной этому являлось нарушение принципа материальной заинтересованности колхозников в развитии производства, в результатах коллективного труда. Низкие заготовительные и закупочные цены на продукты сельского хозяйства не стимулировали материальной заинтересованности. Практика заготовок, при которой передовым колхозам устанавливались повышенные задания по обязательным поставкам, ставил их в невыгодное положение по сравнению с отстающими сельхозартелями. Серьезной причиной отставания сельского хозяйства также было неудовлетворительное использование техники, которой во все возрастающих размерах государство оснащало деревню. Низок был уровень механизации трудоемких процессов в животноводстве, в производстве овощей, кормов. В МТС отсутствовали подготовленные постоянные кадры механизаторов. Сложная техника доверялась сезонным рабочим, выделенным колхозами на время полевых работ. Они не были заинтересованы в сбережении техники. Среди сельских механизаторов наблюдалось большая текучесть и низкая производственная дисциплина.

При планировании не учитывались вопросы рентабельности и целесообразности развития культур в экономике каждого отдельного хозяйства. Достижения агрономической науки внедрялись очень медленно и шаблонно. Еще в ходе войны в 1944 г. было решено, что все погибшие от морозов насаждения эвкалиптов – более 4 миллионов корней – в течение 1944–1948 гг. должны быть полностью восстановлены. За это время было посажено 3 771000 корней эвкалипта. Проблема развития эвкалипта в условиях трудных послевоенных лет не была критически осмыслена и нанесла большой ущерб сельскому хозяйству. Без учета реальных возможностей форсировалось и развитие цитрусовых. Отвлечение рабочей силы на закладку эвкалиптов и цитрусовых, зачастую на не пригодных для этой цели участках, отрицательно сказалось на уходе за чайными плантациями. Однако в 1949 г. был принят новый план по закладке цитрусовых на обширной площади, которую к 1955 г. планировалось довести до 12 481 га. Этот план не соответствовал имевшимся трудовым ресурсам. Тем более что от колхозов и совхозов одновременно требовалось форсированное развитие производства зерна, многих других субтропических и технических культур. Однако суровая зима 1949–1950 гг. убедительно доказала, что без серьезной подготовки и обеспечения сохранности от морозов и болезней нельзя развивать субтропические культуры. Морозы, доходившие

местами до 12 и более градусов, погубили свыше 78 % всех насаждений цитрусовых. Почти полностью погибли насаждения эвкалипта. Колхозы и совхозы Абхазии понесли большой материальный ущерб. В результате морозов осталось только апельсинов – 24,2 %, лимонов – 18,2 %, мандаринов – 24,1 %.

В 1950 г. в Абхазии начали сеять пшеницу, которая здесь дает очень низкие урожаи. Тогда же решением властей было засеяно 100 гектаров зерновой культуры гоми. Однако выращивание гоми в условиях Абхазии оказалось нецелесообразным и нерентабельным. Также планировалось значительно увеличить площадь чайных плантаций и поднять их среднюю урожайность в четыре и более раза. Однако ни ту, ни другую задачу не удалось решить, так как колхозам приходилось затрачивать непроизводительно много сил и средств на закладку новых насаждений в ущерб восстановлению запущенных в годы войны полносборных чайных плантаций.

В Абхазии поголовье коров также сократилось с 66,5 тыс. в 1941 г. до 58,8 тыс. к началу 1953 г., в том числе в личных хозяйствах колхозников оно снизилось соответственно с 61,4 до 44,8 тыс. голов.

В 1950 г. было принято решение об укрупнении мелких колхозов. По его результатам к 1951 г. в Абхазии вместо 308 стало 197 колхозов. Административно-управленческий аппарат сократился на 448 работников, снизились расходы на его содержание. Однако это решение было недостаточно продуманно, не учитывались вопросы экономической целесообразности и другие факторы. Это приводило к частым перестройкам колхозов. Так, если в 1953 г. число колхозов сократилось до 187, то в 1958 г. их было 227, а затем в 1965 г. – 135. Столь частые перестройки осложняли руководство очередными сельскохозяйственными работами.

1. 3. Культура в послевоенное время. Культурная жизнь оживилась после войны. Одно из ведущих место занимала наука. В рассматриваемое время плодотворно трудились сотрудники Абхазского института языка, литературы и истории: первый абхазский археолог, ветеран Великой Отечественной войны М. Трапш, а также А. Лукин, Л. Соловьев, Х. Бгажба, К. Шакрыл, Г. Дзидзария, А. Оланецкий, А. Мелихов, И. Аджинджал, И. Антелава, Д. Гулиа, Б. Шинкуба, Б. Джанашия, Ш. Инал-ипа, Ц. Бжания.

Еще в 1944 г. Сухумский филиал ВИЭМ был реорганизован в Медико-биологическую станцию АМН СССР, которая не прекращала исследования и в годы войны. Проводились изучения травматических неврозов, методов применения и совершенствования противостолбнячной вакцины, анатоксинов. Питомник был экспериментальной базой по изучению особо опасных инфекций. Здесь проводились чрезвычайно ответственные исследования: в 1943 г. на обезьянах апробировались первые препараты отечественного антибиотика – пенициллина. В 1942–1945 гг. здесь изучались результаты использования эфирных масел для лечения инфицированных ран. Изучались высшая нерв-

ная деятельность, экспериментальные неврозы у обезьян, экспериментальный полиомиелит. Эти исследования в дальнейшем привели к значительным достижениям медицинской науки. В 1951 г. были получены первые в мире злокачественные модели дизентерии Зоне. В 1945–1957 гг. были проведены апробации антибиотиков по методам лечения острой и хронической дизентерии, выработаны экспериментальные модели дизентерии, паратифов. Большие успехи были достигнуты в области лучевой патологии и экспериментальной онкологии. За успехи в этих направлениях группа ученых института в 1953 г. была награждена премией им Н. П. Мечникова.

В 1948 г. в Сухуме был открыт Абхазский филиал Грузинского научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии, который занимался исследованием климатических ресурсов Абхазии, механизмов действия климатических факторов на организм человека. Сотрудниками института было установлено, что ауадхарская минеральная вода оказывает стимулирующее воздействие на различные функции пищеварительных органов.

В 40–50-х гг. оживилась научная работа Сухумского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института чая и субтропических культур (ВНИИ-ЧиСК). Институт анализировал условия увеличения урожайности чайного листа и цитрусовых, разрабатывал методы борьбы с вредителями и болезнями, создавал климатическую карту микроучастков районов Абхазии, вырабатывал научные рекомендации по повышению урожайности сельскохозяйственных культур.

В послевоенные годы функционировала Сухумская опытная станция субтропических культур Всесоюзного института растениеводства. Важнейшим направлением ее деятельности было выведение и отбор опытным и лабораторным путем морозоустойчивых сортов цитрусовых, плодовых и других культур, интродукция субтропических и технических культур.

Сухумская опытная станция эфиромасляных культур специализировалась в основном на получении новых эфирносов. Была разработана технология получения эфирных масел из различных эфирносов. Велась работа по размножению и производству культур лимонного сорта, туберозы и т. д.

Абхазская табачная опытная станция Всесоюзного научно-исследовательского института табака и махорки вела работу по повышению урожайности табачной культуры путем увеличения плодородия почвы и использования рациональной агротехники, улучшению качества табака, его ароматичности.

В Сухуме в послевоенные годы был создан физико-технический институт. В конце 1950 г. было 11 научных учреждений, на которых работало 126 научных работников: 3 доктора наук, 33 кандидата, 1 профессор, 3 доцента, 27 старших научных сотрудников и 24 младших научных сотрудника. Научные учреждения испытывали недостаток в материально-технической базе и квалифицированных кадрах.

В послевоенные годы возобновился процесс введения всеобщего семилетнего обучения. В 1945–1946 гг. было 427 школ, в которых училось 52 тыс. учеников. С 1944 г. открываются школы рабочей молодежи для обучения без отрыва от производства. После войны для подготовки педагогических кадров средней квалификации создавались педагогические училища. Педагогические кадры стали готовить в Сухумском абхазском, грузинском, армянском, русском, а также в Гульрипшском и Драндском училищах. С 1 сентября 1945 г. на базе объединения двух педучилищ – абхазо-русского и грузинского формируется Сухумское государственное педагогическое училище, которое функционировало до 1958 г. В том же году были открыты Очамчирское, Гудаутское и Гагрское педучилище. Было основано армянское педучилище в Сухуме.

В 1945 г. в Абхазии было 8 библиотек, 2 музея, 43 клуба, 61 изба-читальня. 12 января 1946 г. постановлением Совнаркома Абхазии было создано Управление по делам культурно-просветительских учреждений. В его ведение были переданы: Абхазская республиканская, 7 городских и районных, 2 детские и 4 сельские библиотеки; Государственный музей в Сухуме; 6 домов культуры в городах и районных центрах; 53 сельских клуба, 64 избы-читальни, клуб в поселке Псыцца Гудаутского района, методический кабинет политпросветработы в Сухуме, 6 лекционных бюро в районных центрах. В 1948 г. в культурно-просветительных учреждениях Абхазии работало 206 человек, а в 1952 г. насчитывалось 320 библиотечных работников. Позднее Указом Президиума Верховного Совета Абхазии от 15 мая 1953 г. Управление по делам искусств и Управление по делам культурно-просветительных учреждений были объединены в Министерство культуры. Были укреплены районные и городские отделы культуры.

В послевоенные годы происходит творческий рост абхазского театра. Он пополнился новыми талантливыми артистами и режиссерами. Важным событием в культурной жизни республики явилось открытие в 1952 г. нового здания Сухумского драматического театра. В послевоенные годы велась планомерная подготовка абхазских кадров в Тбилисских и Московских центрах искусства.

В послевоенные годы абхазские композиторы И. Лакербай, И. Кортау, Р. Гумба, А. Чичба и др. создали ряд песен, которые прочно вошли в репертуар профессиональных и самодеятельных коллективов. На основе абхазской народной музыки создавались произведения для симфонического оркестра. В 50-х гг. началась творческая деятельность талантливого первого абхазского дирижера Л. Джергения. Проводилась работа по созданию и совершенствованию древних абхазских музыкальных инструментов – аюмаа, ахымаа, ачарпын. Они все более внедрялись в самодеятельные и профессиональные коллективы.

В 1948 г. при Доме творчества Абхазии был создан этнографический ансамбль песни и танца долгожителей Абхазии «Нартаа». Этот уникальный коллектив, организованный заслуженным деятелем искусств Грузии и Абхазии И. Кортуга, вскоре приобрел широкую популярность. В эти годы создавались самодеятельные коллективы в деревнях и районных центрах Абхазии.

Для послевоенной абхазской литературы была характерен идейно-художественный рост, расширение и обогащение тематики. В первые послевоенные годы в творчестве абхазских писателей большое место занимала тема героического труда советских людей. Это особо заметно в творчестве Д. Гулия, Б. Шинкуба, И. Папаскир, А. Ласуриа, Ш. Пачалия, Г. Гулия (его повесть «Весна в Сакене» в 1949 г. была удостоена Государственной премии).

В 1950 г. расходы здравоохранения составили 37 301 тыс. руб. В конце 1950 г. в Абхазии было 57 лечебных учреждений: в городах – 27, в селах – 30. Больничных коек по Абхазии было 1 849: в городах – 1460, в селах – 389.

2. Колониальная политика грузинских властей в Абхазии

2. 1. Продолжение политики насильственной ассимиляции и этап национально-освободительного движения абхазского народа. Послевоенные годы для абхазов ознаменовались очередным этапом их насильственной ассимиляции. Грузинские шовинисты, идейными вдохновителями которых являлись Сталин и Берия, рьяно стремились к своей цели: огрузинить Абхазию. Это осуществлялось различными средствами, одной из которых была «реорганизация» абхазских школ. В 1945/1946 учебном году обучение в абхазских школах было переведено на грузинский язык. До этого времени в абхазских школах обучение происходило до 5-го класса на родном языке, а с 5-го класса – на русском. Данное мероприятие было проведено сугубо секретно, если не считать нескольких человек из абхазской интеллигенции, которые были привлечены к его подготовке.

Вдохновители и проводники этой акции обосновывали ее следующим образом: «Программа в абхазских школах была составлена неудовлетворительно» и «вследствие обучения на трех языках учащиеся очень затруднялись в успеваемости, сильно отставали, поскольку они не владели тем языком, на котором обучали их с 5-го класса»; или еще лучше: «Преподавание на родном языке в абхазских школах во всех десяти классах невозможно практически осуществить, и для перспективы развития культуры абхазцев, число которых доходит лишь до 50 тыс. душ (*цифра значительно преуменьшена*) не целесообразно...»; и, наконец: «Абхазцы не являются этнически самостоятельной единицей», а поэтому «преподавание в абхазских школах надо перевести на грузинский язык».

Преподавательские кадры для «реорганизованных» абхазских школ, которые теперь стали называться грузинскими, были мобилизованы в основном из разных районов Грузии. Что же касается местных абхазских преподавателей, то многие из них оказались за стенами школ.

Грубые нарушения имели место и в Сухумском государственном педагогическом институте. Институт не имел ни одного абхазского факультета, тогда как там существовало 7 различных факультетов. В институте не было ни одной абхазской кафедры. Нарушения имели место и при приеме абхазов в институт.

Абхазский язык подвергался репрессиям и во всех других отраслях жизнедеятельности: в области печати и газетного дела, радиоэфира, по всей Абхазии были сняты вывески с абхазскими надписями, в круглой печати перестали делать надписи на абхазском языке.

Ущемлялась или фактически была сведена на нет деятельность творческих союзов Абхазии: Союза писателей и Дома абхазского народного творчества. Абхазский научно-исследовательский институт им. акад. Н. Я. Марра с 1940 г. ничего не издавал.

Абхазо-грузинский хор был переименован в «Государственный ансамбль грузинской народной песни и пляски». Продолжался массированный перевод абхазских географических наименований на грузинскую форму, нередко абхазские топонимы просто заменялись грузинскими, ничего общего с местностью не имевшими. Например:

- р. Хыпста (абх.) – Тетри-Цкаро (груз.),
- р. Адзапш – Техури,
- Новый Афон – Ахали Атони,
- с. Михельрипш – Салхино,
- с. Эшеры – Земо-Эшери,
- с. Атара – Земо-Атара,
- гор. Гагра – Ахали Гагра и Дзвели Гагра,
- с. Анухва – Земо – Анухва и Квемо-Анухва
- ущелье Бзыбта – Бзыпис-Хеви и т.д.

Почти ко всем абхазским наименованиям прибавлялось характерное грузинское окончание (-и):

- р. Бзыбь (абх.) – Бзиби (груз.),
- с. Лыхны – Лихни,
- с. Бармыш – Бармиши,
- с. Бамбора – Бамбори,
- с. Тамыш – Тамиши,
- с. Калдахвара – Калдахвари,
- с. Мцара – Мцари,
- с. Аацы – Ааци и т.д.

О восстановлении абхазских географических названий, уничтоженных еще российским царизмом, речи вообще не могло идти. Были большие извращения в кадровой политике, на ответственные партийные и советские органы практически не привлекались абхазы. Например, среди первых и вторых се-

кретарей и секретаря по кадрам Абхазского обкома партии, председателя Совета Министров, первых секретарей и секретарей по кадрам райкомов партии, Министерства просвещения, секретарей Абхазского обкома и первых секретарей райкомов комсомола и т. д. не было ни одного абхаза. Вместе с тем практиковалась, особенно с 1944 г., систематическая т.н. мобилизация кадров из Грузии. В связи с этим в городах Абхазии производилось чрезвычайное уплотнение населения, а также отстранение местных работников с занимаемых должностей. Причем эти мероприятия проводились в то время, когда многие демобилизованные абхазы не могли устроиться, а многие из них вынуждены были оставить работу из-за неимения квартир.

В абхазской историографии за последние десятилетия утвердился термин «Абхазские письма», которые являются составной частью национально-освободительного движения абхазского народа в XX в. Требования «Абхазских писем» в зависимости от исторического контекста и времени их написания менялись, но их объединяли вопросы сохранения национальной идентичности и абхазской государственности.

Сама история «Абхазских писем» ведется с 1947 г., когда представителями абхазской интеллигенции – К. Шакрыл, Б. Шинкуба и Г. Дзидзария – было подготовлено и послано в Москву в высшие партийные органы письмо с изложением фактов ущемления и притеснения абхазского народа, которые, в частности, приведены выше. Ситуацию, сложившуюся перед появлением первого письма, К. Шакрыл характеризует как национально-культурный геноцид.

Окончательный текст письма был подготовлен и подписан 2 февраля 1947 г. Оно было адресовано секретарю ЦК ВКП(б) А. Кузнецову и с небольшим сопроводительным письмом П. Сердюченко было передано во внутреннюю почту ЦК. Это было 5 апреля 1947 г.

Однако, как пишет К. С. Шакрыл, все письма такого содержания сначала попадали в руки Берия. Фактически это подтверждает Г. Лежава, который сообщает следующее: «Письмо не менее двух месяцев находилось в распоряжении секретариата А. Кузнецова. И с ним могли ознакомиться и другие секретари, члены Политбюро ЦК ВКП(б), не исключая Сталина и Берия. Возможно, они и обговорили, как это бывало, вариант изучения фактов». Затем названный автор, оправдывая только что описанную им процедуру, вопрошает: «Спрашивается, разве такая практика не продолжалась и после марта 1953 г.?» Лежава задает этот вопрос, будто не понимая, что такая практика, когда бы она ни проводилась, независимо, до или после 1953 г., является несправедливой по отношению к абхазам. Ибо сам факт игнорирования писем и обращений представителей абхазского народа Москвой и возвращения их для разбирательств в Тбилиси создавал условия не для выяснения фактов, излагавшихся в письмах, а скорее для избиения их авторов. Позволительно спросить: разве такая практика не является порочной?

Правда, далее, к чести Лежава, он пишет следующее: «Надо признать нелогичность такого порядка разбирательств спорных вопросов, тем более вопросов, касающихся межнациональных отношений». Но при этом, видимо, чтобы подсластить пилюлю, оговаривается: «Но, видимо, приходится считаться и со второй стороной вопроса: недовольством руководителей союзных республик нарушением своих элементарных суверенных прав». В рассматриваемое время вряд ли это может быть аргументом в пользу того, что письмо вернули в Грузию. Ведь речь шла о взаимоотношениях внутри жестко регламентированной тоталитарной иерархии, основой которой являлся культ «отца народов». В этих условиях говорить о том, что приходилось считаться с мнением руководителей республик, – смешно. Правда, тогдашняя Москва, как и Тбилиси, в нужное время ехидно прикрываясь от ответственности и издеваясь над действительностью, ссылалась на решения и пожелания трудящихся и нижестоящих органов.

Итак, письмо переслали в Тбилиси. Бюро ЦК КП Грузии приняло решение о проверке фактов 17 июля. Секретарь ЦК КП(б) П. А. Шария уже 8 августа доложил о ее результатах. О методах составления этой докладной сообщает Лежава: «... Шария выехал в Абхазию, побывал в Сухуми, Гудаутском и Очамчирском районах. В Гудауте и Очамчире он имел беседу с работниками райкомов партии... В связи с летними каникулами побывать в школах ему не удалось... Эта двенадцатистраничная записка посвящена опровержению обвинений в адрес ЦК КП Грузии со стороны Дзидзария, Шинкуба и Шакрыл».

Причем, сам Лежава прекрасно знал, какие были настроения у абхазов по поводу проводившихся тогда мероприятий, ибо их фиксировали беспрестанно грузинские спецслужбы. Эти недовольства усилились после закрытия абхазских школ. Здесь Лежава изображает из себя наивного человека, который доверяет всему тому, что тогда писалась в докладных записках по поводу состояния дел в Абхазии. В документах, предназначенных для широкого круга и Москвы, писалось то, что нужно было, а не то, что происходило на самом деле. Этот факт умалчивается современными грузинскими авторами, которые по очень странному стечению обстоятельств в этом вопросе становятся полными и безоговорочными единомышленниками коммунистических функционеров Грузии сталинского периода, при этом в остальное время называя себя демократами и клеймя позором советский режим. Отрицая и даже порицая большевизм, коммунизм, да и вообще все, что делалось в советское время в Грузии во всех остальных областях, одновременно они поддерживают, более того, восхваляют и стараются подкрепить дополнительной аргументацией политику насильственной ассимиляции абхазов, проводившейся Грузией в период советской власти.

Но прежде чем доложить бюро, П. Шария 5 августа 1947 г. в присутствии М. Делба и А. Мгеладзе в обкоме партии имел встречу с авторами письма. На

ней он очень хотел установить, кто главный и кто, кроме них, входит в группу. Не добившись этого, он вдруг заявил: «Такие кадры, как вы, нужны не только Абхазии, но и всей республике. Не хочу портить ваши дела. Вы поторопились, с кем не бывает – напишите об этом и попросите прощения, и все встанет на свои места». Но ему ответили, что об этом говорить бессмысленно. На второй день авторы письма пришли в обком с этим же мнением, и им в довольно грубой форме предложили прибыть «на ковер» в Тбилиси. В Тбилиси на бюро особо интересовались, кто их надоумил написать письмо в ЦК ВКП(б).

Что касается судьбы авторов письма, то они долгое время, вплоть до смерти Сталина, подвергались гонениям. Сам факт их обращения был расценен как тяжелое преступление. Авторам письма был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку с формулировкой «За попытку дезинформации ЦК ВКП(б) и клевету на абхазскую партийную организацию». И в дальнейшем делалось все для их дискредитации.

В частности, секретарь обкома Тускадзе был возмущен тем, что «они хотели оторвать историю и культуру абхазов от родной почвы общенациональной истории и культуры Грузии». Тогда как, по его мнению, «абхазы являются грузинским племенем, как и менгрельцы и сваны, и на всем протяжении своей истории были неотъемлемой частью грузинского народа; во-вторых, Абхазия была и является неотъемлемой частью Грузии не только политически, но по своему национальному составу». По-видимому, тогдашние власти пользовались одной и той же терминологией. В том же самом и в тех же выражениях обвинял авторов письма и Председатель Верховного Совета Абхазии М. Делба.

Однако, судя по всему, главным возмутителем спокойствия в Тбилиси и его адептами в Сухуме тогда был признан К. Шакрыл.

На заседании бюро КП Грузии 8 августа А. Мгеладзе заявил, что если кто-то и собрал группу, то это К. Шакрыл, и его за это следует строго наказать. Именно у К. Шакрыла отобрали партийный билет, который, правда, потом в ту же ночь вернули.

Г. Лежава считает инициаторами «постановки указанных вопросов перед ЦК ВКП(б) Г. Сердюченко и К. Шакрыл».

Папаскири назвал авторов письма «К. С. Шакрыл и его команда», у которой были покровители в Москве».

М. Делба считал, что группу научных работников, выступивших «с явно буржуазно-националистическим тезисом о недопустимости нарушения этнографической целостности абхазского населения», возглавлял К. Шакрыл.

В конце концов, под предлогом поступления в докторантуру АН СССР К. Шакрыл вынужден был фактически бежать из Абхазии в отсутствие первого секретаря А. Мгеладзе, который очень был раздражен тем обстоятельством, что его вообще выпустили. Это было в 1949 г.

К. Шакрыл стал работать научным сотрудником в Институте национальных школ. В Москве он регулярно писал письма в ЦК ВКП(б) с изложением плачевной ситуации в Абхазии, подкрепляя их новыми фактами о дискриминации абхазской нации. Именно это обстоятельство, по-видимому, стало причиной еще одного сценария, разыгранного против него. Сам К. Шакрыл впоследствии отмечал: «В мае 1951 г. в ЦК КП Грузии был распространен слух, будто я совершил какое-то тягчайшее преступление перед партией и народом... Когда в отдел поступили вышеуказанные документы из Грузии, меня вызвали познакомиться с ними... Конечно, это была явно преднамеренная провокация и грубейшая клевета, это подлость».

Тем временем, 28 ноября 1949 г. был освобожден от обязанностей члена Оргбюро, арестован, а 1 октября 1950 г. расстрелян А. Кузнецов. Это обстоятельство также послужило для очередного издевательства над авторами письма. В письме Г. Дзидзария в ЦК КП Грузии 19 марта 1955 г., в частности, сообщалось: «Мгеладзе, почему-то окрыленный этим случаем, в своих истерических официальных выступлениях неоднократно заявлял: «Вы обратились именно к Кузнецову. Это не случайно, конечно. Кузнецов – враг народа. Попробуйте теперь написать ему. Пишите».

В 1949 г. в Абхазии было создано отделение Общества по распространению политических и научных знаний Грузии. Это учреждение также призвано было способствовать успешному проведению ассимиляторской политики. По иронии судьбы в этом же, 1949 г., из Абхазии были депортированы греки.

Переселение грузиноязычного элемента в Абхазию шло массивными темпами, «Абхазпереселенстрой» работал вовсю. Более того, из Абхазии были высланы греки, турки и другие народы, а их дома передавались переселенцам из районов Грузии. В такой ситуации быстро нарушалась этническая целостность абхазского населения. Из-за такой политики абхазы постепенно оказались в меньшинстве на своей родине. Да и судьба самого их пребывания в Абхазии, казалось бы, была предreshена. В 1952 г. на сухумском вокзале уже были приготовлены эшелоны для выселения абхазов. Под это уже была подведена и «научная база». Еще в 1950 г. в грузинском журнале «Мнатоби» были опубликованы главы книги П. Ингороква, в которых содержались в корне неверные сведения по истории Абхазии. Данная работа служила оправданием грузинской экспансии и была призвана научно доказать «чужеродность» абхазов в Абхазии, а, следовательно, и правомочность их выселения. Но Сталин, тогда вопреки доводам Берия, решил не выселять, а ассимилировать абхазов.

В дальнейшем в ходе «лингвистической дискуссии» были разгромлены Марр и его учение о языке. 22 ноября 1950 г. вопрос о ситуации в Абхазии и Южной Осетии был снят с обсуждения Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б). После «лингвистической дискуссии» грузинский языковед Чикобава и его последователи, поддержанные Сталиным, единственно научным в языкознании

объявили сравнительно-исторический метод исследования. Все кавказские языки (иберийско-кавказские) должны были изучаться в плане установления сходства и родства между собой и, в конечном счете – с иберийским – древнегрузинским. После этого Г. Сердюченко обвинили в плагиатстве, а Н. Яковлева – в невыполнении годового плана, и он был изгнан из науки, впоследствии попал в психиатрическую больницу и умер в крайней нужде. Подвергся гонениям и известный кавказовед Г. Турчанинов, низведен до рядового сотрудника И. Мещанинов. Все эти ученые, как известно, имели отношение к Абхазии и уважительно относились к истории и культуре абхазов.

Откликом на погром марризма, очевидно, являлась статья М. Делба «К вопросу изучения языка и истории абхазов», изданная в 1951 году. В одном из первых фраз работы говорится: «Корифей марксистской науки товарищ И. В. Сталин вдребезги разбил основанное на принципах вульгарно-материалистической и идеалистической философии ложное, антинаучное учение Н. Я. Марра о языке». О том, что этому событию придавалось большое внимание, свидетельствует и то, что названная статья тогда же была издана отдельной брошюрой.

После дискуссии 1950 г. ассимиляторская политика по отношению к абхазам приняла более наступательный характер: абхазский язык и литература, которые еще были включены в школьную программу, упраздняются вовсе, наложен запрет на прием детей в русские школы. Был произведен массовый набор студентов из числа абхазов на кавказское отделение Тбилисского университета: готовились кадры из числа самих абхазов, которые вместо абхазского языка, изъятого из школьных программ, должны были преподавать пропагандистский курс о грузинском происхождении абхазского языка, кавказоведческий центр перевели в Тбилиси, закрылось кавказское отделение филологического факультета МГУ.

Создавались невыносимые условия для самого существования абхазского этноса. Это обстоятельство подвигло сестер Т. Шакрыл и Е. Шакрыл, бывших тогда аспирантами Института языкознания АН СССР, к написанию так называемого «письма Сталину». Оно было датировано 10 ноября 1952 г. и адресовано Президиуму XIX съезда ВКП(б), лично Сталину и Маленкову. В нем, в частности, было изложено: «В школу дети-абхазцы приходят совершенно без знания грузинского языка. Дома, в дошкольном возрасте, они, если и получают какие-то навыки или знания не по родному языку, то это, конечно, знание не грузинского, а русского языка. Поэтому в большинстве случаев ученики не понимают объясняемого на грузинском языке урока, и почти всегда преподаватель бывает вынужден повторять урок на ломанном русском языке. При этом иногда ученики абхазцы владеют русским языком лучше своих преподавателей.

Нам часто приходится слышать жалобы детей на то, что они вынуждены для ответа заучивать наизусть, не понимая содержания заученного, краткие

конспекты, составленные преподавателями. Вместе с тем во многих селах Абхазии нет ни русских школ, ни школ на родном для учащихся языке.

Подобная постановка работы по подготовке кадров для Абхазской АССР является лишь одной стороной той общей тенденции, которая наблюдается по отношению к абхазской культуре и к абхазскому языку. Существовавшая в течение ряда лет абхазская драматическая студия, готовившая пополнение для местных театров, закрыта. В Абхазии радиопередачи на абхазском языке крайне редки. В абхазских школах в 9–10–11-х классах снято преподавание абхазского языка даже и как предмета, закрыты абхазские педучилища, прекращено издание учебников на абхазском языке...

Местное правительство, оправдывая эти мероприятия, пытается доказать, что абхазцы и грузины – это одна нация. Но такая постановка вопроса явно противоречит действительному положению. У грузин и абхазцев нет ни одного из необходимых условий национального единства – общности языка. Грузинский и абхазский языки более далеки друг от друга, чем русский и украинский. Лексический состав грузинского и абхазского языка столь различен, что абхазцы совершенно не понимают грузинского языка, а грузины – абхазского».

Письма были вручены адресатам, Сталин передал свое письмо Маленкову, последним они были пересланы в отдел школ ЦК ВКП(б). Несколько месяцев с авторами писем велись беседы по изучению представленных материалов заместителем отдела школ ЦК И. Страховым. В августе 1953 г. после разоблачения Берия была организована комиссия ЦК КПСС по изучению вопросов, поставленных в письмах. Тогда Т. Шакрыл писала: «В аппарате ЦК КПСС притаились силы, которые продолжают действовать в намеченном направлении. В ЦК КП Грузии членам комиссии было оказано мощное сопротивление. Были пущены в ход и силы научных работников. Активно отстаивала грузинизацию абхазских школ проф. К. В. Ломтатидзе».

Подобного рода смелая постановка вопроса о необходимости спасения абхазского народа перед самим Сталиным, который сам дал указание ассимилировать абхазов, было делом рискованным или даже заведомо провальным, за которым, безусловно, последовали бы репрессии. Сестры, конечно же, не могли не понимать этого. И на возможные лишения, которые тогда были неизбежными, они шли сознательно. Лишь смерть Сталина и разоблачение Берия помешали репрессиям по отношению к авторам письма. И вместо ожидавшегося ареста Т. Шакрыл в качестве эксперта сопровождала комиссию ЦК ВКП (б), прибывшую в Абхазию для проверки изложенных в письме фактов и принятия по ним решения. И с тех пор ее имя неразрывно связано с национально-освободительной борьбой абхазского народа за свои права, одним из лидеров которой она являлась более полувека.

2. 2. Выселение греков. В конце 40-х гг. XX в. для греков Абхазии наступили тяжкие времена. Закрылись национальные школа, техникум, газета, театральная студия, исчезли из местного руководящего звена этнические греки. В газетах с 1939 по 1949 г. о греках как о жителях Абхазии практически нет ни слова.

Секретным приказом министра государственной безопасности СССР В. Абакумова от 28 мая 1949 г. были введены в действие инструкции о порядке выселения и порядке оформления дел на выселяемых. Выселению подлежали «все греческие подданные, бывшие греческие подданные, не имеющие в настоящее время гражданства, бывшие греческие подданные, принятые в советское гражданство. Выселяются все совершеннолетние члены семей указанных выше лиц и их близкие родственники, проживающие совместно, за исключением тех из них, которые не состояли и не состоят в греческом подданстве. Несовершеннолетние члены семьи следуют к местам поселения со своими родными». Далее предусматривалось, что не будут выселяться семьи, члены которых с оружием в руках принимали участие в боевых действиях в период Великой Отечественной войны, либо находятся на действительной службе в рядах Советской армии. Перед началом операции объявлялось, что имеется решение об их выселении в отдаленные районы Советского Союза. Выселяемым разрешалось брать с собой все лично принадлежащие им ценности, домашние вещи и запас продовольствия, общим весом до 1000 килограммов на семью.

Был составлен план выселения, которым предусматривалось выслать из Абхазии 5 тыс. семей, в том числе: греческих – 4 552, турецких – 400, дашнаков и их семей – 48. Греческие семьи предполагалось выслать: Сухум – 748, Сухумский район – 1 540, Гагрский район – 300, Гудаутский район – 480, Гульрипшский район – 1 386, Очамчирский район – 88, Ткварчал – 7, Гальский район – 3.

Для успешного проведения операции предполагалось в населенных пунктах и сельсоветах разбить районы на участки, поставив ответственных уполномоченных на выполнение операции по участку. Начальники районов и участков должны были изучить свои районы и контингент, подлежащий выселению, с целью уточнения их адресов, выявления лиц, могущих под разными причинами уклониться от выселения. Были созданы оперативные группы, на пунктах погрузки создавались комендатуры и расписывалось, сколько и во сколько грузить. В Тамыше было приготовлено 40 вагонов для 321 семьи, ст. Дранда – 179 вагонов для 1 426 семей, ст. Келасур – 201 вагон для 1 604 семей, ст. Эшера – 97 вагонов для 769 семей, ст. Приморская – 68 вагонов и 540 семей и на ст. Бзыбь – 43 вагона и 340 семей. Было предусмотрено в плане и перекрытие всех путей отхода из Абхазии – перевалов, мостов, паромов, и рассчитан нужный для этого воинский контингент. Для выполнения операции было создано участков – 69, опергрупп – 2 180, было задействовано личного состава – 5 905 чел., машин – 1 266.

Операция «Волна» началась в 3 часа утра 14 июня 1949 г. А к вечеру 13 июня у мостов, паромных переправ, на магистральных автодорогах и подходах к переправам, в местах наибольшей концентрации греческого населения были выставлены патрули, препятствующие возможному уходу намеченных к выселению граждан. Операция была начата и закончена 14 июня, но погрузка в составы продолжалась до 16 июня, и именно эту дату следует считать датой окончания спецоперации. Первоначально выселению подлежали 4 823 семьи, но в процессе подготовки и проведения операции эта цифра увеличилась. В результате операции было выслано 4 880 семей – 23 043 чел., из них: турок – 361 семья – 1058 чел., греков – 4474 семьи – 21 837 чел., дашнаков – 45 семей – 148 чел. Затем 19 июня была вторая, ранее не запланированная часть операции «Волна», в ходе которой дополнительно греков из Абхазии было выслано 1 092 семьи – 5 124 чел. А по итогам двух этапов греков из Абхазии в июне 1949 г. было выслано 5 566 семей – 26 961 чел. А всего из Абхазии в Казахстан было выселено около 27 тыс. чел., в том числе 10 тыс. детей.

Литература

1. «Абхазские письма» 1947–1989. Сб. док. (сост. И. Марыхуба). Т. 1. Сухум, 1994.
2. Авидзба Х. А. Абхазская организация компартии Грузии в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1946–1968 гг.). Сухуми, 1970.
3. Делба М. К вопросу изучения языка и истории абхазов // Труды АБИЯ-ЛИ. XXIV. Сухуми, 1951.
4. Делба М. К вопросу изучения языка и истории абхазов. Сухуми, 1951.
5. Дзидзария Г. А. Труды. 3. Сухум, 2006.
6. Иониди Н. Н. 1949 год (технология преступления). Сухуми, 2006.
7. Карчава В. И. Абхазская АССР на этапе строительства развитого социализма. Тбилиси, 1981.
8. Куправа А. Э. Культура Советской Абхазии за 60 лет. Сухуми, 1981.
9. Лабахуа А. М. Избранные письма и речи. Сост. М. Лабахуа. Сухум, 1999.
10. Лежава Г. П. Между Грузией и Россией. М., 1997.
11. Марыхуба И. Р. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 2000.
12. Отырба А. Т. По лезвию ножа... Сухум – М., 2017.
13. Очерки истории Абхазской АССР. Часть 2. Сухуми, 1964.
14. Хварцкия М. Ш. Деятельность Абхазской партийной организации по развитию социалистической культуры (1945–1980 гг.). Сухум, 1986.
15. Хонелия А. Ф. Абхазская партийная организация в период восстановления и развития народного хозяйства (1946–1950 гг.). Сухуми, 1987.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АБХАЗИИ
В 1950–1980 гг. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ АБХАЗСКОГО НАРОДА**

План

1. Экономическое развитие Абхазии в 1950–1980 гг. годы.
2. Этапы национально-освободительного движения абхазского народа в 1950–1980 гг.
  2. 1. Национально-освободительное движение абхазского народа в 1953–1988 гг.
  2. 2. Национально-освободительное движение абхазского народа в 1989–1991 гг.
  2. 3. Национально-освободительное движение в постсоветское время (январь – август 1992 г.).

1. Экономическое развитие Абхазии в 1950–1980 гг. 50-е годы в Абхазии отмечены широким развёртыванием нового промышленного строительства. В Ткуарчале вступили в эксплуатацию две новые шахты, а для получения коксующегося концентрата была построена Центральная обогатительная фабрика. Вошли в строй Чубурхинджская, Киндгская, Гудаутская, Окумская, Драндская чайные фабрики, мясокомбинаты и молочные заводы в Сухуме и Гагре, Сухумский пивоваренный завод, хлебозаводы в Сухуме, Гудауте и Гале, Чернореченское форелевое хозяйство, Сухумский и Ткуарчалский холодильники, Ткуарчалская кондитерская фабрика и другие предприятия пищевой промышленности. Во второй половине 50-х годов вступили в эксплуатацию ткацкая, галантерейная и швейная фабрика № 11 в Сухуме, Гудаутский авторемонтный завод, щебеночный завод в Гагре, мраморное рудоуправление в Сухумском районе, третья очередь Ткуарчалской ГРЭС и другие предприятия.

Некоторые отрасли промышленности Абхазии заняли видное место в экономике Грузинской ССР и Советского Союза. Это, в частности, относилось к угольной промышленности и энергетике. Если перед войной в Ткуарчале имелась одна шахта, то к 1960 г. – 6. В 1960 г. угледобыча составила более 1,2 млн тонн, в 5,6 раз больше, чем в 1940 г. Выработка электроэнергии составила в 1960 г. 815 млн квт/час и увеличилась по сравнению с 1940 г. более чем в 5,3 раза.

Проводилась значительная работа по преодолению отставания в сельском хозяйстве. В колхозы и совхозы были направлены опытные организаторы и специалисты; увеличилось число специалистов сельского хозяйства с высшим образованием. Были реорганизованы МТС и на их базе созданы пять ремонтно-механических станций и одна механизированная машинно-мелиоративная станция. Колхозы республики получили в собственное пользование немало техники. В 1960 г. в Абхазии было заготовлено 25,6 тонн чая, 2,2 тыс. тонн винограда, 3,1 тыс. тонн мандаринов, 7,3 тыс. тонн табака.

В 60-е годы продолжалось развитие промышленности Абхазии. В первой половине десятилетия вступили в строй новые предприятия – Сухумский и Гантиадский консервные заводы, чайная фабрика и маслоэкстракционный завод в Очамчыре, Сухумский завод электроприборов и средств автоматизации (Сухумприбор), Пшицикварское рудоуправление в Очамчырском районе (добыча барита).

Промышленность Абхазии досрочно выполнила семилетний план (1959–1965 гг.) и выпустила сверхплановой продукции на 25 млн рублей. Были перевыполнены планы по добыче каменного угля, производству электроэнергии, строительных материалов. Вместе с тем в деятельности промышленных предприятий имели место существенные недостатки. Около 30 % предприятий ежегодно не справлялись с плановыми заданиями. Самым трудным участком являлось капитальное строительство. Строительные предприятия срывали из года в год планы из-за отсутствия достаточного количества рабочей силы, строительных материалов, техники.

Во второй половине 60-х годов вступили в эксплуатацию – шахта № 8 в Ткуарчале, Сухумский экспериментальный завод газовой аппаратуры, мелькомбинат и табачно-ферментационный завод в Сухуме, Гальская чайная фабрика №2, Приморский хлебозавод и др.

В Гудаутском районе было открыто крупнейшее в Европе Апшеронское месторождение барита, в Псху найдено месторождение ртути – одно из крупнейших в СССР. На реке Ингур началось строительство крупнейшей в Закавказье электростанции.

В сельском хозяйстве Абхазии ведущее положение заняло чаеводство. Площадь чайных плантаций достигла 13,2 тыс. гектаров. Широкое применение чаесборочных машин позволило увеличить сбор чайного листа, правда, за счёт ухудшения качества продукции.

В конце 60-х годов было организовано 19 новых совхозов, и их общее число достигло 31, что подняло значение совхозов в сельском хозяйстве.

В 70-е годы в число промышленных предприятий влились: главный корпус завода «Сухумприбор», Сухумский химический завод и завод сухого льда и жидкой углекислоты, сухумские трикотажная и сувенирная фабрики, Московская и Земо-Баргебская чайные фабрики, Очамчырская птицефабрика, до-

мостроительные комбинаты в Сухуме и Гагре и многие другие предприятия. Началась выработка электроэнергии Ингурской ГЭС.

Была проведена большая работа по выправлению ситуации в сельском хозяйстве. К концу 70-х годов среднегодовой объём валовой продукции сельского хозяйства Абхазии в стоимостной оценке превысил 208 млн рублей. В 1980 г. в республике было собрано 90 тыс. тонн чая – почти вдвое больше, чем в 1970 г. Тем не менее, серьёзные проблемы в сельском хозяйстве оставались, особенно в животноводстве.

В 80-е годы темпы экономического роста в Абхазии, как и во всём Советском Союзе, замедлились. Наиболее значительными предприятиями, вступившими в строй, были Киндгская птицефабрика, крупнейшая в Закавказье, а также Очамчёрский комбикормовый завод, Гульрипшский завод по производству кока-колы и некоторые другие.

В сельском хозяйстве повысилась урожайность зерновых культур, повысились заготовки чайного листа, цитрусовых, а также продуктивность животноводства.

Однако экономический и политический кризис второй половины 80-х годов, охвативший СССР, Грузию и Абхазию, привёл к резкому падению темпов промышленного и сельскохозяйственного производства, падению уровня жизни населения.

Одной из важнейших статей дохода Абхазии являлось курортное хозяйство. Республика пользовалась славой всесоюзной здравницы. Здесь имелось около 90 санаториев, домов отдыха, пансионатов и туристических баз. Был создан новый приморский курортный комплекс Пицунда, который по благоустройству и природным условиям находился в ряду первоклассных природных курортов. Большой популярностью в Советском Союзе пользовались курорты Абхазии – Рица, Ауадхара, Новый Афон, Гудаута, Сухум, Гагра, Гульрипш. Только в 1980 г. Абхазию посетило более 5 млн туристов и экскурсантов.

2. Этапы национально-освободительного движения абхазского народа в 1950–1980 гг. Рассматриваемая проблема является малоизученной темой в истории Абхазии. Как известно, национально-освободительное движение рождается при наличии самого народа и способности озвучивания и отстаивания его интересов. Мнение народов всегда высказывается его представителями – этнической элитой. В качестве таковой выступает обычно национальная интеллигенция, которая и служит своеобразным генератором национальной идеи.

Национально-освободительная борьба в этот период проходила в форме личных и коллективных писем, массовых собраний и народных сходов. На них принимались многочисленные обращения и исторические справки, подтверждавшие наличие у Абхазии собственной истории и права на самостоятельное существование. Массовые выступления абхазов против игнориро-

вания своих прав проходили на фоне пропаганды «извечной и нерушимой дружбы» грузинского и абхазского народов и являлись свидетельством надуманности и лживости этого тезиса.

Данная лекция хронологически охватывает период с 1953 г. – начала «хрущевской оттепели» – до 14 августа 1992 г. – вторжения грузинских войск в Абхазию. Национально-освободительное движение абхазского народа рассматриваемой эпохи можно подразделить на три периода: 1953–1988 гг. – с начала «хрущевской оттепели» и до создания Народного форума Абхазии, возглавившего освободительное движение абхазского народа; 1989–1991 гг. – с начала «войны законов» между Грузией и Абхазией и до развала СССР; январь – август 1992 г. – с развала СССР до вторжения Грузии в Абхазию.

2. 1. Национально-освободительное движение абхазского народа в 1953 – 1988 гг. Данный этап национально-освободительного движения абхазского народа связан с приходом к власти в СССР Н. Хрущева, осуждением культа личности Сталина и разоблачением Берия. В это время делалось немало для ликвидации последствий политики, проводимой в 1937–1952 гг. В 1954 году вновь были открыты абхазские школы, восстановлена абхазская письменность на русской графике, стали выходить газеты, журналы, книги на абхазском языке. В пединституте открываются отделение и кафедры абхазского языка и литературы. Заново начала формироваться национальная интеллигенция. Однако многие вопросы оставались нерешенными. Сталинская политика насильственной ассимиляции абхазов в грузинской среде не была изжита. В письме народного поэта Абхазии Д. Гулиа в Москву в 1954 г. констатировалось: «Те, кто в прошлом нарушал грубо, сейчас действуют осторожней, но все-таки мешают, чем и где могут». Продолжением этой политики являлось, в частности, издание в Тбилиси в 1954 г. книги П. Ингороква «Георгий Мерчуле», где автор задался целью представить абхазский народ одним из грузинских племен. Ее выход вызвал справедливое недовольство широких кругов общественности Абхазии. 20 июля председатель Президиума ВС Абхазии А. Чочуа, председатель Совета Министров Абхазии А. Лабахуа и секретарь Абхазского обкома партии И. Тарба обратились в ЦК КП Грузии с требованием изъять данный труд. На собраниях в районах Абхазии книга была подвергнута критике. В 27-м томе трудов АбНИИ были помещены обширные рецензии, раскрывающие ее лженаучный характер. С критикой книги выступил также ряд известных грузинских ученых.

Полемика вокруг книги была оттеснена на некоторое время на второй план происшествием в самой Грузии. 5 марта 1956 г., в третью годовщину со дня смерти Сталина, в Тбилиси начался митинг, участники которого были не согласны с разоблачением его культа личности. Ситуация приобретала все более угрожающий характер, и 9 марта по решению советского руководства митинг был расстрелян. События в Тбилиси не могли не отозваться и в Абхазии, по-

сколькx здесь к тому времени благородя плодотворной деятельности переселенческих отрядов грузинское население превышало коренное. В Сухуме с 5 по 8 марта собирались люди, а 9 марта они начали останавливать машины, ставить людей на колени. Было повреждено несколько машин, избито несколько человек. На некоторых факультетах пединститута, в индустриальном и сельскохозяйственном техникумах и некоторых школах города были сорваны занятия.

После того как грузины пришли в себя, после жесткого усмирения выступления сталинистов возобновляется пропаганда псевдонаучных установок о пришлости абхазов. Бюро ЦК КПГ был объявлен дискуссионным вопрос об этнической принадлежности абхазского народа. И под видом «научной» дискуссии излагались и пропагандировались неверные и оскорбительные для абхазского народа мнения и взгляды. Грузинские поэты, писатели, ученые и партийные функционеры не упускали случая для публичного выступления в поддержку идей П. Ингороквы. Это вызвало справедливое возмущение абхазской общественности, вылившееся весной 1957 г. в многотысячные сходы с требованиями вывести Абхазию из состава Грузии. «В Абхазии продолжается усиление бериевской политики попрания прав абхазского народа» – основной лейтмотив выступлений, коллективных и личных писем, адресованных в ЦК КПСС. 12 апреля ЦК КП Грузии осудил волнения в Абхазии. 19 апреля председатель Совета Министров Абхазии А. Лабахуа и секретарь Абхазского обкома И. Тарба направили в ЦК КПСС письмо, в котором обвинили ЦК КПГ в происходящем. 20 апреля ЦК КПСС обвинил абхазов в «национализме», а А. Лабахуа, И. Тарба и А. Отырба – в пособничестве «неправильным настроениям». После этого А. Лабахуа был назначен заместителем председателя Совета Министров Грузии, т. е. таким образом его убрали из Абхазии.

В 1966 г. был издан третий том сочинений грузинского академика Н. Бердзенишвили, в который вошли статьи, голословно и бездоказательно утверждавшие, что коренное население Абхазии – абхазы – представляют собой не что иное, как одно из грузинских племен, что территорию Абхазии издревле населяли грузины, которые были ассимилированы неизвестно откуда пришедшими абхазскими племенами. Задачей подобных «исследований» являлось «обоснование» политики огрузинивания абхазов и достижения ослабления их национального самосознания. Эта книга вызвала еще одну волну возмущения абхазского народа. В середине марта 1967 г. группа студентов в количестве 45 человек обратилась в ЦК КПСС с требованиями осудить и изъять книгу, восстановить абхазскую топонимику, ими также был поставлен вопрос о невозможности дальнейшего пребывания Абхазии в составе Грузии. 29 марта два участника этой акции были арестованы, но под давлением народа 1 апреля были выпущены на свободу.

С 7 по 11 апреля 1967 г. в Сухуме проходило многотысячное собрание абхазского народа. 12 апреля группой интеллигенции от имени участников акции было направлено письмо к руководству советского государства. В нем было отмечено: «Искажению исторического прошлого абхазского народа способствует необоснованное произвольное переименование исконно абхазских топонимических названий... Наряду с этим имеет место и ложное, превратное освещение фактов о жизни, культуре и быте абхазов в периодической печати, кино, по радио и телевидению...» В письме была подчеркнута невозможность дальнейшего пребывания Абхазии в составе Грузии. Участниками акции была сформирована делегация во главе с Т. П. Шакрыл, которая для передачи письма была послана в Москву. Однако эта делегация не была принята представителями советского руководства и вынуждена была передать письмо в секретариат ЦК КПСС.

Абхазское движение в апреле 1967 г. было названо «самочинным сходом, организованным националистически настроенными лицами». 25 августа партбюро Сухумского пединститута приняло следующее постановление: «Учитывая активное участие доцента кафедры абхазского языка Т. П. Шакрыл в самочинных сходах 1965 и 1967 годов и проявление ею националистических настроений, чем она оказывает отрицательное влияние на студенческую молодежь, а также проявление с ее стороны неколлегиальности на кафедре, считать нецелесообразным оставление ее на педагогической работе». На основании этого постановления 30 августа ректор пединститута издал приказ об освобождении Т. Шакрыл от занимаемой должности. Тогда же секретариат ЦК КПГ рекомендовал принять ее на работу в АбНИИ, но она в знак протеста отказалась.

В 1976 г. вышла книга проф. Ш. Инал-ипа «Вопросы этнокультурной истории абхазов». Она вызвала негодование грузинской политической и научной элиты по причине того, что в ней вопросы этногенеза абхазов освещены в невыгодном для грузинских шовинистов свете.

Учебные курсы по истории Грузии для средних школ и вузов были составлены в духе грузинской историографии, которая призвана была доказать, что Абхазия – это Грузия. И по этим учебникам и пособиям непрерывно происходило формирование подрастающего поколения грузинских шовинистов. В то же время не было ни учебного курса, ни учебника или учебного пособия по истории Абхазии как для школ, так и для вузов. Изучение истории Абхазии в учебных заведениях Абхазии было запрещено. Продолжалась фальсификация абхазской топонимики. Если в начале XX в. на карте Абхазии не было ни одного грузинского названия, то к середине века топонимика страны неузнаваемо изменилась. Огрузинивание абхазской топонимики достигло особого размаха особенно в период Берия. Однако этот процесс не прекращался и затем. Заселение Абхазии грузинами из Грузии происходило под различными

предлогами: «укомплектование обслуживающим персоналом», «набор рабочей силы», «ударные стройки», «обмен кадрами». Шло организованное, планомерное заселение Абхазии кадрами из Тбилиси и других районов Грузии. Присылали всех, начиная от секретарей обкома, горкомов, райкомов, председателя Совета Министров, заканчивая простыми рабочими. Процесс огрузинивания Абхазии становился все более решительным и интенсивным. Указом Президиума ВС Грузинской ССР от 5 апреля 1973 г. Гагрский район был выведен из юрисдикции Абхазии и подчинен Грузии. 3 августа 1976 г. Институт «Грузгипросельстрой» подготовил проект об основных положениях схемы районной планировки, согласно которому предполагалось к 1980 г. переселить в Абхазию более 50 тыс. грузин. Проходило все это под гул публичных демагогических речей о «вечной» и «нерушимой» дружбе между грузинским и абхазским народами.

10 декабря 1977 г. обращение за подписью 130 представителей абхазского народа было направлено на имя руководства СССР. Вопросы, поднятые в письме, оставались «классическими» в грузино-абхазских взаимоотношениях многих предшествовавших десятилетий. В нем было сказано о том, что продолжается «политика ущемления прав абхазского народа, начавшаяся еще до революции, в период разгула меньшевизма в Грузии и Абхазии».

В письме далее говорилось: «В современной грузинской историографии царит не научная и политически нездоровая по отношению к Абхазии атмосфера. Сложилась целая плеяда грузинских ученых, специализирующихся, главным образом, на фальсификации истории Абхазии». Авторы письма четко охарактеризовали задачи «историографической войны» Грузии против прошлого и настоящего Абхазии: «Подоплекой подобного рода исследований является историческое «оправдание» политики огрузинивания абхазов и этим самым ослабление их национального самосознания». О том, что абхазов, «малокультурный народ», надо растворить в «высококультурной» грузинской среде, писал еще в 1913 г. И. Сталин. И с тех пор независимо от того, кто был у власти в Грузии и какие ценности ими провозглашались, всегда проводилась политика, направленная на насильственную ассимиляцию абхазов. Во исполнение этой задачи грузинская элита даже принесла в жертву часть своих сородичей, переселявшихся, в том числе насильно, в Абхазию для ее «экономического и культурного освоения».

Об этом свидетельствует еще одна цитата из рассматриваемого письма: «Существенной и неотъемлемой частью политики, проводимой руководством Грузинской ССР в отношении Абхазии, является своеобразное «демографическое освоение» последней. Начиная с конца прошлого столетия официальная Грузия проводила и проводит определённую политику, направленную на радикальное изменение национального состава населения Абхазии в свою пользу... Процесс огрузинивания Абхазии стал за последние пять лет еще более

решительным и интенсивным». Главным выводом рассматриваемого обращения можно считать, констатацию того, что «в Абхазии в настоящее время сложилось такое положение, которое требует для своего разрешения радикальных мер».

Письмо, как стало привычным к тому времени, из Москвы для реагирования переслали в Тбилиси, а оттуда, в свою очередь, в феврале – в Абхазский обком для соответствующей его оценки.

Однако вначале реакция местных властей на письмо была лояльной и адекватной. В январе 1978 г. постановлением бюро Абхазского обкома была создана республиканская комиссия по упорядочению топонимических названий на территории Абхазии.

Но вскоре был запущен механизм по дискредитации письма и его авторов и вообще всяких «сепаратистских» настроений абхазов по отношению к Грузии. 22 февраля бюро Абхазского обкома обсудило вопрос «О неправильных взглядах и клеветнических измышлениях, содержащихся в коллективном письме от 10 декабря 1977 года», а 13 марта бюро Сухумского горкома – вопрос «О неправильных действиях группы представителей научной и творческой интеллигенции и некоторых других работников города Сухуми». В соответствии с поставленными задачами «за проявление политической слепоты, отстаивание ошибочных взглядов в оценке проводимых ЦК КП Грузии и Абхазским обкомом партии мероприятий в области межнациональных отношений» на целый ряд лиц, подписавших письмо, были наложены партийные взыскания.

18 марта собрание актива Абхазского обкома опять назвало письмо «клеветническим». В письме руководству Советского государства от 15 июня представителями абхазской интеллигенции это мероприятие названо «важным этапом в кампании по осуждению письма и его авторов».

Проводились также собрания городских и районных партактивов, на которых авторов письма и подписавших его клеймили позором. Соответствующая кампания проводилась и в средствах массовой информации. В ответ на это состоялись акции в защиту авторов письма. Многотысячные собрания с участием руководителей автономной республики прошли 23 марта в с. Звандрипш, 29 марта – в с. Бзыбь, 1 и 2 апреля – в селах Абгархук и Лыхны, 5 апреля – в с. Пакуаш, 9 апреля – в г. Ткуарчал. Непосредственным поводом для названных собраний явилась развернутая публикация материалов собраний актива Абхазского обкома партии от 18 марта 1978 года. Наряду с этим тогда в адрес руководства СССР, Грузинской ССР, Абхазии направлялись многочисленные коллективные и личные письма в поддержку требований письма и его авторов.

Вопрос о праве выхода Абхазии из состава Грузии и отражении этого в Конституции Абхазской АССР ставился в депутатских запросах на имя Председателя Конституционной комиссии СССР Л. Брежнева. Письма с аналогич-

ными требованиями были посланы почти всеми творческими коллективами Абхазии. То есть движение за право выхода из состава Грузии стало поистине всенародным. Оно, как и поддержка авторов письма подавляющим большинством абхазского народа, как представляется, вынудило и советские, и грузинские власти немного переориентировать свою политику – репрессии были остановлены. 11 апреля В. Хинтба был освобожден от занимаемой должности. В Тбилиси решили всю вину за недовольства в Абхазии возложить на Абхазский обком и его руководителя, ибо обвинить весь абхазский народ, видимо, побоялись.

15 апреля 1978 г. на внеочередной сессии Верховного Совета Грузинской ССР была принята Конституция Грузии, в которой требования абхазского народа никоим образом не учитывались. Наряду с этим 25 апреля ЦК КП Грузии приняло постановление «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР, усилению организаторской и идейно-воспитательной работы среди трудящихся автономной республики». В нем говорилось: «Не убедив людей в ошибочности их действий, бюро стало на путь администрирования в отношении авторов письма, что вызвало болезненную реакцию среди части населения». Последний тезис лишний раз подтверждает, что названные уступки стали следствием непримиримости абхазского народа к ранее осуществленным репрессивным мерам в отношении авторов «Абхазского письма» и подписавших его.

27 мая Абхазский обком, следуя названному решению ЦК КП Грузии, отменил свое постановление от 22 февраля 1978 г. Опять получилось, что бдительное око из Тбилиси вовремя заметило «недостатки и просчеты, допущенные при рассмотрении писем и заявлений».

Еще в середине мая в прессе был опубликован проект Конституции Абхазии. В последующие дни уже группа депутатов Верховного Совета Абхазии выразила свое несогласие с отсутствием в проекте Конституции права выхода Абхазской АССР из состава Грузинской ССР.

21 мая состоялось собрание актива Абхазского обкома КП, которое рассмотрело вопрос «О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции Абхазской АССР». В нем приняли участие секретарь ЦК КПСС И. Капитонов и Э. Шеварднадзе. На собрании Капитонов заявил: «Сочтено нецелесообразным в какой-либо форме решать этот вопрос, выходящий за рамки Конституции СССР и Конституции Грузинской ССР». На второй день, 22 мая, в Сухуме состоялся митинг абхазов, на котором И. Капитонов почти слово в слово повторил то, о чем говорил днем ранее на собрании актива обкома. В тот же день Президиум Верховного Совета принял указ о переносе на более поздний срок сессии, ранее назначенной на 26 мая.

1 июня было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии экономики и культуры Абхазской АССР». Главными

пунктами этого постановления являлись пункты о преобразовании пединститута в университет и о начале вещания Абхазского телевидения. Следовательно, Абхазский государственный университет, равно как и Абхазское телевидение, – важный итог рассматриваемого этапа национально-освободительного движения абхазского народа.

О половинчатом и, скорее, демонстративном характере предпринимавшихся уступок требованиям абхазского народа свидетельствует и то, что 6 июня внезапно состоялась сессия Верховного Совета Абхазии, на которой была принята Конституция Абхазии, в которой предложения представителей абхазского народа не были отражены. Такое игнорирование их интересов привело к новому витку недовольства абхазов, собравшихся уже на второй день, 7 июня, в с. Лыхны.

В ходе выступлений абхамам было обещано, что председателем Совета Министров республики будет отныне назначаться абхаз. Но 21 сентября было объявлено о назначении на данную должность грузина Ю. Убилава. Абхазы ответили на это забастовкой, продолжавшейся с 25 сентября по 3 октября 1978 г. 2 октября с участием Э. Шеварднадзе состоялось заседание пленума обкома партии, который осудил забастовку и поручил Прокуратуре и МВД Абхазии «привлечь зачинщиков к ответственности». Работа Гудаутского райкома, Гагрского и Сухумского горкомов была признана неудовлетворительной по борьбе с происходившими явлениями. На том же пленуме было принято решение об аресте 32 самых активных участников абхазского движения 1977–1978 гг. Но тогда ни Тбилиси, ни Сухум подобные решения не могли воплотить в жизнь в полной мере без санкций Москвы, а та не дала согласия на столь массовые репрессии. Тем не менее, в Абхазии люди за свои убеждения подвергались гонениям и преследованиям. Вопиющими фактами стали аресты и показательные суды над активными участниками национально-освободительного движения абхазского народа З. Гиндия, Л. Гицба и М. Тыркба в 1980 г.

Борьба продолжалась... Национально-освободительное движение рассматриваемого периода стала предтечей сегодняшней независимости, ибо подготовило идейную базу борьбы абхазского народа за свою суверенную государственность.

В 1985 г. в Советском Союзе была провозглашена «перестройка», которая стала началом нового этапа в развитии исторического процесса. О том, в каком положении находилась Абхазия во время наступления этого переломного момента, свидетельствует письмо абхазских писателей Г. Аламия, Р. Смыр и Д. Чачхалиа от 28 октября 1985 г. XXVII съезду КПСС. В нем говорилось: «Абхазский ребенок сегодня теряет свой родной язык в самой Абхазии. Он почти не слышит его на улице, в школе (если это не урок абхазского языка и литературы). Его почти не слышно в учреждениях. Между тем грузинский ребенок своего языка в Абхазии не теряет. Программу средней школы он пол-

ностью проходит на родном языке, он смотрит по телевизору мультфильмы на грузинском языке, детские спектакли... Абхазский ребенок, который больше нуждался в этом, этой возможности не имеет. Для абхазских детей и по сей день не открылся кукольный театр, нет для них ни спектакля, ни мультфильма, ни диафильма. Нет школьного дидактического материала, наглядных пособий, крайне плохо удовлетворяются нужды абхазских детских садов. А детские сады абхазцам нужны более всего для того, чтобы ребенок хотя бы там слышал абхазскую речь и подготавливался к абхазской школе... О том, в каком действительно положении находится в Абхазской АССР абхазский язык, красноречиво говорит отсутствие текста на абхазском языке в дипломных книжках АГУ, в зачетных книжках всех вузов, и бланках. Настойчивым потоком идет в Абхазию ведомственная переписка, распоряжения на грузинском языке. Между тем грузинский язык в некотором объеме знают только те абхазцы, кто учил эту грамоту под страхом репрессий... Сегодня в результате переселенческой практики, роста курортного и промышленного строительства, продолжения переброски грузин (в связи якобы с нехваткой рабочих рук) абхазцы составляют лишь одну пятую часть населения Абхазии. Как и прежде, в Абхазии экономические задачи продолжают решать в отрыве от культурных проблем абхазского народа. Все предшествовавшее время показало, что подчинение Абхазии Грузии не только не оправдало себя, но показало всю вредность такой подчиненности».

Между тем последовавшие за «перестройкой» события привели к глобальным изменениям общемирового масштаба. Настало время ломки утверждавшихся десятилетиями, а иногда столетиями, и поэтому ставших привычными, принципов, стереотипов и образов; время исчезновения последних официальных колоний и образования множества новых независимых государств с различными декларированными правами де-юре и возможностями их осуществления де-факто; время превращения общепланетарного биполярного противостояния в гиперглобализированную многополярную систему и складывания многополюсного взаимозависимого мира...

Общепланетарное противостояние биполярных систем завершилось исчезновением одной из них. Эти процессы не были одноактными действиями и, как правило, сопровождались политическими, экономическими, культурными, конфессиональными, психологическими и иными осложнениями во взаимоотношениях стран и народов, населявших эти территории. Начавшийся развал Советского Союза привел к особому обострению т. н. национального вопроса. Этносы обновляли старые и выдвигали новые требования, которые ими рассматривались как вполне обоснованные и законные. Для их воплощения в жизнь они стремились привлечь внимание мирового сообщества к своим проблемам. Необходимым условием достижения этносами своих целей и задач, в первую очередь, являются этноконсолидация, этномобилизация, по-

вышение уровня самоидентификации и создание т. н. «единого фронта» против «общего врага», при отсутствии которого он просто конструируется этническими элитами.

В рассматриваемую эпоху, по мере уточнения задач и четкого оформления требований, были обозначены магистральные пути развития этносов в новых исторических реалиях. Важное место в этом процессе занимает мироощущение и мировосприятие этноса, его способность или неспособность к осознанию себя гармоничной частью остального человечества. Он обусловлен комплексом взаимосвязанных и взаимозависимых факторов, проявляющихся во всех сферах жизнедеятельности этноса. К главным среди них могут быть отнесены: активность и направленность деятельности этнических элит и интеллектуалов; специфические черты этноса экономического характера; политическая, экономическая и иная деятельность этнических диаспор, проживающих за пределами основного ареала обитания этноса; наличие диаспоральной политики и степень скоординированности действий руководства национальных государств с этническими диаспорами, проживающими за пределами исторической родины; историческая память народа; этнические стереотипы и предрассудки; этнопсихология; этнофилософия; этносоциология; степень втянутости этноса в общепланетарную гиперглобализацию; уровень самоидентификации; гиперактивность или патологическое отсутствие активности со стороны масс, идентифицируемых с данным этносом; межэтнические, внутриэтнические и геополитические процессы.

Многие республики, входившие в состав СССР, тогда заявили о своих правах на самоопределение. Во многих из них начался процесс смены руководства: на места коммунистов стали приходить лидеры национальных и национально-освободительных движений. Центральные органы Советского государства упорно сопротивлялись этому, не отпуская стремившиеся к независимости республики. Аналогично поступали и сами республики с входившими в их составы автономными образованиями.

Инициатором движения за независимость и выход из состава СССР была прибалтийская республика Литва. Вслед за ней на этот путь встала и Грузинская ССР. Там лидеры национального движения стали призывать к свержению власти коммунистов, выходу Грузии из состава СССР и ликвидации автономий, входивших в состав республики. Причем тогда в Грузии стали четко вырисовываться проявления нетерпимости ко всему негрузинскому. Средства массовой информации начали ругать не только Центр, т. е. Москву, но и «сепаратистов» – абхазов, осетин и т. д.

Автономная государственность Абхазии носила формальный характер и соответствовала статусу полуколониального государства. И та борьба, которую вел абхазский народ практически во все времена своего пребывания в составе Грузии, является, прежде всего, антиколониальным национально-освободи-

тельным движением против грузинского засилья за сохранение собственной идентичности. Грузия проповедовала и претворяла в жизнь неприкрытую ассимиляционную политику, направленную на полное растворение абхазского этноса в грузинской этнокультурной среде.

В. Ардзинба, выступая на первом съезде народных депутатов СССР, отмечал: «О серьезных нарушениях в области национальной политики по отношению к абхазскому народу говорилось в коллективных и личных письмах, с которыми обращались в центральные, партийные и советские органы представители различных слоев абхазского народа – интеллигенции, рабочего класса, крестьянства в 1947, 1957, 1967, 1978, 1988 гг.» Одним из таких писем является «Абхазское письмо», или «Письмо шестидесяти» от 17 июня 1988 г., ставшее отправной точкой очередного этапа борьбы абхазского народа за свое самосохранение и самоопределение. Оно было подписано шестьюдесятью представителями абхазской интеллигенции и являлось приложением к письму Президиуму 19 Всесоюзной партийной конференции. В нем приводилась обширная историческая справка об истории взаимоотношений Абхазии и Грузии, а в конце документа все сказанное резюмировалось следующим образом: «Вся борьба за свои права и национальную самобытность, как это было в 1957, 1967, 1978 годах, наносит громадный ущерб абхазскому народу, отвлекая на эту борьбу за выживание интеллигенцию и трудящееся массы, вместо того, чтобы направить эти силы на созидание и творческое развитие. Эта борьба, навязанная абхазскому народу грузинским шовинизмом, довела до абсурда национальные взаимоотношения и сделала невозможным дальнейшее пребывание Абхазской АССР в составе Грузинской ССР, тем более что такое положение не обеспечивает равноправия между абхазским и грузинским народами». Далее в письме подчеркивалось, что «акт включения ССР Абхазии в ССР Грузии с последующим ее преобразованием (в 1931 г.) в Абхазскую АССР был актом попрания национальных прав абхазского народа». И поэтому ставился вопрос о выводе Абхазии из состава Грузии и о возвращении ей статуса Советской Социалистической Республики, каковой она являлась в 1921–1931 гг.

Призывы к выходу из СССР и уничтожению всякой государственности Абхазии, а также «научный» тезис о том, что абхазы – это грузины, стали повседневностью жизни Абхазии. О серьезности складывавшейся ситуации говорит и тот факт, что 31 октября 1988 г. Верховный Совет Абхазии принял постановление об образовании постоянной комиссии по вопросам межнациональных отношений и интернационального воспитания населения. Конечно же, в тех обстоятельствах эта комиссия мало что могла решить, т. к. массированная пропаганда о прищлости абхазов и необходимости их изгнания и даже физического уничтожения не прекращалась ни на минуту среди грузинского населения Абхазии. Вот что, к примеру, предлагалось некоторыми грузинскими интеллигентами: для сбалансированного размножения отдельных

наций, проживающих в Грузии, придерживаться предельного уровня их воспроизводства (предельный уровень – двое детей). Желаям расширенного воспроизводства представить права выехать на место жительства за пределы Грузии.

На повестку дня становилась задача формирования единой, общенациональной организации, способной возглавить национальное движение абхазского народа за самосохранение. Такой организацией и стал Народный форум «Аидгылара», оргкомитет которого был создан 8 декабря, а 13 декабря 1988 г. в Государственной филармонии Абхазии состоялся ее учредительный съезд.

2. 2. Национально-освободительное движение абхазского народа в 1989–1991 гг. С началом 1989 г. наблюдается усиление противоречий между Абхазией и Грузией. 18 марта в селе Лыхны состоялся сход абхазского народа, который обратился к руководству Советского государства с просьбой вернуть Абхазии статус союзной республики. Лыхненское обращение, равно как и «Абхазское письмо», вызвало бурную реакцию в Грузии, а также грузинского населения Абхазии. Грузинские неформалы провели в Гагре, Сухуме, других населенных пунктах митинги, на которых осудили «абхазский сепаратизм». Первый секретарь ЦК КП Грузии Д. Патиашвили квалифицировал Лыхненское обращение как «антиконституционное». В правлении Союза писателей Грузии оно было названо «клеветой и доносом на грузинский народ». В первых числах апреля в Тбилиси началась голодовка протеста против Лыхненского обращения, переросшая в многотысячный митинг с требованием провозглашения независимости и введения в Грузию войск НАТО. 9 апреля во время разгона митинга погибли люди, и этот день был объявлен днем траура в Грузии. И, как к тому времени уже стало традицией, события в Грузии не могли пройти мимо Абхазии. Грузины объявили о том, что они хотят построить в центре города Сухум памятник жертвам 9 апреля в Тбилиси, а абхазы воспротивились этому. Затем после долгих споров памятник был построен в с. Ачадара, где он простоял до освобождения абхазской столицы в сентябре 1993 года.

6 мая 1989 г. в Сухуме началась сидячая забастовка студентов грузинского сектора АГУ с требованием создать Сухумский филиал ТГУ. О своей солидарности с бастующими заявили и некоторые предприятия, где было сильно влияние грузинских неформалов. Министерство образования Грузии, прикрываясь давлением участников акции, вынесло решение о создании в Сухуме филиала ТГУ. 3 июля в Сухум для изучения проблемы открытия филиала прибыла комиссия Верховного Совета СССР. 10 июля она уехала и сделала заключение о нецелесообразности разделения АГУ по национальному признаку, которое 12 июля было опубликовано в прессе. Тем не менее, 14 июля ректор ТГУ издал приказ о назначении приемных экзаменов в филиал ТГУ на 20 июля. В этот же день делегация старейшин Абхазии посетила обком партии

с требованием не допустить раздела АГУ и прекратить прием документов в филиал. Однако было объявлено, что прием документов в Сухумский филиал ТГУ продолжится, а экзамены были назначены на 16 июля. В ночь с 15 на 16 июля противостояние переросло в кровавые столкновения, в ходе которых, по официальным данным, было убито 14 человек: 9 грузин и 5 абхазов. По неофициальным данным, жертв значительно больше. Эта трагедия стала предлюдией к большой войне между Абхазией и Грузией, которая тогда была предотвращена вводом в Абхазию Внутренних войск СССР.

Тогда в Грузии была выработана парадигма борьбы с империей и независимости, которая ассоциировалась с именем З. Гамсахурдиа. Для ее реализации был начат поиск новых идентичностей: были отменены все советские праздники и введены новые, в основном христианские. В Абхазии в противовес этому возобновился процесс сближения с северокавказскими этносами, который был ускорен трагическими событиями в Сухуме 15–16 июля. На первом съезде горских народов Кавказа в августе 1989 г. в Сухуме, в котором приняли участие делегаты Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Абхазии, была создана Ассамблея горских народов Кавказа (АГНК).

Политика игнорирования прав и интересов абхазского народа продолжалась. В ответ на это 5 сентября 1989 г. была объявлена забастовка, участники которой добивались введения в Абхазию особого Управления с его подчинением Верховному Совету СССР; передачи расследования по фактам трагических событий, происшедших в Абхазии в июле 1989 г., Прокуратуре СССР и МВД СССР, отстранив от этой работы прокуратуру и МВД Грузии и Абхазии; отмены распоряжения Совета Министров Грузии об открытии филиала ТГУ; отмены введения делопроизводства на грузинском языке на территории Абхазии и т. д.

25 августа 1990 г. Верховный Совет Абхазии принял постановление «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии». В документе, в частности, говорилось: «Постановлениями Верховного Совета Грузинской ССР от 18 ноября 1989 г., 9 марта и 20 июня 1990 г. все государственные структуры, существовавшие и существующие в Грузии с февраля 1921 г., признаны недействительными, из чего логически следует, что все договорные отношения между Грузией и Абхазией, заключенные прежними органами государственной власти, также являются незаконными, а вхождение Абхазии в Грузинскую ССР лишено правовых оснований и, следовательно, законной формой государственности Абхазии является ССРА, созданная свободным волеизъявлением народов Абхазии и провозглашенная 31 марта 1921 года». В постановлении выражена готовность Абхазии начать переговоры с Грузией о дальнейших государственно-правовых взаимоотношениях. На сессии также была принята «Декларация Абхазской Советской Социалистической Респу-

блики», в соответствии с которой Абхазия провозглашалось суверенным государством. В документе особо подчеркивалось, что Декларация является основой для новой Конституции Абхазии и определяет позицию республики при заключении Союзного договора и договора с Грузией. И хотя этот акт носил декларативный характер, он сыграл положительную роль в психологической подготовке абхазского народа к переходу на более высокий уровень борьбы за самоопределение. На следующий день, 26 августа, Президиум Верховного Совета Грузии объявил эти решения недействительными и не имеющими юридической силы. А 31 августа в Сухуме, в здании ГИСХа, собралась группа депутатов ВС Абхазии (в основном лица грузинской национальности и некоторые сочувствовавшие им) и, объявив себя «чрезвычайной сессией Верховного Совета Абхазской АССР», приняла резолюцию в поддержку постановления Президиума Верховного Совета Грузии.

22 сентября 1990 г. в Москве состоялся первый съезд представителей народов, на котором была основана Всесоюзная ассоциация представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности. Президентом Ассоциации был избран Председатель АГНК Ю. Шанибов, а управляющим делами – представитель Абхазии в Москве И. Ахба. Участники съезда, представлявшие 39 народов, приняли Декларацию в поддержку сохранения Союза ССР и высказали принципиальную позицию о том, что все народы имеют право на самоопределение.

4 декабря 1990 г. Председателем Верховного Совета Абхазии был избран В. Ардзинба, что явилось новой ступенью в абхазском национально-освободительном движении – началом эпохи Владислава Ардзинба в истории Абхазии.

На 17 марта 1991 г. было назначено проведение референдума по сохранению СССР. Верховный Совет Грузии 30 января принял решение об отказе от его проведения. Вместо него было предложено провести 31 марта опрос населения по вопросу независимости Грузии. Первый съезд представителей абхазского народа, состоявшийся 2 февраля в Сухуме, заявил о поддержке сохранения СССР «как государства равноправных народов». Верховный Совет Абхазии 28 февраля ввел в действие закон о референдуме в Абхазии, и тем самым был дан официальный старт в республике к подготовке и проведению Всесоюзного мероприятия. Это привело к резкому обострению противоречий между Грузией и Абхазией, а также и в самой Абхазии, в который уже раз население республики разделилось на два непримиримых лагеря. 6 марта в Сухуме состоялся первый съезд блока общественно-политических организаций и движений «Союз». Блок был создан 21 февраля, и его первоочередной задачей провозглашалось проведение общесоюзного референдума 17 марта. 10 марта в Сухуме на республиканском стадионе по инициативе

того же блока «Союз» состоялся 30-тысячный митинг в поддержку референдума, в котором приняли участие представители народов, входящих в Ассамблею горских народов Кавказа и Всесоюзную ассоциацию представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности. 16 марта З. Гамсахурдиа пригрозил: «Напоминаем, что будущее негрузинского населения, перспективы его завтрашней жизни в Грузии полностью зависят от того, примет оно или нет в завтрашнем референдуме и примет или нет участие в предстоящем референдуме 31 марта».

Так, в острой пропагандистской борьбе сторонников и противников Союза, сопровождавшейся порой очень высоким накалом страстей, проходили недели и дни перед референдумом. В итоге сторонникам проведения Всесоюзного референдума удалось обеспечить необходимый процент (54 %) принявших участие в нем, большинство из числа которых проголосовало за сохранение Союза ССР. Сторонники опроса о независимости Грузии также сообщили о своей победе. Было объявлено о том, что 60 % жителей Абхазии высказались за независимость Грузии. Так, стало окончательно ясно, что референдум не в состоянии хоть как-то повлиять на решение грузино-абхазских противоречий, которые уже к тому времени зашли очень глубоко. О серьезности сложившейся ситуации свидетельствовали уже подходы сторон к новому Союзу: Абхазия, в силу многих обстоятельств, видела возможность своего выживания только в составе обновленного Союза суверенных государств, а Грузия, стремясь к независимости, отвергала всякую возможность вступления в какой бы то ни было союз. Положение усугублялось еще и тем, что с учетом складывавшихся политических, экономических, культурных и исторических реалий, Абхазия вынуждена была поставить вопрос об установлении с Грузией горизонтальных отношений. Это предусматривало изменение существовавшей тогда формы государственности Абхазии в пользу повышения ее статуса, с чем, в свою очередь, не могла согласиться Грузия, в которой открыто заявляли о необходимости уничтожения всех автономий.

Тем временем срок полномочий Верховного Совета Абхазии истек и необходимо было создать новый парламент. В противном случае, несмотря на правовую неразбериху в грузино-абхазских взаимоотношениях, Грузия, наверняка, постаралась бы ввести прямое правление из Тбилиси, что стало бы началом конца хрупкому миру в Абхазии. О начале работы над законом о выборах в Верховный Совет Абхазии было объявлено еще 10 декабря 1990 г. в ходе сессии. В результате исторических катаклизмов количество абхазов в Абхазии было искусственно доведено до 17 %, и в таких обстоятельствах пойти на прямые выборы было бы подобно самоубийству. 9 июля 1991 г. Верховный Совет принял закон, который предусматривал выделение 28 мест в будущем Парламенте абхамам как коренному народу, 26 – грузинам и 11 – русскоязыч-

ному населению. Первоначально выборы были назначены на 22 сентября, но затем отодвинуты на 29 сентября. Подготовка и сами выборы прошли в предельно накаленной атмосфере. Во многих избирательных округах было назначено повторное голосование, а в некоторых – перевыборы, и лишь к концу года удалось сформировать работоспособный Верховный Совет Абхазии.

В ночь с 18 на 19 августа 1991 г. в Москве была предпринята попытка государственного переворота. Было объявлено об образовании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и новой программе развития страны, в которой закреплялась ведущая роль КПСС. Существовавшие партийные организации в своем большинстве поддержали активистов ГКЧП, более того, об этом же заявили и некоторые лидеры провозгласивших ранее независимость от СССР республик. Однако путчисты потерпели поражение, и ГКЧП стал точкой отсчета, возвестившей уже во весь голос о начале конца СССР.

По иронии судьбы уже неминуемый конец СССР, против диктата которого выступал лидер Грузии, стал и началом его лебединой песни. В разгар переворота в Москве, в ответ на требование лидеров ГКЧП о послушании всех субъектов Союза ССР, З. Гамсахурдиа издал указ о расформировании Национальной гвардии Грузии и включении ее в структуры МВД СССР. Т. Китовани, командовавшему этим подразделением, крайне не понравилось такое решение президента Грузии, и он отказался подчиниться ему. Более того, Национальная гвардия во главе со своим командиром покинула место дислокации, превратившись по существу в вооруженную оппозицию З. Гамсахурдиа. В стане непримиримой оппозиции оказался и премьер-министр Т. Сигуа, который незадолго до этого ушел в отставку. 17 декабря 1991 г. уже в Абхазии пять политических партий и общественных организаций, объединявших грузинское население Сухума, создали общий Координационный центр, который принял Декларацию, обвинявшую З. Гамсахурдиа в узурпации власти и утверждении «неототалитарного антидемократического правления».

2. 3. Национально-освободительное движение в постсоветское время (январь – август 1992 г.). 21 декабря 1991 г. Советский Союз официально перестал существовать. Положение изменилось. В связи с необходимостью обеспечения безопасности 29 декабря 1991 г. на основе расформированного батальона внутренних войск МВД России, дислоцированного в Абхазии, был создан Отдельный полк Внутренних войск Абхазии. Это подразделение подчинялось лично Председателю ВС РА В. Ардзинба. А в Тбилиси в результате двухнедельных боев, проходивших с 22 декабря, 6 января 1992 г. оппозиция захватила бункер Дома правительства. З. Гамсахурдиа бежал из страны, а власть в Грузии перешла к сформированному еще 1 января Военному совету, в котором, как и во всей оппозиции, ведущие роли принадлежали Т. Китовани, Д. Иоселиани и Т. Сигуа.

6 января 1992 г. Председателем Верховного Совета Абхазии был избран В. Ардзинба, его первым заместителем – Т. Надарейшвили, заместителем – А. Тополян. Но работа Парламента была осложнена государственным переворотом в Грузии: большинство членов грузинской депутации были сторонниками З. Гамсахурдиа и оказались в оппозиции к новым властям. Жизнь в Абхазии была парализована бесконечными митингами, шествиями и демонстрациями, участники которых требовали возвращения к власти законного президента Грузии.

Между тем грузинские воинские формирования, подавив сопротивление звиадистов в Мегрелии, вышли к реке Ингур – к абхазо-грузинской границе, которая, уже начиная с 20-х чисел января, была взята под охрану бойцами Отдельного полка Внутренних войск Абхазии. Тогда же Полк национальной гвардии Грузии под командованием подполковника Г. Каркарашвили в ночь на 4 февраля вошел в Абхазию, а уже 6 февраля был в Сухуме. Власти Грузии заявили, что подразделение введено только для того, чтобы утихомирить звиадистов в Абхазии, и никаких других целей не преследует. Это подразделение совершило марш-бросок на «Икарусах» на реку Псоу, к границе Абхазии с Россией, где было устроено «театрализованное представление» с целованием «родной земли» и ритуальным питьем воды из «грузинской» реки. Кроме того, было зафиксировано множество фактов мародерства, грабежей, разбоев и убийств граждан Абхазии, совершавшихся «борцами» против звиадизма. Обстановка была дестабилизирована, хрупкий мир был поставлен под удар, и В. Ардзинба вынужден был заявить о том, что если грузинский полк не покинет республику, то остановить народ будет невозможно и последуют необратимые процессы. После этого и многочисленных настоятельных требований общественности подразделение грузинской гвардии было выведено из Абхазии.

В феврале 1992 г. Военный совет Грузии отменил Конституцию Грузинской ССР 1978 г. и перешел к Конституции 1921 г., согласно которой Абхазия односторонне введена в ее состав и «является неотъемлемой частью Грузии с правом автономного управления в местных делах», при этом она не значится субъектом государственно-правовых отношений. Все структуры советского периода, созданные с 25 февраля 1921 г., были объявлены незаконными.

10 марта в Тбилиси было объявлено о создании Государственного совета под председательством Э. Шеварднадзе. 11 марта уже в Сухуме был создан Прогрессивно-демократический Союз Абхазии (ПДСА), целью которого являлось преодоление противоречий среди грузинских организаций, существовавших в Абхазии, и их консолидация для борьбы с «абхазским сепаратизмом». На съезде ПДСА также было выдвинуто требование о самороспуске Верховного Совета и проведении досрочных выборов. Вместе с тем в Абхазии не прекращались многочисленные митинги, шествия и демонстрации, участ-

ники которых, чувствуя за спиной поддержку Тбилиси, не стеснялись открытых угроз физическим уничтожением абхазам. Ситуация накалялась с каждым часом, опасения абхазского народа за свое будущее получили реальное очертание, на повестку дня был поставлен вопрос о выживании абхазского этноса.

24 марта 1992 г. Грузия была принята в СБСЕ, а уже на второй день в Тбилиси был расстрелян очередной митинг сторонников З. Гамсахурдиа. В ответ Мегрелия начала восстание. 1 апреля войска Госсвета Грузии вторглись в Мегрелию, и 3 апреля, захватив и основательно разграбив ее, подошли к границе Абхазии. Вечером того же дня абхазское ополчение встало на границе, заминировало мост и не пропустило войска Госсвета. Противостояние достигло высочайшего накала, за чертой которого маячила война. Руководство Абхазии выразило протест в связи со сложившейся обстановкой и потребовало от Грузии отвести свои войска от границы. Президент МЧА Ю. Калмыков обратился к Э. Шеварднадзе с призывом не допустить военного вторжения в пределы Абхазии. Конфедерация горских народов Кавказа заявила о том, что в случае агрессии против Абхазии со стороны Грузии КГНК выступит на защиту абхазского народа и его государственности. Подтверждением сказанному стало прибытие в Абхазию батальона войск КГНК.

5 мая Верховный Совет Абхазии приступил к формированию Правительства, главой которого по предварительной договоренности мог быть избран только представитель грузинской национальности. Парламент неоднократно признавал работу МВД Абхазии неудовлетворительной. Министр этого ведомства Г. Ломинадзе не только игнорировал выполнение своих обязанностей по наведению порядка в республике, но и способствовал нагнетанию обстановки. Однако именно его кандидатура была выдвинута грузинской депутацией на должность Председателя Совета Министров Абхазии, которая при тайном голосовании не была поддержана депутатами. После чего В. Ардзинба предложил на эту должность кандидатуру В. Зарандия, не приемлемую, как оказалось, для грузинской депутации. В ответ на предложение главы Парламента она в полном составе в очередной раз покинула зал заседаний, но, в отличие от подобных демаршей, предпринимавшихся ранее, больше в него не возвращалась. Тогда оставшаяся часть депутатов утвердила кандидатуру В. Зарандия. Переговоры о возвращении грузинской депутации ни к чему не привели. По существу, уход части депутатов из Парламента преследовал цель парализовать его работу и вызвать всеобщую дестабилизацию обстановки в республике. К тому времени Верховный Совет являлся единственным институтом власти, поддерживавшим хрупкий мир в Абхазии. И целью попытки лишить его возможности полноценного функционирования, безусловно, являлось обострение противоречий и конфликтных ситуаций, направленных, в конечном итоге, на нагнетание уже имевшего место вооруженного проти-

востояния. Это, в свою очередь, привело бы к кровопролитию и по замыслу грузинских идеологов дало бы право обвинить в произошедшем Верховный Совет и потребовать его роспуска.

7 мая 1992 г. председатель Госсовета Грузии Э. Шеварднадзе подписал постановление, в котором устанавливалась глубина пограничной полосы до 21 км с установлением в ней особого режима, определяемого властями Грузии. Земли, расположенные в 21-километровой пограничной зоне, переводились в государственный фонд. Управление этим фондом передавалось Министерству обороны Грузии. Учитывая, что почти все города и населенные пункты республики расположены на прибрежной пограничной полосе меньше 21-километровой зоны, то фактически вся ее населенная часть выводилась из-под юрисдикции властей Абхазии. Другими словами, воплощение этого решения означало бы превращение республики в «абхазскую резервацию» под военно-политической юрисдикцией Грузии.

15 мая было подписано Ташкентское соглашение, по которому все закавказские государства получали в наследство часть бывших Вооруженных сил СССР и их инфраструктуры. Свою долю получила и Грузия, лишним подтверждением чему являются слова Э. Шеварднадзе, произнесенные им в ночь с 11 на 12 августа: «Грузия сейчас сильна, более сильна, чем 10–15 дней назад. Сейчас у нее довольно многочисленная вооруженная армия, у нее достаточно и оружия».

На 15 мая было намечено проведение в Сухуме митинга представителей грузинской общественности, организатором которого выступало ПДСА. Были большие опасения, что участники митинга предпримут попытку насильственного свержения Верховного Совета Абхазии, о необходимости которого говорили его организаторы. Но грузинским лидерам не удалось консолидировать своих соплеменников в Абхазии. Грузинское население все еще оставалось разделенным на сторонников и противников З. Гамсахурдиа. Митинг так и не вышел таким многолюдным, как грозили его устроители. Его участники, в очередной раз громогласно заявив о необходимости роспуска Верховного Совета Абхазии и постояв немного на площади Ленина (сейчас – Свободы), разошлись. Наряду с этим сторонники свергнутого Президента Грузии провели свой митинг с первичными для них лозунгами, и тем самым выяснилось, что часть (и немалая) грузинского (в основном мегрельского) населения Абхазии выступала вовсе не против законного Верховного Совета республики, а против нелегитимного Госсовета Грузии. В силу последнего обстоятельства новым властям Грузии и их приспешникам в Абхазии не удалось организовать и возглавить победоносный поход на абхазский парламент. Несмотря на это, ситуация в Абхазии продолжала осложняться. 5 июня на собрании общественных и политических организаций был создан Комитет национального спасения. Его участники заявили, что в случае создания в Республике Абхазия

неконституционных параллельных структур, а также незаконных вооруженных формирований будет необходимо предпринять следующие шаги: «Объявить всеобщую мобилизацию; обратиться к Парламенту КГНК с просьбой объявить мобилизацию в республиках КГНК; обратиться в ООН, СБСЕ и другие международные организации, а также к парламентам стран СНГ с предупреждением о готовящейся против Республики Абхазия агрессии; призвать соотечественников в этот трудный час оказать всестороннюю помощь своей исторической Родине». А «в случае невозможности урегулирования проблем политическим путем потребовать от парламента Абхазии немедленно принять Акт о государственной независимости».

Утром 24 июня сторонники З. Гамсахурдиа численностью до трехсот человек заняли телецентр Грузии, однако, потеряв до 40 человек убитыми, вынуждены были отступить. Потом Э. Шеварднадзе назвал произошедшее «последним выступлением «звиадистов». Сам З. Гамсахурдиа обвинил грузинские власти в организации инсценировки мятежа. Днем 24 июня в Дагомысе состоялась встреча Э. Шеварднадзе и Президента России Б. Ельцина, в которой также приняли участие руководители Южной и Северной Осетии. На ней было подписано четырехстороннее «Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта».

На этой же встрече, как считается, Россией, несмотря на антироссийские заявления и демарши, было дано согласие на вторжение Грузии в Абхазию. Впоследствии российское руководство всегда и однозначно отрицало саму возможность такой постановки вопроса. Но, тем не менее, 24 августа 1988 г. при заслушивании специальной комиссии по импичменту российского президента на заседании Государственной Думы в одном из пунктов обвинений Б. Ельцину говорилось: «Не стало ли она (война в Абхазии. – А. А.) результатом благословения, данного Б. Ельциным председателю Госсовета Грузии на совещании в Дагомысе в августе 1992 года?»

А в Абхазии 24 июня силами штурмовой группы полка Внутренних войск Абхазии генерал Г. Ломинадзе, забаррикадировавшийся в кабинете министра ВД, был выдворен из него, что способствовало очередному витку напряженности.

18–23 июля в Абхазии проходил Всемирный фестиваль абхазо-адыгских народов. В нем приняли участие представители абхазской диаспоры из США, Германии, Албании, Сирии, Турции, Израиля и других стран, а также братские народы Северного Кавказа.

23 июля Верховный Совет Абхазии принял Постановление «О прекращении действия Конституции Абхазской АССР 1978 года». Этот документ был принят «в целях преодоления правовой неурегулированности» между Абхазией и Грузией и предусматривал: «1. Признать Конституцию Абхазской АССР 1978 года прекратившей свое действие. 2. До принятия новой Конституции

Абхазии вернуться к Конституции ССР Абхазии 1925 года, сохранив ныне действующую систему органов законодательной, исполнительной и судебной власти». В пункте 5 самой Конституции 1925 г. говорилось: «ССР Абхазия есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти». На этой же сессии была принята новая символика Республики Абхазия: Государственный герб, Государственный флаг и их описания. Эти решения абхазского Парламента 25 июля Госсоветом Грузии были объявлены недействительными.

С 26 по 31 июля состоялся визит В. Ардзинба в Турцию, где он встречался с абхазской диаспорой. 31 июля Грузия была принята в ООН. Более 30 государств мира за короткий срок признали Грузию как независимую республику. Министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе тогда с трибуны ООН заявил: «В Грузии нет ни пяди негрузинской земли, и мы решительно будем пресекать любую претензию на грузинскую землю». Если учесть, что стремление Абхазии самостоятельно решать свою судьбу в Грузии воспринималось как «претензия на грузинскую землю», то можно считать, что война Абхазии была объявлена в день принятия Грузии в ООН. 11 августа Госсовет Грузии принял решение о введении чрезвычайного положения на железных дорогах Мегрелии и Абхазии. Их охрана была возложена на Министерство обороны республики. Предполагалось задействовать 1800 человек. В тот же день в Зугдиди проходили переговоры официальных представителей Тбилиси со сторонниками З. Гамсахурдиа. В ходе них 12 представителей Госсовета были взяты в заложники. В ответ на это Э. Шеварднадзе заявил: «Мы приняли решение этой ночью разработать план военных операций. Выполнение всей этой большой и серьезной работы поручено господину Т. Китовани, министру обороны нашей страны... Сейчас в Главном штабе вооруженных сил проводится серьезная работа по претворению в реальность намеченного. Это не касается только одного региона, речь идет обо всей территории Грузии, начиная с Леселидзе (Гечрипш)». Вся эта риторика и наличие разработанного плана свидетельствуют о том, что захват должностных лиц Грузии был инсценировкой. Об этом же говорят и последовавшие события. 12 августа в Тбилиси состоялся многотысячный митинг, участники которого выразили поддержку Э. Шеварднадзе. Митинг предъявил ультиматум тем, кто похитил и укрывал заложников в Абхазии. Срок ультиматума истек 13 августа, но заложники освобождены не были. Тогда министру обороны Грузии Т. Китовани было «поручено проведение операций по ликвидации преступных групп, охране дорог и освобождению заложников», т. е. приступить к военным действиям против Абхазии.

В то время, когда в Грузии готовились к войне и уже решили начать ее, в Абхазии еще надеялись на мирный исход противостояния. 12 августа, за двое суток до начала войны, Верховный Совет Абхазии принял обращение

к Госсовету Грузии, которое завершалось словами: «...свою часть пути в направлении возрождения добрых отношений между абхазским и грузинским народами пройдем без оглядки. При этом надеемся, что протянутая для пожатия наша рука не повиснет в воздухе». Ответное «рукопожатие» Госсовета – вооруженная агрессия и оккупация части Абхазии – не заставило себя долго ждать.

Абхазское национально-освободительное движение – это стремление народа к достижению политического суверенитета. Только с политической самостоятельностью связывал и связывает надежду на свое выживание абхазский этнос, давший название стране и оказавшийся на грани ассимиляции и физического уничтожения. Сегодняшняя независимая Абхазская государственность является результатом борьбы многих поколений национально-освободительного движения за права абхазского народа.

Литература

1. Абхазские письма. 1947–1989. Сб. док. (Сост. И. Марыхуба). Т. 1. Сухум, 1994.
2. Газ. «Аидгылара». 1991–1992 гг. (подшивка)
3. Басариа В. Время тяжелых испытаний. Сухум, 1995.
4. Важная веха в истории Абхазии. (Сост. Б. Сагария). Сухум, 2002.
5. Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993.
6. Гулиа Д. Сочинения. (Сост. Х. Бгажба, С. Зухба). Сухум, 2003.
7. Дзидзария Г. А. Труды. 3. Сухум, 2006.
8. Думаа К. Н. Грузино-абхазская война: мифы и реалии. Сухум, 2002.
9. Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996.
10. Куправа А. Э. Из истории абхазской традиционной культуры. М., 1998.
11. Лабахуа А. Избранные письма и речи. (Сост. М. Лабахуа). Сухум, 1999.
12. Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 1990.
13. Лакоба С. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Сарго, 2001.
14. Лежава Г. П. Между Грузией и Россией. М., 1997.
15. Марыхуба И. Р. Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 2000.
16. Отырба А. Т. По лезвию кинжала... Сухум, 2017.
17. Газ. «Республика Абхазия». 1990–1992 гг. (подшивка).
18. Газ. «Советская Абхазия». 1953–1990 гг. (подшивка).
19. Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия: правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В АБХАЗИИ 1992-1993 гг.

План

1. Начало войны. Позиции сторон.
  - 1.1. Грузия и Абхазия.
  - 1.2. Россия.
  - 1.3. Добровольческое движение
  - 1.4. Запад
2. Московская встреча 3 сентября 1992 г.
3. Искусство возможного, или политическая игра на грани фола. О дальнейшей политике России.
4. Гагрский прорыв. Начало освобождения Абхазии.
5. Затяжная война. Октябрь 1992 года – июнь 1993 года.
6. Победа. Освобождение Абхазии.
  - 6.1. Июльское наступление.
  - 6.2. Сентябрьское наступление.

1. Начало войны. Позиции сторон.

1. Грузия и Абхазия. «Война законов», которая была характерна для очередного витка грузино-абхазского противостояния, объективно переросла в войну настоящую, которая началась 14 августа 1992 года с вторжения грузинских войск, подчиненных нелегитимному Госсовету Грузии, на территорию Абхазии. «На нашу территорию вторглись вооруженные формирования Госсовета Грузии, в числе которых уголовные элементы, которые сеют смерть и разрушения на нашей земле... Мы должны выстоять в этот трудный час, и мы выстоим, мы нанесем поражение тем, кто сеет смерть и разрушения в Абхазии...». С этими словами Председатель ВС Абхазии В. Ардзинба обратился к соотечественникам 14 августа 1992 года, после того как стало известно о начале военной агрессии Грузии.

В значительной мере руки Грузии были развязаны ее принятием в ООН и СБСЕ, а также договоренностями с Россией, достигнутыми на Дагомысской встрече. Конечно же, Грузия не желала ввязываться в большую войну. Блицкриг и молниеносное покорение Абхазии не получили бы огласки, и тогда Госсовету не пришлось бы оправдывать свою агрессию. В Тбилиси наверняка не стали бы тянуть с вторжением в Абхазию, ведь к тому времени формирования ее национальной гвардии не раз подходили к грузино-абхазской границе и даже один раз побывали на российско-абхазской границе. Но, ви-

димо, там рассудили, что сначала надо вступить в ООН, с тем чтобы Грузия была признана в рамках бывшей Грузинской ССР, а затем договориться с Россией. Когда все эти условия были выполнены, Грузия приступила к осуществлению плана по усмирению вышедшей из подчинения Абхазии. Новые тбилисские власти, равно как и старые, стремились сохранить унитарное государство. А помехой им в этом, в первую очередь, становилась непокорная «автономная республика», и поэтому там в качестве первоочередной задачи стали рассматривать воплощение в жизнь тезиса о ликвидации государственности Абхазии и превращении ее в лучшем случае в одну из бесправных грузинских провинций.

Для достижения этой цели в Тбилиси с участием специалистов ЗакВО была разработана операция «Меч», по которой планировалось продвижение войск Госсвета по железной дороге в ночное время с задачей за одну ночь высадить десанты во всех узловых пунктах, с тем чтобы проснувшаяся Абхазия была поставлена перед свершившимся фактом оккупации. Но неожиданно для ее авторов она провалилась по причине того, что непосредственно перед ее началом, в 5 часов утра 14 августа, был взорван железнодорожный мост через приграничную реку Ингур. Выдвигалось множество версий по поводу произошедшего, но ясно одно: мост взорван силами, имевшими доступ к точной информации о начале осуществления операции «Меч». Основаниями для такого вывода могут служить следующие соображения: мост взорван именно перед непосредственным началом продвижения железнодорожных составов, когда все они уже были загружены необходимой техникой и должны были тронуться в путь; мост был взорван с таким расчетом, что его невозможно было бы восстановить без переноса и изменения плана завоевания Абхазии; поскольку эта война была необходима Э. Шеварднадзе для укрепления своих позиций в Грузии, где у него было достаточно противников, то и последние могли быть заинтересованы в данном взрыве, который, конечно же, хотя бы на некоторое время перепутал бы все карты главы Госсвета.

Войска Госсвета Грузии вошли на территорию Абхазии через приграничный шоссейный мост. А население республики узнало о грузинской агрессии в 12 часов дня, когда по Абхазскому телевидению было передано экстренное сообщение пресс-службы ВС Абхазии о том, что «войска, подчиненные Госсвету Грузии, в количестве 1000 человек на 5 танках, вертолете, с 10 пушками пересекли границу Грузии» и, «соединившись с батальоном из Сухумской турбазы, продвигаются к зданию Верховного Совета Абхазии». На 14 августа была назначена сессия ВС РА, на которой должен был быть обсужден проект Договора между двумя республиками. Может быть, намеченная сессия и опередила окончательную дату начала агрессии, т. к. Грузия опасалась еще одного шага со стороны Абхазии, который приблизил бы ее к свободе. В пер-

вый день войны в связи с военной агрессией Грузии Президиум ВС Абхазии принял постановление, в котором предписывалось:

«1. Провести мобилизацию взрослого населения Абхазии от 18 до 40 лет включительно и направить его в полк Внутренних войск.

2. Командиру полка Внутренних войск сформировать на базе полка пять батальонов по 500 человек каждый».

14 августа войска Госсовета были остановлены на Красном мосту, у въезда в центр столицы Абхазии, в сотне метров от здания Верховного Совета. И уже к тому времени война успела показать все свои «прелести» (обстрел вертолетами мирных сухумских пляжей с отдыхающими, первые потери, разрушения и грабежи, первый трофейный танк и т. д.). Но это было только начало. 413 суток одной из самых жестоких войн конца XX века, принесшие народу Абхазии бездну горя, лишений и страданий, были еще впереди. Можно ли было избежать ее? Тогда возникла реальная угроза существованию абхазского этноса, стали звучать все чаще и чаще и без всякого стеснения открытые призывы к физическому уничтожению или изгнанию абхазов с родной земли. В этих условиях необходимость самосохранения народа выдвинула на первый план вопрос о возрождении действительной государственности Абхазии, что никак не входило в планы Грузии. Последняя провозгласила себя унитарным государством, а «абхазских сепаратистов» объявила «паразитом» на теле страны. Не может империя, пусть даже и малая, позволить колонии, каковой являлась Абхазия, освободиться мирным путем. Войны могло бы не быть только при условии, если бы абхазский народ не был самим собой, не обладал бы давними и глубокими традициями свободолюбия. Кроме того, начало войны продемонстрировало всем, конечно, кто мог и хотел увидеть это, что Абхазия – не Грузия и сделать ее таковой может только вооруженная агрессия. Хотя мировое сообщество и отказывается признать свершившейся факт, но, став объектом государственного терроризма, Абхазия была вытолкнута в субъекты международного права.

С 14 августа в Сухуме велись переговоры между абхазской и грузинской сторонами, в результате которых было достигнуто соглашение об отводе войск. Абхазские подразделения должны были быть отведены за р. Гумиста, а грузинские – к с. Багмаран. Однако к 2 часам дня 18 августа, нарушив договоренность, грузинские военные формирования заняли Сухум. В оккупированной столице был создан т. н. Временный комитет по стабилизации положения в Абхазии (ВКСА), председателем которого был назначен Г. Ломинадзе. Было объявлено о роспуске абхазского Парламента и аресте В. Ардзинба. 18 же августа был образован Государственный комитет Абхазии обороны под председательством В. Ардзинба. 25 августа командующий войсками Госсовета Грузии в Абхазии Г. Каркаршвили предъявил абхазам ультиматум, в котором он пообещал уничтожить «все 97 тысяч, которые будут поддерживать решение

Ардзинба», если даже при этом «погибнет 100 тысяч грузин». Это выступление раскрывало истинные мотивы и намерения Госсовета Грузии в Абхазии, а именно – желание видеть «Абхазию без абхазов».

Официальные поводы для начала войны Грузия поочередно объявляла: охрана железной дороги; освобождение ответственных работников Госсовета Грузии; сохранение территориальной целостности Грузии; мусульманский фундаментализм абхазов; «апартеидный» закон о выборах в ВС Абхазии.

А на самом деле вторжение Грузии было попыткой наказать Абхазию за стремление к независимости и преследовало, согласно Ю. Воронову, следующие цели:

1. Ликвидация государственности Абхазии с целью превращения ее в одну из провинций Грузии.

2. Истребление, подавление и вытеснение абхазов и низведение статуса Абхазии до культурной автономии.

3. Истребление, подавление и вытеснение русскоязычного населения с целью обеспечения грузинской «моноэтничности» в крае.

4. Ограбление с целью разрушения экономических структур и отторжение ресурсов, необходимых для выживания и развития Абхазии как автономного образования.

5. Уничтожение экономических, политических, исторических, культурных, языковых, кровных и психологических связей Абхазии с Северным Кавказом, Россией и Европой с целью полной грузинизации прошлого и настоящего этой территории.

1.2. Россия. Кавказ и Балканы – «пороховые бочки» под стабильностью Европы и всего мира. А Абхазия, как известно, является частью Кавказа, не только в географическом, но и в геополитическом измерениях. Абхазия стала местом столкновения и ареной отстаивания геополитических интересов больших государств еще с древности, задолго до появления самих терминов «геополитика» и «глобализация». А к исходу 80-х – началу 90-х гг. XX в. в результате развала социалистической системы и Советского государства сложились новые реалии. Противостояние в общеглобальном масштабе приобретает иной характер. На смену биполярному миру эпохи «холодной войны» приходит многополярный, со множеством самостоятельных геополитических игроков, вступивших в борьбу за новый передел мира. Отныне это новое «глобальное обстоятельство» является неизменным спутником всех более или менее значимых событий и явлений в судьбах стран и народов, оказавшихся в качестве «геополитических пленников». Именно взаимосвязанность и взаимозависимость многополярного мира диктует внутренние и внешние условия, из совокупности которых складывается российский фактор. Однако при рассмотрении данной проблемы необходимо иметь в виду и то, что наличие российского, равно как и любого другого внешнего фактора в абхазо-грузин-

ском противостоянии, было обусловлено, в первую очередь, именно непримиримостью противоборствующих сторон.

Так, после начала войны и Грузия, и Абхазия, осуждая политику России и обвиняя ее в поддержке противной стороны, в то же время обращались к ней за помощью и поддержкой. В силу этого Россия являлась участницей всех значимых политических мероприятий по прекращению войны. Она неизменно выступала гарантом соблюдения всех договоренностей, достигавшихся воюющими сторонами. Поэтому все крупные соглашения, призванные прекратить войну, были подписаны на территории России при ее непосредственном участии. Таким образом, традиционные исторические, политические, экономические и культурные связи, геополитика, присутствие российских войск в регионе и в связи с этим невозможность разрешения абхазо-грузинских противоречий без участия России делают российский фактор в абхазо-грузинской войне определяющим.

Россия приветствовала свержение Гамсахурдиа и приход к власти в Грузии Шеварднадзе. При этом делалась ставка на традиционную лояльность Шеварднадзе к Москве. Но сам он, взошедший на грузинский трон благодаря российской поддержке, судя по всему не торопился расплачиваться с ней. «Синдром Шеварднадзе», завладевший к тому времени умами политических элит мира, способствовал принятию Грузии во главе с нелегитимным Госсоветом в ОБСЕ и ООН, что в свою очередь позволило Шеварднадзе отказаться от вступления в СНГ, т. е. в фарватер российской геополитики, что, безусловно, шло вразрез с интересами России. В свою очередь, она не могла позволить себе оставаться безучастным наблюдателем и, обладая достаточными рычагами для воздействия на принятие решений, мягко говоря, не противилась вторжению Грузии в Абхазию. Более того, напротив, способствовала созданию благоприятного фона для этого. Несмотря на это Россия не воспрепятствовала созданию 14 августа в Москве штаба по координации деятельности по различным направлениям и оперативного решения вопросов, связанных с войной в Абхазии. И в дальнейшем исполнительная ветвь власти России неизменно выступала в «поддержку территориальной целостности» Грузии, а законодательная – в поддержку интересов Абхазии. Подобная политика может объясняться скоординированностью действий ветвей власти, несмотря на наличие существенных разногласий между ними, обусловленных внутренней борьбой за власть, и могла быть направлена на создание ложного представления о существовании влиятельных лоббистских структур в России у каждой из противоборствующих сторон.

21 августа Президент России заявил, что Россию не удастся втянуть в противостояние Грузии и Абхазии, и с этой целью укрепляется граница между Абхазией и Россией. Но после того как пришли в опасное движение республики Северного Кавказа, Россия вынуждена была скорректировать свою по-

литику в регионе, и 26 августа Президент Б. Ельцин обратился к руководству Грузии и Абхазии. Можно предположить, что уже сам факт обращения к руководству обеих конфликтующих сторон свидетельствовал о некотором отходе российского руководства от первоначальной своей безоговорочной и однозначной поддержки действий Госсовета Грузии. Это было вызвано, наряду с позицией братских народов Северного Кавказа, которые просто могли ввергнуть Россию в хаос, и поведением и заявлениями Э. Шеварднадзе, решившего «запугать» Москву угрозами о недопустимости вмешательства во «внутренние дела» Грузии.

1. 3. Добровольческое движение. Вторжение войск Госсовета в Абхазию вызвали возмущение и протест среди простых людей во многих регионах бывшего Советского Союза и за его пределами. Особенно больно весть о начале войны была воспринята братскими народами Северного Кавказа. 15 августа КГНК и МЧА призвали народы Северного Кавказа встать на защиту Абхазии. И уже в первые дни войны группы кабардинских добровольцев во главе с председателем Комитета самообороны КГНК С. Сосналиевым и добровольцы из Карачаево-Черкессии под командованием М. Килба прибыли в Гудауту. Добровольческое движение было многонациональным, на защиту свободы абхазского народа с оружием в руках встали: абазины, аварцы, адыгейцы, армяне (из-за пределов Абхазии), балкарцы, белорусы, греки, даргинцы, евреи, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, казаки, киргизы, казаки, кумыки, лакцы, лезгины, латыши, мордовцы, немцы, осетины, поляки, русские, табасараны, татары, туркмены, украинцы, черкесы, чеченцы, шапсуги, эстонцы. Уже в первые дни после агрессии Грузии против Абхазии последовала резкая реакция со стороны представителей абхазской и кавказской зарубежных диаспор, а уже 23 августа состоялось первое официальное заседание Кавказского Комитета солидарности с Абхазией под председательством А. Цушба.

В начавшейся войне Россия вела свою политическую игру, и участие в ней добровольцев было нежелательным, и в силу этого она предприняла попытку предостеречь Северный Кавказ от вмешательства в события в Абхазии. 18 августа российское правительство заявило о недопустимости вмешательства во внутренние дела Грузии. Это укрепило горцев в уверенности в существовании сговора Грузии и России против Абхазии. Х чрезвычайная расширенная сессия КГНК, состоявшаяся также 18 августа в Грозном, заявила протест политике Грузии и России в Абхазии и потребовала вывода в течение трех дней, т. е. до 21 августа, войск Госсовета и парашютно-десантного полка ВС РФ с территории Абхазии. В случае продолжения оккупации Абхазии КГНК объявляла о начале военных действий в отношении Грузии. Также было заявлено о начале формирования добровольческих частей и направлении вооруженных формирований КГНК в Абхазию. А 19 августа в Черкесске добровольцами-абазинами был составлен и принят текст клятвы, в которой они просили пра-

вительство Абхазии считать «всех нас с 20 августа с 00 часов – абхазами».

Спираль войны раскручивалась, и ни о каком выводе грузинских войск не было и речи, напротив, они наращивались. В связи с этим 21 августа президент и председатель Парламента КГНК Ю. Шанибов и И. Сосламбеков издали указ, который предписывал:

1. Всем штабам Конфедерации обеспечить переброску добровольцев на территорию Абхазии для вооруженного отпора агрессорам.

2. Всем вооруженным формированиям Конфедерации при противодействии им каких-либо сил вступать в бой и пробиваться на территорию Абхазии любыми методами.

3. Объявить город Тбилиси зоной бедствия, при этом использовать все методы, включая теракты.

4. Объявить всех лиц грузинской национальности на территории Конфедерации заложниками.

5. Задержать все грузы, предназначенные Грузии, и все виды их переброски.

Надо отметить, что КГНК играла немаловажную роль в грузино-абхазском противостоянии и до начала войны. Само ее создание было ускорено кровавым конфликтом в Сухуме в июле 1989 г. и было призвано играть роль защитного механизма для народов, стремившихся к сохранению своей этнической самобытности. С августа 1989 г. по август 1992 г. АГНК – КГНК выступила в роли военно-политической структуры, позволявшей поддерживать баланс сил в регионе, и являлась одним из факторов, способствовавших сохранению хрупкого мира в Абхазии. 22 августа, уже после эскалации военных действий, Верховный Совет Абхазии, обращаясь к народам Северного Кавказа, заявил: «Ваша решительная поддержка вселила в нас уверенность и убедила в том, что мы не одиноки». Позже, 16 сентября, В. Ардзинба отметил: «Именно позиция КГНК не позволила уничтожить абхазский народ». Он же 14 октября на встрече с миссией ООН сказал: «Нас защитила не ООН, а КНК». В свою очередь, начало абхазо-грузинской войны в августе 1992 г. и бескомпромиссная позиция КГНК – КНК в ней способствовали возрастанию ее военно-политической значимости в регионе. Неслучайно именно время абхазо-грузинской войны стало пиком ее популярности.

Что же касается официальных властей северокавказских республик, то они, боясь потерять благорасположение Москвы, делали все возможное в тех условиях для того, чтобы сохранить спокойствие на своих территориях. Такое мощное выступление братских народов в поддержку борьбы абхазского народа за самосохранение не входило в планы России, у которой, в свою очередь, могла быть какая-то стратегическая линия, предусматривавшая некое подобие такого движения для воздействия или более удобного манипулирования ситуацией. Но происходившее на Северном Кавказе, по всей вероятности, выходило далеко за

рамки прогнозировавшегося, в силу чего и российские власти, и руководство самих северокавказских республик оказались неподготовленными к подобному развитию событий. Даже тогда, когда руководители на местах, видя размах добровольческого движения и поняв, что с этим совладать невозможно, стали сигнализировать об этом в Москву, там первое время не смогли или не посчитали нужным разобраться в ситуации. Более того, объявили о начале уголовного преследования лидеров КГНК, что в складывавшихся тогда условиях не могло не послужить дополнительным источником конфронтации, которая поставила, по существу, Россию и народы Кавказа перед реальностью угрозы новой русско-кавказской войны. Однако русско-кавказская война тогда не началась не только и не столько в силу трансформации российской политики от односторонней политики поддержки Грузии к скоординированной и эшелонированной политике, а в силу отсутствия заинтересованности тогда у стран Запада в развале самой России. На Западе нужно было привыкнуть к мысли, что «империи зла» больше не существует. Да и сама Россия, хотя и была провозглашена правопреемницей СССР, могла еще рассматриваться и Западом в качестве своей союзницы в борьбе сначала с Советским государством, а затем и с его наследием.

1. 4. Запад. Приход к власти Э. Шеварднадзе в Грузии стал возможным вследствие торжества политики двойных моралей. У З. Гамсахурдия не хватило изворотливости для заигрывания с Россией с одной стороны, с Западом – с другой, и он был низвергнут с их согласия. И Россия, и Запад, конечно же, преследуя свои цели, поддержали свержение законной власти в Грузии. Это проявилось, в частности, в том, что «тбилисской революцией» Э. Шеварднадзе руководил из Москвы, а сразу после переворота он едет в США и заключает договор с одной из заокеанских компаний об участии в экономическом возрождении Грузии. Вернувшись же в Тбилиси уже в качестве главы Госсовета, он не прочь был вести собственную игру, построенную на противоречиях России и Запада. Э. Шеварднадзе, по мере своих возможностей, стремился поссорить Запад и Россию между собой и извлечь из этого свои политические и экономические выгоды. Таким образом, и Запад, и Россия, в силу временного совпадения своих интересов в регионе, становились гарантами прихода и удержания Э. Шеварднадзе на грузинском политическом Олимпе. Россия способствовала приходу Шеварднадзе, рассчитывая на него как на своего человека, и проведение им прорусской политики в Закавказье с учетом войны между Арменией и Азербайджаном из-за Карабаха и поиском обеими сторонами поддержки на Западе и на Востоке для России было весьма важно. Со своей стороны, и у Запада были далеко идущие планы и стратегические интересы в регионе, и вполне вероятно, что международное сообщество в лице ООН было заинтересовано в усугублении нестабильности на Кавказе, что, конечно, диктовалось отнюдь не дружескими отношениями к России. Свидетельством этому может служить само принятие в ООН, причем в один день, воевавших между

собой Армении и Азербайджана (2 марта 1992 г.), а также Грузии (31 июля 1992), в свою очередь воевавшей с Южной Осетией. Причем в обоих случаях был нарушен Устав Организации Объединенных Наций. В отношении Грузии ситуация усугублялась еще и тем, что в то время продолжалась гражданская война в Мегрелии, имели место многочисленные нарушения прав человека, а страну возглавлял нелегитимный орган власти. Нельзя упускать из виду и следующий основополагающий момент: Грузия официально вышла из состава СССР 9 апреля 1991 г., а Абхазия оставалась в составе Союза до его распада – 21 декабря 1991 г., а после его распада стала независимым государством – субъектом международного права. Тем самым уже тогда речь должна была идти о двух государствах. А государство является таковым вне зависимости от признания или непризнания его другими субъектами. Признанием государства остальные государства в отношении к признаваемой стране обязуются действовать в соответствии с общепризнанными нормами международного права, но ни в коей мере не наделяют данное государство суверенными правами. Государство суверенно уже в силу самого факта своего существования. И поэтому к моменту принятия в ООН Грузия не имела государственно-правовых отношений с Абхазией. Следовательно, признание Грузии Организацией Объединенных Наций в пределах границ бывшей Грузинской ССР было лишено правовых оснований.

В течение последних ста лет сложилась отрасль Международного права в области войны – военное право, т. е. нормы, регулирующие средства и способы ведения войны. Согласно этим нормам, независимо от характера войны, соблюдение законов и обычаев, закрепленных в Гаагских, Женевских и других международных конвенциях, обязательно для воюющих сторон. Нюрнбергский и Токийский уставы международных трибуналов предусматривают три вида тягчайших международных преступлений: преступления против мира, преступления военные и преступления против человечности. Все эти преступления были совершены Грузией и ее Госсоветом, что должно было вызвать международные санкции в рамках международной ответственности. Однако после агрессии Грузии против Абхазии мировое сообщество долгое время, а по большому счету до ее конца, оставалось безмолвным, несмотря на то, что уже 18 августа В. Ардзинба обратился ко всему миру с призывом услышать зов о помощи и направить в Абхазию объективных наблюдателей.

Между тем, согласно Международному праву, «создание суверенного и независимого государства, свободно определенного абхазским народом, является формой осуществления этим народом права на самоопределение». Более того, Абхазия была вправе добиваться поддержки и получать ее от международного сообщества. Однако позиция и действия ООН в грузино-абхазской войне не соответствовали общепризнанным нормам и принципам международного права, поскольку они не преследовали цели подавления акта агрес-

сии. И все это происходило под прикрытием ложного тезиса о необходимости соблюдения «территориальной целостности» Грузии, тогда как в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и многих других международно-правовых документах говорится о территориальной целостности любых государств, а не государств – членов ООН, государств – участниц СБСЕ или же государств, признанных мировым сообществом.

Позже Генеральный секретарь ООН отметил, что группы из ООН и СБСЕ, побывавшие в Абхазии к тому времени, «не уделяли достаточного внимания абхазской стороне». И действительно, за время войны в Абхазии побывало несколько миссий ООН. Решения об их направлении являлись откликом на соответствующие просьбы-приглашения грузинской стороны, в то время как неоднократные обращения Абхазии оставались без реагирования. Более того, Абхазия была лишена возможности принимать участие в обсуждении положения в самой же Абхазии в Совете Безопасности, на что она имела право в соответствии с Уставом ООН.

Стоит отметить особую роль Турции, которую она была вынуждена играть в абхазо-грузинской войне, может быть, даже против своего желания. Многомиллионная кавказская диаспора в Турции не могла оставаться безучастной к судьбе абхазского народа. С первых дней войны в Анкаре стал функционировать Кавказский Комитет солидарности с Абхазией, началось добровольческое движение в поддержку абхазского народа. Это не могло не оказывать влияния на официальную позицию Анкары, но вместе с тем статус стратегического форпоста НАТО на Востоке обязывал Турцию к проведению политики в фарватере геополитических интересов Запада. В результате она вынуждена была лавировать. Так, 1 сентября Президент Турции назвал правительство Грузии преступной военной бандой и обратился к странам Черноморского бассейна с призывом осудить действия Грузии. Но в грузинской прессе было опубликовано опровержение данного факта, сделанное Генеральным консульством Турции в Грузии. Причиной такой несогласованности могли явиться телефонные разговоры турецкого премьера С. Демиреля с лидерами Запада, которые, вероятно, порекомендовали Анкаре, как себя не проявлять по ту сторону Черного моря. С учетом этого можно предположить, что заявление Э. Шеварднадзе от 4 сентября о том, что он получил от премьер-министра Турции письмо, в котором выражается «озабоченность ситуацией в Грузии», не лишено оснований. Причем, представляется небезынтересным и тот факт, что 4 же сентября посол США в Грузии вручил верительные грамоты Э. Шеварднадзе. Но уже 15 сентября премьер-министр Турции официально выразил недовольство грузинской политикой. А 28 сентября 1992 г. на встрече с кавказской делегацией С. Демирель вновь подверг резкой критике политику Грузии.

2. Московская встреча 3 сентября 1992 г. Как уже отмечалось, в силу многих причин российский фактор в абхазо-грузинской войне был определя-

ющим. Это обстоятельство объективно привело к тому, что Россия выступала иногда предвзятым, несправедливым, но посредником между конфликтующими сторонами. Россия, являясь заинтересованной стороной, отстаивала в абхазо-грузинском противостоянии, прежде всего, свои интересы, причем это делалось нередко путем ущемления интересов обеих противоборствовавших сторон. Несмотря на это ни одна из сторон конфликта не была в состоянии отказаться от посреднических услуг России. В силу всего этого Россия была неизменным участником и гарантом переговоров. Одним из событий, оставивших глубокий след в истории абхазо-грузинской войны, стала Московская встреча 3 сентября 1992 г., в которой принимали участие руководители России, Грузии, Абхазии, республик Северного Кавказа и краев и областей Юга России. Уже само проведение подобной встречи могло свидетельствовать о качественно новом уровне восприятия Абхазии в регионе.

Когда речь идет о переговорах во время войны, то их нельзя рассматривать в отрыве от боевых действий. Во время войны баталии на полях сражений и на дипломатическом фронте происходят синхронно, и их результаты взаимосвязаны и взаимозависимы. Непосредственно перед переговорами военные стараются максимально развить свой успех для того, чтобы дипломаты, представляющие их сторону, могли чувствовать себя увереннее и чтобы у них была возможность торговаться, а иногда и диктовать свои условия. А дипломаты, в свою очередь, во время переговоров всегда стремятся максимально и с наименьшими затратами приблизить и себя, и военных к достижению общей задачи – победы над противной стороной. Военные успехи, достигнутые на поле брани, должны закрепляться на дипломатическом уровне, а дипломатические победы, не подкрепленные военными гарантиями, могут быть перечеркнуты исходом лишь одного сражения. Военные успехи также могут низводиться к нулю неудачами на дипломатическом фронте, что служит еще одним, дополнительным, подтверждением того, что война – есть продолжение политики другими средствами. Справедливость сказанного можно проследить на примере как самого хода Московской встречи от 3 сентября, так и предшествовавших ей и последовавших за ней событий.

СМИ сообщили о предстоящей 28 августа встрече в Москве президента России и председателя Госсовета Грузии для обсуждения положения в Абхазии. 25 августа В. Ардзинба сделал заявление о необходимости участия в такой встрече руководителей Абхазии и Северного Кавказа. А на второй день стало известно, что после встречи руководителей России и Грузии, ориентировочно 3 сентября, состоится их повторная встреча с участием руководителей Абхазии и северокавказских республик. 26 августа участникам Московской встречи была разослана телеграмма с приглашением. 28 августа абхазский Парламент выступил с инициативой объявить мораторий на ведение огня с 00 часов 30 августа.

29 августа в Сочи Т. Китовани, В. Ардзинба и С. Шойгу подписали протокол о прекращении всех боевых действий и передвижения военных формирований начиная с 31 августа. После этого В. Ардзинба и Т. Китовани по телефону договорились прекратить огонь еще 30 августа. Однако именно 30 августа войска Госсовета начали наступление на позиции сил самообороны Абхазии, в ходе которого им удалось создать плацдарм на левом берегу р. Гумиста. Но в ночь с 1 на 2 сентября, благодаря героическим усилиям и беспримерной самоотверженности абхазского ополчения, он был ликвидирован. Тем самым дополнительный военно-политический козырь, к овладению которым стремилась Грузия, был выбит из ее рук, статус-кво на Гумистинском фронте был восстановлен.

Еще 1 сентября Абхазия заявила о необходимости участия в переговорах представителей Чечни и КГНК, которые не были приглашены организаторами, но зато сюда позвали правительство т. н. автономной республики Абхазия, т. е. оккупационные сухумские власти. Уже по одному подбору участников становились очевидными направленность, цели и задачи предстоящих переговоров. Московская встреча открылась 3 сентября приветственным словом Б. Ельцина, в котором была подчеркнута принципиальная позиция России по вопросу территориальной целостности Грузии. Переговоры начинались неудачно, спустя всего полчаса они прервались, и был объявлен незапланированный перерыв. Споры возникли уже при обсуждении преамбулы относительно названия Абхазии. Основная часть дискуссий происходила по тексту первой статьи Итогового документа. Грузинская сторона говорила о недопустимости вывода войск Госсовета, «передислоцированных» на территорию Абхазии, а абхазская – доказывала, что именно нахождение войск Госсовета и является «источником всей конфронтации, всего военного конфликта», следовательно, для урегулирования ситуации необходим их вывод. Президент также предложил наряду с расформированием добровольческих отрядов вывести и войска Госсовета, заменив их российскими войсками, которые в этом случае оставались бы единственной военной силой на территории Абхазии.

В ходе дискуссий министр обороны Грузии предложил узаконить уже произведенную его подчиненными этническую чистку и призывал Россию принять участие в этом. Это было фактически предложение разделить Абхазию между Россией и Грузией, чему категорически воспротивился В. Ардзинба. Наверное, и сам Э. Шеварднадзе также был далеко не в эйфории от предложения своего министра. Эта тема как-то сама по себе была исчерпана, и на встрече больше к ней не возвращались. В конце первой половины встречи российская сторона предложила записать в документе, что уровень грузинских войск в Абхазии не должен превышать необходимого для достижения целей соглашения, т. е. закреплялось их присутствие на территории Абхазии. В. Ардзинба в ответ заявил, что грузинские войска находятся в состоянии вой-

ны с населением, и такое решение вызовет продолжение конфронтации, поэтому они должны быть выведены. Затем на встрече был объявлен перерыв, после которого абхазскую делегацию буквально насильно заставили подписать документ, не отвечавший ее интересам. Если в тех условиях абхазская сторона не подписала бы этот документ, то всю ответственность за дальнейшее развитие событий возложили бы на нее, обвинив именно ее в нежелании достижения мира. Поставленному в безвыходную ситуацию В. Ардзинба удалось настоять лишь на снятии момента осуждения добровольцев. Об этом же свидетельствует его выступление сразу после подписания документа: «Я тоже подписал этот документ, хотя отдаю себе отчет в том, какие значительные подводные камни есть под всем этим документом, что в принципе может привести к серьезным последствиям».

Сам Итоговый документ предусматривал: обеспечение территориальной целостности Грузии; прекращение огня и любого применения силы с 12.00 часов 5 сентября 1992 г.; произвести до 10 сентября 1992 г. обмен задержанных лиц, заложников, пленных и других по принципу «всех на всех»; возобновление к 15 сентября 1992 г. нормальной деятельности законных органов власти Абхазии. Несмотря на соглашение, уже в 12.10 минут 5 сентября в Гагрском направлении начался обстрел позиций абхазских ополченцев войсками с применением бронетехники. А в 19 часов 30 минут начался обстрел абхазских позиций и на Сухумском направлении. В этот же день глава Госсовета Грузии заявил, что ст. 10 Итогового документа, который предусматривал восстановление законных органов власти Абхазии, носит рекомендательный характер. 5 же сентября Генеральный секретарь ООН по телефону поздравил Э. Шеварднадзе с достигнутыми в Москве договоренностями. А министр обороны Грузии издал приказ о продлении особого режима поведения граждан в г. Сухуме с 20 сентября по 20 октября 1992 г. Все это свидетельствовало о нежелании Грузии соблюдать условия Итогового документа, предусматривавшего, в частности, и возвращение в Сухум законных органов власти Республики Абхазия. В ответ на это В. Ардзинба заявил, что пока в Сухуме остаются войска Госсовета, «Парламент работать под дулами автоматов не будет».

Все это свидетельствовало о неспособности Итогового документа Московской встречи привести или хотя бы приблизить к полномасштабному урегулированию грузино-абхазского вооруженного противостояния. Хотя Комиссия по контролю и инспекции, созданная по Итоговому документу, приступила к своей работе, военные действия так и не прекратились.

3. Искусство возможного, или политическая игра на грани фола. О дальнейшей политике России. Заявления и поведение руководства России в первые дни агрессии Грузии против Абхазии вызвали негодование и возмущение горских народов Кавказа. В первое время российские власти рассчитывали на то, что страсти улягутся и ничего серьезного не произой-

дет. Но военно-политические мероприятия, предпринятые северокавказцами, способствовали отрезвлению многих чиновников как на самом Северном Кавказе, так и в Москве. Лозунг «Судьба Кавказа решается в Абхазии» был подхвачен всеми кавказскими народами. Добровольческое движение ширилось. И чем больший размах оно приобретало, тем очевиднее становилось, что управлять им уже не удастся. А игнорировать проблему было чревато очень серьезными последствиями, поэтому Россия признала наличие добровольческого движения. Причем это выразилось в стремлении сначала нейтрализовать, а затем остановить его путем угроз и репрессий. Заявить о репрессиях против всех народов Кавказа, представители которых так или иначе принимали участие в добровольческом движении, Россия не могла и поэтому объявила о начале преследования Конфедерации горских народов Кавказа, которое началось с 25 августа с заявления министра юстиции РФ. А Президент России после встречи 3 сентября, выражая свое отношение к КГНК, сказал: «Я не знаю юридически такую организацию». В. Ардзинба 16 сентября, напротив, отметил, что сама идея возбуждения уголовных дел российской прокуратурой против тех, кто выступил на защиту малочисленного народа, представляется кощунственной.

Самым опрометчивым шагом, предпринятым Россией в отношении добровольческого движения и КГНК, был арест Ю. Шанибова, осуществленный 23 сентября. Уже 24 сентября в Грозном состоялось экстренное заседание КГНК по этой проблеме. Весь день шли митинги протеста по всему Кавказу. А 25 сентября в Гудауте и 28 сентября в Пицунде состоялись многотысячные митинги в поддержку Ю. Шанибова. Кавказский Парламент от лица горских народов Кавказа заявил, что вся ответственность за последствия ареста президента КГНК ложится на его организаторов, и призывал кабардинский народ не позволить восторжествовать несправедливости. В Нальчике проходил бессрочный мирный митинг, участники которого требовали освобождения Ю. Шанибова, вывода частей ОМОНа из республики, отставки президента и правительства Кабардино-Балкарии. 26 сентября произошло столкновение между частью митингующих и ОМОНОм. Ночью, с 00 часов, 27 сентября в Кабарде было введено чрезвычайное положение. Уже утром того же дня произошло еще одно столкновение между митингующими и ОМОНОм, который предпринял попытку разогнать демонстрацию. 27 сентября Исполком Конгресса кабардинского народа, Президиум «Адыгэ Хасэ» и МЧА призывали кабардинский народ выступить против «акта вопиющего беззакония со стороны руководящих кругов КБР, а также имперской политики российского руководства». Митинг с такими требованиями в Нальчике продолжался всю ночь и весь последующий день. 28 сентября состоялись переговоры президента Кабардино-Балкарии с представителями Конгресса кабардинского народа и «Адыгэ Хасэ», в ходе которых В. Коков вынужден был согласиться со всеми

выдвинутыми требованиями. Президент КГНК к тому времени уже оказался на свободе и 28 сентября выступил на митинге в Нальчике. Ситуация в Кабардино-Балкарии постепенно нормализовалась, а КГНК продолжила свою деятельность, в том числе и по организации и переправке добровольческих отрядов в Абхазию. А 3 октября в Грозном состоялся съезд КГНК, на котором КГНК приняла в свои ряды казачество и в связи с этим была переименована в КНК.

В те дни, когда был арестован президент КГНК Ю. Шанибов, а волна массового движения за его освобождение набирала обороты, в двух политических центрах мира шла подготовка к существенным и значимым мероприятиям. В Москве, на очередной сессии ВС, готовились обсудить ситуацию в Абхазии, а в Нью-Йорке – также на очередной сессии – к выступлению Э. Шеварднадзе. Эти значимые для враждовавших сторон события произошли одновременно, в один и тот же день, что свидетельствовало о том, что проблема абхазо-грузинского противостояния вышла далеко за пределы территорий собственно Абхазии и Грузии.

25 сентября Э. Шеварднадзе с высокой трибуны ООН обратился за помощью ко всему международному сообществу. Кроме того, глава Госсовета в своем выступлении произнес знаменитое выражение, которое стало классическим образцом проявления неуважения к малочисленным народам: «Липуцы, опутавшие Гулливеров, – реальность многих стран, и моей в том числе». В тот же день Верховный Совет России принял Постановление «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии». В нем российские депутаты решительно осуждали действия Грузии и потребовали немедленного прекращения вооруженных действий и вывода воинских формирований с территории Абхазии. Постановлением было признано, что меры, принятые российским руководством для урегулирования конфликта в Абхазии, пока не привели к установлению мира. Российские парламентарии также рекомендовали Президенту и правительству: рассмотреть вопрос об использовании контингента Вооруженных сил РФ в качестве миротворческих сил в демилитаризованной зоне конфликта; приостановить передачу Республике Грузия вооружений, боевой техники, боеприпасов, частей и соединений Вооруженных Сил РФ; прекратить поставки вооружений, боевой техники, боеприпасов по ранее заключенным контрактам, а также комплектующих материалов и сырья для предприятий, производящих оружие, боевую технику и боеприпасы; воздержаться от заключения экономических соглашений с Грузией впредь до урегулирования конфликта в Абхазии. Эти решения ВС РФ в Тбилиси расценили как «посягательство на суверенитет и территориальную целостность Республики Грузия, вмешательство во внутренние дела суверенного государства». На фоне этого 28 сентября в Кремле состоялась встреча руководителей России и Грузии, одним из результатов

которой стал перенос на неопределенное время запланированной на начало октября встречи по абхазскому вопросу.

Чем была продиктована такая противоречивая политика России? Ее спецслужбы арестовали Ю. Шанибова, а ее же парламент осудил грузинскую агрессию. Возможно, это была попытка нанести два решительных удара по обеим сторонам с тем, чтобы те почувствовали, кто здесь хозяин и кто правит балом. Но арестом Президента КГНК Россия поставила себя на грань Кавказской войны, а эта было страшнее, чем даже боязнь выглядеть слишком уступчивыми кавказским требованиям. Можно допустить, что арест Ю. Шанибова, совершенный 23 сентября, т. е. за два дня до принятия постановления, должен был послужить своеобразной индульгенцией Б. Ельцина перед Э. Шеварднадзе, который заранее откупился бы от неминуемых упреков. Появление «решительно» осуждавшего Грузию Постановления ВС РФ было продиктовано его востребованностью. Российский парламент больше не мог молчать и не принимать какого-то решения по абхазской проблеме. Наряду с этим, несмотря на широкий размах добровольческого движения, исполнительная власть России продолжала безоговорочно поддерживать тезис о «территориальной целостности» Грузии. Но с учетом новых военно-политических реалий в регионе стало необходимо наличие некоего сбалансированного подхода к абхазо-грузинскому вооруженному противостоянию. Отсутствие такового или его видимости становилось опасным и непредсказуемым детонатором, угрожающим миру и стабильности на территории самой Российской Федерации. Теперь же обе воюющие стороны при отстаивании своих интересов апеллировали на решения и заявления соответствующих ветвей власти России.

Можно предположить, что к тому моменту грузино-абхазская война подошла к некоторой своей невидимой черте. Пока стороны выясняли и уточняли свои позиции по отношению к войне, она шла своим чередом. К тому моменту стало ясно: блицкриг Госсовета Грузии окончательно провалился. Каждый день войны приносил неисчислимые жертвы с обеих сторон. В Абхазии уничтожался народ, его прошлое, настоящее и будущее. Чем с большим ожесточением он уничтожался, тем больше была решимость сопротивления врагу. Война не снижала свои обороты, а напротив, количество участников в ней увеличивалось, средства ведения войны все более усложнялись, что приводило к еще большим потерям и большему кровопролитию, оттягивая, если не отвергая, возможность ее прекращения при сложившихся тогда военно-политических реалиях. Война становилась затяжной, к ней стали привыкать, а многим она приносила дивиденды, одним – политические, другим – материальные, а третьим – и то и другое. Но самому абхазскому народу, которому приходилось ценой жизни своих лучших сынов доказывать право быть самим собой, и его братьям, сражавшимся вместе с ним, каждый день войны приносил невосполнимые потери, к которым привыкнуть невозможно. Если

вначале Абхазию поддерживали только КГНК и МЧА, то затем ситуация в корне изменилась. Целый ряд обстоятельств, продиктованных политическими интересами на Кавказе, вынудил Россию подойти к проблеме Абхазии с некоторым пониманием. Одной из главных причин этого явились твердая позиция КГНК и добровольческое движение. Также была пробита информационная блокада вокруг Абхазии. Если в начале войны Грузия демонстрировала шапкозакидательские настроения по отношению к своей жертве, то к исходу рассматриваемого периода Абхазия доказала, что с ней не только надо, но и необходимо считаться, что было подтверждено как на полях сражений, так за столом переговоров.

4. Гагрский прорыв. Начало освобождения Абхазии. 15 августа 1992 г. в Гагре был высажен грузинский морской десант, и с тех пор сам город и вся территория до абхазо-российской границы была оккупирована. Гагра оставалась под оккупационным режимом до 2 октября 1992 г., когда она была освобождена абхазскими и северокавказскими военными формированиями.

Гагрское наступление началось в ночь с 1 на 2 октября, когда в Сухуме проходило заседание Комиссии по контролю и инспекции. Его пришлось продолжить в Гудауте, где было принято решение: образовать смешанную комиссию из представителей сторон по расследованию произошедшего в районе Гагры 1 октября 1992 г. Тем временем с ожесточением боевых действий стало ясно, что переговоры ни к чему не приведут, и тогда российская часть комиссии приняла решение отбыть в Москву. Но спецрейс с российской делегацией был развернут в воздухе и поздно вечером 2 октября прилетел в Сочи. Оттуда российская делегация пыталась организовать встречу руководителей Абхазии и Грузии. Но Э. Шеварднадзе отказывался от этого, настаивая на восстановлении статус-кво. Тем временем 2 октября события на Гагрском фронте развивались следующим образом: «В 6.00. началась атака позиций противника в районе железнодорожного вокзала. После ожесточенной перестрелки, в которой участвовала тяжелая техника с обеих сторон, в 9.00 укрепленный район противника был занят. В 11. 00 в районе универсама завязался бой с засевшими в здании КБРЦ гвардейцами Госсовета. Штурмовые группы народного ополчения прорвались и продолжили наступление к центру. Другая группа бойцов НО окружила здание КБРЦ и к 19.00 взяла в плен 60 гвардейцев. К 16.00 основные очаги сопротивления противника в центре города Гагра были сломлены. В 17. 35 в был подавлен последний очаг сопротивления противников в районе санатория «Украина»... Город Гагра полностью освобожден от врага».

Еще днем 2 октября Госсовет Грузии обратился к Генеральному секретарю ООН с просьбой срочно созвать заседание Совета Безопасности и обсудить ситуацию в Абхазии. Вечером того же дня Э. Шеварднадзе прибыл из Тбилиси в Сухум, а 3 октября с сопровождающими вылетел в пос. Гантиади. На обратном пути к грузинским вертолетам на очень близкое расстояние прибли-

зился боевой вертолет Ми-24 без опознавательных знаков, который совершил «опасные маневры», после чего грузинские вертолеты вынуждены были вернуться в Гантиади. Глава Госсовета и сопровождавшие его лица были доставлены в Адлер (Россия) на машинах. В полночь Шеварднадзе на самолете вернулся в Сухум, где сообщил, что в районе боевых действий создано отдельное вооруженное формирование под руководством Г. Каркарашвили, и исключил возможность ввода войск России в Абхазию.

3 октября Госсовет на чрезвычайном заседании принял решение о переходе в собственность Грузии всего имущества бывшей Советской Армии, Пограничных войск и Военно-морского флота, находившегося на территории Грузии. В ответ на это министр обороны России предупредил, что данное решение может спровоцировать резкое обострение обстановки и вооруженное столкновение с воинскими частями Вооруженных сил России, и призвал руководство Грузии отменить данное решение. 3 же октября В. Ардзинба предложил Э. Шеварднадзе встретиться для обсуждения вопросов, связанных с новейшей ситуацией, но тот ответил, что Госсовет примет решение о мобилизации резервистов. На оккупированной территории грузинские власти распространяли слухи о массовых расправах над жителями Гагры. 4 октября в Сухуме прошел митинг, участники которого призывали «грузин» и «всех людей доброй воли» «встать на защиту единства и мира в Грузии».

Все это время российские посредники вели безуспешные переговоры между сторонами. Военное поражение в Гагре вызвало бурю в политических кругах Тбилиси. На заседаниях Госсовета, проходивших 4 и 5 октября, звучала острая критика Э. Шеварднадзе. Сам глава Госсовета направил обращение Б. Ельцину, в котором сообщил, что «оставляет за собой право потребовать полного вывода с территории Грузии всех Вооруженных сил РФ». А Госсовет Грузии 5 октября принял решение обратиться за помощью к НАТО.

Пока Госсовет искал помощи у североатлантического альянса, абхазские и северокавказские формирования, развивая свой военный успех в Гагре, продолжали наступление. И в 6. 40 утра 6 октября 1992 г. Государственный флаг Республики Абхазия был водружен на российско-абхазской границе на р. Псоу.

Значение победы в Гагре и во всей операции по освобождению оккупированной северо-западной Абхазии невозможно переоценить. В результате была открыта «дорога жизни», по которой могла поступать гуманитарная помощь сухопутным путем. Гагрская операция укрепила уверенность абхазов и их братьев в своей победе. Боевой дух неизмеримо возрос. А на второй день в Лыхны начал свою работу 1 Всемирный конгресс абхазо-абазинского (абаза) народа, участники которого также выразили уверенность в победе над грузинскими агрессорами.

5. Затяжная война. Октябрь 1992 года – июнь 1993 года. После Гагрского наступления наблюдается заметное осложнение русско-грузинских взаи-

моотношений. Грузинская сторона постоянно обвиняла Россию в пособничестве абхазам и высказывала угрозы в адрес российских офицеров, а Россия отвергала обвинения и грозилась предпринять адекватные меры.

11 октября состоялись парламентские выборы в Грузии. Власть Э. Шеварднадзе и его соратников по перевороту была легитимизирована. Он стал председателем Парламента Грузии. В тот же день были созданы Министерство обороны, Вооруженные силы и Генеральный штаб Вооруженных сил Республики Абхазия. Исполняющим обязанности министра обороны был назначен полковник В. Аршба, а начальником Генерального штаба – полковник С. Сосналиев.

13 октября на российском военном корабле, у Сухумского рейда, планировалась очередная российско-грузинско-абхазская встреча, но она не состоялась по причине отказа грузинской стороны вести переговоры на территории Абхазии. А 14 октября был создан Госкомитет по обороне Грузии во главе с Э. Шеварднадзе.

22 октября грузинскими оккупационными властями был совершен беспрецедентный акт – сожжены здания АбНИИ и Государственного архива, в результате чего полностью были уничтожены уникальные документы и материалы по истории и культуре Абхазии. Это варварское действие еще раз продемонстрировало античеловечную политику руководства Грузии, сущностью которой являлись агрессия и геноцид абхазского народа.

26 октября абхазская сторона предприняла попытку освобождения г. Очамчыры, в результате которой город фактически был занят, но из-за несогласованности действий разных подразделений и отсутствия достаточных сил наступление окончилось неудачей. А 3–4 ноября Абхазская армия провела разведку боем в районе Двуречья – Шрома. Эта операция вошла в историю войны как Первое Шромское наступление.

2 ноября в Гудауту во главе с Генеральным секретарем М. ван Вальт ван Праагом прибыла делегация Организации непредставленных наций и народов. В отличие от всех международных организаций, ОННН поддержала позицию Абхазии. 4 декабря 1992 г. состоялась сессия ВС РА, на которой обсуждался вопрос о военно-политическом положении в Абхазии и был принят целый ряд постановлений.

Между тем противостояние Грузии и России нарастало. С одной стороны звучали угрозы, что Грузией взяты на прицел все военные объекты российских войск, и в случае необходимости по ним будет открыт огонь. С другой стороны поступали заявления о беспочвенности обвинений в адрес России и возможности принятия адекватных мер воздействия. На фоне всего этого 7 декабря начался очередной раунд российско-грузинских переговоров. По мнению грузинской стороны, главными задачами на этих переговорах были: работа по подготовке подписания большого договора; обсуждение пакета соглашений

о правовом статусе пребывания российских войск на территории Грузии, о сотрудничестве в области противовоздушной обороны, ряд других военных соглашений; проработка вопроса о создании смешанной российско-грузинской комиссии по подготовке предложений по передаче Грузии части военного имущества воинских формирований и пограничных войск РФ; подготовка соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве. А российская делегация предлагала поставить вопрос о положении русскоязычного населения в Сухуме. А самое главное – подписание договоров произойдет только в случае прогресса в деле урегулирования абхазского конфликта.

8 декабря Э. Шеварднадзе заявил, что война должна быть завершена достойно. «Я сегодня на своей родной земле призываю к войне», – уточнил он. И в подтверждение его слов 14 декабря над высокогорным селом Лата грузинской ракетой был сбит российский вертолет Ми-8, выполнявший гуманитарный рейс из блокадного Ткуарчала. В результате этого бесчеловечного акта погибло 82 человека.

15 декабря Э. Шеварднадзе обвинил Россию во вмешательстве в абхазо-грузинское противостояние и заявил, что в связи с этим Грузия временно прекращает переговоры с ней. А 17 декабря завершился второй раунд грузино-российских переговоров, и в тот же день Парламент Грузии принял заявление, в котором российские Вооруженные силы, дислоцированные в Абхазии, обвинялись в поддержке абхазской стороны, а сама Россия – в проведении имперской политики посягательства на территориальную целостность Грузии. 25 декабря ВС РФ обвинил уже грузинскую сторону в грубом нарушении достигнутых договоренностей о правовом статусе пребывания российских воинских частей на территории Грузии.

5 января 1993 г. Абхазская армия предприняла наступление на Сухум. В ходе операции, прорвав оборонительные линии противника, абхазские подразделения нанесли ему ощутимый урон в живой силе и технике. Затем под плотным огнем грузинских сил они были вынуждены отойти на прежние позиции. Сказались, в частности, трудности преодоления психологического барьера, вызванные затяжной «окопной» войной. Но проведенная операция сорвала планы противника по наступлению на Восточном фронте. А 8 января В. Ардзинба был назначен Главнокомандующим Вооруженными силами РА, а С. Шамба – комиссаром Вооруженных сил РА.

18 января над с. Сакен был сбит российский вертолет, совершавший гуманитарный рейс в Ткварчал. Экипажу удалось совершить аварийную посадку, однако он вместе с пассажирами был взят в плен. В результате в руки грузинских оккупантов попали 3 пилота и 11 пассажиров, в числе которых был и заместитель Председателя Совета Министров Абхазии З. Лабахуа.

15–16 марта Абхазской армией вновь была предпринята попытка освободить Сухум. Это одна из самых трагических и одновременно героических

страниц в истории войны. Тогда, в силу отсутствия у военного руководства опыта проведения такой крупномасштабной операции и других причин, она окончилась неудачей. В ходе наступления имели место разночтения приказов и распоряжений, в результате чего боевые группы, вклинившиеся в тыл врага, не получив подкрепления, были предоставлены сами себе. Позже, 20 марта, В. Ардзинба в своем обращении к народу скажет: «Если бы все подразделения действовали так, как лучшие, победа, несомненно, была бы за нами». Подразделениям Абхазской армии, оказавшимся в тылу врага, пришлось в течение 2–3 суток добираться обратно на исходные позиции с многочисленными боями. Ни в одной боевой операции абхазские формирования не получали таких ощутимых потерь. После боев была достигнута договоренность о прекращении огня с 4. 00 часов 20 марта до 3. 00 часов 21 марта, с тем чтобы абхазская сторона могла вести поиски в тылу врага погибших и без вести пропавших. Но удалось найти далеко не всех. Горе людей, потерявших своих близких во время наступления, усугублялось невозможностью их похоронить. Грузинская сторона прибегла к спекуляции трупами. Это делалось с умыслом вызвать недовольство народа Абхазии своим руководством, привести его к расколу. Именно в те дни скорби, после провала Мартовского наступления, стали все чаще раздаваться возгласы против политики руководства Абхазии и лично В. Ардзинба. Однако, несмотря на неудачный исход, Мартовское наступление имело большое значение. Не было бы его – не было бы и Победы. После Мартовского наступления враг перешел в глухую оборону и больше не предпринимал попыток наступать. В ходе операции он был измотан, а героизм абхазских бойцов приводил его в ужас. Об этом свидетельствует и то, что с первых минут наступления Э. Шеварднадзе начал вещать на весь мир, что абхазы угрожают Грузии. Критичность положения подтверждает и тот факт, что в этих боях была задействована сухумская полиция, которая до этого не принимала участия в боевых действиях. Глава Грузии затем признается, что «город висел на волоске». И после Мартовского наступления в оккупированном Сухуме долгое время не могли прийти в себя. А министерство обороны Грузии вынуждено было 22 марта «для наведения порядка» сформировать военную комендатуру при Сухумском гарнизоне.

6–9 апреля в Сочи проходила российско-грузинская встреча, на которой должны были быть обсуждены двусторонние отношения и статус российских войск, находившихся на территории Грузии. А 5–6 мая в Майкопе, с участием представителей республик Северного Кавказа, состоялись российско-абхазские консультации. 14 мая на переговорах Э. Шеварднадзе и Б. Ельцина была достигнута договоренность о прекращении огня с 20 мая и о начале вывода тяжелой техники с территории Абхазии – с середины июня. Хотя это решение и было принято без участия Абхазии, Главнокомандующий ее Вооруженными силами В. Ардзинба издал приказ о прекращении огня на всех фронтах абха-

зо-грузинской войны с 20 мая 1993 г. По существу эту договоренность ожидала участь подобного рода соглашений, достигавшихся ранее, – прекращения огня не получилось.

8 июня, после переговоров в Тбилиси, в Гудауту прибыл министр иностранных дел России А. Козырев, где состоялась его встреча с руководством Абхазии, в ходе которой обсуждались вопросы, связанные с прекращением огня и оказанием гуманитарной помощи Ткуарчалу. Как выяснилось, у сторон были различные понимания условий и конечной цели прекращения огня. В частности, вопрос прекращения огня, судя по словам руководителя внешнеполитического ведомства России, не увязывался с последующим выводом грузинских войск с территории Абхазии. А позиция руководства РА оставалась прежней – прекращение огня и вывод грузинских войск. План главы МИДа России также не предусматривал возвращения в Сухум законных органов власти, отсюда можно заключить, что он преследовал цель закрепить и узаконить сложившуюся к тому времени ситуацию. Главным положительным же итогом переговоров А. Козырева в Тбилиси и Гудауте стало достижение договоренности о возобновлении доставки гуманитарной помощи в Сухум и Ткуарчал, которая началась утром 16 июня. А 20 июня в Лыхны состоялся сход абхазского народа, на котором была выражена решимость отстаивать свободу и независимость Абхазии до победного конца.

6. Победа. Освобождение Абхазии.

6. 1. Июльское наступление. Война продолжалась. Ни о каком выводе своих войск Грузия и не помышляла. Напротив, она наращивала военные силы, строила дополнительные фортификационные сооружения. В этих условиях Абхазия вынуждена была предпринять более решительные меры для освобождения своей территории. В ночь с 1 на 2 июля в с. Тамыш из Гудауты высадился морской десант, который, соединившись с подразделениями Восточного фронта, перекрыл трассу в радиусе 10 км. В результате этой операции враг был лишен возможности перебросить подкрепления в Сухум, и в течение 9 дней вражеские силы были скованы. 2 июля Э. Шеварднадзе срочно вылетел в Сухум, куда «перенес управление страной». А 3 июля командующий войсками КНК Ш. Басаев издал приказ о приведении в состояние повышенной боевой готовности всех подразделений КНК в Абхазии, а также о приведении в состояние готовности № 1 первого эшелона резервистов во всех республиках, входивших в КНК.

В ночь на 4 июля в Эшерах Абхазская армия осуществила отвлекающий маневр, в ходе которого была форсирована Гумиста, и в результате кровопролитных боев были заняты передовые посты противника. Группа продержалась до конца следующего дня и, выполнив поставленную задачу, вернулась на прежние позиции. Противник был отвлечен от основного Северного (Шромского) направления наступления Абхазской армии, в результате чего были освобожд-

дены населенные пункты северо-западнее Сухума: Гума, Ахалшени, Каманы, а также была взята Сухумская ГЭС.

В то же время в Москве при посредничестве России шли переговоры грузинской и абхазской сторон. 6 июля представители Грузии согласились на вывод всех вооруженных формирований с территории Абхазии. Когда же был поставлен вопрос о том, что такой документ должен быть подписан самим Шеварднадзе, грузинская сторона отказалась. А уже на второй день глава Грузии сказал: «Грузинские войска никогда не будут выведены из Абхазии, несмотря на то, будет продолжаться война или нет». В тот же день, давая понять о больших ставках, задействованных в «игре», Э. Шеварднадзе заявил: «Мой уход в отставку осуществим гораздо проще, чем сдача Сухуми». А в Тбилиси 7 июля же премьер-министр Грузии потребовал боеприпасы у командующего ЗаКВО. 8 июля в Сухум прилетели послы США, Германии и России, а также группа представителей ООН, а американский дипломат К. Браун заявил, что «в интересах Ельцина поддерживать Шеварднадзе». А сам глава Грузии, руководивший обороной Сухума, издал приказ о расстреле всех дезертиров и мародеров. Но вскоре его ждало еще одно крупное разочарование: к 24. 00 9 июля было освобождено с. Шрома, которое долгое время оставалось одним из самых надежных оплотов оккупантов.

Тем временем Тамышский десант, выполнив свою задачу по обеспечению прикрытия абхазских подразделений, наступавших на Гумистинском фронте, отступил на старые позиции. В течение семи дней десант и бойцы Восточного фронта сдерживали натиск 8 мотострелковых батальонов противника, одной механизированной танковой бригады и артиллерийского дивизиона. За время боев противник потерял 5 танков, 3 БМП, 2 боевых вертолета и до 500 человек убитыми и ранеными.

12 июля Э. Шеварднадзе уехал из Сухума в Тбилиси, а министр обороны Грузии Г. Каркарашвили предъявил ультиматум абхазам, в котором потребовал в течение 24 часов вывести свои соединения из сел Шрома и Ахалшени. А глава Грузии в очередной раз поехал в Брюссель, где попросил военной помощи у НАТО. Но тогда не было подходящих условий для военного вмешательства НАТО в войну в Абхазии, в связи с чем оно от этого отказалось, а Россия придерживалась политики максимального ослабления Грузии. Э. Шеварднадзе вынужден был переключиться на мирное решение проблемы. Однако мирные переговоры с абхазами были неприемлемы для руководителя оккупационных властей Абхазии, и 18 июля глава Грузии, снова прилетев в Сухум, объявил, что Т. Надарейшвили уходит в отставку в связи с ухудшением здоровья. На его место был назначен член грузинского парламента Ж. Шартава.

Между тем в Москве продолжались грузино-абхазские переговоры. На них Абхазия настаивала на полном выводе грузинских войск с ее территории, а

Грузия на это не решалась. В итоге переговоры затягивались. 20 июля В. Ардзинба заявил, что если в ближайшее время не будет решен вопрос мирного урегулирования военного конфликта, то Вооруженные силы Абхазии готовы освободить свою столицу и оккупированную часть республики силой. Действительно, в результате дальнейших наступательных действий Абхазской армии были заняты Апианда, Хабюк и другие господствовавшие над Сухумом высоты. Это привело многих в Грузии к осознанию необходимости заключения перемирия, условия которого рассматривались 24 июля в Тбилиси на заседании парламента. Дискуссия приняла ожесточенный характер, и только после девятичасовых дебатов Э. Шеварднадзе были предоставлены полномочия на заключение соглашения. Этот вопрос 26 июля обсуждался и Парламентом Абхазии. А 27 июля в Сочи представителями Абхазии (С. Джинджолия), Грузии (В. Гагуадзе) и России (А. Козырев) было подписано «Соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением». Документ предписывал строгое соблюдение режима прекращения огня с 12.00 часов 28 июля 1993 г. а с 29 июля 1993 г. началось функционирование грузино-абхазо-российских временных контрольных групп. Соглашением также предусматривались: формирование до 5 августа 1993 г. Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии (ОК), незамедлительное введение в зону конфликта международных наблюдателей, вывод огня с территории Абхазии вооруженных формирований Республики Грузия в течение 10–15 дней со дня прекращения.

6. 2. Сентябрьское наступление. Несмотря на подписанные документы, грузинская сторона отказывалась выполнить главное требование Сочинского Соглашения – вывод войск Грузии с территории Абхазии. В Сухуме, в Гульрипшском и Очамчирском районах укрывалась значительная часть военной техники, предназначенной к эвакуации, а солдаты и офицеры, переодетые в гражданскую одежду, под видом местных грузинских жителей размещались в городе и близлежащих районах. Грузинская сторона также неоднократно срывала график вывода своих войск из Абхазии. А в оккупированном Сухуме был ликвидирован Абхазский государственный университет, все таблички на абхазском языке с названиями улиц, предприятий, учреждений были уничтожены и заменены на грузинские. Из города депортировалось все негрузинское население. На митинге 9 сентября грузинское население г. Сухум заявило, что оно не желает жить вместе с абхазами и не пустит их в город. Подобные театрализованные представления проводились и в Очамчире. Причем решение митингов претворялось в жизнь. В связи со всем этим ВС РА 11 сентября заявил, что дальнейшее участие абхазской части в работе Объединенной комиссии возможно «лишь при условии получения гарантий выполнения грузинской стороной всех решений комиссии, принятых во исполнение Сочинского Соглашения от 27 июля 1993 года».

А тем временем шло форсированное заселение Сухума лицами грузинской национальности. Евреи отправлялись в Израиль, греки – в Грецию, русские и армяне вывозились в Россию, а абхазов просто истребляли. Грузия стремилась к проведению этнической чистки на оккупированной территории, с тем чтобы иметь больше оснований потребовать проведения границы между Грузией и Абхазией по р. Гумиста. Призывы об этом все чаще стали звучать тогда в оккупированной части Абхазии и Грузии. Эту идею поддерживали и некоторые зарубежные политики и дипломаты. Так, во время беседы послов Германии и США в Грузии речь шла о проведении границы между Грузией и Абхазией по р. Гумиста. Этот разговор по времени совпал с этнической чисткой в Сухуме и был, по всей видимости, сверкой позиций западных стран по отношению к стремлению Грузии узаконить эту границу. Подтверждением этого является и карта, распространенная в ООН, на которой территория Абхазии также была обозначена западнее р. Гумиста.

16 сентября возобновились боевые действия, началось Сентябрьское наступление Абхазской армии. Э. Шеварднадзе пришлось лететь в Сухум с тем, чтобы самому «руководить обороной города». Но перед вылетом он успел отправить послание Президенту Б. Ельцину, в котором сообщал о своей решимости «голыми руками отстаивать город». Около 18 часов того же дня правительство РФ выступило с заявлением, в котором «осуждало действия абхазской стороны» и требовало незамедлительно остановить боевые действия, прекратить огонь и отвести свои вооруженные формирования на исходные рубежи». В тот же вечер состоялось заседание НАТО, на котором Россия, несмотря на занятую ею позицию, была подвергнута критике. Итак, Россия, ООН и НАТО требовали от абхазов прекратить наступление, но тем не менее оно продолжалось. Положение Грузии осложнилось еще и в связи с активизацией мегрельского сопротивления. Тем же вечером, 16 сентября, звиадисты подошли к Поти и предъявили ультиматум о его сдаче.

17 сентября Э. Шеварднадзе объявил всеобщую мобилизацию в Грузии, в ответ на что ВС РА обратился к народам Северного Кавказа с призывом оказать поддержку Абхазии в решающий момент. Против Абхазии объявлены «экономические санкции», а 21 сентября силами МВД России закрыта российско-абхазская граница. ВС РА в ответ на это заявил, что Распоряжение Правительства России о введении санкций «является решением, фактически поощряющим агрессора и направленным против жертвы агрессии».

19 сентября в Сочи на заседании Объединенной комиссии было решено вывести все грузинские военные формирования из Абхазии. Ответ с грузинской стороны ожидался к 20 сентября, но его не последовало. П. Грачев предложил ввести в столицу Абхазии несколько российских воздушно-десантных дивизий и разъединить противоборствующие стороны, но глава Грузии отказался. А тем временем кольцо вокруг Сухума становилось плотнее. На Восточном

фронте были освобождены села Адзюбжа, Ахаладаба, Скурча. В ночь на 20 сентября на Восточном фронте была полностью блокирована автомагистраль Сухум – Очамчира. К северу от столицы заняты населенные пункты Одиши, Тависуплеба, Бирцха и другие, начались бои в черте Сухума. Тогда Э. Шеварднадзе бросил клич: «Потеря Сухуми будет означать распад Грузии». А в Тбилиси спикер парламента Гагуадзе 20 сентября обратился к депутатам со словами: «Вступление в СНГ – единственный шанс спасти страну». Это было первым вынужденным шагом по возвращению Грузии в безоговорочную сферу влияния России.

21 сентября Президент США выразил поддержку Э. Шеварднадзе и призвал Президента России вмешаться в ход боевых действий, но последнему тогда было не до этого. В тот же день Б. Ельцин подписал указ № 1400, по которому в стране вводилось президентское правление. Острый политический кризис, вызванный противостоянием двух ветвей власти, закончился 4 октября расстрелом Парламента из танков. В таких обстоятельствах России было некогда заниматься с усердием событиями, происходившими в Абхазии.

Тем временем грузинская группировка противника была блокирована в Новом районе столицы. Абхазской стороной было объявлено о предоставлении коридора в случае отступления грузинских воинских формирований. Э. Шеварднадзе уже сам попросил помощи у П. Грачева. Однако министр был занят более важными делами и отказался отдать приказ о разъединении противоборствующих сторон. 25 сентября абхазские части заняли телевышку, а 26 сентября вечером началось решающее наступление, исход которого практически был предрешен. 27 сентября МИД РФ призвал Абхазию остановить наступление. В тот же день депутаты грузинского Парламента потребовали провести экстренное заседание и обсудить вопрос о вступлении в СНГ. А в 15. 30 27 сентября был взят Дом правительства – последний очаг сопротивления оккупантов в Сухуме. «Сухумская эпопея» завершилась сокрушительной победой Абхазской армии. На этот раз она продолжалась 12 суток. В результате боев за Сухум было уничтожено до 12 тысяч солдат и офицеров противника, много боевой техники. Сам Э. Шеварднадзе, обещавший «защищать город голыми руками» и при необходимости погибнуть вместе с его защитниками, был вывезен из Сухума российскими военнослужащими. Абхазская армия, развивая свое наступление, в 20. 00 30 сентября вышла к р. Ингур – государственной границе между Абхазией и Грузией, где был водружен Государственный флаг Республики Абхазия. Война, длившаяся 413 суток, победоносно была завершена.

Абхазы в этой войне защищали Родину, и отступить им было некуда. В силу этого Абхазская армия, состоявшая в подавляющем своем большинстве из далеких от военной службы людей, в 1993 г. была признана самой боеспособной армией в мире в контактном бою. Непереоценима роль в этом ее Главноко-

манующего В. Ардзинба. Такие личности появляются в нужное время и в нужном месте. Они приходят из прошлого и опережают свое время, зажигают людей огнем, добытым среди своего народа, и освещают его путь к свободе. Полководец В. Ардзинба был возведен на гребень великих свершений самой историей, и его предводительство является важнейшим определяющим фактором, позволившим абхазскому народу выстоять и победить в одной из самых кровавых и жестоких войн конца XX века.

Литература

1. Абхазия: хроника необъявленной войны. Сост. Г. Амкуаб, Т. Илларионова. Т. 1. М., 1992.
2. Абхазия: хроника необъявленной войны. Т. 2. М., 1993.
3. Абхазия: хроника необъявленной войны. Т. 3. М., 1993.
4. Абхазия: хроника необъявленной войны. Т. 4. М., 1993.
5. Белая книга Абхазии. 1992–1993. Сост. Воронов Ю. Н., Флоренский П. Ф., Шутова Т. А. М., 1993.
6. Геноцид абхазов. Сост. Р. Апсынба. М., 1997.
7. Газ. «Демократическая Абхазия». 1992, 1993 гг. (подшивка).
8. Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Сост. Ачугба Т. А. Т. 1. Сухум, 2003.
9. Предварительные материалы расследования уголовных дел по фактам массовых убийств, геноцида и других тяжких преступлений, совершенных властями Грузии и ее вооруженными формированиями в период оккупации Абхазии в 1992–1993 гг. (Сост. Джергения А. М.) www.eurasiatimes.org.
10. Газ. «Республика Абхазия». 1992, 1993 гг. (подшивка)
11. Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии (1992–1993) в документах. Сухум, 2004.
12. Авидзба А. Ф. Отечественная война (1992–1993). Вопросы военно-политической истории Абхазии. Сухум, 2008.
13. Авидзба А. Ф. Абхазия и Грузия: завтра была война. Сухум, 2012.
14. Авидзба А. Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга 1, 2. Сухум, 2013.
15. Аргун А. Х. Абхазия: ад в раю. Сухум, 1994.
16. Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993.
17. Воронов Ю. Н. Боль моя Абхазия. Гагра, 1995.
18. Думаа К. Н. Грузино-абхазская война: мифы и реалии. Сухум, 2002.
19. Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996.
20. Лакоба С. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001.
21. Хагба В. Агрессия Грузии и международное право. Гагра, 1995.

22. Хагба Л. Их души тают над горами. Сухум, 2003.
23. Черкезия Л. Ткуарчал: 413 дней блокады. Сухум, 2003.
24. Шамба О. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2004
25. Шария В. Абхазская трагедия. Сочи, 1994.
26. Пачулия В. Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 гг. (Краткий обзор боевых действий.) Газ. «Эхо Абхазии». 2003. №40. 1 октября.

Рекомендуемая дополнительная литература

1. Авидзба А. Ф. Из истории войны в Абхазии (1992–1993). // Абхазоведение. II. Сухум, 2003.
2. Авидзба А. Ф. Абхазия и Грузия. О некоторых проблемах этнополитики. // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004.
3. Авидзба А. Ф. Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. и некоторые вопросы личностной, этнической и культурной самоидентификации. (Проблемы идентичности и маргинализма.) // Абхазоведение. III. Сухум, 2004.
4. Авидзба А. Ф. О российском факторе в абхазо-грузинской войне (1992–1993) // Сборник трудов аспирантов и студентов АГУ. Ч. I. Сухум, 2002.
5. Авидзба А. Ф. Из истории войны в Абхазии (1992–1993 гг.) // Абхазоведение. II. Сухум, 2003. С. 82–100.
6. Авидзба А. Ф. О политической стратегии международного сообщества на начальном этапе абхазо-грузинской войны (1992–1993 гг.) // Абхазоведение. Вып. 7. 2012.
7. Авидзба А. Ф. К вопросу о ситуации на оккупированных территориях Абхазии (август–декабрь 1992 года) // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З. В. Анчабадзе. 2012. С. 116–133.
8. Авидзба А. Ф. Международная поддержка Грузии как фактор начала войны в Абхазии (1992–1993 гг.). // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны. Краснодар, 2016. С. 206–211.
9. Аджба Т. Дожить до рассвета (Дневник). Сухум, 1994.
10. Аджинджал Е. К. Абхазская реконкиста и Международное право. Сухум, 2002.
11. Басариа. В. Время тяжких испытаний. Сухум, 1995.
12. Бебиа Е. Крик малышей... Киев, 1997.
13. Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе // Спорные границы на Кавказе. М., 1996.
14. Лакербай Ю. Дорогой Леона. Сухум, 2003.
15. Лакоба С. Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра, 1993.
16. Митяев В. Г. Грузино-абхазский конфликт и гражданская война в Западной Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002.

17. Мяло К. Россия и последние войны XX века (1989–2000). // <http://www.abkhaziya.org>
18. Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства. // Грузины и абхазы: путь к примирению. М., 1998.
19. Пэ О., Ремакль Э. Политика ООН и СБСЕ в Закавказье // Спорные границы на Кавказе. М., 1996.
20. Тария А. 413 суток оккупации. Сухум, 1999.
21. Ходжаа Р. Путь бессмертия. Абхазия. Отечественная война 1992–1993 гг. Сухум, 2003.
22. Цушба И. О праве наций или народов на самоопределение и проблема независимости Абхазии. Сухум, 2003.
23. Цушба И. Добровольцы Отечественной войны народа Абхазии. Сухум. 2000.
24. Червонная С. Абхазия-1992: посткоммунистическая Вандея. // www.abkhazia.dot.
25. Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004.
26. Шутова Т. В шесть часов вечера у Акопа. М., 2002.

РЕСПУБЛИКА АБХАЗИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (1993–2018 гг.)

План

1. Пути становления независимого государства. Трудности переговорного процесса.
2. Право народов на самоопределение и Абхазское государство.
3. Признание государственной независимости Республики Абхазия.

Историю Абхазии последних десятилетий нужно рассматривать в контексте глобальных и региональных военно-политических процессов. Завершение биполярного противостояния, гибель одной из двух мировых систем и связанные с этим грандиозные катаклизмы не могли не отразиться на судьбах стран и народов, оказавшихся на геополитическом изломе. Кавказ и Балканы – «пороховые бочки» под стабильностью Европы и всего мира. А Абхазия, как известно, является частью Кавказа, и она с древности, задолго до появления самих терминов «геополитика» и «глобализация», стала местом столкновения и ареной отстаивания геополитических интересов больших государств, что, безусловно, являлось детонатором потрясений. К исходу 80-х – началу 90-х гг. XX в. в результате развала Советского государства и социалистической системы сложились новые реалии, и противостояние приобрело иной характер. На смену биполярному миру эпохи «холодной войны» приходит многополярный, с множеством самостоятельных геополитических игроков, вступивших в борьбу за новый передел мира. Отныне это новое «глобальное обстоятельство» является неизменным спутником всех более или менее значимых событий и явлений в судьбах стран и народов, оказавшихся в качестве «геополитических пленников». Возможное же преобладание одного внешнего фактора над другим обуславливается геополитическими интересами и возможностями их отстаивания и осуществления различными задействованными в регионе великими державами.

1. Пути становления независимого государства. Трудности переговорного процесса. Война оставила после себя истерзанную землю, руины, целый ряд проблем, мешавших налаживанию нормальной жизни. Полностью сгорело и было разрушено 17200 домов и квартир, 8500 домов и квартир нуждались в капитальном восстановлении. По предварительным подсчетам Специальной

правительственной комиссии Абхазии, общий объем ущерба, нанесенного войной, составляет 11, 3 миллиарда долларов США. Тем не менее, Председатель Парламента Абхазии В. Ардзинба в Меморандуме от 6 октября 1993 г. заявил о том, что «сразу же после восстановления в Республике Абхазия и регионе в целом мира и демократических норм руководство Абхазии будет готово вступить в переговоры с Россией, Грузией и другими соседними странами по вопросу установления дипломатических дружеских отношений» и что Абхазия будет «искать пути создания демилитаризованного нейтрального государства при наличии международных гарантий».

После поражения в войне против Абхазии Грузия вынуждена была вернуться в фарватер российской политики и отказаться от западной ориентации, что свидетельствует о глобальных геополитических последствиях победы Абхазской армии в сентябре 1993 г. Уже 8 октября Э. Шеварднадзе заявил о готовности вступить в СНГ, 9 октября 1993 г. было подписано Соглашение о пребывании российских войск в Грузии до 1995 г. 18 октября Э. Шеварднадзе обратился к России, Армении и Азербайджану с призывом оказать военную помощь Грузии, а 19 октября 117 депутатов Парламента Грузии заявили о поддержке вступления в СНГ. Позже, объясняя эти решения, Э. Шеварднадзе сказал: «Мы пригласили в Грузию войска ООН по поддержанию мира, но к нам прибыли лишь наблюдатели». А миссия ООН по правам человека, расследовавшая в октябре 1993 г. сообщения об этнических чистках, наперекор утверждениям грузинских властей констатировала, что большинство грузин, покинувших Абхазию, бежали до прихода абхазских войск.

В ноябре 1993 г. в Женеве начался переговорный процесс между Абхазией и Грузией под эгидой ООН, при содействии Российской Федерации и участии СБСЕ. В нем также принимала участие группа стран, объединившихся в организацию под названием сначала «Друзья Грузии», а позже – «Друзья Генсека ООН по Грузии». Первый раунд этих переговоров проходил 30 ноября – 1 декабря и завершился подписанием Меморандума о понимании между грузинской и абхазской сторонами. В документе декларировалось: обязательство сторон не применять силу друг против друга; увеличение числа международных наблюдателей и использование международных миротворческих сил; обмен военнопленными; решение проблемы беженцев и перемещенных лиц; создание группы экспертов по подготовке рекомендаций о политическом статусе Абхазии. Однако, несмотря на подписанный документ, тогда же три грузинских десантных корабля приблизились к берегам Абхазии, а 18 декабря около 60 человек заняли одну из высот в районе ИнгурГЭСа.

11–13 января 1994 г. на фоне активного противостояния на р. Ингур, постоянного военного напряжения состоялся второй раунд абхазо-грузинских переговоров в Женеве. Их главной темой был вопрос ввода в зону грузино-аб-

хазского противостояния миротворческих сил, который сторонами был согласован.

3 февраля в ходе визита Б. Ельцина в Тбилиси был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Согласно ему на территории Грузии создавалось пять российских баз, а российские пограничники брали под свой контроль грузино-российскую границу. Россия также обещала поддержку Грузии в строительстве армии и ее переоснащении. Парламент Абхазии, Северный Кавказ, как и ожидалось, отреагировали на этот документ негативно. Государственная Дума также отказалась ратифицировать этот договор, вследствие чего он так и не вступил в законную силу.

4 апреля 1994 г. в Москве между сторонами конфликта, представителями ООН, России и СБСЕ, в присутствии Генерального секретаря ООН было подписано «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта». Этот документ констатировал факт отсутствия государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией. Такую же правовую оценку дал этому Заявлению Генеральный секретарь ООН в своем докладе от 3 мая 1994 года. 4 апреля также было подписано Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц. В Соглашении предусматривалось, что иммунитет беженца не распространяется на лиц, совершивших военные преступления или преступления против человечности; тяжкие уголовные преступления; ранее принимавших участие в боевых действиях; находящихся в составе вооруженных формирований.

15 апреля Совет коллективной безопасности СНГ одобрил начало миротворческой операции в зоне грузино-абхазского противостояния. 14 мая в Москве было подписано Соглашение о прекращении огня и разъединении сил, которое предусматривало ввод российских миротворческих сил под эгидой СНГ в зону конфликта. 21 мая Совет Федерации России принял решение «Об участии Российской Федерации в операции по поддержанию мира в зоне конфликта». Сама миротворческая операция началась 20 июня. Тбилиси, как выяснилось, рассчитывал с помощью российских миротворцев вернуть Абхазию и приступил к фактической ревизии подписанных документов. 29 июня Э. Шеварднадзе объявил, что так называемый Совет Министров АРА, находящийся в Тбилиси, скоро переедет в Галский район. Россия также фактически не принимала во внимание интересы абхазской стороны. И, как следствие, на фоне наивысшего подъема российско-грузинских отношений летом и осенью 1994 г. происходит обострение российско-абхазских отношений. Оно было обусловлено давлением на Абхазию с целью добиться ее согласия на массовое возвращение т. н. грузинских беженцев. Так, бытовой ссоре российских военнослужащих и местных жителей, произошедшей 25 августа в Гудауте, был придан статус межгосударственного скандала, и город на какое-то время фактически был взят под контроль российских войск. А в середине сентября на границе Абха-

зии с Грузией была устроена крупная провокация, чуть было не приведшая к возобновлению крупномасштабных боевых действий. Ночью 13 сентября миротворцы убрали свои посты, а утром 14 сентября окружили здание Галской милиции, узел связи и другие важные объекты. Эти действия лично возглавлял заместитель министра обороны России Г. Кондратьев, а командир миротворцев, расположенных у Ингурского моста, заявил, что у него есть приказ Президента России перевести грузинских беженцев. Абхазские власти вынуждены были предпринять адекватные меры. Но тогда начала войны удалось избежать, а 16 сентября при посредничестве П. Грачева в Новом Афоне состоялась встреча В. Ардзинба и Э. Шеварднадзе. По итогам этих переговоров не было подписано никаких документов и не сделано никаких заявлений.

Наряду с этим 20 мая Абхазия была принята в Ассоциацию социально-экономического сотрудничества республик, краев и областей Северного Кавказа и Юга России. Тогда же состоялся визит В. Ардзинба в Кабардино-Балкарию и Адыгею. 20 мая главы северокавказских субъектов Российской Федерации обратились к Б. Ельцину с призывом отменить экономические санкции против Абхазии. А в августе в ходе визита В. Ардзинба в Татарстан и Башкортостан были заключены договоры о дружбе и сотрудничестве Абхазии с этими республиками.

Процесс правового оформления суверенитета Абхазии и законодательного закрепления завоеваний ее народа продолжался. 7 сентября Верховный Совет принял закон «О Государственном гимне РА». 26 ноября 1994 г., несмотря на противодействие влиятельных сил, была принята Конституция Республики Абхазия, первая статья которой гласит: «Республика Абхазия (Апсны) – суверенное государство». В тот же день, согласно новому Основному Закону, Верховный Совет избрал В. Ардзинба первым Президентом Республики Абхазия, инаугурация которого состоялась 6 декабря. Принятие Конституции подтвердило неизменность курса на независимость и продемонстрировало решимость добиваться признания права абхазского народа на самоопределение. На этом пути приходилось преодолевать жестокое противодействие мирового сообщества.

19 декабря 1994 г. было принято Постановление Правительства РФ «О мерах по временному ограничению пересечения государственной границы РФ с Азербайджанской Республикой и Республикой Грузия». Согласно этому документу, из-за возможного притока добровольцев в Чечню Россия фактически объявила сухопутную и морскую блокаду Абхазии. В начале марта 1995 г. Государственная Дума рекомендовала правительству РФ рассмотреть вопрос о смягчении пограничного режима на границе с Абхазией, но тогда этот вопрос не был решен.

29 августа 1995 г. на фоне существенного обострения ситуации в Абхазии в Москве возобновились четырехсторонние переговоры по урегулированию грузино-абхазского конфликта. Чуть позже Президент Абхазии, комментируя их, сказал: «От общественности скрывается тот факт, что нам на стол кладут

документ, подготовленный грузинской стороной, вынуждают его подписывать и еще обвиняют в том, что мы его не подписываем. Проводят параллели между Абхазией и Чечней. Сейчас очень опасный момент. У нас есть информация о поставках вооружения в Грузию. Российские инструкторы обучают грузинскую армию. Мы не можем оставить без внимания сообщения о том, что в октябре в Грузии будут проходить совместные российско-грузинские маневры. Это напоминает известные события после Ташкентского соглашения 1992 года. Тогда Грузии передали танки и артиллерию, а затем они поехали в Абхазию». 15 сентября во время визита Премьер-министра России В. Черномырдина в Грузию было заключено соглашение по российским военным базам в Грузии, в числе которых была названа и Гудаута. На 30 сентября были назначены военные учения миротворческих сил СНГ, в ходе которых планировалось ввести в Галский район батальон СНГ, личный состав которого состоял преимущественно из грузин, а вслед и грузинскую полицию. Эти планы совпали по времени с очередными заявлениями Э. Шеварднадзе о скором восстановлении суверенитета Грузии над этим районом Абхазии. Эти мероприятия, рассчитанные на оказание давления на Абхазию, вынудили привести Абхазскую армию в состояние повышенной боевой готовности. Тогда же Президент МЧА Ю. Калмыков заявил, что «совместные учения российских и грузинских пограничников неизбежно приведут к военным столкновениям, а действия, направленные на удушение Абхазии, не оставят равнодушными родственные народы адыго-абхазской группы и ее многочисленной диаспоры за рубежом, представителей других народов». Президент Абхазии также заявил о готовности «реагировать самым решительным образом».

19 января 1996 г. саммит глав СНГ принял «Решение о мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия», в котором осуждалась «деструктивная позиция абхазской стороны» и подтверждалось, что «Абхазия является неотъемлемой частью Грузии». Перед этим, 9 января, В. Ардзинба обратился к главам СНГ с предложением «рассмотреть этот вопрос с участием» представителей Абхазии, что было необходимо, по его словам, «во избежание принятия решений, основанных на односторонней информации». Несмотря на обоснованность опасений абхазской стороны, никто не собирался считаться с ее интересами. Более того, тогда же на рейде Сухумского порта появились российские боевые корабли, блокировавшие морскую акваторию Абхазии. На самой встрече договаривавшиеся стороны брали на себя обязательства без согласования с Грузией не осуществлять торгово-экономические, финансовые, транспортные и иные операции с властями абхазской стороны; не вступать в официальные контакты с представителями или должностными лицами структур, существующих на территории Абхазии; не допускать функционирования на своих территориях представительств властей Абхазии. Более того, саммит обратился к Совету Безопасности ООН с призывом поддержать меры воздей-

ствия на власти абхазской стороны и рекомендовать всем государствам – членам Организации присоединиться к этим мерам. Государства, подписавшие этот документ – Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Украина – согласились поставить Абхазию на грань физического выживания, чтобы заставить ее отказаться от своих завоеваний. На этой же встрече было принято решение о продлении срока пребывания миротворцев до 19 апреля 1996 г., и им фактически были приданы полицейские полномочия. В ответ на это В. Ардзинба заявил о готовности противостоять любой угрозе.

2 июля 1996 г., накануне очередного раунда переговоров, пост абхазской милиции на канале был обстрелян из гранатометов и стрелкового оружия. В ходе переговоров российские и грузинские представители, выступив «единым фронтом», попытались свести на нет идею равноправных отношений между Грузией и Абхазией. Вскоре после этого во время учений российских миротворческих сил, проходивших в зоне их ответственности, они, не ставя в известность абхазскую сторону, ушли в глубь Галского района, тем самым оголив три ближайших к Ингурскому мосту блокпоста. Только своевременное выдвижение абхазских пограничников на оголенные участки границы предотвратило вторжение грузинских войск в Абхазию. В ответ на поползновения на абхазскую государственность В. Ардзинба заявил, что «поскольку Грузия пытается восстановить свое колониальное господство, то у Абхазии может не оказаться другого выхода, как заявить о своей полной государственной самостоятельности и суверенитете». А чуть позже, в конце сентября 1996 г., уже сама Грузия провела военные учения вблизи зоны конфликта, что противоречило Соглашению о прекращении огня от 14 мая 1994 года.

Непоследовательное и неконструктивное поведение Грузии объясняется тем, что ее позиция получала поддержку также и в документах ООН и ОБСЕ. В одной из своих резолюций Европейский парламент назвал абхазское правительство «бандитско-террористическим движением». В декабре 1996 г. ОБСЕ приняла Лиссабонскую декларацию, в которой абхазская сторона осуждалась за «этническую чистку». Нужно отметить, что к концу 1996 г. происходит переориентация Грузии на Запад, у которого к этому времени стала озвучиваться и воплощаться в жизнь наступательная политика в регионе. Это обстоятельство в дальнейшем оказывало влияние на процесс грузино-абхазского урегулирования.

На 29 января 1997 г. был назначен очередной саммит глав СНГ, на котором планировалось рассмотрение грузино-абхазских противоречий. Накануне, 5 января, МИД Грузии заявил о намерении главы грузинского государства потребовать на встрече ужесточить блокаду Абхазии. Также было заявлено, что если миротворческие силы не будут способствовать возвращению и охране т. н. беженцев, то нет необходимости в продлении их мандата. Тогда же посол Грузии

в России напомнил о том, что «СНГ обязано показать, что смотрит на Абхазию как на неотъемлемую часть Грузии». Все это не могло не вызвать беспокойство абхазов, опасения которых были подытожены и сформулированы на собрании представителей общественности республики 24 января. Общественность Абхазии тогда призывала: «полностью прекратить переговорный процесс; обратиться к странам СНГ с предложением принять суверенную Абхазию в состав СНГ на равноправной основе с последующим вступлением ее в Таможенный союз; Парламенту РА рассмотреть эти вопросы и выступить с инициативой по прекращению дальнейшего переговорного процесса с Грузией». А в случае принятия странами СНГ грузинского плана ужесточения блокады Абхазии представители общественности заявляли о своем намерении потребовать от абхазского правительства: «отказаться от посредничества РФ в урегулировании конфликта; обратиться к руководителям и народам республик Северного Кавказа с просьбой оказать помощь Абхазии по пресечению планов ее удушения». Однако саммит глав государств СНГ 29 января не состоялся.

Россия продолжала проводить политику «умиротворения» Грузии, более того, в интересах последней ужесточила давление на Абхазию. С 15 апреля 1997 г. были отключены все телефонные линии, соединявшие Абхазию с внешним миром, что привело к информационной блокаде. Тбилиси, чувствуя безнаказанность, наряду с дипломатическим давлением, продолжал вести с Абхазией террористическую войну. В частности, в Галский район было введено значительное число грузинских диверсионно-террористических групп для реализации комплексного плана по дестабилизации положения в этом регионе.

6 марта Народное Собрание Абхазии обратилось с заявлением к Парламенту и правительствам СНГ, где было сказано о готовности вступить в СНГ. Но на ближайшем саммите СНГ планировалось рассмотреть и принять грузинский проект урегулирования, предусматривавший изменение мандата миротворческих сил, расширение зоны их ответственности и придание им контрольных функций по возвращению беженцев. Чрезвычайная сессия Парламента РА, созванная по этому поводу 27 марта, заявила о том, что «Грузия сознательно ставит перед Советом глав государств СНГ условия, выполнение которых приведет к резкому изменению отношения населения Абхазии к миротворческой миссии и тем самым позволит реализовать существующие у Грузии договоренности о замене Миротворческих сил СНГ другими международными силами». Несмотря на протесты абхазской стороны, 28 марта саммит глав СНГ принял резолюцию, в которой осуждалась позиция абхазской стороны, «задерживающей достижение соглашений по политическому разрешению конфликта в Абхазии, Грузия». Совет глав СНГ также решил возложить на российских миротворцев полицейские функции, которым отныне предписывалось оказывать содействие массовому возвращению в Абхазию

т. н. грузинских беженцев. 1 апреля Парламент РА заявил, что данное решение является неприемлемым для абхазской стороны. Президент Абхазии также отверг предложение о создании рабочей группы для воплощения в жизнь решений саммита СНГ в связи с несогласием с ним.

В первой половине июня 1997 г. в Москве проходили трехсторонние переговоры по вопросам урегулирования грузино-абхазских отношений. К тому времени грузинское руководство настаивало на выводе миротворцев, очередной срок мандата которых истекал 31 июля. В ходе переговоров Президент Абхазии заявил о необходимости подписания документа, «который подвел бы черту состоянию войны». Проект подобного протокола в ночь с 13 на 14 июня был подготовлен абхазской стороной и согласован с российской. Подписание документа планировалось на 18 июня. Грузинская сторона пожелала внести в текст такие изменения, которые были равнозначны объявлению органов государственной власти РА неконституционными. Абхазская сторона решительно выступила против возвращения к обсуждению Конституции РА, вследствие чего в очередной раз было сорвано подписание документа о мире.

23 июня Госдума рекомендовала Президенту РФ и Совету глав СНГ продлить Мандат миротворческих сил, а 24 июня заявила «о необходимости прекращения не отвечающей государственным интересам России блокады». 27 июня в Абхазию прибыли Президент Адыгеи А. Джаримов и Глава администрации Краснодарского края Н. Кондратенко, которые заявили о необходимости снятия экономической блокады. 9 августа в Сочи состоялась встреча Президента Абхазии и министра иностранных дел России Е. Примакова. В результате посреднических усилий Е. Примакова 14 августа в Тбилиси состоялись переговоры В. Ардзинба и Э. Шеварднадзе. Они договорились не прибегать к оружию и не допускать возобновления кровопролития. Главным итогом встречи стала договоренность о создании грузино-абхазской Координационной комиссии, первое заседание которой состоялось 21 сентября в Тбилиси.

17–19 ноября в Женеве состоялась абхазо-грузинская встреча по укреплению мер доверия. Стороны договорились о создании Координационного совета, в рамках которого должны были действовать рабочие группы по различным направлениям.

1998 год в Грузии был объявлен «годом возвращения Абхазии», что способствовало нагнетанию обстановки. 2 января Э. Шеварднадзе высказался за урегулирование грузино-абхазского конфликта путем «принуждения к миру», как это произошло в Боснии. В. Ардзинба заявил, что ответом на подобного рода заявления станет активизация усилий в борьбе за строительство независимого, суверенного Абхазского государства.

На 19 марта был назначен саммит глав государств СНГ, где должен был быть рассмотрен и вопрос урегулирования в Абхазии. В письме В. Ардзин-

ба к Б. Ельцину, отправленном накануне, говорилось, что «любые документы, принятые без согласия абхазской стороны, не могут носить обязательный характер и распространиться на Абхазию». 17 марта 1998 г. в Абхазию прибыл посол по особым поручениям МИД России Л. Миронов. В тот же день за закрытыми дверями состоялась встреча В. Ардзинба с Л. Бота. Саммит глав государств СНГ был перенесен и состоялся 20 апреля. На нем был утвержден новый командующий КСМ в Абхазии С. Коробко, а их мандат продлен на очередной срок. На саммите не рассматривался проект решения, предложенный грузинской стороной, однако после заседания МИД России обнародовал его. Он был подписан некоторыми главами государств СНГ в порядке опроса. Проект предусматривал создание на начальном этапе в Галском районе временной переходной грузинской администрации; постановку вопроса о необходимости применения Главы 7 Устава ООН, то есть «принуждение к миру». Парламент Абхазии в своем постановлении от 14 мая отреагировал на это следующим образом: «Предложить Президенту РА: поставить вопрос о прекращении операции по поддержанию мира Коллективными силами СНГ; принять необходимые меры по обеспечению охраны границы РА на р. Ингур; рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего участия РФ в урегулировании грузино-абхазского вооруженного конфликта в качестве содействующей стороны; на предстоящих переговорах в Женеве поставить вопрос о диверсионно-террористических действиях на территории Абхазии, совершаемых диверсионно-террористическими группами, засылаемыми из Грузии, и потребовать от Грузии обязательств по их прекращению. В случае продолжения властями Грузии диверсий приостановить переговорный процесс».

С 19 по 25 мая в Галском районе происходили боевые действия между абхазскими и грузинскими военными формированиями, которые получили название «шестидневной войны». Грузинские диверсионные группы пытались захватить приграничный район и вывести его из-под юрисдикции законных властей Абхазии. В военных действиях принимали участие и спецподразделения МВД Грузии, и наемники из некоторых стран СНГ – среди погибших были граждане Украины. Руководство боевыми действиями осуществлялось из Тбилиси, местным жителям также раздавалось оружие. 25 мая в Гагре был подписан Протокол о прекращении огня, разведении вооруженных формирований и гарантиях по недопущению силовых действий. Он, в частности, предусматривал: «Грузинская сторона обязуется принять эффективные меры по пресечению проникновения в Абхазию террористических и диверсионных групп, вооруженных формирований и лиц». В. Ардзинба, комментируя итоги шестидневной войны, сказал: «Эта была вторая агрессия Грузии против Абхазии, а не провокация, как ее представляют. Согласившись на вывод военных сил, грузинская сторона тем самым публично признает свое участие в военных действиях».

2 июня в Москве начались абхазо-грузинские консультации, на которых обсуждалась повестка планировавшейся встречи президентов Абхазии и Грузии. 4 июня исполнительный секретарь СНГ Б. Березовский после встречи с Э. Шеварднадзе прибыл в Абхазию для консультаций с В. Ардзинба. 17 июня в Новом Афоне состоялась встреча В. Ардзинба с послами стран группы друзей Генсека по Грузии – США, Франции, Великобритании, Германии, России. 18 июня в Сухуме проходили абхазо-грузинские переговоры, к которым 19 июня присоединились и российские представители, где также рассматривался вопрос подготовки встречи президентов Грузии и Абхазии.

Еще 20 апреля Комитетом по геополитике был вынесен на Совет Государственной Думы проект постановления «О необходимости нормализации пограничного и таможенного режима на абхазском участке Государственной границы Российской Федерации». Позже, 24 июня, данное постановление было принято. Госдума приняла постановление, в котором Правительству России было предложено отменить постановление Кабинета Министров от 19 декабря 1994 года. 25 июня МИД Грузии сделало Заявление, в котором негативно оценило это решение Госдумы. 26 июня президент Грузии издал Указ «О порядке передачи и приемки имеющихся в пользовании частей военных баз и пограничных войск РФ в Грузии и переданных и отчужденных ими объектов, земельных участков, движимого и недвижимого имущества».

30 июня рабочее совещание в Госдуме, посвященное вопросу позиции РФ в грузино-абхазском конфликте, выработало следующие рекомендации: сформировать комиссию Госдумы по содействию в миротворческом процессе урегулирования политической и экономической ситуации в Абхазии; отменить введенные в 1994 г. ограничения на пересечение абхазского участка Госграницы РФ; провести комплексную проверку работы российского таможенного поста на реке Псоу; открыть консульство РФ в Абхазии; увеличить объем гуманитарной помощи РФ населению Абхазии; принять необходимые шаги по восстановлению культурных связей между народами России и Абхазии; восстановить почтовую связь РФ с Абхазией; принять меры по ускорению открытия аэропорта в Сухуме; восстановить на абхазском участке железной дороги движение поездов. Такая позиция не могла не повлиять на российско-грузинские отношения, которые приобрели устойчивую тенденцию к ухудшению. Положение усугублялось и тем, что 31 июля 1998 г. заканчивался срок действия Мандата Коллективных сил по поддержанию мира в Абхазии. 8 июля посол США в Грузии заявил о намерениях своей страны всячески способствовать принятию решения о введении в Абхазию миротворческих сил под эгидой НАТО. 12 июля грузинской диверсионной группой был совершен очередной теракт в Галском районе в зоне ответственности КСПМ, в результате которого погибло пять миротворцев.

С 16 по 18 октября в Афинах под председательством Л. Бота проходила абхазо-грузинская встреча по мерам доверия.

12 января 1999 г. Президент В. Ардзинба заявил о начале с 1 марта процесса возвращения беженцев. Но в Грузии вопрос возвращения беженцев использовался для достижения политических целей и враждебной пропаганды. Даже объявили, что те, кто вернется в Галский район, станут предателями Грузии. Тогда же в интервью грузинским СМИ Л. Бота сказал: «Я лично могу понять тех, кто, не видя перспективы возвращения домой, взял в руки оружие». Это означало оправдание террористических актов в Галском районе. Между тем так называемые грузинские беженцы, как ранее было отмечено, покинули территорию Абхазии до соприкосновения с абхазскими вооруженными силами, следовательно, их исход не был вызван военными, а значит, насильственными действиями абхазов. Грузинская «пятая колонна» ушла вместе с оккупационными войсками, так как опасалась справедливого возмездия за содеянные преступления против граждан и законных властей Абхазии. Согласно международному праву, чтобы лицо было признано беженцем, оно должно отвечать следующим условиям: «1) должно находиться за пределами страны своего проживания; 2) должно испытывать вполне обоснованные опасения преследования; 3) эти опасения должны основываться на одном из пяти признаков: расы, религии, гражданства, принадлежности к какой-либо социальной группе, политических убеждений». В статье 1 Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. говорится: «Положения настоящей Конвенции не распространяются на всех тех лиц, в отношении которых имеются серьезные основания предполагать, что они:

а) совершили преступления против мира, военное преступление или преступление против человечности в определении, данном этим деяниям в международных актах, составленных в целях принятия мер в отношении подобных преступлений;

б) совершили тяжкое преступление не политического характера вне страны, давшей им убежище, и до того как они были допущены в эту страну в качестве беженцев;

с) виновны в совершении деяний, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций».

Таким образом, спекуляции грузинских властей и их покровителей на тему «беженцев» лишены международно-правовых оснований.

26 февраля в Послании к Парламенту В. Ардзинба отметил, что положение в Абхазии является важным фактором региональной стабильности, что открывает дополнительные возможности для поддержания ее национальных интересов. Далее Президент Абхазии подчеркнул: «В последние годы Кавказ перестал быть территорией единоличного влияния России, что является результатом экономического кризиса и политической нестабильности в самой России. В связи с этим Россия в значительно большей степени должна считаться с интересами своих западных «партнеров», от которых зависит пре-

доставление финансовых кредитов, столь необходимых для выживания российской экономики. Поэтому декларируемая МИДом официальная политика России по вопросу Абхазии мало чем отличается от позиции Запада. Тем не менее, долгосрочные интересы России на Кавказе серьезно расходятся с интересами западных государств, в том числе и в вопросе Абхазии. Эти обстоятельства и определяют неопределенный и двойственный политический курс России. Россия, выполняя требования Грузии, сохраняет экономическую блокаду Абхазии, организует принятие решений совета глав СНГ, противоречащих интересам Республики Абхазия. Такая позиция объясняется стремлением сохранить Грузию в пространстве, именуемом СНГ, ведущую роль в котором надеется сохранить Россия. В то же время позиция России не позволила Грузии добиться принятия СБ ООН резолюций, полностью удовлетворяющих ее интересы».

2 апреля 1999 г. в Москве состоялся саммит глав СНГ, на котором без учета мнения Абхазии было принято «Решение о дальнейших шагах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия». Документ предусматривал продление мандата миротворцев на очередной срок и предписывал сторонам завершить в месячный срок согласование проектов «Соглашения о мире и гарантиях по предотвращению вооруженных столкновений» и «Протокола о возвращении беженцев в Гальский район и мерах по восстановлению экономики» и подписать указанные документы. Далее Совет глав СНГ решил, что он будет и впредь оказывать полную поддержку суверенитету и территориальной целостности Грузии; обеспечивать выполнение мер, предусмотренных ранними решениями Совета глав в части, касающейся расширения зоны безопасности; считать недопустимым затягивание процесса организованного возвращения беженцев и перемещенных лиц на всю территорию Абхазии, в первую очередь, в Гальский район (в старых границах) и создание там временных переходных администраций. В документе подчеркивалось, что «в случае противодействия возвращению беженцев, возникновения угрозы миру и безопасности в регионе рассмотреть вопрос о введении соответствующих изменений характера и содержания миротворческой операции на основе адекватных, применяемых в таких случаях положений Устава ООН». Учитывая, что данная угроза со столь высокой трибуны прозвучала на фоне решения НАТО о нанесении бомбового удара по Югославии, было ясно, что она направлена на запугивание Абхазии. Парламент РА ответил на это заявлением, что данное решение, принятое без учета позиции абхазской стороны, не может быть признано и принято к исполнению. Народное Собрание Абхазии предупредило, что «в случае продолжения односторонней поддержки позиции Грузии будет поставлен вопрос о невозможности дальнейшего выполнения РФ миссии содействующей стороны на грузино-абхазских переговорах». Однако чуть позже, 21 мая, Парламент Абхазии обратился к Парламентскому Собранию Союза Беларуси и России с

просьбой о предоставлении представителям Парламента Абхазии статуса наблюдателей при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России.

6–9 июня состоялась Стамбульская встреча по укреплению мер доверия между Грузией и Абхазией, но она особых последствий не имела.

Еще 4 марта 1999 г. Парламент принял Закон о выборах Президента, а 12 марта он был подписан Президентом. 19 июля Парламент назначил выборы на 3 октября. 20 июля Генеральный секретарь ООН К. Аннан в своем докладе отметил, что предстоящие президентские выборы в Абхазии станут своего рода народным референдумом. Но уже в резолюции СБ ООН от 30 июля выборы Президента Абхазии были объявлены неприемлемыми и незаконными. Тем не менее, 25 августа ЦИК Абхазии зарегистрировал В. Ардзинба кандидатом в Президенты РА. 30 августа был издан Указ Президента «О назначении всенародного голосования (референдума)», который призван был определить отношение граждан к Конституции, декларировавшей независимость Абхазии. 1 сентября министр иностранных дел РФ заявил о том, что Россия строго придерживается принципа территориальной целостности Грузии и, как и все мировое сообщество, не признает независимость Абхазии и провозглашенную в ноябре 1994 г. Конституцию. «Проведение референдума, если он состоится, не изменит нашей позиции», – отметил министр. Но тогда же директор Федеральной пограничной службы РФ заявил о том, что «перспектива прекращения блокады Абхазии с российской стороны вполне реалистична». И действительно, 9 сентября Правительство РФ приняло Постановление «О признании утратившими силу постановлений Правительства РФ». Согласно этому документу признавалось утратившим силу Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1994 г. и другие решения. Российским таможенному комитету, министерствам путей сообщений и транспорта было предписано принять меры по надлежащему обустройству пропускных пунктов на границе с Абхазией. 20 октября был снят возрастной ценз на российско-абхазской границе на р. Псоу, что стало первым шагом по практической реализации Постановления Правительства РФ.

3 октября 1999 г. состоялись выборы президента и референдум, в которых приняло участие 87,6% избирателей. Наблюдения за ходом выборов и референдума осуществляли депутаты Госдумы России, Приднестровья, Краснодарского края, Южной Осетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Нагорного Карабаха. 97,9% избирателей одобрили Конституцию и проголосовали за В. Ардзинба как за кандидата в Президенты Абхазии. 12 октября Парламент, опираясь на решение референдума, принял Акт о Государственной независимости Республики Абхазия. В документе, в частности, подчеркивалось: «Республика Абхазия намерена строить свои отношения с другими государствами на основе равенства, мира, добрососедства, уважения территориальной целостности и суверенитета, невмешательства во внутренние дела, других

общепризнанных принципов политического, экономического и культурного сотрудничества между государствами. Исходя из этого мы обращаемся к ООН, ОБСЕ, ко всем государствам мира с призывом признать независимое государство, созданное народом Абхазии на основе права наций на свободное самоопределение».

Принятие Акта о Государственной независимости ознаменовало собой новую ступень в становлении суверенного Абхазского государства, который фактически завершил правовое оформление независимости Республики Абхазия. К этому времени в России, по справедливому замечанию политологов, наступает эпоха В. Путина, что в свою очередь ознаменовало существенную корректировку методов отстаивания российских интересов на Кавказе. Наступление этой эпохи характеризуется оформлением качественно новых отношений между Абхазией и Россией. Об этом можно судить уже по тому, что 9 сентября, т. е. до выборов и референдума в Абхазии, российское правительство приняло решение об отмене ограничений на абхазо-российской границе, а к практическому осуществлению этого решения приступило 20 октября, уже после принятия Акта о Государственной независимости Республики Абхазия. 26 октября Комитет по геополитике Госдумы РФ поддержал курс Абхазии на независимость и суверенитет и принял решение представить на голосование Государственной думе документ о признании выборов Президента и референдума в Абхазии.

В 2003 г. Абхазия с энтузиазмом отметила 10-ю годовщину Победы, что явилось демонстрацией ее решимости отстаивать свое право на свободу и признание независимого государства.

В августе 2006 г. грузинские войска захватили верхнюю часть Кодорского ущелья, что привело к осложнению ситуации как вокруг Абхазии, так и в самой республике.

За полтора года до этого, в начале 2005 г. в результате выборов Президентом Абхазии стал С. Багапш. Завершилась целая эпоха, время, когда Абхазия боролась, сражалась, выживала и побеждала под руководством В. Ардзинба (декабрь 1990 г. – февраль 2005 г.). Первый Президент Абхазии ушел с активной политической арены, но остались его идеи и устремления. Эпоха Ардзинба является переломным моментом не только в современной истории, но и в многовековой борьбе абхазского народа за свою государственность.

2. Право народов на самоопределение и Абхазское государство. Принцип самоопределения народов впервые появился в Декларации независимости США, принятой 4 июля 1776 г., в билле о правах (первых десяти поправках и дополнениях к Конституции США), принятом 17 сентября 1787 г., и во французской Декларации прав человека и гражданина, принятой в 1789 году. А уже во второй половине XX века право народов на самоопределение было закреплено в Уставе ООН, Международных пактах 1966 г., Декларации о

принципах международного права 1970 г., Заключительном акте СБСЕ 1975 г. и других международно-правовых документах, которые и стали основой для формирования нормативной базы современного международного права. Однако нормативная база современного международного права не всегда становится нормой поведения, которой руководствуются влиятельные политические акторы. В современной мировой практике дилеммой дня становится вопрос приоритета во взаимоотношениях двух основополагающих принципов международного права – право нации на самоопределение и территориальная целостность государства. Несмотря на то что, по мнению правоведов-международников, «право народа на самоопределение первично по сравнению с принципом территориальной целостности государства», эти понятия почти всегда противоречат друг другу, становясь при этом детонатором больших потрясений.

В силу различия интересов и возможностей их отстаивания и реализации больших и малых государств, а также противоречий между самими большими государствами, которые являются законодателями политической моды, основополагающие международно-правовые принципы трактуются не всегда одинаково и соответственно требованиям установления мира и безопасности, к которым, по идее, должно стремиться международное право. И в силу того, что по установившейся традиции всякое право, в том числе право, которому придан международный статус, можно отстоять и защитить только силой, а у сильного, как известно, всегда велик соблазн притеснить более слабого, правда и справедливость в современном миропорядке торжествуют крайне редко. Все это приводит к двойной морали и двойным стандартам, которые уже были заложены в фундамент основополагающих международно-правовых актов уже при формировании современных правил игры на мировом геополитическом поле.

Международное право, наделяет правом на самоопределение и провозглашение своего собственного государства государствообразующий народ, проживающий на территории, провозглашаемой государством. Несмотря на это, международное сообщество, исходя из конъюнктурных соображений, проводит по отношению к вновь возникающим государствам политику двойных стандартов – в одном случае отказывая народам в своем праве на самоопределение, а в другом – поддерживая, поощряя и даже иногда подталкивая народы и территории на осуществление этого права. Одним из таких народов, которому отказывалось в праве на самоопределение и признание, был абхазский народ. Однако Республика Абхазия провозглашена государством в силу наличия у нее всех необходимых атрибутов и требований, главным из которых является выраженная воля народа, а согласно тому же международному праву «суверенитет народа, его право на свободное самоопределение – абсолютно, первично, поскольку именно народ первичен, а государство – производно, за-

висящее от воли народа». Непризнание же провозглашенной и отстаиваемой воли народа является нарушением самого международного права, под прикрытием которого зачастую отказывают тому или иному народу в праве на самоопределение.

Внутренние условия должны соответствовать внешним задачам. Сегодня весь наш потенциал должен быть направлен на формирование понимания нашими гражданами необходимости достижения провозглашенной цели – полной реализации права абхазского народа на самоопределение. Именно самоопределение должно стать сверхзадачей, пути к достижению которой в рамках и целях осуществления национальной идеи должны постоянно модернизироваться и совершенствоваться, чтобы не отстать от требований все нарастающего своего темпы современного ритма жизни. В противном случае мы рискуем быть беспощадно выброшенными на обочину истории. Следовательно, задачей дня для нас является уверенность граждан Республики Абхазия в необходимости сохранения своего государства как единственно возможного ареала существования и развития абхазского народа. Реализация нашего право на самоопределение в первую очередь должно обладать легитимностью в глазах самих граждан государства. Создать государство возможно только при наличии убежденности в его необходимости. А граждане нашего государства, равно как и все заинтересованные страны и народы, должны быть убеждены или хотя бы знать о том, что в Абхазии сегодня может быть учреждено только Абхазское государство. Ставить же вопрос об учреждении на территории Абхазии не Абхазского государства, а какой-нибудь структуры с государственными атрибутами и символами недопустимо, ибо бессмысленно, так как это будет мыльный пузырь, который лопнет от малейшего дуновения политических и иных ветров. А учитывая географическое месторасположение Абхазии и ее роль (по большей степени роль невольная, нежели желанная) в современном геополитическом раскладе сил в регионе, говорить о том, что здесь можно учредить, более того, удержать на плаву государство без «корней», не придется. И в очень скором будущем такое государство, у которого и так ничего, за исключением названия, не было бы, перестанет существовать, а ее территория будет разделена между народами-диаспорами, проживающими здесь.

Абхазия – единственное место на земле, где абхазы могут сохраниться как народ, как этнокультурная единица, сохранить, не говоря уже о развитии, свой язык, самобытную культуру, нравы, традиции, неповторимые самоощущение и восприятие мира, самоидентификацию, потеря которых станет невосполнимой утратой и для всего человечества. А в современных реалиях это возможно только в рамках собственного государства и при условии неременной защиты абхазской самобытности именно Абхазским государством, ибо заботиться о самобытных абхазских ценностях никакое другое государство, кроме Абхазского, не сможет, да и не будет. Следовательно, наличие суверенного

Абхазского государства на территории Абхазии, исторически принадлежащей абхазскому народу, есть настоятельная и неотвратимая необходимость. Абхазское государство – эта необходимая форма или оболочка, под защитой и неустанной заботой которой должно сохраняться и развиваться ее содержание – абхазский народ.

3. Признание государственной независимости Республики Абхазия. Международное сообщество считало возможным признать и признало независимость Косово. При этом оно и слушать не желала об обсуждении такой постановки вопроса по отношению к Абхазии, у которой намного больше оснований и прав на самоопределение и независимость. В вину Абхазии ставилось «самопровозглашение», означавшее в лексиконе больших держав государство, провозгласившее себя независимым, но не признаваемое таковым в кругу избранных. Но общеизвестно, что все государства когда-то сами себя провозглашали таковыми, и объявлять «самопровозглашение» причиной для отказа народу в реализации его права на самоопределение означает отвергать историю происхождения государств и государственного строительства. Непризнание же провозглашенной и отстаиваемой воли народа является нарушением самого международного права, под прикрытием которого зачастую отказывали и отказывают тому или иному народу в праве на самоопределение. Действительно, если признается независимость Косово – сербской территории, населенной албанцами, то по какому такому «справедливому» международному праву Абхазии, населенной абхазами, отказывается в праве на самоопределение? Если признавать за Косово право на самоопределение, то должен возникнуть вопрос о применимости этого прецедента для Абхазии. При этом международное сообщество, в особенности США и их союзники, признавая право на независимость Косово, считали вполне обоснованным свою позицию, согласно которой случай с Косово был объявлен уникальным и что он не может служить прецедентом для других непризнанных государств. Россия в этом вопросе отстаивала универсальный характер права народов на самоопределение, утверждая, что признание Косово автоматически должно привести к признанию всех непризнанных государств, в частности, и Абхазии. Нужно иметь в виду и то, что все споры об уникальности или универсальности ситуации с Косово носят конъюнктурный характер, так как до Косово в мире имел место не один прецедент сецессии части государства и последующего ее признания самостоятельным субъектом международного права. Абхазия же добивалась и добилась свободы, независимо от косовского или любого другого прецедента, и добивалась признания своего права на независимость, невзирая на продиктованные геополитической конъюнктурой прецеденты, поскольку такова выраженная воля ее народа, что является основополагающим условием признания права народов на самоопределение. Следовательно, до решения вопроса о статусе Косово надо было захватить хотя

бы часть Абхазии или начать войну. А дальше уже как карта ляжет. В случае если удастся захватить Галский район или Кодорское ущелье, то это может стать контраргументом: если Косово прецедент для Абхазии, то и Косово, и Абхазия являются прецедентом для Галского района или Кодорского ущелья. Важны даже не столько прецедент и наличие подтверждающего это права, которого в данном случае нет, – важен сам контраргумент. Оккупация Грузией летом 2006 г., в нарушение Московского Соглашения 1994 г., верхней части Кодорского ущелья на фоне поступательного движения к признанию Косово, а затем и его признание ведущими странами мира и их более слабыми союзниками, свидетельствовала о вероятности развития событий по означенному сценарию. При этом надо иметь в виду и то обстоятельство, что в 2014 г. в Сочи (который находится практически на границе с Абхазией) должны состояться Олимпийские игры. Столь масштабный спортивный проект мог быть осуществлен только при стабильной военно-политической ситуации в Абхазии. А это, в свою очередь, возможно только при наличии в этом заинтересованности больших геополитических игроков. Однако это обстоятельство не снимало с повестки дня проблему Кодорского ущелья. Напротив, чем меньше времени оставалось до 2014 г., тем более актуальной становилась необходимость решения этого вопроса, без которого было бы невозможно обеспечить стабильность в Абхазии и гарантировать безопасность проведения Олимпийских игр в Сочи. Многое в этих процессах также зависело от складывавшейся ситуации вокруг Ирана, региональной энергетической, транспортной систем и нового витка глобальной войны за ресурсы. Таким образом, в рассматриваемом регионе завязался очень тугой узел противоречий, а Абхазии, оказавшейся на геополитическом изломе, оставалось ждать наступления часа «Ч» ...

Ситуация усугублялась реальной возможностью вступления Грузии в НАТО, что, в свою очередь, противоречило национальным интересам России. Размещение третьего позиционного района системы американских ПРО в Чехии и Польше угрожало ее безопасности. Каково было бы безопасности России в случае возникновения таковых уже и в Абхазии?! А это произошло бы, если Москва продолжала бы поддерживать тезис о «территориальной целостности» Грузии. Военно-политические шаги России по отношению к Сухуму, предпринятые Москвой в первой половине 2008 г., вероятнее всего, были продиктованы осознанием складывавшейся ситуации и могли являться своеобразным ответом на вызовы национальным интересам России. Это и односторонний выход из режима санкций СНГ в 1996 г., и поручение Президента России правительству о подготовке мероприятий, направленных на улучшение жизни граждан Абхазии, и ввод железнодорожных войск для восстановления абхазской железной дороги... (Кстати, в названном поручении В. Путина впервые отсутствовало упоминание о «территориальной целостности» Грузии, тезис о неизменной поддержке и о необходимости соблюдения

которой содержался ранее во всех заявлениях главы исполнительной власти России). Все это совпало с мероприятиями по доукомплектованию миротворческих воинских формирований СНГ на территории Абхазии. Причем эти шаги вызвали протесты не только в Тбилиси, но и в других столицах мировых политических игроков, прежде всего, в Вашингтоне, что не могло не привести к некоторому нагнетанию взаимоотношений ведущих игроков на Кавказе. А осложнение отношений на Кавказе автоматически ведет к обострению ситуации и в других «горячих» точках, что при современных реалиях гиперглобализации чревато зарождением нового «великого» противостояния, но уже в условиях многополярного мира. Но при этом нельзя было сбрасывать со счетов способность больших игроков на геополитической арене договариваться между собой и манипулировать ситуацией. Предметом торга мог стать вопрос непризнания Абхазии Россией в ответ на непринятие Грузии в НАТО. И, действительно, создавалось впечатление, что нерешенность вопроса Абхазии на рассматриваемом этапе соответствовала интересам противостоящих геополитических сил, поскольку ни одна из них не была способна или не желала выражать свою позицию более определенно, поскольку этим рисковала вызвать гнев противной стороны.

Однако ситуация в корне изменилась в ночь с 7 на 8 августа 2008 г. Тогда была начата очередная военная агрессия Грузии против Южной Осетии, подготовленная с помощью американских советников и начавшаяся с благословения США. Россия предприняла решительные военно-политические шаги по обузданию агрессора и защите государственности Южной Осетии и обеспечению безопасности ее граждан, подавляющее большинство из которых является также и гражданами Российской Федерации. Вместе с тем, Москва не препятствовала открытию второго фронта против Грузии, в результате которого был восстановлен контроль абхазских властей над верхней частью Кодорского ущелья. Военная операция по освобождению верхней части Кодорского ущелья была завершена поздно вечером 12 августа 2008 г. Обозначенные военно-политические шаги Россией были предприняты без оглядки на возможную негативную реакцию со стороны США и других стран Запада. Более того, Москва однозначно объявила рассматриваемый регион зоной своей ответственности. Безусловно, означенные события в Южной Осетии и Абхазии являются неким водоразделом, который выпукло обозначил национальные интересы России на Кавказе и пути их отстаивания.

Последние события должны были привести к осознанию новой роли России в регионе и в мире. Но не все пока были готовы к этому. Здесь многое будет зависеть от решимости и готовности западных стран, прежде всего США, объявить России новую «холодную войну». Ступенью к этому и ответом на последние решительные военно-политические шаги России стал договор с Польшей о размещении частей третьего позиционного района американ-

ских ПРО. И уже открытым вызовом можно будет считать принятие Грузии в НАТО, что по существу станет объявлением войны России, так как Грузия находится в состоянии войны с Абхазией и Южной Осетией, безопасность которых гарантируется Россией. Однако, судя по всему, НАТО в целом не готово к «третьей мировой войне». Правда, США могли бы продвинуться в этом вопросе дальше своих союзников, так как они были бы не прочь осложнить ситуацию по ту сторону океана, но в Европе не очень желают этого, поскольку Россия является неотъемлемой частью континента. Москва играет ключевую роль в весьма значительных европейских проектах. Тут просматривается и желание Европы занять позицию, отличную от своего заокеанского союзника. «Центристская» Европа в лице Германии и Франции, у которой отношения с Россией были хорошими, оказалась в двояком положении. Дружба с Москвой ей необходима для обеспечения своей энергетической безопасности, и без союзнических отношений с Россией вряд ли можно говорить о Европе как о самостоятельном акторе мировой геополитики, не подчиняющемся американскому диктату. Однако, как уже бывало не раз в истории, Франция и Германия не желают чрезмерного, по их мнению, усиления позиций России на Кавказе и за его пределами. В силу этих обстоятельств названные государства занимали довольно нечеткую и противоречивую позицию. Зато американцев безапелляционно поддержала их надежная союзница – Великобритания. А Президент Турции заявил, что «США уже не могут определять глобальную политику», и не пропустил через проливы Босфор и Дарданеллы два американских плавучих госпиталя, которые направлялись к берегам Грузии. Чуть позже группировка кораблей НАТО все же появилась в Черном море, что привело к довольно серьезному противостоянию ВМС Североатлантического альянса и Черноморского флота России.

Война в Абхазии, несмотря на восстановление контроля абхазских властей над всей территорией республики, не закончена. Она продолжается как де-факто, так и де-юре. Скорее всего, следует ожидать усиление террористической войны против Абхазии. Непрочные и систематически нарушавшиеся промежуточные соглашения, переговорный процесс, проходивший с вынужденными перерывами, и даже внушительные десанты в Сухум европейских послов (впрочем, западные политики, как правило, приезжали в Абхазию, с востока, из Тбилиси), были не в состоянии привести к более или менее значимым результатам. (Впрочем, о переговорах в старом формате уже можно говорить в прошедшем времени.) Войне между Абхазией и Грузией может положить конец только мирный договор, в котором были бы безоговорочно признаны итоги войны 1992-1993 гг. и военной операции по освобождению верхней части Кодорского ущелья в августе 2008 г.

Последние события способствовали тому, что международное сообщество вынуждено было приступить к дискуссиям по поводу политического статуса

Абхазии и Южной Осетии. Ведущая роль в этом процессе принадлежит определяющей военно-политической силе на Кавказе – России, президент которой заявил, что о судьбе статуса Абхазии и Южной Осетии надо спрашивать у абхазов и осетин. Президент США ответил, что в вопросе Абхазии и Южной Осетии нет места для дискуссий – они должны оставаться частью Грузии. При этом нужно иметь в виду, что своей позицией Запад, прежде всего США, по отношению к вопросу Косово, а затем поддержкой Грузии в ее агрессии против Южной Осетии, сам заставил Россию поставить вопрос о международном признании статуса Абхазии и Южной Осетии, обеспечивающе их безопасность.

Исходя из контекста сложившейся ситуации, особое значение приобрело заявление Президента России Д. Медведева о том, что Москва поддержит и будет гарантировать любой государственный статус Абхазии и Южной Осетии, который будет соответствовать воле народов этих республик. А свою волю к свободе Абхазия отстояла в Отечественной войне против Грузии, она закреплена в Конституции 26 ноября 1994 г. и подтверждена на референдуме 3 октября 1999 г. И, судя по всему, становилось ясным, что наступало то время, когда «смертельный удар по территориальной целостности Грузии» (В. Путин) получит уже и международно-правовое оформление, и Абхазия станет полноправным субъектом международного сообщества стран и народов...

25 августа 2008 г. Совет Федерации и Государственная Дума России обратились к Президенту Российской Федерации с просьбой признать государственную независимость Абхазии и Южной Осетии. На второй день, 26 августа, Президент Д. Медведев, «руководствуясь положениями Устава ООН, декларацией 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкским Заключительным актом СБСЕ 1975 г., другими основополагающими международными документами», подписал Указы о признании Российской Федерации независимости Южной Осетии и независимости Абхазии. Указ «О признании Республики Абхазия» предусматривает:

1. Учитывая волеизъявление абхазского народа, признать Республику Абхазия в качестве суверенного и независимого государства.

2. Министерству иностранных дел Российской Федерации провести с Абхазской Стороной переговоры об установлении дипломатических отношений и достигнутую договоренность оформить соответствующими документами.

3. Поручить Министерству иностранных дел Российской Федерации провести с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти переговоры с Абхазской Стороной о подготовке проекта договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и представить в установленном порядке предложение о его подписании.

4. В связи с обращением Президента Республики Абхазия Министерству обороны Российской Федерации обеспечить до заключения договора, упомянутого в пункте 3 настоящего Указа, осуществление Вооруженными Силами Российской Федерации на территории Республики Абхазия функций по поддержанию мира».

26 августа – День Признания Республики Абхазия! Этот день, вместе с днем Независимости, днем Конституции, днем Флага и другими значительными праздниками, является вехой, свидетельствующей об истории становления и развития, нашей современной государственности. Первый Президент, основатель современной абхазской государственности В. Ардзинба, чья политическая дальновидность и негибкая воля приблизили наступление этого дня, назвал признание независимости Абхазии «эпохальным событием». Признание наполняет новым содержанием давно нами признанную, но до сих пор не признававшуюся миром, нашу Независимость. Одновременно признание является воплощением мечты и воздаянием за стойкость и мужество не одному поколению абхазского народа, отстаивавшего права на свою свободу.

С признанием Российской Федерацией – постоянным членом Совета Безопасности ООН – Республика Абхазия стала полноценным субъектом международно-правовых отношений.

9 сентября 2008 г. в Москве было объявлено об установлении дипломатических отношений между Россией и Абхазией, а 14 сентября в Сухум с официальным визитом прилетел министр иностранных дел РФ С. Лавров, в ходе которого был решен вопрос учреждения посольств: России – в Сухуме и Абхазии в Москве. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия был подписан 17 сентября 2008 г. – в Москве. В ответ на такое развитие событий 23 ноября 2008 г. парламент Грузии принял закон «Об оккупированных территориях», согласно которому объявил Абхазию оккупированной Россией грузинской территорией.

Визит председателя Правительства России В. Путина в Абхазию, который состоялся в августе 2009 г., не мог не стать значимым событием в регионе. Этот визит носил символический характер – он состоялся 12 августа – в годовщину освобождения Кодорского ущелья от грузинских войск; за два дня до дня памяти защитников Отечества, к памятнику которым Путин возложил цветы. Также его визит состоялся накануне первой годовщины признания государственной независимости Республики Абхазия. Эти совпадения, как можно предположить, не было случайными, что понимали и в Грузии, и в союзных ей странах. 13 августа вице-спикер парламента Грузии назвал визит премьер-министра России в Абхазию очередным шагом агрессии. 13 августа пресс-секретарь Пентагона заявил о том, США возобновят подготовку грузинской армии. 14 августа Европейский союз заявил: «ЕС считает, что этот визит не сопоставим с принципами территориальной целостности

Грузии и противоречит усилиям международных организаций по стабилизации обстановки в регионе».

Еще одним «возмутителем спокойствия» стал Президент России, посетивший Абхазию с визитом 8 августа 2010 г. Д. Медведев в Сухуме довольно красноречиво заявил о том, что соседи «должны считаться с независимостью Абхазии, с нашими с ней договорами, а то наши бывшие партнеры иногда забывают, как себя вести». 11 августа на фоне этого заявления было объявлено о размещении российских ракет С-300 в Абхазии. Госдепартамент США отреагировал на это сдержанно, заявив, что «Россия имеет ракеты С-300 в Абхазии на протяжении двух последних лет» и что объявление об их размещении «не обязательно является новым развитием событий».

Вслед за Россией в течение трех лет Республика Абхазия была признана еще пятью странами: 6 сентября 2008 г. – Никарагуа, 10 сентября 2008 г. – Венесуэла, 15 декабря 2009 г. – Республика Науру, 23 мая 2011 г. – Республика Вануату; 18 сентября 2011 г. – Тувалу. Однако Абхазию относят к частично признанным государствам, большинство участников международного сообщества, отказываясь признавать итоги войны в Абхазии, волей или неволей становятся пособниками реваншистских настроений в Грузии и военно-политической напряженности в Черноморско-Каспийском регионе.

24 ноября 2014 г. Президенты России и Абхазии В. Путин и Р. Хаджимба в г. Сочи подписали договор о союзничестве и стратегическом партнерстве.

25 мая – 6 июня 2016 г. в Абхазии был проведен чемпионат мира по футболу по версии КОНИФА, по итогам которого сборная Абхазия стала чемпионом мира. Уровень проведения столь представительного спортивного форума и выступление абхазской команды на нем стали еще одним шагом к признанию Республики Абхазия международным сообществом.

Серьезным геополитическим прорывом Республики Абхазия явилось признание ее государственной независимости Сирийской Арабской Республикой 29 мая 2018 г. В этот день обе страны заявили о взаимном признании и об установлении дипломатических отношений.

В современных политических реалиях Абхазия становится серьезным фактором стабильности в регионе, нарушение мира в котором может стать детонатором больших потрясений далеко за ее пределами.

Литература

12. Газ. «Республика Абхазия». 1993 – 2008 гг. (подшивка).
13. Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. (Сост. М. А. Волхонский, В. А. Захаров, Н. Ю. Силаев). М., 2008.
14. Ачугба Т. А. Этнополитические процессы в Абхазии в контексте грузино-абхазского конфликта. Сухум, 2007.

15. Грузины и абхазы: путь к примирению. М., 1998.
16. Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М., 2002.
17. Иванов Д. В. Беженцы в современном международном праве. М., 2006.
18. Лакоба С. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Sapporo, 2001.
19. Независимая Абхазия: проблемы и решения. Под ред. Т. М. Шамба. М., 2007.
20. Шамба Т., Непрошин А. Абхазия: правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лекция № 1</i> (вводная). Е. Р. Нишанян, А. Х. Цужба	3
<i>Лекция № 2.</i> Ю. Г. Аргун . Первобытнообщинный строй.	15
<i>Лекция № 3.</i> О. Х. Бгажба . Происхождение абхазского народа и ранние этапы этнической истории абхазов	28
<i>Лекция № 4.</i> Г. К. Шамба . Абхазия и греческая колонизация	46
<i>Лекция № 5.</i> О. Х. Бгажба, Ю. Н. Воронов . Древнеабхазские племена в римско-византийскую эпоху (Абхазия в I–V вв.)	67
<i>Лекция № 6.</i> О. Х. Бгажба . Абхазия в VI–VIII вв.	79
<i>Лекция № 7.</i> М. Б. Квициния . Распространение, утверждение и развитие христианства в Абхазии (I–X вв.)	104
<i>Лекция № 8.</i> Н. В. Касландзия . Абхазское царство в конце VIII – первой половине XIII в.	124
<i>Лекция № 9.</i> Р. Н. Кацня . Абхазия в XIII–XV вв.	153
<i>Лекция № 10.</i> О. В. Маан . Абхазия в XVI–XVIII вв.	166
<i>Лекция № 11.</i> Л. Г. Смыр . Присоединение Абхазского княжества к России.	178
<i>Лекция № 12.</i> С. Ш. Салакая . Абхазия в годы Кавказской войны	193
<i>Лекция № 13.</i> С. Ш. Салакая . Лыхненское восстание 1866 года	210
<i>Лекция № 14.</i> С. Ш. Салакая . Махаджирство в Абхазии	222
<i>Лекция № 15.</i> Л. Г. Смыр . Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в.	233
<i>Лекция № 16.</i> Т. А. Ачугба . Этническая «революция» в Абхазии (конец XIX – начало XX в.)	252
<i>Лекция № 17.</i> С. З. Лакоба . Абхазия в 1870–1907 гг.	276
<i>Лекция № 18.</i> А. М. Хашба . Абхазия в межреволюционный период 1907–1917 гг.	291
<i>Лекция № 19.</i> В. Т. Пилия . Культура Абхазии XIX – начала XX в.	302
<i>Лекция № 20.</i> С. З. Лакоба . Абхазия в 1917–1921 гг.	333
<i>Лекция № 21.</i> С. З. Лакоба . Абхазия в 1921–1931 гг.	350
<i>Лекция № 22.</i> А. М. Хашба . Абхазия в эпоху тоталитарной системы Сталина	358
<i>Лекция № 23.</i> А. М. Хашба, А. Ф. Авидзба . Абхазия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	368
<i>Лекция № 24.</i> А. Ф. Авидзба . Абхазия в 1945–1953 гг.	374
<i>Лекция № 25.</i> С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба . Социально-экономическое развитие Абхазии в 1950–1980 гг. Национально-освободительное движение абхазского народа	393

<i>Лекция № 26. А. Ф. Авидзба. Отечественная война в Абхазии</i> 1992–1993 гг.	417
<i>Лекция № 27. А. Ф. Авидзба. Республика Абхазия на современном</i> этапе исторического развития (1993–2018 гг.)	446

Арцагатә тыжымта

Ацсны атоурых

Алексиакәа ркурс

Учебное издание

История Абхазии

Курс лекций

Редакторы: *Алексеева Т. Ю., Пейливанова В. И.*
Компьютерная верстка *Беренджи А. Ш.*